

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛИГА

ВЫЗОВЫ ЭПОХИ В АСПЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
15-16 АПРЕЛЯ 2011 ГОДА**

Под редакцией
С.В.Петрушина

Казань
Издательство «Отечество»
2011

УДК 159.9+615.8

ББК 88+53.57

B92

B92 Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 15-16 апреля 2011 г./Под ред. С.В. Петрушина. — Казань: Издательство «Отечество», 2011. — 520 с.

ISBN 978-5-9222-0380-7

Организационно-программный комитет

Акопов Г.В., *д.псих.н, проф.*, Алишев Б.С., *д.псих.н, проф.*, Бурно М.Е., *д.м.н, проф.*, Вачков *д.псих.н., проф.*, Жуков Ю.М., *д.псих.н, проф.*, Журавлев А.Л., *д.псих.н, проф.*, Ключева Н.В., *д.псих.н, проф.*, Леонов Н.И., *д.псих.н, проф.*, Морозов А.В., *д.псих.н, проф.*, Петрушин С.В. *к. псих. н., доц.*, Попов Л.М., *д.псих.н., проф.*, Прохоров А.О., *д.псих.н, проф.*, Слободчиков В.И. *д.псих.н, проф.*, Фукин А.И., *д.псих.н, проф.*, Шевченко Ю.С., *д.псих.н, проф.*, Боскен М., *проф.(Германия)*, Вебер Ф., *проф.(Германия)*, Катков А.Л., *д.м.н., проф. (Казахстан)*, Михайлов Я., *проф., (Латвия)*, Погодин И.А., *к. псих. н., доц., (Белоруссия)*, Оман Д., *проф., (Канада)*, Левис К., *проф., (Великобритания)*.

Материалы V Международной научно-практической конференции «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики» отражают теоретические и научно-практические исследования в области психологии и психотерапии, связанные с актуальными проблемами современности. Материалы воспроизведены с авторских оригиналов, представленных в оргкомитет.

УДК 159.9+615.8

ББК 88+53.57

ISBN 978-5-9222-0380-7

© Российское психологическое общество, 2011

© Институт психологии РАН, 2011

© Казанский (Приволжский)
федеральный университет, 2011

© Профессиональная психотерапевтическая
Лига, 2011

© Оформление. Издательство «Отечество», 2011

ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ — НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Абдрахманова З.Р.

зав.кафедрой ИиП МарГТУ, к.ф.н., доцент, практический психолог

В последние годы развитие высшей школы во многом определяется уровнем и качеством приема студентов для обучения в вузе. Успешность приема, с одной стороны зависит от профессионального самоопределения школьников, т.е. с **активностью самого молодого человека** в выборе профессии по склонностям, а с другой стороны, — от **профориентационной** деятельности учебного заведения. Выбирая профессию, молодой человек принимает решение относительно направленности специального профессионального образования и вступления во взрослую жизнь в качестве работника и профессионала. Успешность профессионального самоопределения школьника и последующего обучения в вузе во многом обусловлена разумным выбором профессии, **именно по внутренним** причинам, т.е. в соответствии **со своими** интересами склонностями и способностями, по своему призванию. Выбор профессии **не совпадает** с процессом самоопределения в тех случаях, если молодой человек «выбирает» профессию **случайно**, например, по факту близости вуза к месту жительства, общественной моде на данную профессию, по знакомству и проч. Такой выбор снижает мотивацию к учению и уровень успеваемости в процессе обучения после поступления в вуз.

По данным, полученным в исследованиях, проведенных **профсоюзами**, большинство школьников ориентируются в настоящее время на профессии, которые общепринято считать высокооплачиваемыми — юрист, экономист, менеджер и т.д., совершенно не учитывая сложившиеся особенности спроса на эти специальности. Например, в РМЭ сложилась **структурная безработица**. Многие выпускники, считающихся престижными юридических и экономических факультетов вузов состоят на учете как безработные или работают за низкую заработную плату, в то время как большинство предприятий республики испытывает серьезную нехватку высококвалифицированной рабочей силы и специалистов технических специальностей. Такая тенденция

характерна и для других регионов. (СПб – сварщики). По данным тех же исследований профсоюзов, школа оказывает помощь в выборе профессии всего лишь 2 % ее выпускников. В связи с фактическим отсутствием системы профориентации в средней школе можно прогнозировать в будущем серьезный дефицит кадров по разным специальностям при сохранении высокого уровня безработицы. И, с другой стороны, требует развития профориентации в самом вузе.

Существенную помощь в профессиональном самоопределении довузовской молодежи играет психологическая служба **Центра довузовской** подготовки МарГТУ. Применение современных психодиагностических методик (в частности методики «Ориентир» - СПб) позволяет определить интересы и способности школьников к различным видам деятельности и соотнести их с востребованностью профессий на рынке труда, как бы соединить три взаимосвязанных фактора выбора профессии: «что я могу», «что я хочу» и «что надо на рынке труда». Центр знакомим школьников с **новыми профессиями** технического и гуманитарного профиля и теми специальностями и направлениями подготовки, которые существуют в МарГТУ.

Разумный выбор профессии по способностям и интересам важен для самого молодого человека. Ведь сам по себе **диплом** специалиста или бакалавра еще не служит залогом его успешной карьеры. Карьера, как и сама учеба, бывает успешной только в том случае, если она соответствует призванию — способностям и интересам человека. Необходимо объяснять молодым людям, (и их родителям), что было бы полезно задуматься, какая деятельность им по душе, что вызывает интерес, что они ценят. Мы говорим им: «Подумайте о том, как Вам нравится работать в одиночку или в группе, строго в регламентированных рамках или вам по душе самостоятельно планировать и организовывать свою работу, какая зарплата и какой общественный статус будут приемлемым для Вас, что Вам легко удастся, за что Вас хвалили или ругали». Одни люди стремятся работать в крупных организациях, другие в небольших компаниях, и т.д. Технологический прогресс ведет не только к отмиранию некоторых профессий, он в корне изменяет характер труда. По мере механизации труда промышленное производство становится все более специализированным. Почти во всех сферах деятельности от работников требуется постоянное совершенствование

профессиональных навыков. По оценкам специалистов, в ближайшие несколько лет на более чем 75 % всех существующих в настоящее время рабочих мест от человека **потребуется** умение в той или иной степени взаимодействовать с **компьютером** (компьютерная грамотность). С дальнейшим развитием технологий перед людьми наверняка встанут и другие проблемы, например уже сейчас многие профессии уже требуют знания **иностранных языков** и т.д.

Далее, если абитуриент уверен, что специальность, на которой он остановил свой выбор, просуществует хотя бы несколько лет, то следует узнать **о требованиях**, которые предъявляются к работнику этой сферы деятельности, и об условиях его труда. Нужно выяснить, какие умения и практические навыки необходимы для данной работы. Некоторые специальности требуют хорошего зрения, острого слуха или физической силы, для работы в других необходима специальная подготовка, для некоторых и то и другое. Так, авиадиспетчеры и менеджеры обычно проходят длительную стажировку. Убедившись в том, что умения и подготовка соответствуют предъявляемым требованиям, вы можете начать выяснять, **каковы условия труда** специалистов выбранной Вами сферы деятельности. Очень важно узнать, придется ли работать в помещении или вонне, в отдельном кабинете или в общей комнате. Некоторые профессии требуют письменной работы, другие — работы по вечерам, а третьи потребуют от способности работать ежедневно по двадцать четыре часа в сутки. Все это необходимо учитывать при выборе профессии.

По результатам профдиагностического обследования 400 учащихся 9–11 классов школ РМЭ в 2009-2010 гг. на выбор профессии влияют следующие факторы: во-первых, способности и призвание (65,3 %), на втором месте — советы взрослых: родителей, учителей (48 %), высокая зарплата (44 %), возможность трудоустройства (26 %).

При этом следует заметить, что в 2007 году на первом месте были советы взрослых, т.е. внешние, а не внутренние факторы выбора. Учащиеся стали более вдумчиво выбирать будущую профессию, лучше ориентироваться в мире профессий. Внутренние мотивы преобладают и сельских школах (63,9 %), самые высокие показатели отмечены в Сернурской школе №2 — 71,4 % учащихся стремятся к выбору профессии по способностям и призванию.

Учащихся привлекают такие виды деятельности как, прежде всего, управление (55,5 %), обслуживание (25 %), контроль (21 %), производство в меньшей степени — (13 %). Были выявлены следующие предпочтения учащихся по типу профессий: в системе «человек-человек», т.е. работа с людьми (управление, образование, социальное обслуживание) — 33 %; на втором месте система «человек-техника», профессии связанные с техническими устройствами, строительством составляют 18 %; «человек-знаковая система», связанные с обработкой информации, экономисты, программисты — составляют 16 %; «человек-природа», направленные на растительные формы и живые организмы — 11 %; «человек-художественный образ», профессии, направленные на творческие профессии, дизайн — 16 %.

При этом наблюдаются отличия в показателях учащихся городских и сельских школ. Так, в городских школах, как и в сельских на первом месте система «человек-человек», т.е. социальные и управленческие специальности, а вот на втором месте в городских школах профессии типа «художественный образ», а в сельских — типа «человек-техника», т.е. технические специальности, и только на третьем месте в сельских школах профессии типа «человек-природа», а в городских «знаковая система» информатика и программирование. Нужно проводить соответствующую профориентационную работу в школах, чтобы в городе молодежь больше была ориентирована на производство, а в сельской местности — на природу, а не только на управление.

В целом, практика профдиагностики, проводимые исследования дают представления о профессиональных предпочтениях учащихся, о мотивах выбора профессии и учебного заведения, что может быть учтено при планировании учебно-воспитательного процесса в школах и университете и способствовать успешности обучения и профессиональной деятельности выпускников.

«ГРАЖДАНСКИЙ» БРАК В РОССИИ

Аблизина Н.В.

Семейный центр (г. Набережные Челны)

Современная семья и ее проблемы служат объектом исследования ряда наук — психологии, педагогики, социологии, демографии, эконо-

мики. Специалисты изучают динамику эмоциональных отношений в браке, причины одиночества в семье и ее распада, особенности семейного воспитания, семейные ценности, «гражданский брак» (12, С. 147).

Актуальность исследования пар, которые живут в так называемом «гражданском браке» в нашей стране представляется важной, так как семья пережила целый ряд кризисов, связанных с изменениями в политической, экономической и других сферах жизни. Экономические и политические преобразования в общественной жизни россиян происходят сейчас на фоне серьезных, а порой и болезненных сдвигов в системе ценностей людей разных возрастных групп (4, С.279). Исследования российских психологов выявляют прямую зависимость брачно-семейного положения от социально-экономических факторов (24, С.336). Актуальна данная тема еще и потому, что поток, обрушившейся на россиян информации стремительно меняет систему ценностей семейной жизни, ее уклад, и исследования по данной теме могут внести вклад в понимание природы неудовлетворенности браком и отношениями в нем.

Целью данной работы являлось рассмотрение исследований западными учеными положительных и отрицательных сторон «гражданского» брака, изучение удовлетворенности супругами своей семейной жизнью в нашей стране.

Основные задачи ставились следующие: 1) провести анализ научно-методической литературы, 2) рассмотреть зарубежные исследования по вопросам «гражданского» брака, 3) исследовать положительные и отрицательные стороны «гражданского» брака в России. Объектом исследования явились клиенты практических психологов.

В последнее время стало модным жить в «гражданском» браке. Кажется, что это хорошая идея «попробовать, подходим ли мы друг другу». На Западе молодые люди давно увлеклись этой идеей, сейчас она заразила и нас. Как и в России сейчас, на Западе это рассматривалось, как положительное начало для последующей семейной жизни. Сейчас, спустя 20-30 лет в США собрано достаточно информации о пользе и вреде сожительства. Большинство молодых пар впоследствии так и не регистрируют свои отношения. Через время люди расстаются. Мечта о свадебном платье, родственниках на свадьбе и долговременных отношениях так и остается мечтой. Исследования показывают, что,

даже попробовав жить вместе, подстраховавшись от ошибок, молодые люди, зарегистрировав брак, разводятся с еще большим коэффициентом, чем пары без истории сожительства.

Почему же пары так и не расписываются? Что движет ими для совместного жительство в начале? Вот что отвечает большинство пар, живущих в гражданском браке [1]:

1. Так было дешевле. Мы оба были студентами и решили, что это сэкономит наш бюджет. (34 % опрошенных).
2. От ее квартиры ближе до работы, чем мне из дома добираться до работы, потом домой, потом к ней и обратно домой. Казалось, что дорога съедала кучу времени и денег. (27 % опрошенных).
3. Я что-то не помню, как это вообще произошло. Мы не принимали такого конкретного решения жить вместе. Просто он остался раз, потом еще раз, а потом все чаще. Так и получилось. (22 % опрошенных).

Получается, что три основные причины, по которым молодые люди съезжаются, не являются хорошо продуманными стратегиями, как стать счастливым в будущей семейной жизни, это скорее стечение обстоятельств и плавание по течению жизни. Если мы хотим добиться чего-либо в жизни, мы должны принять ряд определенных решений, поставить цели и двигаться к ним. Только так можно добиться успеха. Если думать о тех вещах, в которых имеешь успех — это требовало немало усилий и планирования. С семейной жизнью невозможно иначе. Бездумное отношение к своей жизни приводит к случайному поведению, принятию случайных решений (под воздействием эмоций, обстоятельств, давления со стороны чужого мнения и.т.п.). Для счастливой семейной жизни необходимо здраво принятое решение, и сожительство им не является.

Что же говорят исследования о «гражданском» браке? Чем он не нравится психологам и социологам? Что «такого» нашли в США, что заставляет государство на сегодняшний день кричать, что нежелательно жить в «гражданском» браке?

Брак фундаментально создан для долговременных вкладов со стороны обоих партнеров в их отношения. Именно долговременность этих отношений делает ежедневные вклады и жертвы супругов более

значимыми. Они понимают, что жертвуют чем-то малым временным ради чего-то большего и вечного. Это скрепляет отношения и придает супругам чувство командности.

Что происходит при сожителстве? В отличие от брака здесь молодые супруги не имеют ясной картины своего будущего. Каждый из них живет с другим, чтобы попробовать. Обе стороны (иногда один из партнеров) имеют на всякий случай заднюю или запасную дверь, через которую они готовы выскочить, если что-то пойдет не так. В «гражданском» браке существует сильное давление для обоих партнеров жить в настоящем времени, сегодняшним днем, с постоянным подсчетом очков о поведении партнера, чтобы прийти к логическому выводу: стоит ли оставаться в этих отношениях [1]. Исследования показывают, что пары более склонны иметь успех и счастье в семейной жизни, если их горизонт — долгие годы вместе, и есть ясная картина будущего вместе [1]. Получается, что в «гражданском» браке оба вкладывают, скажем, по 70 % усилий, вместо 100 % в долговременных отношениях. Результаты, естественно, разные.

Более того, у молодых людей формируются отрицательный опыт совместного проживания, опыт расставания. Они вступают в брак, привыкнув не вкладывать много в отношения. Им легче расстаться, не прикладывая усилий для построения отношений. И затем, вступив, казалось бы, в долговременные отношения, они легче покидают своих партнеров, имея опыт расставания. То есть «гражданский» брак влияет отрицательно и на следующие отношения. Далее, доказано, что на восстановление личности после расставания или развода уходит от 3 до 5 лет [2]. То есть человек в это время вынужден держать контроль над своими эмоциями, у него меньше сил на построение новых отношений. И следующие отношения закладываются более слабыми, менее успешными, что приводит к проблемам в следующих отношениях.

На фоне снижения роли семьи как одного из главных социальных институтов общества, возрастающих проблем в молодых семьях, возрастает значимость изучения положительных и отрицательных сторон «гражданского» брака, научного подхода к этой проблеме.

Таким образом, я попыталась обозначить проблему «гражданского» брака, чтобы заинтересовать психологов к изучению этой проблемы.

Новизна исследования состоит в том, что на данном этапе развития нашего общества «гражданский» брак считается хорошим началом отношений, хотя многочисленные западные исследования доказывают обратное.

Кризис семьи приводит к разрушению самой ценности семейного образа жизни, к исчезновению понятия семейственность. Это может привести к развитию ценностного кризиса семьи, когда все большее число людей не будут спешить вступать в брак и обзаводиться детьми.

КРИЗИСНОЕ ОБЩЕСТВО: ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Аверьянова Е.В.

*Институт психологии, социологии и социальных отношений московского городского педагогического университета
(ИПССО ГОУ ВПО МГПУ) г. Москва*

Существенное влияние на социокультурную ситуацию в нашей стране оказали изменения, которые произошли за последние десятилетия. Тотальный кризис породил ситуацию глубокой мировоззренческой дезориентации. Трансформация социально-экономических условий привела к тому, что люди меняют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде, активнее происходит переоценка системы ценностей. Римский клуб называет около тридцати проблем человечества и одна из них — это упадок моральный ценностей [10, с 29-30].

Ряд авторов социологических исследований указывает на то, что в современную эпоху нестабильности происходит значительная модификация образа мира в целом, кризис социальной идентичности, как взрослого, так и более молодого поколения. Большое внимание уделяется пропаганде творческой, но эгоистичной личности, самоутверждению, вседозволенности и удовлетворению своих желаний. Г.М. Андреева (2000) пишет: «...в достаточно стабильной ситуации иерархия ценностей определена более или менее однозначно и, следовательно, мир познается через заданные ею сечения. Однако, если ломка ценностей радикальна, то это, прежде всего, обозначает как новый набор

востребованных обществом ценностей, так и их иерархию. В ситуации сегодняшней России осуществлена именно такая радикальная ломка ценностной иерархии» [2, с.264]. Даже такая заповедь, как «Не убий», для современного человека становится все менее важной [5].

На более конкретном уровне это проявилось как принижение таких ценностей, как ценности жизни, человеческого существования, добра и т.п. не готовность к их принятию обернулась тем, что в условиях радикальных преобразований «старые» ценности во многом оказались разрушенными, а «новые» неприняты [2].

Среди всех трансформаций, переживаемых современным российским обществом, одна из самых стремительных и опасных и при этом внешне благообразных — превращение в общество потребления. Общество потребления претендует на репутацию полезного и содержательного, не являясь ни тем, ни другим. Оно характеризуется:

- Утверждением в качестве базовых ценностей эгоистического прагматизма, утилитаризма, гедонизма. Человек превращается в «машину желаний», все его свободы замещаются одной — свободой потребления;
- Введением моды как механизма манипулирования сознанием во все сферы общественной и частной жизни;
- Ориентацией на непрерывное производство новинок, стимулированием людей к их потреблению и, как следствие, иронией и презрением ко всему старому и традиционному;
- Деградацией смыслов труда и трудовой этики (лозунги общества потребления: «Работать, чтобы потреблять!», «Работать, чтобы отдыхать!»);
- Атомизацией человеческого бытия, распадом традиционных форм социальности, социальной пассивностью индивидов;
- Дефицитом неденежных мотиваций в поведении и поступках людей.

Совершается глобальная консьюмеризация (от англ. consumer – потребитель, или глагола to consume – потреблять) молодежи — превращение молодых людей в адептов потребительской цивилизации и носителей прагматично-гедонистических мировоззренческих установок [4, с.22]. Современное общество ориентировано не только на потребление, но и на стремление к получению удовольствия, гедонизм,

когда все ценности и ориентации человеческой деятельности подчинены наслаждению как подлинному высшему благу. Например, «еда начала выполнять не свойственные ей функции: не питание плоти, а мамы родной, лучшего друга, любовника, утешителя, привычного наркотика...» [7, с.10-11]

Бездуховность современного общественного сознания активно замещается пропагандой примитивного потребительства, голого прагматизма, возрастающим культом грубого насилия и эротики. За прошедшие десятилетия произошла латентная эрозия норм и образцов поведения, которая деформировала существовавший механизм межпоколенной передачи традиционных ценностей.

Международная конференция «Окружающая среда и развитие» (Рио-де-Жанейро, 1992) сделала вывод о том, что «современная цивилизация поставлена перед альтернативой: либо изменение вектора развития в пользу непотребительских (человеческих, духовных и т.п.) ценностей, либо глобальная катастрофа с мрачными последствиями, вплоть до возможного самоуничтожения» [10].

Все перечисленные выше изменения в общественном сознании влияют на взрослых (особенно молодежь) и через них на детей. Некоторыми исследователями ценностные ориентации детей рассматриваются в контексте с ценностными ориентациями их родителей и семьи в целом (М.Р. Битянова, 2000, В.В.Абраменкова, 2000; Д.В. Шатров, 2006; Н.Б. Полковникова, 2008 и др.).

Особую остроту сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в сознании семьи, так как в условиях переоценки родителями ценностей современная ситуация отражается в эмоциональной и поведенческой сферах детей. Стала превалировать ориентация на индивидуальность, на независимость людей друг от друга, на сосредоточенность на себе, своих успехах. Дети, как известно, «зеркало взрослых». Они отражают все особенности мира взрослых, они живо присваивают их формы взаимодействия с окружающим миром, с людьми [6, с.12].

Д.В. Шатров (2006) в своем исследовании указывает, что «направленность родителей на экзистенциальные ценности и продуктивные смысложизненные ориентации способствует формированию у ребенка моральной устойчивости, высокого уровня осознанности моральных норм и формирует нравственную направленность в поведении, с ори-

ентацией на внутренние мотивы в ситуациях морального выбора». Так же он говорит о том, что если «один родитель живет в соответствии с витальной, гедонистической направленностью, а другой — экзистенциальной, ребенок скорее усваивает более лёгкие, связанные с самоудовлетворением стереотипы поведения, чем более сложные, связанные с самоограничением» [11]. Стиль семейного воспитания, являясь компонентом родительства, во многом формирует личность ребенка в целом и влияет на его ценностную сферу в частности. Не транслируемые родителями общепринятые нормы и ценности заимствуются детьми из другого источника. Е.А Репринцева (2003) отмечает, что «ценности мира родителей оказались для детей менее значимые, чем ценности из мира кино и компьютерных игр. Родители перестали воспитывать детей в рамках этической морали и нравственности» [9, с.35].

Таким образом, произошедшие в конце 20 века реформы в России внесли радикальные изменения во все функции семьи: отсутствуют однозначные идеалы и образцы для подражания, общепринятые нормы поведения, происходит трансформация ценностных ориентаций, а от ценностного фундамента семьи во многом зависит будущее общества в целом.

Библиографический список:

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – Москва – Воронеж, 2000
2. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М, Аспект Пресс, 2000
3. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. Учебное пособие – М, ЭКСМО-Пресс, 2001
4. Григорьев Д.В. Преодоление общества потребления: в чем нам может помочь А.С. Макаренко?// Педагогическое образование и наука. Научно-методический журнал. 2008, №3, с. 20-22
5. Кара-Мурза С.Г. Кем вырастут обездоленные дети?//Русский дом, 2002, №11, с. 40-41
6. Козлова С.А. Современный ребенок как объект исследования преподавателя//Вестник МГПУ. 2009 – 2(8), с.8-13
7. Лоза Н. Стройный образ жизни.//Оракул. Лучшее и неопубликованное., 2010г, № 15, с.10-11
8. Полковникова Н.Б. Аксиологические компоненты отечественной психологии и педагогики//Вестник МГПУ, 2008, №2, с.18-28
9. Репринцева Е.А. Гедонизм как феномен современной игровой культуры.//Мир образования – образование в мире. Научно-методический журнал, 2003 - №4, с.21-42
10. Смирнов И.П. Социализация и цивилизация (проблемные ситуации современности).// Мир психологии, Научно-методический журнал 2005, №1 с.29-30

11. Шатров Д.В. Личность родителей и нравственная сфера детей. Автореф. дисс... канд.психол.наук. – СПб., 2006

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ И ДОМИНИРУЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СУБЪЕКТА

Акопов Г.В.

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(Самара)*

Динамика событий, скорость технических, экономических, социальных, организационных изменений становится столь высокой, что впору говорить о «динамическом стрессе» или стрессе непреодолимого отставания в быстро изменяющейся жизни. Темп изменений может существенно превышать возможности индивидуальной или групповой адаптации личности и социальных групп. Социальные и психологические последствия неоптимального превышения скорости глобализации над возможностями социального и личностного конструирования и самоконструирования (информационное перенасыщение, быстрая и постоянная смена социальных, профессиональных, семейных, межличностных и т.д. ролей, множественная идентификация, полиэтнизация, мультикультурация, манипулизация, макевиализация и т.д. и т.п.) обнаруживаются всё в той же преступности, наркотизации, депрессии, психосоматических заболеваниях, нарушениях психики.

Существенное расширение системы знаний, их широкая доступность через новые коммуникационные системы (Интернет и др.), а также все возрастающие технологические возможности регуляции и вмешательства в ранее недоступные сферы жизнедеятельности человека – от глобального климата до микрогенетики в значительной мере изменяют и сознание человека. Главное изменение, возможно, связано с тем, что, так называемая, объективная реальность («существовавшая до и независимо от человека») становится всё более «субъективной». Расширяются не только побудительные, мотивационные пределы человеческого сознания, но и сама логика того, что называют рациональностью. Рациональным оказывается то, что создаётся и воплощается в жизни человека и в гораздо больших масштабах, чем ранее. То,

что ранее называлось рациональной логикой, поглощается субъективной логикой, совмещающей и «старую рациональность», и веру, и конвенцию. В этом смысле уникальное становится универсальным, т.е. всеобщим, свободное (спонтанное) — закономерным и т.д.

Вместе с тем, в процессе глобализации размываются прежние, многообразные контексты коммуникации, общения. Уходит в прошлое развернутый сложносоставной и сложно-структурированный обилием контекстов письменный язык — «письменная ментальность» (Шкуратов, 1990; 1997).

Текст вытесняется все более изощренно технически воплощенными образами. Соответственно, резко возрастает значение невербальной коммуникации (см. работы В.А. Лабунской). Смыслы и контексты группируются уже в ином пространстве — звуковом, кинестетическом и пространстве «видеодигмы» (В.А. Шкуратов), вытесняющем семиосферу (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Ю.М. Лотман).

Звуковой ряд, интонация, пластика движений, ритм дыхания и т.д. и т.п. все более определяют основное содержание социальной и индивидуальной жизни человека. Соотношение операционального (действенного) и ценностного (созерцающего) сознаний становится все более сложно опосредованным. Можно говорить о прогрессе или диалектическом движении вспять, но с существенно новым техническим и технологическим сознанием, невозможно лишь оценочно подойти к этим «превращенным формам»; это ни плохо и ни хорошо по сравнению с причинной (детерминационной) бесконечностью прошлого и целевой (свободной) бесконечностью будущего (Д.С. Мережковский). Это уже другое качество сознания, в связи с чем понятен весьма возросший интерес или «поворот к языку», точнее, к языку как системе знаков. Как отмечает Г.М. Андреева, язык предстает не только как средство коммуникации, но и как «важнейшее средство социального познания и конструирования социального мира...» (Андреева, 2009).

При всем разнообразии визуальных языков, модально-выраженная ими структура остается достаточно ограниченной. Это, главным образом, эмоционально-игровое, интеллектуально-смысловое и действенно-идентификационное содержание, пришедшее на смену неинтенциональным переживанию, познанию и действию (дихотомия онтологии и гносеологии).

Соответственно, на смену представлений о «директивной» (целостной) личности, через преодоление «конвенциональной» личности (множество субличностей), приходит «консолидированная» личность (системная иерархия индивидуально-социальных «вкладов» в общественную жизнь). Релевантные представления о личности дискурсы (директивный, конвенциональный, консолидирующий) определяют типы глоболизирующегося сознания, с одной стороны, и все более глубокую психологизацию человека, с другой.

Выпестованная объективной реальностью «разумная» рациональность теперь уже уступает место не только конвенциональной (согласованной) рациональности, но и, все чаще, субъективной рациональности. Все большая подвластность внешней реальности человеку, и, соответственно, разрушение идеи предустановленной гармонии (Космос, Природа, Бог, Абсолютная идея и др.), вероятно, должна быть связана с не меньшей подвластностью человеку также его собственной, внутренней (субъективной) реальности. Такая подвластность может выступать в формах совладания, преодоления, саморегуляции и самоорганизации (Ярушкин Н.Н., 2010), самоизменения, саморазвития, самоуправления, самоконструирования и т.д., т.е. всего того, что можно назвать личностным (индивидуальность) конструкционизмом — оппозиционным (дополнительным) социальному конструкционизму.

Наиболее интенсивно эти процессы реализуются сегодня в связи с проблемой идентичности и самоформирования идентичности. Конечно, в этом сложном процессе сохраняют свои «позиции» и формальная и диалектическая логика, однако интенциональным и завершающим механизмами «руководит», на наш взгляд, субъективная логика, замешанная на явлениях эмоционального и социального интеллекта.

Глобализация неизбежно субъективирует все основные ипостаси человека и его жизнедеятельности. В биологической образующей это вопросы половой, возрастной, гендерной, телесной, конституциональной, пищевой и т.д. идентичности (самоопределения). В социальной и этноментальной (менталитет) образующей это проблема принятия – выбора – включенности в те или иные социальные группы (большой город, малый город, село; рабочие, служащие, интеллигенция; богатые, бедные; верующие той или иной конфессиональной принадлежности и т.д.). Образовательно-профессиональная образующая примыкая, с одной сто-

роны, к социальной, одновременно связана с психологической образующей: в первом плане это статус, тип и профиль образования (гимназия, лицей, колледж и т.д.) и профессиональной деятельности; во втором плане — осознанный выбор жизненной линии, проектирование карьеры, определение образа жизни и др. В условиях современной глобализации значительно возрастает «нагрузка» (удельный вес) психологической образующей, что отражает также динамику перехода от информационного к психологическому обществу (Н.Смит). В связи с этим доминируют неравновесные психические состояния (А.О.Прохоров) социального и личностного самоопределения в аспектах стабильности-динамичности, реальности-виртуальности; присвоения готовых форм — конструирования и созидания новых и т.д.

Таким образом, глобализационные процессы вызывают, с одной стороны, существенное расширение свободы субъекта как во внешнем, так и во внутреннем планах, включая возможность «дрейфа» от традиционной рациональности (мифологика, формальная логика) к постнеклассической рациональности (диалектическая логика, субъективная логика), с другой — повышение меры субъективного произвола и, соответственно, ответственности за самоизбранную форму конструируемого «Я» и соответствующей системы отношений. Очевидно, что роль и работу сознания (осознания) в этих процессах трудно переоценить; адекватной этому возрастанию места сознания в жизни человека, на наш взгляд, является трансценденция Человека разумного в форму Человека сознающего.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕБЕ У КЛИЕНТА В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Анкина Е.Д.

Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, ФГО, кафедра социальной антропологии и психологии, старший преподаватель, г. Екатеринбург

Работа с образом себя в консультировании является, на наш взгляд, одной из центральных линий, которые пронизывают весь процесс консультирования. Когда в жизни человека начинаются измене-

ния, представления о себе также начинают изменяться. Задача консультанта в этом случае — сделать процесс изменений максимально гармоничным и сохранить целостность личности. Итогом консультирования должно стать более целостное представление человека о себе, своих ресурсах и уверенность в том, что он самостоятельно может справляться с проблемами и трудностями, возникшими в его жизни.

Следует уделить более пристальное внимание существующим у клиента представлениям о себе в том, случае, когда он явно искаженным образом воспринимает себя. Часто в этом случае можно столкнуться с некими установками по отношению к себе, которые уже давно устарели и не работают. Эти установки или фильтры, через которые человек смотрит на себя, по каким-то причинам не пересматривались им в течение длительного периода времени. Человек не воспринимает себя изменившимся, взрослым. Большая часть в образе себя отсутствует.

Сталкиваясь с полосой трудностей, неудач у человека может сформироваться образ себя как неспособного достигать чего-либо. Что было в прошлом, он ожидает встретить и в будущем. Появляется состояние выученной беспомощности, описанное М. Селигманом. В этом случае, у клиента в процессе консультации, необходимо зародить веру в себя, посеять её, чтобы она проросла и постепенно начала проявляться в жизни и деятельности.

В отечественной психологии представления об образе «Я» развивались А.Н. Леонтьевым и его учениками, а также В.С. Мерлиным:

«Образ «Я» — результат выделения человеком самого себя из окружающей среды, что позволяет ему ощущать себя субъектом своих физических и психических состояний, действий и процессов, переживать свою целостность и тождественность с самим собой — как в отношении своего прошлого, так настоящего и будущего. Образ «Я» формируется в деятельности и общении, изменяя в предметной деятельности окружающий мир и взаимодействуя с другими людьми, субъект отделяет свое «Я» от не - «Я», непосредственно переживая свою неидентичность другим объектам» [1].

Очень тесно понятие образа себя перекликаются в психологии с концепцией, описанной Э. Эриксонем Эго-идентичности.

Эриксон определяет Эго-идентичность как «процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях

психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него...

Далее, описанный процесс находится в постоянном изменении и развитии: в наиболее благоприятном варианте это процесс постоянной дифференциации, и он становится все более содержательным по мере того, как расширяется круг значимых для индивида лиц: от матери до всего человечества» [2].

Для практической психотерапевтической и консультационной работы полезны взгляды Моше Фельденкрайза [3]. М. Фельденкрайз рассматривал образ себя как состоящий из 4 компонентов, участвующих в каждом действии: движение, ощущение, чувство и мышление. Доля каждого компонента в том или ином действии различна. Например, если мы сосредотачиваем внимание на своих ощущениях и принимаем созерцательную позицию, воспринимающую, мы, тем не менее, продолжаем двигаться (хотя бы дышать), т.к. невозможно поддерживать жизнь без всякого движения. На уровне чувств должен быть интерес или какое-то иное чувство,двигающее к исследованию и созерцанию, мы можем думать что-то по поводу того, что заметили, сопоставлять это с нашим прежним опытом.

Каждый компонент необходим, но на каком-то из них мы в большей степени сосредотачиваем свое внимание в зависимости от ситуации и стоящих перед нами задач.

Образ себя не остается постоянным, он может изменяться от действия к действию. Постепенно каждое действие становится привычным и начинает носить фиксированный характер. Когда человек становится взрослым, полноценным членом общества, то часто образ себя остается в каком-то определенном состоянии. Человек уже пользуется теми привычными способами движения, поведения, которые вполне успешно могут помогать ему в осуществлении деятельности. За неимением острой необходимости часто образ себя остается ограниченным и не развивается дальше. А следствием становится то, что человек не реализует полностью свой потенциал, когда в этом нет острой нужды. Например, люди могут выучить до 30 – 50 языков, однако для того, чтобы

прожить в обществе, часто бывает достаточно 1-2-х. Если человек не актер, часто ему бывает достаточно одного способа движений. Но если появится необходимость вхождения в разные роли, человек может освоить множество моделей поведения и новых способов движения, даже если на это уйдут годы целенаправленных тренировок.

Можно сделать следующие выводы:

- Образ себя динамическая, постоянно развивающаяся структура
- Образ себя может быть разной степени полноты и целостности: человек обращает внимание лишь на какие-то отдельные части себя, исключая другие, либо он может интегрировать разностороннюю информацию в целостный образ себя.

- На формирование образа себя в большой степени влияет межличностное взаимодействие

- Образ себя формируется и проявляется на разных уровнях: на уровне действий или поведения, на уровне убеждений, относительно самого себя и своих способностей, а также на более глубинном уровне, который можно назвать уровнем собственной мифологии

- Адекватный, целостный образ себя способствует дальнейшему развитию и самосовершенствованию человека, реализации его потенциала. Негативный образ себя или деформированный, может отрицательным образом сказываться на деятельности человека и его реализации.

Подведем итог: в процессе консультирования мы можем в целом воздействовать на изменение представлений о себе. По мере того, как человек понимает, как эффективнее обучаться, как можно воспринимать себя и интерпретировать собственные поступки, образ себя становится все более положительным, целостным и ресурсным. Также мы можем воздействовать на конкретные аспекты, касающиеся образа себя. Например, работать с убеждением человека относительно того, что он недостоин достигать значимых результатов в своей жизни, или что у него нет способностей к этому. Для этого эффективными будут методы НЛП, гипнотические техники. Также мы можем выйти на уровень глубинной мифологии человека относительно себя, и, сталкиваясь с внутренними образами, изменять его бессознательную реальность. В качестве метода глубинной работы в настоящее время исследуется методика магического театра, разработанная В. Лебедько.

Список литературы:

1. Моше Фельденкрайз Осознание через движение: двенадцать практических уроков. М. «Институт общегуманитарных исследований», 2009. – 224 с.
2. Психология. Словарь/под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского 2-е изд, испр. и переработ. - М.: Политиздат, 1990 - 494с.
3. Эрик Эриксон Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М.: Издательская группа "Прогресс", 1996. - 344 с.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ГРУППОВОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ПСИХОТЕРАПИЯ. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЕЙНОГО КРИЗИСА И ПУТИ ВЫХОДА

Арова Ирина Николаевна

*Муниципальное Общеобразовательное Учреждение
«Средняя Общеобразовательная Школа № 28» г. Астрахань;
arovaira@mail.ru*

Психологическое консультирование и психотерапия — это виды психологической помощи, ориентированные на преодоление проблем психологического характера. В трудный, критический момент в Вашей жизни, психолог-консультант может помочь Вам преодолеть стресс, жизненный кризис, потерю близкого человека, а также лучше понять Вашу жизненную ситуацию и принять верное решение.

Существуют разные виды психологического консультирования: непосредственно консультирование, психологическая коррекция, психотерапия, психопрофилактика, психологическая реабилитация. Психологическое консультирование — это внелечебная психологическая помощь, оказываемая специалистами здоровым людям с целью коррекции отношений и повышения качества жизни. Следствием такого понимания консультирования является построение отношений взаимного сотрудничества психолога со своим клиентом во время психологической консультации, основанные на взаимном доверии и уважении, на равенстве и взаимной открытости.

Психологи-консультанты работают с отдельными людьми или группами. Соответственно различают индивидуальное и групповое консультирование (семейное консультирование).

Индивидуальное консультирование — это беседа консультанта с

клиентом наедине, обсуждение с ним жизненной проблемы, которая его беспокоит. Групповое консультирование может заключаться, например, в решении какой-либо проблемы или в поощрении выражения подавленных эмоций в психотерапевтической группе.

Основная цель семейного консультирования — это оказание психологической помощи супругам, то есть разговор с психологом должен помочь паре в решении проблем и налаживании межличностных отношений с окружающими.

Семейная психология и психотерапия — сравнительно молодая область науки и практики. Изучением семьи до середины XX века занималась за редкими исключениями только социология. Развитие семейной психологии и возросший к ней интерес со стороны специалистов различных областей — психиатров, психотерапевтов, педагогов, врачей, социальных работников — был вызван кризисом, переживаемым современной семьей. Наблюдаемые в последнее время тенденции, связанные с ростом и укреплением экономической самостоятельности и социального равноправия женщин, либерализацией взглядов на развод, увеличением ценности партнерских отношений в браке, освобождением от классовых, религиозных и национальных предрассудков и стереотипов, ростом продолжительности жизни, снизили эффективность факторов, ранее стабилизирующих семейные отношения. Традиционная патриархальная семья перестала быть для женщин единственной доступной средой для самореализации. Феминистическое движение, начавшееся в середине 1960-х годов, отражало нарушение равновесного положения такой социальной системы, как институт семьи, и маркировало переходный, кризисный момент в ее существовании. Начавшийся в это время кризис продолжается и в наши дни. Он связан с поиском новых моделей брачных отношений, адекватных для реализации современной семьей ее функций и способных наиболее полно удовлетворить индивидуальные потребности супругов с учетом их динамической природы.

Понятие о кризисе. Психология семейных кризисов

От кризисов страшит только кома...

Д. Леонтьев.

Теория кризиса как самостоятельная дисциплина в психологии появилась сравнительно недавно. Значимые психологические иссле-

дования, посвященные теории кризисов, представлены работами Э. Линдерманна, Дж. Каплана, Дж. Якобсона (цит. по: Пергаменщик Л.А.).

Отличительные черты теории кризисов, согласно Дж. Якобсону, состоят в следующем:

- теория кризисов относится главным образом к индивиду, хотя некоторые понятия используются применительно к семье, а также к малым и большим группам;

- теория кризисов описывает не только деструктивные аспекты кризиса, но и его ресурсы и возможности в области роста и развития личности.

Кризис (от греч. *krisis* — решение, поворотный пункт) — нарушение состояния равновесия системы, резкий, крутой перелом в чем-нибудь, тяжелое переходное состояние, острое затруднение в чем-либо. Слово «кризис» несет в себе оттенок чрезвычайности, угрозы и необходимости действия. Кризис — это ситуация эмоционального и умственного стресса, требующая значительного изменения представлений о мире и о себе за короткий промежуток времени.

Дж. Каштан описал четыре последовательные стадии кризиса:

1. Первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы решения проблем.

2. Дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти способы оказываются безрезультатными.

3. Еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних источников.

4. Повышение тревоги, возникновение депрессии, чувств беспомощности и безнадежности, дезорганизация личности — в случае, если все действия, предпринятые на предыдущих стадиях, оказываются тщетными.

Кризис может закончиться на любой стадии, если опасность исчезает или обнаруживается решение.

По временному параметру и интенсивности переживания кризисы подразделяются на:

- кратковременные и острые;
- затяжные и хронические (длительные по времени, например, тяжелая болезнь). В соответствии с локализацией рассматривают:
- кризисы переходных периодов, связанные с возрастом;

- кризисы, не связанные с определенным возрастом.

Таким образом, кризисом можно назвать ситуацию столкновения с препятствием в реализации важнейших жизненных целей при условии невозможности справиться с ней с помощью привычных средств.

Существующие на сегодняшний день теории кризисов описывают переживание кризисных событий на индивидуальном уровне, то есть анализируют процесс переживания кризисных событий отдельным человеком. Однако последний всегда является частью других, более крупных систем (семейной, профессиональной, социальной и др.) и находится с ними в диалектической взаимосвязи, обуславливающей характер прохождения кризисов.

Семейный кризис

...Идеальные отношения в браке возможны только тогда, когда они не являются необходимым условием выживания человека.

И. Ялом. Когда Ницше плакал

Семья в ее синхронном функционировании является системой, находящейся в некотором равновесии благодаря установившимся связям. Однако само это равновесие является подвижным, живым, изменяющимся и обновляющимся. Изменение социальной ситуации, развитие семьи или одного из ее членов влечет за собой изменение всей системы внутрисемейных отношений и создает условия для появления новых возможностей построения взаимоотношений, иногда диаметрально противоположных.

Семейный кризис — состояние семейной системы, характеризующееся нарушением гомеостатических процессов, приводящих к фрустрации привычных способов функционирования семьи и невозможности справиться с новой ситуацией, используя старые модели поведения.

В семейном кризисе можно выделить две потенциальные линии дальнейшего развития семьи:

1. Деструктивная, ведущая к нарушению семейных отношений и содержащая опасность для их существования.
2. Конструктивная, заключающая в себе потенциальную возможность перехода семьи на новый уровень функционирования.

Позвольте выделить несколько подходов к описанию семейных кризисов.

Первый связан с изучением закономерностей жизненного цикла семьи. В русле данного подхода кризисы рассматриваются как переходные моменты между стадиями жизненного цикла. Подобные кризисы называются нормативными, или горизонтальными стрессорами (Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В., 2000). Они возникают при «застревании», препятствиях или неадекватной адаптации при прохождении какого-либо этапа жизненного цикла семьи.

Таким образом, семья в своем развитии переживает ряд этапов, сопровождающихся кризисами. В основе нормативного кризиса, фиксируемого на микросемейном уровне, обычно лежит индивидуальный нормативный кризис взрослого или ребенка, ведущий к дестабилизации системы.

Второй подход связан с анализом событий жизненного пути семьи: кризисы семьи могут вызываться некоторыми событиями, влияющими на стабильность семейной системы. Подобные кризисы могут возникать независимо от стадий жизненного цикла семьи и называются ненормативными.

Третий подход основан на знаниях о кризисных ситуациях в семье или отдельных ее подсистемах, полученных в ходе экспериментальных исследований. Так, например, Плзак описал два критических периода в развитии супружеских отношений (Plzak, 1973; цит. по: Кратохвил С., 1991).

Семья, находящаяся в состоянии кризиса, не может оставаться прежней; ей не удастся функционировать адекватно изменившейся ситуации, оперируя знакомыми, шаблонными представлениями и используя привычные модели поведения.

Характеристики семейного кризиса

Выделяют следующие характеристики семейного кризиса:

1. Обострение ситуативных противоречий в семье.
2. Расстройство всей системы и всех происходящих в ней процессов.
3. Нарастание неустойчивости в семейной системе.
4. Генерализация кризиса, то есть его влияние распространяется на весь диапазон семейных отношений и взаимодействий. На каком бы уровне функционирования семьи ни возникал кризис (индивидуальном, микро-, макро- или мегасистемном), он неизбежно будет затрагивать другие уровни, обуславливая нарушения в их функционировании.

В результате можно обнаружить следующие проявления семейного кризиса:

1. Проявление семейного кризиса на индивидуальном уровне:
2. Проявление семейного кризиса на микросистемном уровне:
3. Проявления семейного кризиса на макросистемном уровне: 77 актуализация семейного мифа;
4. Проявление семейного кризиса на мегасистемном уровне:
Психологическая помощь семье и ее виды.

Информирование. Психолог может предоставить семье или отдельным ее членам информацию об особенностях функционирования семьи на разных этапах развития, о задачах, стоящих перед семьей в кризисные периоды, о возрастно-психологических особенностях развития личности, а также о возможности получения дополнительной помощи у других специалистов.

Индивидуальное психологическое консультирование (психотерапия). Психологическое консультирование — процесс, ориентированный на научение и личностный рост клиента, в ходе которого последний узнает больше о себе самом, учится связывать эти знания со своими целями так, чтобы достигнуть более полного и гармоничного бытия-в-мире. Данный вид психологической помощи предполагает работу с одним из членов семьи и базируется на идее М. Боуэна о том, что изменения даже одного члена семьи приводят к изменениям всей системы внутрисемейных отношений.

Консультирование (психотерапия) супружеской пары. Данный вид психологической помощи представляет собой работу с супружеской парой и направлен на оптимизацию взаимодействия между брачными партнерами.

Групповое консультирование (психотерапия) супружеских пар. Этот вид работы предполагает объединение в группу нескольких супружеских пар с целью получения поддержки и проработки супружеских проблем.

Семейное консультирование (психотерапия). В семейном консультировании принимает участие нуклеарная либо расширенная семья. Как правило, этот вид психологической помощи используется в том случае, когда имеющиеся проблемы затрагивают всю систему в целом.

Групповое семейное консультирование (психотерапия). Данный

вид психологической помощи предполагает организацию работы двух типов групп: гомогенных (родительских, детских, групп для матерей и др.) и гетерогенных, используемых на определенных этапах работы с семьей и чаще всего принимающих форму совместных занятий родительских и детских групп.

Психологическая помощь оказывается более эффективной, когда с семьей работает команда специалистов (2-4 человека). Работа в команде позволяет избежать ряда «ловушек», связанных со спецификой работы с семейной системой, например, тенденции присоединиться и образовать коалицию с одним из членов семьи.

Кризис не всегда несет в себе негативный смысл. В китайском языке понятие «кризис» определяется как «полный опасности шанс», как возможность роста человеческой личности, которую индивид обретает, проходя через кризисное состояние и испытывая различные сопротивления. Конструктивное преодоление кризисных ситуаций и периодов жизни дает их субъектам ресурсы для личностного роста и преодоления неизбежно сопровождающих жизнь переломных моментов. Главное вовремя обратиться за помощью к специалистам и получить профессиональную помощь.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОДАРЁННОГО РЕБЁНКА

Арон И.С.

Марийский государственный технический университет, г.Йошкар-Ола

Укоренившиеся интересы и склонности, развитые уже с детства, служат хорошей основой для успешного личностного и профессионального самоопределения одарённых детей. Однако у одарённых детей нередко возникают трудности профессионального самоопределения, которые связаны как с развитием у них способностей во многих областях деятельности, так и с наличием проблем личностного развития.

Значительная часть одарённых детей испытывает трудности в личностном и профессиональном становлении, которые являются преградой для процесса субъективно достаточной и объективно эффективной самоактуализации, что, в свою очередь, является источником ряда сложнейших личностных и профессиональных проблем, а также психосоматических заболеваний.

Лишь небольшая часть одарённых школьников впоследствии оправдывает возлагающиеся на них надежды, в достаточной степени реализует себя в творческой профессиональной деятельности.

У большинства одаренных детей нет способности к самоактуализации, что связано со спецификой их развития, т.к. высокие цели, которые ставят перед собой одаренные люди, требуют особых личностно-познавательных качеств, которые у них недостаточно сформированы.

К проявлениям недостаточной способности к самореализации одарённых детей относятся:

- отсутствие навыков действовать в ситуации явной неопределенности, когда нет обратной связи и нет гарантии безусловного успеха познавательной деятельности (что характеризует, прежде всего, как раз творческую ситуацию);

- неумение выдерживать и эффективно преодолевать самые разные кризисные ситуации;

- невозможность преодоления собственных, показавших свою индивидуальную эффективность, стереотипов деятельности, в частности, стереотипа преимущественного обучения, усвоения сравнительно с требованиями продуктивной творческой деятельности [4].

Формирование и развитие способности к самоактуализации, к эффективной реализации повышенных возможностей одарённых детей в будущем, в зрелой профессиональной деятельности является центральной задачей при работе с одаренными детьми [2,4].

Основная проблема работы с одаренными детьми заключается в формулировании и разработке такого психолого-педагогического метода, который, учитывая все особенности личности и обстоятельств развития одаренных школьников, решал бы, прежде всего проблему высокой успешности их будущей профессиональной деятельности. В принципе это задача психолого-педагогической работы с каждым ребенком, но только для одаренных детей эта проблема выносится на передний план работы, становится главным условием эффективности работы школы.

Таким образом, проблема профессионального самоопределения и самореализации является одной из важных проблем одарённых детей. Именно эта проблема обозначается в качестве приоритетной в Подпрограмме «Одарённые дети» Федеральной целевой программы «Дети России», где говорится, что в современных условиях необходимо

обеспечение личностной, социальной самореализации и профессионального самоопределения одарённых детей [3].

Однако этот вопрос недостаточно изучен специалистами, существуют лишь отдельные практические исследования по данной проблеме.

Что послужило основанием для проведения научно-исследовательской работы «Профессиональное и личностное самоопределение одарённых детей» (Арон И.С., Николаева О.Е), в которой была предпринята попытка изучить индивидуально-личностные особенности эстетически одарённых детей, влияющие на успешность их профессионального самоопределения [1].

Исследование проводилось на базе ГОУ РМЭ «Национальная президентская общеобразовательная школа-интернат». Для изучения индивидуально-личностных особенностей эстетически одарённых детей были использованы две диагностические методики: Тест-опросник Г. Айзенка ЕРІ в адаптированном варианте А.Г. Шмелева и многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттела.

Согласно результатам исследования по методике Г. Айзенка у эстетически одарённых детей прослеживается явное преобладание холерического и сангвинического темперамента. Что свидетельствует о высоком уровне психической активности, энергичности, работоспособности испытуемых. Они стремятся к частой смене впечатлений, легко и быстро отзываются на окружающие события, общительны. Эмоции — преимущественно положительные — быстро возникают и быстро сменяются.

У части испытуемых проявилось преобладание меланхолического темперамента, т.е. у них отмечаются такие качества как высокая эмоциональная чувствительность к происходящим с ними событиям, обычно сопровождающаяся повышенной тревожностью, а также повышенная эмоциональная ранимость, замкнутость, отчужденность, боязнь новых ситуаций, людей и различного рода испытаний.

Среди исследуемых одарённых детей мало флегматиков, которые характеризуются спокойствием, отсутствием ярких эмоциональных реакций на происходящие вокруг события.

Сильные стороны наиболее выраженных у исследуемых детей темпераментов (холерического и сангвинического), такие как высокая активность, энергичность, решительность, высокая адаптивность, общительность, жизнерадостность будут способствовать формированию готовности подростков к профессиональному самоопределению.

Для изучения личностных свойств эстетически одаренных подростков, влияющих на результаты их профессионального и личностного самоопределения, был использован многофакторный личностный опросник Р.Б.Кеттела

По данным методики Р.Б.Кеттела, у эстетически одарённых детей наиболее выраженными оказались, с одной стороны, такие качества, как беспечность, беззаботность, импульсивность, веселость и разговорчивость. При этом выявились такие негативные личностные особенности как внутренняя напряжённость, возбуждённость, подозрительность, раздражительность, излишнее самомнение. Недостаточно развиты, согласно методике Кеттела, у эстетически одарённых детей такие качества как смелость, радикализм, самоконтроль, самостоятельность.

В целом анализ индивидуально-личностных особенностей эстетически одарённых детей позволяет сделать вывод о том, что если типологические, природно обусловленные характеристики исследуемых детей (свойства нервной системы, темперамент) способствуют успешности их профессионального самоопределения, то содержание ряда личностных характеристик свидетельствует о недостаточной психологической готовности эстетически одарённых детей к профессиональному самоопределению и требует психолого-педагогической коррекции.

Литература

1. Арон И.С. Формирование психологической готовности к профессиональному самоопределению в детском возрасте. Йошкар-Ола, 2010.- 355с.
2. Логутова Е.В. Проблема профессионально-личностного самоопределения одарённых детей// Материалы Международной НПК «Диалог одарённых детей в Открытом обществе». Оренбург: РИ КГО УОГУ, 2002.С.94-96.
3. Федеральная целевая программа «Дети России». Подпрограмма «Одарённые дети».
4. Юркевич В.С. Одарённый ребёнок. Иллюзии и реальность. М.: Просвещение, 1996.- 136с.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Афанасьев П.Н.

*Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
(г. Казань)*

Психология — полипарадигмальная наука. Со времени её оформления именно как научного знания, она стала развиваться по

двум основным моделям: *естественнонаучной* и *гуманитарной*. Их различие проявляется в выборе предмета и метода исследования. В первом случае, предмет исследования — это пассивная, отстраненная от исследователя, причинно зависимая «вещь», объект, ей соответствует номотетический метод, направленный на выявление общих закономерностей, статистических данных; во втором — активная, свободная, взаимодействующая «личность», субъект, метод — идеографический, изучение уникального, неповторимого. Некоторые исследователи в связи с этим предлагают тезис о существовании «двух психологий», объединенных лишь номинально. Задача одной — «объяснить», «изучить»; другой — «понять», «изменить». Более радикальное разделение проявляется в выделении так называемых «теоретиков» и «практиков», деятельность которых настолько отлична друг от друга, что можно говорить о том, что это разные профессии («психолог-теоретик» и «психолог-практик»), но имеющие одно название. И это создает своего рода путаницу и непонимание с обеих сторон, одна из которых предъявляет претензии другой в ненаучности и «кустарщине», а другая, в свою очередь, обращает внимание первой на её отчужденность, «сухость» и «оторванность от жизни».

Однако столь однозначное разделение не отражает, на наш взгляд, всей возможной целостности психологического знания о человеке. Сложно постулировать, что только одна модель науки является истинной. Вышеуказанное биполярное различие отнюдь не единственное. По другой классификации психология может быть представлена в трех формах: *естественнонаучной*, или объяснительной; *психотехнической*, другими словами, манипулятивной, воздействующей на человека с некими целями его изменения; и *индерективной*, актуализирующей внутреннюю силу и мудрость человека, его целостность. Некоторые исследователи выделяют научную, или *теоретическую*, *прикладную* и *практическую* психологии. Задача первой — исследовать, второй — сопровождать специалиста иной профессии, третьей — помогать в решении психологических проблем. Для одной человек — это объект исследования, для другой — объект приложения профессионального опыта, для третьей — клиент, субъект, нуждающийся в помощи. Таким образом, мы обнаруживаем, что психология это отнюдь не единое и не однородное поле знания и практики. Существуют «разные» психологии и «разные» психологи.

Психология, несомненно, очень популярна на сегодняшний день. Конкурс на психологические факультеты во многих вузах достаточно высок, фигура психолога все чаще и чаще появляется в СМИ, на экранах в кино, ток-шоу, теле- и радиопередачах, в газетах и журналах, выходят целые печатные издания, посвященные исключительно психологической тематике. Потребность в профессиональной психологической помощи в обществе возрастает. Однако в массовом представлении, включая и абитуриентов психологических факультетов, отделений, психолог — это, прежде всего, практический психолог или психотерапевт, т.е. специалист, оказывающий помощь в решении проблем взаимоотношений, самооценки и т.п., а не теоретик-исследователь. Отождествлением понятий «практический психолог» и «психотерапевт» некоторые специалисты пытаются решить проблему путаницы научной и практической психологии, оставляя психологии задачу исследования, а задачу помогать и облегчать страдания людей возлагая на психотерапию. Но и она не отличается единообразием. Выделяют как минимум *медицинскую, психологическую, педагогическую, философскую, социальную и недифференцированную* модели психотерапии.

Всё чаще и чаще сегодня говорят о самостоятельном статусе психотерапии как профессии и науки. И здесь встает проблема подготовки и обучения профессионалов в данной области, поскольку в нашей стране существует своеобразный разрыв между обучением психолога-ученого, исследователя, которое, как правило, и происходит на психологических факультетах вузов, и подготовкой психолога-практика, психотерапевта, которая, чаще всего, есть результат самостоятельной работы человека, за отдельную плату, в рамках той или иной общественной организации или ассоциации, образованной под эгидой какого-нибудь направления психотерапии.

Популярность и вездесущность фигуры практического психолога-психотерапевта в современном обществе, выступающего часто в роли эксперта по очень многим вопросам, накладывает на данного специалиста определенную ответственность, поскольку в массовом сознании на него начинает проецироваться образ такого всезнающего и всемогущего мудреца, который знает как оно всё «на самом деле» устроено в жизни людей друг с другом. Называя психологию и психотерапию наукой, иногда сами психологи и психотерапевты не понимают, что нау-

ка — это не открытие истины или абсолютных законов, наука — это познавательная деятельность с выдвижением гипотез и их проверкой, а результат этой деятельности всегда лишь версия, иногда доказанная и обоснованная, но только лишь версия. Порой авторы той или иной психотерапевтической системы начинают толковать и преподносить свои знания как абсолютные истины. Происходит своего рода подмена. Ведь психотерапия как профессия является косвенным следствием эпохи Просвещения, чей девиз, по словам И.Канта, «имей мужество пользоваться собственным умом», без руководства со стороны кого-то другого, выйди из состояния своего несовершеннолетия. В этом, мы можем сказать, «дух» психотерапии, практической психологии, её задача. Создавая очередной культ, систему верований иной психотерапевт противоречит этому «духу».

Таким образом, одной из важнейших задач на данном этапе развития психологии как науки и практики и, если угодно, искусства, нам видится решение вопроса о прояснении образов, включающих в себя четкие определения и постановку цели, психологии, психолога и психотерапевта в общественном сознании, как со стороны широкой ответственности, так и изнутри профессионального сообщества, и сведение этих образов друг с другом для формирования целостного психологического знания о человеке.

**МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА
В ТРЕНИНГ-ЦЕНТРЕ ИНСТИТУТА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Ахмадуллина Э.А., Петрушин С.В.

«Тренинг-центр ИНО КФУ», г.Казань.

Ahm2003@mail.ru, spv2003@inbox.ru

Концепция обучения заключается в ориентации на индивидуальную работу со студентами и обучение их практической психологии. Эта задача выполняется при помощи организации тренингов и практикумов, а также сочетания теоретических дисциплин и практических занятий таким образом, чтобы они подготавливали слушателей к практической деятельности. В нашем Центре разрабатывается новая модель

обучения практической психологии, в основе которой стремление интегрировать как можно ближе обучение и практику, личностный и профессиональный рост студентов.

Практическая подготовка требует существенной перестройки отношений между студентами и преподавателями. Мы ориентируемся на создание между ними субъектно-объектных отношений, что приводит к сокращению дистанций между преподавателем и студентом и установлению доверительных отношений. Это связано с тем, что освоение практической психологии требует не только знания методов воздействия, но и личной подготовки, так как сама личность психолога является и неотъемлемой частью метода и тем, кто эти методы осуществляет.

В обучении психологическому мастерству нами были выведены четыре блока подготовки: личностный, обще-профессиональный, специальный и частно-профессиональный.

Однако такую подготовку не обязательно рассматривать как последовательное движение по названным уровням, она может идти с любого места (рис.1).

<p>Личностный блок Индивидуальная терапия: исследование личных проблем, повышение психологической зрелости</p>	<p>Обще-Профессиональный блок Формирование инструментальной позиции, развитие способностей в сфере «Человек-человек»</p>
<p>Блок Специальной Подготовки Развитие резонансных способностей: стабильное самосознание, объемное восприятие, эмоциональная пластичность и др.</p>	<p>Подготовка Частно-Профессиональных умений Владение различным психотерапевтическим инструментарием из области психоанализа, гештальттерапии, НЛП и др.</p>

Рис.1. Схема подготовки психолога-консультанта.

Личностный блок. Психолог — это всего лишь роль, которую может выполнять человек. Для того чтобы быть эффективным в своей роли, у него, помимо профессиональных качеств, должна быть определенная личностная подготовка. Личностный блок касается развития и трансформации специалиста как человека.

Здесь входит, прежде всего, индивидуальная личная терапия. Цель ее заключается вовсе не в освобождении человека от его проблем. Чем больше у психолога личных проблем, тем легче ему резонировать с клиентом. Главное при этом, чтобы не было перегрузки. Индивидуальная терапия помогает сделать эти проблемы неактуальными, то есть, чтобы они не заглушали звучание клиента. Непроработанные

личные проблемы, его «Тень», создают у психолога своего рода «мертвую зону». В таком случае проблемы клиента «прячутся» в этой зоне и становятся недостижимы для рассмотрения психолога.

Другой момент связан с развитием того, что называется сущностью человека. Это близко к понятию психологической зрелости, мудрости, целостности человека, его душевной зрелости. Существует опасность. Что если за помощью обратится клиент, психологически более зрелый, чем консультант, то произойдет смена ролей. Как писал Ф.Перлс: «Тот, кто психологически взрослее, тот и является психотерапевтом».

В основе обще-профессионального блока подготовки консультанта лежит освоение им собственно профессиональной позиции Р-консультанта, то есть формирование психологии профессионала. Эта психология заключается, прежде всего, в выработке у себя инструментального отношения к своей роли. Пока психолог не отделит себя от своей профессиональной роли и не будет ее придерживаться то, если не выходить за ее рамки, говорить о его эффективной работе не приходится. Подготовка на этом уровне заключается в развитии способности к разотождествлению, то есть отделению себя как человека от профессиональной роли. В заостренной форме это звучит, как «Психолог — это не человек», то есть он общается не «по-человечески», а профессионально. Его общение не спонтанное, а искусственное (хотя может выглядеть как спонтанное). Для повышения эффективности психологу важно выстраивать и удерживать общение на рабочем уровне.

Профессия «психолог-консультант», входит в систему профессий типа «человек-человек», поэтому в этот блок также входит развитие коммуникативной компетентности. Это касается умения слушать, подстраиваться к собеседнику, диагностировать состояние другого человека, использовать эмпатию, владеть приемами посредничества и т.д.

Блок специальной подготовки. Такая подготовка необходима, так как именно психологические возможности консультанта определяют пределы в его работе. Данный блок заключается в развитии специфических для консультанта «нечеловеческих» способностей, то есть расширение их свыше «нормального» уровня. Таких способностей, которые в обычной жизни у человека остаются неразвитыми и невостребованными. Данная спецподготовка делает качественным отличие специалиста-консультанта от обычного человека.

В такой блок входят следующие изменения: изменение Я-концепции консультанта, то есть его представления о себе; формирование стабильного самосознания, которое заключается в устойчивом самонаблюдении; владение пространственным способом общения; тренировка объемного восприятия, то есть способности удерживать в восприятии много объектов ситуации одновременно, эмоциональная пластичность и эмоциональная устойчивость; способность диагностировать свое и чужое эмоциональное состояние; навыки распределенного внимания. Также в подготовке специалиста может ставиться особая задача — приобщение к «духу» профессии.

Подготовка частно-профессиональных умений относится непосредственно к овладению психологом инструментария из различных психотерапевтических моделей. К основным моделям, которые необходимо освоить, мы относим психосинтез, гуманистический подход, НЛП. Помимо владения этими методами, к частно-профессиональным умениям относится способность к ассоциированию и обработке сопротивления, точная интерпретация материала, психодраматические способности, умение ставить точные вопросы и др.

При обучении часто используются лекционно-семинарские формы, но в основном процесс обучения происходит в форме тренингов. Нередко используется жанр авторской Мастерской. Преподавательский состав Центра — это высокопрофессиональные специалисты в области психологии, психологического консультирования, клинической психологии. К преподаванию также привлекаются специалисты из других городов.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРУЖБЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ахметзянова Н.В., канд.психол.н.

*Татарский государственный гуманитарно-педагогический
университет г. Казань*

В Новой философской энциклопедии [9] дается определение «дружбы» как разновидности избирательно-личностных отношений между людьми, характеризующихся взаимным признанием, доверительностью, доброжелательностью, заботой.

Разработка проблем дружбы и дружеских отношений в отечественной психологии наиболее интенсивно осуществлялась в 70-80-е гг. XX столетия в работах таких российских ученых как И.С. Кон [3, 4], А.В. Мудрик [6], В.С. Магун [5], А.А. Бодалев [9], Л.А. Гордон [2], Л.Я. Гозман [1] и других.

Из современных работ можно выделить исследования Е. В. Юрковой [11], А.М. Родиной [10], Е. Е. Моховой [7].

Системная проработка данной темы принадлежит отечественному психологу И.С. Кону [3, 4], который рассматривает возрастные особенности дружбы, ее функции, индивидуальные различия в форме дружеских отношений, анализирует направления теоретических и эмпирических исследований и выделяет основные подходы разных психологических направлений к психологии дружбы, зародившейся как научное направление в конце XIX в.

Основными вопросами, стоящими на первоначальном этапе развития психологии дружбы являлись вопросы общего характера об источниках дружбы, о соотношении ее рациональных и эмоциональных компонентов и факторах поддержания однажды возникшего отношения. Исследователи этого периода собирали эмпирический материал о том, как разные люди понимают дружбу и выбирают друзей. Но интерпретация данных не выходила за рамки представлений обыденного сознания и не увязывалась с какими-либо специальными психологическими теориями.

В изучении дружбы можно условно выделить два периода.

Первый период, который можно назвать психоаналитическим начался в конце 50-х гг. XX в. Он был связан с социально-психологическими исследованиями межличностной аттракции, лежащей в основе формирования дружбы. В рамках этого периода выделяется четыре теории, на основе которых осуществлялась трактовка и исследование явления аттракции.

Поведенческая модель аттракции была предложена в необихевиоризме (Д. Хоманс, Д. Тибо и Г. Келли), в которой в основе межличностного взаимодействия лежит обмен вознаграждениями и издержками т.е. положительными и отрицательными подкреплениями. Для развития и поддержания личных отношений, партнеры должны получать друг от друга и от самого процесса взаимодействия максимум поощ-

рений и минимум издержек.

Недостатком данной модели является ее упрощенность, т.к. ее прообразом выступает деловое партнерство, которое не предполагает той глубины, той интимности, тех взаимных моральных обязательств, которые есть между друзьями.

В психоанализе аттракция связывается с удовлетворением неосознаваемых эмоциональных потребностей личности. Авторы неопрейдистских концепций (У. Шутц), связывают аттракцию с существованием у человека особых межличностных, коммуникативных потребностей, которые закладываются в раннем детстве.

В психодинамической теории при рассмотрении аттракции не учитываются процессы и механизмы межличностных отношений взрослых, а решающая роль отводится "травматическим" последствиям отрицательного детского опыта.

В когнитивной психологии анализируется информационная и процессуальная стороны общения (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Э. Уолстер, З. Рубин и др.), исследуются познавательные и символические моменты человеческих взаимоотношений: социальные установки, ценностные ориентации, знаки. Большое значение придается процессам атрибуции (приписывания), так как в дружбе важно не столько фактическое совпадение или несовпадение индивидуальных черт, сколько их восприятие, то, какие качества друзья приписывают один другому.

Исследование аттракции в рамках когнитивной психологии представляется нам более перспективным для эмпирических исследований на основе изучения фиксированных смысловых установок личности.

В символическом интеракционизме (Д. Мид, Д. Мак-Колл и др.) в аттракции рассматриваются социально-структурные и культурно-символические аспекты личных отношений. Личность формируется и осознает себя только во взаимодействии с другими людьми, поэтому необходимо изучение психологического содержания дружбы как процесса, выявление факторов привязанности данного Я к данному Другому.

Перечисленные подходы в рассмотрении аттракции являются взаимодополнительными, так как любой акт межличностного взаимодействия и весь процесс формирования и функционирования дружеских отношений в целом можно рассматривать и как поведенческий процесс сближения и соотнесения двух субъектов, и как познание од-

ного субъекта другим, и как удовлетворение какой-либо внутренней эмоциональной потребности субъекта, и как процесс символического взаимодействия, в ходе которого индивиды не просто обмениваются информацией, а усваивают точки зрения и жизненные перспективы друг друга, изменяя тем самым собственное Я.

В ходе исследований аттракции, проведенных в рамках рассмотренных подходов, были получены интересные частные результаты, но общим выводом оказалось отсутствие факторов, жестко детерминирующих уровень аттракции.

В начале 80-х годов XX в. в исследовании дружбы возникает новая научно-теоретическая парадигма, в которой дружба рассматривается как особый вид личных отношений.

Под личными отношениями понимаются устойчивые, развивающиеся взаимоотношения, которые индивидуальны, персонализированы и в ходе которых образуется новый субъективный, личностный смысл, обогащающий обоих участников. В личных отношениях выделяются восходящие и нисходящие стадии развития. При переходе из одной стадии отношений в другую происходят процессы, значение и смысл которых часто не осознаются, и их последствия по-разному интерпретируются участниками отношения.

Особенности данной парадигмы представляют возможности для эмпирического исследования взаимосвязи формирования и функционирования личных дружеских отношений с неосознаваемыми фиксированными установками личности.

Психология личных отношений как направление научных исследований дружбы впервые получила конкретное оформление в одноименном пятитомном труде, вышедшем под редакцией С. Дака и Р. Гилмура, а в 1985 г. организовано Международное общество для изучения личных отношений.

Как отмечает И.С. Кон, «дружба, как любые человеческие отношения, регулируется определенной системой правил. Их соблюдение очень важно для поддержания и оценки глубины дружеских отношений. Неписанный "кодекс" утверждает необходимость взаимопонимания, взаимной откровенности и открытости, доверительности, активной взаимопомощи, взаимного интереса к делам и переживаниям другого, искренности и бескорыстия чувств. Серьезные нарушения "ко-

декса" ведут к прекращению дружбы, или к поверхностным приятельским отношениям, а возможно даже к превращению дружбы в противоположность-вражду» [3, с. 134].

Дружба предполагает наличие общности цели, интересов, идеалов, намерений; в ней необходимо проявляется ценностно-ориентационное единство. Функции дружбы и закономерности ее развития существенно меняются на разных этапах жизни.

В дружбе очень большую роль играют эмоциональные переживания, ее формирование и развитие зависит от частоты контактов, от принадлежности к одной группе, от совместной деятельности.

Детская дружба, характеризуется эмоциональной привязанностью и основана, прежде всего, на совместной деятельности. С возрастом формируется потребность в другом человеке как личности, основанная на развитии потребности осознать самого себя, соотнести свои переживания с переживаниями другого человека. Наибольшей интенсивности дружба достигает в периоды юности и ранней взрослости, когда отмечается исключительная значимость отношений с друзьями, большие частота встреч и объем совместно проводимого времени. При этом дружеские отношения характеризуются глубоким эмоциональным контактом.

Для взрослого человека основания для дружбы имеют более дифференцированный характер, ибо дружеские чувства могут локализоваться в любовных, семейных или родительских отношениях. Появление семьи и другие изменения при переходе к взрослости изменяют характер дружбы - дружеские отношения перестают быть уникальными, их значимость несколько снижается, меняются функции дружбы. Однако и на более поздних стадиях жизни дружба остается одним из важнейших факторов формирования личности и поддержания стабильности Я-концепции.

В заключение можно отметить, что дружба является глубоким интимным отношением. Особенности дружбы как вида личных отношений является их индивидуализация, персонализация, и образование в ходе их становления и развития нового субъективного, личностного смысла. Максимальную интенсивность дружба имеет в периоды юности и ранней взрослости.

Наличие в личных дружеских отношениях процессов, значение и

смысл которых не осознаются, позволяют использовать в качестве инструмента исследования дружбы фиксированную социальную установку.

Литература

1. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987. 175 с.
2. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. М.: Наука, 1972. 153 с.
3. Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1987. 255 с.
4. Кон И.С. Психология юношеской дружбы. М.: Знание, 1973. 92 с.
5. Магун В.С. О парадоксальных соотношениях между адекватностью суждений человека о себе и других людях и тестовыми показателями интеллекта. // Личность и деятельность. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов СССР. - М., 1977 - С.15–16.
6. Мудрик А. В. Общение как фактор воспитания школьников. М.: Педагогика, 1984. 112 с.
7. Мохова Е.Е. Возрастная динамика представлений о друге и дружбе в младшем школьном возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2004. 235 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2010. - Т. 1 - 744 с., Т. 2 - 634 с., Т. 3 - 692 с., Т. 4 - 736 с.
9. Общение и формирование личности школьника / под ред. А.А. Бодалева и Р.Л. Кричевского. М. : Педагогика, 1987. 152 с.
10. Родина А.М. Представление о дружбе и о себе в различные периоды жизни человека: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2000. 217 с.
11. Юркова Е.В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 169 с.

РАБОТА В ТРЕНИНГОВОЙ ГРУППЕ «РАДУГА»

Барова Р.А.

*Центр психолого-медико-социального сопровождения «Лабиринт»,
г. Волжск*

Работая психологом-консультантом на протяжении 18 лет, нами был определен круг основных проблем, по которым обращаются к психологу, это:

- пьянств мужа или ребёнка (сына, дочери);
- развод;
- измена;
- межличностные отношения;
- другие.

Список составлен по уменьшению количества обратившихся. Поскольку одни и те же вопросы волнуют многих, а работа над ними тре-

бует длительного времени, возникла потребность создать тренинговую группу.

Такая группа была создана в сентябре 2005 года и действует по настоящее время.

Название «Радуга» дали сами участники группы, по тому разнообразию обсуждаемых в группе тем и по большому разнообразию участников группы. Группа открытая, то есть каждый может посещать занятия в удобные для себя дни, приводить в группу дополнительных участников.

Время работы группы — каждая среда с 17.30. до 20.00. время выбрано такое, что бы группу могли посещать работающие люди. Постоянно, вот уже 6 лет, каждую среду мы собираемся, исключая летний период (время отпусков).

Так как группа открытая и посещение свободное, то заранее нельзя сказать, сколько людей придёт. Однако, из практики можно отметить самое большее было 23 человека, самое меньшее 4 человека. В основном посещает 8-12 человек. Возраст участников тоже очень разный, начиная с 21 года и до 67 лет.

Работа группы строится по одной и той же схеме: садимся в круг, ритуал приветствия, если есть новые участники проводим знакомство, обсуждение правил работы группы, далее работаем с чувствами, затем, основная тема, заявка темы на следующую встречу и завершает встречу ритуал прощания.

Знакомство — называем только своё имя, кроме ведущей, которая говорит, что она психолог. Это необходимо для того что бы пришедший вновь человек, чувствовал себя защищённым, что бы у него не возникло чувство что что-то хотят выведать про него (это специфика малого города, когда многие знают друг друга, и человек опасается что его личная жизнь станет предметом любопытства).

Правила работы группы — правила такие же, как у любой тренинговой группы, только акцент делается на конфиденциальность. Опять же специфика малого города. «Можно рассказывать всё, что вы слышите, что мы обсуждаем, что происходит в группе, только без имён». Обсуждается более подробно правило высказывания от первого лица «Я думаю», «Я не согласен», а не «Мы не согласны». Остальные правила понятны и на них долго не задерживаемся.

Работа с чувствами. Поскольку уже говорилось, что основная проблема алкогольная зависимость близкого человека, то многие члены группы страдают со-зависимостью. Поэтому, как правило, они не могут отследить и проговорить свои чувства. В группе мы этому учимся, по таблице чувств, на каждом занятии.

Основная тема — заявляется заранее с прошлой встречи самими участниками или ведущей. Иногда одна тема имеет продолжение в несколько занятий. Как уже упоминалось, что основная проблема со-зависимость поэтому большое время уделяется работе по её преодолению по программе «12 шагов». Наряду с этим используются и другие программы («Личностный рост», «Эмоциональное выгорание», расстановки по методу Б. Хеллингера и др.). Много встреч посвящено проблемам в семье: «Мужское и женское», ««Давать» и «Брать» в партнёрских отношениях», «Слышать и Видеть», «Привязанность к родительской семье». Когда основная тема завершена — идёт обсуждение темы следующей встречи. При работе в группе участники делятся своим опытом, рассказывают о своих слабых и сильных сторонах, а также о своих надеждах.

Ритуал прощания. Группа встаёт в круг. Соединяет руки следующим образом: у каждого руки согнуты в локтях в стороны, левая ладонь развёрнута к небу (потолку), и на неё ложиться правая рука слева стоящего участника группы. Правая ладонь развёрнута вниз и она ложится на левую ладонь справа стоящего человека. Таким образом, круг замыкается. Закрываем глаза и говорим все вместе «Боже дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что могу и мудрость отличить одно от другого». Открываем глаза, не размыкая рук,жимаем руки, благодарим друг друга за участие. Всё, работа завершена.

Хочется сказать несколько слов о задачах ведущего:

- Планировать работу.
- Поддерживать общение участников, ободряя говорящих, внимательно слушая, проявляя терпение.
- Способствовать сплочённости и единству группы.
- Создавать стиль общения в группе, атмосферу группы.

Приведу один пример из высказывания участницы группы «С му-

жем разводиться не хочу, не хочу материально обделять своих детей. Закопать бы метра на два, надоел со своим пьянством. Я думаю ни мне, ни ему уже ничто не поможет». После занятия в группе в течение трех лет не пропуская ни одного занятия сказала: «Теперь я своего мужа никому не отдам. Отношения у нас стали настолько тёплыми, что нам хорошо вместе». Постепенно приобретая знания и меняясь сама, менялись и отношения. Цель ее достигнута, но, несмотря на это, она продолжает регулярно посещать занятия.

Люди, обремененные грузом проблем, с душевными ранами находят в нашей группе поддержку и помощь. Занятия в тренинговой группе «Радуга» способствуют стремлению к здоровому развитию личности.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРУППОВОЙ ФОРМЫ РАБОТЫ В ПРАКТИКЕ ШКОЛЬНОГО ПСИХОЛОГА

Башлай Эльвира Хамзеевна

МАОУ «Лицей им.Н.И. Лобачевского при КФУ» г. Казань

Любая деятельность есть процесс и результат

Значение школьного периода жизни человека трудно переоценить. От того, как он складывается — успешно или неуспешно, зависит многое в жизни человека. Многие проблемы взрослого человека могут быть лучше поняты, если обратиться к его годам обучения. Дело даже не в том, успешно или неуспешно учился человек, а в том, насколько комфортно он себя чувствовал в школе, с желанием ли каждый день ходил в школу, как складывались его отношения с одноклассниками и учителями. [1]

МАОУ «Лицей им.Н.И. Лобачевского при КГУ» — центр образовательной среды, разрабатывает и реализует свою образовательную программу в диаде с КФУ (бывшим КГУ). В лицей дети поступают из разных школ города в 7, 8, 9, 10 классы. На первых порах обучения многие учащиеся испытывают психологические трудности, которые связаны с формированием нового коллектива. Не все новички лицея готовы к высоким учебным нагрузкам, где параллельно в классе идет

жесткая конкуренция в борьбе за лидерство и первенство в учебе и олимпиадной деятельности.

Вышеперечисленные трудности учащихся определили для меня постановку главной профессиональной цели: содействие созданию такого образовательного сообщества детей и взрослых, в котором каждый ученик будет чувствовать себя неотъемлемой частью большого коллектива, чувствовать себя уверенно и комфортно, быть принятым и понятым в этом коллективе. Согласно цели, поставила перед собой наиболее приоритетные и актуальные для лица **задачи:**

1. Сократить срок адаптационного периода вновь поступивших учащихся лица.

2. Способствовать тому, чтобы каждый новый ученик лица был принят в коллективе и чувствовал себя комфортно.

3. Помочь учащимся за максимально короткое время стать дружным сплоченным коллективом.

Формирование у субъектов лицейской образовательной среды чувства «Мы — лицеисты», **чувства общности и сплоченности** выступает как **цель** и как **условие**, необходимое для успешного решения профилактических, коррекционных и развивающих задач.

Еще французский психолог Жан Пиаже подчеркивал важность хорошего психологического самочувствия ребенка в коллективе.

В коллективе индивид иначе мыслит, иначе чувствует, иначе проявляет себя писала Н.К.Крупская. В свое время А.С.Макаренко отмечал, что одной из главных задач педагога, является организация детского коллектива. Проблема личности и коллектива центральная для психологической концепции А.С.Макаренко. Понимание коллектива, предложенное А.С.Макаренко, предопределяло вопрос о месте личности в коллективе и системе общественных отношений. Коллектив формируется и сплочается не в любой деятельности, а в такой, которая составляет основное содержание жизни коллектива, т.е. побуждается актуальными мотивами. [2] Актуальными мотивами для лицеистов поступивших в лицей, являются с одной стороны их познавательные интересы «Хочу учиться и получать знания», с другой «Хочу быть принятым в новом коллективе и занять свое место, желательно статуса лидера».

Для успешного решения профессиональных задач и достижения поставленной цели я выбрала **групповую форму работы**, которая по-

зволяет мне использовать широкий арсенал методов и психологического инструментария, использовать разные статусы и роли: ведущего, статиста, наблюдателя, активного участника, транслятора, эксперта, консультанта, партнера по общению.

Формирование дружного лицейского коллектива начинается с июля. В это время мы совместно с вновь поступившими детьми выезжаем в летний профильный лагерь Юнитур.

Особенностью летнего заезда 2010 года является то, что его программа была ориентирована на интеллектуальную и психологическую составляющую. Дети, поступившие в разные классы лицея, были объединены в один отряд в количестве 40 человек. Таким образом, начало лицейского коллектива начинается с формирования малой группы. Отряд можно обозначить и как диффузная группа, где на этом уровне начинаются процессы групповой дифференциации (стихийное выявление лидеров, образование диад и триад, начальный этап формирования индивидуальных предпочтений).

По мере понимания того, чем дети будут заниматься в лагере, и включения в эту деятельность мы наблюдали, как из аморфной группы новичков, начинают выкристаллизовываться такие структурные образования, как межличностные отношения со всей гаммой эмоциональных оттенков. В лагере многие дети приобретают настоящих друзей, эмоционально близкими друг другу дети становятся еще и потому, что осознают принадлежность к одной социальной общности «Мы — лицеисты». Однако на этом целенаправленная работа по формированию лицейского коллектива не заканчивается.

С целью сокращения срока адаптации в августе ежегодно для вновь поступивших учащихся 7 – 10 классов проводится **трехдневный вводно-адаптационный тренинг «Здравствуй, лицей!»**. Количество участников составляет более 200 человек. Тренинг предусматривает упражнения на уменьшение психологической дистанции, командную согласованность, доверие, развитие внутригрупповых контактов. Для формирования детско-взрослой общности в лицее работает дискуссионный клуб. Такая форма работы помогает мне, всем участникам образовательного процесса объединиться, лучше понять и принять друг друга в процессе совместной, организованной деятельности.

Я выбрала для себя групповую форму работы, которая позволяет

снизить время адаптационного периода и сформировать лицейский коллектив за очень короткое время. Групповая форма работы позволяет еще на первых этапах обучения выявить личные проблемы школьников (неразвитость коммуникативных качеств, отсутствие умений работать в команде и т.д.). Групповая форма работы в лицее способствует уменьшению психологической дистанции между детьми, детьми и взрослыми, формирует чувство общности на уровне лицейской параллели, помогает подружиться и приобрести настоящих друзей, способствует самораскрытию и самопрезентации. Главное, групповая работа учит согласовывать свои потребности, устремления и действия с интересами других.

Сегодня в лицее обучается 572 ученика. Все они с радостью бегут в лицей. Здесь у них сложились хорошие взаимоотношения с учителями и лицеистами. Лицей — их второй дом, где они чувствуют себя принятыми, нужными и значимыми друг для друга.

Литература

1. Локалова Н.П. Школьная неуспеваемость: причины, психокоррекция, психопрофилактика: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2009. – 368 с
2. Петровский А.В. и Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. Учебное пособие для студентов пед.институтов. М., «Просвещение», 1978.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО У СЛАБОВИДЯЩИХ ПОДРОСТКОВ

Бейнарович К.К.

Санкт-Петербургский государственный университет

Временная перспектива, ближайшая и дальняя, одно из основных новообразований подросткового возраста. Будущее для старшеклассников является аффективным центром их жизни. В настоящий момент проблема отношения к будущему активно изучается как в теоретическом, так и в экспериментальном плане. Существует целый ряд понятий, отражающих различные аспекты отношения к будущему. С одной стороны это могут быть мечты, фантазии, грезы, составляющие желаемую, но не обязательно осуществимую картину будущего, или тревоги, опасения, ожидания неприятных событий, которые с определенной вероятностью могут произойти в жизни каждого и которых, по возможности, ему следует избежать. С другой стороны, когда предметом

исследования выступает будущее человека в масштабе его жизненного пути, т.е. долговременная картина жизни в будущем, речь идет о жизненных целях и планах, ориентациях и перспективах[1]. Исследованию жизненного планирования посвящены работы ряда авторов как отечественных, так и зарубежных: К.А. Абульхановой–Славской, И.С. Кона, А.А. Кроника, Е.И. Головахи, В.И. Ковалева, В.Г. Асеева, Р.А. Ахмерова, Н.Н. Толстых, Г.С. Шляхтина, К.Левина, Л. Франка, Ж. Нюттена, Д. Клинберга, Р. Костенбаума, Т. Коттле и др. Исходное представление о временной перспективе как субъективном образе будущего заложил К. Левин. С точки зрения автора, жизненная перспектива является своеобразной самопроекцией человека в будущее и отражает всю систему его мотивов и одновременно как бы выходит за пределы наличной мотивационной иерархии. Под временной перспективой в раннем юношеском возрасте, понимают выделяемый в сознании план представлений о будущей жизни, который рассматривается как одна из центральных в старшем школьном возрасте инстанций, опосредующая деятельность человека, влияющая соответствующим образом на содержание и функционирование мотивационно–потребностной сферы личности[2]. Слабовидение значительно осложняет адаптационные возможности подростков в ситуации столкновения с реальной жизнью после окончания школы. Поэтому проблема планирования собственного будущего и адаптации в социуме является особенно острой. Так готовность слабовидящих подростков к выбору профессии, учебного заведения и планирование своего будущего в профессии, во многом определяется их представлением о будущем. Поэтому актуальность исследования определяется необходимостью изучения особенностей представления о будущем у подростков с нарушением зрения. Это позволит определить «проблемные зоны» будущей интеграции, и определить направления психологической помощи и поддержки. Работ, посвященных изучению особенностей представления о будущем у слабовидящих подростков крайне мало. Задачей нашего исследования стало выявление особенностей представлений о собственном будущем у слабовидящих подростков. В исследовании приняли участие 241 старшеклассник в возрасте 14 – 19 лет, из них 97 — с нарушениями зрения (острота зрения 0,01 – 0,4диоптрии). Контрольная выборка составила 144 старшеклассника с нормальной зрительной функцией (острота

зрения 0,8 – 1 дп). Исследование было проведено с помощью методики М.Р. Гинзбурга «Изучение привлекательности профессионального будущего» и разработанной нами биографической анкеты, которая направлена на изучение эмоционального отношения к прошлому, настоящему и будущему как основных субъективно воспринимаемых этапов жизненного пути. Представление о будущем подростков складывается из взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга когнитивного, эмоционального и позиционного компонентов. Когнитивный компонент будущего у слабовидящих и нормально видящих подростков представлен стандартным кругом понятий (учеба, семья, работа, материальная обеспеченность и т.д. «хочу поступить в институт; боюсь, что не сдам ЕГЭ, не поступлю в вуз; боюсь, что не закончу вуз; найти хорошую работу; купить квартиру»). Он слабо дифференцирован по содержанию и не всегда конкретно определен в сознании у слабовидящих подростков. Эмоциональный компонент представления о будущем внутренне противоречив, часто содержит различные по знаку оценки будущего. Так выявлены достоверные различия по 3 шкалам между нормально видящими и слабовидящими подростками. Эти различия свидетельствуют о том, что шкала «интереса» ($p < 0,01$), «уверенности» ($p < 0,05$), «оптимизма» ($p < 0,05$) у слабовидящих подростков достоверно ниже, т.е. они в меньшей мере интересуются своим будущим, не чувствуют уверенности и спокойствия и не испытывают чувства надежды и радости по отношению к своему профессиональному будущему. Это, по-видимому, связано с тем, что ограниченное пространство самореализации, обусловленное имеющимся зрительным дефектом, а также сложившиеся современные социально-экономические условия, способствуют возникновению сильного психологического напряжения. Особенно это сказывается при выборе молодыми людьми профессии. Для подростков с нарушенным зрением характерна тревожность за свое будущее, неуверенность в своих силах («не знаю, смогу ли я учиться в вузе; боюсь, что не стану профессионалом; не найду работу с достойной заработной платой»), хотя достоверных различий по шкале «страха», «тревожности» и «индифферентному отношению» между группами выявлено не было. Позиционный компонент представления о будущем подростков с нарушением зрения, также несогласован, больше иллюзорен, поскольку уверенность в воз-

возможности совладать со своим будущим не укоренена в четких представлениях, как это сделать. Они уверены в том, что их будущее зависит от них: «целеустремленное», «в моих руках». Общее количество названных событий у слабовидящих и нормально видящих подростков в прошлом и будущем практически одинаково, 1–2 события, что свидетельствует о бедности психологического времени испытуемых. Количество и вес грустных событий в прошлом значительно выше, чем в будущем, а количество и вес радостных ожидаемых событий в будущем — выше, чем в прошлом, т.е. представление о будущем у подростков более радостное, чем прошлое. Однако в прошлом слабовидящих подростков встречается достаточное количество грустных событий, оно значительно больше количества грустных событий у подростков с нормальным зрением ($p < 0,01$). Основное количество событий, как в прошлом, так и в будущем — это значимые события. Прошлое и будущее одинаково значимы для испытуемых, они слабо дифференцируют события по их влиянию на свою жизнь. Будущее для подростков с ослабленным зрением, это ближайшие 5 лет, таково среднее время антиципации в данной группе, которое больше, чем среднее время ретроспекции. Это значит, что будущие события имеют более высокую степень потенциальности для подростков с нарушением зрения, чем прошлые события — степень реализованности. То есть подростки с нарушением зрения более ориентированы на будущее и их настоящее больше определяется представлениями о будущем, чем воспоминаниями о прошлом. Грустные события в прошлом слабовидящих подростков, чаще всего, события биологического типа, связанные с болезнями и травмами, своими или близких («развод родителей, операция, смерть одного из родителей, друга или подруги, любимого животного, провал важного дела»). Эти события «впечатываются» и долго остаются в памяти. Радостные события в прошлом это события личностно-психологического типа, значимые для испытуемых, которые напоминают им об опыте межличностных отношений и достижениях («успешная сдача экзаменов, достижения и победы в соревнованиях, встреча друга, поездка»). Будущее подростков с нарушением зрения связано с нахождением хорошей работы и материальной обеспеченности («найти достойную работу, купить машину, квартиру»), а грустные события в будущем, чаще связаны с предполагаемыми неудачами при поступле-

нии и обучении в вузе («провал на сессии; боюсь, что вылечу из института; не смогу учиться в вузе»). Замечено что, чем больше слабовидящие вспоминают грустных событий в прошлом, тем больше таких событий они предполагают в будущем. Таким образом, чем более значим «печальный» опыт прошлого, тем большее влияние он оказывает на представления о будущем, делая его менее оптимистичным и более приближенным к реальности. Это свидетельствует о прямом переносе опыта прошлого в предполагаемое будущее. Итак, «событийное прошлое» слабовидящих подростков, лежит в основе их представлений о будущем, т.к. свой жизненный опыт они проецируют в будущее практически без изменений, что свидетельствует, о незрелости их представлений о будущем.

В заключении можно сказать об особенностях образа будущего у слабовидящих подростков: структура представления о будущем инвариантна, насыщена по содержанию и в целом согласована по смыслу. Когнитивный компонент субъективного будущего логичен, имеет четкие приоритеты и нацелен на достижение желаемого качества жизни. В эмоциональном компоненте будущего подростков с нарушением зрения выражена тревога, снижены уверенность и интерес, содержатся противоречия, что демонстрирует напряженность эмоционального отношения. Позиционный компонент будущего предполагает высокий уровень своей интернальности в будущем, который согласуется с содержанием их будущего. Описанные результаты исследования указывают на необходимость психологической поддержки процесса жизненного самоопределения старшеклассников. Помощь в планировании жизненного пути должна включать осознание и постановку жизненных целей, смысла их реализации, выработку стратегий и способов их достижения. Коррекционно-развивающая работа должна быть направлена на коррекцию и развитие дифференцированности, смысловую согласованность и реалистичность представления о будущем, что, несомненно, облегчит адаптацию слабовидящих подростков.

Литература:

1. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи/Е.И. Головаха - Киев: Наукова думка, 1988.- 142 с.
2. Толстых, Н.Н. Варианты временной перспективы//Формирование личности старшеклассника/ Под ред. И.В. Дубровиной – М.: Педагогика, 1989.-168 с.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Белан Е.А.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В философии Нового времени, как и в философской мысли предыдущих эпох, сохранялся интерес к вопросам диалектики свободы и необходимости, свободы человека и божественной предопределённости, взаимодействия воли и разума, а также предназначения и целесообразности человеческой жизнедеятельности.

Спиноза придерживался взгляда на свободу как на абсолютную необходимость в том понимании, что такая свобода зависит от себя самой [7, с. 240]. Соотношение свободы и необходимости вытекает из общей философской концепции Спинозы, согласно которой «в природе вещей нет ничего случайного, но все определено к существованию и действию по известному образу из необходимости Божественной природы» [11, с. 345]. Человек свободен поступать тем или иным образом, однако «если свобода человека определена к какому-либо действию, то надо сказать, что Бог в этот момент так создал его» [10, с. 263]. Спиноза не видит противоречия в том, что воля человека часто определена внешними причинами. С точки зрения мыслителя, все внешние вещи также предопределены Богом, и в данном случае выступают не более чем посредники. Самой причиной предопределения действий человека выступает опять же Бог [10, с. 263]. Именно поэтому Спиноза, полагая свободу действия человека сообразно с божественной волей, полностью отрицал возможность свободного самостоятельного волеизъявления в душе [11, с. 406].

Согласно рассуждениям Лейбница, души обладают некоторой свободой постольку, поскольку они представляют собой монады. Подлинной свободой в понимании Лейбница обладает только Бог [4, с. 175]. Свобода человека зависит от божественной воли [5]. Свобода человеческой деятельности зависит и от психологических детерминант, которые являются случайными, и поэтому, преодолевая случайности дух может приблизиться в своей свободе к Богу. По Лейбницу, всякий свободный акт необходим и заключается в свободе выбора [4, с. 178].

Определение свободы и необходимости в логике свободы выбо-

ра, т.е. свободы действовать или воздержаться от действия, давал Дж. Локк [6]. Для Локка очевидно, «что всегда, когда предлагается совершить в данный момент действие, человек не свободен хотеть или не хотеть, потому что он не может воздержаться от хотения, а свобода состоит в силе действовать или воздержаться от действия, и только в этом» [6, с. 297].

Юм рассуждал о свободе и необходимости как о неких условностях, не имеющих метафизического содержания [14].

В философии Нового времени можно найти примеры абсолютизации одной из составляющих диалектического единства: необходимости или случайности. В этом случае происходит их полное отождествление, как, например, у Гассенди, в учении которого необходимость отождествляется со случайностью [1].

Вопрос о свободе и необходимости взаимосвязан с вопросом о свободе воли. Воля как начало динамическое испытывает ограничения со стороны разума. Соотношение воли и разума — актуальный вопрос как для философии предыдущих эпох, так и для новоевропейской философской мысли. Воля полагается активным началом. Разум также обладает активностью. Тем самым в человеке оказываются соединёнными две активные природы. Однако активность воли иная, нежели активность разума. Воля понимается как спонтанная, случайная, стихийная, движимая страстями. Активность разума — необходима, целенаправленная, согласована с божественным соизволением. Таким образом, соотношение воли и разума — это баланс активности. Например, Лейбниц связывал волю и разум со свободой [4, с. 175]. Поэтому и разум и воля в таком понимании, остаются свободными и активными.

В понимании Декарта свободная воля представляется «неразрешимой загадкой, заданной мистифицирующим богом человеческому уму» [8, с. 58]. Свободная воля имеет, по Декарту, более обширную сферу действия, ум же ограничен [2]. Воля, по Декарту, «по природе своей до такой степени свободна, что ее никогда нельзя принудить» [3, с. 499]. При этом разумной воле должны подчиняться не только дух, но и тело человека, поэтому страсти умеряются волей.

Спиноза полагал волю и разум тождественными [11]. Воля в понимании Спинозы свободна, как разум, поскольку predeterminedены Богом. Однако воля есть и необходимость по этой же причине. Целесо-

образность человеческой деятельности, по Спинозе, лежит в области сообразованности с божественным соизволением и является свободной в той мере, как свободна душа, поскольку ничто внешнее не может изменить её сущность [10]. Тем самым, в философии Спинозы устанавливается диалектика воли и разума как свободы и необходимости.

Дж. Локк видел свободу человека в следовании разуму [6]. Локк различает волю как хотение и волю как момент принятия решения. В первом случае хотение произвольно, неконтролируемо и неуправляемо. В принятии решения всегда задействован разум [6]. Локк убеждён, что человек способен проявить свою волю в самоопределении собственных действий [6, с. 300].

Признавая диалектичным учение Лейбница о свободе, В.В. Соколов замечает, что философ признал «несостоятельность понятия свободной воли» и противопоставил ему понятие свободы человека [9, с. 70]. По Лейбницу, свобода может быть как юридическим, так и фактическим понятием: «фактическая свобода заключается либо в силе делать то, что хочешь, либо в силе хотеть как должно» [4, с. 174]. Поэтому при учитывании сложности обстоятельств человеческой деятельности, следует полагать свободу в свободе действия. Человек, таким образом, свободен в выборе действия, и никакая детерминация его лишит этой свободы не может. В связи с этим особое значение приобретает моральная необходимость. Поскольку вся деятельность человека является мотивированной, то и ответственность за эту деятельность должен нести сам человек. Лейбниц систематически подчеркивает, что не может быть немотивированной воли. Мотивы и образуют ту моральную необходимость, без и вне которой невозможна сама свобода [9, с. 72].

В то же время Ф. Бэкон видел главное предназначение и целесообразность человеческой деятельности в общественной пользе. Человеческая польза соотносилась Ф. Бэконом с удовлетворением жизненных потребностей человека, расширением удобства его жизни, возвышением его могущества [13, с. 254].

Таким образом, в философии Нового времени развиваются идеи о свободе и необходимости, целеполагании в деятельности и взаимодействии воли и разума. Принципиально новых идей философы этого периода (по сравнению с предыдущими эпохами) не высказывали, од-

нако определённая эволюция теоретической мысли в отношении диалектики свободы и необходимости (в том числе и применительно к волевой сфере человека) связана с большим вниманием к организации активности индивидуальной личности в сфере практической жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Гайденко П.П.* История новейшей европейской философии в ее связи с наукой. М.; СПб., 2000. URL: <http://www.philosophy.ru>.
2. *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 297–422.
3. *Декарт Р.* Страсти души // Декарт Р. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С.481–572.
4. *Лейбниц Г.-В.* Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.
5. *Лейбниц Г.-В.* Рассуждение о метафизике // Лейбниц Г.-В. Сочинения: в 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
6. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении: кн. 1–3 // Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 1: Опыт о человеческом разумении. – М.: Мысль, 1985. – 621 с. – С.78–582.
7. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия. – Т. 3. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 736 с.
8. *Соколов В.В.* Философия духа и материи Р. Декарта // Декарт Р. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 3–76.
9. *Соколов В.В.* Философский синтез Готфрида Лейбница // Лейбниц Г.-В. Сочинения: в 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 3–77.
10. *Спиноза Б.* Приложение, содержащее метафизические мысли // Спиноза Б. Избранное. Мн., 1999. URL: <http://filosof.historic.ru>.
11. *Спиноза Б.* Этика // Спиноза Б. Избранное. Мн., 1999. URL: <http://filosof.historic.ru>.
12. *Фишер К.* Фрэнсис Бэкон Верлуамский: реальная философия и ее эпоха // История новой философии: введение в историю новой философии. – М.: Издательство АСТ, 2003. – С. 217–536.
13. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетели; под общ. ред. И.С. Нарского. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. С.42–677.

ТЕКСТУАЛЬНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПЕДАГОГА

Белова С.В.

Волгоградский государственный педагогический университет

Становится все более очевидным, что эффективные результаты модернизации образования и решение новых задач, стоящих перед

российской школой, зависят от уровня сформированности профессионального сознания педагога. Проблему развития профессионального сознания, характеризуемого «способностью субъекта к ценностно-смысловому самоопределению, к рефлексии способа своего существования» (В.И. Слободчиков), можно, вне всякого сомнения, признать одним из «крепких орешков» в психологии профессионализма. Трудность ее исследования заключается в понимании того, что «становящееся», «живое» сознание, при всей своей очевидности, упорно сопротивляется любым концептуализациям [4, с. 11].

В нашем исследовании мы исходим из тезиса, что в качестве основного условия развития профессионального сознания педагога выступает «межиндивидуальное пространство человеческих встреч» (В.И. Слободчиков), в котором педагог проявляется не в роли «педагогической функции», а в разных ипостасях многогранного человека. Речь идет о «со-бытийной общности», представляющей систему позиционных связей и отношений людей, вышедших из статусного и ролевого функционирования в такое пространство взаимодействия, где место, способы действия не заданы, а впервые должны быть выстроены самим человеком [2, с. 208]. Здесь актуален вопрос о создании ценностно-смыслового поля этих «незаданных» отношений. Они возникают в деятельности, которая обнаруживает авторство и соавторство педагога в своей профессии и в культуре.

По Г.П. Щедровицкому, ситуация деятельности может разворачиваться на основе текста, являющегося не столько «коммуникативным», сколько «транслятивным». «Смысл коммуникации состоит в передаче информации, а смысл трансляции в передаче средств, или коммуникация передает знания, а трансляция — средства» [5, с. 111]. Именно текст как «смыслопорождающее устройство» (Ю.М. Лотман), как способ выражения «человека в его специфике» (М.М. Бахтин), как «структурообразующий процесс» (Р. Барт), позволяет объективировать субъективное и развернуть ситуации со-бытийного сотворчества. В отличие от безличной информации, текст, предназначенный для транслирования, задает интерпретатору вопрос. Он запрашивает ситуацию диалога, организует отношения между автором и адресатом сообщения.

Таким образом, развитие профессионального сознания педагога необходимо связывать со спецификой текстуально-диалогических от-

ношений, возникающих в педагогической реальности. Мы полагаем, что текстуально-диалогический принцип следует рассматривать как важный регулятив в проектировании условий развития профессионального сознания педагога. Он заключается в том, что в качестве предметной области, на основе которой разворачивается деятельность (учебная, образовательная, педагогическая), выступает текст, а методом его гуманитарного познания является диалог [1]. Образование, при этом, согласно идеям гуманитарно-антропологического подхода (Б.Г. Ананьев, Б.М. Бим-Бад, Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков и др.), отражает всю полноту человеческой реальности, а личность в образовании предстает в динамике сложных взаимоотношений. По сути, это отношения между «автором» и «адресатом» образовательной ситуации. Профессиональное сознание учителя, в данном случае, включает направленность рефлексии на подобные взаимоотношения.

В рамках программы развития Научно-исследовательского центра гуманитарных образовательных технологий Волгоградского государственного педагогического университета нами был разработан проект «Повышение профессионального мастерства и гуманитарной культуры педагогов». Он направлен на поиск эффективных способов управленческой поддержки профессионально-личностного саморазвития педагога. Проект реализуется на базе образовательных учреждений Новониколаевского района Волгоградской области.

В реализации проекта принимают участие более полутора тысяч школьных учителей и воспитателей детских садов. Среди форм совместной работы определены: конференции, психологические тренинги и тренинги личностного роста, обучающие семинары, клубные встречи, мастер-классы, стажировки в лучших школах страны, исследовательские лаборатории, индивидуальные консультации. Интересно заметить, что такие формы (например, творческие встречи с известным модельером Вячеславом Зайцем и обсуждение вместе с ним проблемы имиджа учителя или стажировка в московских школах «Образовательный центр № 109», «Ковчег», «Класс-центр») позволяют педагогам выходить на новый уровень рефлексии своих педагогических возможностей. На основе такой рефлексии осуществляется совместное проектирование гуманитарной образовательной среды. Это среда с широким спектром внутренних и внешних связей, в новых границах межшколь-

ного и межрегионального сотрудничества. Одним из ее элементов является корпоративная культура профессионального педагогического сообщества. Она включает систему ценностей, закрепленную в традициях, идеях, договоренностях, характере отношений, формах сотрудничества и взаимоподдержки.

Участвуя в проекте, педагоги имеют возможность осознать собственную позицию в профессии и осуществлять рефлексию способов своей профессиональной деятельности через анализ индивидуальных и коллективных текстов культуры. Разработана типология текстов, позволяющих, с одной стороны, фиксировать содержание образовательной среды, с другой — выявлять авторскую позицию педагога и развивать его самосознание. Это «учебные тексты» (программы профессионально личностного развития), «коммуникативные тексты» (новые формы общения между педагогами), «педагогические тексты» (модели уроков и мероприятий), «управленческие тексты» (проекты инновационного развития образовательного учреждения). Они обнаруживают смысловые ориентиры педагогов, проявляющих себя в качестве субъектов собственного образования, педагогического общения, педагогической деятельности, управления образовательным учреждением.

Среди вопросов, возникших в процессе исследования, — вопросы, связанные с: определением взаимосвязи профессиональной жизнедеятельности педагога, представляющего как конкретная уникальная личность и как представитель коллективного субъекта; уяснением иерархии отношений, в которые он реально включен. Нами выявлена зависимость готовности педагога к саморазвитию и повышению профессионального мастерства от степени осознания им своей авторской (внутренне-диалогической) и соавторской (внешне-диалогической) позиций в системах: «Общение», «Самообразование», «Профессия», «Индивидуальная культура», «Корпоративная культура», «Управление образовательным учреждением», «Система образования». Данные позиции предполагают инициативность, самостоятельность, креативность, готовность к диалогу, рефлексию. Они представлены ролями: 1) «диалогичный субъект педагогического общения»; 2) «менеджер своего образования»; 3) «автор собственной педагогической системы»; 4) «человек культуры»; 5) «член творческого сообщества профессионалов»; 7) «субъект соуправления образовательным учреждением»; 8) «инициатор инновационного развития системы образования».

Как показал наш эксперимент, работа, связанная с проектированием модели педагогического сообщества и гуманитарной образовательной среды на основе текстуально-диалогического принципа, вызывает у педагогов большой интерес, существенно влияет на результаты их труда и инновационное развитие образовательных учреждений.

Литература

1. Белова С.В. Педагогика диалога: Теория и практика построения гуманитарного образования. М.: АПКИПРО, 2006.

2. Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005.

3. Хант, Г.Т. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения /Пер. с англ. А. Киселева. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004.

4. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 кн. Кн. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 г. / Сост. Г.А. Давыдова. – М.: Вост. лит., 2005.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ СРЕДИ ПСИХОЛОГОВ И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

Берне Ника, Рига, Латвия

Рижская высшая школа педагогики и психологии

На протяжении всей истории человечества и науки о человеке вопрос о возникновении и существовании души служил важной движущей силой познания. Ценным объектом анализа могут служить представления о душе в среде, имеющей контакт с «душевыми мирами» различных людей.

Другой не менее важный вопрос — каковы точки соприкосновения мира психологии и мира религии? Отношение церковных общин к научной психологии и отношение психологов к наставлениям и откровениям о душе в равной степени сохраняется напряженным. Психологи осознанно отвергают теологически ориентированные размышления, основываясь на том, что это не согласовывается с наукой, требованиями исследовательской объективности, ее экспериментальной проверяемостью, воспроизводимостью и т. д. В свою очередь теологи продолжают видеть в психологии заведомо ложные попытки ограничить внутренний мир человека, описать его средствами экспериментальной науки (Братусь, 2005).

В нашем исследовании представление о душе рассматривалось как социальное явление, которое относится к обществу, образованному ежедневными разговорами и действиями отдельных людей. Цель исследования — охарактеризовать и отобразить различные значения понятия «душа», на которые указали группы православных священников и психологов, а также рассмотреть сходства и различия этих взглядов. Для достижения целей исследования были созданы две выборки: психологи и представители православного духовенства. В выборке психологов были сделаны две подвыборки — верующие психологи и психологи, которые позиционировали себя как атеисты. Исследователь исходила из таких критериев, при образовании выборок: атеисты-психологи — те, кто себя не причисляет ни к одному вероисповеданию, не верят в Бога, психологи верующие — те, кто причисляют к себя к религии и духовенство — те, кто служат в церкви, имеют духовное образование, имеют рукоположение или монашествуют.

В рамках этого исследования использован качественный дизайн и метод полуструктурированного интервьюирования; проведен анализ информации, полученной в интервью. Содержание интерпретаций результатов исследования, суждений о душе проанализировано как информационное поле, образованное разными религиозными и психологическими идеями, и как общее явление, относящееся к вовлеченным в исследование группам.

При теоретическом анализе религиозных и психологических представлений о душе, с исторической точки зрения, были установлены весомые различия между этим понятием. С точки зрения религии, душа — метафизическая единица, которой присущи жизненность и бессмертие; это единица, которую определяет особая духовная реальность (Бог, духовный мир) и она характеризуется подчинением законам и задачам этой реальности (побуждение к нравственности, потребности в искуплении грехов, спасения); душа — продолжение сущности человека, которое выражает его свободу от всех детерминативов, за исключением духовных, это — средство спасения самого себя, орган познания Бога (создающий связь с ее детерминативной духовной реализацией), это, в свою очередь, путь к гармоничному взаимодействию с ним.

С точки зрения психологии душа не является метафизической единицей, она не рассматривается как аспект бессмертия (неограни-

ченное существование во времени), в некоторых случаях упоминается лишь феномен возможной реинкарнации души; душа — элемент, связывающий индивида и общество; в этом аспекте не рассматривается детерминация души высшей реальностью, и никакой иной реальностью за исключением биологической природы (потребностей и инстинкта) или социальной среды (социальные потребности); душа — это самостоятельный феномен (психо-детерминация), она желает реализации самой себя или, возможно, это — цель (открытие всего ее потенциала и свобод), появляющаяся в результате самореализации. Также душа — это, в то же время и вектор или направление, которое считается предметом свободного выбора (неподчинение каким-либо ограничениям). В отличие от психе, душа в психологии рассматривается как самостоятельная единица – психологическое средство постижения своей сущности, выходящее за пределы тела и психики в глубину непознаваемого.

Как в религии, так и в психологии, душа (или ее аналог) считается уникальным особо ценным явлением, которое связано с развитием, совершенствованием (что в религии оценивается как норма и моральный императив, а в психологии — как единица свободного выбора и вопрос мотивации человека). Душе присущи свобода выбора, разум, воля и преднамеренность (целенаправленность), целостность.

Атеизм отрицает возможность всех духовных реалий: богов, духов, загробного мира, воскресения, души, ее бессмертия и перевоплощения. Атеизм отрицает создание мира и всё, что с этим связано, но признает вечность и нематериальный мир, развитие природы и общества.

Проведенное нами исследование показывает, что представления о душе людей разных социальных групп имеют свои особенности. Сравнив современные социальные представления о душе респондентов — участников исследования можно сделать вывод, что:

– большая часть опрошенных рассматривает душу как человека в общем, его личность или «Я». Еще большая часть опрошенных допускает, что у души есть связь с совестью, интуицией и сердцем. Категории, которыми большая часть респондентов характеризуют душу — экзистенциальные категории (бытие, смысл, жизненность, тема кризиса, страдания, смерть, трансформации), а также категории трансценден- тальности (нематериальность, неосвязаемость, неограниченность), величия (кульминации совести, чувств, наблюдения за красотой, переживаний), свободы выбора.

– при общей характеристике мнения психологов, которые считают себя атеистами, можно выделить такие категории души как энергия, отношение к внутренним переживаниям, высокая ценность или бесценность, обладание желаниями, чувствами, разумом или мировоззрением, связью со всей личностью и целостным постижением своего «Я». Смысл значения «душа» выступал как человек в общем, употреблялся в связи с экзистенциальными категориями (говоря о кризисах, жизненности, наличия смысла), в связи с разговорами о трансформации и изменении человека в течение жизни, о миссии, о свойстве, способном оказывать человеческую поддержку в кризисе, желающим совершенствования своих способностей, желающим самовыражения, имеющим свои собственные процессы (осознанные и неосознанные), посмертную трансформацию (реинкарнацию).

– при общей характеристике социальных представлений о душе тех психологов, которые считают себя верующими, можно выделить такие категории, как связь с личностью или своим «Я», важность своей бытийности, детерминация сущности души, спектр резонанса, величие (духовность, любовь, тонкая структура, гуманизм), иррационализм, совесть, проявление во взаимодействии с другими людьми, целенаправленность, позитивизм, посмертная трансформация, острое проявление в экзистенциальные моменты (кризисы, наличие, смысл).

– в поле представлений верующих психологов и психологов-атеистов находятся метафоры из психоанализа, аналитической психологии Юнга, экзистенциальной, гуманистической и эмпирической психологии, идеи направлений восточных религий (суфизма, йоги, буддизма и даосизма), психоэнергетики, эзотерики и астрологии. Категория «душа» описана с использованием метафор физики, квантовой физики, биологии, литературы и языковедения;

– информация социального представления о душе представителей духовенства включала в себя главным образом идеи и метафоры христианской Святоотеческой традиции, Нового и Ветхого Заветов, а также метафоры поэтической литературы, пословицы и поговорки.

– при рассмотрении взглядов на душу в сравнении с информацией, представленной представителями всех трех групп, можно выделить различия, которые вытекают из взглядов священников и психологов: во взглядах верующих психологов чувствовалось влияние западных рели-

гиозных учений и философий, а во взглядах священников — Теологии и Библии. Представители духовенства выражались с использованием поэтических и литературных метафор, упоминая специфические религиозные слова и образы; психологи, которые считают себя атеистами уделяли внимание метафорам, связанным со спонтанными проявлениями, общественными и социальными отношениями).

Достоверность результатов является ограниченной, так как они являются плодом взаимодействия конкретного исследователя и конкретных респондентов, поэтому вероятность того, что другой исследователь получит такие же результаты, очень мала. Но несмотря на это, мы считаем, что результаты данного исследования являются достаточно интересными, чтобы побудить к дальнейшему исследованию этой темы.

ОРИЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ НА ДОБРО И ЗЛО И ЕЕ СКЛОННОСТЬ К ЗАВИСТИ

Бескова Т.В.

Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета в г. Саратове

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта № 10-06-00091а «Социально-психологические детерминанты зависти как характеристики межличностных отношений»

Проблема добра и зла, являясь одной из вечных проблем в истории человеческой мысли, в последнее время все чаще, хотя еще с определенной долей осторожности поднимается современными психологами. Л.М. Попов в этой связи пишет: «<...> добро и зло, включенные в число личностных ценностей, являются сильнейшими детерминантами развития человека и его поведения. Специальных же исследований в этой области немного. Скорее всего, это обусловлено нежеланием включаться в обсуждение вопроса, слишком спорного в свете индивидуальных представлений и официальных идеологических установок, объективной сложностью и неоднозначностью проблемы, априори не имеющей окончательного решения, и отсутствием диагностико-экспериментального исследования в данной области» [3, с.44].

Для более глубокого понимания сути этического слоя личности необходимо изучать его не только как целое, но и в отдельных частях.

В связи с этим первоначальной задачей является определение тех этико-психологических детерминант межличностных отношений, которые представлены нравственно-созидающими и нравственно-разрушающими свойствами (чувствами, состояниями, и т.д.). В словаре по этике указано, что добродетельные действия соотносятся с теми чертами (свойствами, характеристиками) личности, которые в этических источниках даются как положительно оцениваемые: *достоинство, духовность, ответственность, справедливость, стыдливость, альтруизм, милосердие, толерантность, беспристрастность, бескорыстие и др.* Порочные действия соотносятся с такими чертами, как *злонамеренность, жадность, зависть, леность, гедонизм, пессимизм, злопамятность, тщеславие, конфликтность, ревность, вероломство* [5]. Не вдаваясь в содержательный анализ представленных добродетельных и порочных качеств, отметим, что обыденные представления людей о добре и зле, и соответственно об их составляющих, не столь просты, как кажутся на первый взгляд, а сложны и неоднозначны. Диалектика добра и зла весьма противоречива. Рассмотрим ее на примере представлений о зависти, которые превалируют в общественном сознании. Неоднозначность изначально однозначно порочного феномена «зависть» наблюдается не только в обыденных представлениях респондентов [1, с.79-89], но и трудах философов-моралистов, в поэзии и прозе, а также в современной психологической научной литературе, в которой главенствует «спектральная» дифференциация зависти: «белая» и «черная». Иначе говоря, допускается, что зависть может быть как отрицательным, так и положительным явлением. Еще А.С. Пушкин утверждал, что «зависть — сестра соревнования, следственно из хорошего роду». Подобный взгляд разделяют Е.Е. Соколова [4, с.9-14], которая отводит зависти роль стимула к самосовершенствованию, самореализации, и В.А. Гусова, считающая, что «<...> несмотря на доминирующий негативный оттенок, который содержится в феномене зависти, функционально зависть может играть и положительную роль, стимулируя дух соперничества, конкуренции, стремления к успеху, или, во всяком случае к изменению своего социального положения» [2, с. 12].

Однако целью настоящего исследования будет являться не субъективная оценка положительных и отрицательных функций зависти на уровне обыденных представлений, а изучение объективных особенно-

стей взаимосвязи склонности к зависти и ориентации личности на добро и зло.

В качестве методического инструментария были использованы: а) психодиагностический тест «Добро и зло» Л.М. Попова, А.П. Кашина¹ [3, с. 143-150]; б) авторская методика исследования завистливости личности (МИЗЛ) [1, с. 177-183]; в) авторский опросник «Представления о зависти и ее самооценка» [1, с.184-188] (блок «Самооценка завистливости личности»). Общая выборка исследования составила 150 человек (50% женщин, 50% мужчин; возрастной интервал от 18 до 63 лет ($M_x=27$)).

По результатам корреляционного анализа выявлены следующие взаимосвязи (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь склонности к зависти и ориентации на добро и зло

Склонность к зависти	Коэффициенты корреляции		
	Добро	Зло	Человечность
<i>Завистливость личности (МИЗЛ)</i>			
Зависть-неприязнь	-0,100	0,402***	-0,349***
Зависть-уныние	0,038	0,267***	-0,177*
Интегративный показатель завистливости	-0,034	0,358***	-0,281***
<i>Зависть к предметным сферам (опросник «Представления о зависти и ее самооценка»)</i>			
внешняя привлекательность	0,060	0,026	0,013
здоровье	0,068	0,080	-0,023
молодость	0,031	0,092	-0,052
карьерный рост	0,071	0,244**	-0,142
социальный статус	-0,074	0,239**	-0,215**
похвала значимого человека, популярность	-0,157	0,242**	-0,255**
материальный достаток	-0,102	0,205*	-0,205*
дорогие или модные вещи	-0,047	0,286***	-0,235**
профессиональные (учебные) успехи	0,035	0,061	-0,027
интеллект, способности	0,040	0,063	-0,025
личностные качества	0,028	0,025	-0,004
умение общаться	0,119	-0,008	0,069
успех у противоположного пола	-0,056	0,204*	-0,180*
наличие преданных друзей	0,025	0,141	-0,090
семейное благополучие	0,083	0,071	-0,008
дети (их наличие или их успехи)	0,042	0,073	-0,032
досуг	-0,014	0,185*	-0,144

где * – уровень значимости 0,05; ** – 0,01, *** – 0,001.

¹ Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 90-95.

Таким образом, ориентация субъекта на добро не имеет ни одной ожидаемой отрицательной взаимосвязи со склонностью субъекта к зависти, тогда как ориентация на зло положительно коррелирует, как с «завистью-неприятностью» и «завистью-унынием» (различающимися доминирующими состояниями, эмоциями и способами поведения субъекта зависти), так и с интегративным показателем завистливости. Однако стоит отметить, что зависть не ко всем предметным сферам коррелирует с негативной этической составляющей субъекта, а лишь со сферами, связанными с социальным (карьерным ростом, социальным статусом, похвалой значимого человека, популярностью), материальным (материальный достаток, дорогие или модные вещи, досуг) и отчасти с межличностным (успех у противоположного пола) превосходством Другого.

Взаимосвязи, выявленные по функциям добра и зла со склонностью к зависти, определяют и характер взаимосвязей с уровнем человечности, определяемым как разность между показателями добра и зла. Итак, человечность, как этико-психологическая категория взаимосвязана с обеими составляющими завистливости личности (завистью-неприятностью и завистью-унынием), а также с отдельными предметными сферами зависти, характеризующими социальное, материальное и отношенческое превосходство Другого.

Таким образом, взаимосвязь зависти с негативными особенностями характера, образующими этический слой личности (ориентация на зло) не вызывает сомнения. Однако вопрос о положительных функциях зависти (в связи с отсутствием значимых отрицательных корреляций с ориентацией личности на добро), по-прежнему остается открытым.

Список литературы

1. Бескова Т.В. Социальная психология зависти. Саратов: ООО «ИЦ "Наука"», 2010. 192 с.
2. Гусова В.А. Зависть как социальный феномен:: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. М., 2006. 22 с.
3. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 240 с.
4. Соколова Е.Е. Психология зависти // Педология. Новый век. 2002. № 1 (10). С. 9-14.
5. Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ГРУППОВОГО РЕШЕНИЯ

Биктина Н.Н.

Оренбургский государственный университет

Актуальность изучения проявления лидерства сквозь призму сложившейся социальной обстановки обусловлено силой влияния лидерства на развитие личности. Значимость и важность приобретает проблема изучения лидерства в молодежной среде, так как именно в этом возрасте закладываются основы лидерского потенциала. Лидерство создает социально-психологические условия для успешной социализации личности. Лидерство, как правило, проявляется в групповых динамических процессах, например таких, как принятие группового решения.

Целью нашего исследования стало проявление лидерства в процессе принятия группового решения в малой экспериментальной мужской группе.

Основная гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что существует взаимосвязь между проявлениями лидерства, в частности, формальным и неформальным статусом, личностными свойствами и успешностью группы в процессе принятия группового решения.

Исследование было проведено на базе среднего профессионального лицея № 10 г. Оренбурга. В эксперименте участвовали 42 студента мужского пола, средний возраст которых составил 17,6 лет. Так же в эксперименте в качестве экспертов выступили преподаватели кафедры социальной психологии в количестве 6 человек.

Использовались следующие методы: метод социометрии Дж. Морено; индивидуально типологический опросник Л.И. Собчик, метод эксперимента: решение ситуационной задачи, моделирование ситуации, принятия группового решения. Эксперимент по решению ситуационной задачи состоял из трех этапов: 1) индивидуальное ранжирование списка претендентов, 2) групповое ранжирование списка претендентов, 3) ранжирование списка претендентов экспертами.

На основании эксперимента были выявлены корреляционные связи между тремя полученными рядами: 1) индивидуальным выбором

испытуемых — выбором группы, (проявление лидерства); 2) индивидуальным выбором испытуемых — выбором экспертов, (индивидуальная успешность); 3) выборами группы и выборами экспертов при решении ситуационной задачи, что стало показателем успешности всей группы.

Эти три показателя использовались нами в дальнейшем для квалификации испытуемых. Коэффициент корреляции индивидуальных выборов испытуемых с выбором группы служил индикатором реального влияния данного испытуемого на процесс принятия решения в группе при решении ситуационной задачи. Если корреляция оказывалась высокой, испытуемый считался реальным лидером группы. Так как индивидуальный ряд был составлен ранее, предполагалось, что индивидуальное решение повлияло на групповое решение, а не наоборот.

Корреляция индивидуальных выборов испытуемых с выбором экспертов указывала на нормативную ориентацию и эффективность работы испытуемых в процессе принятия группового решения.

А коэффициент корреляции группового решения с решением экспертов служил показателем нормативности, эффективности работы всей группы.

На следующем этапе обработки результатов все испытуемые были разбиты на три группы: с низким, средним и высоким показателями по следующим переменным: неформальный социометрический статус: формальный социометрический статус.

В группах, различающихся по индексу неформального статуса, значимые различия наблюдались по характеристикам «ригидность и сензитивность». Парные сравнения показали, что обнаружены значимые различия в группе со средней выраженностью неформального статуса и ригидностью.

Можно предположить, что излишняя неуступчивость, напористость, как проявления ригидности, мешает общению и самореализации личности в группе, и приводят к эмоциональному отторжению человека, претендующего на роль лидера. Податливость чужому мнению, соглашательство также приводят к снижению неформального социометрического статуса. Следует отметить, что рост неформального статуса сопровождается ростом сензитивности. Данная закономерность указы-

вает на то, что в исследуемой популяции деятельность общения имеет ведущие позиции, характерные для юношеского возраста, желание высказаться и быть понятым регулирует неформальные отношения.

В группах, различающихся по индексу формального статуса, различия наблюдались по характеристикам «экстраверсия» и «агрессивность». Полученные данные позволили установить, что агрессивность и экстраверсия являются составляющими лидерского потенциала и влияют на формальный статус личности в группе. Выраженность агрессивности уменьшается с ростом формального социометрического статуса. Очевидно, высокая агрессивность как личностная характеристика,стораживает окружающих и мешает эффективному взаимодействию. К агрессивным личностям за помощью предпочитают не обращаться.

Экстраверсия не монотонно влияет на формальный социометрический статус личности в группе. Существуют некоторый оптимальный уровень проявления этой характеристики (по нашим данным около 6,0), при котором лидерский потенциал максимально проявляется. Высокий уровень характеристики, так же как и очень низкий, не позволяет занимать высшие места по формальному статусу в малой групп.

При сравнении групп, контрастных по уровню корреляции с групповым решением обнаружены значимые различия по переменным «индекс формального социометрического статуса» и «агрессивность». У испытуемых с более высокой корреляцией индивидуального решения с групповым более высокий формальный социометрический индекс. Следовательно, формальный социометрический статус в ситуации группового решения задает вес влиянию мнения человека. Это дает нам основание рассматривать формальный статус одним из проявлений характеристик лидера в ситуации группового решения.

«Агрессивность» как личностная характеристика не монотонно связана с проявлением лидерства. Существует некоторый оптимальный уровень агрессивности, который позволяет в максимальной степени влиять на мнение группы, он расположен около 6,1.

Коэффициент корреляции индивидуальных выборов испытуемых с выбором экспертов рассматривался нами как показатель нормативности, эффективности работы членов группы. Чем выше корреляция, тем выше эффективность. При сравнении групп, контрастных по уровню корреляции с экспертным решением обнаружены значимые разли-

чия по переменным «индекс неформального социометрического статуса». У испытуемых с более высокой корреляцией индивидуального решения с экспертным, более высокий индекс неформального социометрического статуса.

То есть неформальные лидеры проявляют не только способность выслушать и понять мнение окружающих, но и являются более зрелыми, разумными людьми, умеющими более адекватно воспринимать окружающую ситуацию. В нашем исследовании неформальный социометрический статус личности не оказывает воздействия на силу влияния данной личности на членов малой группы в ситуации группового решения.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ КРИЗИСА «ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ» В СЕМЬЯХ ДЕТЕЙ С БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ

Билецкая М.П., Бурлакова М.И.

Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия, Санкт-Петербург

Бронхиальная астма (БА) у ребенка — проблема всей семьи в целом. Обострение заболевания у одного члена семьи вызывает нестабильность всей семейной системы [2], [3]. Актуальным является изучение особенностей переживания кризиса «Тяжелая болезнь» на индивидуально-личностном и системном семейном уровне [1].

С целью изучения особенностей защитно-совладающего поведения членов семей детей БА было исследовано 300 человек. Основная группа: 50 семей (150 человек) — 50 детей 9-11 лет с atopической формой БА среднетяжелой степени тяжести и 100 их родителей; контрольная группа — 50 семей условно здоровых детей. **Методы исследования:** психодиагностический: опросник копинг-стратегий N.M. Ryan-Wenger, адаптированный Н.А. Сиротой, В.М. Ялтонским; «Копинг-тест» R. Lazarus в адаптации Т.Л. Крюковой; опросник «Индекс жизненного стиля» R. Plutchik - H. Kellerman - H. Coute (в адаптации лаборатории клинической психологии СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева); «Шкала семейной адаптации и сплоченности» Д. Олсона в адаптации М. Перре; статистический.

Результаты показали, что дети с БА чаще используют единичные копинг-стратегии, основным содержанием которых является телесный контакт, отношения привязанности («обнимаю, прижимаю, глажу...»: дети с БА — 92% ; здоровые дети — 56%; $p < 0,01$), уход от общения, погружение в свой внутренний мир («остаюсь один»: 66% и 35%; $p < 0,01$) или диады малоэффективных стратегий, направленных на обдумывание ситуации и обращение к Богу («думаю об этом»: 56% и 31%; $p < 0,01$) — «молюсь»: 21% и 10%; $p < 0,05$). Здоровые дети используют в трудной ситуации адаптивные комплексы копинг-стратегий ($p < 0,01$). Матери детей с БА используют такие способы совладания со стрессом, как «планирование решения проблемы» ($11,5 \pm 2,2$ — матери детей с БА; $10,02 \pm 2,01$ — матери здоровых детей; $p < 0,01$) и «положительная переоценка» ($13,74 \pm 4,03$; $11,64 \pm 2,29$; $p < 0,01$). Им труднее, чем матерям здоровых детей принимать ответственность ($6,66 \pm 1,83$; $8,14 \pm 1,51$; $p < 0,01$). Несоответствие между высоким значением планирования решения, а также положительной переоценки и сниженным уровнем принятия ответственности может свидетельствовать о малоадаптивности их копинг-поведения. Для отцов больных детей характерны такие копинг-стратегии, как «конфронтация» ($10,02 \pm 1,25$; $8,8 \pm 1,47$; $p < 0,01$), «дистанцирование» ($11,82 \pm 1,22$; $9,78 \pm 1,64$; $p < 0,01$) и «самоконтроль» ($14,1 \pm 1,43$; $11,58 \pm 2,54$; $p < 0,01$); значимо снижена «положительная переоценка» ($11,54 \pm 1,31$; $12,74 \pm 1,58$; $p < 0,01$). Полученные данные свидетельствуют о том, что отцы уstraняются из зоны конфликта. Таким образом, данные копинг-стратегии также являются малоадаптивными. Для матерей детей с БА характерным является такой механизм психологической защиты, как «интеллектуализация» ($5,24 \pm 1,17$; $4,14 \pm 1,06$; $p < 0,01$), что может быть обусловлено стремлением логически объяснить причины возникновения приступов БА у ребенка («надышался пылью», «объелся сладкого»). Для отцов больных детей характерными психологическими защитами являются «реактивные образования» ($3,26 \pm 1,15$; $1,92 \pm 1$; $p < 0,01$), а также «компенсация» ($3,38 \pm 1,65$; $2,42 \pm 1,14$; $p < 0,01$). Так, отец ребенка с БА, испытывая свою несостоятельность в уходе за ним, в заботе о состоянии его здоровья, присваивает себе качества главы семьи, полностью ее содержащей и материально обеспечивающей. Однако, для отцов детей с БА также были получены значимые различия по шкалам: «отрицание» ($3,6 \pm 0,75$; $4,62 \pm 1,33$; $p < 0,01$), «регрессия»

($2,42 \pm 1,24$; $3,68 \pm 1,92$; $p < 0,01$), «проекция» ($5,68 \pm 2,35$; $8,1 \pm 1,79$; $p < 0,01$) и «замещение» ($2,06 \pm 1,13$; $3,68 \pm 1,77$; $p < 0,01$). Это может быть обусловлено отрицанием факта тяжести заболевания, заменой решения такой нелегкой проблемы, как болезнь ребенка, на решение более простых проблем (например, починить машину), приписыванием своей несостоятельности в заботе о ребенке и переносом своих отрицательных эмоций на других людей. Анализ семейного копинга показал, что для родителей детей с БА характерен такой параметр семейной адаптации, как «дисциплина в семье» ($6,32 \pm 1,43$; $5,22 \pm 1,11$; $p < 0,01$ — матери; $6,82 \pm 1,75$; $5,54 \pm 1,07$; $p < 0,01$ — отцы). Это может быть обусловлено необходимостью постоянного контроля над самочувствием больного ребенка, отслеживанием динамики его состояния методом пикфлоуметрии, соблюдением диет и режима дня в целом. Также для матерей и отцов больных детей выявлены значимые различия по следующим параметрам семейной сплоченности: «эмоциональная связь» ($9,84 \pm 1,95$; $12,96 \pm 0,92$; $p < 0,01$ — матери; $11,66 \pm 1,93$; $13,4 \pm 0,85$; $p < 0,01$ — отцы), «семейные границы» ($7,22 \pm 1,54$; $8,12 \pm 0,89$; $p < 0,01$ — матери; $7,22 \pm 1,38$; $8,56 \pm 0,95$; $p < 0,01$ — отцы) и «совместное время» ($3,56 \pm 0,83$; $4,24 \pm 0,71$; $p < 0,01$ — матери; $3,6 \pm 0,94$; $4,42 \pm 0,49$; $p < 0,01$ — отцы). Для матерей детей с БА также значимыми являются параметры семейной сплоченности «интересы и отдых» ($7,32 \pm 1,23$; $7,96 \pm 1,71$; $p < 0,05$) и семейной адаптации «семейные роли» ($9,26 \pm 1,68$; $10,48 \pm 1,61$; $p < 0,01$), а для отцов, в свою очередь, «лидерство» ($5,98 \pm 0,95$; $7,04 \pm 0,96$; $p < 0,01$). Однако, данные параметры в семьях здоровых детей более выражены. Сплоченность в семьях детей с БА является разделенной (низко сбалансированной), а для семей здоровых детей — объединенной (сбалансированной) ($35,94 \pm 3,93$; $40,82 \pm 4,21$ — матери, $p < 0,01$; $37,82 \pm 3,3$; $41,76 \pm 1,98$ — отцы, $p < 0,01$). Это может быть обусловлено тем, что в семьях детей с БА, мать практически полностью сосредоточена на самочувствии больного ребенка и меньше уделяет внимания мужу. Отец больше времени посвящает работе и в меньшей степени заботится о ребенке, в то время как мать нуждается в его помощи. М.П. Билецкой была разработана **модель «ромбовидной» векторной семейной психотерапии**, целью которой является обеспечение адаптивного функционирования семейной системы в момент обострения БА, выявление и использование саногенного эффекта семьи для длительной ремиссии за-

болевания. I этап: активное вовлечение семьи в работу, осознание членами семьи внутрисемейной напряженности и закрепление мотивации на дальнейшую работу. На II этапе с целью снижения напряженности связей во внутрисемейной структуре и реконструкции границ каждой подсистемы принято решение о проведении ряда сессий по векторам детской и родительской подсистем. III этап: реконструкция семейных отношений, выработка адекватного совладающего поведения в период рецидива. Этап IV — итоговый; отсоединение психотерапевта от семьи. М.И. Бурлаковой разработана **психокоррекционная программа**, целью которой является снижение риска возникновения приступов бронхиальной астмы путем обучения членов семьи адаптивному поведению в период обострения заболевания у ребенка. Психокоррекционная программа включает в себя **4 основных блока**: 1. Диагностический: семейное консультирование, присоединение к семье, первичная психодиагностика родителей и ребенка, формирование мотивации на работу. 2. Информационный: информирование семьи о заболевании, о важности поддержания адекватных взаимоотношений с ребенком в период обострения. 3. Реконструктивный: семейная психокоррекция, отработка навыков адаптивного взаимодействия с ребенком, а также упражнений дыхательной гимнастики, техник снятия напряжения, снижающих риск возникновения приступов БА. 4. Заключительный: вторичная психодиагностика; рекомендации по поддержанию оптимального состояния здоровья ребенка; отсоединение психолога от семьи.

Таким образом, в системе комплексного лечения детей с БА необходимо проведение семейной психотерапии (психокоррекции), которая способствует повышению саногенной роли семьи и преодолению семейного кризиса при тяжелом течении заболевания.

Литература:

1. Билецкая М.П., Шендрик М.И. Дисфункциональные и саногенетические механизмы функционирования в семьях детей с бронхиальной астмой // Саногенетические механизмы при психогенных и эндогенных расстройствах: материалы ежегод. науч.-практ.симп. / под ред. В.И. Курпатова. – СПб.: СПбМАПО, 2009. С. 8-11.
2. Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. – СПб.: Речь, 2007. – 360 с.
3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008.- 672с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОПАСНОСТИ И ОПАСНОЙ СИТУАЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ

Борисова С.Н., Боданова О.С.

Пермский государственный университет, г. Пермь

В настоящее время в связи с увеличением опасности терроризма, природных и техногенных катастроф остро стоит проблема безопасности жизнедеятельности человека. Задачей психологической науки является изучение психического отражения экстремальных ситуаций и закономерностей поведения человека при их наступлении. В нашем исследовании была предпринята попытка выявления содержания представлений об опасности и опасной ситуации у представителей экстремальных и неэкстремальных профессий.

Эмпирико-теоретические предпосылки исследования. Проблема социальных представлений в последнее время становится все более актуальной как в отечественной, так и зарубежной науке. Методология социальных представлений, предложенная С.Московичи используется при изучении самых разных проблем. Согласно С. Московичи социальные представления — ведущая и единственная характеристика и общественного, и индивидуального сознания. Любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку, являются социальными представлениями. В соответствии с его моделью существует три важнейших эмпирических структурных измерения социальных представлений: информация, поле представления и установка. Поле представления — это оригинальное понятие концепции, характеризующее организацию его содержания с качественной стороны. Поле представления существует там, где представлено «иерархизованное единство элементов», более или менее выраженное богатство содержания, наличествуют образные и смысловые свойства представлений. И содержание поля представлений является характерным для определенных социальных групп [1].

В нашей работе мы опирались также на результаты исследования образа опасности Е.В. Лавровой, А. Калафати [2]. Они разработали список опасных ситуаций разного типа (физических, социальных, экзистенциальных и др.). Ранее нами был получен практически аналогичный список [3]. Они показали также, что категория опасности по-

разному представлена в картине мира у мужчин и у женщин; структура представлений об опасностях при этом остается относительно неизменной; просмотр новостей приводит к динамике представлений об опасных ситуациях (это может выражаться несколькими способами: появление новых объектов (ситуаций), воспринимаемых, как опасные, увеличение или уменьшение субъективной опасности того или иного объекта, формирование общего негативного тревожного состояния).

Мы предположили, что поле представлений об опасности у социальных групп, которые в своей профессиональной деятельности сталкиваются с опасностью, должно отличаться качественным своеобразием. Были поставлены задачи сравнения содержания представлений об опасности у представителей экстремальных (пожарные и милиционеры) и неэкстремальных (менеджеры, страховые агенты) профессий и двух типов экстремальных профессий между собой.

Организация исследования. Исследование проводилось в феврале-марте 2010 – декабре-феврале 2011 на базе ГУВД по Пермскому и пожарных частей №31 ОФПС №5 и № 6 ОФПС № 7. Всего было обследовано 90 мужчин:

- первая группа — представители неэкстремальных профессий: менеджеры по продажам, работники компьютерной сферы, страховые агенты (30 человек) в возрасте от 22 до 36 лет,

- вторая группа — представители экстремальных профессий: пожарные - 30 человек в возрасте от 24 до 48 лет,

- третья группа — представители экстремальных профессий: сотрудники управления вневедомственной охраны и управления по борьбе с экономическими преступлениями — человек в возрасте от 23 до 41 года.

Для изучения представлений об опасности нами были применены методы ассоциаций и пиктограммы.

Ассоциация — в психологии — закономерная связь между отдельными событиями, фактами, предметами или явлениями, отраженными в сознании и закрепленными в памяти. Психофизической основой ассоциации считается условный рефлекс. Эта трактовка описывает более широкую область психических явлений, нежели «ассоциация идей», традиционно понимаемая как процесс, при котором возникновение одной идеи вызывает появление другой, связанной каким-либо

образом с первой. Для того чтобы узнать, что такое опасность для испытуемых мы попросили их дать определение опасности как они ее себе представляют [4].

Пиктография — рисуночное письмо, древнейший вид письменности. Его принципиальная особенность в том, что знак никак не связан со звучанием слова — он выражает его смысл. Единственным фактором, ограничивающим выбор образа пиктограммы, является интеллектуально-ассоциативный фонд личности испытуемого, его аффективные установки. Ближе всего построение «пиктограммы» стоит к операции определения понятия, раскрытия его смысла[5].

Всем испытуемым предлагалось дать определение опасности, описать ситуацию опасности, когда либо случившуюся с человеком, проранжировать ситуации опасности, а затем изобразить опасность на белом листе бумаги формата А4 с помощью ручки или карандаша. Время на выполнение задания не ограничивалось. Количественная и качественная обработка полученных данных проводилась с помощью контент-анализа.

Полученные результаты. Нами выявлены различия в содержании представлений об опасности опасность у всех исследовавшихся групп респондентов. Представители экстремальных профессий – определяют опасность через категории «Опасность как влияние на человека» ($\varphi=2.235$, $p\leq 0,05$) и «Опасность как потенциальная возможность» ($\varphi=4.086$, $p\leq 0,001$).

Опасность для них — это то, что может произойти, а может и не произойти. Тогда как для представителей неэкстремальных профессий опасность представляется как нечто более неизбежное, устрашающее и тотальное. В структуре представлений представителей неэкстремальных профессий преобладают категории, относящихся к аффективной сфере, тогда как к представителям экстремальных профессий когнитивный, поведенческий и аффективный компоненты представлены относительно равномерно.

Пиктограммы опасности у представителей экстремальных профессий отнесены нами к образной символике, они чаще изображают либо предупреждающие знаки (73.33% изображений у пожарных), либо символы смерти (33.33% у пожарных и 10% у неэкстремалов). Пиктограммы представителей неопасных профессий отличаются большим

разнообразием, наряду с образной символикой содержат изображения различного рода катастроф, сложные сюжетные композиции и просто абстрактные рисунки.

Респонденты всех трех групп как опасные расценивают ситуации, не связанные с работой и профессией, ситуации, с которыми они могут сталкиваться в ходе профессиональной деятельности, расцениваются как менее опасные.

Полученные данные представляют интерес для разработки технологий оповещения населения об опасных ситуациях, формирования навыков безопасности жизнедеятельности, профессиональной подготовки специалистов экстремальных профессий.

Литература

1. Андреева Г.М., Богомолова Н. Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. — М., 1978. С. 176

2. Лаврова Е., Калафати А. Когнитивные и эмоциональные процессы при построении образа опасности под воздействием информационных сообщений»// Тезисы: Всероссийская научно-практическая конференция "Человек в современном образовательном пространстве", М.: 2009

3. Борисова С.Н., Боданова О.С. Ментальные репрезентации опасности и опасной ситуации//Тезисы: Региональная научно-практическая конференция» Будущее клинической психологии», Пермь, 2010.

4. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: разные судьбы // Вопросы психологии, 2007, №4, с. 125-138

5. Херсонский Б. Г. Метод пиктограмм в психодиагностике психических заболеваний. – К.: Здоровья, 1988. – с. 8.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СЕМЬЕ БОЛЬНОГО ОПИАТНОЙ НАРКОМАНИЕЙ И ПОМОЩЬ В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ

Бочаров В.В., Шишкова А.М.

ФГУ Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева

Семья играет значительную роль в возникновении и развитии зависимости от опиатов [1,2]. В тоже время, наркотическая зависимость одного из ее членов значительно нарушает функционирование семьи в целом и часто приводит к возникновению кризиса. Для создания эффективной системы психологической помощи больным наркоманией важно понимать и учитывать особенности их семейных взаимоотно-

шений, а в некоторых случаях и необходимость их коррекции. Как правило, мать принимает активное участие в жизни наркозависимого и взаимоотношения с ней оказываются наиболее значимыми для больного.

Целью настоящего исследования являлось изучение особенностей восприятия семейных отношений больными опиатной наркоманией и их матерями.

В обследовании приняло участие 70 пациентов с героиновой наркоманией. Возраст наркозависимых колебался в диапазоне от 18 до 33 лет, средний возраст $24,76 \pm 3,02$, стаж наркотизации составлял от 1 года до 11 лет, в среднем $6,31 \pm 2,6$. На момент обследования все наркозависимые проживали в родительской семье и находились на этапе реабилитации в различных наркологических учреждениях города Санкт-Петербурга.

Также было обследовано 70 матерей пациентов принявших участие в психологическом обследовании. Возраст матерей колебался от 47 до 62 лет, средний возраст составил $54,39 \pm 3,4$ года.

В качестве нормативного контроля были исследованы матери, дети которых социально адаптированы и не имеют проблем с зависимостью от психоактивных веществ (25 человек), а также социально-адаптированные молодые люди, не страдающие аддиктивной патологией (45 человек). Группа матерей пациентов с героиновой наркоманией и группа матерей нормативного контроля, также как и группа наркозависимых и их здоровых сверстников в целом соответствовали по возрастному и социально-демографическому составу.

В беседе наркозависимые и их матери описывали семейную ситуацию как невыносимую, жаловались на отсутствие взаимопонимания членов семьи, недостаток реальной взаимопомощи и поддержки, ощущение неразрешимости конфликтов внутри семьи, а также отвержение со стороны окружающих, связанное с наличием в семье больного наркоманией.

Важно подчеркнуть, что 47% обследованных пациентов с героиновой наркоманией предъявляли конфликтные взаимоотношения в семье в качестве основного мотива употребления, объясняя желание употребить, необходимостью снять напряжение, после приема героина «становилось все равно, спокойно».

Таким образом, проведенное клинико-психологическое исследование позволило выявить кризисный характер переживания наличной семейной ситуации больными опиатной наркоманией и их матерями.

Экспериментально-психологическое исследование особенностей восприятия семейных отношений больными опиатной наркоманией и их матерями, проводилось при помощи «Шкалы семейного окружения».

При сопоставлении результатов, полученных пациентами с героиновой наркоманией с результатами их социально-адаптированных сверстников, не страдающих наркоманией, выявляется статистически достоверное снижение показателей по шкалам: «Экспрессивность», «Интеллектуально-культурная ориентация», «Ориентация на активный отдых» (при $p < 0,001$), «Организация» ($p < 0,01$) и «Сплоченность» ($p < 0,05$). При этом, отмечается повышение по шкале «Конфликт» ($p < 0,05$).

В то же время, у их матерей также отмечается статистически достоверное снижение показателей по шкалам: «Сплоченность» ($p < 0,001$), «Экспрессивность» ($p < 0,05$), «Интеллектуально-культурная ориентация» ($p < 0,001$) и «Ориентация на активный отдых» ($p < 0,001$), при повышении показателей по шкалам: «Конфликт» ($p < 0,01$) и «Морально нравственные аспекты» ($p < 0,01$) по сравнению с группой нормативного контроля.

Эти данные, показывают, что пациенты с героиновой наркоманией и их матери ощущают недостаток семейной сплоченности, поддержки и взаимопомощи в семье по сравнению со здоровыми сверстниками и их матерями. Показатели по шкале «Экспрессивность» говорят о том, что в семье наркозависимого существует запрет на открытое выражение чувств. Это, в свою очередь, может препятствовать своевременному обсуждению возникающих в семье разногласий, приводить к накоплению негативных эмоций и возникновению конфликтов, приносящих страдания как самим наркозависимым так и их матерям. Результаты по шкалам «Интеллектуально-культурной ориентации» и «Ориентации на активный отдых» отражают значительное сужение круга социальной активности семьи больного наркоманией.

Для объективации различий восприятия семейной ситуации больными опиатной наркоманией и их матерями было проведено со-

поставление результатов методики ШСО в данных группах.

Статистически достоверные различия между группой матерей и группой их наркозависимых детей обнаружены по 3 из 10 опросниковых шкал, а именно по шкалам: «Контроль» ($p < 0,001$), «Конфликт» ($p < 0,01$) и «Морально-нравственные аспекты» ($p < 0,05$). У пациентов с героиновой наркоманией показатели по шкалам «Контроль» и «Морально-нравственные аспекты» ниже, а показатель по шкале «Конфликт» выше, чем у их матерей.

Полученные данные говорят о достаточной согласованности восприятия наличной семейной ситуации в этих группах.

Анализ результатов показывает, что матери наркозависимых, несмотря на признание конфликтности семейных отношений, скорее недооценивают ее уровень. Различия групп наркозависимых и их матерей, по шкале «Морально-нравственные аспекты», могут указывать на напряженность в этом аспекте взаимоотношений только у матерей. Эта напряженность может быть связана с зачастую обоснованной тревогой матерей, вызванной криминальной деятельностью больных. Моральная гипертребовательность матерей в этой связи представляет собой их попытку изменить сложившуюся ситуацию путем декларации общественных норм, в значительной степени заменяющей реальное взаимодействие.

Различия по шкале «Контроль» отражают, что представление матерей о степени, в которой члены семьи контролируют друг друга, не совпадает с представлением их детей.

Анализ результатов проведенного комплексного клинико- и экспериментально психологического исследования особенностей восприятия семейных отношений больными опиатной наркоманией и их матерями говорит о том, что семья наркозависимого находится в состоянии глубокого психологического кризиса, проявляющегося в значительном нарушении внутрисемейного взаимодействия и значительно усугубляющегося социальной изоляцией семьи. Полученные данные показывают, что не только наркозависимый и его значимый близкий остро нуждаются в специализированной психологической помощи, направленной на преодоление кризисной ситуации, возникшей в семье.

Такая помощь, в первую очередь, должна акцентироваться на

восстановление нарушенного коммуникативного пространства семьи. Существующий в таких семьях запрет на открытое выражение чувств делает невозможным конструктивное разрешение разногласий, возникающих между членами семьи. Постоянное накопление негативных эмоций неизбежно приводит к возрастанию психоэмоционального напряжения в семье, провоцируя новые конфликты, усиливая ощущение отсутствия взаимопонимания и поддержки.

Не менее значимым для выхода из создавшейся в семье наркозависимого кризисной ситуации является восстановление социальных связей семьи. Социальная поддержка является мощным ресурсом совладания со стрессом, переживаемым семьей наркозависимого. Социальная активность членов семьи может быть одним из механизмов, обеспечивающих разрядку эмоционального напряжения, а также средством получения информации и помощи от окружающих.

При проведении специализированных мероприятий, направленных на коррекцию семейных отношений больных опиатной наркоманией, важно помнить, что нарушения их семейного функционирования могут отражать приспособительную реакцию семьи на кризисную ситуацию, связанную с наркотизацией ребенка и имеют защитный характер. В связи с этим, психокоррекционная работа в основе своей должна проводиться системно.

Литература:

1. Кулаков С.А. Руководство по реабилитации наркозависимых / С.А.Кулаков, С.Б.Ваисов. – СПб. Речь, 2006. – 240 с.
2. Bukstein O.G. Disruptive behavior disorders and substance use disorders in adolescents / O.G.Bukstein // Journal of Psychoactive Drugs. – 2000. – V.32, N 1. – P.67–79.

ВЛИЯНИЕ ЭТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Брюхова Н.Г.

*Астраханский государственный университет, институт педагогики,
психологии и социальной работы, г. Астрахань*

Большинство из ученых, исследующих и излагающих особенности психологического консультирования, не оставляют без внимания один

из наиболее важных параметров консультативной деятельности — этику психологического консультирования. Отмечу, что, на мой взгляд, в формате изложения особенностей психологического консультирования про этику не пишут в двух случаях, или когда она для автора как практика является абсолютно очевидной, или когда она является, в лучшем случае, мало значимой. И в первом и во втором случаях под вопросом адекватность картины мира автора.

Анализ научной литературы показал, что представления об этике психологического консультирования авторами преподносятся в специфичной для них иерархии, подчас отдающей приоритет одним требованиям и стандартам, нормативам и принципам в ущерб другим, так как представления об этике, безусловно, сопряжены с мировоззренческими взглядами ученых и практиков. Исследования особенностей освещения и понимания проблемы этики психологического консультирования и консультативная практика позволили мне выявить составляющие этики психологического консультирования, иерархической значимостью которых, на мой взгляд, нужно руководствоваться. Это, прежде всего, общие этические требования к любой, относящейся непосредственно к человеку профессии (уважение личности, человеческих прав и свобод, достоинства, надлежащая профессиональная компетенция, совесть, доброжелательность и безусловная установка на благо клиента) [3, с. 94], затем, профессиональная этика психолога как уникальные нравственные и этические принципы и нормы, значимые для всех категорий ученых вообще и психологов в частности [5, с.473]. И, только после этого, выработанные в ряде стран наиболее часто освещаемые этические стандарты, нормативы и права, требования и принципы, специфичные для практикующих, консультирующих психологов. Что касается последнего, на мой взгляд, к сожалению, наименьшее внимание авторами уделяется необходимости и обязанности психолога-консультанта предварительно разъяснить клиенту свои исходные позиции.

Процесс психологического консультирования предполагает развитие психолога-консультанта в направлении совершенствования себя как человека, умеющего выстраивать субъект-субъектные отношения, основывающиеся на общечеловеческих нравственных ценностях, и создания психологом-консультантом условий для того, чтобы клиент развивался как личность, обладающая аналогичной способностью.

Такой подход к процессу психологического консультирования находит свое отражение во многих работах как зарубежных [2, 4, 6], так и отечественных авторов [7, 13, 14]. Мною как психологом-консультантом выражается согласие с авторами, придерживающимися таких позиций, так как в противном случае не за горами время, когда в качестве общечеловеческих ценностей будут выступать только потребности в хлебе и зрелищах.

В психологии зафиксированы различные подходы к пониманию особенностей и структуры сознания [6, 11, 12] и самосознания [8, 10, 12] человека.

В моей консультативной практике проблемы этики и нравственности наиболее ярко обозначаются в связи с запросами клиентов, касающимися сохранения и развития их индивидуального сознания. Индивидуализированная форма «сознания вообще» — это структурированное, организованное самосознание» [12, с.187]. Вот об индивидуальной форме сознания и пойдет наш дальнейший разговор. Г.С. Абрамова вслед за В.П.Зинченко, М.К. Мамардашвили, П.П. Флоренским отмечает, что индивидуальное, и особенно живое, сознание обладает уникальными свойствами» [1, с.16], среди которых автор, прежде всего, выделяет его целостность. «Живое сознание — оно единое, целое, поэтому оно обладает определенным (но не бесконечным!) запасом прочности к воздействию. Если этот запас прочности исчерпывается под влиянием воздействующей силы, сознание исчезает, или, разрушенное уже, не восстанавливается в прежнем виде, т. е. перестает быть живым. Такое сознание уже называется фантомным» [1, с. 16]. Фантом сознания как «причудливое видение, призрак нечто несуществующее, нереальное, несбыточное» [12, с. 181] может фигурировать в жизнедеятельности человека как эпифеномен, то есть «побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния» [12, с. 181]. Фантомное сознание как иллюзорное состояние характеризуется наличием в сознании множества стереотипов и психологических защит, влекущих за собой необдуманное и неосмысленное поведение. В иллюзорном состоянии фантомного сознания критерием поступков является поведение большинства, в качестве жизненной стратегии выступает потребность быть не хуже других, «быть как все».

Можно говорить о живом сознании, когда личность осознает себя, воспринимая мир как сложный и конфликтный, в котором окружающие не живут по его сценарию. Люди, характеризующиеся живым сознанием, не уходят от противоречий, принимают себя и других, а следовательно, несут ответственность за свою жизнь. Противоположным живому сознанию является сознание не живое, мертвое, выступающее как вариант отказа от психического развития. Мертвое сознание как психологическая смерть характеризуется, при наличии внешнего локуса контроля, отсутствием смысла жизни и перекадыванием ответственности за себя и свою жизнь на других. Специфической особенностью людей с мертвым сознанием является вера в идею-фикс, создание кумиров, желание сильной руки. Сочетание в жизнедеятельности людей живого и мертвого сознания всегда приводит к конфликтам.

Г.С.Абрамова акцентирует внимание на том, что психолог-консультант, сам являясь носителем живого или фантомного индивидуального сознания, оказывая воздействие на другого человека, имеет дело тоже с живым или фантомным сознанием клиента, анализирует возможные логические варианты их взаимодействия и указывает на многократность их усложнения при взаимодействии с группой людей. Вследствие чего Г.С.Абрамовой утверждается, что процесс оказания психологической помощи в виде психологического консультирования психологом-консультантом (фантомизированным сознание психолога-консультанта бывает как следствие шизоидной интоксикации психологической информацией) клиента представляется невозможным, если хотя бы один из его участников не является носителем живого сознания [1, с.17].

Опыт консультативной работы показывает, что для восстановления склонного к фантомизации индивидуального сознания клиента в процессе психологического консультирования целесообразно заниматься «восстановлением созидательной направленности совести клиента» [9, с. 30.] как его «нравственного самосознания» и «высшего нравственного регулятора поведения» [12, с. 274]. Актуальными должны стать такие темы как «вочеловеченность – недочеловечность» [7, с. 44], «конструктивный путь удовлетворения потребности как ассимиляция общечеловеческих ценностей» [14, с.106]. Клиентом могут анали-

зировавшиеся жизненные ситуации на основе понимания им того, что «я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю» [13, с. 114].

Список литературы:

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. М.: Академия, 1997. – 368с.
2. Бодалёв А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М.: Флинта, 1998. — 168с.
3. Бондаренко А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика. М.: Независимая фирма “Класс”, 1997. — 336с.
4. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер, 1994. – 60с.
5. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1997. – 800с.
6. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопр. психологии. М., 1991. №2. С. 27-30.
7. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб: Евразия, 1997. – 430с.
- Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность. Екатеринбург: Интерфлай, 2007. – 1072 с.
8. Красило А.И. Психологическое консультирование: проблемы, технологии. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2007. – 504с.
9. Осухова Н.Г., Койфман М.В. Теоретическая позиция и практика: сопоставительный анализ двух подходов к консультированию. // Индивидуальное психологическое консультирование. Астрахань, 2009. том. №2. С.6-13.
10. Петрушин С. В. Мастерская психологического консультирования. Казань: 2007. Речь. – 184с.
11. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. М.: Школа-Пресс, 1995. – 384с.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. – 368с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1989. – 272с.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ОТНОШЕНИЯ К ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Бузыкина Ю.С.

*Пензенский государственный педагогический университет
им.В.Г. Белинского, г. Пенза*

Российское общество в настоящее время в сильнейшей степени озабочено и напугано размахом экстремистской и террористической активности, развившейся с началом реформ 1990-х годов, когда объек-

тивировались многочисленные кризисные процессы, охватившие все сферы организации социума. Проблема экстремизма многогранна, включает идеологические, политические, этнополитические, социально-экономические сферы [1]. Существенную роль во включении личности в экстремистские организации и в формировании определенного отношения к экстремизму играют устойчивые характеристики личности, формирующиеся на базе совокупности норм и ценностей, накладывающие отпечаток на поступки личности, на ее отношение к миру, к другому человеку, на выбор способов общения [4]. Молодежи свойственна психология максимализма и подражания, что в условиях острого социального кризиса является почвой для агрессивности и экстремизма.

Целью эмпирического исследования было изучение связи между социально-психологическими характеристиками и отношением к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы, а также выявление специфики отношения к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы. В качестве *объекта* исследования выступили социально-психологические характеристики и отношение к проявлениям экстремизма. *Предметом* исследования явилась связь между социально-психологическими характеристиками и отношением к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы. Нами была выдвинута *гипотеза* о существовании связи между социально-психологическими характеристиками и отношением к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы, и гипотеза о специфике отношения к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы по проблеме политического экстремизма (А.С. Грачев [2], В.Н. Томалинцев [7], А.А. Козлов [8] и другие). Проблемы терроризма обсуждаются на научных конференциях и в ходе многочисленных «круглых столов» (В.А. Соснин, С.К. Рощин, С.Я. Ениколопов) [5] и другие. Изучением социально-психологических характеристик и механизмов распространения экстремистских настроений в молодежной среде занимались Ю.А. Зубок, В.И. Чупров [3], А.А. Козлов [8] и другие.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского и школ г. Заречный, Пензенской области: МОУ СОШ № 222 с художест-

венно-эстетическим профилем и МОУ СОШ № 225. В эксперименте приняли участие 160 испытуемых — 40 студентов факультета психологии и 40 студентов исторического факультета ПГПУ им. В.Г. Белинского в возрасте от 18 до 24 лет; и 40 учащихся 8 класса школы № 222 и 40 учащихся 8 класса школы № 225 в возрасте от 14 до 15 лет.

Для проверки выдвинутых нами гипотез, полученные данные были подвергнуты математико-статистическому анализу. По итогам математико-статистического анализа с помощью коэффициента ранговой корреляции r_s Спирмена [6, с. 208] были получены следующие результаты. У студентов факультета психологии существует связь между средним уровнем агрессивности и отрицательным отношением к экстремизму ($r_s = 0,36$ при $p=0,05$) и существует связь между интернальным уровнем субъективного контроля (УСК) и отношением к проявлениям экстремизма ($r_s = 0,65$ при $p \leq 0,05$). У студентов с интернальным УСК преобладает негативное отношение к проявлениям экстремизма, а такие доминирующие ценности, как самоопределение ($r_s = 0,65$ при $p \leq 0,05$) и зрелость ($r_s = 0,83$ при $p \leq 0,05$), коррелируют с негативным отношением к проявлениям экстремизма. Связи между доминирующей ценностью безопасности и отношением к проявлениям экстремизма выявлено не было. Это может быть связано с тем, что преобладание данной ценности характерно для студентов с разными отношениями к проявлениям экстремизма. У студентов исторического факультета существует связь между средним уровнем агрессивности и отрицательным отношением к экстремизму ($r_s = 0,46$ при $p=0,05$) и существует связь между интернальным УСК и отношением к проявлениям экстремизма ($r_s = 0,53$ при $p \leq 0,05$). У студентов с интернальным УСК преобладает негативное отношение к проявлениям экстремизма, а такая доминирующая ценность, как безопасность ($r_s = 0,72$ при $p \leq 0,01$), коррелирует с негативным отношением к проявлениям экстремизма, а доминирующая ценность поддержка традиций ($r_s = 0,73$ при $p \leq 0,05$) имеет связь с нормальным отношением к проявлениям экстремизма. У учащихся школы с художественно-эстетическим профилем существует связь между средним уровнем агрессивности и равнодушным отношением к проявлениям экстремизма ($r_s = 0,40$ при $p \leq 0,05$). Существует связь между интернальным УСК и отношением к проявлениям экстремизма ($r_s = 0,61$ при $p \leq 0,05$), которая проявляется в том, что у учащихся

с интернальным УСК преобладает негативное отношение к проявлениям экстремизма. У учащихся такая доминирующая ценность, как зрелость ($r_s = 0,9$ при $p \leq 0,05$), имеет связь с негативным отношением к проявлениям экстремизма. У учащихся школы без профиля существует связь между средним уровнем агрессивности и равнодушным отношением к экстремизму ($r_s = 0,59$ при $p \leq 0,01$). Существует связь между интернальным УСК и отношением к проявлениям экстремизма ($r_s = 0,74$ при $p \leq 0,05$). Эта связь проявляется в том, что у учащихся с интернальным УСК преобладает негативное отношение к проявлениям экстремизма. У учащихся такая доминирующая ценность, как наслаждение ($r_s = 0,71$ при $p \leq 0,05$), имеет связь с равнодушным отношением к проявлениям экстремизма.

По итогам математико-статистического анализа с помощью критерия φ^* — угловое преобразование Фишера [6, с.158] различий в отношении к проявлениям экстремизма среди студентов факультета психологии и исторического факультета выявлено не было. Также не было выявлено различий в отношении к проявлениям экстремизма среди учащихся школы № 222 и школы № 225. Были выявлены различия в отношении к проявлениям экстремизма у студентов факультета психологии и учащихся школы с художественно-эстетическим профилем, которые проявляются в том, что у студентов преобладает отрицательное отношение ($\varphi_{\text{эмп.}}^* = 2,96$ при $p \leq 0,01$), а у учащихся — равнодушное отношение к проявлениям экстремизма ($\varphi_{\text{эмп.}}^* = 3,5$ при $p \leq 0,01$). Различий в нормальном отношении к проявлениям экстремизма выявлено не было ($\varphi_{\text{эмп.}}^* = 0,75 < \varphi_{\text{кр. } 0,05}^*$).

Существуют различия в отношении к проявлениям экстремизма у студентов исторического факультета и учащихся школы без профиля, которые проявляются в том, что у студентов преобладает отрицательное отношение ($\varphi_{\text{эмп.}}^* = 1,80$ при $p \leq 0,05$), а у учащихся — равнодушное отношение к проявлениям экстремизма ($\varphi_{\text{эмп.}}^* = 3,47$ при $p \leq 0,01$). Также были выявлены различия в нормальном отношении к проявлениям экстремизма: студентов, у которых преобладает нормальное отношение к экстремизму, больше, чем учащихся ($\varphi_{\text{эмп.}}^* = 1,80$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, заявленные гипотезы нашли свое подтверждение.

Список литературы

1. Бокарев С.Н. Экстремизм в современной России: социально-правовой аспект // Труды Академии управления МВД России, № 2(6), июнь 2008, с. 61-66.

2. Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования, № 5, май 2008, с. 37-47.
4. Лабунская В.А. Социально-психологические причины интолерантного общения // Век толерантности, № 3-4, 2001, с. 100-112.
5. Психологи о терроризме (материалы «круглого стола») // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. - № 4. – С. 37-48.
6. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: ООО «Речь», 2007. – 350 с., ил.
7. Томалинцев В.Н. Человек в XXI веке: Поиск на грани творчества и экстремизма. СПб., 2001.
8. Человек и общество. - СПб.: Изд-во С.-петерб. ун-та, 1996. Вып.28: Молодежный экстремизм / А.А. Козлов, В.Н. Томалинцев, Т.Э. Петрова и др ; Под ред. А.А.Козлова. - 1996. - 140,[1] с.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА, ОСНОВАННАЯ НА ТЕОРИИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ДИССОНАНСА

Васина В.В.

ИПППО РАО, г. Казань

Интеграционные процессы в профессиональном образовании (ПО) — это в первую очередь вхождение России в мировое экономическое пространство, в научно-производственные кластеры, и, соответственно, этим интеграционным процессам уделяется много внимания в ПО. Мало внимания уделено человеческим отношениям, хотя именно этот факт может решить успешность создания и реализации изменений в ПО. Дифференциация педагогики и психологии, начавшаяся в прошлых веках привела к необходимости интеграции педагогики и психологии в связи с экспоненциальным развитием науки, техники и технологий и лавинообразным увеличением поступающей информации в обществе, в ПО. Данная работа посвящена подготовке специалиста в профессиональном образовании: на примере формирования коммуникативной компетенции на основе психосоциального диссонанса предложена методология и модель структуры занятий, основанной на интеграции педагогики и психологии. В ходе занятий происходит формирование не только коммуникативной компетенции, но и креативной, и диссонансной. Авторская модель частично была апробирована в АСО (КСЮИ), полностью же запланировано начать

эксперимент в 2011 году по проверке данной методологии и модели структуры занятий, а также ряд сопровождающих экспериментов.

Принятая официальная методология в профессиональном образовании — это компетентностный подход и так как компетентности — это не только профессиональные знания, умения и навыки, но еще и личностные качества, то ни у кого не вызывает сомнений, что просто необходимо в технологии профессионального образования интегрировать традиционные педагогические (ЗУН) и психологические технологии, например, АСПО — активное социально-психологическое обучение — тренинги [2]. Тем более проведенные эмпирические исследования показали заинтересованность современных студентов как в ЗУНе (первый сепарабельный уровень в нашей модели), так и в личностном росте (последний уровень — самоактуализации). Объединение этих технологий должно произойти на основе механизмов формирования личности: социальная категоризация; идентификация личности с социальной группой (СГ), в которой осуществляется деятельность личности; адаптация к новым условиям деятельности (к СГ), к новой нормативной деятельности: формальной и неформальной, внешней и внутренней; социальное сравнение (оценка); рефлексия и возникновение психосоциального диссонанса; выбор пути развития: либо новообразование, либо психологическая защита и психическая напряженность, которая может привести к стрессу, психосоматическим отклонениям и т.д.; обратная связь. Как итог: возникновение новых психологических конструктов (компетенций); либо психическая напряженность и психологическая защита. В цикле взаимодействия ключевым этапом становится психосоциальный диссонанс — эта точка выбора траектории развития субъекта взаимодействия в профессиональном образовании. Либо образование новых компетенций, либо новых психологических комплексов. Психосоциальный диссонанс — это несоответствие представлений субъекта взаимодействия нормам социальной группы (общества), которое может привести к психическому напряжению, стрессу, психосоматическим отклонениям, девиациям, или же к развитию человека — выходу на новую ступень, созданию новых психосоциальных конструктов [1]. Таким образом, обучение выявления и контролирования психосоциального диссонанса в ходе занятий приводит к освоению новых необходимых компетенций для профессио-

нальной деятельности, особенно универсальных, так необходимых в бурно развивающемся мире. При этом в интегрированном подходе активно осуществляется образование, обучение и воспитание одновременно.

Модель структуры занятий предложена по темам универсальных компетенций, например, коммуникативной, хотя одновременно занятия включают в обязательном порядке и наработку других компетенций, например, креативности, диссонансности. Задается тема занятия, например, «Коммуникативная компетентность». Тема может быть развернута, «разбита» на несколько занятий, но алгоритм занятий остается одинаковым. Занятие структурировано по этапам: их цели, принципы, теоретические основы — на основе психосоциального диссонанса. Педагог выступает как ведущий и организующий течение работы коллектива студентов, как творческого коллектива — при этом ведущий также творит, как и студенты, не зная, как оформится результат, а зная только алгоритм занятия:

1. Открытие сознания студентов (в кругу) и создание коллективного психологического поля, единства — даже тот, кто не хотел, работает вместе.

2. Определение темы занятия. Просьба высказаться всем по этой теме. Это дает возможность студентам испытывать трудности (психосоциальный диссонанс) при попытке дать свои определения.

3. Обсуждение записанного. Каждый высказывается и можно провести статистический анализ — какие проблемы чаще всего присутствуют.

4. Лекционный материал, т.е. знания — студенты открыты, возбуждены, и они готовы принять эти знания и сравнить со своими представлениями. При этом если не совпадают, то студент испытывает диссонанс, осваивает преодоление диссонанса: либо стремится к принятым представлениям (норме), либо творит новое — новый конструкт. На доске (в тетрадях) выписывается итог: что думают студенты о преодолении диссонанса.

5. Тренинг: это могут быть — ролевая игра, управление ситуацией и т.д.

6. Обсуждение результатов тренинга: высказывание каждого — что он испытал, осознал, получил, как преодолел диссонанс и т.д.

7. Итоговое обсуждение всего занятия — плод творчества всего коллектива. Сравнение с началом занятий. Какие изменения произошли после прохождения данного курса занятий.

Рассматривая предложенную методику проведения занятий, проанализируем его с точки зрения предложенной нами 4-х уровневой модели психосоциального диссонанса: 1 уровень — это лекция, передача знаний, при этом студент пассивно (сепарабельно: преподаватель и студент не «связаны», разделены, нет субъект-субъектных отношений) получает эти самые знания; 2 уровень — создание эмоциональной атмосферы доверия: настрой, медитация, расслабление, открытие сознания, убрать все заботы и текущие проблемы, включиться в единый круг, единый организм: вместе делаем (может быть виртуально), решаем, обсуждаем, творим, возникают субъект-субъектные отношения; 3 уровень — озарение, рождение новой информации (а не просто пассивное получение), нового качества, психологического конструкта — коммуникативной компетенции (поскольку она многомерна, то возможно одной из составляющих); 4 уровень — возможно, изменение мировоззрения, по новому видеть мир в целостности (воспитательный аспект).

С точки зрения психосоциального диссонанса этапы формирования универсальных компетенций выглядят следующим образом: 1) вхождение в диссонанс – расслабиться интеллектуально, забыть нормы и запреты, включить фантазии, «придумки» и т.д. – можно все. 2) какие трудности при этом возникают при общении, коммуникации – постановка проблемы, выяснение трудностей, психологических преград, психосоциального диссонанса; 3) мозговой штурм – процесс принятия решения – согласование представлений и выход из диссонанса – новая траектория развития; 4) выход на гомеостаз – выбранная устойчивая траектория – результат. Цель – процесс – результат.

Таким образом, предложенная методология и модель структуры занятий по подготовке педагога в профессиональном образовании, отражающая интеграцию педагогики и психологии на основе психосоциального диссонанса, позволит эффективно формировать компетенции, в том числе и универсальные, при реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании.

Литература:

1. Васина В.В., Халитов Р.Г. Нелинейная модель психосоциального диссонанса как характеристика взаимодействия личности, социальных групп, общества /

В.В.Васина, Р.Г.Халитов // Городское здравоохранение – 2009.-№ 2. – С.23-25.

2. Матяш Н.В., Павлова Т.А. Методы активного социально-психологического обучения / Н.В.Матяш, Т.А.Павлова. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 96 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Вербина Г.Г

Чувашский государственный университет, г. Чебоксары

Вербина О.Ю.

Чувашский государственный педагогический университет

Анализ существующих подходов, исследований, посвященных проблеме профессионального здоровья, позволяет констатировать, что социальная ситуация развития, влияющая на здоровье, в период зрелости связана с активным включением человека в сферу общественного производства, с созданием семьи, проявлением своей личностной индивидуальности во многих сферах жизнедеятельности, творчестве, взаимоотношениях с людьми, в процессе профессиональной деятельности. Говоря об особенностях зрелого возраста, А.А.Бодалев подчеркивает, что для науки важно проследить связи между особенностями акме человека (высший для каждого человека уровень в его развитии, вершина его зрелости) и характером социальной ситуации развития в этот период его жизненного пути, важно понять роль самого человека в том, какой будет вершина его жизни и когда она явно у него будет просматриваться [1]. В способности быть адекватным и активным социальным субъектом (самодостаточной, творческой, конкурентоспособной личностью, ответственной за свое здоровье) проявляется акмеологическая зрелость личности. Выбранный личностью индивидуальный жизненный путь может привести ее к акме или нет и для каждой личности будет только ее вершина зрелости, которая может приходиться на различные возрастные периоды, что в конечном итоге будет по-разному влиять на ее профессиональное здоровье.

Психологические исследования показывают, что объектом самореализации и саморазвития могут выступать иногда социально и психологически непродуктивные, неэффективные качества. При этом вектор саморазвития зависит от сформированности экзистенциальной сферы личности. Например, А.А.Реан показал, что к самоизменению

могут стремиться личности как с продуктивной, так и неоптимальной профессиональной мотивацией: первые стремятся стать менее, вторые — более авторитарными [3]. Противоположными оказываются их представления о направлениях саморазвития, самокоррекции, саморегуляции и способах приближения к профессиональному идеалу, что сказывается на их профессиональном здоровье.

Профессиональное здоровье выполняет интегрирующую функцию. В рамках интегрирующей функции профессиональное здоровье гармонизирует взаимодействие качественно разнообразных свойств и характеристик на каждом уровне внутренней организации человека и интегрирует свойства человека как индивида, личности и субъекта в его индивидуальность.

На уровне индивида интегрирующая функция профессионального здоровья проявляется в наибольшем согласовании темперамента, эмоциональности, интеллекта как предпосылок и условий формирования и развития его внутреннего мира.

На уровне личности интегрирующая функция профессионального здоровья обеспечивает объединение в единое системно-структурное образование ценностно-смысловой, мотивационно-целевой и эмоционально-волевой сфер личности.

На уровне субъекта интегрирующая функция профессионального здоровья позволяет человеку максимально полно реализовать свою субъектность во всех сферах взаимодействия с миром (витальной, общения, предметной деятельности и самосознания).

Высокий уровень развития профессионального здоровья:

- обуславливает становление человека как целостности, подлинность существования и оптимальность индивидуальной траектории достижения акме;

- позволяет человеку осмысливать процесс акме-ориентированной самоорганизации, саморегуляции как жизненную ценность, создавать условия для самосовершенствования и самореализации в ходе жизнедеятельности;

- приводит к постановке новых задач, открывающих возможности для новых жизненных выборов личности, для новых шагов к достижению акме и сохранению и укреплению своего профессионального здоровья.

Профессиональное здоровье личности, зависит в первую очередь от ее профкомпетентности, которая включает аутопсихологическую компетентность, представляющая собой систему знаний о себе, а также умений и навыков, приводящих к повышению уровня самопознания, саморегуляции и самореализации как внутреннего резерва саморазвития и самосовершенствования; способность личности развивать и использовать собственные психические ресурсы, создавать благоприятную для деятельности ситуацию путем изменения своего внутреннего состояния, перестраиваться при возникновении непредвиденных обстоятельств, создавать волевую установку на достижение значимых результатов. В целом аутопсихологическая компетентность обеспечивает оптимальность самоорганизации жизни и профессиональной деятельности. В структуру личности профессионала входят также рефлексивная организация деятельности и рефлексивная культура субъекта (О.С. Анисимов, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов) [2]. Профессиональная компетентность в развитии деятельностной и личностной рефлексии состоит в: формировании в Я-концепции позиции наблюдателя; способности к самопониманию и самонаблюдению; способности выйти за пределы актуальных психических состояний и их рационализации (особенно в критических и экстремальных ситуациях) и т.д.

Важным параметром профессионального здоровья является самооценка, как адекватное и оптимальное самоотношение субъекта профессиональной деятельности (А.В. Садкова, Е.В. Козиевская). Профессиональная самооценка понимается как самоотношение специалиста к результату сопоставления образов реального и идеального «Я-профессионал». Она определяется в результате процесса самооценивания в контексте профессиональной деятельности, в сравнении с другими и с самим собой. Общими акмеологическими инвариантами профессионального здоровья в структуре личности профессионала выступают: способность к предвидению и прогнозированию, саморегуляции, к принятию решений: смелость, креативность, своевременность, точность (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, И.Н. Семенов) [2].

Из сказанного следует, что к сущностной характеристике профессионального здоровья можно отнести потребность в активности. В психологии потребность понимается как состояние индивида, создаваемое испытываемой нуждой в объектах, необходимых для его суще-

ствования и развития, и выступающая источником его развития. Потребность как внутренняя сущность организма побуждает его к осуществлению качественной активности, необходимой для сохранения и развития индивида и рода. Активность выступает как энергетический фактор («слепая сила» по И.П. Павлову — этап перерастания потребности в мотивацию).

Таким образом, можно говорить, что укрепление и сохранение профессионального здоровья в самопознании, активности жизненной позиции, саморегуляции, самоорганизации, самореализации, самоактуализации, саморазвитии и самосовершенствовании.

Список литературы:

1. Бодалев, А.А. Вершина в развитии взрослого человека, характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев. – М.: Флинта; Наука, 1998. – 168 с.
2. Деркач, А.А. Акмеологические основы становления психологической и профессиональной зрелости личности / А.А. Деркач, Л.Е. Орбан. – М.: Изд-во РАГС, 1995. – 206 с.
3. Реан, А.А. Психология изучения личности / А.А. Реан. – СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 1999. – 288 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Вербина Г.Г., Капанова А.Ш.

Чувашский государственный университет, г. Чебоксары

Анализ современной психологической литературы показал, что ряд исследователей, изучая психологические аспекты здоровья, используют похожие термины: «психическое здоровье» (Б.С. Братусь), «психологическое здоровье» (И.В. Дубровина, В.П. Казначеев), «личностное здоровье» (Л.М. Митина, В.Д. Пивоваров), «духовное здоровье» (Ю.А. Кореляков), «душевное здоровье» (О.И. Даниленко; Л.К. Пожар) и др. Определение психического здоровья индивида предлагают также английские ученые М. Харрис и В. Битти. По их мнению, психическое здоровье — это «использование своих способностей, установление внутриличностного равновесия, функциональной адаптации и переживания удовлетворенности и счастья». Многие исследователи понимают термины «психическое здоровье» и «личностное здоровье» как синонимы.

Основой психического здоровья является индивидуальное здоровье. Когда говорят об индивидуальности имеют в виду человека как единицу биологического вида *homo sapiens* с характерным для него филогенезом и онтогенезом. В пределах видовых границ индивидуальности могут иметь различия конституциональных, нейродинамических и половозрастных свойств. Взаимодействие в онтогенезе этих первичных свойств определяет первую линию психического развития человека (онтогенетическая эволюция) и приводит к формированию вторичных, биологически обусловленных свойств (психофизиологических функций и органических потребностей), высшая интеграция которых представлена в темпераменте и задатках. Темперамент и задатки как индивидуальные свойства определяют формально-динамическую, процессуальную сторону психической деятельности человека. Системообразующим фактором, или «организатором» индивидуальности как целостности большинство исследователей считают самость.

Анализ литературы показал, что в философских и психологических исследованиях самость рассматривается как: система представлений человека о самом себе; интегрирующий центр, который объединяет системы психики; «организатор» активности человека, направленной на самоизменение, саморазвитие, самоосуществление. Таким образом, уровень целостности человека определяется степенью интеграции качеств индивидуальности, личности и субъекта как разных уровней внутренней организации человека с самостью в качестве интегрирующего центра.

Для нашего исследования значим, сделанный в рамках концепции целостной индивидуальности В.Е. Каганом вывод о том, что здоровье можно рассматривать как индивидуальную норму, т.е. меру отклонения от физиологической, статистической и индивидуальной нормы. Автор в своих работах предлагает ввести термин «внутренняя картина здоровья», который более детально отразит индивидуальную вариацию внешних и внутренних границ целостного здоровья человека [1].

Характеристику психически здорового человека как личности классически описал А. Маслоу: 1) высокая степень восприятия реальности; 2) более развитая способность принимать себя, других и мир в целом такими, какими они есть на самом деле; 3) большая спонтанность, непосредственность; 4) более развитая способность сосредото-

читься на проблеме; 5) более выраженная отстраненность и явное стремление к уединению; 6) более выраженная автономность и нежелание приобщения к какой-то одной культуре; 7) большая свежесть восприятия и богатство эмоциональных реакций; 8) острые и глубокие переживания; 9) более сильное отождествление себя со всем человеческим родом; 10) улучшение в межличностных отношениях; 11) выраженная демократичность характера; 12) высокие творческие способности; 13) определенные изменения в системе ценностей. А. Маслоу пишет о том, что «в теории здоровья большое место должно отводиться когнитивным психотехническим знаниям, так как только в них может и должна осуществляться индивидуальная жизнь каждого человека. Эти когнитивные знания дают людям возможность выстраивать мотивацию собственной жизни, основанную на переживании ее осуществимости как возможности реализовать свое здоровье. Именно отсутствие мотивации — это величайшая трагедия, которая разрушает все жизненные устои человека, в том числе и отсутствие мотивации к здоровому образу жизни, которое буквально преследует современного человека как отсутствие стремления к реализации своего здоровья» [4].

Понятие психического здоровья в контексте (теории личностных конструктов) рассматривается как нормальное функционирование человека. Д. Келли описывает его четырьмя характеристиками: 1) психически здоровые люди оценивают прогностическую эффективность своих личностных конструктов на основе социального опыта; 2) психически здоровые люди пересматривают свои жизненные конструкты, когда этого требует жизненный опыт; 3) психически здоровые люди остаются открытыми для новых возможностей личностного роста и развития; 4) психически здоровые люди могут эффективно выполнять разнообразные социальные роли и понимать других людей, вовлеченных в процесс социальных взаимодействий [3].

К. Роджерс в качестве образца психического здоровья описывает «полноценно функционирующего человека», живущего «хорошей жизнью». Согласно этой концепции такой человек движется к полному знанию себя и своего внутреннего опыта. Он доверяет своему целостному организму, насыщенно живет в каждый момент жизни, демонстрируя способность к творчеству, свободе выбора [5].

Несколько иной, но в том же контексте развития зрелой лично-

сти, подход к решению проблемы психического здоровья наблюдается у В. Франкла. По его мнению, основным условием сохранения психического здоровья является наличие целей, придающих жизни смысл. В. Франкл комментирует свою позицию выразительными словами А. Эйнштейна: «Человек, считающий свою жизнь бессмысленной, не только несчастлив, он вообще едва ли пригоден для жизни» [6]. Созданная В. Франклом теория логотерапии и экзистенциального анализа подтверждает, что «люди сильны до тех пор, пока они отстаивают сильную идею, и необходимым условием для этого должно быть психическое здоровье. Определенный уровень напряжения, возникающего между человеком, с одной стороны, и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который ему предстоит осуществить, с другой стороны, — это и есть необходимое условие психического здоровья» [6].

В свете нашего исследования интересно мнение Ю.Н. Казакова о формировании акме психического здоровья, которое рассматривается автором через изначальный уровень формирования психического здоровья в самореализации (через генный код, детерминирующий интеллект и его условия), совершенствование (самореализацию в делах и ценностях — здоровой жизни) и самоактуализации (гуманизма). Основные периоды формирования акме психического здоровья Ю.Н. Казаков относит к зародышевому периоду личности, далее первому году жизни, с появлением первых признаков сознания в форме распознавания своего опыта и образа себя от 6 до 12 лет в срок формирования способности рационального управления собой. В подростковом возрасте появляется проприактивное стремление (функции проприума: ощущение тела, самоидентичность, самоуважение, расширение самости, рациональное управление собой). В зрелости акме психического здоровья поддерживается образом жизни. Интеграция формирует психологическую зрелость, которая выступает структурными и постоянными результирующими акме психического здоровья: расширение границ освоения пространства жизнеобеспечения, коммуникабельность, устойчивость эмоциональности, реалистическое восприятие, умение сосредоточиться и центрироваться на целях, ценностных ориентациях и смыслах жизни [2].

Проведенный анализ позволяет говорить, что психическое здо-

ровые - это способность индивида, личности выступить активным и автономным субъектом собственной жизнедеятельности в изменяющемся мире, несущим ответственность за здоровье и жизнь.

Список литературы:

1. Каган, В.Е. Внутренняя картина здоровья и психосоматический потенциал индивида // Психогенные и психосоматические расстройства: Тезисы научной конференции 24-25.X.1988. Тарту, 1988, Т. 1. С. 201-204.

2. Казаков, Ю.Н. Психическое здоровье – основополагающая целостность личности. М., 2005.

3. Келли, Дж. Психология личностных конструктов. – СПб., 2001.

4. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.

5. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию: пер. с англ. / К. Роджерс // Становление человека / общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. – М., 1994. – 480 с.

6. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сб. / В. Франкл; под общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Вербина Г.Г

Чувашский государственный университет, г. Чебоксары

Многие зарубежные и отечественные исследователи касались непосредственно или опосредованно вопросов, связанных с проблемой здоровья. Исследователи не только описывали отдельные личностные характеристики, формирующиеся в процессе индивидуального, психического и профессионального оздоровления, но и обращались к поиску целостного портрета идеально здоровой личности (К. Роджерс, А. Маслоу, Ф. Перлз и др.).

Развитие и саму сущность личности с масштабом времени и пространства всего жизненного пути рассматривает и связывает акмеологический подход. В основе акмеологического подхода лежит идея созидания или восстановления целостности. Как указывает А.А. Деркач, сущность акмеологического подхода заключается в осуществлении комплексного исследования и созидании целостности человека, когда его разноуровневые характеристики изучаются в единстве, во всех взаимосвязях и опосредованиях, для того, чтобы помочь ему в достижении акме [2].

Акмеология рассматривает личность в широком контексте комплексного подхода к человеку (Б.Г. Ананьев) и философской антропологии (С.Л. Рубинштейн). Оптимальное («вершинное») качество — путь к «акме»; понятие «акме» рассматривается как раскрытие способа совершенствования субъекта жизненного пути: высшие жизненные достижения бывают разных типов, приходятся на разные периоды жизни и находятся в разном соотношении с личностными ресурсами. Только личность, живущая в режиме акме, выступает носителем и выразителем универсальных ресурсов развития социума [1].

Профессиональное здоровье понимается нами как интегральная и интернальная способность личности строить свое поступательное индивидуальное, психическое и профессиональное развитие с наиболее полной реализацией имеющихся у нее психофизиологических ресурсов и личностных резервов, с учетом возрастных и гендерных особенностей, способностью к здоровой адаптации, социализации, индивидуализации, при активной жизненной позиции.

Профессиональное здоровья представляет собой сложноинтегрированное личностное новообразование, включающее уровневое освоение человеком знаний, умений и навыков в сфере самопознания, самоорганизации, саморегуляции и самосовершенствования. В результате сбалансированного развития профессионального здоровья формируется акмеориентированная внутренняя картина здоровья [3], которая позволяет человеку представить свой путь до Акме.

Сущность акмеологического подхода в развитии профессионального здоровья заключается в обеспечении удовлетворения потребностей человека при условии и на основе его здоровьесберегающего развития, состояния и функционирования организованных внутренних и внешних систем, связей индивида и общества. Постоянно развивающаяся совокупность психических, индивидуальных и профессиональных свойств человека обеспечивает гармонию между потребностями индивида и общества, и ориентирует индивида на выполнение своей жизненной задачи.

С нашей точки зрения, **сущностными характеристиками профессионального здоровья являются: многоуровневость, здоровая адаптация и адаптивность, динамичность, активность.**

Многоуровневость нами понимается как личностный адаптаци-

онный потенциал, включающий в себя различные здоровьесберегающие уровни: стрессоустойчивость, самооценка личности, социальная поддержка, ценностные ориентации, общительность, морально-нравственная ориентация, групповая идентификация и др.

Здоровая адаптация. Адаптация — приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды, направленное на сохранение гомеостаза. Основные типы адаптационного процесса формируются в зависимости от структуры потребностей и мотивов индивида: 1. Тип активный — характерен преобладанием активного воздействия на социальную среду и на себя; 2. Тип пассивный — определяется пассивным, конформным принятием целей и ориентаций ценностных групп. Эффективность адаптации существенно зависит от того, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные роли и связи: искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушениям адаптации, крайним выражением чего служит аутизм. Нарушения адаптации приводят также к невротическим и психосоматическим расстройствам, алкоголизму, наркомании и пр.

Здоровая адаптивность выражается в целеустремленном функционировании целостного организма индивида, определяемом согласованностью и соответствием его целей и достигаемых в ходе здоровьесберегающей деятельности результатов.

Динамичность. Динамика — ход развития, изменения какого-либо явления. Динамичность в здоровьесбережении, нами понимается, как основа движущих сил индивидуального, психического и личностного развития, повышающих здоровьесберегающую компетентность и ведущих к Акме.

Активность — стремление субъекта выйти за собственные пределы, расширить сферу деятельности, действовать за границами требований ситуации и ролевых представлений. Интегральная характеристика здоровой личности – активная жизненная позиция, направленная на развитие здоровьесберегающей компетентности и ответственности за свое здоровье и жизнь.

Непосредственное отношение к пониманию сущностных характеристик развития профессионального здоровья, на наш взгляд, заключается в основополагающем тезисе психосинтеза о том, что стрем-

ление к внутренней интеграции относится к числу фундаментальных мотивов человека; но это не означает, что личность уже является органичной и гармонично функционирующей целостностью [4]. Не зная и не понимая себя, человек не управляет собой, вращаясь в кругу своих ошибок и недостатков. Сложности самопознания и саморазвития проистекают из недоступности для познания истинного Я, что объясняется существованием двуединства личного Я и истинного Я: первое иногда не осознает наличие второго и даже отрицает его существование. В действительности нет двух Я, как двух независимых и обособленных существ. Есть Я, которое проявляется на разных уровнях сознательности и самопостижения. Интуитивно чувствуя себя единым целым и, тем не менее, находя в себе «внутренний раскол», человек приходит в замешательство и не может понять ни себя, ни других. «Органичное единство» — это цель человека, а не наличное его состояние. В особо благоприятных условиях обретение «внутреннего единства» является плодом стихийного роста и созревания, в остальных же случаях — заслуженной наградой, получаемой благодаря работе над собой, воспитанию или психокоррекции с применением специальных методик, которые облегчают и ускоряют процесс саморегуляции, саморазвития и самореализации, что благотворно влияет на профессиональное здоровье.

Таким образом, рассматривая профессиональное здоровье с этих позиций, мы можем говорить, что профессиональное здоровье как личностное новообразование развивается в особом полидетерминированном процессе и позволяет раскрыть качества и внутренние резервы индивида, личности и субъекта, интеграция которых обуславливает эффективную акме-ориентированную самоорганизацию, саморегуляцию, самореализацию и самосовершенствование в процессе жизнедеятельности и в профессиональной деятельности, что обеспечивает оптимальность и целостность многогранного существования личности.

Список литературы:

1. Бодалев, А.А. Вершина в развитии взрослого человека, характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев. – М.: Флинта; Наука, 1998. – 168 с.
2. Деркач, А.А. Акмеологические основы становления психологической и профессиональной зрелости личности / А.А. Деркач, Л.Е. Орбан. – М.: Изд-во РАГС, 1995. – 206 с.
3. Каган, В.Е. Внутренняя картина здоровья и психосоматический потенциал индивида // Психогенные и психосоматические расстройства: Тезисы научной конференции 24-25.X.1988. Тарту, 1988, Т. 1. С. 201-204.
4. Ассаджиоли Р. Психосинтез. – М., 1997. – С. 41-49.

ИЗ ОПЫТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Вишневская В.П.

*ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»
г. Минск*

В процессе индивидуального психологического консультирования использовалась структурно-динамическая модель психологической коррекции образа болезни у пациентов, с психосоматической патологией.

«Образ болезни» — многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение пациента к собственному заболеванию, причинам его возникновения, изменившейся социальной ситуации и выступает в роли фактора, определяющего особенности формирования и терапии психосоматической патологии, образ жизни, поведение и деятельность личности.

Образ болезни (как позиция пациента) — это отражение в сознании пациента его психического и соматического состояния на эмоционально-перцептивном (представления, восприятия, воображения как результат болезненных ощущений, эмоций) и когнитивном (анализ своего состояния, причин заболевания и прогнозов его развития) уровнях.

Как многомерное явление его необходимо рассматривать в ракурсе четырех позиций (отношений) — врач, психолог, пациент, социум (общество, семья).

Образ болезни пациента у врача — дифференциация, идентификация субъективных и объективных данных о состоянии пациента с эталонным образом той или иной болезни.

Образ болезни у психолога — это образ психологического статуса личности пациента у психолога, как оценка и сравнение психического состояния пациента с эталонным образом здорового человека. [1]

Цель психологической коррекции — перевод полуосознанного набора деструктивных и неадекватных представлений пациента о своей болезни в систему осознанных конструктивных представлений, соотносимых с эталонными представлениями о здоровом человеке.

Психологическая коррекция образа болезни у пациентов с психосоматической патологией была направлена на решение следующих задач: 1) стабилизацию болезненного процесса и формирование механизмов преодоления; 2) активное включение пациента в процесс лечения и психологической коррекции; 3) формирование у пациента осознанного образа болезни и — на этой основе — совершенствование способов самопознания психического и соматического состояния с целью определения им модуса своего поведения, деятельности и оценки жизненных перспектив; 4) восстановление у пациента эталонного образа здорового человека посредством модифицированной переработки информационных потоков.

В соответствии с разработанной структурно-динамической моделью психологическая коррекция образа болезни у пациентов, с психосоматической патологией проводилась в три этапа. Первый этап — психодиагностический, второй — непосредственно психокоррекционный, третий — реабилитационный, ее сущность в кратком изложении состоит в следующем. На первом этапе работы с пациентом основной задачей в процессе психологической диагностики было определение его образов-представлений о болезни. Уточнялись индивидуальные особенности самопознания, самооценки соматического, психического, сексуального здоровья пациента; особенности его ощущений, восприятия, представлений, воображения; пути активизации памяти, мышления, умения анализировать все происходящее с его организмом, а также способности к вербализации этой информации. Затем определялся вектор направленности самопознания в отношении таких восприятий пациента как: тяжесть заболевания, причины, вызвавшие его, возможные последствия, информированность о методах лечения и реабилитации.

В процессе психокоррекции, учитывалось наличие у пациента:

а) предпочтений в использовании источников получения информации, а также их роль в модификации его поведения; б) умения пациента принимать другую, отличную от его собственной, точку зрения относительно ситуации, сложившейся в связи с его болезнью и ее возможных последствий; в) способности к осознанной, волевой саморегуляции, необходимой для возможного принятия решений относительно изменения поведения и образа жизни; г) степени определенности представлений пациента о собственных жизненных перспективах, это позволяло, в совокупности с перечисленными выше данными, определить у пациента сформированность основы образа его болезни.

При наличии сформированной основы образа болезни у пациента проводилось ее закрепление с помощью его информирования о результатах объективной (клинической и параклинической) диагностики. В случае неполной сформированности основы образа болезни, пациенту предоставлялась информация о болезни из авторитетных для него источников, дополняя ее данными объективной диагностики, включающей и оценку его психологического статуса.

На первом этапе работы обязательным являлось установление необходимого уровня взаимопонимания пациента и лечащего врача в оценке образа болезни и отношения к ситуации, связанной с ее возникновением.

Второй этап психологической коррекции образа болезни у пациента был ориентирован на решение ниже перечисленных задач.

1. Уточнение и согласование оценочных позиций специалистов (врачей, психолога) относительно образа болезни пациента.

2. Определение оптимальной тактики проведения психологической коррекции, и ее конкретной технологии, включающей выбор соответствующих психотехник. Проводилось на основе оценки результатов диагностики психологического статуса личности пациента, его образа болезни, основного и сопутствующих заболеваний, а также учета дополнительно привнесенных психотравмирующих факторов (конфликты с медицинскими работниками, в семье, болезнь детей, психотравмирующая ситуация на работе, смерть друзей, родственников и т.п.). Такая работа с пациентом проводилась в присутствии лечащего врача или авторитетного для него лица («узких» специалистов) с целью составления индивидуальных программ терапии, психологической коррекции и реабилитации, при необходимости — углубленной диагностики. Это позволяло выработать оптимальную тактику активного включения пациента в процесс терапии и психологической коррекции на основе «опорных точек» болезни. В дальнейшем, по мере необходимости, в индивидуальную программу терапии, психологической коррекции и реабилитации вносились изменения.

3. Выявление динамики формирования и функционирования образа болезни у пациента, влияния на эти процессы привнесенных психотравмирующих факторов, а также внесение изменений в индивидуальную программу терапии, психологической коррекции и реабилитации пациента.

Описанная технология позволяет сформировать образ болезни у пациента и заложить основу для осознания им возможности разрушения сложившегося образа болезни и восстановления эталонного образа здорового человека.

Временной период проведения психологической коррекции образа болезни у пациентов в процессе развернутой терапии не имел четких границ и зависел от ряда факторов (диагноза болезни, тяжести основного и сопутствующих заболеваний; индивидуально-психологических особенностей личности пациента, привнесенных психотравмирующих факторов, не связанных с болезнью, возможности стационарного лечения и т.д.).

На третьем этапе, вся работа с пациентом, была направлена на восстановление эталонного образа здорового человека. Для этого использовались элементы различных психотехник с целью осознания пациентом своих возможностей в восстановлении и сохранении психического, физического, сексуального здоровья.

Необходимо отметить, что процесс восстановления эталонного образа здорового человека у пациента с психосоматической патологией практически возможен на любом этапе формирования и функционирования его образа болезни, при определенных условиях.

В связи с ограничением объема тезисов, не представляется возможным детальное изложение имеющейся информации.

Литература:

1. Вишневская В.П. Образ болезни. Мн.; 2006. – 247с.

**ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СТРЕССА В УСЛОВИЯХ
БОЛЬШОГО ГОРОДА²**

Воробьева И.В.

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» г. Екатеринбург

Одна из наиболее характерных тенденций для всего мирового сообщества — интенсивные темпы урбанизации. Рост городов на планете очевиден, по данным статистики в развитых странах число город-

² Исследование проводится в рамках гранта **Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2450.2011.6**

ских жителей составляет 75-80% от всего населения, этот показатель несколько ниже в развивающихся странах, однако наиболее динамичные из них имеют примерно такое же соотношение. Кроме того, именно на долю последних приходится максимально число самых больших городов в мире. Соответственно город — это реальность и условие жизни современного человека, большой город — если и пока не данность, то определенная перспектива, имеющая вполне реальные сроки осуществления.

Опираясь на тот факт, что среда, так или иначе, оказывает определенное влияние на поведение, жизнедеятельность и психическое состояние человека, находящегося в ней, можно предположить, что и город может инициировать некоторые поведенческие реакции и состояния психики, как отдельного человека, так и целых общностей, обособленных социальных групп.

Особо в аспекте данной проблемы выделяются подходы и исследования, касающиеся негативного влияния городской среды. Среди которых можно выделить теорию ограничения поведения Х. Прошански и Д. Стоколза; теорию перегрузки С. Милграма, теорию окружающей среды как источника стресса Д. Гласса, Дж. Сингера; теорию уровня адаптации Д. Уорвила и др. Авторы замечают, что современный большой город является источником стресса для человека, так как его объекты потенциально могут восприниматься как угрожающие и соответственно вызывать определенные реакции на физиологическом, поведенческом и эмоциональном уровнях.

Стресс в современных психологических исследованиях принято понимать с точки зрения двух основных подходов. Во-первых, это определенная реакция человека, вызванная конкретными объектами окружающей среды — стресс-факторами. Во-вторых, это вместе с тем и субъективное отношение личности, опирающееся на анализ внутреннего своего состояния и ее индивидуальная позиция относительно классификации раздражителей как угрожающих или нейтральных. Таким образом, для составления максимально объективного представления о том, в каком аспекте городская среда является стрессогенной для людей в ней проживающих, необходимо не только систематизировать все возможные ее раздражители и определить их значимость для жителей города, но и выявить определенные закономерности их выде-

ления среди условных или реальных социальных групп.

На настоящее время в рамках обозначенного исследования нами реализуется первое направление, целью которого как раз и выступает определение совокупности стресс-факторов городской среды, выявление их значимости с позиции самого жителя большого города, а также насколько эти факторы, определяются как стрессогенные, если человек непосредственно в большом городе не проживает. Для реализации поставленной цели нами была переработана типология стресс-факторов, предложенная Л.В. Смоловой, Х.Э. Штейнбах и В.И. Еленским и выделены следующие виды негативных (раздражающих, травмирующих) воздействий городской среды на человека:

1) материальные стресс-факторы городской среды, проявляющиеся как деформация эргономики окружающей природной и искусственной сред (фоновые и экстремальные);

2) стресс-факторы, связанные с высокой численностью населения города, которые можно подразделить на социально обусловленные и детерминированные особенностями территориального поведения человека;

3) стресс-факторы, детерминированные организацией жизненного пространства, которые представлены объективными факторами или субъективным отношением человека к городской среде.

Далее были разработаны анкеты, в которые было включено максимальное количество возможных стресс-факторов городской среды с учетом места проживания респондентов (большой и малый города). Участники исследования, проживающие в большом городе, оценивали предложенные утверждения, опираясь на собственный опыт, жителям малого города предлагалось гипотетически определить негативные аспекты жизни в большом городе.

Опираясь на полученные результаты можно сделать вывод о том, что респонденты, проживающие в большом городе (г. Екатеринбург) наиболее остро реагируют на транспортные заторы. Данная проблема присутствует во многих крупных городах РФ и сопряжена с целым рядом сложностей, среди которых увеличение числа автомобилей, неудовлетворительное состояние дорог, сложности с проектированием транспортных развязок и др. Однако в восприятии горожан этот стресс-фактор занимает первое место, «транспортная усталость» мо-

жет вызвать не только эмоциональное напряжение, раздражительность, но и более глубокие негативные эмоциональные состояния.

Кроме проблем, связанных с передвижением по городу, респонденты отмечают высокие затраты на жизнеобеспечение. Горожане субъективно воспринимают жизнь в большом городе как «более дорогую», требующую больших материальных вложений. Возможно, это связано с тем, что в условиях большого города не столько возрастают расходы, сколько возможности выбора товаров и услуг в более широком ценовом диапазоне. Помимо этого некоторая оторванность от натурального хозяйства также увеличивает затраты среднестатистического жителя большого города.

Еще одним негативным аспектом жизни в большом городе является неблагоприятная экологическая обстановка. Загрязненность воздуха, почвы, воды вызывают у человека негативные реакции и формируют определенные варианты поведения. В дополнение к этому, респонденты опасаются ситуаций, которые несут потенциальную опасность их жизни или здоровью и которых в большом городе на порядок больше, чем в других населенных пунктах. Сложная криминогенная обстановка, возможность аварий или несчастных случаев также может дестабилизировать психическое состояние горожанина.

Жители малых городов, гипотетически оценивая сложности проживания в большом городе, на первое место вновь ставят транспортную проблему. Возможно, помимо самих транспортных заторов, негативное отношение вызывает количество времени, проведенное в транспорте, и расстояния большого города. Следующие стресс-факторы напрямую связаны с возможностью стать жертвой преступления на улицах города, особо респонденты подчеркивают вероятность террористических актов. Жители малых городов считают, что большие города менее опрятны, на их улицах больше грязи и мусора.

Подводя предварительные итоги, можно сделать вывод о том, что основные раздражители, потенциально вызывающие психическое состояние стресса у жителей большого города оцениваются ими самими в большей степени с позиции наличия объективных проблем и трудностей в городской жизни. Респонденты, проживающие в малом городе, более склонны переставлять большой город как источник непосредственной угрозы жизни и здоровью человека.

Представленные результаты не являются исчерпывающим и законченным исследованием и будут дополняться и усложняться в направлении, как расширения эмпирических данных, так и анализа целого ряда населенных пунктов РФ.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Воронкова Д.В.

*Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ)
Институт психологии им. Л.С.Выготского*

Эмпирическое исследование, результаты которого представлены в данной статье, опирается на теоретическое положение о том, что действенным и универсальным фактором, влияющим на наличие профессионального стресса, является не только специфика профессиональной деятельности и личностные особенности, но и организационная культура [2,3].

Основная гипотеза исследования: особенности организационной культуры являются фактором эмоционального выгорания, они либо способствуют развитию синдрома эмоционального выгорания, либо снижают уровень его выраженности.

Для проверки гипотезы использовалась совокупность следующих методов исследования: теоретический анализ научной литературы по исследуемой проблеме, качественный анализ, математические методы статистики; организационные методы (сравнительный), методика «Психологическое выгорание» К.Маслач и С.Джексон в модификации Н.Е.Водопьяновой [1], методики изучения организационной культуры С.А.Липатова (методика незавершенных предложений, методика выявления организационных ценностей и норм, методика шкальной оценки организации), методика VSM-94 Хофстеде [4].

Экспериментальную базу исследования составили сотрудники четырех ОВД и четырех санаториев г. Набережные Челны.

Рассмотрим результаты первого этапа, на котором исследовался синдром эмоционального выгорания по трем шкалам: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений. Как вид-

но из таблицы 1, средние значения по всем показателям эмоционального выгорания у сотрудников санаториев выше, чем у сотрудников ОВД. В целом, анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что для сотрудников ОВД и санаториев характерно состояние эмоционального выгорания, которое наиболее ярко проявляется в редукции личных достижений. Средние значения по всем показателям эмоционального выгорания у сотрудников санаториев выше, чем у сотрудников ОВД.

Таблица 1

Показатели уровня «эмоционального выгорания» сотрудников ОВД и санаториев

		Организации									
		ОВД					Санатории				
		ОВД А	ОВД Б	ОВД К	ОВД Ц	среднее	Ува	Жемчужина	НЧ	Камаз	среднее
Показатели эмоционального выгорания	Эмоциональное истощение	15	13,3	18,8	14,2	15,3	16,4	19,9	18,7	23,7	19,7
	Диперсонализация	5,1	5,7	8,4	8,0	6,8	8,6	7	4,5	9,3	7,4
	Редукция личных достижений	32,8	32,5	23,3	28,6	29,3	32,4	28,0	23,9	26,8	27,8

Анализ результатов второго этапа исследования позволил составить характеристики организационной культуры ОВД и санаториев. Рассмотрим взаимосвязь показателей организационной среды и эмоционального выгорания (Таблица 2).

Таблица 2

Данные корреляции показателей организационной среды и эмоционального выгорания (N=8) по Спирмену

Показатели		эмоциональное выгорание			
		Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция личных достижений	Выгорание
о р г к у л ь т у р а	Индивидуализм	0,216	-0,327	-0,880**	0,754*
	Дистанция власти	0,32	0,2	-0,325	0,228
	Мужественность	0,107	0,326	0,047	-0,5
	Избегание неопределенности	0,794*	-0,355	0,595	0,789*

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$

Как видно из таблицы, связь между эмоциональным выгоранием и оргкультурой существует. Причем наиболее сильное влияние оказывают такие параметры организационной культуры, как индивидуализм и избегание неопределенности. Причем наиболее серьезным образом воздействию оргкультуры подвержены такие аспекты выгорания, как эмоциональное истощение и редукция личных достижений.

В целом, анализ результатов эмпирического исследования позволил сформулировать следующие **выводы**:

1. Доля лиц, у которых наблюдается высокий уровень «выгорания» хотя бы по одной шкале, достоверно выше по выборке санаториев по сравнению с выборкой ОВД. По каждой из однородных выборок (Ува, ОВД) нет достоверных различий в доле мужчин и женщин, для которых характерно наличие хотя бы одного симптома «выгорания».

2. Особенности организационной культуры санаториев являются: ориентация на результативность личности, ценится профессиональное отношение к делу, соблюдение этических норм; ориентация на клиента; приверженность инновациям; лояльность к руководству. Для организационной культуры всех санаториев также характерны низкий уровень дистанции власти и низкий уровень избегания неопределенности.

3. Организационная культура ОВД имеет следующие особенности: сотрудники воспринимают свои организации как место работы и общения, основной ее характеристикой считают коллективность. Основные ценности для них — это результативность, быстрое принятие решений, работоспособность, партнерство.

4. Качественный анализ специфики организационной культуры сравниваемых организаций позволил сделать вывод, что важным параметром, определяющим влияние особенностей организационной культуры на уровень эмоционального выгорания для рассмотренных учреждений (отделов внутренних дел и санаториев средних по величине российских городов) является параметр «индивидуализм-коллективизм».

5. Достоверно значимой является взаимосвязь параметров «избегание неопределенности» и «эмоционального истощения». Также значимой является связь между параметрами «индивидуализмом» и «редукцией личных достижений».

Литература

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. СПб, 2001, с. 276-282.
2. Китаев-Смык Л.А. Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души / Вопросы психологии экстремальных ситуаций, 2007. № 4, с. 2-21.
3. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2008.
4. Hofstede G. Culture consequences: Intern Differences in work-related volues.- 1980.

ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШЕГО И СТАРШЕГО КУРСОВ

Габдреева Г.Ш.

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Психологическое благополучие человека выступает как полнота его самореализации в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Считается, что ключевой предпосылкой психологического благополучия выступает удовлетворенность жизнью, которая рассматривается наряду с другими психическими состояниями [3]. Значение проблемы удовлетворенности особенно очевидно, когда речь идет о профессиональной деятельности. В этом ракурсе она конкретизируется как проблема удовлетворенности трудом. Удовлетворенность трудом является показателем успешности самоосуществления себя в качестве профессионала [1]. В рамках этой темы в психологии обсуждается проблема эмоционально-оценочного отношения личности к работе, которое формулируется как удовлетворение от работы («job satisfaction» [4]).

Анализ исследований в области удовлетворенности трудом показал, что эта проблема чаще всего решается применительно к конкретным областям профессиональной деятельности. Несмотря на то, что существует большое число работ, выполненных в рамках указанной темы, в психологии недостаточно внимания уделяется начальному этапу становления специалиста с высшим образованием, — профессионально-познавательной (учебной) деятельности студента. Особенность учебной деятельности учащегося-студента заключается в том, что главный профессиональный смысл его труда заключается в отдаленных результатах, в то время как успешность учебной деятельности, оцениваемая в едини-

цах *успеваемости*, обуславливает реальность ближайших перспектив. Поскольку в логике субъектного подхода удовлетворенность трудом предстает как обобщенное переживание качества самореализации субъекта, учебная успеваемость, рассматриваемая как оценка успешности данного этапа профессионализации, может рассматриваться как существенный фактор удовлетворенности жизнью. Если рассматривать учебную деятельность студента как работу, то акцент в исследовании удовлетворенности-неудовлетворенности должен ставиться на ситуативных эмоциональных переживаниях и текущем психическом состоянии, отражающих внешние и внутренние условия труда.

Было проведено исследование оценки *удовлетворенности жизнью и учебной деятельностью*, в их связи с *психическим состоянием и академической успеваемостью*, как факторов субъективной оценки качества жизни, – у юношей-студентов и девушек-студенток первого и пятого курсов. Исследование организовано путем диагностических срезов и последующего сравнения полученных данных с применением t-критерия Стьюдента для выяснения достоверности различий. Особенности структурной организации показателей сравниваемых выборок выяснялись с помощью корреляционного и дивергентного анализов. В качестве испытуемых выступали студенты Казанского университета, из них студентов первого курса – 51 человек (25 юношей и 26 девушек) и пятикурсников-выпускников – 52 человека (26 юношей и 26 девушек). Для диагностики использовались: методика А.Кэмпбелла «Качество жизни»; опросник, предназначенный для оценки удовлетворенности жизнью «ВОЗ КЖ» (пункт «удовлетворенность работой» заменен на «удовлетворенность учебной деятельностью»); опросник, предполагающий оценку удовлетворенности жизнью «в целом»; а также методика диагностики психического состояния студентов А.О.Прохорова.

Обращение к особенностям структурной организации, связанным с *половыми особенностями*, не случайно. Обнаружено, например, что девушки-первокурсницы показывают лучшие результаты по саморегуляции, чем юноши, что происходит за счет физиологических характеристик, обеспечивающих формирование быстрой психической реакции на воздействия среды (большей жизнестойкости и помехоустойчивости, изменчивости «женской» психики, ее способности ощущать дыхание внутренних и внешних воздействий) [2]. Несмотря на то, что при этом не

проводилось исследование половых особенностей саморегуляции также и у студентов-старшекурсников, в свете данных психологии развития можно говорить о возможном уменьшении у них выявленных различий. На наш взгляд, должно происходить существенное преобразование психологических структур на протяжении студенческого возраста в сторону возрастания значимости социально-психологических уровней, поскольку в исследованиях, выполненных в рамках гендерной психологии, указывается на сглаживание половых различий, обусловливаемое общими для обоих полов средовыми воздействиями.

В результате проведенного исследования выяснилось, что различают первокурсников-юношей и их однокурсниц общая удовлетворенность жизнью, а также отдельные ее составляющие (удовлетворенность доходом, бытом, окружающей средой и любовными отношениями), и удовлетворенность учебной деятельностью, — средние значения этих показателей выше у девушек. К пятому курсу значимых различий между юношами и девушками в средних значениях диагностированных показателей у студентов-старшекурсников становится заметно меньше, чем у первокурсников. Если на первом курсе было выявлено 16 различий, то на пятом — только 6. Выявленная закономерность подтверждает высказанное предположение о сглаживании половых различий в показателях оценки качества жизни и удовлетворенности ею в процессе обучения студентов в вузе.

Анализ корреляционных структур, образованных исследуемыми показателями, также свидетельствует том, что с возрастом половые различия студентов сглаживаются. Происходит это в основном за счет повышения в структуре выборки старшекурсниц значения практически всех психических состояний и снижения значения тех показателей удовлетворенности жизнью, которые у первокурсниц выше, чем у их сверстников-первокурсников, при одновременном понижении к старшему курсу количества и величины корреляционных зависимостей некоторых показателей состояния у юношей.

Это может объясняться тем, что, по-видимому, в раннем юношеском возрасте только завершается физическое, в том числе половое, созревание, и на начальных этапах обучения еще весомы фундаментальные природные факторы. Общие для юношей и девушек условия обучения, не делающие различия между полами, приводят к сближе-

нию траекторий социализации и стиранию различий между полами. При этом, как это следует из результатов нашего исследования, именно психические состояния являются существенным фактором уравнивания общих оценок качества жизни студентов разного пола, происходящего как следствие процесса социализации в период обучения.

Если обобщить полученные результаты, не учитывая пол испытуемых, можно говорить о том, что у студентов от первого к пятому курсу наблюдается заметное увеличение количественных значений показателей отдельных психических состояний и повышение суммарного показателя удовлетворенности жизнью, и лишь незначительное, на уровне тенденции, изменение в положительном направлении оценки качества жизни. К пятому курсу изменяется характер взаимосвязей исследуемых показателей: ослабляются связи показателей внутри блока психических состояний, изменяется структура отдельных блоков. При этом усиливаются связи психических состояний с удовлетворенностью жизнью, психические состояния напрямую связываются с оценкой ее качества. В общей структуре показателей психологического благополучия повышается значение показателя успеваемости, как оценки успешности данного этапа профессионализации.

Литература:

1. Ермолаева М.В., Охотенко Р.В. Удовлетворенность трудом как обобщенное переживание качества самореализации субъекта в пространстве его саморазвития // Мир психологии. 2009. № 2. – С. 249-256.
2. Иорданов А.Ф. Особенности развития гендерных структур индивидуальности у студентов гуманитарного вуза: автореф. дис ... канд. психол. наук: 19.00.07; Северо-Кавказский государственный технический университет. Ставрополь, 2003. – 20 с.
3. Прохоров А.О. Особенности психических состояний личности в обучении // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1. – С.47-54.
4. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // J. Pers. Soc. Psychol., 1995, V. 69 (4). – P. 719-727.

ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ

Габдулина Л.И., Зотова С.В.

Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Изучение удовлетворённости личности собственной жизнью и её детерминант — сколь актуальная, столь и сложная задача для психоло-

гии. Как известно, за рубежом уже накоплен определённый опыт её решения в масштабных эмпирических (психологических и социологических) исследованиях. В отечественной психологии к настоящему моменту опыт изучения данной проблемы исчисляется небольшим количеством работ. При всех очевидных различиях в количестве проведённых исследований и полученных в них эмпирических данных общим их итогом можно считать обнаруживающуюся картину сложного, неоднозначного характера детерминации удовлетворённости конкретного человека собственной жизнью. В самом общем виде систему обуславливающих жизненную удовлетворённость (счастье, благополучие) личности факторов можно представить как многофакторный конструкт, представляющий собой сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Осознание сложного характера детерминации удовлетворённости личности собственной жизнью не исключает, однако, попыток выяснения детерминирующей роли отдельных факторов или их групп. Особое место в этом многообразии детерминант следует отнести ценностным ориентациям личности, организованным в сложную структуру, характеристиками которой являются многомерность и нелинейность. Система ценностных ориентаций выражает собой квинтэссенцию, сущность личности и выступает в качестве критерия для оценивания личностью различных объектов и явлений, в том числе собственной жизни. Общая удовлетворенность жизнью во многом зависит от того, какие стороны своей жизни человек учитывает при формировании общей оценки собственной жизни[5]. То, какие именно ее стороны выбираются субъектом для оценивания как важные, определяется иерархией личностных ценностей.

Значение личностных ценностей в детерминации её жизненной удовлетворённости признается многими авторами (Р.Ингльхарт, А.Кэмпбелл, Л.И.Габдулина, И.А.Джидарьян, Э.Динер, Ш.Шварц и др.), однако детальных исследований этой проблемы крайне мало. Приведем некоторые из них, выделяющие разные аспекты сложной ценностной детерминации жизненной удовлетворённости личности.

Sagiv L., Schwartz S.H. [6], в частности, делая предположение о взаимосвязи значимости определенных ценностных ориентаций с субъективным благополучием, опирались на литературу по психотера-

пии, утверждающую, что ценности личности влияют на её психологическое здоровье. Благотворными для личности считаются ценности универсализма, самостоятельности, доброты, достижения и стимуляции, а деструктивными – власть, традиции, конформные ценности, безопасность [6]. Существует предположение, что реализация определенных ценностей ведет к такому восприятию мира, установкам и поведению, которые, в свою очередь, повышают уровень субъективного благополучия; реализация деструктивных ценностей ведет к противоположному эффекту. Возможна и обратная причинно-следственная связь: удовлетворенные жизнью люди имеют ресурсы для реализации конструктивных ценностей (повышения своей толерантности, помощи другим). Те же, кто не удовлетворен собственной жизнью, реализуют такие ценности, как власть и безопасность, которые способны уменьшить тревогу, неуверенность и обеспечить удовлетворение базовых потребностей.

Шварц и Билски обнаружили, что ценности достижения, стимуляции и саморуководства коррелируют с уровнем субъективного благополучия положительно, а конформность, безопасность и традиции — отрицательно [6].

Sagiv L., Schwartz S.H. обнаружили также, что взаимосвязь уровня субъективного благополучия с ценностями зависит от сходства ценностных ориентаций личности с ценностями ее окружения. При их сходстве независимо от содержания ценностных ориентаций личность может их выражать и реализовывать, и уровень ее субъективного благополучия повышается. Если же ценностные ориентации личности существенно отличаются от ценностных приоритетов ее окружения, то выражение и реализация личностью ценностей натолкнется на санкции, будет блокирована, что приведет к снижению уровня субъективного благополучия. Сходство между ценностями личности и среды вносит тем больший вклад в субъективное благополучие, чем большую значимость имеет данная среда (семья, коллеги или однокурсники, соратники по увлечениям и т.д.) для идентичности человека.

В исследовании Prentice D.A. было установлено, что студенты, ценящие открытость изменениям, склонны положительно оценивать свою жизнь, основываясь на проблемах и возможностях, с которыми они сталкиваются изо дня в день [5].

Результаты нашего исследования позволяют утверждать следующее.

В ценностной иерархии удовлетворённых жизнью доминируют жизненные ценности, имеющие активный характер; имеет место их приоритетная реализация в жизни. Удовлетворённые собственной жизнью люди больше, чем неудовлетворённые, ориентируются на творчество, свободу, саморазвитие, познание; для них важен баланс между соблюдением собственных интересов и интересов других, значимы ценности межличностных отношений и полноценная реализация их как ценностей-целей, и как ценностей-средств [1].

Иерархия ценностных ориентаций у удовлетворенных и не удовлетворенных собственной жизнью людей различаются: иерархия ценностных ориентаций удовлетворенных собственной жизнью людей характеризуется меньшим разрывом между ведущими и отвергаемыми ценностями и большей дифференцированностью по уровням, по сравнению с иерархией ценностных ориентаций низко удовлетворенных жизнью людей.

Удовлетворенные жизнью люди больше ориентированы на внутренние ценности, в том числе ценности духовного развития, а низко удовлетворенные — на внешние ценности; при повышении степени удовлетворенности жизнью возрастает значимость эстетических ценностей и снижается — материальных и ценности признания другими, что согласуется с вышеприведёнными рассуждениями Sagiv L., Schwartz S.H. .

Степень реализованности ценностных ориентаций у удовлетворенных и не удовлетворенных собственной жизнью людей различаются: как ведущие, так и незначимые ценностные ориентации удовлетворенных собственной жизнью людей, в целом реализованы больше, чем ценностные ориентации не удовлетворенных жизнью людей. Удовлетворенные собственной жизнью люди чаще, чем неудовлетворенные, выбирают для реализации в своем поведении те ценности, которые занимают высокие места по значимости в их иерархии ценностных ориентаций. Не удовлетворенные собственной жизнью люди наиболее часто выбирают для реализации в поведении ценности уже избыточно доступные и поэтому связанные с переживанием «внутреннего вакуума» (по терминологии Фанталовой Е.Б).

Социально фрустрированные, то есть не удовлетворённые своими социальными достижениями люди в меньшей степени, по сравнению с людьми, удовлетворёнными своими социальными достижениями, реализуют ценности «Высокое материальное благосостояние» и «Высокий социальный статус» и в большей степени — ценность «Помощи и милосердия к другим людям». Вполне возможно, что основная причина данного факта кроется в специфике сложившейся ситуации в нашей стране и в том самом несходстве между ценностями личности и среды как причины субъективного неблагополучия, о котором пишут Sagiv L., Schwartz S.H.

Литература

1. Габдулина Л.И. Жизненная удовлетворенность, счастье и их обусловленность ценностными и смысложизненными ориентациями // Северо-Кавказский психологический вестник. Приложение 1. - Ростов-на-Дону, 2003.
2. Габдулина Л.И. К проблеме социально-психологических детерминант жизненной удовлетворённости // Материалы IV Всероссийского съезда РПО. 18-21 сентября 2007. В 3 т. Москва – Ростов-на-Дону. – 2007, с. 220-221.
3. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете – СПб: Алтейя, 2001. – 242с.
4. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. – Самара: БАХРАХ-М, 2001. – 128с.
5. Prentice D.A. Values and evaluations // *Perspectivism in social psychology: the yin and yang of scientific progress* / Edited by Jost J.T., Mahzarin R.B., Prentice D.A. – Washington, DC: APA. – 2004, с.69-80
6. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruity effects. // *European Journal of Social Psychology*. – №30. - 2000, p.177-198.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ АУТОАГРЕССИИ У СТУДЕНТОВ

Герасимова В.В.

*Муниципальное образовательное учреждение
«Школьный центр психолого-медико-социального сопровождения
«Ресурс» Московского района г.Казани*

Проблема аутоагрессии у студентов все чаще становится объектом пристального внимания специалистов, службы практической психологии образования. В свою очередь, последние социальные и эпи-

демиологические исследования подтверждают угрожающие масштабы данного явления.

Согласно данным Центра по исследованию самоубийств ВОЗ самый высокий уровень самоповреждающего поведения среди женщин отмечается в 15-24 лет, а среди мужчин — в возрасте 12-34 лет. Россия выходит на второе место в мире по количеству суицидов на 100 тыс. постоянно проживающего населения [2]. Россия занимает первое место в мире по употреблению алкогольной продукции и ряда психоактивных веществ.

Жизненное амплуа суицидента, наркомана и алкоголика уже не является презираемым и полностью отвергаемым. Следовательно, вызывает тревогу тенденция нормативности аутоагрессивного поведения у студентов.

Аутоагрессия представляет собой вариант агрессивного поведения, при котором субъект и объект агрессии совпадают [1].

По нашему мнению, аутоагрессия формируется на основе проявления локальной или общей деструкции, происходящей на эндо-, мезо- и экзо- уровнях образа жизни индивида, которые взаимосвязаны и взаимозависимы друг с другом.

Эндоуровень это совокупность индивидуально-психологической характеристики личности, ее культурно-нравственный потенциал, уровень образованности, ценностный мир и характер жизнедеятельности.

Мезоуровень — параметральные особенности ближайшего социального окружения: семья, референтная группа.

Экзоуровень — общество, транслируемые им ценности, идеология, мода, в том числе на содержательную и организационную стороны жизнедеятельности индивида, семьи, авторитетность.

Агрессия и аутоагрессия имеют единые патогенетические механизмы, соотносимые по типу «клапанного взаимодействия» [4].

По мнению Ю.Б.Можгинского решающее значение в формировании различных видов агрессии, являются отсутствие возможности разрядки "агрессивного инстинкта", практическое отсутствие моральных и религиозных устоев в семейном воспитании, воздействие средств массовой информации с их противоречивыми идеалами [5].

Среди духовно-нравственных причин аутоагрессии у студентов,

целесообразно выделить две большие группы — интрапсихические и средовые влияния. К интропсихической группе духовно-нравственных причин аутоагрессии у студентов мы относим инфантилизм, дезориентацию духовных потребностей личности, размытость персональных нравственных ценностей и смыслов. Средовое влияние включает трансляцию псевдокультуры, псевдоценностей, псевдоидеалов и псевдосмыслов через средства массовой информации.

Конкретные примеры пропаганды аутоагрессивного поведения среди молодежи в музыкальной продукции представлены в исследовании 1200 песен за последние 25 лет, проведенные в Ульяновском университете. В нем показан высокий рост песен с упоминанием психопатологии, в том числе призывов к аутоагрессии до 67% всех проанализированных песен [3].

В последние годы осознается ведущая роль в распространении агрессивного и аутоагрессивного поведения средств массовой информации в России. Так на заседании совета Федерации 2 апреля 2008 года Председатель Совета Федерации С.М.Миронов, заявил о том, что средства массовой информации, художественные фильмы, молодежная мода рождает новых наркопотребителей. Другими словами, если наркотизация является одной из форм аутоагрессии, то можно считать, что современные СМИ способствуют росту распространенности аутоагрессивных форм поведения в молодежной среде [6].

Представители современного студенчества испытывают ограничение пространства для саморазвития и самореализации, неопределенность в перспективах сложившимися рыночными отношениями. Современный социум, создает для студентов непреодолимые препятствия для реализации важнейших социальных и духовных потребностей. Для успешного противостояния и преодоления этого влияния нет ресурсов, опыта, поэтому актуализированная агрессия направляется на собственную личность. Таким образом, освобождение от травмирующих обстоятельств осуществляется через самоуничтожение, самоповреждение и саморазрушение. В.Франкл утверждал, что если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, то он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности, с помощью химических препаратов [7].

Укрепившиеся в социуме хаос, декларации, имитация деятельно-

сти, страх и обреченность в целом дестабилизируют процесс социализации личности студента. В глобальном понимании аутоагрессия является не чем иным как следствием искажения социализации личности.

Упразднение духовных потребностей, ставшее частью рыночно-демократических реформ обусловило деформированность системы ценностей и структуры потребностей человека, преобладание примитивных социальных, потребительских, развлекательных потребностей. Несформированность и слабая развитость духовных потребностей причинно связаны с высокой распространенностью аутоагрессии в молодежной среде, отсутствием положительных результатов в профилактике аутоагрессивного поведения. Этот глобальный дефект общественного сознания, образовавшийся в процессе перехода от развитого социализма к рыночному хаосу создан средствами, формирующими общественное сознание.

Таким образом, для купирования духовно-нравственных причин аутоагрессии у студентов своевременно широкая реализация тренинговых программ, направленных на формирование психологической самозащиты от агрессивной псевдокультурной среды и актуализацию общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Амбрумова А., Трайнина Е., Ратинова Н., Аутоагрессивное поведение подростков с различными формами социальных девиаций, Шестой Всероссийский съезд психиатров, Томск, 24-26 октября 1990, Тез. докл., т. 1., М., 1990., с 105— 106.
2. Газизова Р. Суицид — выход для умных и свободных? Студенческая газета - Молодежь Татарстана 03.12.08. <http://moltat.ru>
3. Карпов А.М. Семенихин Д.Г. Башмакова О.В. Проблема стигмы психических расстройств в современной музыкальной продукции Психическое здоровье 2008. №1. с.58-61
4. Лобов Г.А. Аутоагрессивное поведение юношей призывного возраста. Автореферат диссертации кандидата медицинский наук /ГОУ ВПО "Белгородский государственный университет". - М., 2008. - 19 с.
5. Можгинский Ю.Б. Агрессивность детей и подростков: Распознавание, лечение, профилактика. Изд. 2-е, стереотип. - М.: "Когито-Центр", 2008. - 181 с.
6. Стенограмма расширенного заседания Координационного совета по социальной стратегии при Председателе Совета Федерации «Политика государства и общества по преодолению социально значимых проблем злоупотребления наркотиками» Наркология 2008 г. № 8 с.12-18
7. Франкл В. Человек в поисках смысла жизни. Сб./ Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. - М.: Прогресс, 1999. - 368 с.

МЕНТАЛИТЕТ ЖЕНЩИН ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР РИСКА В ПРОБЛЕМЕ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Голуб С.Н., Ульянов И.Г.

Владивостокский государственный медицинский университет

Проблема возникновения насилия женщин в семье, активно изучаемая в последние десятилетия в России и за рубежом, имеет многообразные первопричины, знание которых помогает более успешному ее решению. Одной из важнейших причин, на наш взгляд, является менталитет женщин по отношению к этой проблеме.

Известно, что мировосприятие (менталитет) в сфере внутрисемейных отношений формируется в обществе под действием многочисленных причин. Одной из устойчивых и традиционных причин этого феномена является представления о ключевой роли мужчин в семье и обществе. Другие связаны с религиозными взглядами, бытующими в обществе стереотипами, культурными и национальными особенностями и т.п. [1].

Для Дальневосточного региона (ДВ) эти основные причины претерпевают разнообразные изменения, обусловленные его особенностями. Так для ДВ региона характерна повышенная миграция населения и связанные с ней нарушения устоявшихся взаимоотношений с окружением. За последние 10 лет отток населения составил 25%, что является наибольшим показателем среди других регионов России.

Достаточно многообразен и национальный состав населения ДВ региона, к тому же он претерпевает достаточно быстрые изменения. Так по данным переписи 2002 г. из 6 млн. 692 тыс. 865 чел., что составляет 4,61 % населения России, русские составляют 81,74 %, якуты — 6,51 %, украинцы — 4,23 %, корейцы — 0,93 %, татары — 0,83 %, белорусы — 0,68 %. По разным оценкам в Приморье сейчас проживает от 30 до 50 тысяч китайцев. По статистике, ежегодно в Приморье оседает примерно 3–4 тысячи граждан КНР. Это приводит к смешению различных культур, мировоззрений, традиций, вероисповеданий.

Низкий уровень реального дохода, потеря стабильной работы, непосильное удорожание во всех сферах услуг, алкоголизация значительной части населения ДВ региона усугубляют и усложняют ситуацию, связанную с проблемой семейного насилия.

Все эти и другие подобные факторы приводят к дезадаптации личности, нарушению привычного способа взаимодействия личности в среде и появлению психоэмоционального напряжения. Адаптационные механизмы человека истощаются, что приводит к развитию невротических расстройств. Все эти жизненные изменения приводят к искажению духовных и моральных ценностей, определяющих менталитет конкретной личности.

Социально-личностные формы причин насилия во многом обусловлены сформировавшимися представлениями о преобладающей главенствующей и беспрекословной роли мужчин во всех сферах жизни, а также противоречиями, связанными с профессиональными и экономическими статусными позициями мужчин и женщин [2].

В нашей работе была поставлена задача выявления менталитета женщин о возможности проявления какого-либо насилия по отношению к ней со стороны предполагаемого или уже имеющегося партнера.

С этой целью нами был разработан предварительный скрининговый тест опросник, состоящий из 17 вопросов, для трех категорий женщин: 1) незамужних молодых женщин и девушек, 2) женщин, находящихся в гражданских отношениях (сожительницы) не более одного года, 3) женщин, находящихся в браке не более года. Выбор подобных групп был обусловлен тем, что легче предупредить возможные проявления семейного насилия, чем лечить уже появившиеся невротические расстройства и изменять сложившиеся стереотипы.

Вопросы, предлагаемые в подготовленном нами скрининговом тест-опроснике, затрагивали различные стороны и грани жизнедеятельности в сфере семейных отношений с учетом изложенных выше форм и причин насилия над женщинами, как в семье, так и вне семьи. Совокупность предложенных вопросов позволили нам оценить менталитет женщин в обследуемых группах и их склонность к восприятию насилия в отношениях с мужчиной.

Пилотные исследования по данной проблеме мы проводили среди студенток вузов, и женщин с учетом стажа их семейного общения. Проведенные предварительные исследования менталитета женщин, проживающих в ДВ регионе, позволили нам выявить среди них группы риска по отношению к возможности принятия ими семейного насилия со стороны партнера.

Для повышения надежности данного скринингового контроля мы дополнительно предлагали женщинам указанных групп краткую анкету для самооценки возможности принятия ими насилия со стороны мужчин.

С женщинами, склонными к восприятию семейного насилия были проведены превентивные психокоррекционные мероприятия в форме индивидуальных и групповых занятий, направленных на коррекцию ценностных ориентиров, повышение самооценки молодых женщин, поиск собственных ресурсов.

Проведенные исследования позволили нам выявить менталитет женщин ДВ региона, знание которого во многом позволяет избежать негативных и возможно необратимых последствий этого весьма сложного феномена современной жизни среди молодых семей.

Библиографический список

1. Аристова М.В. Компонент насилия в гендерных взаимоотношениях: социально-философский анализ: Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. – М.: 2009.

2. Лысова А.В. Насилие в семье: основные теоретические проблемы. Введение: Учебное пособие. – Владивосток, 2001. – 208 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Гольцова А.А.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль*

Реальный жизненный путь, образ жизни личности обусловлен множеством объективных и субъективных факторов. Одним из существенных факторов является субъективная картина жизненного пути личности, важнейшим компонентом которой выступают представления личности о характере отношений между происшедшими, происходящими и предстоящими событиями ее жизни.

Определение наиболее значимых событий жизни личности и степени адекватности их осознания, выделение основных сфер жизнедеятельности в их взаимосвязи, изучение особенностей психологического

времени и психологического возраста личности, а также вскрытие индивидуальной специфики временных представлений личности о ее прошлом, настоящем и будущем является основой для оказания консультативной и психотерапевтической помощи человеку в осмыслении и решении им своих жизненных проблем [2]. В ряде работ психологическое время рассматривается как важное дополнение к осознанию собственной идентичности [3], как звено самосознания человека, которое позволяет ему адекватно реагировать на свой индивидуальный путь во времени и стремиться объективно оценивать себя в своих притязаниях во всех сферах жизни [4]. Анализируя ответы психологов ведущих школ, Е.П.Белинская [1] указывает на то, что идея согласованности, определенной связанности временных Я-представлений сегодня считается важнейшим показателем психического здоровья человека. Достижение критической степени рассогласования образов "Я-прошлого", "Я-настоящего" и "Я-будущего" оценивается либо как основной фактор социально-психологической дезадаптации (К.Хорни), либо как первопричина личностных нарушений (К.Роджерс), либо как один из параметров низкой самоактуализации личности (А. Маслоу), либо как источник конкретных психических расстройств – депрессии и тревожности (Т.Хиггинс).

Однако необходимо указать на недостаточную разработанность феномена психологического возраста личности. В связи с этим нами предпринято эмпирическое исследование особенностей уровня рефлексивности, уровня субъективного контроля, уровня самооценки, уровня притязаний, экстраверсии/интроверсии студентов 1-4 курсов с различной самооценкой возраста, основные результаты которого будут рассмотрены в нашей статье.

Базовыми в нашей работе являются теоретические положения причинно-целевой концепции Е.И. Головахи, А.А. Кроника. Авторы указывают на то, что реализованность психологического времени осознается человеком в форме особого переживания своего «внутреннего» возраста, который может быть назван психологическим возрастом личности. Психологический возраст личности — мера психологического прошлого личности, подобно тому, как хронологический возраст — мера хронологического прошлого [2]. Существует три варианта оценки своего психологического возраста: адекватная, завышенная, когда че-

ловек чувствует себя старше своих лет, и заниженная, в случае, когда человек ощущает себя моложе, чем это есть в действительности.

В исследовании приняли участие студенты ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, в возрасте 17-24 года. Выборка составила 125 человек.

В ходе исследования нами были выделены три группы студентов с различным соотношением психологического и хронологического возрастов: 1) студенты, у которых психологический возраст занижен относительно их хронологического возраста; 2) студенты с адекватным психологическим возрастом; 3) студенты с завышенным психологическим возрастом.

Представленные группы различаются по уровню интернальности ($p < 0,05$), уровню экстравертированности ($p < 0,05$) и уровню рефлексивности ($p < 0,05$). В первой группе выявился наибольший уровень развития общей интернальности, а также интернальности в различных сферах, в то время как в третьей группе показатели самые низкие. Срабатывает механизм гиперкомпенсации, при котором студенты, не умеющие конструктивно справиться с проблемой, пытаются в большей степени переложить ответственность за значимые события в их жизни на случай или действия других людей, особенно в области межличностных отношений и в области неудач. Вероятно, это связано с тем, что данные сферы жизни человека являются наиболее травматичными, то есть способствуют неосознанному включению психологических защит, при которых реальные причины неудач, как правило, искажаются, а их место занимают «псевдопричины», относящиеся не к самому человеку, а к его окружению. Это может быть связано с некоторой инфантильностью студентов с завышенным психологическим возрастом.

Во второй группе наблюдается самый высокий уровень экстравертированности. Именно студенты с адекватным психологическим возрастом способны быть активными, непосредственными, открытыми, гибкими и общительными в контактах с другими людьми. Это может быть связано с тем, что студенты данной группы считают, что они в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, способны активно формировать свой круг общения.

У студентов, относящихся в нашем исследовании к первой группе, способность к осознанию себя субъектом жизненного пути, ответственного за свою судьбу находится на низком уровне развития. Студен-

ты с заниженным психологическим возрастом проявляют низкую склонность к анализу жизненных планов и собственных потенциалов, реальных достижений в творчестве, в карьере, личной жизни. В свою очередь можно говорить о большей зрелости студентов с адекватным психологическим возрастом: они понимают закономерный характер своего пути, строят концепцию жизни, увязывая прошлое с настоящим и будущим.

В ходе нашего исследования не было выявлено достоверных различий между приведенными группами по таким показателям как уровень самооценки и потребность в достижении. В целом, студентов характеризует адекватная самооценка и настойчивость в достижении цели.

Подводя итоги, можно сказать, что студенты с различным соотношением психологического и хронологического возрастов различаются по таким индивидуальным особенностям как общая интернальность и интернальность в различных сферах, экстравертированность и рефлексивность.

Библиографический список

1. Белинская Е.П. Временные аспекты Я – концепции и идентичности // Мир психологии, 1999. №3. С.140-147.
2. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Издательство «Наукова думка», 1984.-207 с.
3. Иванова В.В. Общие вопросы самосознания личности. М., 1999.-312 с.
4. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия, 2002.-456 с.

ПОТРЕБНОСТЬ К САМОПОЗНАНИЮ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ: ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С УЧИТЕЛЯМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЗЫКИ

Губина Светлана Тельмановна

*ГОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт
им. В.Г. Короленко», город Глазов, Удмуртская республика*

Одной из целей образования является обучение пониманию того, что жизнь представляет ценность — это воспитание высокой личной ответственности за свою жизнь. Соответственно принципа изомор-

физма, предложенного в гуманистической концепции: стремление познать себя открывает возможности по-настоящему узнать других, что является неотъемлемым для помогающих профессий системы «человек – человек», к которым относится учитель.

На сегодняшний день в науке достаточно широко обсуждается проблема формирования педагогических компетенций. Традиционно их рассматривают как гармоничное сочетание знания предмета, методики и дидактики преподавания, а также умений и навыков (культуры) педагогического общения [3]. Под культурой педагогического общения необходимо понимать не только закреплённые и отработанные навыки эффективной межличностной коммуникации, а более широкое явление, представленное интерактивной обратной связью субъектов отношений «учитель – ученик – родитель». Соответственно принципа развития в контексте феноменологического подхода, развёртывание системы межличностных отношений всегда, представлено динамикой изменения и уникальностью (неповторимостью) на любом этапе. Изучено, что трудности оказывают позитивное (стимулирующее) влияние на учителей высокого уровня профессионального мастерства и негативно (дезорганизирующе) сказываются на деятельности педагогов низкого уровня мастерства [1]. Отсюда, согласно принципа системности, понятие «успешный учитель» конгруэнтно понятиям «успешный ученик» и «успешный родитель».

В науке отмечается, что потребность в самопознании и самоактуализация всегда, представлены проявлением алекситимии — способности дифференцировать и осознавать свои эмоции, а также, получением опыта инсайтирования (чёткого понимания) субъективных смыслов и выстраивание, индивидуальных стратегий социального роста, имеющих актуальное личностное значение. Опыт самопознания всегда регулируется вершинными «пиковыми» переживаниями [4]. Получение знаний в любой области науки или искусства всегда представляется инсайтно, где, например, математика может быть столь же прекрасна, в такой же мере вызывать пиковые переживания, как и музыка. Отсюда, успешный учитель — самоактуализирующийся учитель владеет навыком использования специальных знаний, преподаваемых наук (например: математика, физическая культура и др.), которые оказывают фасилитирующий эффект на его (учителя) аффективно-когнитивные

процессы психики. Логика данного процесса объяснима соответственно принципа дополнительности перехода количества в качество: трансформации эмоции (чувствования процесса увлечённости интересным делом) в новую содержательно оформленную мысль (актуально-ценностные умозаключения). Отсюда, учитель всегда имеет «несгораемый» внутренний эмоциональный ресурс для поиска новых субъективных смыслов ценностного личностного содержания, если владеет навыком дифференцирования и осознания своих чувств и эмоции. Данное утверждение является обоснованным, поскольку, современные исследования психического выгорания учителей доказывают, что учителя, имеющие высокую степень выгорания соответственно методике В.В. Бойко, показывают низкие результаты проявления потребности в самоактуализации по методике САТ [2].

Педагогические коллективы преимущественно состоят из женщин. Исследования, показывают, что саморазвитие для женщины представляется в широком диапазоне реализации в разных социальных ролях. Как представляется опыт исследований, в женских педагогических коллективах эффективным является использование музыкальных средств на занятиях активного социально-психологического обучения. Музыка создаёт широкие возможности для использования её в качестве психологического средства, регулирующего эмоциональную сферу и гармонизирующего субъективную целостность личности. Она обладает следующими свойствами: интонационность, процессуальность, резонансность, это даёт ощущение движения и протяжённости, которое активизирует субъективные синхронные и асинхронные перцептивные процессы. По сравнению с другими видами искусства, оказывает более динамичный (быстрый) эффект воздействия.

Музыка выступает эффективным вспомогательным средством, при выполнении психокоррекционных упражнений на развитие навыков уверенности в себе, самосознания, при проведении медитаций-визуализаций и др. В условиях образовательного учреждения преимущественно использования музыкального воздействия в психокоррекционной работе с учителями, заключается в следующем:

1. Выбор музыкального репертуара не имеет строгих ограничений.
2. Музыка представляется наиболее удобным стимульным материалом в психокоррекционных мероприятиях в плане минимального

использования вербальных средств, это является важным фактом, так как профессия педагога высоко вербализована.

3. Предпочтение педагогами «музыки» как психологического средства воздействия является более приемлемым, максимально исключая активизацию предварительных страхов и предрасудков по поводу «нежелательного вмешательства» в субъективный образ «Я».

На начальном этапе работы большое внимание уделяется развитию способности у педагогов к анализу субъективных переживаний в процессе слушания музыки. Работа носит индивидуальный характер. В процессе слушания различных фрагментов музыкальных произведений, которые могут быть представлены самим участником занятий, акцентируется внимание на получение навыка вербального анализа: субъективных (физических) ощущений, аффективных реакций и образных ассоциаций. Воспроизведение музыки для прослушивания необходимо производить на акустической системе высокого технического качества в отдельном помещении с сильным уровнем громкости. Для удобства лучше использовать наушники. Акцентируется внимание на получение навыка вербального анализа по трём направлениям:

1. *субъективные (физические) ощущения*, могут представляться, следующими словами: «дрожь по коже..., тошнит от звука..., волны по телу..., ритм пробивает и т.д.»

2. *аффективные реакции*, анализируются с акцентом на модальность переживаний (позитивные – негативные), важно обратить внимание на степень (силу) проявления эмоций, например: «очень нравится..., очень не нравится..., ни хорошая ни плохая... и т.д.». Здесь предлагается оценить силу своих эмоций по предложенной шкале, например: «Оцените по 10–бальной шкале, насколько Вы чувствуете воздействие того или иного музыкального фрагмента на Вас: (от 0 до +10 баллов) – если это воздействие характеризуется Вами как (+) – позитивное; (от 0 до –10 баллов) — если это воздействие характеризуется Вами как (-) – негативное».

3. *образные ассоциации* представляются в виде «картинок на музыку», которые возникают в сознании в процессе прослушивания. Качественно-содержательный анализ ассоциаций у слушателей, даёт возможность определить содержательные стороны (осознания или

подтверждение) актуально-ценностных значимых целей. Отмечено, что образные ассоциации, которые идут на фоне высоко-аффективных положительных переживаний оказывают фасилитирующий эффект на процесс актуализации мотивов и ценностей.

Литература:

1. Баранов А.А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика. – М.: АСТ; Ижевск: Изд. Дом Удмуртский университет, 2002.
2. Губина С.Т. «Эмоциональное выгорание» и невозможность самоактуализации // Педагогический родник. Вып. № 2(25). – Ижевск, изд. ИПК и ПРО УР, 2009. – С.7-8.
3. Маркова А.К. Психология труда учителя. - М.: Просвещение, 1993.
4. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999.

ПРОБЛЕМЫ СТРЕСС-ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В РАБОТЕ ДИСПЕТЧЕРОВ УПРАВЛЕНИЯ ВОЗДУШНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Делеви В.С.

к.п.с.н., г. Самара

В связи с быстро меняющимися социальными и техническими условиями современной жизни, потребность в адаптации человека к стрессовым влияниям сильно возросла[1].

Неспособность или неумение человека совладать со стрессом является основой для расстройства здоровья, или, по крайней мере, ухудшения качества жизни в различных сферах.

В частности, эта проблема непосредственно касается диспетчеров управления воздушным движением (в дальнейшем — диспетчеры УВД). В последние получили широкую известность целый ряд авиакатастроф, причиной которых в большей или меньшей степени являлась работа диспетчеров УВД. При этом в официальных документах отмечались профессиональные технологические ошибки диспетчеров, но с большой долей вероятности можно предполагать психологическую подоплёку многих ошибок, связанную со стрессогенностью самой профессии диспетчера УВД.

Диспетчеры управления воздушным движением находятся в состоянии стресса на протяжении всей рабочей смены. В связи с распространением воздушного сообщения, увеличением количества воздуш-

ных судов, усложняются условия полетов. Данное обстоятельство влечёт за собой необходимость усложнения техники слежения и управления воздушным движением. Также в связи с поступлением огромного количества информации, диспетчерам УВД необходимо в максимально ограниченное время воспринять всю информацию и принять правильное решение по её использованию. Всё это, а также сознание ответственности за жизнь людей, находящихся на борту судна, создаёт повышенную стрессовую нагрузку на диспетчера управлением воздушным движением.

Исходя из этого, очень важной проблемой является то, какие стратегии стресс-преодолевающего поведения использует данная категория людей.

Известно, что именно системы дистанционного управления интенсивно развиваются в различных отраслях промышленности, и чем больше усложняются эти системы, тем сложнее становится процесс управления или, тем больше возрастает значение психологического фактора в этом процессе, тем более необходимо интенсивное изучение этого процесса с психологической точки зрения. Поскольку диспетчеризация является централизованным оперативным управлением сложными, многокомпонентными производственными объектами, поскольку это понятие, по существу, тождественно понятию управления большими системами. Можно предположить, что роль диспетчерского труда и его удельный вес среди других форм трудовой деятельности будут всё больше возрастать.

Оперативное мышление диспетчера является основным звеном переработки информации в самоуправляемой системе. Мышление диспетчера как регулятор системы управления выполняет следующие функции: планирование, контроль и разработку регулировочных мероприятий, решение задач по устранению резких нарушений в производственном процессе, диагностическую функцию, которая имеет большое значение в некоторых видах дистанционного управления [4,17].

При исследовании стресспреодолевающего поведения диспетчеров УВД не только при исполнении профессиональных обязанностей, но и вне профессии нами были изучены личностно-поведенческие аспекты данной категории людей, такие как личностная

и реактивная тревожность, уровень депрессии, а также стратегии поведения, направленного на преодоление стресса, тип межличностных отношений и уровень субъективного контроля [7,9,12].

Труд диспетчера носит творческий характер, обусловленный необходимостью постоянно решать новые задачи. Всё это требует от диспетчера быстроты и оперативности мышления, уменьшения быстро ориентироваться в сложившейся обстановке. Другой особенностью этой профессии является особая напряжённость труда диспетчера, порождаемая огромной ответственностью за жизнь людей и сохранность материальных ценностей во время авиаперевозок [17].

Для диспетчеров также характерно огромное напряжение высшей нервной деятельности, обусловленное необходимостью распределения внимания между несколькими процессами и быстрого переключения его. Также в работе диспетчера существенным фактором является высокий темп психической деятельности, необходимость в постоянном совмещении, одновременном выполнении разного рода действий. Характерным также является резкий переход с одного действия к другому. Также необходимо отметить, что вся деятельность диспетчера в силу её огромной ответственности сопровождается значительным эмоциональным напряжением, которое проявляется, обычно в двух формах: эмоциональном фоне и иногда, довольно редко, — в острых эмоциональных вспышках.

Диспетчеры УВД несут ответственность за безопасность полётов. Род их деятельности требует от них высокой концентрации внимания, а значит напряжения. Они должны владеть большим количеством информации, для качественного осуществления своей профессиональной деятельности. В связи с этим данная категория людей постоянно находится в ситуации хронического стресса и им необходимо адаптироваться к данной ситуации.

Для того, чтобы исследовать, какие копинг-стратегии используют авиадиспетчеры, мы использовали теории стресса и копинга и проблемы профессионального стресса [8, 9, 10].

Стресс способен вызывать расстройства физической, психической и социальной составляющих целостности человека. Реакции на воздействие стресса могут быть физиологическими, поведенческими, когнитивными и эмоциональными [11, 14, 15].

Сущность поведения по преодолению стресса рассматривается как совокупность когнитивных и поведенческих усилий по совладанию со специфическими внешними или внутренними требованиями (и конфликтами между ними), которые оцениваются как напрягающие или превышающие ресурсы личности. Для того, чтобы эти действия были адекватными, необходима адекватная адаптация человека к объективной ситуации [9, 14, 16].

Для того, чтобы исследовать стресспреодолевающие стратегии диспетчеров УВД нами были изучены следующие личностно-поведенческие аспекты: реактивная и личностная тревожность, уровень депрессии, уровень субъективного контроля, типы межличностных отношений, а также стратегии поведения по преодолению стресса.

В результате проведенного исследования нами были получены следующие результаты:

- по показателям индикатора стратегий поведения, направленного на преодоление стресса, выяснилось, что если авиадиспетчер считает себя в силах контролировать свои отношения с окружающими и вызывает к себе уважение и симпатию, то чаще всего он использует стратегию разрешения проблем;

- диспетчерам УВД присущи лидерские качества, они полагаются только на себя, склонны к соперничеству, требовательны, упорны, настойчивы; чаще всего они используют авторитарный тип отношений;

- изучение показателей тревожности и уровня депрессии показало, что чем выше реактивная и личностная тревожность, тем выше уровень депрессии;

- исследование возрастных особенностей показывает, что чем старше возраст авиадиспетчера, тем больше он зависит от мнения окружающих, а также что эти люди считают себя ответственными за события, происходящие в их семье и менее склонны к подозрительному и подчиняемому типу отношений с окружающими.

Проведенные исследования выявили необходимость психологического сопровождения работы диспетчеров УВД. Успешная адаптация к стрессу и особенно устранение его негативных последствий является сложной задачей. Многообразие стрессоров, сложность взаимосвязей стресса и различных расстройств не позволяют эффективно использовать упрощенные или универсальные методы терапии и предупрежде-

ния стресса [3]. Поэтому предлагаются нестандартные, интегративные подходы к преодолению стрессовых расстройств, которые позволяют дифференцированно использовать многие известные методы психологических вмешательств и комбинировать их для достижения лучших результатов [1,3,5,6,13].

Эти программы должны быть направлены на своевременное выявление возможных нежелательных психологических проявлений во время работы, профилактику этих проявлений, включающую формирование и развитие оптимальной стрессоустойчивости диспетчеров, при необходимости — коррекцию качеств и проявлений, мешающих эффективному выполнению профессиональных обязанностей. Программы психологического сопровождения должны носить регулярный характер, и основной акцент в них целесообразно делать на профилактику.

Литература

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Санкт – Петербург, 2004.
2. Араkelов Г.Г. Стресс и его механизм//Вестник Московского университета. Серия «Психология».-1995 №4.
3. Афтанас Л.И. Антистрессовые технологии// Эко.-1999.
4. Бодров В.А. Информационный стресс. Москва.2000.
5. Делеви В.С. Трансформационная методика формирования активных копинг-стратегий в комплексе психокоррекции зависимости от психоактивных веществ и созависимости. Вестник СФ МГУП. Серия: гуманитарные науки. Выпуск 5. Москва, 2005.
6. Джерольд Гринберг. Управление стрессом. С.-П.:2004.
7. Карандашев В.Н., Медведева М. С., Спилберг Ч. Изучение оценочной тревожности. С.-П.: 2004.
8. Кокс Т. Стресс: Пер. с англ. М.: Наука,1989.
9. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования.// Эмоциональный стресс- Л.:Наука,1986.
10. Лазарус Р. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу. М.-Женева,1989.
11. Леви Л. Эмоциональный стресс. Л.: Медицина,1970.
12. Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник Московского университета. Серия «Психология»-2000-№3.
13. Ладанов И. Антистрессовые технологии // Эко-1996.-№4.
14. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001.-№1.
15. Селье Г. Стресс без дистресса: Пер. с англ./Под ред. Е.М. Крепса-М.: Прогресс, 1982.
16. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме: Пер. с англ.-М.: Наука, 1988.
17. Технология работы диспетчеров УВД. М., 2001.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ГРУППА ПОДДЕРЖКИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

Дерябо Л., Лицов Д.

Психологический центр «VITALITY», г. Рига (Латвия)

Данное исследование является описанием опыта терапевтической работы в группе поддержки онкологических больных. Целью групповой работы являлась поддержка в преодолении кризисной ситуации, связанной с онкологическим заболеванием и в адаптации к болезни, поиск ресурсов.

Направлениями нашей работы были выбраны:

1. Работа с «истоками» болезни (психотравмирующей ситуацией).
2. Работа с представлениями о болезни («внутренняя картина болезни») и их коррекция в сторону большей реалистичности.
3. Работа с чувствами (подавленными, вытесненными, отвергаемыми и т.п.).
4. Актуализация ресурсов (внешних, внутренних, прошлого опыта и т.д.).
5. Помощь в обретении новых смыслов в жизни, постановке новых целей.
6. Работа с «рентными» установками.

Время проведения: февраль 2010– февраль 2011. Количество участников колебалось от 6 до 8 человек, 42-65 лет. Из них 1 мужчина и 7 женщин. Клинические диагнозы участников следующие: 3 чел. с диагнозом рак молочной железы: 1 чел., 46 лет, 4 ст., химиотерапия+гормонотерапия, болеет 10 лет; 1 чел., 42 года – 3 ст., пришла в группу на фоне предоперационной химиотерапии, в процессе работы группы была радикально прооперирована; 1 чел. - 46 лет, 2 ст., состояние после проведенного комбинированного лечения (оп.+облучение, болеет 2 года); 1 чел., 55 лет - рак яичников, 2 ст., состояние после комбинированного лечения, болеет 3 года; 1 чел., 56 лет – меланома, 2 ст., болеет 10 лет, метастазы в лимфоузлы; 1 чел., 63 года с метастатическим раком без первичной локализации, 4 ст.; 1 чел. 60 лет - рак легкого, 4 ст. Периодичность встреч: 1 раз в неделю по 2 часа. Перед началом работы группы с каждым из участников проводились индивидуальные встречи (60 минут).

Структура работы группы была следующая: каждая встреча начиналась с акцента на позитивных переживаниях и событиях, произошедших с участниками за неделю («Что нового, хорошего произошло за неделю?») и завершалась обратной связью от участников. В основной части — экзистенциальный подход («с тем, что есть»). Темы встреч заранее не определялись, а возникали исходя из актуального жизненного контекста участников группы – «здесь-и-сейчас». Специфика данной группы: участники находятся в разных стадиях заболевания и лечения и разных стадиях адаптации к болезни.

Темы, обсуждаемы в группе:

1. **Страх** перед болезнью, ее течением и возможными последствиями (беспомощностью, инвалидностью, болью, страданиями, одиночеством, процессом лечения, страх быть обузой, страх утраты женственности, привлекательности и т.д.). Страх рецидива. Страх перед очередным обследованием. Страх смерти.
2. **Тема потери:** здоровья, физических органов, идентичности (телесность, духовность), женской привлекательности. Потеря возможностей, будущего: возможных отношений с мужчинами, новых социальных контактов, перспектив работы и т.д.
3. **Тема истоков болезни** - «пусковых событиях», травмирующих воспоминаниях и эмоциональных реакциях, которые возможно привели к болезни (со слов участников).
4. **Подавленные эмоции:** обида (на близких, друзей, врачей, на жизнь), чувство вины («я отягощаю своих близких», «я не так жила», «я сама виновата в своей болезни»), раздражение, злость, гнев – на близких, врачей, на ситуацию, на себя и собственную беспомощность. Печаль, грусть. Неполноценность («я-инвалид»).
5. **Личностные особенности участников:** гипер-ответственность («я все должна»), самоедство («я собой недовольна», «хочу полюбить себя», «корю себя за каждую ошибку»), забота о других в ущерб себе и т.д.).
6. **Отношения с близкими людьми** – супружеские отношения, отношения с детьми, родителями, перестройка этих отношений. Врачи, как часть новой системы отношений.
7. **Тема поиска новых жизненных смыслов. Постановка новых целей.**

Терапевтические факторы (за счет чего):

Возможность увидеть себя, свое поведение и проблемы глазами участников (группа как зеркало).

Общность и схожесть переживаний участников.

Воссоздание травмирующих ситуаций из жизни, проживание и переосмысление их «здесь-и-сейчас», реконструкция прошлого опыта.

Преодоление «синдрома изоляции» (одиночества, отчаяния, отдаленности от других, связанных с болезнью).

Взаимная поддержка, открытость в чувствах и жизненном опыте в способах преодоления болезни и кризисных жизненных ситуаций. Как следствие — актуализация имеющихся ресурсов и открытие новых.

Приобретение умения жить в настоящем («мы живем один раз, но каждый день»), расширение временной перспективы, перспективы будущего и умение ставить реальные цели.

Установка на активность, действия, поиск — активная жизненная позиция.

Возможность участникам получить необходимую и «развернутую» информацию, касающуюся их состояния и особенностей лечения со стороны мед.консультанта (врача-онколога).

Экзистенциальные факторы: свобода, как умение жить в ограничениях, нахождение смысла болезни, лечения и т.д., переоценка ценностей, смыслов, целей.

Нами использовались следующие тактические способы (приемы) работы: стимулирование самораскрытия, искренности (в чувствах, мыслях, высказываниях); вовлечение всех участников в диалог; работа метафорами и образами (при помощи игрушек, дифференциации «темная» сторона души и «светлая», «больная» часть и «здоровая» и налаживание диалога между ними; юмор как способ совладания со страхами и тревогой («то, что сделалось смешным, не может быть страшным»); приемы арт-терапии.

Особенности состава группы были следующие. Как правило, подобные группы организуются по принципу гомогенности (диагноза, стадии прохождения болезни), однако в данной группе ведущие сознательно исходили из соображения, что в реальной жизни подобная дифференциация неестественна. Т.е. группа воссоздавала реальный жизненный контекст, в котором существуют больные раком. Полугодо-

вая работа группы и полученные результаты показали, что это было полезно и целесообразно: так участники на начальных стадиях адаптации к болезни (шок, отрицание) имели возможность наблюдать и переживать опыт преодоления болезни участников «со стажем», тем самым быстрее и спокойнее приходило к более реалистичному взгляду на болезнь, лечение и жизненные перспективы (достижение большей зрелости). В свою очередь, участники, находящиеся в более поздней стадии лечения и прохождения болезни, чувствовали собственную значимость в группе, обретали новые смыслы в передаче опыта менее «опытным» участникам.

Нами была зафиксирована следующая динамика психологических и в клинических изменений в картине болезни:

- от отказа думать о болезни и ее течении, от пораженческих, панических, депрессивных мыслей – «я ничего не могу», «от меня ничего не зависит» и.т.д. - к более реалистичному представлению о болезни, возможностях лечения и собственной роли в лечении (ответственность), к более позитивным мыслям, надежде, то есть появление воли к жизни;

- от потери временной перспективы («все закончено») к постановке конкретных достижимых целей, то есть появление жизненной перспективы;

- от страха, тревоги, недоверия, беспомощности, отчаяния, одиночества, чувства вины, обиды, злости, негативизма с одной стороны и надежды на чудо («веры в спасителя») с другой стороны — через выражение этих чувств — к большему принятию реальности: болезни, себя, своего нового состояния (телесного и душевно-духовного), появлению позитивных эмоций и переживаний, оптимизма, принятию амбивалентности собственных чувств («оказывается, я могу бояться, но при этом могу и радоваться тому, что есть»), появление надежды;

- от избегания переживаний к полноте переживаний;

- от стереотипного отношения к болезни как к отрицательному явлению и к «себе-больному» как отрицательной персоне к расширению границ представлений о норме, включающей не только здоровье, но и болезнь, не только жизнь, но и смерть;

- от привычных представлений о себе и о мире к новым жизненным смыслам посредством повышения значимости таких ценностей

как любовь, теплота, понимание, помощь, познание, общение;

– от ролей участника как «пациента», и психолога, как «эксперта» и «спасителя» к принятию ответственности за болезнь, лечение и жизнь;

– от чувства беспомощности к обсуждению способностей (и способов) противостоять болезни, к конкретным действиям (изменения в питании, физкультура, «здоровый эгоизм», «забота о себе» и т.д.), к доверию себе и другим.

Динамика физического состояния (по результатам самооценки): улучшение аппетита (5 участников), нормализация сна (3), снижение болей и лучшую их переносимость (2), снижение депрессивной симптоматики (4), снижение интенсивности и частоты тревожных ожиданий (6). По результатам клинических анализов: улучшение анализов крови (повышение числа лейкоцитов) — 3 чел., снижение увеличенных маркеров (1).

Проведенная нами групповая работа позволяет говорить о том, что специальным образом организованная психологическая работа с онкологическими больными может быть важным фактором в их реабилитации. Нами планируется в дальнейшем продолжение работы в этом направлении.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПТСР И К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ ПТСР

Донцов Д.А., Донцова М.В.

АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», г. Одинцово;

Одинцовский филиал НОУ ВПО

«Московский психолого-социальный институт», г. Одинцово

Было установлено, что наиболее эффективными (позитивно продуктивными) являются две совокупных (применяемых комплексно) стратегии борьбы с ПТСР: 1) целенаправленное возвращение к воспоминаниям о травмирующем событии (осуществляющееся самим человеком с помощью профессиональных психологов) в целях его анализа и полного осознания всех обстоятельств произошедшей травмы; 2) осознание носителем травматического опыта обратимого значения

травматического события для последующей жизни, реадaptация пострадавшего и выработка навыков самопомощи, что осуществляется так же с помощью профессиональных психологов (И.Г. Малкина-Пых, 2010).

Информационная модель ПТСР.

Информационная модель ПТСР разработана американским психологом М. Горовицем (Horowitz, 1998), который и ввёл в научный обиход термин «посттравматическое стрессовое расстройство» (post-traumatic stress disorder (PTSD)) в 1980 году. Информационная модель ПТСР является попыткой научно-эмпирического синтеза трёх моделей ПТСР: когнитивной, психодинамической (психоаналитической) и психобиологической (психофизиологической) моделей. Согласно информационной модели ПТСР, стресс — это масса внутренней и внешней информации, основная часть которой не может быть согласована с когнитивными (интеллектуальными) схемами (представлениями) субъекта. В связи с этим, происходит информационная перегрузка. Необработанная информация переводится из сознания в бессознательное, но сохраняется в активной форме. Подчиняясь универсальному принципу избегания боли, человек стремится сохранить информацию в бессознательной форме. Но, в соответствии с тенденцией к завершению (эффект незавершённого образа), временами травматическая информация становится сознательной, как часть процесса информационной обработки. При завершении информационной обработки опыт становится интегрированным в структуре личности, травма больше «не хранится в активном состоянии». Биологический фактор, так же как и психологический, включён в эту динамику. Феномен реагирования такого рода – это нормальная реакция на шокирующую информацию. Ненормальны предельно интенсивные реакции, не являющиеся адаптивными и блокирующие проработку информации (в отрицательном ключе встраивающие её в когнитивные схемы субъекта). Информационная модель ПТСР Горовица, при всей её удачной типологичности, недостаточно научно-эмпирически дифференцирована, вследствие чего не позволяет в полной мере учитывать индивидуальные различия при травматических расстройствах (И.Г. Малкина-Пых, 2010).

Психосоциальный подход к исследованию ПТСР и к психологической помощи при ПТСР.

Огромное значение социальных условий, в частности, фактора социальной поддержки окружающих, для успешного преодоления ПТСР отражено в моделях, получивших название «психосоциальных».

Согласно психосоциальному подходу, модель реагирования на травму является многофакторной, и необходимо учесть вес каждого фактора в развитии реакции на стресс. В основе психосоциальной модели ПТСР лежит информационная модель ПТСР Горовица. Наряду с этим, разработчики и сторонники психосоциального подхода подчёркивают так же исключительную необходимость учёта факторов окружающей среды (Green, 1990; Wilson, 1993). Авторы имеют в виду такие факторы как: факторы социальной поддержки, религиозные верования, демографические факторы, культурные особенности, наличие или отсутствие дополнительных стрессов и пр.

Можно выделить ещё ряд условий, влияющих на интенсификацию ПТСР: 1) насколько ситуация субъективно воспринималась как угрожающая; 2) насколько объективно реальна была угроза для жизни; 3) насколько близко к месту трагических событий находился субъект (он мог физически не пострадать, но видеть последствия катастрофы, трупы жертв и пр.); 4) насколько в трагическое событие были вовлечены близкие человеку люди, пострадали ли они, какова была их реакция. Это особенно значимо для детей. Когда родители очень болезненно воспринимают происшедшие события, не являющиеся необратимыми, и реагируют панически, то ребёнок вдвойне не будет чувствовать себя психологически безопасно.

Психосоциальная модель ПТСР обладает недостатками информационной модели, но введение факторов окружающей среды позволяет выявить индивидуальные различия. Были выделены основные социальные факторы, влияющие на успешность адаптации жертв психической травмы. Это такие факторы как: отсутствие/наличие физических последствий травмы, прочное/непрочное финансовое положение, сохранение/не сохранение прежнего социального статуса, наличие/отсутствие социальной поддержки со стороны общества (окружающих людей) и, особенно, группы близких людей.

При этом, фактор социальной поддержки является самым значимым. Относительно воевавших людей, – выделены следующие стрессогенные ситуации, связанные с социальным окружением: человек с во-

енным опытом не нужен обществу; война и её участники непопулярны; между теми, кто был на войне и теми, кто не был, отсутствует взаимопонимание; общество формирует комплекс вины у ветеранов и т.д.

Столкновение с такими, уже вторичными по отношению к экстремальному опыту, например, полученному на войне, стрессорами (так называемая вторичная дезадаптация), – достаточно часто приводило к ухудшению состояния ветеранов войн (например, ветеранов Великой Отечественной Войны (ВОВ), ветеранов вьетнамской войны, ветеранов войны в Афганистане, ветеранов боевых действий в Чечне)).

Это всё свидетельствует об объективно очень значимой роли социальных факторов как в ходе помощи по переживанию травматических стрессовых состояний, так и в формировании ПТСР в тех случаях, когда поддержка и понимание со стороны общества и окружающих людей отсутствуют.

Необходимо подчеркнуть, что довольно часто субъекты с ПТСР переживают вторичную травматизацию, которая возникает, как правило, в результате негативных реакций родственников, окружающих людей, медицинского персонала и работников социальной сферы на проблемы, с которыми сталкиваются люди, перенесшие травму.

Негативные реакции людей на психически травмированного человека проявляются в отрицании самого факта травмы, в отрицании связи между травмой и страданиями человека, в негативном отношении к жертве и её обвинении («сам виноват»), в отказе оказать помощь.

В других случаях, вторичная травматизация может возникать в результате проявляемой окружающими гиперопеки (чрезмерной заботы) в отношении пострадавших, вокруг которых родственники создают «инвалидную обстановку», которая отгораживает их от внешнего мира и препятствует реабилитации и реадaptации.

Итак, исключительно важное значение для развития и течения ПТСР имеют т.н. вторичные факторы, среди которых комплекс социальных (социально-психологических) факторов занимает, конечно, ведущее место, так как нередко то, что происходит с человеком после травмы, воздействует на него даже сильнее, чем сама травма. Можно выделить факторы (условия), которые способствуют профилактике развития ПТСР и смягчают его течение. К таковым относятся: немедленно начатая с пострадавшим психосоциальная терапия, дающая ему

возможность активно делиться своими переживаниями; ранняя и долгосрочная социальная поддержка; социально-профессиональное восстановление принадлежности пострадавшего к обществу (реабилитация и реадaptация) и реанимирование чувства (ощущения) психологической безопасности; участие пострадавшего в психотерапевтической работе совместно с подобно ему психологически травмированными людьми; отсутствие повторной травматизации и т.д.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ О ВИЧ-ИНФИЦИРОВАНИИ И СПИДЕ³

Дробышева Т.В., Беликова А.В.

Институт психологии РАН,

Московский институт Открытого образования, Москва

Угроза инфицирования ВИЧ или заболевания СПИДом с момента их появления в нашей стране рассматривалась как проблема здоровья людей из «групп риска» (наркоманы, гомосексуалисты, проститутки и т.п.). В то время как статистические данные, приводимые в различных информационных источниках, указывают не только на ежегодный рост числа ВИЧ-инфицированных и заболевших СПИДом россиян, но и на возрастную категорию большинства из них — это люди в возрасте 15–30 лет [2 и др.].

Исследования социальных представлений (СП) о ВИЧ и СПИДе, проведенные в последние годы в нашей стране, выявили, что большинство респондентов от 18 до 55, во-первых, недооценивают проблему распространения в обществе ВИЧ-инфекции и заболевания СПИДом, во-вторых, не дифференцируют их, рассматривая как аналогичные [1, 2, 3, 5]. Тогда как своевременное информирование молодежи и подростков о том, что СПИД (сочетание болезней, вызванных недостаточной работой иммунной системы вследствие ее поражения вирусом иммунодефицита) и ВИЧ (вирус иммунодефицита) имеют разную природу и характер последствий, а также особенности способов лечения и профилактики, по мнению специалистов, могло бы существенно изменить масштаб распространения заболевания в нашей стране.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант 10-06-00433-а

Эмпирическое исследование, проведенное на группе подростков, преследовало цель — выявить типы и структуру СП о ВИЧ-инфицировании и СПИДе, которые согласно теории социальных представлений С. Московичи [4], являются обыденными интерпретациями имеющейся информации и собственных смутных опасений. Предметом исследования стали СП о ВИЧ-инфицировании / заболевании СПИДом в группах школьников, различающихся по социально-демографическим (пол; структура и уровень материального благосостояния семьи и т.п.) и социально-психологическим особенностям. Предположили, что существуют группы респондентов, отличающихся между собой по значимости суждений - элементов СП, включенных в разные компоненты структуры СП. В исследовании приняли участие 90 человек в возрасте 13-15 лет, учащиеся 8-х классов московских школ. Программа исследования включала ряд методов и методик, среди которых: метод свободных ассоциаций; методика, направленная на определение информированности респондента о проблеме ВИЧ-инфекции/СПИДа; «Шкала психологической дистанции» Д. Фелдеса; «Методика диагностики субъективного контроля» (Дж. Роттер, адапт. Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А. М. Эткинда); «Методика диагностики коупингового поведения в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М.И. Паркер в адапт. Т.Л. Крюковой); «Методика для измерения ценностных ориентаций» Е.Б. Фанталовой; авторская анкета. Для изучения структуры СП (ядра и периферии) использовался коэффициент позитивных ответов — ТСП (Taux categorique positif), предложенный Ж.-К.Абриком (Емельянова, 2007). Объем публикации не позволяет представить все результаты, поэтому ниже будут изложены некоторые из них.

Итак, проведенное исследование выявило отсутствие среди подростков носителей разных типов СП. Однотипность СП в данном возрасте объясняется, с одной стороны, ограниченностью информации о ВИЧ и СПИДе у исследованных респондентов, с другой — их возрастными особенностями, определяющими как понимание степени угрозы ВИЧ и СПИДа для себя, своих близких и общества, так и интереса к данной проблеме в целом. Поэтому в дальнейшем анализировалась только структура СП (ядро, периферия близкая к ядру и периферия).

Выявили, что в ядро СП подростков входят такие категории людей

как «наркоманы», «проститутки», «люди, ведущие беспорядочную половую жизнь». Наряду с этим данный компонент СП содержит и суждение о том, что «в ближайшее время лекарство от СПИДа будет найдено и проблема разрешится». Интересно, что в исследовании Т.П. Емельяновой [5] было обнаружено аналогичное содержание ядра представлений у респондентов — носителей типа СП «Самоуверенные», которые в равной степени были представлены молодыми (от 21 до 35 лет) и более взрослыми людьми (от 35 до 55 лет). Данные респонденты так же, как и подростки проявили чрезмерное легкомыслие относительно проблем распространения и последствий ВИЧ-инфекции и СПИДа.

Анализ периферии близкой к ядру представления показал, что «гомосексуалисты» как категория людей, относящаяся к «группе риска» по ВИЧ-инфицированию и заболеванию СПИДом, вошла именно в этот компонент СП. То есть исследованные школьники недооценивают угрозу заражения гомосексуалистов, что определяется меньшей информированностью подростков о данной категории людей и путях распространения заболевания. СМИ как основной источник информации по этому вопросу (в семье он не обсуждается) уделяют много внимания конфискации больших партий наркотиков, задержанию лиц, занимающихся проституцией и т.п. Проблемы гомосексуализма (в первую очередь, с точки зрения распространения ВИЧ и СПИДа) на страницах периодической печати, в программах массового просмотра поднимаются крайне редко. Наоборот, по мнению школьников, многие из известных и богатых людей, открыто предъявляющих свою половую ориентацию (н-р, Элтон Джон), представляются СМИ как «борцы» со СПИДом (финансирование программ, Фондов и т.п.). Возможно, именно по этой причине данная категория людей и не рассматривается подростками как «группа риска» по заболеванию СПИДом. Интересно, что среди всех элементов ядра, близкого к периферии («на мой взгляд, проблема ВИЧ/СПИДа во многом преувеличена»; «думаю, что нужно создавать отдельные детские сады для ВИЧ-инфицированных/ больных СПИДом детей»; «ВИЧ-инфицированные/ больные СПИДом должны винить в этом себя, свой образ жизни»; «обсуждая проблему ВИЧ/СПИДа, СМИ только сеют панику среди населения»; «ВИЧ-инфицированным/ больным СПИДом следует сокращать свой круг общения для обеспечения безопасности других людей»; «вообще любой человек»; «существует

отдельная группа риска людей, подверженных угрозе заражения ВИЧ») только суждение об угрозе заражения гомосексуалистов не образует значимых связей с какими-либо исследованными социально-психологическими характеристиками (ценностные ориентации, копинг-стратегии, локус-контроль).

Наименее значимыми элементами исследуемых представлений (периферия СП) стали утверждения о том, что «те деньги, которые государство выделяет на лечение людей с ВИЧ, могут быть направлены на нужды, имеющие более широкую общественную значимость», «я мог бы познакомить ВИЧ-инфицированного / больного СПИДом со своими близкими родственниками» а также ощущение личной угрозы. Следовательно, подростки недооценивают не только существующую в обществе угрозу заражения и инфицирования, но и угрозу своего здоровья. Причем последнее согласуется с данными исследований, проведенных на взрослой группе населения [5], что косвенно указывает на пути формирования СП о ВИЧ-инфицировании и СПИДе у школьников подросткового возраста.

Литература

1. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. Москва: Аспект Пресс, 2007. 256 с.

2. Вовк Е. ВИЧ/СПИД в России: образ проблемы и стратегии поведения // Социальная реальность" №11 2006, с. 7-24.

3. Дробышева Т.В. Особенности социальных представлений молодежи о СПИДе и ВИЧ – инфицировании // Актуальные проблемы развития современного общества: материалы межд. науч.-практ. конф. Ч1. Саратов: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2010. С.203-206.

4. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 400 с.

5. Емельянова Т.П. Репрезентация угрозы здоровью: типы социальных представлений о ВИЧ-инфицировании и СПИДе // Знание. Понимание. Умение: Педагогика. Психология. 2010. №2 –<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/2/Emelianova/>

ЭМПАТИЯ КАК НРАВСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

Жданова Л.Г.

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(г. Самара)*

В противоречивых социально-экономических условиях современного общества и соответствующих им рыночных отношениях уси-

ливается социальная дифференциация ценностей, поведения и отношений среди людей, проявляется кризис человеческого понимания, соучастия и сопереживания. Эмпатия является феноменом межличностного взаимодействия, непосредственно регулирует взаимоотношения людей и во многом определяет нравственные качества человека. Эмпатичность способствует развитию убежденности в ценности другого человека, активизирует положительное отношение к нему, объединяет людей в стремлении к взаимопониманию, создает между ними чувство общности, способствует формированию гуманных отношений и, тем самым, купирует негативные тенденции возможных конфликтов. Для развития нравственных чувств немаловажным является доброжелательное и чуткое отношение человека к человеку, а эмоциональной формой этого отношения становятся сочувствие, умение поставить себя на место другого.

Эмпатия играет важную роль в нравственном воспитании. С ее помощью происходит приобщение ребенка к миру переживаний других людей, формируется представление о ценности другого, развивается и закрепляется потребность в благополучии других людей. По мере психического развития ребенка и структурирования его личности эмпатия становится источником нравственного развития [1]. Эмпатия является источником и механизмом нравственных образований в онтогенезе [2].

Эмпатия как свойство личности выступает мотивом тех или иных форм поведения. Нравственный смысл поступка человека оценивается первым делом по его мотиву, а не по внешней форме поступка. Люди могут поступать нравственно, чтобы добиться одобрения окружающих, и мотив такого поведения носит эгоистический характер. С возрастом способность переживать за другого развивается и переключается с реакции на физический ущерб другого человека на реакцию на его чувства и далее — реакцию на жизненную ситуацию в целом. Сочувствие как устойчивое свойство побуждает человека к альтруистическому поведению, так как в основе этого свойства лежит нравственная потребность в благополучии других людей. Эмпатия является фундаментом истинной нравственности.

Эмпатия личности является психологическим феноменом, который проявляется в способности понимать, предвидеть, эмоционально

реагировать и отзывчиво относиться к переживанию и поведению другого человека, содействуя взаимопониманию и эффективному выполнению совместной деятельности. Развитие и проявления способности к эмпатии зависят от индивидуальных особенностей и от социальных отношений, складывающихся в жизни человека. Эмпатия предполагает взаимопонимание, открытое к чувствам другого, участливое, уважительное отношение к другим людям, социальным группам и другим сообществам. Эмпатия выступает регулятором деятельности личности. Высшим проявлением эмпатии является содействие, основано на альтруизме. В повседневном быту значительная часть эмпатических действий выполняется почти автоматически, по привычке. Они относятся к числу так называемых простых волевых действий, соотносимых с простыми нормами нравственности, то есть человек ведет себя надлежащим образом по привычке, воспринимая это как нечто вполне естественное и необременительное.

Уровень развития эмпатии часто рассматривается в качестве одного из показателей общего уровня морально-нравственного развития человека, как его эмоционального компонента [4]. Мы исследовали общий уровень развития эмпатических способностей на примере учащихся старших классов общеобразовательных школ и студентов разных вузов г. Самары. Выяснилось, что во всех группах в среднем наблюдается заниженный уровень эмпатии, то есть эмпатические способности развиты недостаточно. Во многом это можно объяснить тем, что жизнь современной молодежи достаточно насыщена, имеет высокие темпы развития событий, характеризуется постоянной нехваткой времени и жесткой конкуренцией. Приоритеты рынка труда, престижность денег диктуют условия формирования индивидуализма и рационализма в межличностных отношениях. Между тем стержнем и показателем нравственной воспитанности человека является характер его отношения к людям, природе, к самому себе, и в основе этого процесса лежит умение понимать другого человека. Развитию и актуализации эмпатийного и нравственного потенциала препятствуют психологические защиты, неумение выражать свои чувства, эгоистичность, авторитарность, конформность и агрессивность в межличностных отношениях [3].

В психической жизни человека, в его поведении эмпатия имеет большое значение. Благодаря способности эмпатически взаимодейст-

воват с другими людьми человек обогащает свой эмоциональный опыт, расширяет свои представления об эмоциональной жизни других людей. Эмпатия является необходимым условием развития самой личности и ее нравственности [1].

Литература

1. Гаврилова, Т.П. Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего и среднего школьного возраста // Вопросы психологии, 1974. № 5. С. 107–114.
2. Государев Н.А. Психология индивидуальности. М.: Ось-89, 2010. – 120 с.
3. Жданова Л.Г. Индивидуально-психологическая актуализация эмпатийного потенциала будущего профессионала: автореф. дис. канд. психол. наук. М.: РГСУ, 2010. – 24 с.
4. Юсупов, И.М. Психология взаимопонимания. Казань: Татарское книж. изд-во, 1991. – 192 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Журавлев А.Л., Нестик Т.А.

*Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН
(ИП РАН), Москва*

Знания, как и отношения, возникающие по поводу их создания и приобретения, хранения и передачи, являются сложным социально-психологическим феноменом, требующим комплексного, междисциплинарного изучения. На протяжении нескольких десятилетий знания являются предметом исследования для целого ряда научных направлений в социальных науках. Так, в области экономических наук изучается влияние интеллектуального капитала и обмена знаниями на экономическую эффективность конкретных организаций, альянсов и рынков, роль знаний в формировании национальной и мировой экономики. В рамках социологии знаний изучаются социо-культурные и политические аспекты формирования и трансляции знаний в современном обществе.

При социально-психологическом подходе к проблеме знаний основное внимание уделяется межличностным, групповым и межгрупповым факторам порождения, передачи и использования знаний в современном обществе. *Предметом социальной психологии знания являются, во-первых, особенности отношения к знаниям у индивида, проявляющиеся в результате его включения в отношения с другими*

людьми (например, ориентация эксперта на передачу своих знаний другим членам своего трудового коллектива); во-вторых, *процессы порождения и трансформации знаний в межличностном и межгрупповом взаимодействии* (например, механизмы обмена неявными знаниями как между сотрудниками, так и между подразделениями в ходе совместной деятельности); в-третьих, *групповые характеристики и феномены, влияющие на порождение, распространение и использование знаний, не сводимые к характеристикам отдельной личности* (например, групповые ментальные модели, феномен группового давления, групповая рефлексивность, то есть склонность первичного трудового коллектива обсуждать и анализировать опыт совместной деятельности, извлекать уроки из прошлого и т.д.).

В зарубежной социальной психологии проблема знаний изучается, прежде всего, в области психологии организаций: изучаются когнитивные и социально-психологические механизмы организационного научения, групповые механизмы принятия решений, порождения и переработки знаний, психологические факторы готовности сотрудников к генерированию и взаимной передаче знаний, таким как доверие, характеристики организационной культуры и т.п. В российской психологии данные проблемы только начинают ставиться: изучаются психологические аспекты инженерии знаний и экспертных систем (Г.В.Иванченко, Д.А.Леонтьев, Г.А.Мкртычан, К.Р.Червинская), внутриличностные и межличностные, групповые и межгрупповые факторы обучающего взаимодействия и обмена знаниями в организации (А.Л.Журавлев, Т.А.Нестик, И.В.Никитенко). С целью уточнения социально-психологических факторов порождения и передачи знаний в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН в 2009-2010 гг. были проведены несколько теоретических, а также конкретных эмпирических исследований, объектом которых стали специалисты и руководители российских коммерческих организаций. Общая численность выборки в этих исследованиях составила 1136 человек, представлявших более 60-ти организаций.

Прежде всего был проведен *теоретический анализ обмена знаниями как социально-психологического феномена*, а также выделены основные социально-психологические факторы, влияющие на обмен знаниями в организации и в частности в организационном научении.

Знания имеют *социально-психологическую природу*, так как формируются во взаимодействии и совместной деятельности и включают в себя когнитивные, эмоциональные и конативные компоненты группового отношения к действительности. Они неразрывно связаны с психологическими отношениями, которые возникают в процессе организационного научения.

В рамках теоретического анализа *процесса порождения знаний* в организациях основное внимание было уделено феномену *совместного творчества*. Проведенный нами анализ показал, что творчество и инновационная деятельность в современных организациях реализуются через различные формы совместной деятельности: создание сообществ и социальных сетей инноваторов, временных творческих групп, венчурных команд и т.п. При этом решающее значение приобретают не только и не столько индивидуально-психологические, сколько социально-психологические факторы креативности.

К основным социально-психологическим *факторам совместного творчества* можно отнести состав группы и ее ролевую структуру; инновационные групповые ценности, способность группы к рефлексии, внутригрупповое доверие и психологическую безопасность, позволяющие избежать эффектов «группового мышления»; коммуникативную структуру группы и внешние социальные сети команды; характер лидерства и др.

Обмен знаниями можно рассматривать как совокупность межличностных и межгрупповых отношений по поводу обращения за знаниями или передачи знаний в организации. Ориентация личности на обмен знаниями может быть различной, в зависимости от того, у кого знания запрашиваются или кому они передаются, а именно: коллегам, непосредственному руководителю или организации в целом. Как показывают наши исследования, ориентация на обмен знаниями достоверно связана, прежде всего, с оценкой уровня доверия в организации, ценностью обмена знаниями в корпоративной культуре, силой организационной идентичности, уровнем ценностно-ориентационного единства трудового коллектива, сформированностью представлений сотрудников о прошлом и будущем своей организации.

Целесообразно выделить следующие *социально-психологические функции обмена знаниями* в организации: 1) инструментальную (совме-

стный поиск решения конкретной проблемы), 2) адаптационную (обеспечение преемственности между прошлым группы и происходящими изменениями, связь между коллективной памятью и образом совместного будущего), 3) инновационную (расширение вариативности доступных группе решений с учетом различий в индивидуальном опыте сотрудников, повышение способности группы обучаться на своем опыте), 4) координационную (повышение согласованности действий членов группы за счет большей осведомленности об экспертных возможностях друг друга), 5) идентификационную (развитие чувства «общности судьбы»), 6) интегрирующую (повышение прежде всего внутригруппового доверия) и 7) легитимирующую (подтверждение ценности и применимости новых знаний, подтверждение экспертной власти лидера, а также «когнитивной центральности» некоторых членов группы).

В основе обмена знаниями лежат преимущественно те же *социально-психологические механизмы*, что и в основе формирования социального капитала: 1) координация индивидуальных усилий в решении совместной задачи, 2) ценностный обмен, 3) межличностная аттракция и формирование социальных сетей, прежде всего т.н. «слабых связей», 4) социальная идентификация, 5) формирование межличностного доверия и его генерализация на группу и организацию, 6) межгрупповая интеграция и дифференциация, 7) формирование представления об общности прошлого и будущего членов группы. При этом *на межличностном уровне* ключевым механизмом обмена знаниями является *социальный обмен*, а *на уровне групповом – групповая рефлексия*. Если *сохранение и доступность знаний* определяется характеристиками групповой (корпоративной) памяти, то их *обновление* связано прежде всего с групповой рефлексивностью.

Эмпирические исследования, проводившиеся Институтом психологии РАН в 2009-2010 гг., были направлены на изучение многообразных личностных и групповых факторов обмена знаниями в организации.

Во-первых, изучалась *роль личностных характеристик в формировании готовности сотрудников к обмену знаниями*. Была эмпирически выявлена взаимосвязь между ориентацией личности на обмен знаниями с коллегами и уровнем ее эмоционального интеллекта, склонностью позитивно оценивать свое собственное прошлое (Т.А.Нестик).

Была обнаружена достоверная положительная связь ориентации на обмен знаниями с ценностными ориентациями личности: доброжелательностью (0,359, $p=0,002$), универсализмом (0,384, $p=0,001$) и ориентацией на достижения (0,247, $p=0,035$). Ориентация на обращение за знаниями к коллегам оказалась значительно связанной с конформностью (0,412, $p<0,001$) и в то же время — самостоятельностью (0,344, $p=0,003$) как ценностями.

Нами не было выявлено значимых корреляций между склонностью личности к доверию и ее готовностью обмениваться знаниями с коллегами. Однако была установлена высокая положительная корреляция между уровнем доверия в организации и готовностью к обмену знаниями в ней ($r=0,549$, $p\leq 0,001$). Полученные данные позволяют предположить, что психологическая готовность к обмену знаниями в организации в меньшей степени зависит от личностных факторов и в большей — от групповых, межгрупповых и организационно-психологических.

Во-вторых, было проведено исследование *отношения руководителей и сотрудников к прошлому и будущему своего трудового коллектива* (психологических аспектов командной и организационной памяти, особенностей формирования коллективного видения совместного будущего). Неумение анализировать опыт прошлого, учиться на своих ошибках и достижениях является одной из наиболее распространенных причин неспособности руководства организации не только управлять знаниями в ней, но и реализовывать свои стратегические задачи развития организации. Ориентация на учет опыта прошлого может быть связана с целым рядом личностных и групповых социально-психологических феноменов, одним из которых является *организационная культура*.

В результате исследования была установлена взаимосвязь ориентации на учет опыта прошлого с силой организационной культуры, то есть общности норм и ценностей, разделяемых сотрудниками ($r = 0,622$, $p < 0,001$). Напротив, ориентация на учет опыта прошлого оказалась тем меньше, чем выше ориентация компаний на ценности предпринимательской культуры, поощряющей межличностную и межгрупповую конкуренцию в организации ($r = -0,440$, $p = 0,006$).

Была также выявлена достоверно положительная связь между

ориентацией компании на учет опыта прошлого и принятием сотрудниками стратегических целей, предложенных руководством ($r = 0,419$, $p = 0,012$). Согласованность представлений руководства и сотрудников о будущем своей организации тесно связана с ценностью для них прошлого организации. Наличие отчетливого и разделяемого большинством сотрудников образа будущего положительно связано с ориентацией представителей организации на учет опыта прошлого ($r = 0,308$, $p < 0,001$). Это позволяет предположить, что отношение социальной группы к своему прошлому имеет важное значение для согласования ее представлений о будущем.

Намечая научные направления дальнейших исследований в этой области, хотелось бы выделить три, наиболее, на наш взгляд, перспективных. Во-первых, это изучение социально-психологических факторов и механизмов групповой рефлексии по поводу прошлого и будущего прежде всего первичного трудового коллектива. Во-вторых, это построение социально-психологической *типологии отношения личности и группы* к передаче своих знаний и социальных связей другим людям и группам. В-третьих, это изучение социально-психологических и организационных *факторов групповой креативности* и др.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А.

Институт психологии РАН, Москва

В современной литературе категория «технология» подразумевает наличие какого-то «устройства» или «программы», «способа» или «метода», использование которых реализует или способствует осуществлению *деятельности или поведения* человека. В психологии этот концепт имеет отношение к *использованию* психологических знаний [2] для эффективного воздействия на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы субъекта взаимодействия в процессе *достижения целей*.

Основная задача данной работы — приступить к обоснованию научно-практического направления исследований психологических

технологий (ПТ) в современном обществе. Следует признать, что их систематизация и обобщение, а также собственно исследовательская практика в этой области явно отстает от процессов интенсивного и широкого распространения ПТ в России за последние примерно два десятилетия. Важно отметить и то, что на практике ПТ используются не только, а нередко и не столько профессиональными психологами, сколько политологами, социальными работниками, педагогами, специалистами по менеджменту, PR, рекламе, маркетингу и т.д.

Концептуально-понятийный язык в исследовании проблемы психологических технологий. Базовыми концептами в психологии обычно выделяются «индивид», «личность», «субъект», «индивидуальность», «группа», «взаимодействие», «психические процессы», «психические состояния и свойства», «поведение», «психологические механизмы» и т.д. Понятие «технология» заимствовано в концептуальный язык социальных наук в целом из естественных наук: «...это совокупность методов изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции. Задача технологии как науки — выявление физических, химических и др. закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных и экономных производственных процессов». [10, с.1330].

Возможная трактовка более узкого, чем «технология», понятия ПТ: состоит в совокупности методов, приемов, техник или программ психологического воздействия, основанных на исследованиях в психологии и ориентированных на изменение когнитивных, эмоциональных и поведенческих сфер субъектов взаимодействия или объектов воздействия, по сути являющихся тоже субъектами, для реализации поставленной цели.

Классификации ПТ. В литературе имеется большое количество классификаций, в которых используется концепт «ПТ». Даже простой аналитический ее обзор займет внушительный объем. Поэтому оправданно выделить ниже лишь базовые критерии или основания, позволяющие рассматривать проблему видов «ПТ»:

- объект(ы) / субъект(ы) взаимодействия/общения (личность, группа, общество);
- уровни анализа (личностный, групповой, социетальный);

- психологические ресурсы для реализации целей взаимодействия (виды, способы и приемы реагирования);
- цели применения психологических технологий.

Группирование ПТ возможно и по такому основанию как сфера их применения, которыми выступают многочисленные и многообразные сферы общественной практики, порождающие некоторую специфику использования ПТ.

Ниже мы намеренно выделим лишь ограниченный ряд научно-практических направлений в психологии, в которых разрабатываются и применяются различные психологические технологии.

Важное замечание относится также к использованию термина «информационные» применительно к ПТ. С психологической точки зрения все взаимодействия между субъектами (будь то личностный, групповой или социетальный уровень, непосредственные или опосредствованные) предполагают *обмен информацией*, ее восприятие, оценку и интерпретацию. Когда же проблематика взаимодействия и ПТ рассматривается в сфере СМК, то исследователи вкладывают в термин «информационные» именно тот смысл, что ПТ используются в массовых информационно-коммуникативных процессах.

Проблема ПТ в некоторых направлениях социальной психологии

а) Психология общения. Результаты исследований в этой области позволяют выделить *техники общения*, как базовые инструменты взаимодействия и использования ПТ [6, 8, 9].

Техника понимающего общения — это совокупность социальных установок его субъекта, правил и конкретных приемов реагирования, направленных на понимание партнера и его проблем, установление психологического контакта, изучение его личностных особенностей, выяснение его позиции по обсуждаемой проблеме и т.п.

Техника директивного общения — это совокупность социальных установок его субъекта, правил и конкретных приемов реагирования, направленных на оказание прямого психологического воздействия на партнера для достижения своих целей.

Здесь нет возможности останавливаться на описании психологической специфики социальных установок, правил и приемов реагирования, характерных для этих психологических техник (см., [8], [9]).

В соответствии с критерием «цели взаимодействия» можно выделить две метацели использования ПТ:

- достижение целей для всех субъектов взаимодействия, т.е. удовлетворение потребностей и интересов всех участников, хотя и в разной возможной его степени;
- достижение целей только для одного субъекта взаимодействия в ущерб потребностям и интересам других участвующих субъектов.

В этом же плане и с учетом модальности воздействия все ПТ можно разделить на две метагруппы:

- *позитивные технологии*, ориентированные на достижение целей развития и совершенствования или одной стороны (личности, группы, общества и т.п.), но не в ущерб другой стороне, или обеих сторон;
- *манипулятивные технологии*, ориентированные на достижение целей одних субъектов в ущерб целям других субъектов [6, 9].

Операциональное определение понятия «манипулятивные технологии»: *это совокупность психологических техник приемов и способов воздействия на человека, ориентированных на введение его в заблуждение и побуждающих его к формированию представлений, эмоциональных состояний или поведенческих реакций, наносящих ущерб его интересам.*

Представления исследователей о манипулятивных технологиях кратко сводятся к следующему:

- это скрытое одностороннее воздействие субъекта на другого человека или группу разного размера,
- отношение субъекта к другому человеку или группе лиц - объекту воздействия как средству достижения своих целей,
- стремление субъекта воздействия получить односторонний выигрыш, преимущество и т.п. (см. [4]).

б) *Исследования ПТ в психологии конфликта и переговоров* [6, 7]. В этих областях знания делается акцент на анализе двух базовых стратегий — распределительной сделки («победа-поражение») и интегральных переговоров («победа-победа»). ПТ — это тот психологический инструментарий, который используется для реализации существующих стратегий и тактик ведения переговоров в исследовательской и прикладной практике.

в) *Психология управленческого взаимодействия* [5, 6, 8]. Основной проблемой в этой области является изучение и практическое использование *роли личности* во взаимодействии и совместной деятельности, в частности личности руководителя. Содержательные характеристики концепта «ПТ» в этих разработках применяются для экспертной оценки личностных качеств управленца, эффективности методов его воздействия, а также любого звена, в том числе и для организации тренинга его коммуникативных качеств и др.

Проблема ПТ в исследованиях информационных процессов

СМК прежде всего должны реализовывать две основные функции: 1) *презентационную* — доведение до населения страны актуальных проблем из различных сфер общественной жизни; 2) *интеграционную* — формирование социальных установок у различных субъектов и создание условий, обеспечивающих их нормальное, согласованное взаимодействие в обществе [6, с.26]. При подмене ориентиров в реализации этих функций СМК становятся *информационным оружием*, которое может использоваться против интересов общества.

В этой сфере широко используемыми понятиями являются «*манипулятивные технологии*» и «*психологические или информационно-психологические операции*» (ПО). Объектами ПО могут быть: население, правительства и армии других государств, враждебных, дружественных или нейтральных, а в ряде ситуаций — население или армия своей страны. Информационно-пропагандистские акции — это согласованные, динамичные, а нередко даже агрессивные совокупности (системы) осуществляемых ПО. *Главные задачи* ПО — повлиять определенным образом на общественное сознание населения, особенно на духовную сферу (общественное мнение и настроение, ценностные установки, ориентации и взгляды); посеять неуверенность в будущем, вызвать сомнения и недоверие к деятельности органов государственного управления; создать атмосферу недовольства и тревоги, содействовать возникновению оппозиционных групп и стимулировать их антиправительственную деятельность и т.п. [1, 11-14].

Заключение

Понятие «ПТ» является базовым для разных сфер психологических исследований и психологической практики. Дополнительным базовым концептом в психологии является также понятие «*психологические техники*». На социетальном уровне анализа важнейшим становится

ся понятие «*психологические или информационно-психологические операции*» с различными коннотациями. Все ПТ разделяются на «созидательные» и «манипулятивные». В целом целесообразно обозначить эти исследования как **комплексные и прикладные**, направленные на разработку конкретных проектов по реализации «заказных» социальных целей с позиций разнообразных интересов личности, социальных групп или общества в целом, в которых психологи могут и должны принимать профессиональное участие.

Литература

1. Бердицкий А.В. Реализация концепции информационной войны военнополитическим руководством США на современном этапе: Дис... канд. полит.наук. М., 2007.
2. Грачев А.А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Ин-т практической психологии, 2008.
3. Грачев Г. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград, 2004.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: Феномены, механизмы и защита. М.: «ЧеРо», «Юрайт», 2000.
5. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
6. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология. М.: ФОРУМ – ИНФРА – М, 2008.
7. Левицкий Р. и др. Самое главное о переговорах: Пер. с англ. М.: Форум, 2006.
8. Островский Е. Менеджер смотрит под ноги, а лидер — на горизонт // Top manager, 2000 (<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/725>).
9. Соснин В.А., Лунев П.А. Как стать хозяином положения: анатомия эффективного общения. М.: Academ-A, 1996.
10. Социальные технологии: Толковый словарь. М., 1995.
11. Allen P.D. Information Operation Planning. London: Artech House, 2007.
12. Barnett F.R. Political warfare and Psychological operations. Washington: National Defence University and National Strategy Information Center, Inc., 1989.
13. Macdonald S. Propaganda and Information Warfare in The Twenty-First Century: Altered images and Deception operations. London, N.Y.: Rontledge, 2007.
14. Waltz E. Information Warfare: Principles and Operations. Boston, London: Artech House, 1998.

МЕТОДЫ АУТО- ГЕТЕРОСУГГЕСТИИ В ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Завиткевич И.М.

ГОУВПО «Марийский государственный университет» г.Йошкар-Ола

Методы ауто- гетеросуггестии, в том числе методы психической саморегуляции (ПСР), нейролингвистического программирования

(НЛП), гипноз, другие методы внушающего воздействия в бодрствующем состоянии (например, варианты техник внушающего воздействия при ведении переговоров) могут использоваться и используются в различных ситуациях, а именно — в психологии, педагогике, клинике, спорте и бизнесе [1; 2; 3; 9; 10].

Определенный интерес представляет концепция А.М. Свядоца, согласно которой лечение внушением можно рассматривать как метод лечения информацией [10]. Внушение по А.М.Свядоцу — это введение информации, принимаемой пациентом без критической оценки и оказывающей влияние на нейро–психические процессы. На возможность использования методов ауто–гетеросуггестии в информатизации сознания (в разных аспектах) указывают разные авторы [2; 4; 6; 7; 8], при этом сами методы, с учетом современных реалий, могут значительно варьироваться [4, 5, 9].

Нами предлагается следующий, на наш взгляд, эффективный вариант информатизации сознания: методы психической саморегуляции (модифицированный вариант аутогенной тренировки, усиленный элементами нейролингвистического программирования и эриксоновского гипноза), а также техники ведения переговоров, в том числе — модифицированный вариант техники ведения переговоров, адаптированный нами для работы в бизнесе и с лицами с отклоняющимся поведением (различными девиациями).

Возраст испытуемых для оказания эффективной психологической помощи, информатизация сознания и моделирования его личности, ориентированный на данный вариант, может быть от 6-7 лет и старше. Оптимальный возраст – 14-15 лет – 55 лет. Но возможно, конечно, и выше. Отдельные элементы техник можно использовать и на детях более младшего возраста (например, с двух лет).

Алгоритм эффективной работы может быть следующим:

А. Техника ведения переговоров, закладывание условий для выработки соответствующей установки и доминанты на нужный акт поведения. Например, ликвидация различных девиаций (непослушание, воровство, агрессивность, неуспеваемость в школе и т.д.) и/или развитие его способностей в избранной сфере, моделировании каких-либо черт личности.

Б. Проведение модифицированной аутогенной тренировки, уси-

ленной методами прямого и косвенного внушения, в т.ч. НЛП и элементами эриксоновского гипноза.

На данном этапе происходит интенсивная ауто- гетеросуггестия, формирование определенных установок и доминанты. Целесообразно также формировать определенные «части личности» [2], ответственные, например, за: 1) развитие способностей и эффективности в избранной деятельности; 2) генерирование идей по определенной тематике. Если речь идет об управляемости поведением, то «части личности» могут быть следующими: ответственные за послушание; дисциплинированность; исполнительность и т.д. Если же идет борьба с девиациями, то соответствующие части личности могут быть: ответственные за трезвость; хорошее поведение; за спокойствие и т.д.

Опыт показывает, что целесообразно формировать «части личности», ответственные за спокойствие и за веру в положительный исход, например в излечение, победу в спорте, бизнесе, развитие способностей и др. Что, как правило, ускоряет психокоррекционные, психотерапевтические и развивающие мероприятия.

И, наконец, третий этап В. На данном этапе целесообразно еще раз использовать элементы типа А, т.е. технику ведения переговоров, но с учетом уже предшествующей работы, где происходит закрепление полученных результатов, установок в принципе по любым аспектам взаимодействия с человеком — психологическая помощь, психотерапия, коррекция поведения, развитие способностей.

Такая, фактически тройная (А-Б-В), «психологическая обработка» может гораздо эффективнее, на наш взгляд, способствовать информатизации сознания и моделирования личности в различных аспектах жизнедеятельности и повышать результативность данных мероприятий в подавляющем большинстве случаев, чем проведение психокоррекционных, психотерапевтических сеансов по стандарту.

Список литературы

1. Алексеев А.В. Преодолей себя! Психическая подготовка в спорте. Ростов н/Д: Феникс, 2006.-352 с.
2. Васютин А.М. Психохирургия, или психотехники нового поколения. Ростов н/Д.: Феникс, 2004.-560 с. (Серия «Психологический практикум»).
3. Гарифуллин Р. Кодирование личности от алкогольной и наркотической зависимости. Манипуляции в психотерапии. Ростов н/Д: Феникс, 2004.-256с.
4. Гиллиген С. Терапевтические трансы. Руководство по эриксоновской гипнотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2005.- 416 с.

5. Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М.: Республика, 1997.-304 с.
6. Гримак Л.П. Моделирование состояний человека в гипнозе. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.-272с.
7. Евтушенко В.Г. Энциклопедия гипнотических техник. М.: Психотерапия, 2008.-432 с.
8. Райков В.Л. Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание. Творчество, искусство. М.: изд-во Грааль, 1998.-643с.
9. Руженков В.А. Основы клинической гипнотерапии / Учебник В.А.Руженков. Ростов н/Д.: Феникс, 2005.-316с.
10. Свядоц А.М. Неврозы. Изд. 3-е. М.: Медицина, 1982.-368с.
11. Хассен С. Противостояние сектам и контролю над сознанием. М.: АСТ: АСТ Москва, 2006.-315 с.
12. Эриксон М. Стратегии психотерапии. СПб.: Издательский дом «Ювента», М.: КСП+, 2000.-512 с.
13. Эриксон М., Росси Э., Росси Ш. Гипнотические реальности. М.: Независимая фирма «Класс», 2007.-352 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Заикин В.А.

Московский государственный университет им. Ломоносова

В современном обществе как никогда остро встает проблема морали: проблема «должного» и «дозволенного», «желаемого» и «возможного», поскольку человечество перешло на фундаментально новый этап своего существования, когда между принципиально непримиримыми точками зрения неизбежно должен возникнуть диалог. Сегодня сталкиваются уже не идеалы и убеждения, а поступки, последствия которых касаются каждого жителя планеты, и в основе их лежит нечто большее, чем система оценок и взглядов, за ними стоят моральные основания, которые закреплены в религии и культуре и усваиваются отдельной личностью через воспитание и вхождение в социальный мир. Активная общественная и научная рефлексия проблем «моральности» и «этичности» связана в нашей стране с процессом активного формирования гражданского общества, а в мировом масштабе с процессами глобализации и переходом от постиндустриального общества к информационному, что требует изучения того, как именно происходит развитие личности в этом, непрерывно обновляющемся обществе. [3]

Понимание моральной сферы личности как развивающегося конструкта имеет сравнительно небольшую историю в контексте многотысячелетнего становления философии и науки. Классическое понимание морали как «должного» и «общезначимого», сегодня приобретает совершенно иной смысл в контексте терминов «развитие» и «интериоризация». В психологии представление о развитии моральной сферы личности опосредованно через индивидуальные основы интеграции моральных норм, их интериоризацию в моральную сферу и уровень развития морального сознания личности. Не утратило своей актуальности понимание морального развития как стадияльного, но еще самым автором этого понимания, Л. Колбергом, был выдвинут тезис о нелинейности данного развития. И, порой сочетания взаимоисключающих позиций на пути перехода от морального сознания к моральному действию. [1, 4]

В рамках методологических основ исследования, учитывая многоплановость и процессуальность изучаемого предмета, наиболее предпочтительным является мета-аналитический подход, предполагающий синтез различных теорий о развитии моральной сферы. Эти идеи близки к позиции феноменологов, рассматривающих предмет в его изначальной данности в структуре объективной реальности. Данный подход делает акцент, прежде всего на психологическом аспекте исследования морально-нравственной сферы в отличие от подходов, которые обращены исключительно к философским основаниям.

Помимо этого, значимым также представляется позиция ряда ведущих ученых, рассматривающих психологические теории и концепции личности. Несмотря на их кажущееся различие в базовых методологических основаниях, их объединяет обращение к психологической сущности моральной сферы.

В поздний период творчества З. Фрейд, обращается к проблемам индивидуальности, культуры и общества. Отстаивая позиции эволюционной и индивидуальной психологии, акцентируя внимание на антагонизме культуры, общества и личности, на сложном взаимоотношении первичных позывов и норм поведения в психике каждого человека. З. Фрейдом были сформулированы положения, которые позволили определить проблемную область морали в психологии: преобладание функционального значения морали над императивным, необходи-

мость психологического подхода к формулированию моральных и культурных норм. [1]

Автором когнитивной психологии Ж. Пиаже была проведена параллель между формированием морального сознания и становлением когнитивной сферы. Анализируя проблемы воспитания, он пришел к выводу о том, что принуждение является негативным фактором, не способствующим моральному развитию, так как закрепляет моральные нормы только в поведении под страхом наказания. Ученым был осуществлен синтез развития морали и интеллекта, сформулирована последовательность развития (субъективизм, реализм, объективность) моральных суждений в перманентной связи с процессами групповой интеграции и социализации. [1]

Как автор стадияльной теории развития морального сознания, в контексте которой обсуждается исследование проблемы связи морального сознания и морального действия, Л. Колберг операционализировал теоретические взгляды и обосновал возможность практического изучения моральной сферы. Он показал многоэтапность перехода от морального сознания к действию, который включает деонтические (императивные) суждения, принятие решений, возложение на себя ответственности за действие, интерпретацию моральной ситуации, специфические умения и эго-контроль. Чем выше стадия морального развития, тем больше сознание согласуется с действием. Результатом исследований Л. Колберга явилось создание им «Методики оценки уровня развития морального сознания» [2,4], которую мы использовали в своем исследовании. Цель исследования: выявление возможностей данной методики для изучения моральной сферы личности. Выборку составили студенты первого курса специальности «Социальная работа» в количестве 21 человек.

В ходе качественного анализа полученных результатов аморальных или асоциальных установок, ценностей не выявлено, что позволяет сделать вывод о гармоничном процессе социализации у всей группы обследуемых. Незрелость или инфантильность позиции проявлялась сравнительно редко (у 9 %), что свидетельствует о недостаточной степени воспитательных влияний на данных испытуемых, их личностный рост. Формальность моральных суждений (у 23 %) свидетельствует о недостаточной сформированности личностной позиции, хотя не ис-

ключена активация психологических защит у некоторых испытуемых в ходе прохождения исследования. Сформированность моральной позиции у 66 % респондентов, что позволяет сделать вывод об устойчивости их взглядов и целостной связи между моральным суждением и моральным действием.

Несформированность моральной позиции (у 19 %) обусловлена наличием сверхопоры на авторитет (религии, права), либо ригидностью воспитательных установок, порождающих недостаточность реализации адаптивной функции морали. Проявление морального поиска (у 14 %) указывает на активно формирующуюся личностную позицию. Малое количество оперирования к метафизическим основаниям либо к религиозному авторитету (у 14 %) указывает на реалистичное восприятие объективного мира, и устойчивость моральных воззрений. У группы испытуемых (14 %), находящихся на высшей, универсально-личностной стадии развития моральной сферы, невротических тенденций не обнаружено, их ответы носят характер личностной интеграции при отсутствии категоричности суждений.

Представленное комплексное теоретико-практическое исследование моральной сферы является одним из ключевых в рамках изучения проблем социализации, общественных отношений и социальной эволюции. И позволяет сделать вывод: Моральная сфера личности является функциональным образованием социальной эволюции человека. Ее развитие находится в прямом взаимодействии с процессами инкультурации и социализации. Принимая позицию морального релятивизма и экспериментально-практические основания к утверждению негативного влияния на личность высокого уровня давления моральных норм, подчеркивает необходимость дополнения знаний о морали психологическими аспектами ее влияния и значения. Исходя из базовых концепций и целостной интерпретации результатов исследования, сделан вывод о том, что уровень развития моральной сферы выражен достаточно у всей группы испытуемых, в соответствии с возрастной нормой. Качественный анализ позволил увидеть самобытную специфику каждого испытуемого.

Литература:

1. Fischer, J.M., Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility. / J.M. Fischer, M. Ravizza // Cambridge University Press. - 1998. - 340 p.

2. Kohlberg, L.; C. Levine, A. Hower (1983). Moral stages: a current formulation and a response to critics. Basel, NY: Karger. - 430 p.
3. Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления / Отв. ред. О.В. Краснова. - М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. - 160 с.
4. Анцыферова, Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. - 1999. - № 3. - С.5-37

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУР РАЗНОГО ТИПА

Захарова Л.Н., Леонова И.С., Строева Н.В.

*Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского,
г.Нижний Новгород*

Управление конфликтами является важной составной частью профессиональной компетентности менеджера. До настоящего времени практически неизученным остается вопрос зависимости типа конфликтного поведения от организационной культуры (ОК) предприятия [3].

Проведено эмпирическое исследование конфликтного поведения на 10 предприятиях. Для анализа в данной статье выбраны два принципиально разными типами организационных культур: детская поликлиника со средним рейтингом привлекательности для пациентов и успешная компания в области IT-технологий. В качестве методов использовались экспертная оценка типов конфликтов (межличностный или организационный), наблюдение проявлений ОК; метод организационной диагностики ОК [2], метод оценки и самооценки стиля поведения в конфликтной ситуации К.Томаса. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Анализ результатов. Конкретные данные не только подтвердили гипотезу, но и позволили углубить знания о характере конфликтов, имеющих место в организационных культурах иерархического и рыночного типа. Как следует из данных Табл.1, в условиях иерархической ОК исполнители желают изменить ОК на клановый тип. Это свидетельствует о непринятии большинством (70 %) такого типа культуры, что косвенно свидетельствует о наличии серьезных конфликтов. Исполнители практически отвергают собственное участие в конфликтах (Табл.2), о

чем свидетельствует показатель типа поведения в конфликте по типу «Соперничество» — 1.6. Вместе с тем менеджеры оценивают тот же показатель как 7.8. Это свидетельствует о желании исполнителей скрыть существующие конфликты. Менеджер же воспринимает их обостренно.

Таблица 1

Актуальные и предпочтительные для сотрудников компаний типы ОК

Испытуемые	Тип ОК											
	Клан			Адхократия			Рынок			Иерархия		
	А	П	У	А	П	У	А	П	У	А	П	У
Поликлиника	20,1	49,7	**	7,5	18,4	*	18,7	7,8	*	53,7	24,1	*
Soft	18,1	23,3	-	26,1	27,6	-	40,3	35,5	-	15,5	13,6	-
W	-	*		**	*		*	**		*	*	

В табл.1,2: А - актуальное, П – предпочтительное состояние ОК; У – достоверность различий по критерию Уайта; W-критерий - достоверность различий по критерию Вилкоксона; * - $p \leq 0.05$; ** - $p \leq 0.01$. И - оценка исполнителем персоналом представленности конкретного типа поведения в конфликте; М - оценка менеджментом представленности конкретного стиля поведения в конфликте; Представленность того или иного стиля поведения дана в баллах с минимумом в 0 баллов и максимумом в 12 баллов.

Таблица 2

Представленность стилей поведения в конфликте в компаниях с разными типами ОК

Тип ОК	Типы поведения в конфликте									
	соперничество		сотрудничество		компромисс		избегание		приспособление	
	И	М	И	М	И	М	И	М	И	М
И	1.6	7.8	6.4	3.8	7.1	5.7	6.9	7.4	8.0	5.3
Р-А	3.5	3.5	5.4	8.8.	8.3.	8.1.	7.6	7.3.	5.2.	4.3
W	*	**	*	**	-	*	-	-	*	-

Не случайно, менеджмент оценивает представленность сотрудничества показателем в два раза меньшим, чем исполнители, т.к. реально оценивается здесь не деловое сотрудничество, а достижение баланса в межличностных отношениях. Исполнители нередко чувствуют себя избегающими конфликта и стремящимися пренебречь своими интересами ради его недопущения или прекращения (показатели 6.9. и 8.0 соответственно, Табл.2). Менеджмент расценивает представлен-

ность таких проявлений иначе. Если избегание им признается, то присутствие стратегии приспособления менеджмент оценивает значительно ниже — 5.3. Таким образом, конфликтное поведение в условиях иерархической культуры характеризуется высоким уровнем скрытых конфликтов, направленных против менеджмента. Невозможность открытого конфликта порождает проекцию конфликтных отношений на равностатусных коллег, что делает организационную жизнь еще более субъективно тяжелой. Понятно, что такие скрытые конфликты имеют деструктивный характер, поскольку, с одной стороны, не обеспечивают содержательное раскрытие и анализ имеющихся производственных противоречий, а с другой — вызывают высокий уровень негативной напряженности между всеми участниками производственного процесса. Экспертные оценки свидетельствуют о том, что имеющиеся конфликты исполнителей носят не организационный, а межличностный характер, хотя в значительной мере, спровоцированы конфликты организационными ситуациями (премия, график отпусков, время дежурств и пр.), к урегулированию которых персонал не имеет доступа. Все это вызывает устойчивое желание изменить ее по клановому типу, где в основе культуры лежит ценность поддержания хороших отношений между участниками организационной деятельности.

Принципиально иная ситуация складывается в условиях рыночной ОК. Сотрудники компании не только желают сохранить имеющийся тип культуры, но и несколько усилить адхократический компонент, что обеспечит компании дополнительные конкурентные преимущества. Вместе с тем, понятно, что количество противоречий при реализации такого вектора развития может возрасти, поскольку сам тип адхократической культуры предполагает столкновение мнений при разработке творческих решений. И противоречия в творческом процессе очень часто носят конфликтный характер. В целом, конфликтный стиль поведения при разрешении противоречий оценивается исполнителями на уровне 3.5, что в два раза сильнее, чем в условиях иерархической культуры (Табл.2). Но менеджмент оценивает этот показатель в формате стиля поведения, определяемого как «Сотрудничество» (8.8 против 3.8 в иерархической ОК). По остальным показателям нет значимых различий между оценкой конфликтного поведения менеджерами и исполнителями, что является подтверждением адекватности видения ими конфликт-

ных ситуаций. Эти факты говорят о том, что в компании нет серьезных препятствий для выражения исполнителем своего мнения, и оно не рассматривается руководителями как выражение конфликтного несогласия или неуважения к менеджменту. Наоборот, свободное выражение мнений, их столкновение рассматривается как стимул к развитию. Такое положение дел стабилизирует компанию в ее развитии на основе базовой ценности рыночной культуры — успеху в конкурентной среде.

Выводы:

1. Конфликты в условиях организационных культур разного типа имеют свои характерные особенности по типу, устойчивости, характеру протекания, восприятию участниками и последствиям для организации.

2. В условиях иерархической культуры доминируют устойчивые скрытые организационные конфликты, внешне проявляющие себя как межличностные. Они порождают устойчивое желание персонала перестроить модель ОК по клановому типу, который обычно является непродуктивным.

3. В условиях рыночной ОК имеют место открытые конфликты организационной природы. Такие конфликты более продуктивны, поскольку ведут к развитию организации и не просто стабилизируют эффективную организационную культуру, а направлены на придание ей еще более конкурентных характеристик.

4. Полученные данные открывают следующие возможности: более конструктивный подход к анализу конфликтного поведения в контекстах конкретных организационных культур; прогнозирование характеристик конфликтного поведения; управление конфликтами с использованием организационной культуры как системного метода управления

5. Заслуживает внимания и еще одно полученное в проведенном исследовании подтверждение эффективности рыночной культуры с выраженным адхократическим компонентом — отсутствие страха перед феноменом конфликта, конструктивное отношение к нему как к стимулу развития.

Литература

1. Захарова Л.Н. Конфликты как социально-психологический и организационно-психологический феномен. Психология управления конфликтами // Психология управления. М.: Логос. 2009. С. 281-331.

2. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. С-Пб.: Питер. 2001. 311с.

3. Greenberg J. Interpersonal Behavior at Work: Conflict, Cooperation, Trust and Deviance // Behavior in Organizations. 10th.ed. Prentice Hall. New Jersey. 2010. P. 374-412.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ–ПСИХОЛОГОВ

Зябрева В.С.

старший преподаватель Алматинского филиала Санкт-Петербургского университета профсоюзов, Республика Казахстан, г.Алматы

На сегодняшний день в Республике Казахстан, в связи с расширением спектра психологических услуг необходима объемная разработка нового направления исследований, в рамках которого объектом изучения будет сам профессиональный психолог как продукт высшего психологического образования. Начало изучению профессиональной идентичности положили зарубежные психологи (Д. Сьюпер, Дж. Холланд, Ф. Вондрачек, Д. Блуштейн и др.). Российские исследователи обратились к проблеме профессиональной идентичности в конце 90-х гг. предшествующего столетия. Наиболее значительные работы в данной области принадлежат Е.П. Ермолаевой, Л.Б. Шнейдер, Ю.П. Поваренкову, Н.Л. Ивановой, М.М. Абдуллаевой и др., продемонстрировавшим, что человек действительно реализует и развивает свою идентичность в профессиональной сфере.

Широкое распространение термина «идентичность» и его введение в научный обиход связывают с именем Э. Эриксона, который определил идентичность как внутреннюю «непрерывность самопереживания индивида», «длящееся внутренне равенство с собой», тождественность личности, важнейшую характеристику ее целостности и зрелости, интеграцию переживаний человеком своей тождественности с определенными социальными группами [1]. Быть идентичным — значит ощущать свое бытие неизменным, независимым от внешних обстоятельств, так как «здесь мы не думаем ни о том, что будем делать, ни о том, что хотели бы делать, ни о том, что должны»[2].

По мнению социального философа М.В. Заковоротной, идентичность — это «модель жизни, позволяющая разделить «Я» и окружаю-

щий мир, определить соотношение внутреннего и внешнего для человека, конечного и бесконечного, адаптации и самозащиты, упорядочить разнообразие в целях самореализации и самоописания» [4]. В этом определении идентичность представлена через процессуальные и функциональные аспекты.

Таким образом, можно выделить следующие уровни описания термина «идентичность»:

- рациональный (отражает целостность, неделимость, натуральность личности как интегральное свойство); человек таков, каким он кажется;
- понятийный (отражает конкретно-научное содержание, определяемое исследователями, представляет степень соответствия человека группе, полу, этносу и др.)
- глубинный или иррациональный (отражает самость, вещь в себе, «это такая драгоценность, которая оказывается ею не только по внешнему виду, но она такова по существу»).

Кузьмин А.В. основывается на признании иллюзорности человеческого самосознания, необходимости разотождествления сознания с любым наличным содержанием сознания, критике любых форм самоидентификации человека в сфере сущего [4].

С нашей точки зрения, на основе личного профессионального плана, разработанного Е.А.Климовым, возможно, такое описание устойчивой профессиональной идентичности: свободное выполнение профессиональной деятельности, повышение уровня притязаний - поиск сложных профессиональных задач, профессиональное совершенствование, мастерство и творчество, ощущение своей значимости, неповторимости; ситуативное самоопределение реализуется в индивидуальном стиле профессиональной деятельности.

Профессиональная идентичность предполагает функциональное и экзистенциальное слияние человека и профессии. Это включает понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо и с пользой для других выполнять свои профессиональные функции.

Критерием подготовки специалиста к оказанию психологической помощи может выступить профессиональная идентичность, реализующаяся через парадигмальное, инструментальное и ситуативное самоопределение, владение техниками практической психо-

логии, овладением ментальными, инструментальными и речевыми стратегиями.

Важной задачей университетского образования, помимо передачи знаний, умений, должно стать формирование у студентов базовых личностных и профессиональных качеств, которые обеспечивают высокую продуктивность их будущей деятельности.

Литература:

1. Эриксон Э. Детство и общество./Пер. с англ. – Обнинск, 1993. – С.12
2. Иванова Н.Л. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности. – Ярославль, ЯГПУ, 2005
3. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. философ. наук. Ростов-на-Дону. 1999. 31 с.
4. Кузьмин А.В. Метафизика Я: самоидентичность, самопознание, духовность: автореф. Дис. ... канд. философ. наук. – Улан-Удэ, 1998. –С. 5-6.

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИИ И ГНЕВА ПРИ ЗАВИСИМОСТЯХ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Илюк Р.Д., Громыко Д.И., Берно-Беллекур И.В., Крупицкий Е.М.

Федеральное государственное учреждение «Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М.Бехтерева Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации»

Актуальность: Агрессия в сочетании с гневом занимает важное место в структуре аддиктивных расстройств и значительно осложняет социальное функционирование наркологических больных, вместе с тем, взаимосвязь агрессии и гнева у зависимых от ПАВ остается недостаточно изученной.

Целью исследования явилось сравнительная оценка показателей агрессии и гнева у больных зависимых от различных ПАВ.

Объект и методы исследования: Обследовано 311 человек, из них 213 (68,5%) мужчин и 98 (31,5%) женщин. В группу с диагнозом опиоидная зависимость (ОЗ) вошел 91 пациент (средний возраст $24,24 \pm 0,54$ года), с зависимостью от стимуляторов (СЗ) – 42 (средний возраст $21,74 \pm 0,79$ года), алкогольной зависимостью (АЗ) – 38 (средний возраст $33,71 \pm 0,90$ года), полинаркотической зависимостью (ПЗ) – 50 (средний возраст $26,84 \pm 0,75$ года) больных. Контрольную группу

(КГ) составили 90 здоровых социально адаптированных человека. В работе использовались: Клинический опросник, Опросник показателей и форм агрессии А. Баса и А. Дарки и Опросник состояния, характеристики и ориентации гнева STAXI Ч.Д. Спилбергера. Статистический анализ проведен с помощью χ^2 -критерия Пирсона, критерия Спирмена, t -критерий Стьюдента, U -критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования:

По данным опросника А. Баса и А. Дарки установлено, что показатель по шкале «физической агрессии» в группе с ПЗ достоверно ($p \leq 0,05$) выше по сравнению с испытуемыми всех групп, кроме больных со СЗ. В КГ ($58,42 \pm 2,20$) этот показатель был ниже по сравнению с пациентами ПЗ ($80,55 \pm 3,55$), СЗ ($67,94 \pm 4,32$), ОЗ ($63,23 \pm 2,82$) и АЗ ($55,03 \pm 3,30$). По шкале «вербальной агрессии» уровень значений был достоверно ($p \leq 0,05$) выше у больных с ПЗ ($74,58 \pm 3,64$), чем у респондентов с ОЗ ($65,25 \pm 2,52$), АЗ ($55,03 \pm 3,30$) и КГ ($54,82 \pm 2,04$); а в группе со СЗ ($70,35 \pm 3,27$) он значимо выше ($p \leq 0,05$), чем в группе АЗ и КГ. По шкале «косвенной агрессии» достоверно ($p \leq 0,05$) высокий уровень значений выявлен в группе с ПЗ ($87,23 \pm 3,26$) по сравнению с больными ОЗ ($72,11 \pm 2,52$), АЗ ($62,24 \pm 3,78$) и КГ ($65,00 \pm 2,25$); а в группе со СЗ значимо ($p \leq 0,05$) выше, чем в группе с АЗ и КГ. По шкале «индекс агрессивности» у испытуемых КГ ($61,08 \pm 1,48$) показатели были достоверно ниже ($p \leq 0,05$), чем в группе с ПЗ ($80,78 \pm 2,68$), СЗ ($72,61 \pm 3,32$), ОЗ ($68,53 \pm 2,03$), кроме АЗ ($62,87 \pm 3,02$). В группе с ПЗ данный показатель был значимо выше ($p \leq 0,05$), чем в ОЗ, АЗ и КГ.

По методике STAXI достоверно низкий ($p \leq 0,05$) показатель «склонности к раздражительности и гневу, как личностная особенность» выявлен у исследуемых КГ ($17,86 \pm 0,61$) по сравнению с пациентами ПЗ ($23,23 \pm 0,91$), СЗ ($22,17 \pm 1,20$), АЗ ($20,21 \pm 0,76$) и ОЗ ($19,80 \pm 0,74$). В группе с ПЗ данный показатель был достоверно выше ($p \leq 0,05$) по сравнению со всеми группами, кроме больных со СЗ. По шкале «реакция гнева» значения в группе с ПЗ ($11,77 \pm 0,55$) были достоверно выше ($p \leq 0,05$) по сравнению с пациентами ОЗ ($9,78 \pm 0,32$), СЗ ($9,74 \pm 0,52$), КГ ($9,10 \pm 0,30$), кроме АЗ ($10,00 \pm 0,45$). По шкале «экспрессия гнева внутрь» у пациентов с АЗ ($19,27 \pm 0,65$) и ПЗ ($18,10 \pm 0,70$) выявлены значимо ($p \leq 0,05$) более высокие показатели по сравнению с респондентами ОЗ ($15,88 \pm 0,44$), СЗ ($15,20 \pm 0,75$) и КГ ($14,87 \pm 0,48$). По шкале

«экспрессии гнева вовне» испытуемые КГ ($14,91 \pm 0,38$) имели достоверно ($p \leq 0,05$) низкий показатель по сравнению с пациентами ПЗ ($18,58 \pm 0,72$), СЗ ($17,86 \pm 0,78$), ОЗ ($17,05 \pm 0,56$), кроме АЗ ($15,27 \pm 0,56$). В группе с ПЗ данный показатель был достоверно выше ($p \leq 0,05$) по сравнению с респондентами АЗ. Максимальные значения по шкалам «раздражительность» и «индекс враждебности» отмечались в группах ПЗ ($60,97 \pm 2,85$; $68,53 \pm 2,37$) и СЗ ($59,56 \pm 3,11$; $65,51 \pm 3,32$), в КГ эти показатели были минимальными ($50,00 \pm 2,07$; $48,77 \pm 1,83$).

С помощью корреляционного анализа выявлены достоверно значимые связи: в группе с ОЗ между значениями «индекса агрессивности» и «сиюминутным состоянием гнева» (0,30), «склонностью к раздражительности и гневу» (0,38), «гневом–темпераментом» (0,22), «экспрессией гнева направленного вовне» (0,40), и отрицательная — с «контролем экспрессией гнева» (–0,30); «индексом враждебности» и «сиюминутным состоянием гнева» (0,37), «склонностью к раздражительности и гневу» (0,44), «экспрессией гнева вовне» (0,34), и отрицательная — «с контролем экспрессией гнева» (–0,22); в группе со СЗ установлена положительная корреляция между показателями «индексом агрессивности» и «склонностью к раздражительности и гневу» (0,45), «гневом–темпераментом» (0,42), «гневом–реакцией» (0,42), «экспрессией гнева вовне» (0,53), и отрицательная — «с контролем экспрессией гнева» (–0,25); «индексом враждебности» и «склонностью к раздражительности и гневу» (0,30), «экспрессией гнева вовне» (0,39); в группе с ПЗ между «индексом агрессивности» и «сиюминутным состоянием гнева» (0,39), «склонностью к раздражительности и гневу» (0,61), «гневом–темпераментом» (0,48), «реакцией гнева» (0,46), «экспрессией гнева вовне» (0,39); «индексом враждебности» и «склонностью к раздражительности и гневу» (0,29); в группе с АЗ между «индексом агрессивности» и «сиюминутным состоянием гнева» (0,35), «гневом–реакцией» (0,30), «гневом, направленным вовне» (0,38) и отрицательная связь — «с контролем экспрессии гнева» (–0,30); «индексом враждебности» и «сиюминутным состоянием гнева» (0,36), «гневом–реакцией» (0,48), «гневом, направленным вовне» (0,43).

Заключение. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у больных с ОЗ, СЗ, АЗ, ПЗ показатели агрессии, враждебности и гнева выше по сравнению с нормативными значениями, а также, что между

этими феноменами существует тесная взаимосвязь. Проявления гнева следует оценивать как личностную характеристику зависимых от ПАВ. При этом индукция различных форм агрессии во всех группах больных обусловлена в значительной степени экспрессией гнева вовне. Максимальные показатели физической, косвенной, вербальной агрессии и враждебности регистрируются у больных с ПЗ и СЗ. Высокая чувствительность и реактивность больных ПЗ обуславливает максимально выраженные реакции гнева. Отличительной особенностью этой категории пациентов является наличие связи между сиюминутным состоянием гнева и вербальной агрессией. Среди всех групп зависимых от ПАВ, у пациентов с ОЗ отмечается минимальная склонность к раздражительности и гневу. Для них является характерным наличие связи между сиюминутным состоянием гнева и проявлениями косвенной агрессией. Снижение контроля над экспрессией гнева в группе СЗ и ОЗ приводит к увеличению агрессивности. У больных с АЗ регистрируются минимальные значения агрессии и экспрессии гнева вовне среди всех групп зависимых от ПАВ. Агрессивность и враждебность больных с АЗ обусловлена текущей реакцией гнева на ситуацию но, в отличие от других групп испытуемых, не связана с гневом как личностной особенностью. Максимальные показатели внутреннего гнева, у данных больных свидетельствуют о способности переживать гнев, но без его выражения вовне.

Высокие показатели агрессии, враждебности и гнева у потребителей ПАВ, особенно у больных стимуляторной и полинаркотической зависимостью, необходимо учитывать при проведении профилактических и лечебно-реабилитационных мероприятий.

ДИАГНОСТИКА НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПО ФУНКЦИЯМ ДОБРА И ЗЛА У ПОДРОСТКОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ И УСЛОВИЯ ИХ РАЗВИТИЯ

Исмагилова Р.Р., Попов Л.М.

фКФУ в г. Набережные Челны

Palima_07@mail.ru

Методологической основой проводимого исследования являлась концепция личности, основу которой составляет нравственно-

этический компонент как самоценный и включение его в состав детерминированного комплекса субъекта саморазвития (Л.М. Попов, 2000) .

Выбор экспериментально-диагностических методик определялся выбранной парадигмой и методологией исследования и был направлен на изучение характерологических функций ДОБРА и ЗЛА подростков и старшекласников.

Известно, что результаты теста признаются надежными только тогда, когда они дают идентичные результаты при повторном его использовании. Но если измеряемые свойства нестабильны, то не может быть стабильным и результат при повторном их измерении.

Поэтому мы расширили надежность методики «ДОБРО-ЗЛО» эмпирическим путем. При этом была проведена полная психометрическая верификация «ДОБРО-ЗЛО1», которая включала в себя следующие этапы: анализ пунктов, проверка надежности по однородности и по устойчивости, оценка конструктивной и критериальной валидности.

На первом этапе была проведена эмпирико-статистическая работа по проверке надежности и валидности методики «ДОБРО-ЗЛО1» в новых социокультурных условиях. Для этого мы использовали специально созданную параллельную форму «ДОБРО-ЗЛО2». Последовательность действий при проверке надежности предполагало следующий алгоритм действий:

- 1) Выявление степени надежности методики «ДОБРО-ЗЛО2» с помощью показателя ретестовой надежности. Анализ ретестовой надежности параллельной формы позволил проверить временную стабильность отдельных пунктов методики и установить являются ли нравственно-этические характеристики устойчивой личностной характеристикой или текущим состоянием.

Коэффициент корреляции определялся с временным интервалом двух повторных исследований в 1,5 месяца.

Расчеты проводились отдельно по возрасту, полу и функциональным качествам ДОБРА и ЗЛА. В итоге вычислены коэффициенты ретестовой надежности, оказавшиеся достоверными. Особенно это заметно по качествам ДОБРА. Более высокие результаты продемонстрировали девушки 16-17 лет. Так коэффициент надежности оказался равным: «ДОБРО» (мальчики 12-13 лет + 0,768, юноши 16-17 лет + 0,791; девочки 12-13 лет + 0,787, девушки 16-17 лет + 0,811); «ЗЛО» (мальчики 12-

13 лет + 0,698, юноши 16-17 лет + 0,687; девочки 12-13 лет + 0,746, девушки 16-17 лет + 0,712); интегральный показатель «ДОБРО-ЗЛО» («ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ») (мальчики 12-13 лет + 0,774, юноши 16-17 лет + 0,776; девочки 12-13 лет + 0,777, девушки 16-17 лет + 0,823) .

2) Установление корреляции между новой методикой «ДОБРО-ЗЛО2» и уже существующим, аналогичным по конструкту тестом «ДОБРО-ЗЛО1». Эта корреляция известна как надежность параллельных форм.

С этой целью мы вычислили средние значения, средние квадратичные отклонения с последующей проверкой достоверности различий двух сравниваемых тестов.

Результат сравнения средних значений с применением t – критерия у подростков и старшеклассников показал, что различия по характерологическим качествам ДОБРА и ЗЛА по двум формам тестов статистически недостоверно ($p > 0,05$) и не подлежат содержательной интерпретации. Так, расчетный критерий Стьюдента оказался равным: «ДОБРО» (мальчики 12-13 лет + = 1,870, юноши 16-17 лет + = 0,0282; девочки 12-13 лет + = 0,666, девушки 16-17 лет + = 1,226); «ЗЛО» (мальчики 12-13 лет + = 2,076, юноши 16-17 лет + = 0,445; девочки 12-13 лет + = 1,473, девушки 16-17 лет + = 1,634); интегральный показатель «ДОБРО-ЗЛО(«ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ») (мальчики 12-13 лет + = 0,651, юноши 16-17 лет += 0,366; девочки 12-13 лет += 1,996, девушки 16-17 лет += 0,0567).

Достоверных различий между данными первого и второго опросников не получено и по корреляционному анализу.

Коэффициент линейной корреляции Бравэ-Пирсона оказался равным: «ДОБРО» (мальчики 12-13 лет + 0,734, юноши 16-17 лет + 0,862; девочки 12-13 лет + 0,901, девушки 16-17 лет + 0,880); «ЗЛО» (мальчики 12-13 лет + 0,902, юноши 16-17 лет + 0,848; девочки 12-13 лет + 0,758, девушки 16-17 лет + 0,884); интегральный показатель «ДОБРО-ЗЛО» («ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ») (мальчики 12-13 лет + 0,796, юноши 16-17 лет + 0,852; девочки 12-13 лет + 0,845, девушки 16-17 лет + 0,888) .

Сравнительный анализ позволяет сделать заключение, что исследования характерологических особенностей на женских и мужских выборках испытуемых возрастных периодов подростков и старшеклассников показали надежность методики «ДОБРО-ЗЛО1» по функциям ДОБРА и ЗЛА.

Диагностические релевантные свойства находятся в постоянном развитии. В этой связи необходимо отметить, что психодиагностика, ориентирующаяся на развитие, должна быть направлена на развитие механизмов индивидуального процесса развития в зависимости от условий, в которых оно осуществляется.

На втором этапе исследования мы определили следующие задачи:

1) выяснить, как понимают подростки и старшеклассники свои нравственно-этические характеристики; 2) узнав реальное мнение учащихся о своей личности, сравнить его с суждениями учителя; 3) ди-ахронно исследовать возможность достижения положительных изменений нравственно-этических характеристик с помощью специального организованного творческого образовательного пространства.

С помощью рангового коэффициента Спирмена была выявлена разная степень совпадения самооценок учащимися и педагогическими оценками у подростков: 1.самооценка учеников выше, чем оценка учителя (43,1%); 2.самооценка учащихся отстает от оценок учителя (56,8%). Совпадений с педагогическими оценками не было обнаружено.

Были обнаружены три вида соотношения оценок у старшеклассников: 1. когда самооценка учеников выше, чем оценка учителя (52,2 %); 2. когда самооценка учащихся отстает от оценок учителя (45,4 %); 3. когда самооценка старшеклассников совпадают с оценками учителя (2,27 %).

Различия в оценочных суждениях говорят нам о разных уровнях осмысления ими своих нравственно–этических характеристик, связанных с различиями в возрасте между группами учащихся. Как показали исследования других авторов (А.А.Бодалев, В.А.Крутецкий, 1971) не все качества личности в других людях и в самом себе осознаются в равной мере.

Так, показательно, что подросток обнаруживает противоречия не только в окружающем его мире, но и внутри собственного представления о себе, что является основанием для изменения эмоционально-ценностного отношения к себе, проявляясь в резком всплеске недовольства собой и в сочетании полярных качеств.

Таким образом, от подросткового возраста к старшему школьному возрасту происходит в определенной последовательности расширение круга осознаваемых у себя нравственно-этических характеристик по функциям ДОБРА и ЗЛА.

Динамика этических характеристик различна в экспериментальных и контрольных группах. Сопоставление контрольных и экспериментальных групп показало значимые различия. Так, показатель «ДОБРО» в экспериментальных группах по критерию Фишера составил у подростков 12-13 лет $F=6,14$; $p>0,01$, старшеклассников 16-17 лет $F=4,16$; $p>0,01$. Показатель «ЗЛО» у подростков 12-13 лет $F=4,16,4$; $p>0,01$, старшеклассников 16-17 лет $F=3,14$; $p>0,01$.

Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что нравственно-этические характеристики по функциям ДОБРА и ЗЛА, являются устойчивыми личностными характеристиками, как и все иные индивидуальные качества, имеют индивидуальную меру выраженности, могут быть подвергнуты процедуре психологического измерения и могут использоваться в качестве самостоятельного диагностического конструкта. Выявленная динамика структуры нравственно-этических характеристик может быть использована в практике для диагностики и прогнозирования успешности субъекта в разных видах активности.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ

Калимуллина Р.Н.

Профессиональная Психотерапевтическая Лига

В настоящее время самые востребованные люди в мире практической психологии — это менеджеры, которые способны эффективно продвигать и продавать психологические услуги. Основные задачи, стоящие перед менеджерами этого направления: технология привлечения клиентов на тренинг, повышение продаж и расширение клиентской базы.

Перечислим ряд трудностей, возникающих у менеджеров-организаторов этого направления:

Переполненный рынок (слишком много однотипных специалистов). Слишком много тренеров на одного клиента: бизнес-тренеры, лайф-коучеры, психотерапевты, тренеры по продажам и т.д., поэтому продавать психологические услуги стало сложно.

Информационный шум (слишком много информации). На клиен-

тов вываливается такое количество предлагаемых услуг, что ваше предложение просто теряется. На самом деле и клиенты тоже теряются от такого шквала. Если раньше можно было разместить информацию на сайте «Самопознание» и собрать тренинг, то теперь это не работает.

Недоверие со стороны потенциальных клиентов. Предложений много, многие из них невысокого качества, т.к. на рынок выходит много новичков, а зачастую откровенных шарлатанов, в результате доверие к психологии снижается.

Отсутствие профессиональной подготовки менеджеров, неумение продавать психологические услуги, порой откровенное «впаривание», также отрицательно влияет на потенциальных клиентов, они осторогаются, что могут попасть в секту или на тренинге им могут внушить что-нибудь неблагонадежное и т.д.

Клиентская база имеет тенденцию изживать сама себя или иссякать.

Реклама стоит больших вложений. По мнению зарубежных специалистов, необходимые затраты на рекламу и продвижение новых услуг на рынке — 60 тыс. руб. в месяц. Реклама работает, если ведущий или тренер, является широко известным специалистом, имеет статус эксперта. Такой статус зарабатывается порой годами.

Продвигать и продавать психологические услуги необходимо как систему, потому что психологический бизнес активно развивается.

Что это означает?

1. Проведение рекламной компании. Для этого используются социальные сети («Мой мир», «В контакте», «Одноклассники») и интернет-ресурсы: размещение анонсов, интернет и смс-рассылок по существующей базе, звонки клиентам, которым интересна данная тема. Конечно, если у Вас есть соответствующая статистика по этому поводу, иначе Ваши действия будут восприниматься как спам.

2. Создание «продающих» текстов для рекламы услуг, которые отвечают действительности того, что будет происходить, например на тренинге.

3. Использование личных блогов специалистов, услуги которых Вы продвигаете.

4. Презентации психологических услуг в целевых аудиториях

(тренинг-центрах, профессиональных, детских, психологических, учебных центрах и учебных заведениях). Сотрудничество с менеджерами аналогичных направлений, поиск целевых аудиторий.

5. Система скидок для постоянных клиентов. Создание дополнительной мотивации (возможность получить дополнительные скидки за помощь по организации тренинга и привлечение целевой аудитории).

6. «Держать руку на пульсе»: осуществлять мониторинг рынка и анализировать потребности рынка психологических услуг.

7. Обратная связь с Вашими клиентами. Приятно получать фотографии и читать отзывы с мероприятий, которые Вы организовываете.

Сегодня появляются новые пути продвижения и продаж психологических услуг. Каковы они?

– изменить формат рекламы. Эффективность интернет-рекламы очень высока и за ней будущее. Сейчас появилось новое направление продвижения в интернете, это специальные сайты, посвященные красоте, здоровью, культурным мероприятиям, на которых можно размещать специальные предложения по своим услугам, данный вид рекламы относится к «вирусному маркетингу». Этот метод дает хороший приток клиентов, широко используется в Москве и других городах, перспективный и малобюджетный.

– менеджерам психологических услуг необходимо взаимодействовать и объединять свои усилия, чтобы работать эффективнее. Мы предлагаем менеджерам объединить свои базы и сделать единую. Т.о. появляется возможность очень простым и эффективным способом расширить клиентскую базу.

– по поводу продажи. Психологические услуги необходимо продавать дорого, перестать снижать цены и продавать за бесценок.

– сертифицирование менеджеров психологических услуг, повысит компетентность менеджеров, что поможет разрешить проблему снижения доверия к психологии.

Таким образом, развитие практической психологии, повышение спроса на психологические услуги, требует отношения к этому сегменту, как к бизнесу, как к системе, которая включает в себя систему привлечения клиентов, систему построения экспертного статуса, систему продаж и многое другое.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ЛИДЕРОВ И АКТИВИСТОВ МОЛОДЕЖНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Калинина К.И.

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

В современном обществе наблюдается усиление тенденций сплочения молодежи в группы различной социальной направленности. Вызывает опасения рост антисоциальных групп в молодежной среде. Они, как правило, возникают вследствие характерных для молодежи реакций группирования, при отсутствии направленности их в социально приемлемое русло. Отсюда идут такие социально опасные явления как антиобщественная деятельность преступных группировок, нарушения общественного порядка молодежными группами и др. Молодежные объединения различной общественной направленности развиваются при условии наличия лидеров, ведущих за собой массы. Общество заинтересовано во влиянии на молодежные группы, в воспитании социально направленных лидеров. Для этого необходима психологическая информация о личностных детерминантах лидерства, о характерных для лидеров в просоциальных и антисоциальных движениях психологических особенностях, о том, набором каких специфических личностных качеств обладают молодежные лидеры в различных объединениях?

Мы предприняли попытку провести сравнительный анализ некоторых личностных особенностей у признанных молодежных политических и студенческих лидеров, а также у активистов, то есть лиц, не являющихся признанными лидерами, но принимающих активное участие в молодежной политике нашего региона и Ульяновского Государственного Университета. В исследовании приняло 50 человек: юноши и девушки, активно занимающиеся молодежной политикой в нашем регионе и Ульяновском Государственном Университете в возрасте от 18 до 23 лет. Из них 20 человек — члены молодежного правительства Ульяновской области, 30 человек — студенческие лидеры Органа Студенческого Соуправления «Династия» Ульяновского Государственного Университета.

При организации исследования мы исходили из того, что сегодня

психологи в качестве основных личностных качеств, способствующих лидерству, выделяют мотивацию власти и достижений, энергичность, развитый интеллект и высокую работоспособность. При этом особое внимание уделяется воле и волевым характеристикам личности, как наиболее осознанным психологическим элементам личности, к которым на наш взгляд, относится и жизнестойкость. Успешным лидером может быть тот, кто конструктивно преодолевает многочисленные трудности, разрешает критические ситуации. Без жизнестойкости невозможно достигнуть цели в любой сфере деятельности. В политике же жизнестойкость — это не просто упорство в достижении поставленных задач, но и умение выйти за пределы устаревших политических стереотипов и преодолеть инерцию мышления.

Жизнестойкость мы исследовали с помощью методики С. Мадди (1979) по таким показателям, как общая жизнестойкость, вовлеченность, контроль и принятие риска. С. Мадди подчеркивает важность выраженности всех трех компонентов как для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности, так и для активности в стрессогенных условиях, именно в которых молодежным политикам как правило и приходится работать. Также мы исследовали такие показатели как уровень субъективного контроля (с помощью методики УСК Е.Ф.Бажин и др., 1984) и мотивацию достижений (по опроснику А.А.Реана 1980). На наш взгляд именно эти компоненты тесно связаны с субъективным ощущением успеха, самооценкой и, как следствие формированием у молодежных лидеров харизматического типа личности, столь привлекательного для их последователей.

Изучение особенностей регулятивной сферы личности лидеров и активистов молодежных организаций, а именно мотивации, локуса контроля и жизнестойкости, позволило обнаружить следующие психологические особенности:

- У всех обследованных лидеров, независимо от сферы проявления лидерства, выражена мотивация власти, они сами контролируют свою жизнь (у них преобладает интернальный локус контроля) и обладают выраженной жизнестойкостью, что формирует их позитивную самооценку и удовлетворенность собственной деятельностью, влияет на харизматичный тип личности, столь привлекательный для последователей. Выраженные различия в регулятивной сфере личности (а

именно, в мотивации, локусе контроля и жизнестойкости) у лидеров политических и студенческих организаций отсутствуют.

- В то же время между признанными лидерами и просто активистами существуют различия как в мотивации, локусе контроля, так и в проявлениях жизнестойкости. Наибольшая значимость различий обнаруживается по шкалам общей и межличностной интернальности. Это означает, что признанные лидеры в большей степени, чем активисты, контролируют принятие решений во всех сферах жизнедеятельности и сфере взаимодействия с другими. На наш взгляд, это может объясняться тем, что активисты чаще отвечают за оперативные и тактические цели, а глобальные и стратегические цели предпочитают все-таки передоверять признанным лидерам. Возможно, это происходит вследствие той же самой харизмы, которой признанные лидеры обладают в большей мере или уверенности в их умении принимать «правильные» решения. Причиной развития подобных убеждений также можно считать более высокую самооценку и удовлетворенность собственной деятельностью признанных лидеров.

- Обнаружены некоторые гендерные различия в личностных чертах и моделях поведения у политических и студенческих лидеров. По критерию вовлеченности эти различия оказались статистически значимыми. Молодежные лидеры женского пола, в большей степени, чем мужчины считают необходимым влиять на все события, участвовать в них и связывают степень собственного участия с возможностями преодоления.

Говоря о молодежном политическом лидерстве, хотелось бы отметить, что признаки лидерства можно обнаружить в любой группе, и во всех случаях прослеживается одна закономерность: лицо, которое выдвинулось как лидер, и стиль его лидерства отражают обстоятельства его продвижения в лидеры, особенности группы, которой он руководит, а также личностные черты не только самого лидера, но и его последователей. С этих позиций данное направление является перспективным для продолжения исследований выбранных личностных характеристик не только у лидеров, но и у их последователей, выявления существующих взаимосвязей.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что социальную направленность лидерских качеств определяет не только и не

столько среда воспитания, но и такие личностные характеристики, как жизнестойкость, локус контроля и мотивация достижения успеха. Все эти качества можно и нужно развивать путем воспитательной работы с молодежью, чему способствует система внеучебной работы со студентами СУЗов и ВУЗов. На основе результатов нашего исследования было организовано проведение тренингов социальной компетентности и жизнестойкости личности среди студентов. Развитию личностных качеств лидера так же способствуют ознакомление молодежи с результатами новейших исследований в этой области, поощрение их участия в общественно полезной деятельности и создание привлекательного имиджа студенческих общественных организаций, индивидуальное карьерное консультирование будущих молодежных лидеров.

Результаты исследований личностных качеств, значимых для активистов просоциальных молодежных объединений, на наш взгляд, могут способствовать активизации участия молодых людей в социально-политических движениях общественно полезной направленности; расширению их индивидуальных возможностей в самореализации в обществе, повышению их социальной компетентности, а также профилактике девиантного поведения в молодежных группах.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ

Калиновская М.А.

*Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сергиево–Посадский гуманитарный институт»
г. Сергиев Посад Московской области*

Практически нет ни одного социального или психологического аспекта поведения ребенка, который бы не зависел от семейных ценностей. В зависимости от конкретных обстоятельств жизни семьи, характера взаимоотношений между родителями и детьми, складывающегося в общении и совместной деятельности, у подростков формируются привычные формы отношений к другим людям, своим обязанностям, а также устойчивые способы действия, поведения и деятельности. Семейные ценности подобны фундаменту, на котором строится

здание семьи. Они определяют отношения между ее членами. Дети становятся сопричастны тому, чему родители сами отдают предпочтение. И лучше не читать лекций подростку о нормах морали, а просто жить так самим. Подросток должен усвоить, что «в нашей семье так не поступают, так не говорят, так не делают». В последнее время необычайно возрос интерес к проблемам формирования культуры поведения. Между тем, тот или иной стереотип поведения является, как правило, результатом семейного воспитания, осмысления ребенком поступков родителей, их взаимоотношений в семейной и общественной жизни. Подражая родителям как самым близким и авторитетным образцам, ребенок овладевает нормами поведения [2].

На основании вышесказанного, были проведены исследования, в которых особое внимание сконцентрировано на психологическом аспекте морально-нравственных ценностей подростков. Исследование проводилось на базе МОУ СОШ № 8 г. Сергиева Посада среди учащихся 8-10 классов. Цели исследований:

- выявить зависимость между нравственным развитием личности и пониманием морального выбора;
- изучить эмоциональное отношение подростка к нравственным нормам;
- выявить уровень эмпатийных тенденций подростков.

В ходе исследования по методике Лоуренса Колберга («Оценка уровня развития морального сознания») [1, с.103-112] были получены следующие результаты: среди учащихся 8-х классов прослеживается тенденция к выбору стратегии, основанной на принципе справедливости, с утверждениями 2-ой стадии (принцип «ты мне, я - тебе») оказались 43 % испытуемых; утверждения 3-й стадии (конвенциональный уровень), состоящие в том, что принимается «закон и порядок» — оказались 57 % учащихся 8-х классов и 87 % учащихся 9-х классов; утверждения 4-ой стадии (социального контракта на основе учета прав личности) вызвали согласие у 13% учащихся 9-х классов и 84 % учащихся 10-х классов; утверждения 5-ой и 6-ой стадий, характеризующие высшие уровни морального развития, оказались у 16 % учащихся 10-х классов. Таким образом, можно сделать вывод, что уровень осознанности морального выбора зависит от ценностных ориентаций подростков.

В исследовании по методике «Цветовой тест отношений» [1, с.41-

42] приняли добровольное участие 2 девушки из 8-х классов, 1 девушка из 9-го класса, а также девушка и юноша из 10-х классов. Анализ результатов показал, что девушки 8-х классов выбрали в основном красный и желтый цвета, что свидетельствует о том, что они добрые, общительные, открытые, дружелюбные и активные. У девушки 9-го класса преобладает фиолетовый цвет, что говорит о беспокойстве и эмоциональном напряжении. Среди испытуемых 10-х классов цвета распределились следующим образом: у девушки — желтый и зеленый (активная, общительная, веселая, но в тоже время иногда упряма), а у юноши — фиолетовый и коричневый цвет, что соответствует эмоциональному напряжению, потребности в душевном контакте, подросток чувствительный и зависимый. В дальнейшем было выяснено, что девушка 9-го класса воспитывается в полной семье (но в семье существуют проблемы во взаимоотношениях между родителями и дочерью), а юноша 10-го класса — в неполной семье (погиб отец).

Методика «Закончи предложение» [1, с.114] позволила выявить у подростков 8-10 классов отношение к нравственным нормам. Результаты исследования показали, что у 11 % учащихся нравственные ориентиры существуют, но соответствовать им ребенок не стремится или считает это недостижимой мечтой, подросток адекватно оценивает поступки, но отношение к нравственным нормам неустойчивое и пассивное. У 16 % учащихся нравственные ориентиры существуют, но отношение к ним еще недостаточно устойчивое, у 73 % подростков эмоциональные реакции адекватны, отношения к нравственным нормам активное и устойчивое.

Данные исследования уровня эмпатийных тенденций (методика И.М. Юсупова) [3] представлены в таблице:

Уровень	8-ые классы (40 чел.)		9-ые классы (38 чел.)		10-ые классы (32 чел.)	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
Очень низкий	3	3	-	1	-	-
Низкий	3	1	1	-	-	1
Нормальный	9	10	18	13	12	6
Высокий	5	5	-	-	-	-
Очень высокий	1	-	4	1	10	3

Из таблицы видно, что среди испытуемых преобладает нормальный уровень эмпатийности, что говорит о том, подростки не относятся

к числу особо чувствительных, в межличностных отношениях судят о других по их поступкам, не доверяют своим личным впечатлениям. В общении внимательны, но при излишнем влиянии чувств собеседника теряют терпение. Им не чужды эмоциональные проявления, но в большинстве своем они находятся под контролем. Очень высокий уровень эмпатийности наблюдается у девушек, особенно 10-х классов, для которых характерно острое чувство сопереживания и ранимость, но при этом такие подростки, находясь в расстроенных чувствах, нуждаются в эмоциональной поддержке со стороны. Хотелось бы обратить внимание на то, что в результате подсчета полученных данных у каждого испытуемого, я усомнилась в степени их откровенности, что позволяет сделать вывод о том, что ребята старались казаться лучше или не пожелали быть откровенными перед самим собой.

Таким образом, в ходе проведенных исследований, можно сказать, что в семье имеются объективные естественно складывающиеся условия для формирования у подростков нравственных чувств, навыков поведения. Семье принадлежит основная роль в формировании нравственных начал, жизненных принципов подростка. От того, как строятся отношения в семье, какие ценности, интересы выдвигаются у ее членов на первый план, зависит, какими вырастут дети.

Использованная литература и Интернет-ресурсы:

1. Ред. и сост. Дерманова И. Б. Диагностика эмоционально-нравственного развития. СПб.: Речь, 2002.
2. Штольц Х., Рудольф Р. Как воспитать нравственное поведение? М.: Просвещение, 1986.
3. <http://psylist.net/praktikum/> Исследование уровня эмпатийных тенденций Юсупова.

**ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ В ПРАКТИКЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ
НА ЭТАПЕ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ**

Капина О.А.

Коряжемский филиал ГОУВПО «Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Коряжма

На сегодняшний день довольно остро стоит вопрос оказания психологической помощи подросткам, находящимся на пороге школь-

ного обучения и попавшим в кризисную ситуацию осуществления профессионального выбора. В условиях реформирования системы образования все сильнее и сильнее сокращаются возможности реализации полноценного процесса психологического сопровождения старших подростков. Поэтому наиболее приемлемым средством помощи школьникам, которым может воспользоваться школьный психолог, является продуманная система индивидуального консультирования.

Как считает Н.С. Пряжников индивидуальная консультация — это «постепенное формирование у подростка внутренней готовности к осознанному и самостоятельному планированию, корректировке и реализации своих профессиональных планов и перспектив», «или, говоря иначе, готовности рассматривать себя развивающимся в рамках определенного времени, пространства и смысла» [3].

Большинство исследователей отмечают, что не происходит автоматического формирования готовности к выбору профессии с возрастом. Так Н.И. Гуткина [1] и И.В. Дубровина [4], основываясь на работах Л.С. Выготского, доказывают, что при формировании готовности необходимо учитывать уровень актуального развития субъекта и его зону его ближайшего развития. Использование этого принципа позволяет проектировать тот уровень развития, которого субъект может достичь в ближайшее время.

На наш взгляд именно такой подход к консультации позволяет психологу определить зону ближайшего развития клиента и спланировать совместное ее освоение. Для этого психолог может занимать одну из трех позиций по отношению к клиенту, описанных Е.В. Емельяновой [2].

Поддерживающая («материнская») позиция применяется: в начале работы; на этапе, когда подросток начинает свое повествование о своей проблеме. ЗБР клиента в этих случаях — доверие к психологу, раскрепощение чувств. Задача психолога — создать атмосферу теплоты, принятия (неосуждения) и поддержки; стимулировать самовыражение клиента.

Стимулирующая («отцовская») позиция применяется: когда проблема уже достаточно подробно представлена в рассказах подростка; если участник способен принимать адекватные решения и производить соответствующие изменения в своей жизни. ЗБР клиента в этих

случаях — переход от простого описания проблемы, выражения чувств и фиксации на проблеме к изменениям, принятию решений, различным осознаниям, к риску открывать свои чувства, доверять. Задача психолога — стимулировать движение участника к изменениям, к достижениям в обсуждаемой области, стимулировать к рациональному осмыслению, к принятию ответственности за выбор и т. п. Это позиция, стимулирующая к каким-либо практическим шагам и достижениям и при этом поддерживающая.

Партнерская позиция применяется: когда клиент занимает ответственную и активную позицию в разрешении своей проблемы; когда клиент ищет решение, производит изменения, осваивает новые модели убеждений, поведения, когда предпринимает шаги для достижения своих целей; когда подросток самостоятельно стремится к дальнейшему осознанию себя, своих чувств, желаний, потребностей. ЗБР участника в этих случаях — способность к самостоятельной работе над своей проблемой, личностному развитию. Это позиция без руководства со стороны психолога.

В зависимости от актуального уровня готовности подростка психолог планирует освоение его зоны ближайшего развития и постепенно переводит его из зависимого, неуверенного состояния к самостоятельным и осознанным действиям.

Литература:

1. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. – М.: НПО «Образование», 1996. – 160 с.
2. Емельянова Е.В. психологические проблемы современного подростка и их решение в тренинге. – СПб.: Речь, 2008. – 336 с.
3. Пряжников Е.Ю. Профориентация. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 496 с.
4. Практическая психология образования. / Под ред. И.В. Дубровиной – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ

Каримова А.Р.

Казанский государственный технический университет им. А.Н.Туполева

В современной психологии особое внимание уделяется искаженному профессиональному развитию, принимающему форму *профес-*

сиональных деструкций — изменений сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающихся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса [5]. Часто в центре внимания ученых оказывается один из видов профессиональных деструкций — *профессиональная деформация личности* [2; 9]. Речь идет о негативных изменениях, которым подвергается субъект в ходе выполнения им профессиональной деятельности, нарушающих целостность личности, ее адаптивность, функционирование в социуме, приобретающих стойкий характер и негативную окраску.

Сущность механизма развития профдеформации заключается во взаимодействии субъекта и личности в единой структуре индивидуальности [2; 5; 6]. Впервые отметил возможность несовпадающего, противоречивого развития свойств личности и свойств субъекта деятельности в процессе их взаимодействия академик Б.Г.Ананьев [1]. С.П.Безносков [2] считает, что происходят интериоризация, усвоение, закрепление, фиксация, присвоение, «консервация» компонентов деятельности в памяти, мышлении, восприятии, психике специалиста (применительно к профессиям типа «человек – человек» используются понятия: уподобление, вживание, вчувствование, идентификация, перевоплощение, заимствование, сращивание), которые автоматизируются, закрепляются в структуре психики и начинают эксплуатироваться личностью и в обыденных жизненных ситуациях. Таким образом, при профессиональной деформации личности в структуре индивидуальности побеждает субъект, отрицательно влияющий на человека как личность. А о профессиональной деформации личности можно говорить, если свойства личности, сформировавшиеся в рамках выполнения ею профессионально-функциональной роли, становятся чертами характера и начинают проявляться во всех других сферах жизнедеятельности.

При этом, определенная деятельностная норма, носителем которой служит человек как субъект, может вступать в противоречие с некой нравственной нормой, выразителем которой является личность как другая часть единой индивидуальности. В таких случаях в сознании возникает проблема согласования двух норм, двух разделенных подпространств жизнедеятельности целостного человека — сферы профессиональной деятельности субъекта и пространства жизни личности, зачастую ведущая к развитию стойкого внутриличностного кон-

фликта. В результате начинают использоваться различные формы психологической защиты, закрепляющиеся в поведении. Если актуализированные способы психологической защиты оказываются иррациональными (агрессия, избегание, отрицание, регрессия, вытеснение, проекция, изоляция и др.), постепенно происходит стабилизация и дальнейшее развитие негативных изменений личности, нарушающих ее гармонию и усугубляющих конфликтное состояние [6]. Профессиональная деформация в таком случае представляет собой совокупность стойких личностных изменений, вызванных действием иррациональных способов психологической защиты.

Поскольку процессы согласования норм деонтологии и профессиональной этики, с одной стороны, и деятельностных норм — с другой, требуют определенных психотехнических усилий по перестройке своей целостной индивидуальности, постольку происходят большие затраты нервно-психических ресурсов, образно говоря — их «сгорание». По-видимому, именно этот момент приводит к сближению понятий деформации и выгорания, и не случайно в исследованиях не только отечественных, но и зарубежных авторов, развернувшихся наиболее интенсивно в последние годы, есть указания на то, что наиболее общим признаком начинающейся деформации личности является *«синдром психического выгорания»* [3; 4; 7; 8].

Обращаясь к понятиям профессиональной деформации и психического выгорания, ученые единодушны в том, что оба понятия фиксируют негативные нарушения профессионального развития личности, приобретаемые субъектом в ходе его деятельности, что, собственно, определяет точки их соприкосновения. По-видимому, именно благодаря этому, многие авторы для коррекции, как профессиональной деформации, так и психического выгорания, предлагают использовать одни и те же техники [6; 9], что не совсем правомерно, поскольку механизм развития этих деструкций имеет определенные особенности.

Механизм развития выгорания выглядит следующим образом. Согласно ресурсной концепции, выгорание — растянутый во времени профессиональный стресс, в результате которого человек начинает уменьшать косвенные потери ресурсов, происходящие от постоянного вложения усилий без результата, используя для этого психологическую защиту в форме экономии эмоций, редукции профессиональных

обязанностей, деперсонализации, отстраненности. Наиболее используемыми копинг-стратегиями становятся деструктивные копинги, такие как конфронтация и бегство-избегание. Это позволяет человеку в какой-то мере дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. При этом, поведение «выгоревшей» личности, с одной стороны, адаптивно, так как выполняет функцию психологической защиты от психических перегрузок, но, с другой, — социально не одобряемо, т.е. оно противоречит нравственным нормам. Это противоречие разрешается далее по тому же сценарию, что и в случае профессиональной деформации, — путем использования механизма психологической защиты. Известно, что интенсивное использование одной и той же психологической защиты приводит к искажению характера субъекта и деформации черт личности. Так возникают дисфункциональные следствия выгорания, отрицательно сказывающиеся как на исполнении профессиональной деятельности, так и за ее пределами, — происходит формирование особого типа личности — «выгоревшей» личности.

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. I. М.: Педагогика, 1980. – 232 с.
2. Безносков В.В. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
3. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – 472 с.
4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. – 336 с.
5. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 240 с.
6. Ионова И.В. Психолого-акмеологическая модель преодоления профессиональной деформации сотрудников ОВД: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13; Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина. Тамбов, 2009. – 22 с.
7. Каримова А.Р. Состояние выгорания как фактор профессиональной деформации личности // Психология психических состояний: теория и практика. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции. Казанский государственный университет, 13-15 ноября 2008 г. Часть I. Казань: Изд-во ЗАО «Новое знание», 2008. – С. 403-408.
8. Орел В.Е. Современное состояние проблемы психического выгорания личности в психологии и дальнейшие перспективы его изучения // Психология психических состояний: теория и практика. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции. Казанский государственный университет, 13-15 ноября 2008 г. Часть II. Казань: Изд-во ЗАО «Новое знание», 2008. – С. 116-119.
9. Полякова О.Б. Быть или не быть: к вопросу об учебном курсе для будущих психологов «Психогигиена и психопрофилактика профессиональных деформаций личности» // Мир психологии, 2007. № 4 (52). – С. 174-184.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

*Клюева Н.В., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой
консультационной психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова*

Головчанова Н.С., канд пс. наук, ассистент консультационной психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова

“Все люди хотят жить долго, но никто не хочет быть старым”, — подметил однажды Джонатан Свифт. Наверное, в этом и заключается главный парадокс пожилого возраста — приходящая с годами мудрость, целостный и осмысленный взгляд на жизнь, с одной стороны, и множество физических, психологических, социальных, а часто и материальных ограничений, в сочетании с пониманием близости завершения жизни, с другой. Поэтому пожилой возраст открывает богатые возможности для психологической работы по поддержке пожилых людей для создания возможностей для выхода пожилого человека на уровень психологического благополучия в реальности жизни.

Социально-демографическая ситуация как в нашей стране, так и за рубежом способствует обращению к проблемам пожилого возраста. В некоторых Европейских странах количество пожилых людей в ближайшие 10-15 лет достигнет 30-40 % [8, 10]. В России картина аналогичная: по демографическим прогнозам число граждан пенсионного возраста в нашей стране уже к 2015 году составит 35 млн. человек, или 25.3 % от общей численности населения страны [5].

В современном нам обществе распространено нежелание принять старость как необходимый возрастной этап, существует много негативных стереотипов о пожилом возрасте (видение пожилого человека как одинокого, нездорового, несчастного) и аутостереотипов (пожилые никому не нужны, от жизни больше нечего ждать...).

Психологические исследования пожилого возраста как в нашей стране, так и за рубежом в основном обращены к изучению частных аспектов старения — изменений в когнитивных процессах (памяти, внимании, интеллектуальных особенностях), особенностей социальной жизни пожилого человека, особенностей отношения общества к его престарелым членам (Б.Г. Ананьев, М.Д. Александрова, Е.Ф. Рыбалко, Н.Ф. Шахматов, О.В. Краснова и др. Baltes P.B., Birren J.E., Burnside I.M., Schaie K.W и др.).

При этом практически неисследованной остается область глубинных личностных особенностей пожилого человека: в текстах исследователей пожилого возраста практически не уделяется внимания смысловому измерению в жизни пожилого человека, переживанию столкновения с экзистенциальными данностями конечности жизни, выбора, ответственности, одиночества. Понимаем ли мы при этом смысл старения человека в контексте жизни и смерти? Немногочисленные обращения исследователей к экзистенциальной тематике пожилого возраста показывают решающую роль отношения к экзистенциальным вопросам для психологически благополучного старения (П. Вонг, В. Франкл).

Несколько слов о специфике экзистенциального подхода. В переводе с латинского *existere* — существовать, а также становиться, и оба этих глагола имеют отношение к человеческой жизни. Экзистенциальная психология видит человека постоянно становящимся, возникающим, то есть проходящим свой жизненный путь — от рождения до смерти, а не только носителем определенного набора черт или особенностей. Поэтому ключевыми понятиями в экзистенциализме выступают категории жизни, пронизывающего ее времени и смерти, свободы “выбирать” свою жизнь и ответственности за этот выбор, существование вместе с другими людьми и неизбежность одиночества и тревоги.

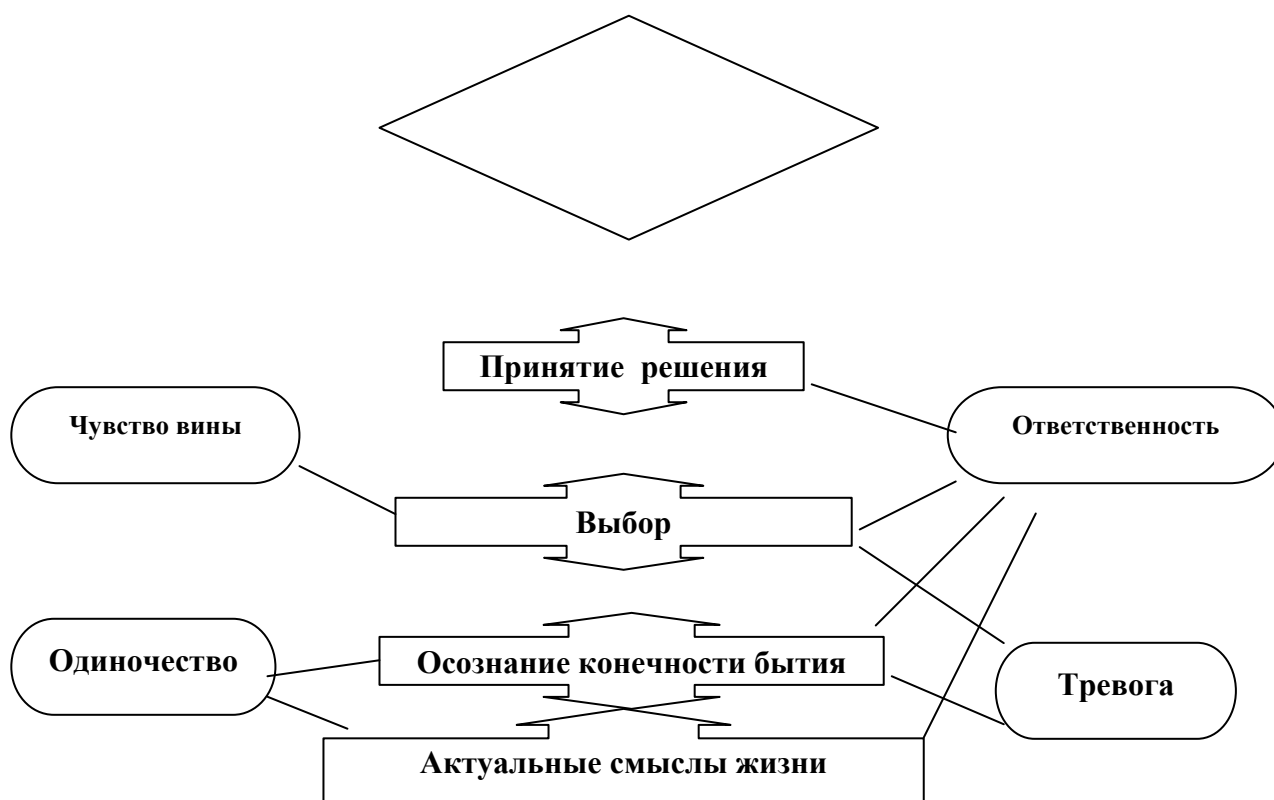
В нашей работе мы, прежде всего, опираемся на экзистенциально-философский фундамент, заложенный Н. Аббаньяно, М. Бубером, Э. Гуссерлем, С. Кьеркегором, Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггером, Н. Бердяевым и Л. Шестовым, а также на опыт перенесения экзистенциальной философии на психотерапию и консультирование С.Л. Братченко, Н.В. Ключевой, Р. Кочюнаса, Д.А. Леонтьева, Р. Мэя, И. Ялома, В. Франкла.

М.К.Мамардашвили писал, что каждый человек в потаенном уголке своего сознания является философом, задача которого не плакать, не смеяться, а понимать. Понимать, кто он, к чему и для чего стремится. Экзистенциализм ориентирует человека к осознанию предоставляемых жизнью возможностей и к проживанию своей, подлинной жизни — что предполагает осознанный выбор, ответственность, тревогу и “плату” за этот выбор, но делает человека *автором* своей жизни.

Анализируя экзистенциальные проблемы пожилого возраста, мы предлагаем обратить особое внимание на следующие экзистенциаль-

ные данности, представленные нами в виде схемы:

Экзистенциальные данности в пожилом возрасте

Мы предполагаем, что в основе жизни человека в пожилом возрасте лежит *осознание актуальных жизненных смыслов*. Как пишет Д.Леонтьев, смысл является интегративной основой человеческой жизни. В логотерапии В. Франкла именно воле человека к смыслу отводится приоритетная роль. Смысл помогает интерпретировать происходящее в жизни человека, а также задает направление человеческой активности.

Анализируя значение жизненных смыслов для пожилого человека, Пол Вонг считает личные смыслы “скрытым измерением успешного старения”, способным не только продлить жизнь человека, но и внести больше жизни в те годы, что впереди. Результаты канадского проекта Онтарио по изучению вопросов успешного старения показывают, что наличие личного смысла у пожилого человека теснее всего связано с переживанием счастья, благополучия и отсутствием возрастных психопатологий и депрессии.

Многие ученые, занимающиеся вопросами старения, пришли к выводу, что *поиск личных смыслов жизни* и собственной целостности крайне важен для психологического благополучия в пожилом возрасте

(Дж. Биррен, Р. Батлер, Э. Эриксон), а также является главным источником удовлетворенности жизнью и личностного роста у пожилых (Р. Шульц).

Отметим два важных момента в выводах этих исследователей. Во-первых, актуальный для человека смысл жизни имеет глубоко личный характер, часто являясь уникальным значением, которое человек придает происходящему с ним в жизни и проецирует на будущие события. Во-вторых, именно поиск смыслов, а не пассивное ожидание того, что смысл откроется человеку сам, приводит пожилого человека в активность.

Опираясь на труды экзистенциальных мыслителей, а также на опыт экзистенциально-ориентированного консультирования (Н.В. Ключева, Р. Кочюнас), мы предположили, что в пожилом возрасте открытие человеком актуальных смыслов его жизни происходит через *осознание конечности существования* человека как универсальной экзистенциальной данности.

И. Ялом отмечает, что жизнь и смерть “существуют одновременно, а не последовательно; смерть, непрерывно проникая в пределы жизни, оказывает огромное воздействие на наш опыт и поведение” [6, с. 35]. Жизнь и смерть взаимозависимы — смерть включена в контекст жизни как неотъемлемая ее составная часть. Тем не менее, экзистенциализм обращает внимание на возможность, скрытую в этой данности. Конфронтация со смертью — это шанс личностного изменения: “Физически смерть разрушает человека, но идея смерти спасает его” [6, с. 36].

Осознание важных жизненных смыслов и ограниченности времени для их реализации приводит пожилого человека к осознанию возможности выбора жизненных альтернатив, которое может завершиться принятием решения и осуществлением конкретных действий по созданию условий желаемой для себя жизни. В экзистенциальной философии существование человека — это поиск бытия, поиск состояния, условия или способа того существования, которое соответствует жизненным задачам и актуальным смыслам человека, а также его органике в целом.

Осознание конечности и необратимости жизни рождает стремление понять, в чем состоят жизненные задачи человека, какие решения он должен принять для их реализации, а также помогает человеку

принять личную ответственность за происходящее в его жизни. Речь здесь идет именно о глубинной ответственности человека перед самим собой, об ответственности, которую несет каждый из нас за Человека (по мысли М.К.Мамардашвили), а не о конструктах ответственности на уровне выполнения социальных ролей, следования законам, нормам и традициям общества.

Важным для пожилого человека является вопрос об одиночестве. С экзистенциальной точки зрения, природа одиночества заключается в самом человеке. Жизненный путь каждого человека уникален и наполнен значимыми лишь для этого конкретного человека смыслами и событиями.

Экзистенциальное одиночество тесно взаимосвязано с переживанием человеком столкновения с другими данностями существования, среди которых прежде всего конфронтация человека с фактом собственной конечности. Именно знание о "моей смерти", по словам И. Ялома, заставляет человека в полной мере осознать, что никто не может умереть вместе с кем-то или вместо кого-то. Осознание своего одиночества вызывает тревогу, по природе своей являясь одним из фундаментальных источников переживания тревоги. Экзистенциальное одиночество взаимосвязано с ответственностью человека за свою жизнь — "в той мере, в какой человек отвечает за собственную жизнь, он одинок" [6, с. 403]. В свою очередь, ответственность подразумевает авторство человека по отношению к своей жизни.

Неотъемлемой составляющей свободной, осознанной и ответственной жизни человека является переживание тревоги. Экзистенциальная (в отличие от невротической) тревога сопровождает жизненные выборы и весь жизненный путь человека.

В рамках обозначенного контекста, нами была проведена работа по изучению некоторых составляющих психологического благополучия пожилых людей, а также особенностей психологической работы с пожилыми людьми. Основой для сбора материала и проведения исследования стала волонтерская работа в центре вспомогательного проживания для пожилых людей Grayson View, г. Селинсгров, штат Пенсильвания, США в период с января по май 2005 г., а также работа в Ярославском областном геронтологическом центре — ноябрь 2005 – май 2006 гг.

В проведении исследования мы опирались на методологию экзистенциального подхода, отличающегося своей идеографичностью и предполагающего установление личностных и смысловых отношений между исследователем и конкретным человеком. Используемые нами методы экзистенциального подхода (диалог, понимание, интерпретация, рефлексия, которые стали основой глубинного интервью) позволяют исследователю не только получать фактический материал от другого человека, но и становятся инструментом самопознания, открывая возможность переосмысления себя на разных уровнях — от способов поведения в конкретных текущих ситуациях до своих жизненных оснований и ценностей. Поэтому и позиция психолога, при проведении исследования, способствующая созданию условий открытия себя для другого человека, отличается личной вовлеченностью в процесс исследования.

В центре Grayson View нами были проведены 10 глубинных интервью с резидентами вышеупомянутого центра. В ходе интервью был получен интересный фактический материал о течении жизни пожилых людей, об их отношениях к различным жизненным вопросам, об их видении себя в контексте их прошлой и настоящей жизни. В частности, у представителей современного нам поколения пожилых американцев были отмечены особая ценность семьи и приверженность семейным традициям, консерватизм в оценках семейных ролей, подчеркивание субординации детей по отношению к родителям. Также, опрошенные пожилые показали выраженную значимость религии и веры в их жизни.

Особый интерес для нас представляли вопросы о том, как понимают пожилые смысл их жизни, какую жизнь считают состоявшейся (и считают ли состоявшейся свои жизнь), и соотношение ответов на эти вопросы с размышлениями пожилых о завершении жизни. Все опрошенные пожилые признались, что задумываются о смерти, двое из них откровенно признались, что готовы к уходу из жизни. В общем же, было отмечено спокойствие, с которым пожилые говорили об этом — было ясно, что для них тематика ухода из жизни не является пугающей и не вызывает сильных негативных эмоций, а, в некоторых случаях, вызывает интерес (сколько мне еще осталось жить?) или сопровождается надеждой на непроблематичность самого процесса умирания — как для самого пожилого, так и для родственников.

В ходе работы с нашими соотечественниками, нами было опрошено 67 человек возраста от 54 до 85 лет, среди которых 30 человек — проживающих в Геронтологическом Центре г. Ярославля и 37 человек — слушатели курсов для пожилых людей “Золотой возраст”. Представители этих двух выборок принципиально отличаются между собой: к первой относятся пожилые, находящиеся под опекой государства, как правило, это люди с серьезными физическими, психологическими, семейными ограничениями; во второй же выборке пожилые люди, которые не только продолжают жить самостоятельно, но и вовлечены в активную социальную жизнь и проходят дополнительное обучение по интересующим их темам.

Наше исследование показало актуальность следующих экзистенциальных проблем для людей пожилого возраста, которые можно представить в виде дихотомий:

- Осознанность/неосознанность в реализации жизненных смыслов
- Понимание/непонимание возможности выбора
- Ответственность за принимаемые решения/перенесение ответственности на других людей или обстоятельства
- Способность/неспособность жить в настоящем и проектировать ближайшее будущее в контексте близкого ухода из жизни
- Понимание/непонимание экзистенциальной природы одиночества
- Умение/неумение осознавать причины и направленности тревоги

Кроме того, нами получены значимые различия между выборками живущих в геронтологическом центре и вне центра пожилыми людьми по следующим показателям

Переживание одиночества ($\chi^2=5,25$ при $p = 0,05$). Проживающие в Геронтологическом Центре значимо больше переживают чувство одиночества. Несмотря на то, что они постоянно находятся рядом с другими людьми, действительно близкие отношения с окружающими отсутствуют. Вероятно, Геронтологический Центр создает условия для обострения чувства одиночества (прежде всего – экзистенциального), что часто приводит к депрессивным и психологически неблагополучным состояниям. Вместе с тем, понимание экзистенциальной природы одиночества может стать стимулом к самоосмыслению и самопознанию пожилым возрастом, но во многих случаях для этого необходимо компе-

тентное психологическое сопровождение.

Выраженность и направленность тревоги ($X^2=11,58$ при $p = 0,05$, $X^2= 25,07$ при $p = 0,01$) Выраженность тревоги выше у живущих самостоятельно, в основном тревога связывается с собой или близкими. При высокой наполненности жизни активных слушателей курсов для этих людей продолжает существовать большой спектр событий, вызывающих тревогу. В то же время, жизнь в Геронтологическом Центре более предсказуема и стабильна, жители центра переживают значительно меньшую ответственность за свою текущую жизнь (они обеспечены питанием, уходом, медицинской поддержкой), и, как следствие, испытывают меньше тревоги за происходящее.

Представление о будущем и переживание ухода из жизни

($X^2 = 19,66$ при $p = 0,05$).

Среди жителей Геронтологического Центра значимо больше выражена направленность на уход из жизни — в сознании многих из этой группы людей их жизненные задачи уже выполнены и смерть воспринимается как облегчение, освобождение от физических или других ограничений. Только у проживающих в Геронтологическом Центре мы выявили нежелание и страх стать недееспособными. Продолжающие жить свободно пожилые люди видят будущее более неопределенно — в их жизни больше непредсказуемости, возможности изменений. Важно также то, что порядка трети опрошенных нами пожилых людей — как в Геронтологическом Центре, так и вне его — имеют позитивный образ будущего, называя желания и цели, которые они хотят реализовать (жить дружно с близкими, разрешить имеющиеся конфликты, помогать окружающим, увидеть празднование 1000-летия Ярославля...). На наш взгляд, это представляет собой большой ресурс, имеющийся у данных пожилых людей. Проведенная нами работа позволяет говорить о различных вариантах проживания человеком своего пожилого возраста. Как показал анализ результатов исследования, можно выделить некоторые экзистенциальные измерения в жизни пожилого человека в целом, которые определяют характер старения. Мы описали три варианта проживания пожилым человеком своего возраста:

- 1) **Психологически неблагоприятная старость**, представляющая собой уход от настоящей жизни (через отчаяние, депрессию, уход в прошлое, обвинения общества в своем неблагопо-

лучии, доминирование обиды на окружающих или другие варианты);

- 2) **Зависимая старость**, при которой решающим фактором в жизни пожилого человека выступает зависимость от условий жизни, самочувствия, близких людей, в результате чего у человека наблюдается потеря собственной субъектности, и, в конечном итоге, ответственности за себя и свою жизнь;
- 3) **Успешная старость**, которая включает принятие конечности жизни и своего жизненного пути в контексте конечности, принятие ответственности на себя за происходящее и происходившее в жизни, умение продолжать жить в настоящем, т.е. наличие актуальных жизненных смыслов.

Отметим, что осознанность и конструктивное переживание одних экзистенциальных данностей не всегда приводит к пониманию других: человек может по-философски спокойно относиться к своему глубинному одиночеству и принимать свой предстоящий уход из жизни, но при этом не осознавать свою ответственность за текущую жизнь и возможность выбора и совершения действий по продолжению продуктивной жизни в настоящем. Поэтому подход к вариантам старости представляет собой не строгую типологию, а скорее идеографическое описание, основанное на изучении отдельных уникальных случаев.

При выделении данных вариантов проживания пожилого возраста мы опирались как на эмпирический материал интервью с пожилыми людьми, так и на рассуждения о переживании своего возраста современных нам психотерапевтов и специалистов в области консультирования. Экзистенциальный психолог Джеймс Бьюдженталь в одном из интервью рассказывает о своих мыслях об уходе из жизни, которые сейчас посещают, но уже не терроризируют его — как это было в более молодые годы. “Я знаю что ужас смерти может вернуться ко мне в любой момент... но у меня за спиной есть теперь и другое, так что я не думаю, что буду заложником этого чувства”, — подводит итог пожилой психотерапевт, а также — в возрасте 86 лет — делится идеей написания новой книги [9].

Ирвин Ялом, посвятивший экзистенциальной психотерапии, исследованиям и подготовке студентов многие годы своей жизни, оставил должность преподавателя и в возрасте 65 лет посвящает себя на-

писанию романов, стремясь “сосредоточиться на том, что важно кроме работы”. На вопрос журналиста о том, что значит для него самого жить подлинно, Ялом отвечает через тему ухода из жизни: “С возрастом, я стал намного больше думать о конце жизни, который может оказаться не так далеко... раз жизнь конечна, я хочу знать, что сейчас является самым важным для меня и моей жизни. Кроме этого, я не хочу делать ничего, что кажется повторяющимся”.

Центральным для себя сейчас Ирвин Ялом считает творчество и поиск путей реализации тех креативных талантов, которые он еще не использовал. “Я вижу себя рассказчиком, передающим идеи, имеющие отношение к экзистенциальному, более глубокому подходу к жизни. Мне очень некомфортно думать о том, что эти таланты могут остаться неиспользованными”. Также Ялом говорит о том, что отказывает во встрече многим людям, которых он на самом деле не хочет видеть, но зато восхищается своим садом из деревьев бонсай, испытывает предельную нежность к своей жене и не относится к себе со всей серьезностью [7].

Автор концепции онтосинтеза и основоположник инновационной методологии В.С. Дудченко на одном из семинаров отметил, что лишь после 60 лет у человека начинает складываться настоящее понимание мира и себя в этом мире, своих задач и предназначения. Общество навязывает человеку определенные возрастные рамки выхода на пенсию (55-60 лет), отделяя тем самым период активной работы и жизни человека от непонятного послепенсионного времени, хотя возможности человеческого организма рассчитаны на гораздо более длительные сроки жизни, нежели известная нам статистика среднего возраста жизни мужчин и женщин.

Продолжая мысль В.С. Дудченко, можно прийти к выводу, что до 60-65 лет человек лишь накапливает информацию и жизненный опыт, знания о себе и о мире для того, чтобы в зрелые годы не только осмысливать этот опыт и составлять целостную картину своей жизни (как это предлагает Э. Эриксон), но и продолжать активную творческую жизнь – с новым или углубленным пониманием своих жизненных задач. Именно такую жизненную позицию демонстрируют и Ирвин Ялом, посвящая себя тому, что действительно считает важным, и Джеймс Бьюдженталь, продолжая активно работать даже при подступающих возрастных ог-

раничениях. На наш взгляд, центральной линией в любой психологической работе, связанной с пожилыми людьми, может стать желание выделить возможности и ресурсы пожилого возраста – как для самого пожилого человека, так и для культурного обогащения последующих поколений. То, что эти ресурсы существуют, не вызывает сомнения: успешная работа образовательных центров для людей “золотого возраста” и активное участие в них 60-70-летних людей, выделение геррагогики как отдельного направления образования, а также описанные в работе примеры здорового старения доказывают возможность развития, интеллектуального и духовного, даже в поздние годы.

Это подтверждает экзистенциальную идею о непрерывности становления человека на протяжении всего жизненного пути, поэтому хочется закончить нашу статью словами М.К. Мамардашвили: “У человека нет возраста, человек всегда в состоянии рождения, он есть, он — человек”. Создание комфортных условий для достойной жизни пожилого Человека — в этом и состоит смысл дальнейшей работы в данном направлении.

Литература:

1. Ключева Н.В. Экзистенциальные проблемы и психологическая помощь в их разрешении //Актуальные проблемы подготовки учителей и школьных психологов. Ярославль: ЯрГУ, 1994. – с. 36-41

2. Лабиринты одиночества: Пер. с англ./Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.

3. Леонтьев Д.А. Что такое экзистенциальная психология? / Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: СМЫСЛ, 1997 с. 40-57.

4. Расширение информационного пространства как средство развития социально-политической и правовой активности пожилых. Автор-составитель Т.М. Кононыгина. – Орел, 9-13 июля 2001

5. Франкл В. Психотерапия на практике: Пер. с нем. – СПб: 2001. – 256 с.

6. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 2005. – 576 с.

7. A Matter of Life and Death. – Interview of Irvin D. Yalom (by Fred Branfman) www.yalom.com

8. Aging societies: the global dimension / Barry Bosworth and Gary Burtless, editors. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1998

9. An Interview of James F.T. Bugental, Ph.D., with Victor Yalom, Ph.D. www.psychotherapy.net

10. Engardio P., Matlack C. Global Aging // Business week, January 31, 2005

11. Handbook of the Psychology of Aging. – Edited by James E. Birren and K. Warner Schaie. – Van Nostrand Reinhold Company, 1977

12. Rowe J.W., Kahn R. L. Human aging: Usual and Successful // *Science*, Vol. 237,

July 10, 1987, pp. 143-149

13. Wong, Paul T.P. Meaning of life and meaning of death in successful aging www.meaning.ca/articles/successful_aging.htm

14. Wong, Paul T.P. Existential Psychology for the 21st Century // International Journal of Existential Psychology & Psychotherapy. – Volume 1, issue 1, July 2004.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Козлов В.В.

ЯрГУ им. П.Г.Демидова

В своих предыдущих работах мы уже неоднократно анализировали понятие парадигмы и выделяли 5 базовых парадигм психологии в соответствии со спецификой предмета, категориального аппарата, методов, а также социальных характеристик.

Интегративный подход является принципиально новым смысловым пространством как для профессионалов (психологов, социальных работников, психотерапевтов), так и для их клиентов.

Любая современная психологическая парадигма при кажущейся зачастую их полноте и универсальности является справедливым лишь при определенных обстоятельствах и с известной долей вероятности в определенной предметной области. Ценность любой парадигмы относительна и говорить об абсолютных мерках применительно к эмпирическим и концептуальным верованиям ученых-психологов не имеет никакого смысла.

Предельное осознание относительности и в то же время истинности любого понимания психического освобождает специалиста от догм и приближает его к точке интеграции, а рефлексивное понимание и принятие — к интегративной психологии. В этом смысле интегративная психология является направлением профессионального мышления, философской и психологической тенденцией, имеющей практическое применение.

Для формирования интегративной психологии необходима универсальная языковая среда, наподобие языка математики или физики, в которых любая символика истолковывается однозначно независимо от парадигмы, а также кооперативное взаимодействие всех парадигм и

школ психологии.

Интегративная психология предполагает консолидацию множества областей, школ, направлений, уровней знаний о человеке в смысловом поле психологии. Одновременно мы убеждены, что понимание, оценку, использование частной научной парадигмы может дать только более общая теория, к которой мы и относим интегративную психологию.

Интегративная психология предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями всех пяти направлений психологии, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению психической реальности.

Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания представителей всех пяти волн психологии и налаживания продуктивного взаимодействия между ними, подчиненное общей цели, — углублению представлений о сути психического, нахождения путей и способов сотрудничества.

Вместо того чтобы рассматривать физиологическую психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую и трансперсональную психологии как подходы конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых открытий о человеке, каждый из которых потенциально информативен для другого.

Следует признать, что все пять парадигм психологии прогрессивны и необходимы, и каждая из них во временной перспективе содержит некий избыток относительно предыдущих теорий, объясняет новый, доселе неожиданный факт, опредмечивая новые пространства феноменов психического. И не нужно думать, что парадигмы в психологии рождаются и умирают, уступая место новым представлениям и научным ценностям. Парадигмы эволюционируют, адаптируются к новым социальным и интеллектуальным веяниям, развиваются вместе с духом времени.

Все пять парадигм психологии в их непрерывности современного развития формируют тот многомерный теоретический, методологический и исследовательский и психотехнический проект, который мы обозначили как интегративную психологию.

Что касается интегративной психологии — она на стадии форми-

рования.

Стратегия интегративной психологии — постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплоскостном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена.

Становление в интегративную позицию, которая по сущности является метасистемной по отношению ко всем пяти парадигмам психологии, предоставляет возможность отстраненного анализа и обеспечивает возможность нового качественного скачка в развитии психологического знания.

Интегративная психология не претендует на монополию истины со всеми вытекающими последствиями, а предлагает свободное оперирование многомерным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями, психологическими парадигмами и их диагностическим, психотехническим инструментарием.

Мы не отрицаем достижений ни одной парадигмы психологии и наше отношение к ним прагматично: возможен и рационален выбор любой парадигмы, которая в данный момент и в данной ситуации решает **больше число проблем**, заданных контекстом жизни.

Автор статьи совершенно уверен, что существует одна психология, по-разному выполненная в текстах разных парадигм, школ и личностей. Она объединена великой и ненасытной интенцией понимания психического.

Методологический фундамент интегративного подхода состоит из методологических принципов целостности, развития, нелинейного детерминизма, многомерности истины, позитивности, соотнесенности, онтологического плюрализма. Это методологические правила, которые указывают, каких путей и средств «научного» постижения следует избегать (негативная эвристика) и которыми следует двигаться (позитивная эвристика).

Интегративная психология не отказывается от прошлого опыта исследования человека, который в течение последних 40 тысяч лет проводился в духовных традициях искусства, теологического, философского, эмпирического склада, но использует его различные элементы в новых комбинациях.

Интегративная методология предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех психологических, философских, психодуховных традиций и подходов, которые эффективно работают в конкретной феноменальной области психологии.

Интегративная психология предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: взаимодействие между всеми волнами психологии, интегративный диалог альтернативных подходов, традиций, школ и критическое рефлексивное позиционирование.

Интегративный подход — это творческий и многомерный синтез концепций, которые опредмечивают различные аспекты человеческой активности как в теоретико-методологическом, так и в исследовательском и психотехническом отношениях.

Главной целью психологии мы видим в том, чтобы воссоединить целостную ткань психической реальности и выстроить многомерную интегративную парадигму современной психологии.

Все пять парадигм психологии: физиологическая, психоаналитическая, бихевиористическая, экзистенциально-гуманистическая, трансперсональная представляют собой:

- теорию, методологию как систему принципов, методов исследования предметов науки и культуры исследования,
- психотехнического воздействия на этот предмет,
- представителей парадигмы, которые являются носителями системы теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и прикладных целей.

В интегративной модели мы понимаем личность и группы как целостные, сложные, открытые, многокомпонентные системы, способные поддерживать гомеостазис, целесообразное взаимодействие со средой, способных к адаптации, саморазвитию и генерированию новых структур и подсистем в соответствии со сложившейся жизненной си-

туацией и новыми условиями для существования.

Интегративная психология обращается к основам существования человека, а именно к созидающему качеству сознания, конституирующему личностное бытие и всегда предшествующему научному объяснению.

Это созидающее качество сознания кто-то обозначает рефлексией, кто-то пониманием, кто-то осознанием, кто-то отражением...

Но это демиургово качество сознания является основой бытия человека и неконцептуально изначально, и не является ни тем, ни другим ни третьим (ни тем более личностным, системным, деятельностным, бессознательным, метасистемным, психосемантическим, когнитивным и др.), одновременно если обратиться не к сущности, но к психологическому осмыслению этого качества, является всем сразу и по отдельности.

Но само это ухватывание мыслью, научным пониманием, рефлексией, концептуализацией созидающего качества сознания ни коим образом не касается самого процесса и основы бытия, присутствия в жизни, со-бытия с другими.

В 90-ые годы советская психологическая наука потеряла свой статус носителя истины и соответственно единство в постсоветском пространстве. От Российской психологической науки откололись все малые и большие бывшие братья по содружеству.

В самой России альтернативные направления в психологии перестали обращать внимание друг на друга, и каждая пошла своим путем. И у всех свои Ассоциации и Академии и образовательные системы.

Мне кажется, что психологи забыли, зачем они пришли в эту науку.

Психология – наука интегративная.

На наш взгляд, в условиях постмодерна именно интегративная тенденция может привести к преобразованию интеллектуальной культуры самой психологии.

Российская идеологически ангажированная психологическая парадигма модернизма, направленная на изменение самой природы человека (личности коммунистического общества», на отрицание старого и его демонтаж, построение идеальных сообществ (коллективов высокого уровня развития) с «всесторонне развитыми» строителями с ос-

новным принципом «цель оправдывает средства» уже ушла в прошлое.

Мы уже неоднократно писали, что интегративная психология как способ и культура постмодернистского мышления осуществляет совокупность определённых принципов научного существования:

- использование и интроекция в поле психологического мышления культурного и познавательного потенциала предшествующих исторических периодов;

- радикальный плюрализм и толерантность;

- стирание границ между массовой и элитарной психологическими культурами, субкультурами Востока и Запада, через разнообразие психологического языка;

- равноправие стилей мышления и познавательных парадигм психологии, признание их самоценности;

- конвенциональность психологического знания, то есть психология как наука уже имеет в социальной культуре определенный набор устойчивых характеристик, выделенных в качестве значимых.

Язык, ценности, исследовательские стратегии интегративной психологии обращены ко всему социуму вне всякой дифференциации, учитывая весь спектр интересов и настроений различных социальных групп, применяя универсальные, основанные на общих антропоцентрированных ценностях и убеждениях смыслы и методы. На наш взгляд, это наиболее перспективные стратегии и принципы новой традиции науки.

ПРОБЛЕМЫ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ СУЩНОСТИ СОЗНАНИЯ

Корниенко А.Ф.

Академия социального образования, г. Казань

Понятие "сознание" наряду с понятием "психика" относится к центральным категориям психологии. Исследованию явлений сознания на протяжении всей истории психологии всегда предавалось особое значение. Однако каких-либо существенных сдвигов в понимании сущности сознания до сих пор не достигнуто. Как отмечает В.П. Зинченко, "к сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячу лет своего существования и развития пришли к сколь-нибудь

однозначному определению сознания" [6, с. 11]. "О чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, — пишет В.М.Аллахвердов, — на самом деле никому не известно", и он называет сознание "глубочайшей тайной психологической науки" [3, с. 52].

Длительное время понятие "сознание" трактовалось крайне расширительно и использовалось фактически как синоним понятия "психика". Психическое рассматривалось как сознательное, психические феномены признавались как феномены сознания. Для характеристики этих феноменов в работах Ф. Brentano [4] и Э. Гуссерля [5] было введено понятие "предметной интенциональности". Содержание сознания и, соответственно, психики считалось доступным человеку благодаря процессам "внутреннего (рефлексивного) восприятия". "Потребовались века, — отмечает А.Н. Леонтьев, — чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного" [8, с. 166]. Тем не менее, и сейчас довольно часто можно встретить использование термина "сознания" в более широком понимании, эквивалентном понятию "психика". Как отмечает Г.В. Акопов, "явное или неявное отождествление сознания и психики устойчиво воспроизводится на протяжении всей истории отечественной психологии" [2, с. 22].

В настоящее время считается, что сознание представляет собой высший уровень развития психики. Однако, учитывая, что в психологии до сих пор нет удовлетворительного определения понятия "п" в психологии появляются настолько экстравагантные представления о сознании, что приходится только удивляться. Например, в работе В.М. Аллахвердова сознание определяется как "специальный механизм, принимающий решение о том, что осознавать, а что — не осознавать" [3, с. 310]. И в дополнение к этому в работе его ученика А.Ю. Агафонова указывается, что "любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания" [1, с. 11]. Получается, что под сознанием понимается некий механизм, способный самостоятельно, независимо от человека, которому присуще это сознание, принимать решение о том, что надо осознавать, а что — не надо, и делает это неосознанно!!! Опубликованная А.Ю. Агафоновым в 2007 году монография так и называется "Когнитивная механика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознании". Комментарии, как говорится, излишни.

Более приемлемыми и принимаемыми большинством отечественных психологов являются определения сознания, сформулированные С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что они также не могут быть признаны удовлетворительными. По определению С.Л. Рубинштейна "сознание — это специфическая форма отражения объективной действительности, существующей вне и независимо от него" [9, с. 20]. Очевидным недостатком этого определения является то, что без каких либо поправок и дополнений его можно использовать и по отношению к понятию "психика". Утверждение С.Л. Рубинштейна о том, что "в психологическом плане сознание выступает реально, прежде всего, как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя", по сути своей тавтологично, поскольку понятие "сознание" определяется через понятие "осознание", которое включает в себя исходное понятие "сознание".

Определение сознания, предложенное А.Н. Леонтьевым, в котором утверждается, что "сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [8, с. 166], представляется более корректным. Однако учитывая, что в общем случае субъективная картина мира обозначается понятием "психика", получается, что "сознание" — это "психика", но с добавлением образа "Я". Данное определение, конечно же, позволяет говорить о нетождественности понятий "сознание" и "психика" и рассматривать сознание как высший уровень развития психики. Но если под сознанием понимать психику с добавлением образа "Я", то возникает вопрос: "В результате какого психического процесса этот образ появляется в психике?". Как указывал С.Л. Рубинштейн, "...психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т.д.) — это, по существу, психический процесс в его результативном выражении" [9, с. 36].

Проблема в определении сознания, на наш взгляд, состоит в ианrsid4462364классификаций психических процессов. Обычно оно рассматривается не как психический процесс, а как некоторое интегративное образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы. "Трактовка сознания как интеграции психиче-

ских процессов, — отмечает Г.В. Акопов, — достаточно распространенный способ определения сознания в психологии" [2, с. 21].

Предлагаемое нами решение проблемы с определением сознания состоит в рассмотрении сознания не как особой психики с добавлением образа "Я" или ее интегративного качества, а как особого психического процесса, относящегося к категории познавательных, благодаря которому этот образ "Я" собственно и возникает в психике субъекта [7]. Образование связей образа "Я" с другими образами, возникающими в психике благодаря другим психическим процессам, есть не что иное, как процесс осознания. Совокупность всех образов, связанных с образом "Я", включая сам образ "Я", можно рассматривать как область "сознательного" в психике человека. Остальные образы, имеющиеся в психике, но не связанные с образом "Я", составляют, соответственно, содержание области "бессознательного". Очевидно, что такое понимание сознательного и бессознательного согласуется с утверждением К. Юнга о том, что "сознание и бессознательное не имеют четко очерченных границ; одно начинается там, где отступает другое" и что психика человека "представляет собой сознательно-бессознательное целое" [10, с. 397].

Таким образом, признавая сознание высшим уровнем развития психики, присущего человеку, его можно рассматривать как особый познавательный психический процесс, в результате которого в психике человека возникает образ его самого, т.е. образ "Я". Процессы осознания, протекающие в психике, могут рассматриваться как процессы внутреннего или рефлексивного восприятия, о которых говорилось в работах Ф. Brentano и Э. Гуссерля.

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара: ИД "Бахрах-М", 2007. – 336 с.
2. Акопов Г.В. Проблема сознания в российской психологии: Учеб. пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО "МОДЕК", 2004. – 232 с.
3. Аллаhverдов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Издательство "Речь", 2003. – 368 с.
4. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Вопросы психологии, 1995. № 2. С. 148-171.
5. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология /Пер. А.В. Денежкина //Логос, 1992. № 3. С. 62-81.
6. Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию //Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения.

М.: ООО "Издательство АСТ и др., 2004. С. 11-15.

7. Корниенко А.Ф. Понятие о сознании как высшем уровне развития психики //Сибирский психологический журнал, 2010. № 36. С. 20-26.

8. sttext10.

ОБНОВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Коробейникова Е.В.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

В последние два десятилетия в России происходят многоплановые и противоречивые общественно-экономические трансформации. Не исключением являются и отечественные предприятия, основной вектор развития которых на ближайшую перспективу определен руководством страны однозначно как широкомасштабная кардинальная модернизация и инновационное развитие.

В переходных условиях изменяются требования не только к организационной системе в целом, но и к личности субъектов принятия решений — менеджеров. Новые требования обуславливают постановку задачи обновления управленческих кадров. Актуальность этой задачи подчеркнута на самых высоких уровнях государственного управления. Так, в Указе Президента РФ Д.А. Медведева отмечено, что в нашей стране необходимо создать целостную систему воспроизводства и обновления профессиональной элиты эффективных менеджеров [4].

У психологической науки есть своя роль в решении сложных задач совершенствования менеджмента. К настоящему времени проведено немало психологических исследований, раскрывающих особенности личности эффективного менеджера. Большая часть этих исследований проведена в странах с традиционной рыночной экономической системой, ориентированной на инновации. Поэтому практически не рассмотрены вопросы обновления менеджерского корпуса в условиях, диктующих принципиальные изменения парадигмы управления. В частности, недостаточно изучено соотношение и взаимовлияние средовой составляющей, проявляющейся в форме социально-психологических особенностей организационных условий, и субъект-

ной составляющей управления, центральным элементом которой является личность менеджера. Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что принцип взаимосвязи личности и социальной среды традиционно рассматривается в отечественной психологии как ключевой механизм, влияющий на важнейшие характеристики деятельности субъекта. Исследования показывают незначительное присутствие инновационного компонента в социально-психологическом контексте предприятий [5], что существенно затрудняет развитие модернизационных процессов.

На протяжении последних пяти лет автором статьи ведется исследование, направленное на выявление психологических характеристик эффективных менеджеров. Одним из основных результатов этих исследований является то, что качества менеджера, оцениваемого и вышестоящим менеджментом, и большей частью персонала, принципиально различны в организационных культурах разного типа [1], [3]. Эти данные обуславливают постановку новой исследовательской цели — выявить индивидуально-психологические и социально-психологические детерминанты эффективности процесса обновления управленческих кадров и разработать научно обоснованные критерии, которые при их использовании позволят эффективно решать задачи обновления менеджерского корпуса в условиях целенаправленного изменения системы управления предприятием. В проведенном исследовании использовались методы: включенное наблюдение, изучение документации, метод организационной диагностики, метод экспертных оценок, анкетирование, беседа, психодиагностический метод. В качестве конкретных диагностических методик применялись: авторская методика «Анализ парадигмы управления организации»; тест диагностики системы самоидентификации М. Куна и Т. Макпартленда; методика «Характеристики принятия решений в конкретных ситуациях со скрытым ценностным противоречием» Л.Н. Захаровой; тест «Способность к лидерству» Р.С. Немова; тест «САН», разработанный В.И. Доскиным, Н.А. Лаврентьевой, М.П. Мирошниковым и В.Б. Шарай; тест Э. Ландольта; методика MSAI «Рейтинговая оценка эффективности управленческих навыков» К. Камерона и Р. Куинна. Применены методы математической статистики: метод ранговой корреляции r_s Спирмена, непараметрические критерии Т. Вилкоксона и U Манна-Уитни. В качестве испытуемых в исследовании приняли участие 424 менеджера началь-

ного, среднего и высшего звена управления и 248 сотрудников, рекомендованных в кадровый резерв, работающих на пяти предприятиях с разными парадигмами управления (ПУ).

По результатам эмпирического исследования установлено следующее.

1. Обновление управленческих кадров в настоящее время происходит в двух основных формах: спонтанно идущий процесс реагирования менеджмента на возникающие кадровые проблемы; процесс, управляемый на основе процедур оценки и выдвижения кадров в управленческий резерв. В первом случае решения имеют ситуативный и весьма субъективный характер. Во втором случае в управленческий резерв выдвигаются сотрудники организации, обнаружившие в процедурах оценки необходимые индивидуально-психологические качества, позволяющие оценить их как наиболее пригодных для решения управленческих задач. Комплекс индивидуально-психологических особенностей менеджера, обеспечивающих его оценку как эффективного, зависит от сложившихся на предприятии социально-психологических условий — конкретной ПУ — это исходное ценностно-целевое образование, соединяющее воедино организацию на каждом этапе ее существования [2]. Слабой стороной этого процесса является то, что оценивается не столько профессиональная перспективность менеджера, сколько его соответствие требованиям ПУ текущего момента.

2. Представляется, что процесс обновления менеджмента может быть системным и полидетерминированным. Его суть состоит в совершенствовании системы управления в организации за счет развития у работающих менеджеров характеристик, востребованных в новых условиях, а также посредством пополнения различных уровней управления сотрудниками, которые уже обладают необходимыми характеристиками.

3. Психологическим условием эффективного обновления менеджерского корпуса в ситуации организационных изменений является оптимальное сочетание индивидуально-психологических особенностей претендента на управленческую должность и характеристик ПУ в ее перспективной динамике.

4. Управление процессом обновления на основании научно обос-

нованных критериев способствует снижению среди персонала сопротивления внедряемым организационным изменениям, тем самым, обеспечивая наиболее быстрый переход организации на новый уровень развития. Это имеет особое значение при переходе предприятия к инновационно-рыночной парадигме.

Список литературы

1. Захарова Л.Н. Диагностика ценностных ориентаций и прогнозирование профессиональной перспективности менеджера // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Кисловодск – Ставрополь - Москва: СевКав ГТУ, 2006. С.134-137.

2. Коробейникова Е.В. Парадигма управления как системная социально-психологическая характеристика организации// Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2009. №1. С.294-301.

3. Коробейникова Е.В. Эффективность управленческой деятельности: индивидуально-психологические, психофизиологические и организационные детерминанты// Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Москва: Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, АНО УМО «Инсайт», 2005. С. 219-221.

4. Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2008 г. № 1252 / <http://www.kremlin.ru/>

5. Zakharova L., Yarmakhov B., Kuzmina S. Unconscious Value Conflicts of Managers As Organizational Innovative Development Barriers // Sociological, educational and psychological problems of organization and management// Wyższa Szkoła Komunikacji i Zarządzania in Poznań. Poznan, 2009. P. 45-52.

ТРАНСЛЯЦИЯ СЕМЕЙНОГО ОПЫТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Королёва Алёна Анатольевна

*Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль*

Все мы являемся звеньями в цепи поколений, и порой нам приходится к собственному удивлению, «оплачивать долги» прошлого наших предков. Эта своеобразная «невидимая преданность семье» подталкивает нас к неосознанному повторению приятных ситуаций или печальных событий. «Мы менее свободны, чем полагаем...» — пишет известный психотерапевт, профессор психологии в университете Ниццы и основоположник трансгенерационного подхода Анн Анселин Шутценбергер (Anne Ancelin Schutzenberger), подчеркивая при этом,

что каждый из нас является частью общей для всех истории и даже самые отдельные события гораздо ближе к отдельному человеку, чем можно себе представить [3].

Трансгенерационный подход интенсивно начал развиваться в 60–70-е годы XX века. В его основу легли идеи З.Фрейда, К.Г. Юнга, М.Боуэна, Ф.Дольто, Н.Абрахама, И.Бузормени-Надя, а также взгляды Н.Абрахам, М.Терек и др.

Интегрируя различные взгляды на проблему трансгенерационной передачи (передачи семейного опыта из поколения) А.А.Шутценбергер (Schutzenberger A.A.) создает новое направление в семейной психотерапии — *психогенеологию*, методом которой является *трансгенерационная психогенеологическая контекстуальная терапия*. Один из основных «инструментов» этой терапии — *геносоциограмма* — позволяет проанализировать сложное сплетение семейных историй, выявить связи между поколениями, которые представлены в жизни человека как бессознательное повторение опыта (как правило, драматического) предшествующих поколений. [3, с. 99].

Проводя свои исследования с помощью геносоциограммы, А.А. Шутценбергер пришла к выводу, что практически в каждой семье существуют события, которые влияют на судьбу последующих поколений. Следовательно, можно предположить, что наше отношение к жизни, наши успехи и неудачи, выбор профессии, партнера и даже возраст, в котором мы решаем вступить в брак, могут быть предопределены событиями, которые произошли в нашей семье за несколько поколений до нашего рождения.

Фактически, трансляция семейного опыта играет существенную роль в судьбе человека и том жизненном сценарии, который «пишет» каждый из нас.

Одним из первых на это обратил внимание основатель фундаментального направления в глубинной психологии — *судьбоанализа* — Л.Сонди. По мнению Л. Сонди, человек в жизни стремится реализовать притязания своих предков. Особенно ярко их влияние обнаруживается, как считает автор, в важные моменты жизни, имеющие судьбоносный характер: когда человек совершает свой профессиональный выбор или ищет место работы, выбирает спутника жизни. Таким образом, решая важнейшие вопросы самоопределения, своего жизненного пу-

ти, он не является совершенно «свободным», поскольку в своем лице представляет род, своих прародителей, делегировавших ему «поручения» [4 с. 34].

Близкие идеи о роли трансляции семейного опыта в судьбе человека развивает основатель транзактного анализа Э. Берн. Описывая различные варианты воздействия семьи, отдельных ее членов на личность ребенка, он использует понятие-метафору «сценарий»: «Сценарий — это постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется... еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора» [1]. Это своего рода бессознательное принятие ребенком предписывающего «образа» будущей взрослой жизни — судьбы «победителя» или «побежденного», «неудачника». Истоки многих жизненных сценариев, по Э. Берну, лежат даже не в родительской семье, а в более ранних поколениях.

Очень важно, считает Берн, *что* именно знает человек о своих прародителях и прапрародителях, какие испытывает чувства по отношению к ним. На основе конкретных чувств к прародителям и определенного отношения к ним развивается тот или иной сценарий в жизни каждого человека.

Несмотря на пристальное внимание многих ученых к данной проблематике здесь остается довольно много «белых пятен». Так, например, в контексте теории жизненного сценария остается нерешенным вопрос о механизмах передачи сценария из поколения в поколение. Здесь интерес представляют различные способы и средства трансляции того или иного сценария. Достаточно интересным и до сих пор малоизученным остается вопрос о том, каким образом трансгенерационные факторы (факторы семейной истории: травмы, коалиции, тайны и т.д.) влияют на само содержание сценария. Будет ли он успешным под влиянием прошлого или же это будет сценарий «неудачника»? А также, фигуры каких предков оказывают наибольшее влияние на наш сценарий?

Эти вопросы послужили обоснованием исследования, посвященного влиянию трансгенерационного фактора на формирование жизненного сценария. В исследовании мы главным образом опирались на

идеи представителей трансгенерационного подхода (А.А. Шутценбергер, Н. Абрахам, М.Терек, И.Бузормени-Надь и др.), транзактного анализа (Э. Берн) и судьбоанализа (Л. Сонди).

В рамках данного исследования мы полагаем, что трансгенерационная передача семейного опыта определяет судьбу человека, выстраивая определенным образом его жизненный сценарий. В основу исследования легла идея Э.Берна о том, что истоки многих жизненных сценариев лежат не столько в родительской семье, сколько в более ранних поколениях. Следовательно, для изучения жизненного сценария не достаточно ограничиться изучением лишь одного индивида, необходимо погрузиться глубоко в прошлое, обратиться к тому, что давно забыто, к истории наших прауродителей.

Нас, главным образом, интересует то, какие трансгенерационные факторы лежат в основе формирования жизненного сценария, какова доля родовой истории в передаче сценария, и существуют ли определенные закономерности в его формировании.

Основную методологическую базу нашего исследования составляет метод геносоциограммы, предложенный А.А. Шутценбергер (Schutzenberger A.A.). Этот метод позволяет исследовать историю рода в нескольких поколениях, проследить трансгенерационные связи, а также выявит наиболее значимые трансгенерационные факторы, влияющие на судьбу человека.

Следовательно, выстраивая внутривидовые связи, прослеживая семейную историю и анализируя наиболее ярко прослеживаемые межпоколенные феномены, будь то трансгенерационные повторения или тайны, мы более ясно начинаем осознавать роль трансгенерационной передачи в формировании жизненного сценария конкретного индивида.

Таким образом, исследование семейной истории и ее влияния на формирование жизненного сценария позволит существенным образом расширить теоретические представления в рамках трансгенерационной проблематики: выявить закономерности передачи сценария из поколения в поколение, определить роль предшествующих поколений в сценарии нынешнего поколения, а также обозначить наиболее типичные трансгенерационные факторы, оказывающие наибольшее влияние на процесс формирования и на само содержание сценария.

Кроме того, результаты исследования будут полезны с практической точки зрения, так как будут способствовать повышению профессиональной компетентности практикующих психологов в рамках данной проблематики, а также расширению методологической базы в работе с клиентами.

Список литературы:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.: Университетская книга; М.: Аст, 1996. 399 с.
2. Сонди Л. Судьбоанализ /Липот Сонди; [статьи; пер. с нем. А. В. Тихомиров]. – М.: Три квадрата, 2007.
3. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы / пер. с нем. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.
4. Юттнер Ф. Судьбоанализ в выводах / пер. с нем. А.В.Тихомирова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 262 с.
5. Юттнер Ф. Судьбоанализ Липота Зонди// «Психология судьбы»/ Сборник статей по глубинной психологии./ 2-е изд., исправленное и дополненное./ Под общ. Ред. д.ф.н. проф. Куликова В.Б. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 1994. №1.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Коротаева А.И.

*Ярославский государственный педагогический университет,
г. Ярославль*

Одной из подструктур социальной идентичности, сосуществующей в самосознании человека в единстве с представлениями о семейном, профессиональном, образовательном статусе является гендерная идентичность. Идентичность, согласно Э. Эриксону [3], — это чувство самоидентичности, полноценности, сопричастности миру и другим людям. Идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной цельности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире. Обладать идентичностью, ощущать себя, свою жизнь как личности неизменной, независимо от ситуации и роли. Кроме того, осознавать и переживать прошлое, настоящее и будущее как единое целое.

Гендерная идентичность — это одна из подструктур идентичности личности и может быть охарактеризована как самоопределение человека, его принадлежность к мужской или женской группе. Она на-

чинает формироваться с рождения ребенка, когда определяют его пол. Начинается процесс гендерной социализации, в ходе которого ребенка целенаправленно воспитывают таким образом, чтобы он соответствовал принятым в данном обществе представлениям о маскулинности и феминности.

Понимание термина «гендерная идентичность» для многих исследователей неоднозначно. Например, Н.К. Радина определяет ее как принадлежность к той или иной социальной группе на основе полового признака. Т.В. Бендас рассматривает гендерную идентичность как отождествление себя с определенным полом, отношение к себе как к представителю определенного пола, освоение соответствующих ему форм поведения и формирование личностных характеристик. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина говорят о социально-психологическом феномене, продукте и процессе конструирования субъектом себя и социальной реальности посредством конструкторов маскулинности и феминности. И.С. Клёцина понимает под гендерной идентичностью аспект самосознания, описывающий переживание человеком себя как представителя определенного пола. Предложенные определения отмечают согласованность гендерной идентичности со всеми личностно принимаемыми образами «Я».

Гендерная идентичность младших школьников способствует успешному развитию личности ребенка в целом, формированию социально — приемлемых моделей поведения, основанных на личных интересах, потребностях, ценностях ребенка. Гендерная идентичность способствует адаптации ребенка в школьной среде.

Гендерная идентичность представляет собой результат особого процесса согласования факторов, который протекает в субъективном, внутреннем психологическом пространстве личности. В ходе этого процесса человек решает задачу принятия или выработки способов социокультурной презентации своих анатомических качеств в той манере и форме, которая отвечает его индивидуальным личностным особенностям. Отсюда следует, что вариант гендерной идентичности – это сочетание различных свойств и качеств, которыми личность сама характеризует свою гендерную идентичность через гендерные представления о себе, гендерную самооценку, гендерные планы, способы и структуры поведения.

Среди 180 учащихся 2-х и 4-х классов общеобразовательных школ №7 и №43 г. Ярославля были проведены данные методики. В исследо-

вании приняли участие 90 мальчиков и 90 девочек. В исследовании участвовали смешанные группы.

Для изучения взаимосвязи гендерной идентичности с уровнем адаптации были использованы: проективная рисуночная методика «Мальчик и девочка» и анкета–опросник «Мотивация учения и адаптация ребенка к школе», предложенная Овчаровой [2]. Рисуночная методика была использована с целью выявления наиболее типичных гендерных признаков, отраженных учащимися в изображении мальчика и девочки. В силу имеющихся у детей разного уровня сформированности гендерных представлений, возможен широкий разброс субъективных гендерных признаков в изображении представителей своего и противоположного пола. Кроме того, методика позволяет уточнить эмоциональный и оценочный компонент проективных характеристик изображенных. Рисунки испытуемых подвергались качественному и количественному анализу. Анкета–опросник позволяет диагностировать активность внутренних стимулов учения. Мотивация является внутренним побуждением, которая активизирует внутренние стимулы учения. По изменениям этого параметра можно судить об уровне школьной адаптации ребенка, степени овладения учебной деятельностью.

Целью проведенного исследования было выяснить взаимосвязь между степенью сформированности гендерной идентичности и уровнем мотивации учения и адаптации к школе. Корреляция между гендерной идентичностью и уровнем мотивации учения и адаптации к школе (величина r , по Спирмену при $p \leq 0,05$) во втором классе: мальчики — 0.476, девочки — 0.773; в четвертом классе: мальчики — 0.546, девочки — 0.84.

В результате исследования выявлены положительные статистически достоверные связи между сформированной гендерной идентичностью и мотивации учения и адаптации к школе. Таким образом, чем более четко у младшего школьника сформирована гендерная идентичность, тем более успешным учащимся он является.

Данную особенность можно объяснить несколькими факторами, оказывающими влияние на младшего школьника. Так, в школе учитель стремится в совместных играх и занятиях, в общем труде, поощрять «мужские» и «женские» роли детей согласно их биологическому полу. Поведение, нехарактерное для данных ролей порицается. Предполага-

ется, что освоить типично феминную роль девочке легче, чем мальчику. Причиной тому является ситуация, при которой с рождения с ребенком больше времени проводит мать, чем отец. Девочка изначально развивается по нужной «схеме». Кроме того, в начальной школе девочки демонстрируют более высокий уровень социальной ответственности и большую, чем мальчики, гибкость, способность вербально и невербально демонстрировать социально одобряемые формы поведения. Кроме того, большинство педагогов в школе – женщины. Девочки более скрытны и очень рано начинают понимать, какими хотят видеть их окружающие и чего ждут от них. Они послушнее, приветливее и ласковее с чужими.

Гендерная идентичность мальчиков формируется иначе. Так, согласно исследованиям А.И. Захарова [1] в период раннего детства большинство мальчиков идентифицирует себя с матерью, и только позднее с отцом. Наиболее интенсивно данный процесс происходит в младшем школьном возрасте, когда происходит половая сегрегация — образование однополых групп. Именно в «мальчишечьей» группе мальчики усваивают типично маскулинные нормы и ценности, которые помогают им социализироваться в дальнейшем.

В начальной школе учителя уделяют больше внимания мальчикам, ожидая от них более высоких результатов там, где требуется абстрактное мышление, и более высоко оценивают их работу. Предполагается, что девочка должна знать, а не сомневаться в истинности и полноте знаний. Мальчиков ориентируют на достижения, на преодоления трудностей, на более высокий уровень притязаний. В большинстве случаев неуспех девочек учителя объясняют отсутствием способностей, тем самым меньше настраивая их на работу, а плохие успехи мальчиков связываются с недостатком трудолюбия, усилий, поэтому их стимулируют работать больше, чтобы добиться успеха.

Список литературы:

1. Захаров А.И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии, 1982. - № 1. С. 59 - 67
2. Овчарова Р.В. Практическая психология в начальной школе. М.: ТЦ «Сфера», 1996 – 240 с.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006 – 342 с.

ДИСПОЗИЦИИ ЗАЩИТНОГО И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА⁴

Кружкова О.В.

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург

Человек вырабатывает особые формы защитного и совладающего поведения для нейтрализации и преодоления действия стресс-факторов среды, которые способствуют или не способствуют его адаптации и восстановлению субъективного психического благополучия. Любая среда как фактор развития человека может быть стабилизирующей и движущей [1]. В стабилизирующей среде поведение субъекта приспособлено к существующим условиям и появление новообразований или изменчивости его поведения маловероятно. В движущей среде субъект может оказаться в ситуации лабилизации, и вынужден вырабатывать новые формы поведения. Движущая среда не всегда субъективно понимается человеком как безопасная и благополучная, и развитие часто сопряжено с переживанием кризисных, стрессовых моментов взаимодействия со средой. Снизить беспокойство и волнение и регулировать внутренний эмоциональный баланс призваны защитное и совладающее поведение, которые в случае присутствия угрожающего стимула активизируются для защиты и приспособления личности к среде и ее собственным переживаниям.

Защитное и совладающее поведение многообразны по формам своего проявления и наполненности конкретными элементами или стратегиями. Часть исследователей указывает на различие в модальностях отдельных копинг-стратегий (В. Виталиано, Е. Коплик, Р. Моос, Дж. Шеффер, Э. Хайм, Р.М. Грановская, И.М. Никольская) и выделяют когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии совладания. Первые направлены на когнитивную переработку информации и тесно связаны с особенностями функционирования познавательных процессов. Вторые подразумевают изменения в переживании ситуации и особые формы эмоционального реагирования на нее. Поведенческие

⁴ Исследование проводится в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2450.2011.6

стратегии предполагают формирование и реализацию отдельных поведенческих актов, способствующих изменению ситуации или положению индивида в ней.

По нашему мнению, все защитные и совладающие действия субъекта по отношению к стресс-факторам внешней среды могут быть сведены к четырем основным диспозициям поведения: контроль, изменение дистанции, блокирование информации, преобразование [2].

Под диспозицией в общем смысле понимается достаточно устойчивая предрасположенность личности к определенному характеру и четкой последовательности поведенческих актов. В нашем случае диспозиция защитного и совладающего поведения — это устойчивая ориентация личности в стрессовых средовых условиях или при возникновении ощущения угрозы действовать определенным образом по отношению к себе или к среде с целью сохранения позитивного состояния, преодоления стресса, совладания с его последствиями.

Каждая диспозиция может содержать перечень копинг-стратегий, подразделяющихся на модальности (когнитивную, эмоциональную и поведенческую). В итоге мы получаем следующую теоретическую модель диспозиций защитного и совладающего поведения личности в условиях среды:

1) диспозиция «Блокирование информации» — сохранение пространства взаимодействия. Разрешение ситуации и преодоление стрессового воздействия происходит за счет временной приостановки взаимодействия субъекта со средой, укрытия от среды, отрицания наличия угрозы. Одним из вариантов может быть перевод коммуникации на более поверхностный уровень с ограничением потока личностно значимой информации;

2) диспозиция «Контроль» — установление контроля за характеристиками субъекта и объекта взаимодействия (личности и среды), посредством регуляции собственных реакций на средовое воздействие, сдерживание себя, ограничение действия среды и контроль за сохранением ее особенностей. Фактически данная диспозиция предполагает временное «замораживание» взаимодействия и его порционное подконтрольное субъекту развертывание;

3) диспозиция «Изменение дистанции». Ее действие направлено

на изменение пространства взаимодействия, когда самопроизвольно субъект может удалиться от травмирующей ситуации или же изгнать путем нападения носителей стрессогенного воздействия (принцип: лучшая защита — нападение);

4) диспозиция «Преобразование». Данная диспозиция предполагает активное изменение характеристик субъекта или среды: санкционированное или самопроизвольное преобразование внешнего пространства для повышения его комфортности и снижения степени его травматичности для субъекта или же изменение его самого и его особенностей под требования среды.

Можно заметить, что указанные диспозиции объединяются в полярные пары: Блокирование информации – Изменение дистанции, Контроль – Преобразование. Также они делятся на динамические (Изменение дистанции, Преобразование) и статические (Блокирование информации, Контроль).

С целью наполнения теоретической модели эмпирическими данными и подтверждения ее на практике нами было проведено пилотажное исследование среди студентов вузов (95 человек) на выявление особенностей защитного поведения (методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика) и совладающего поведения (методики: «Копинг-тест» Р. Лазаруса, «Преодоление трудных жизненных ситуаций» В. Янке и Г. Эрдманна).

Результаты факторного анализа позволили сделать следующие выводы относительно диспозиций защитного и совладающего поведения субъекта:

1) выделяются 8 самостоятельных факторов, объясняющих в совокупности 71 % общей дисперсии, первые четыре из которых состоят в основном из разнообразных копинг-стратегий, а другие 4 – из защитных механизмов в сочетании с отдельными копинг-стратегиями;

2) после анализа компонентной наполненности факторов можно предположить, что 1-й и 6-й факторы описывают диспозицию «Изменение дистанции» (табл.), 2-й и 5-й факторы – диспозицию «Контроль», 3-й и 7-й факторы – «Блокирование информации», 4-й и 8-й – «Преобразование»;

Таблица

Данные по эмпирической наполненности диспозиций защитного и совладающего поведения

Диспозиция	Виды копинг-стратегий в соответствии с их модальностью			Защиты
	когнитивные	эмоциональные	поведенческие	
Блокирование информации	Снижение значимости стрессовой ситуации (f3; 0,612)	Самооправдание (f3; 0,530) Самоодобрение (f3; 0,439); (f7; 0,401)	Замещающие действия (f3; 0,784) Отвлечение (f3; 0,774) Психомышечная релаксация (f3; 0,745)	Отрицание (f7; 0,765)
Изменение дистанции	Заезженная пластинка (f1; 0,478) Снижение значимости стрессовой ситуации (f1; 0,405)	Жалость к себе (f1; 0,877) Беспомощность (f1; 0,861) Агрессия (f1; 0,752) Самообвинение (f1; 0,723)	Социальная замкнутость (f1; 0,806) Бегство от стрессовой ситуации (f1; 0,789) Прием лекарств (f1; 0,751)	Регрессия (f6; 0,464) Проекция (f6; 0,648) Замещение (f6; 0,820)
Контроль	Положительная переоценка (f2; 0,384) Заезженная пластинка (f2; 0,371)	Самоконтроль (f2; 0,806); (f5; 0,518) Позитивная самомотивация (f2; 0,719) Самоодобрение (f2; 0,497)	Контроль над ситуацией (f2; 0,882) Самоутверждение (f2; 0,778) Антиципирующее избегание (f2; 0,777) Планирование решения проблемы (f2; 0,386)	Подавление (f5; 0,418) Интеллектуализация (f5; 0,713) –Регрессия (f5; –0,411)
Преобразование	Положительная переоценка (f4; 0,565) Дистанцирование (f4; 0,501)	Самоконтроль (f4; 0,563)	Поиск социальной поддержки (f4; 0,791); (f8; 0,781) Принятие ответственности (f4; 0,760) Бегство-избегание (f4; 0,720) Конфротативный копинг (f4; 0,501) Планирование решения проблемы (f4; 0,438)	Компенсация (f4; 0,368)

Примечание: в скобках указаны фактор и вес переменной, как компонента данного фактора.

3) очевидно, что некоторые копинг-стратегии могут в себе содержать «смешанные» характеристики, и встречаться в составе разных диспозиций.

Литература:

1. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 1979.-400 с.
2. Кружкова О.В., Воробьева И.В. Копинг-поведение в условиях городской среды // Психология совладающего поведения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–25 сент. 2010 г. В 2 т. Т. 1. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. С. 150 – 153.

**ИЗМЕНА РОМАНТИЧЕСКОГО ПАРТНЕРА КАК ТРУДНАЯ
ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ И СПОСОБЫ СОВЛАДАНИЯ С НЕЙ**

Крюкова Т.Л., Смирнова-Аристова Н.А.

Кострома, Костромской государственный университет

и. Н.А. Некрасова

tatdudar06@mail.ru

Нами исследуется совладающее поведение в ситуации, которая угрожает психологическому комфорту человека, его самооценке и воспринимается как трудная. Это ситуация измены партнера по романтическим отношениям как высоко избирательным и относительно устойчивым и продолжительным отношениям между мужчиной и женщиной, основанным на сильных положительных эмоциях, физиологически обусловленных сексуальными потребностями и выражающихся в стремлении каждого из партнеров быть уверенным во взаимности чувств [2, 1]. Совладание с такой ситуацией требует немалых личностных ресурсов человека. Предположение о том, что доверие к себе и партнеру может выступать как один из ресурсов совладания, помогающих человеку справиться с трудной жизненной ситуацией проверялась в эмпирическом исследовании. Изучалась взаимосвязь психологических защит и совладающего поведения [3] с доверием субъекта к своему романтическому партнеру (выборка из 40 чел.). Полученные результаты подтвердили ее не полностью. Оказалось, что все испытуемые имеют высокий уровень доверия к себе (методика Т.П. Скрипкиной); выбирают проблемно-ориентированный стиль совладания (мето-

дика Копинг-поведение в стрессовых ситуациях, Крюкова Т.Л.); защитные механизмы (по Келлерману-Плутчику) выражены ярко, особо выделяются *проекция, гиперкомпенсация, рационализация*; большее доверие оказывают партнеру по шкалам предсказуемости, безопасности и заботы, меньше выражены показатели честности и надежности. Таким образом, испытуемые демонстрируют относительное недоверие партнеру в его верности, и соответственно, предполагают возможность измены. Но доверие к себе и ориентация на проблему делают совладание в ситуации измены партнера более успешным.

При оценке связей копинг-поведения с интерперсональным доверием значимой оказалась связь эмоционально-ориентированного стиля совладающего поведения с показателями доверия по шкалам «компетентность» ($p=0,04$) и «надежность» ($p=0,05$). Мы объяснили это тем, что эмоционально-ориентированный копинг предполагает большую сосредоточенность человека на своем состоянии, а не на решении проблемы. Оказание большего доверия партнеру может означать предрасположенность человека к тому, что решение проблемы будет переадресовано партнеру, а его компетентность послужит гарантией успешного разрешения трудности. В то же время эмоциональному человеку важно знать, что партнер всегда окажет помощь и поддержку. Это ощущение помогает людям, ориентированным на эмоции в преодолении сложных жизненных ситуаций, справляться с трудностями и проблемами. Получены значимые корреляции между несколькими переменными: механизма защиты *проекция* с обязательностью (обратная связь): человек, оценивая верность своего партнера данным им обещаниям, скорее всего, исходит из самооценки своей обязательности.

Подтверждения связи защитной *гиперкомпенсации* с привязанностью часты и в обычной жизни: неудача в значимой деятельности компенсируется улучшением отношений с романтическим партнером, сохранением психологического комфорта, эмоциональной близости и позитивной окраски отношений. Связь защиты *отрицание* с обязательностью и честностью обратная: чем более выражен механизм отрицания, тем меньше доверия к партнеру по шкале обязательности (причиной может выступать негативный прошлый опыт). Отрицая сам факт возможности обмана, человек стремится исключить саму ситуацию, не пропустить ее в сознание и не дать разрушить самооценку. Ин-

интересен и труден опыт людей, переживших измену партнера. Вследствие пережитой измены у испытуемых преобладали аффективные реакции, нервные расстройства, депрессия. Поддержку близких искали почти все. В основном, все испытуемые разрывали связь с партнером (в том числе, супругом). Некоторые указывали, что больше не хотят иметь романтические отношения (5 человек), опасаясь повторения стрессовой ситуации, но остальные вступили в повторный брак или начали новые отношения.

Таким образом, было установлено, что психологические механизмы защиты субъекта и стиль его совладающего поведения не связаны с доверием человека к себе как устойчивой личностной стилевой чертой, но имеется связь между ними и уровнем доверия человека к значимым другим.

Исследование 2 проверяло гипотезу о том, что переживание ревности одним из партнеров в романтических отношениях связано с характеристиками его личности, его удовлетворенностью отношениями и с поведением другого партнера.

Достоверной связи между реакциями ревности и эмоциональностью человека выявлено не было. Ни сила процессов возбуждения, ни сила процессов торможения, ни подвижность нервных процессов не были связаны с физиологическими или эмоциональными реакциями ревности (по Маслач, Пайнс). Оказалось, что эмоциональные реакции ревности в ситуации измены выражены сильнее, чем физиологические; женщины демонстрировали большую выраженность и физиологических и эмоциональных реакций ревности; ревность в большинстве случаев имела своей причиной наличие соперника; эмоциональные реакции ревности не были связаны с такими свойствами личности как невротичность, депрессивность, раздражительность, общительность, открытость, уравновешенность.

В дальнейшей работе предполагается провести сопоставление пар романтических партнеров, переживших измену как партнерских пар (диад) с опорой на качественные методы исследования. Исследование не только индивидуального, но и совместного, диадического копинга в столь трудной для индивида и диады ситуации как измена ранее не предпринималось. Будут изучаться факторы, которые способствовали переживанию измены и сохранению отношений в диаде, на-

пример, диспозиционный фактор — выявляться особые, отличительные черты партнеров, которые помогли им справиться с такой ситуацией. Также стоит задача рассмотрения способов совладания, применяемых в данной трудной жизненной ситуации.

Эмпирическую базу исследования составляют люди 19-23 лет (равное количество мужчин и женщин), которые имели опыт романтических отношений. С партнером их связывали чувства привязанности, присутствовали сексуальные отношения. В своих отношениях они пережили измену партнера не более 2-х лет назад. Контрольная группа состоит из людей, обладающими сходными демографическими характеристиками, но не переживавших измены в романтических отношениях с партнером.

В исследовании применяются следующие методы: Тематический апперцептивный тест Г. Мюррея (ТАТ), методика «Marital coping inventory» M.L. Bowman (1990) («Опросник супружеского копинга»), Опросник способов совладания (Лазарус и Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой), методика исследования уровня интерперсонального доверия (ИДУ, Н.А. Сорокоумова, О.В.Голубь), методика «Доверие к себе» (Скрипкиной Т. П.), феноменологическое полуструктурированное интервью о переживании человеком ситуации измены, о способах его адаптации к данной ситуации и поведении в ней; сказка, сочиняемая партнерами совместно, мульти-опросник привязанности (К.А. Бреннан, П.Р. Швейер), апробированный О.А. Екимчик (2007-2009), методика «Реакции на ревность» (К. Маслач и Е. Пайнс).

Полагаем, что решение проблем, поставленных в данном исследовании, вполне возможно и практически значимо: изучение измены как трудной жизненной ситуации способствует более глубокому ее пониманию, делает возможной помощь людям, оказавшимся в такой ситуации. Изучение пары как целого поможет выявить то поведение партнера, которое помогает пережить измену, выявить ресурсы человека, способствующие успешному преодолению этой трудной жизненной ситуации [4]. Оказание помощи людям, реальной поддержки в трудной жизненной ситуации возможно и необходимо, поэтому данное исследование вносит вклад в изучение измены и романтических отношений в целом.

Литература

1. Екимчик О.А. Ревность и совладающее поведение у людей с различными типами романтической привязанности // Материалы междунар. науч.-практ. конф./ отв. ред.: Е.А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007.
2. Кроник А.А., Кроник Е.А. Психология человеческих отношений. – Дубна: Когито-Центр, 1998.
3. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Монография. - Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
4. Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Куфтяк Е. В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. – СПб.: «Речь», 2005.

ЭРОТИКА И СЕКСУАЛЬНОСТЬ В СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ОСМЫСЛЕНИИ ПСИХОЛОГИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кунин Е.Е., Левицкая Е.В., Совитова Э.Т.

Казанский федеральный университет

ellasv@rambler.ru

На сегодняшний момент все более актуальной становится проблема в супружеских отношениях. Современные мужчины и женщины слабо осваивают реалии своего пола. Например, происходит смешение или отождествление понятий сексуальности и эротики, «эмоционального уровня отношений и психофизиологического» (Петрушин, 2005). Но сексуальность человека — это врожденная потребность и функция человеческого организма. Совокупность биологических, психофизиологических и эмоциональных реакций, переживаний и поступков человека, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения. А эротика — психологический аспект сексуальности, ее развития и проявления в общении, моде, искусстве и других сферах жизни человека. Эротика проявляется в супружеских отношениях не только и не столько в удовлетворении физиологической потребности, сколько, как потребность в эмоционально-чувственном контакте и общении между мужчиной и женщиной.

В эротическом общении человек проявляется во всей целостности своих личностных качеств. Для того, чтобы достичь этой целостности необходимо эротическое наполнение личностей мужа и жены. Оно затрагивает проявления пола брачных партнеров. Рассмотрение эротичности и сексуальности в их разнице и возможности пересечения, предоставляет возможность осмысления понятия пола в его целостном человеческом содержании.

Современная реальность характеризуется направленностью, прежде всего, на профессиональную и социально-статусную реализацию как мужчин, так и женщин. Конечной целью подобной реализации в настоящий момент все больше и больше становится достижение максимально высокого материального уровня жизни и уровня потребления. В этих условиях достижение гармонии в сексуальной жизни все чаще воспринимается мужчинами и женщинами как удовлетворение еще одной чисто материальной потребности. А потому и развитие отношений в этой области представляется почти по рыночному механизму: стимулирование потребности всеми доступными средствами (создание соответствующих образов через телевидение, кино, Интернет, глянцевого журналы) и предложение широкого спектра способов удовлетворения этой потребности.

В результате происходит все большая де-сакрализация половой сферы людей, вплоть до опошления. Вместо традиционной модели (еще сохраняющейся до сих пор в некоторых восточных культурах), где Эрос и связанная с ним сексуальность возвышают достоинство мужчины и женщины в их гармоничной половой самоидентификации и являются источником и физиологической базой для их личностного, творческого и духовного развития, нам предлагается рыночная модель, где сексуальность отчуждается от эротики и в тоже время с ней отождествляется. Современному человеку предлагается не возвышение в сексуальной жизни через эротическую наполненность его личности, а низведение себя и партнера до уровня объекта манипуляции и сексуального потребления.

Эротическая наполненность является самодостаточной ценностью в отношениях мужчины и женщины и может при осознанном к ней подходе проявляться при приглушенной и слабой сексуальности, укреплять семейные, брачные отношения. Для этого мужчинам и женщинам необходимо грамотно осваивать данное содержание, в современных условиях прикладывая для этого усилия не меньшие, чем для развития в профессиональной сфере.

Таким образом, дифференцирование эротики и сексуальности, выявление их самоценности позволит укрепить супружеские отношения и сформировать образ гармоничной половой самореализации в ее социо-культурном аспекте.

МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ

Куприянова Е. Н.,

МОУ «СОШ № 90 с углубленным изучением некоторых предметов»

г.Ижевск

Современное российское общество испытывает огромную потребность в психологическом образовании. Психологи выполняют сегодня миссию психологического просвещения, выступая в роли носителей и передатчиков психологической культуры. Главным инструментом деятельности психолога выступает его личность. Отсюда с необходимостью задается соответствующий характер требований к личности психолога: высокий уровень образованности и общей культуры, духовное богатство и зрелость, ценностные ориентации [3, с.158-159].

В условиях профессиональной деятельности и построения карьеры происходит профессиональное развитие психолога, реализация человеком себя, своих возможностей. В рамках психологии признается уникальность профессиональной биографии каждого работника, в которой есть карьерные циклы, сопровождающиеся периодами повышения квалификации, дополнительного обучения. Профессиональная успешность обеспечивается уровнем развития метаумений, так называемых компетенций. В направлении исследований субъектно-деятельностного подхода важное значение придается активности самой личности. Механизмами профессионального развития являются саморегуляция, саморазвитие, самоорганизация [4].

В условиях профессиональной деятельности имеются также факторы, препятствующие профессиональному развитию психолога: возрастные изменения, профессиональные деформации, усталость, длительная психическая напряженность, кризисы профессионального развития.

Возникающие на пути профессионального становления психолога барьеры (дефицит информации, недостаток самообладания, усталость, пространство и время) для одних людей могут стать непреодолимой преградой, для других — стимулами профессионального роста и развития [5].

Психологи, как и другие профессионалы, используют разнообразные стратегии для вхождения в профессиональную деятельность и адаптации к ней. Стратегия характеризует не только вектор действий и

поступков, но и вовлеченность личности в переживание происходящего, придающую профессиональному поведению своеобразные оттенки. Стратегии могут быть: «уверенная, социальная, гибкая, нормативная», «эмоциональная, когнитивная, коммуникативная», «субъективно ориентированная, объективно ориентированная», «активная, пассивная» и т.п. [2]. Исходя из стратегий адаптации к профессии формируются модели профессионального поведения. Аналогично классификации моделей мира человека, разработанной Г.Н.Малюченко и В.М.Смирновым (2006) [1], мы предлагаем рассматривать модели профессионального поведения психологов:

1) хаотическая модель (носит интуитивный, а не рациональный характер),

2) антагонистическая (психолог строит свою деятельность через борьбу)

3) механистически-технократическая (избегает неопределенности),

4) организмическая (старается поддерживать гармонию в социуме, строит свою деятельность на основе сотрудничества).

Психологи с хаотической моделью деятельности не строят долгосрочных планов, могут достаточно долгое время «плыть по течению», а затем резко и неожиданно изменить свою тактику. В окружающем мире для них нет устойчивого порядка, а, следовательно, нет порядка и в деятельности. Они не видят причин анализировать свои поступки, стремятся не к личностному росту, а к накоплению «навыков выживаемости». В профессиональной деятельности не стремятся мыслить рационально, а больше полагаются на интуицию, действуют импульсивно, по обстоятельствам. Любые кризисы, экстремальные ситуации вызывают у них не фрустрацию и депрессивные реакции, а приток энергии, спонтанную «творческую» активность. Профессиональная деятельность не рассматривается ими как призвание, а как возможность выжить в хаотическом мире, получить какие-то блага, удовольствия. Стиль общения с деловыми партнерами, коллегами, или начальством весьма неустойчив, может варьировать от манипуляций до излишней откровенности. Профессиональные «промахи» они не признают и списывают на волю случая.

Психологи при доминировании антагонистической модели мира

точно знают, как все должно быть устроено. У них всегда есть враги, мешающие им работать. Их мир четко разделяется на «наших» и «чужих». Их субъективное ощущение полноты жизни реализуется через борьбу с администрацией или коллегами, через различные формы активного противостояния или пассивно-негативного отношения к ним, через скрытый саботаж или открытое противостояние. Однако не все представители данного типа активно противостоят «злу», некоторые могут оставаться пассивными наблюдателями. Профессиональную деятельность могут рассматривать как один из способов борьбы с врагами или как обременительную повинность, навязанную им врагами через определенные жизненные обстоятельства. Если профессия совпадает с их ценностями, то они становятся профессионалами «экстра-класса».

При доминировании механистически-технократической модели мира у психологов формируется стремление избегать всякого рода неопределенности. Они тщательно планируют свои действия и поступки. Это позволяет им в максимальной степени использовать окружающую среду и законы ее функционирования в своих целях. Они четко прогнозируют результаты своих действий, стараются не действовать импульсивно. Быстро и без труда находят выход из затруднительных ситуаций, не испытывают муки совести, когда приходится кого-нибудь обманывать.

При доминировании организмической модели психологи считают важным поддерживать гармонию в социуме, стремятся работать по принципу «не навреди», предъявляют жесткие требования к себе и пониженные к другим. Часто гармонию поддерживают в ущерб своему благополучию. Предельно открыты в общении с представителями иных культур и взглядов, стремятся к самосовершенствованию и саморазвитию. Они стремятся к такой профессиональной деятельности, которая основана на эмоционально значимом общении единомышленников. Они хорошо работают в команде. Они способны решать личные и профессиональные проблемы через поддержание личной обратной связи с окружающим миром, через творческие способы взаимодействия с общественными процессами.

По нашим наблюдениям, у психологов, достигших высокого уровня профессионализма, легко адаптировавшихся в профессии и оставшихся в ней, доминируют именно черты организмической модели.

Профессиональное поведение обуславливают многие факторы, важнейшими из которых являются представления самого психолога о себе, своей профессии и социуме, в котором он работает. Иными словами, психолог выстраивает собственную картину мира, которая определяет его модель профессионального поведения. Помощь человеку в осознании его модели поведения способствует более успешному преодолению барьеров, возникающих на данном этапе его профессионального пути.

Список литературы:

1. Малюченко Г.Н., Смирнов В.М. Социально-психологический анализ целостных представлений о мире. – Саратов: Саратовский университет, 2006. - 156 с.
2. Посохова С.Т. Индивидуальные стратегии личностной адаптации. - С.276-289 // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв.ред. Л.Г.Дикая, А.Л.Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. - 624 с.
3. Семикин В.В. Ценностные ориентации в подготовке практических психологов // Психология и практика. Ежегодник РПО, т.4, выпуск 1: ЯрГУ, РПО - Ярославль, 1998.
4. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. - М.: МПСИ, 2005. – 252 с.
5. Шакуров Р.Х. Барьер, как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии, 2001. № 1. С.7.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПСИХОЛОГА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСЦИПЛИН

Курбанова А.Т.

Одной из ярких особенностей современного состояния системы профессионального педагогического и психологического образования можно назвать переживаемый ею своеобразный **«психотехнический бум»**. Из редкого, почти экзотического, психологическое и психолого-педагогическое образование стало массовым; появилось колоссальное количество различных форм вневузовского получения психологического знания; возник отсутствовавший доселе рынок психодиагностических, консультационных, тренинговых и других психотехнических услуг.

Ещё более сильные изменения характеризуют пространство психотехнической информации: книжные магазины, пресса и страницы интернета переполнены психологическими и психотехническими ре-

комендациями по самым различным сферам жизни, практико-ориентированными психологическими курсами, сборниками упражнений и игр, разработками тренингов самого неожиданного толка. Прежде поиск технического знания побуждал практически ориентированных психологов знакомиться с методами психологического воздействия по фундаментальным трудам их основателей, изучать теоретико-мировоззренческие основы; для современных начинающих специалистов изобилие технических приёмов и процедур нередко заслоняет теоретические системы и отраженные в них мировоззренческие ценности.

Следствием этого оказывается **некоторая деформация профессионального сознания** педагога-психолога, которую мы могли бы охарактеризовать как своеобразный **психотехнический фетишизм**: переоценка процедурно-технологической стороной квалификации психолога и педагога-психолога при недостаточном внимании к ценностно-смысловой, мировоззренческой стороне профессии. Очевидно, что подобные особенности макросоциальной ситуации становления профессионала необходимо компенсировать за счёт особой организации образовательного пространства вуза; очевидно также, что удаётся это далеко не в полной мере.

Одним из способов преодоления подобного противоречия мог бы выступать **компетентностный подход** в организации высшего профессионального образования в его **деятельностной трактовке**, которая кажется нам наиболее плодотворной. В соответствии с ним подготовка специалиста предполагает выделение ведущих компетенций — **целостных способов деятельности**, представляющих собой **единство целей и средств** их реализации, которые не сводимы к традиционно **понимаемому вербальному знанию и умениям его применения**. Эти способы деятельности имеют объективный наиндивидуальный, социокультурный характер. Формирование компетентности выступает как освоение этих способов деятельности; в психологическом плане этот процесс выступает как **становление соответствующих личных способностей**, дополненная пониманием того **социального контекста**, в котором данная **способность может быть востребована и реализована** специалистом (Ю.В. Громыко, 2005). Так, в госу-

дарственном стандарте высшего профессионального образования требования к квалификации педагога-психолога представлены как перечень из 7-и (!) видов профессиональной деятельности специалиста, в числе которых — коррекционно-развивающая, преподавательская, воспитательная, социально-педагогическая, научно-методическая, культурно-просветительская, управленческая. Очевидно, что формирование компетенций будущего специалиста не может сводиться к вербальной репродукции знания и освоению изолированных методических приёмов.

Однако, как хорошо известно, образовательные программы написаны в форме перечисления областей знаний; это относится даже к дисциплинам методического плана. Все изучаемые педагогами-психологами **практико-ориентированные курсы** — *психодиагностика, психолого-педагогическая коррекция, психологическое консультирование, семейное консультирование, методы АСПО, ряд спецкурсов (нейро-лингвистическое программирование, управление психическими состояниями)* и т.д. — включают в себя наборы практических методик: диагностических, методик воздействия. Однако специфика учебной деятельности такова, что эти методики изучаются преимущественно сами по себе, как обособленные предметы, вне контекста их употребления. В центре внимания студента — как правило, не целевое назначение и ситуации употребления, а процедурная, исполнительская сторона психотехнических методик. Это и порождает отмеченный нами выше психотехнический фетишизм: в качестве **критерия профессиональной квалификации выступает владение репертуаром психотехник**, а не наличие профессионального сознания, соотносимого с целостными способами профессиональной деятельности.

Для устранения этого противоречия нами в течение 2-х лет проводилась опытно-экспериментальная работа, участниками которой были студенты специальности «педагог-психолог». Целью эксперимента было формирование ключевых компетенций педагога-психолога на материале **психологического сопровождения учебной деятельности студента**. На разных этапах учебы в вузе участники подобной работы выступают в двух ипостасях. На младших курсах они оказываются своеобразными «потребителями» **различных форм психологической помощи**, касающихся учебной деятельности, учебного и вне-

учебного общения. Тем самым будущие специалисты получают весьма ценный опыт переживания результатов психолого-педагогического воздействия, успешного и не очень. На старших курсах при изучении практико-ориентированных психолого-педагогических дисциплин они выступают в позиции индивидуального и группового субъекта, **реализующего эти методы психотехнического воздействия.**

Основной формой эксперимента было создание и реализация студентами старших курсов проектов, позволяющих соорганизовать их аудиторную и внеаудиторную практическую работу, усилить единство учебной и учебно-профессиональной форм деятельности. Специальность **«психолог в сфере образования» предоставляет уникальные возможности в использовании образовательного пространства собственного вуза** в качестве плацдарма для формирования ведущих профессиональных компетенций.

Во-первых, избранная специальность «психолог в сфере образования» даёт возможность студенту уже в процессе обучения создания и реализации социально значимых проектов, отвечающих выбранной профессии. В отличие от репродуктивных форм учения, доля которого в профессиональном образовании по-прежнему велика, создание проектов требует постановки собственных целей, анализа реальной ситуации и выяснения возможных мишеней воздействия, принятия ответственности за результат психотехнического воздействия. Тем самым предметные знания и психотехники, освоенные в процессе обучения, включаются в контекст реальной профессиональной деятельности и начинают выступать как средство достижения профессиональных целей. Во-вторых, подобная практика позволяет студенту выявлять пробелы в собственной подготовке, ставить новые учебные цели. В-третьих, подобные проекты психологического сопровождения существенно дополняют компетенции, формируемые при выполнении других типов проектов — учебных, учебно-исследовательских и методических. Будучи синтетической формой деятельности, психологическое сопровождение предполагает использование психодиагностических, психоконсультационных, психокоррекционных, управленческих компетенций. Кроме этого, разработка и реализация проектов даёт студентам возможность сочетать индивидуальные формы работы с групповыми, доля которых незначительна в учебном процессе и велика в

профессиональной деятельности. Наконец, коллективные проекты позволяют выбрать фрагмент работы, максимально отвечающий склонностям и компетентности каждого студента.

Разработка проектов психологического сопровождения осуществлялась старшекурсники на основе собственного опыта учёбы в вузе, в том числе опыта преодоления трудностей адаптации к специфике учебной деятельности в высшей школе, опыта вхождения в студенческий коллектив, построения отношений с преподавателями и однокашниками. Практико-ориентированные дисциплины, такие, как методы активного социально-психологического обучения, психологическое консультирование, управление психическими состояниями, психолого-педагогический практикум, естественным образом становились для студентов старших курсов источниками инструментов помощи младшим в более успешном разрешении этих трудностей. Благодаря анализу результатов использования тех или иных техник психологического воздействия на первый план в сознании студентов выступала не чисто процедурная, как до этого, а ценностно-смысловая сторона профессиональной деятельности педагога-психолога.

Очевидно, что подобная инновация предъявляет повышенные требования к кооперации деятельности профессорско-преподавательского состава. Это невозможно без налаживания более прочных горизонтальных связей преподавателей, разрабатывающих и обеспечивающих изучение различных учебных дисциплин, предполагает достижению большей согласованности в содержании и предъявляемых студенту требованиях, что не может быть сделано одномоментно. Трудности связаны также с наблюдающимся у части студентов недостаточным уровнем предшествующего образования или недостаточной профессиональной сориентированностью. Тем не менее начатый нами эксперимент по созданию на отделении своеобразного учебно-профессионального сообщества, в котором студенты в разные годы учения выступают в разных позициях по отношению к основным видам деятельности педагога-психолога, можно рассматривать как органическую составляющую общего эксперимента кафедры педагогики и педагогической психологии по формированию ведущих компетенций будущего специалиста.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ВЗРОСЛОЙ ЛИЧНОСТИ

Лапкина Е.В.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль*

Важной особенностью взрослого периода жизни человека является необходимость выбора в ситуации множество вариантов жизненных планов и замыслов. Противоречия и кризисы, успехи и неудачи, надежды и разочарования, поиски смысла жизни и пути его понимания во многом определяют качественное содержание жизни взрослого человека.

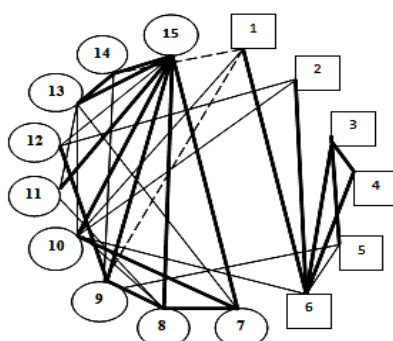
Предлагаемая работа является частью эмпирического исследования защитного и совладающего поведения личности в разные периоды взрослости. Каждый из этих возрастных этапов будет характеризоваться постановкой и реализацией определенных жизненных решений и задач; потенциальной реализацией ресурсов и самореализации личности; переживаний, связанных с достижением значимых целей и пр.

Нами предпринято исследование возрастных различий в использовании механизмов психологической защиты и стилей копинг-поведения. Тенденции развития современной науки указывают на содержательную близость этих феноменов [2,3,4]. На любую стрессовую ситуацию, нарушающую внутренний гомеостаз, личность реагирует либо неосознаваемыми адаптивными ответными реакциями, либо адаптивными действиями, целенаправленными и потенциально осознанными. В первом случае подразумеваются механизмы психологической защиты, во втором имеют место копинг-стратегии.

Приняли участие 289 человек в возрасте от 17 до 60 лет, из них: 168 мужчин и 121 женщина. Разделение испытуемых осуществлялось по трем возрастным группам: юношеский возраст — 17–21 год (мужчины), 16–20 лет (женщины); средний возраст: первый период — 22–35 лет (мужчины), 21–35 лет (женщины); второй период — 36–60 лет (мужчины), 36–55 лет (женщины), данный вариант деления взрослости для исследовательских выборок предложен В.Н. Дружининым, 1997 [1].

На структурном уровне анализа данных мы сравнивали количест-

во корреляционных связей в разных возрастных группах как между параметрами совладания и защитного поведения, так и между отдельными механизмами психологической защиты и стилями совладающего поведения внутри этих феноменов.

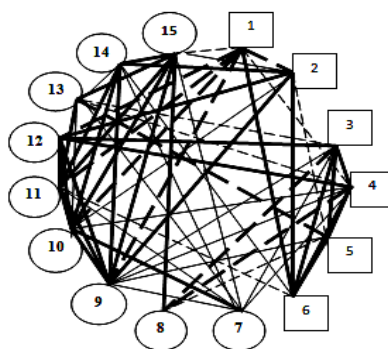

1 – ПОК, 2 – ЭОК, 3 – Избегание, 4 – Отвлечение, 5 – Соц.отвлечение, 6 – Напряженность совладания; 7 – Отрицание, 8 – Вытеснение, 9 – Регрессия, 10 – Компенсация, 11 – Проекция, 12 – Замещение, 13 – Интеллектуализация, 14 – Реакт.образ-е, 15 – Напряженность защитного поведения

- - Сильная связь
- _____** - Наличие связи
- - Обратная связь

Рис.1. Структурограмма корреляционных связей между механизмами психологической защиты и стилями совладающего поведения в I возрастной группе (юношеский возраст)

Корреляционный анализ показал, что наименьшее количество статистических связей между отдельными механизмами психологической защиты и стилей совладания выявилось в юношеском возрасте.

1 – ПОК, 2 – ЭОК, 3 – Избегание, 4 – Отвлечение, 5 – Соц.отвлечение, 6 – Напряженность совладания; 7 – Отрицание, 8 – Вытеснение, 9 – Регрессия, 10 – Компенсация, 11 – Проекция, 12 – Замещение, 13 – Интеллектуализация, 14 – Реакт.образ-е, 15 – напряженность защитного поведения

- - Сильная связь
- _____** - Наличие связи
- - Обратная связь

Рис.2. Структурограмма корреляционных связей между механизмами психологической защиты и стилями совладающего поведения во II возрастной группе (первый период среднего возраста)

Далее, в первом периоде среднего возраста происходит резкое увеличение количества и силы связей между показателями защитного и совладающего поведения. Мы предполагаем, что это может быть связано с активной реализацией замыслов, планов, целей, поставленных в

юности, эти условия ставят в ситуацию повышенных требований к адаптационным возможностям человека, а, следовательно, способствуют интеграции компонентов защитной системы личности. Вероятно, в этот период осуществляется также смешанное «поисковое поведение» — как способ адекватного реагирования на непривычные условия.

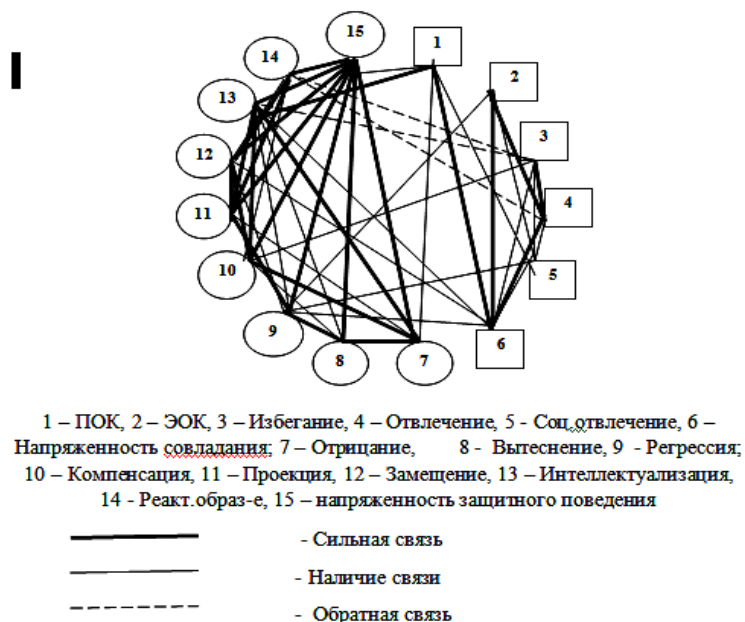

Рис.3. Структурограмма корреляционных связей между механизмами психологической защиты и стилями совладающего поведения в III возрастной группе (второй период среднего возраста)

Во втором периоде среднего возраста количество и сила связей между показателями защиты и совладания постепенно снижается. Связано это, скорее всего с уменьшением числа ситуаций, требующих активного вмешательства и разрешения, либо с возрастом снижается порог реагирования на необычные условия, появляется некоторая избирательность реагирования.

Мы предполагаем, что тенденция по снижению интеграции между компонентами защитной системы имеет свое продолжение и в период позднего онтогенеза.

Библиографический список

1. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология — СПб: Издательство «Питер», 2000. — 320 с.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. – Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. – 344 с.
3. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. – СПб.: Речь, 2000. — 507 с.
4. Субботина Л.Ю. Психология защитного поведения: моногр./Л.Ю. Субботина; Ярослав. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. – 220 с.

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИСУБЪЕКТА

Лебедева В.А.

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г.Екатеринбург

В последние годы в социально-психологических исследованиях проявляется интерес к изучению механизмов, характеризующих единство и целостность группы как «группового субъекта», «субъекта коллективно-распределенной деятельности» (В.В. Рубцов), «коллективного субъекта» (А.Л. Журавлев, 2000), «субъекта совместной деятельности» (А.В. Брушлинский, 1996), «совокупного субъекта» (Б.Ф. Ломов) или «полисубъекта» (И.В. Вачков), активность которого направлена на сохранение своей целостности, поддержание и воспроизводство себя как целого.

«Полисубъект» — особый тип общности, понимаемый как целостное динамическое психологическое образование, отражающее феномен единства развития внутренних содержаний реальных субъектов, находящихся в субъект-субъектных отношениях и объединенных совместной творческой деятельностью, и проявляющееся в способности к активности, действенности, интеграции, способности к преобразованию окружающего мира и себя, способности выступать как целостный субъект в отношении к процессу саморазвития и в отношениях с другими полисубъектами (Вачков И.В.).

Процесс становления учебной группы как полисубъекта включает в себя несколько стадий от ориентационных тенденций в поведении учащихся, осторожных и ведущих к образованию диад на первой стадии, к формированию групповых норм, складыванию группового самосознания на второй стадии, возникновению отчетливо выраженного чувства «Мы» на пятой стадии и достижение высшей седьмой стадии групповой зрелости — стадии полисубъекта, где сформирован высокий уровень сплоченности, группа открыта для проявления и разрешения конфликтов, а единственный приемлемый способ принятия решений — единодушие, также на данном этапе группа отличается зрелостью проявляемых стратегий поведения, устанавливаемых взаимо-

отношений и принимаемых решений, все это доказывает, что группа на данной стадии развития уже обладает такими свойствами полисубъекта как устойчивость, целостность и сплоченность. Одним из условий сохранения целостности и сплоченности полисубъекта является согласованность индивидуальных стратегий совладания внутри группы. Но помимо этого индивидуальные стратегии поведения, в том числе и совладающего. Поскольку становление полисубъекта не протекает безкризисно, на определенных стадиях существует вероятность проявления критических моментов, что может быть связано с чередованием групповых видов деятельности — от интеграции к сбалансированному взаимодействию и до частичной дезинтеграции. В такие периоды особенно важно проявление готовности отдельного субъекта решать жизненные проблемы, т.е. приспособляться к обстоятельствам для преодоления эмоционального стресса. И здесь индивидуальные стратегии совладания выполняют еще и защитную функцию для отдельных субъектов.

Наше исследование было направлено на изучение согласованности и изменения индивидуальных стилей совладания учебных групп первого курса института психологии двух разных специальностей («Педагогика и психология» и «Психология») в условиях становления полисубъекта. Мы предполагали, что в межсессионный и сессионный периоды степень проявления совладающих стратегий будет различной, поскольку группа на разных этапах своего существования выполняет различные виды деятельности, т.е. в межсессионный период члены группы чаще объединяются, интегрируются для выполнения общегрупповых заданий, формирования групповых норм, ценностей, за что несут коллективную ответственность — «один за всех и все за одного», а в период сессии ситуация складывается иным образом – группа начинает распадаться, дезинтегрироваться, каждый становится индивидуально ответственным за свои собственные действия, т.е. «каждый сам за себя».

Исследование проводилось в два этапа: в межсессионный период и в период сессии. Для изучения индивидуальных поведенческих стратегий совладания нами использовалась Шкала стратегий преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолла, в результате чего мы получили следующие данные:

1. В межсессионный период у группы специальности «Педагогика и психология» (ПП) по сравнению с результатами, полученными в период сессии, большой разброс по стратегиям «Осторожные действия» ($\sigma = 2,97$; min. = 12; max. = 25) и «Агрессивные действия» ($\sigma = 5,04$; min. = 9; max. = 30), которые постепенно снижаются, что может свидетельствовать о постепенном согласовании внутри группы в выборе стилей совладающего поведения.
2. В тоже время у группы специальности «Психология» (Пс) по тем же самым стратегиям происходит увеличение вариативности выбора стилей совладания, это говорит о том, что согласование в выборе стратегий в данной группе происходит медленнее. Причиной этому могут быть отношения студентов внутри группы или разные по сравнению с группой ПП условия обучения. В целом для групп специальности «Психология» характерна более высокая индивидуализация, нежели у ПП, где деятельность учащихся в большей степени интегрирована и направлена на выполнение групповых задач.
3. У группы Пс в межсессионный период наблюдается высокий разброс по стратегиям «Поиск социальной поддержки» ($\sigma = 4,72$; min. = 13; max. = 29), «Асоциальные действия» ($\sigma = 4,64$; min. = 10; max. = 29) и «Импульсивные действия» ($\sigma = 4,14$; min. = 9; max. = 26), т.е. в кризисных ситуациях они ищут поддержку на стороне, при этом их поведение отличается эгоистичными и импульсивными действиями. Для группы ПП по этим же самым стратегиям наблюдаются сниженные показатели, поскольку студенты данной специальности ориентированы на получение поддержки внутри группы, где степень доверия постепенно возрастает, что более характерно для становления полисубъектности учебной группы.
4. Проведя сравнительный анализ полученных результатов, мы можем сделать следующие выводы.

Результаты сравнительного анализа стилей совладающего поведения

Специальность	Стили совладающего поведения	Уровень значимости критерия Вилкоксона $p =$	Изменение показателей
Педагогика и психология	Поиск социальной поддержки	0,028	Увеличились
	Избегательные действия	0,026	Увеличились
	Непрямые действия	0,071	Уменьшились
	Агрессивные действия	0,061	Увеличились
Психология	Ассертивные действия	0,088	Увеличились
	Избегательные действия	0,032	Увеличились

У студентов специальности «Педагогика и психология» во время сессии показатели «поиска социальной поддержки», «избегательных действий» и «агрессивных действий» стали выше, это свидетельствует о том, что для первокурсников важно сдать первую сессию, поэтому они активно готовятся к аттестации, задавая много вопросов преподавателям, старшекурсникам, тревожатся по каждому поводу, но при этом избегают общения друг с другом, и достаточно агрессивно настроены по отношению друг к другу — «каждый сам за себя», это свидетельствует об индивидуальном преодолении первой стрессовой ситуации. У студентов специальности «Психология» увеличился показатель «ассертивных действий», поскольку повторный замер проводился у них после сдачи первых экзаменов, т.е. они почувствовали уверенность в своих силах, знаниях, они сдали, но при этом показатель «избегательных действий» остается выше по сравнению с предыдущим — студенты уже на этапе первой сессии хотят отличиться друг от друга и показать, кто лучше.

Таким образом, наши представления о том, что выбор стилей совладающего поведения на разных стадиях становления полисубъекта различен, и к тому же специфичен в зависимости от специальности.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Лежнева С.Г.

*«Поволжская государственная социально-гуманитарная академия»
(ПГСГА) г. Самара*

В настоящее время в России остро встал вопрос социализации детей-сирот. Постоянное увеличение численности детских домов и

приютов ярко показывает необходимость реагирования на данную ситуацию.

В современных условиях качественно новым образом решается проблема сиротства: совместная работа педагогов и психологов; заинтересованное участие различных организаций. Тем не менее к выпускникам детских заведений интернатного типа, социум предъявляет высокие требования к гражданской ответственности, самостоятельности, коммуникабельности, умении правильно оценивать и быстро находить решение в стрессовых ситуациях, к стремлению самореализации и самопознанию. Это и объясняет повышение интереса к проблеме детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но до сих пор проблема социализации является открытой для исследований.

Результатом проживания ребенка в условиях интернатного учреждения является его неготовность к самостоятельной жизни, т.к. первичная социализация, по мнению Р.С. Немова, закладывающая основу последующего формирования человека, происходит в семье.

Особенности общения детей со сверстниками отражены в работах Л.С.Выготского, А.В.Запорожца, А.Н. Леонтьева. Они считали, что различия в воспитании детей в семье и вне семьи связаны, прежде всего, и больше всего с разницей в их общении с окружающими людьми. Чем младше ребенок, тем большее значение приобретает его общение со старшими, поскольку тем сильнее оно опосредует все остальные связи ребенка с миром.

Отсюда и возникает диссонанс между требованиями общества и психологическими возможностями сирот.

Реализация и решение задач социализации личности ребенка в условиях детских домов и домов-интернатов сдерживается недостаточной изученностью ряда закономерностей социального и психологического развития ребенка в условиях семейной депривации (З.И. Матейчик, В.С. Мухина и др.). Полноценно социализацией детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, могут заниматься учебные заведения, в которые дети-сироты приходят после выпуска из детских домов и интернатов. Это поможет снизить тревожность, которую испытывают сироты, попавшие в совершенно новые условия жизни, а так же поможет быстрее адаптироваться в самостоятельной жизни. Конечно на продуктивность работы со студентами из категории детей-

сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, влияет качественно отлаженная работа психологических служб учебных заведений, что в настоящее время наблюдается не везде.

Социализация детей-сирот протекает как процесс установления ребенком взаимоотношений с обществом на основе реализации индивидуальной стратегии поведения, самопознания и самореализации личности. Психолого-педагогическая поддержка социализации детей-сирот на базе учебного заведения способствует накоплению и осмыслению знаний о социальной действительности, формированию социально ориентированных мотивов и овладению многими социальными ролями, обогащающими социальный опыт ребенка.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология – М., 1996.
2. Матейчик З., Лангмейер И. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, 1984.
3. Запорожец А.В., Неверович Я.З. О генезисе, функций и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Вопросы психологии. – 1974. -№ 6.
4. Леонтьев А.А. Психология общения . - 2-е изд. - М., 1997.
5. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. — 4-е изд. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. - Кн. 1: Общие основы психологии.

РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Лицов Д.

*Преподаватель Международной Высшей Школы Практической Психологии, руководитель Психологического центра «VITALITY» (г. Рига)
spigel@inbox.lv*

Человек ищет основания для собственного существования, ищет опору, «точку покоя», которая позволит стоять на ногах, хоть с какой-то долей уверенности смотреть в завтрашний день. «Точку покоя» в окружающей реальности вокруг себя найти невозможно. Реальность ненадежна в силу того, что она конечна. Точка покоя может быть только иррациональной. Преодолеть пропасть между конечным и бесконечным возможно только верой в Бога.

В своей практике психотерапевты каждый день слышат «голос одинокого человека», человек, который потерялся в мире среди других людей, не менее одиноких, чем он сам. Для меня таким основанием является вера, в широком смысле — вера в клиента, вера в то, что его

жизнь может измениться, что он найдет свое место в мире, вера в терапию, вера в профессию. Это та вера, которая шествует параллельно со знанием, с опытом и часто из них же и выводима. Но есть еще и более глубокое основание для «выхода на сцену» — это основание располагается за пределами понимания и опыта — вера в неслучайность того, что происходит с клиентом в его жизни, вера в духовную целесообразность происходящего. Эта вера позволяет мне не отчаиваться в собственной жизни и также профессиональной практике. Крайняя степень ее выражения — религиозная вера, вера в Бога.

Но бывает так, что опыт жизни человека не совпадает с его верой, тогда его бытие расколото. Но вера порой является последним за что «цепляется» человек. Ситуация невозможности, бессилия и беспомощности порождает «уверенность в невидимом и получение ожидаемого».

Феномен веры более тщательно рассмотрен в работах религиозных экзистенциальных философов. Так, по мнению М.Бубера, есть только два образа веры, проявляющиеся в повседневной жизни. Один образ веры выражается в доверии кому-либо, даже если нет для этого достаточного основания. Другой обнаруживается в том, что так признаётся истинность чего-либо. Религиозная вера представляет собой любой из этих образов веры, проявляющихся в сфере безусловного. По мнению П.Тиллиха, вера — это состояние предельной заинтересованности. Предельное он определяет как то, что находится по ту сторону конечности и бесконечности. Динамика веры — это динамика предельного интереса человека. С.Франк, как и М.Бубер, исследовал форму отношений Я-Ты. Он видит в этом явлении подлинное чудо: чудо трансцендирования непосредственного самобытия за пределы себя самого, взаимного самораскрытия друг для друг двух носителей бытия.

Особый взгляд и подход к феномену веры в психотерапевтической практике имеет психиатр и психотерапевт А.Е. Алексейчик. Он считает, что несмотря на большое различие между религией и психотерапией, что в теории они не совместимы, но на практике должны совмещаться, без достаточной степени религиозности терапевта, трудно представить себе достаточно совершенную психотерапию. Религиозность — это то, что объединяет человека в целое и объединяет психотерапевта с его пациентами. Путь к спасению души (религия) лежит через ее исцеление, а это задача психотерапии.

Диаметрально противоположного взгляда придерживается В.Каган: «Психотерапия – это светское ремесло, в котором я имею дело с человеком в его светской, земной жизни с его человеческими проблемами и трудностями. Я не хочу отрезать от человека духовность или веру, но я для себя категорически не хочу путать и перепутывать между собой религию и психотерапию. Должен ли психотерапевт быть религиозным — его личное дело».

Р. Кочюнас считает, что религиозная психотерапия — это нонсенс. Психотерапия должна быть психотерапией, а религия религией. Он высказывает сомнения о том, что психотерапия имеющая истоки в религиозных конфессиональных основаниях, может потерять основной принцип — терпимость, принятие. Что касается духовности, то «мне трудно представить психотерапию без того, что я называю духовным измерением, оставаясь только на душевном уровне».

На наш взгляд, ответ на вопрос о правомочности «работы» с религиозной верой в психотерапии может быть представлен в виде двух фокусов, двух измерений. Первый имеет отношение к континууму «Нельзя — Можно (Нужно)». Он о том, насколько допустимо включать феномен религиозной веры в пространство психотерапии. Второй фокус имеет отношение к субъективности. Здесь не стоит вопрос «можно или нельзя», а скорее так: могу себе позволить или нет. Т.е., данный континуум имеет отношение не к внешней аргументации, не к «объективным» критериям, а к неким внутренним основаниям — «могу себе позволить или нет». Речь идет о моей вере, вере в себя, вере себе, обо мне в вере, вере в клиента.

Если сравнить два фокуса отношения к работе с верой, то можно заметить, что в первом случае клиент предстает перед нами, как Объект — его и его жизнь оценивают, сравнивают с тем, как «правильно», с идеалом, во втором – клиент выступает как Субъект. Языком М.Бубера в первом случае отношения выстраиваются по принципу Я – ОНО, во втором Я – Ты. Встреча, как Диалог, Встреча, которая меняет клиента и меня, возможна лишь при равенстве между нами, когда психотерапия – это излечение души и лечение душой.

Для себя вопрос «веры в терапии», я решаю следующим образом. Во-первых: я «могу себе позволить», во-вторых: я могу себе позволить только в тех пределах, которые устанавливает клиент. Мои действия — это всегда ответ на его заявления. Исключения бывают лишь тогда, ко-

гда в терапии появляется ситуация «невозможности». Когда заканчивается «могу», тогда появляется место для «верю». В основном это ситуации, связанные с потерей, когда есть, например, сильное чувство вины перед ушедшим. Когда заканчивается «могу» клиента, тогда я «могу себе позволить».

Я работаю с онкологическими больными, больше года вместе с коллегой веду группу поддержки. Два участника группы, у обоих после операций и лечения в течение нескольких лет хорошие анализы. Один из них говорит об «опыте болезни», другой об «опыте выздоровления». Факты одни, а опыт разный. Как факты становятся опытом? Видимо через проживание, через преодоление, через настроенность, интенциональность, через принятие, смирение, мобилизацию, слезы, радость, надежду, через совместность...

С верой, по-моему, происходит противоположное. Не факты приводят к опыту веры (исключая Фому-неверующего), а опыт веры приводит к фактам — «Вера есть убежденность в вещах невидимых и получение ожидаемого».

В контексте моей работы с группой поддержки онкологических больных тема веры в Бога звучит каждый день. Болезнь — пограничная ситуация, когда теряются прошлые ориентиры, цели, надежды, меняются ценности, когда человек оказывается один на один со страхом небытия, одиночеством, отчаянием. И обращение к религии — становится одним, иногда единственным, из способов бытия. Одной из специфических особенностей в работе с онкологическими больными является потеря у них образа будущего. На начальном этапе работы группы слова, которые высвечивают хоть какую-то перспективу будущего — почти отсутствуют.

Если все эти вопросы оставить без рассмотрения, то велика вероятность того, что клиент «разместит» в этой — духовной — сфере свои трудности, спрячет их там, законсервирует. Вопрос веры — это и вопрос о сущем (существующем) — в кого верим, кому верим, во что верим — но и о бытийном — *как* верим. Раскрывая содержание собственной веры, клиент уходит от ее защитных функций к бытийной ее сущности, к себе.

Психотерапия — это тоже «точка выбора». Клиент пытается выбрать другую жизнь. Я должен помочь ему вновь встретиться с той ре-

альностью, которой он когда-то «испугался» и продолжает пугаться сейчас. Я представляю клиента в виде богатыря, который остановился перед камнем, где написано: «Направо поедешь, коня потеряешь, налево поедешь, убитому быть...». Есть повод для испуга. Но это «прошлый» испуг. И вера здесь выступает, как один из способов включения в реальность,

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ СТРУКТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЛИЯНИЯ

Львов Д.Е.

г. Ижевск

Для изучения процесса взаимовлияния руководителя и подчиненного необходимо провести детальный анализ действий руководителя в соответствии со структурой его профессиональной деятельности. Понимание психологического содержания каждого компонента структуры управленческой деятельности позволит точнее представить особенность управленческого воздействия. В данной статье будет проведен анализ психологического содержания целеполагания, как одного из компонентов структуры профессиональной деятельности руководителя.

А.М. Бандурка с соавторами, называя процесс целеполагания ведущим компонентом управленческой деятельности, так определяют понятие цели в управлении: «Цель – это будущее желаемое состояние объекта воздействия, конечный ожидаемый результат процесса управления, т.е. основной целью управления является заранее обозначенное, запрограммированное состояние системы, достижение которого в процессе управления позволяет решить нужную проблему (1,с.16). В данном определении цель в управлении связана с категорией «воздействия». Цель управления обозначается не только как желаемое состояние объекта воздействия, но и как желаемое состояние все системы управления. Совместное обсуждение руководителем и подчиненным ожидаемого результата деятельности и процесса достижения поставленной цели приводит к объединению их намерений и согласо-

ванию их действий по достижению целей. В результате объединения усилий руководителя и подчиненного, их профессиональная деятельность становится совместной, а субъект управления — единым. В этом смысле межличностное влияние является процессом объединения активности инициатора и адресата воздействия; процессом становления единого субъекта профессиональной деятельности. Основная задача руководителя, как субъекта управления, заключается в иницировании исполнительской активности подчиненного и ее дальнейшей коррекции средствами обратной связи.

В.М. Снетков так же считает целеполагание основным компонентом управленческого воздействия и основой управленческой деятельности. По его мнению, смыслом управленческого воздействия является организация исполнительской активности подчиненного в соответствии с целями деятельности. В.М. Снетков так пишет о значении цели, как компонента управленческой деятельности: «Сущность любого управленческого воздействия заключается в сохранении или коррекции заданного вектора движения, воспроизводстве определенного состояния объекта или направленном изменении свойств объекта управления на основе наличия обратной связи о степени достижения поставленной цели (З,с.29)». Соглашаясь с мнением В.М. Снеткова о сущности управленческого воздействия, проявляющегося в необходимости коррекции действий подчиненного в соответствии с организационной целью, мы не согласны с субъект-объектным характером такого воздействия. Отчуждение подчиненного от процесса целеполагания чревато снижением качества его исполнительской активности. Руководитель, в процессе осуществления своей деятельности, может использовать и субъект-объектную стратегию воздействия, однако эффективность управленческого воздействия будет выше при включении подчиненного в процесс межличностного влияния и, в частности, в процесс целеполагания в качестве субъекта. Для исследования процесса межличностного влияния руководителя и подчиненного в рамках субъект-субъектной парадигмы воздействия, более перспективной является позиция Н.Н. Вересова, который рассматривает подчиненного как активного участника процесса целеполагания. Он так объясняет необходимость участия подчиненного в процессе целеполагания: «Цель, в постановке которой сотрудник принимает участие лично, становится в некотором смысле его личной целью, а значит, и мотивом.

Чем больше подчиненных имеют возможность участвовать в выборе и постановке целей, тем меньше времени и усилий потребуется для их убеждения в дальнейшем (2, с.78)».

Содержательной стороной целеполагания является запуск руководителем процесса репрезентации подчиненным его профессионального потребного будущего (сущности собственной профессиональной деятельности). Структура намерения, предложенная Ю. Кулем, позволяет обнаружить роль намерения в механизме регуляции активности субъектов межличностного влияния. По мнению Ю. Куля, цель, наряду с другими компонентами — мотивом и способами достижения цели, — составляет структуру полноценного намерения человека. Он пишет: «Если все указанные элементы намерения активизированы в одинаковой степени, намерение является полноценным и действие реализуется более эффективно. Другими словами, для генерирования полноценного намерения субъекту должна репрезентироваться однозначная связь между 1) мотивом, 2) целью и способами достижения цели (4, с. 18)». На наш взгляд, намерение выполняет функцию основного механизма детерминации процесса межличностного влияния, связывающего воедино источники и регуляторы активности субъекта.

Список литературы:

1. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землинская Е. В. Психология управления. – Харьков: ООО «Фортуна-пресс», 1998. – 464 с.
2. Вересов Н.Н. Психология управления: Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2001. – 224 с. (Серия «Библиотека менеджера»).
3. Снетков В.М. Психология коммуникации в организациях. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2002. – 192с.
4. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл; ИП РАН, 1997. - 140 с. (Серия «Практикум», Вып.1).

ТАНЦЕВАЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ПРАКТИКИ, ПСИХОТЕРАПИИ И ТАНЦЕВАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Мавлявиева Л.И.

Институт экономики, управления и права. Казань

Интеграция науки и практики, обобщение данных различных областей и отраслей в систему знаний или сферу практического приме-

нения является современной тенденцией нашей эпохи. Суть тандема научных, теоретических, эмпирических и практических изысканий в психологии, психотерапии и других областях знаний о человеке заключается в интеллектуализации познавательной деятельности и возможности комбинированных и кооперативных взаимодействий в психотерапевтическом процессе. Крупнейший русский ученый В.И.Вернадский писал: «... рост научного знания в XX веке стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой — расширять охват его со всех точек зрения» [1]. В стремлении найти оптимальные средства психотерапевтического воздействия психологи и терапевты используют достижения самых разных наук. Ярким примером интеграции анатомии, физиологии, психофизиологии, кинезиологии, нейропсихологии, медицины, педагогики, искусства и танца в психотерапевтическом процессе является танцевально-двигательная терапия. Уникальность танцетерапевтической отрасли характеризуется не только взглядом на человека с высоты и полноты всего научного достояния современности, но и возможностью интегрировать в процессе терапевтической сессии чувства, мысли, действия одновременно в актуальном режиме времени.

Существующая информация о зарождении и развитии танцевально-двигательной терапии убеждают в ее происхождении от практики к теории. Такой путь развития имеет как свои преимущества в практических изысканиях, так и издержки в научных подходах. Анализируя психотерапевтическое поле на предмет достижений танцевально-двигательной терапии, заметим, что научная продукция не изобилует клиническими описаниями о результатах применения данного метода. Несмотря на активно проявляющийся интерес к использованию танца в психотерапевтической/психокоррекционной деятельности и вопреки огромному количеству публикаций в интернете/книжных изданиях, все же отечественная научная база исследований танцевально-двигательной терапии как отрасли психотерапии представлена на сегодняшний день достаточно скудно. Это явление требует серьезного отношения специалистов-танцетерапевтов к организации своей деятельности и представлению эмпирических результатов, что не только

восполнит существующий недостаток научной и методологической базы, но и, несомненно, отразится на авторитете танцевально-двигательной терапии и признании ее научной общественностью.

Еще одно своеобразие танцевально-двигательной терапии определяется интегрированием танца, движения, музыки и других средств искусства в достижение терапевтического эффекта, когда для вызова и исследования эмоционального материала (чувств, ассоциаций, тем, снов, символов и т.д.) используется телесная репрезентация. Телесное движение и танец в танцевально-двигательной терапии являются как средством диагностики, так и способом психотерапевтического вмешательства. Танцетерапевты обращаются к целительной силе танца, к силе творческого выражения в движении, а также используют достижения современной танцевальной педагогики. В творческом танце существует потенциальная возможность исцеления и изменения состояния/самоощущения человека и обретение им силы и личностной компетентности. Под патронажем танцетерапевта происходит объединение эмоциональных, физических, интеллектуальных и духовных процессов клиента в единое действие. Танцующий становится в процессе терапии и носителем содержания своих переживаний, и средством выражения потребностей, и инструментом выражения эмоций, и создателем новых образов.

Интерпретируя наскальные рисунки человека архаической эпохи, этнографы отмечают, что на изображениях запечатлены чаще всего движения в танце. Сохранившиеся образы движения и пластики психологи наполняют психотерапевтическим содержанием. Базовыми для танцевально-двигательной терапии являются понятия о том, что существуют взаимоотношения между движением и эмоцией, и, следовательно, движение способно изменять ощущения. Основными средствами в достижении терапевтического эффекта являются танец и движение. По определению Yudith Bunney — президента американской ассоциации танцевальной терапии (ADTA) «Танцевальная терапия — это психотерапевтическое использование танца и движения как процесса, способствующего интеграции эмоционального и физического состояния личности» [6]. Танцевальные движения в психотерапевтической практике, дают специалисту ключ к определению последовательности физических действий, которые могут развить готовность к эмо-

циональному реагированию. «Но это не простое заучивание движений, которые ведут к изменению: изменение происходит, когда пациент готов позволить себе пережить действие в своем теле. Существует тесная взаимосвязь между интеграцией изменений в осанке и изменением психологической установки. Только когда он готов, это становится значимым для него и вызывает изменения в его образе тела. Вы можете попросить человека поднять руку, но до тех пор, пока он не почувствует это движение внутри, оно не станет в теле реальным» (Chaiklin, 1975) [2]. Понимая врожденные взаимоотношения между подвижностью, танцем и эмоциональным выражением; соотнося все знания о теле, движении, танце, психики, творческом процессе и творческом выражении танцетерапевт помогает клиенту/пациенту двигаться и следовать своим внутренним импульсам движения.

На сегодняшний день танцевально-двигательная терапия многообразна в вариантах и вбирает в себя подходы и учения самых разных психотерапевтических школ и практик. Это психоаналитическая, психодинамическая, поведенческая, гуманистическая, экзистенциальная, трансперсональная и другие теории; телесно-ориентированные, арттерапевтические техники. В зависимости от личных склонностей, психотерапевтической подготовки и профессионального опыта, танцетерапевт использует трансформирующую силу танца и язык движения в сопоставлении с теми или иными психологическими концепциями.

Таким образом, танцевально-двигательная терапия способна проводить параллели и объединять имеющийся в современной науке и практике опыт, развивая собственную теоретическую, методологическую и эмпирическую базу. Комбинирование танцевального опыта с научными изысканиями и достижениями определяет потребность в разработке ее методологии. Научное и методологическое обоснование процесса и результатов танцевально-двигательной терапии не только придаст научную целостность, системность, профессиональную направленность, но и повысит значимость ее психотерапевтического статуса. Этот аргумент усиливает необходимость методологических разработок танцевально-двигательной терапии в поиске рациональных подходов и решения исследовательских проблем ТДТ как молодой терапевтической отрасли в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики.

Литература:

1. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1977. С.54
2. Грэнлюнд Э., Оганесян Н. Танцевальная терапия. Теория, методика, практика. СПб., Речь., 2005. С.284
3. Мавлявиева Л.И. Танец как метод и условие развития творческих сил личности (в свете концепций Альфреда Адлера) // Педагогическое образование и наука, М.:МАНПО, 2009. № 5. С.101-103.
4. Оганесян Н.Ю. Теоретико-методологические аспекты танцевальной терапии больных шизофренией // Вестник Санкт-Петербургского Университета, СПб., Сер 12., Вып. 2. Ч.1, 2009, С.206-214.
5. Оганесян Н.Ю., Мавлявиева Л.И. К вопросу о терминологии в танцевальной терапии. // Психология телесности: теоретические и практические исследования. Пенза, 2009. С.75.
6. Танцевально-двигательная терапия // Под ред. Бирюковой И. Ярославль: самиздат, 1994.

ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИИ ЮНОШЕСТВА В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ

Максименко В.Ю., Йолтуву П.

г. Белгород, Белгородский государственный университет

Начатое в ряде последних десятилетий исследование нравственной психологии вернуло в оборот проблемы, связанные с изучением гуманных чувств (недаром в центре нравственной психологии находится Человек). Отсюда понятен возрастающий интерес к феноменологии альтруизма, этичности, морали — широкому спектру составляющих нравственности.

Можно избежать многих серьёзных проблем общества в целом и каждого страдающего человека — в частности, решая вопросы развития эмпатии. Эмпатия — это феномен, который является одним из регуляторов взаимоотношений людей и обладает влиянием на нравственное становление личности.

Изучению эмпатии посвящено значительное число психологических исследований (Бодалёв А.А., Бойко В.В., Роджерс К., Юсупов И.М. и другие).

В нашей работе мы опираемся на понимание эмпатии как интегративного свойства личности, объединяющего три подструктуры —

аффективную (эмоциональное соучастие в переживаниях других людей), когнитивную (способность индивида распознавать эмоциональные состояния другого и адекватно их интерпретировать), поведенческую (умение проявлять помогающее альтруистическое поведение в ответ на переживания другого).

Роль развития эмпатии особенно велика в период юности, когда интенсивно развиваются жизненные перспективы, новые взгляды на отношения между людьми, на себя самого. Кроме того, изучение эмпатии юношества из полных и неполных семей повышают актуальность исследования, поскольку семья является для человека первой и главной школой межличностных отношений, накладывающей отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Личность несет в себе информацию своей семьи, свои семейные правила и сценарии, передающиеся из поколения в поколение. Это модель поведения, которой человек пользовался в семье, продолжается и в новых отношениях.

Учитывая сказанное, нами сформулирована проблема исследования: каковы особенности эмпатии юношества из полных и неполных семей?

В качестве конкретного психодиагностического инструментария использовалась методика «Диагностика социальной эмпатии». Данные были собраны декабря 2010 года студенткой 3 курса факультета психологии БелГУ Претти Гарсия Рафина Йолтуву.

В исследовании принимали участие студенты 3 курса факультета психологии НИУ Белгородский государственный университета количестве 30 человек (26 девушек и 4 юноши), из них 15 человек росли и воспитывались в неполной семье, 15 – в полной. Средний возраст испытуемых – 19 лет.

В результате изучения эмпатии юношей и девушек из полных и неполных семей удалось установить следующее.

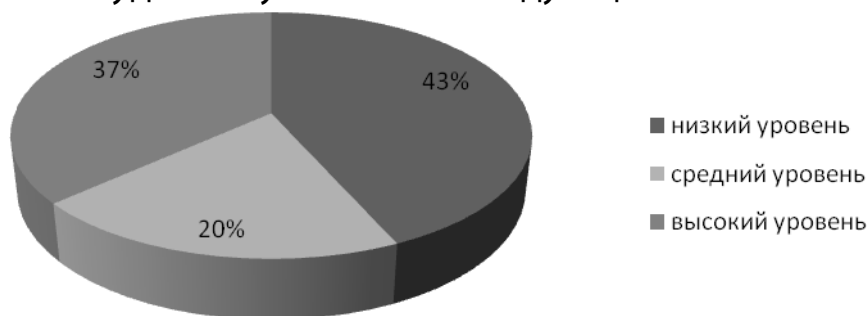

Рис. 1. Распределение юношей и девушек по уровню развития эмпатии

Низкий уровень эмпатических тенденций имеет 43 % испытуемых (13 человек), это означает, что данные юноши и девушки отличаются недостаточной способностью возникновения адекватных эмоциональных реакций на переживания других людей, характеризуются ограниченной способностью верно понимать чувства и эмоции окружающих, обладают значительным количеством установок, блокирующих проявления соответствующих ситуации эмпатических действий.

Средний уровень эмпатических тенденций характерен для 20% испытуемых (6 человека из 30 обследованных): они обладают достаточной способностью эмоционально отзываться на переживания другого, будь то человек, животное или предмет. В своём большинстве они высоко сензитивны к переживаниям других людей, способны к безошибочному распознаванию эмоциональных состояний окружающих, и чаще всего совершают адекватные ситуации эмпатические действия и поступки. Хотя в некоторых случаях возможны ошибочные интерпретации и (или) бездействие.

По результатам исследования высокий уровень эмпатических тенденций имеет 37 % испытуемых (11 человек из числа обследованных юношей и девушек). То есть лишь для малой части обследованных характерно эмоционально отзываться на переживания другого, иметь устойчивую систему знаний, способствующую распознаванию эмоциональных состояний объекта эмпатии и совершать действия, каким-либо образом выражающие своё сочувствие или сопереживание, направленные на помощь и поддержку человеку, если он в ней нуждается.

Получается, по выборке в целом наблюдается тенденция к преобладанию либо низкого уровня эмпатии, либо высокого. Средний уровень по результатам исследования проявляется в наименьшей степени, хотя он есть универсальная форма: чрезмерное сочувствие и сопереживание опасны для личности потерей идентичности, острыми эмоциональными переживаниями из-за близких и не близких людей; низкий же уровень эмпатии граничит с эгоцентризмом и эмоциональной отафированностью. Получается, для большинства обследованных юношей и девушек характерны черты подросткового возраста.

Обратимся к результатам изучения уровня эмпатии юношества из полных и неполных семей.

По рис. 2 можно увидеть, что в полных семьях 66,7 % юношей и

девушек характеризуются низким уровнем развития эмпатии, в то время как в неполных семьях это значение равно 20 %; в полных семьях высокий уровень эмпатии характерен для 20 % обследованных, в неполных – для 53,3 %.

Статистический анализ данных, проведенный с помощью SPSS и критерия U–Манна-Уитни подтвердил, что существуют значимые различия по между уровнем развития эмпатии юношества из полных и неполных семей ($U=13$, $P=0,02$).

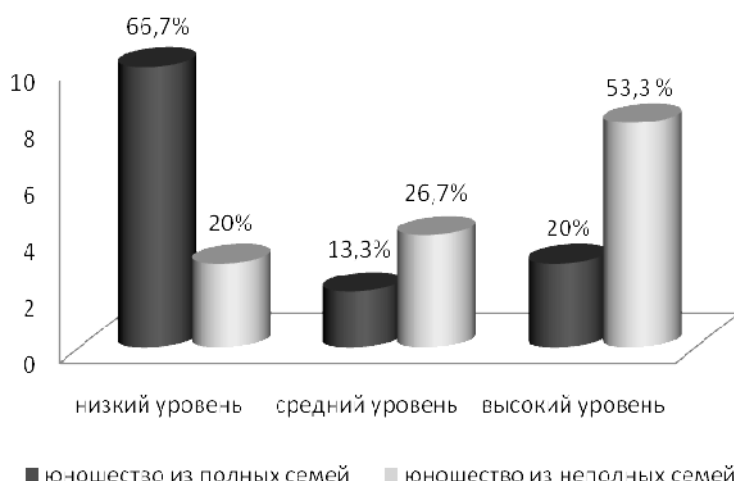

Рис. 2. Распределение юношей и девушек из полных и неполных семей по уровню развития эмпатии

Следовательно, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что юношество из полных семей, находясь в благополучной ситуации, не «погружаются» в переживания окружающих, не считают нужным ставить себя на место других людей, чтобы понять их переживания. С другой стороны, юноши и девушки из неполных семей обладают высокой способностью к сопереживанию и совершению помогающих действий.

Объяснить полученный результат можно тем, что, с одной стороны, благополучная семейная обстановка не является условием, способствующим формированию эмпатических тенденций в юношеском возрасте; с другой стороны, вероятно, в полных семьях, несмотря на присутствие обоих родителей, не является нормой проявлять эмоциональную поддержку членам семьи, что передается растущим в ней детям. С целью коррекции зафиксированной в семьях обстановки психологам имеет смысл реализовывать программы развития эмоциональной культуры как родителей, так и детей.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Максумова Анна Олеговна

*Старший преподаватель кафедры экономики и управления образова-
ния, к.псих.н.*

Институт развития образования Республики Татарстан, г. Казань

Современное образовательное учреждение стремится к гуманизации образования. Это находит отражение в принятой на федеральном уровне национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» (утверждена Д.А. Медведевым 4 февраля 2010 года), Стратегии развития образования в Республике Татарстан на 2010-2015 гг. «Килэчэк» (утверждена премьер-министром Республики Татарстан И.Ш. Халиковым).

В качестве основных задач, стоящих перед современной российской школой, предлагаются следующие: возможность выбора направления обучения, развитие личности ребенка, соблюдение прав ребенка. Очевидно, что процесс реализации данных задач оказывается невозможным без построения в современной школе социально-психологической службы.

Должность психолога постепенно вводится в штатные расписания многих образовательных учреждений, однако часто его деятельность ограничивается взаимодействием лишь с такими субъектами образовательного процесса, как ребенок, его родители, иногда учителя. Будучи единицей организационной структуры образовательного учреждения, психолог до сих пор не может найти там свое место и «нащупать» те инструменты, с помощью которых он мог бы влиять на весь образовательный процесс в целом. В результате он оказывается полностью изолированным от управленческих решений, принимаемых директором и представителями школьной администрации. Это, несомненно, оказывает демотивирующий эффект на психолога, после чего он может навсегда отказаться от работы в школе.

Практическая деятельность современного школьного психолога всегда была разнонаправленной и требовала от него ориентации в широком круге диагностических навыков. Кроме обширных знаний по возрастной психологии, возрастно-психологическому консультирова-

нию, семейной психотерапии, будущие преобразования в образовании дополнительно потребуют от него практических навыков по организационной психологии.

Таким образом, выстраивание адекватных, способствующих эффективности деятельности школы отношений психолога и руководящего звена школы может значительно улучшить процесс функционирования школы по ряду разнообразных направлений. Современному школьному психологу необходимо оказывать психологическое обеспечение ряду организационных решений, принимаемых в ОУ, которые можно сгруппировать по следующим направлениям практической работы психолога:

1. диагностика и разработка мероприятий по улучшению социально-психологического климата в коллективе;

2. выявление с помощью социометрии отвергаемых членов коллектива и проведение психологической работы по их интеграции;

3. нивелирование проблем в коллективе, связанных с наличием взаимозависимых задач, нечетким распределением функциональных обязанностей, психологической несовместимостью участников совместной деятельности, так как все вышеперечисленные недостатки организационной структуры могут стать причиной конфликтов внутри коллектива;

4. выявление и типологизация в образовательном учреждении конфликтных личностей, описание и систематизация их поведения в конфликте, а также формулирование рекомендаций руководству для оптимизации работы с ними;

5. разработка мер по недопущению конфликтов в коллективе, а в случае их возникновения — осуществление их психологического сопровождения;

6. разработка рекомендаций по системе нематериального стимулирования, как педагогических сотрудников, так и технического персонала ОУ, а также составление мотивационных карт;

7. помощь руководителю в обобщении мнений коллектива относительно видения будущего школы, психологическая поддержка в разработке миссии школы, а также помощь руководителю в анализе внешней и внутренней среды образовательного учреждения.

В целом, важно отметить потенциальный немалый вклад школьного психолога в процесс психологического сопровождения управленче-

ских решений, разъяснение происходящих процессов, а также сглаживание сопротивления коллектива, которое является неизбежным в случае организационных изменений, как во внешней, так и во внутренней среде образовательного учреждения. Данная задача становится невероятно актуальной в условиях незнания и домысливания многочисленных изменений, касающихся введения ФГОС, финансирования современной школы, системы оплаты труда и т.д.

Позиция школьного психолога очень сложная, ему придется найти себе новое место в обновленной школе. Работа на этой позиции становится невозможной без установления продуктивных, эффективных взаимоотношений с руководством ОУ — директором или одним из его заместителей, ведь иначе никто из лиц, принимающих решения в образовательном учреждении, не станет согласовывать внедрение результатов, полученных психологом, что может существенно сказаться на отношении к его профессиональной компетентности в школе — со стороны педагогов, детей, родителей. Кроме того, накопление психологических проблем, как у современных детей, так и у взрослых, значительным образом актуализирует его присутствие.

Психолог имеет возможность (и должен!) оказывать руководителю неоценимую помощь путём психологического сопровождения управленческой деятельности. Это будет способствовать целенаправленному и успешному выполнению задач, стоящих перед современной российской школой.

Литература

1. Светенко Т.В., Галковская Г.В. Инновационный менеджмент в управлении школой. М.: АПКППРО. 2009. – 92 с.
2. Серебрякова К. А. Психологическое консультирование в работе школьного психолога. М: Академия, 2010. – 288 с.
3. Фалюшина Л. И. Управление дошкольным образовательным учреждением. Современный аспект. М.: Педагогическое общество России, 2005. – 80 с.

КАТАТИМНО – ИММАГИНАТИВНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ (СИМВОЛДРАМА) В ЛЕЧЕНИИ ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Малахов А.В.

СКБ №8 им. З.П. Соловьёва «Клиника неврозов», г. Москва

В последнее время доля пожилых людей в общей численности населения Земли постоянно увеличивается. Ожидается, что эта тен-

денция сохранится и в дальнейшем. Так, в 1950 году пожилые люди (лица в возрасте 60 лет и старше) составляли 8 % мирового населения, в 2000 году — уже 10 %, а в 2050 году, по прогнозам ООН, их доля достигнет 21 %. [1]

Синдромальный анализ психических расстройств у пожилых пациентов обнаружил значительное преобладание аффективной патологии, выступающей в рамках различных по клинической структуре и степени выраженности депрессивности состояний. [2]

Депрессивные и тревожные расстройства, возникающие в пожилом возрасте представляют собой распространенное явление и вызывают снижение качества жизни в период, когда личный возраст может вызывать уважение к накопленному опыту или к основанной на нем прозорливости. [3]

Основой депрессивных расстройств у пожилых людей являются ситуации невосполнимой утраты (смерть близких, распад семьи, внезапно наступившее одиночество) [4] Существенный вклад и снижение толерантности к эмоционально-стрессовым воздействиям вносит развитие вследствие церебрального атеросклероза сосудистых изменений личности, а также выраженные черты астенизации, обусловленные, как правило, развитием множественных соматических заболеваний. [5]

Использование психотерапевтических методов в геронтологической практике связано с отходом в последние десятилетия от дефицитарной модели старения, согласно которой этот процесс является общим снижением интеллектуальных и эмоциональных возможностей. В настоящее время старение рассматривается как фаза жизни, протекание которой многофакторно обусловлено прошлым, настоящим и ориентацией на будущее [6]

Кататимно-иммагинативная психотерапия (символдрама), является одним из современных направлений психотерапии, первая публикация о котором в России вышла в 1994 году. [7], и который широко используется в Германии при лечении различных психических расстройств пациентов геронтологического профиля [8,9]

В настоящей работе применялась групповая психотерапия по методу символдрамы у пациентов пожилого возраста с использованием мотивов основной ступени и мотивов для удовлетворения архаиче-

ских потребностей и протективного стиля ведения во время представления образа [10].

Проведено психотерапевтическое лечение 15 пациентов пожилого возраста с депрессивными расстройствами. Детальное распределение было следующим:

- Непсихотическое депрессивное расстройство в связи с сосудистым заболеванием головного мозга – F06.361 – 7 чел. – 46,67%;
- Органическое тревожное расстройство в связи с сосудистым заболеванием головного мозга - F06.41 – 3 чел. – 20%;
- Рекуррентное депрессивное расстройство, текущий эпизод средней степени без соматических симптомов - F33.10 - 2чел. – 13,33%;
- Депрессивный эпизод средней степени без соматических симптомов - F32.10 – 3чел. – 20%;

Работа начиналась с «тест-мотива» цветов, который предлагалось представить после релаксации по Шульцу, длящейся 7 – 10 минут. Во время представления образа пациенты достигали достаточной мышечной релаксации и позитивных кататимных переживаний. При этом представляемый цветок, в большинстве числе случаев являлся образом из реальных, позитивных воспоминаний из жизни пациента (цветы на даче или загородном доме). Следующий мотив, который предлагался пациентам: «Место, где Вам хорошо». Техника релаксации и введения в образе оставалось прежней, и использовалась далее на протяжении всего курса психотерапии. Как правило, представлялся морской пейзаж или загородная дача. Некоторые пациенты представляли своих внуков в образах, и общение с ними давало положительный заряд энергии.

Непосредственно после сеансов уменьшались такие соматоформные проявления, как головная боль, мышечное напряжение. Снижалась тревога.

В дальнейшем, пациенты продолжали посещать сеансы групповой психотерапии, осваивая технику релаксации. Для представления предлагались ландшафтные мотивы: «Луг», «Ручей».

Длительность терапии составляла 8 – 10 сеансов, с частотой 1 – 2 сеанса в неделю, что обусловлено сроками нахождения пациентов в стационаре (4 – 6 недель).

В результате проделанной работы 9 участников группы (60 %) отмечали улучшение качества ночного сна, которое субъективно выра-

жалось в более глубоком сне и в состоянии бодрости по утрам. 12 участников (80 %) сообщили о улучшении фона настроения по сравнению с привычным пониженным.

Таким образом, проведение психотерапии по методу символдрамы в лечении депрессий в пожилом возрасте демонстрирует эффективность, что является предпосылкой для дальнейшего исследования в этом современном направлении психотерапии

Литература:

1. Сафарова Г.Л. Демографические аспекты старения населения России // «Отечественные записки», 2005. №3 (23). [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/authors/?author=550>

2. Гаврилова С.И. Современное состояние и перспективы развития отечественной геронтопсихиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. Том 16, выпуск 3. С. 5-12

3. Дж.Р.Эндрюс, Новый взгляд на старение в международный год пожилых // Биомедицинский журнал Medline.ru, Февраль, 2003 г. ТОМ 4, СТ. 25 (стр. 28). [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.medline.ru/public/art/tom4/art25.phtml>

4. Летикова З.В. Анализ факторов развития депрессивных расстройств у лиц позднего возраста в условиях одиночества // Социальная и клиническая психиатрия. Том 16, выпуск 3. С. 17 - 22

5. Михайлова Н.М. Сирияченко Т.М., Тревожное расстройство в позднем возрасте // Русский медицинский журнал, 2006г. №29. 2080. [электронный ресурс] – режим доступа: http://www.rmj.ru/articles_4373.htm

6. Психотерапевтическая энциклопедия / под редакцией Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 752с. (453 – 455 Психотерапия в геронтологической практике)

7. Обухов Я.Л. Символдрама Введение в основную ступень. Ростов-на-Дону 2005. – 119 с.

8. Rolf D. Hirsch Lerner ist immer möglich. München; Basel : E. Reinhardt, 1991. – 164 с.

9. Alber Erlander. Katathym-Imaginative Psychotherapie mit älteren Menschen. 1997. – 170 с.

10. Ханскарл Лейнер. Кататимное переживание образов. М.: Эйдос, 1996. – 252с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АЛКОГОЛЬЗАВИСИМЫХ, СОВЕРШАВШИХ И НЕ СОВЕРШАВШИХ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫЕ ДЕЯНИЯ

Марселин А.Д., Нуруллаев Р.А.

ОГУЗ «Наркологический диспансер» (г. Астрахань)

Как известно, злоупотребление спиртными напитками и формирование алкогольной зависимости, способствуют возникновению стойких психофизиологических и личностных нарушений [2, 3, 6, 9]. В то же время, психоорганические дисфункции различного генеза имеют

широкое распространение среди осужденных, отбывающих уголовное наказание [1, 4, 5]. В этой связи важным представляется вопрос о наличии психологических маркеров, свойственных алкогользависимым, склонным к совершению противоправных поступков.

Цель исследования. Изучение и описание психоэмоциональных особенностей у больных алкоголизмом, подвергшихся уголовному наказанию.

Материалы и методы. В исследовании участвовали три группы испытуемых (356 человек) мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст 37,5 лет). I группа (134 человека) — испытуемые, имеющие алкогольную зависимость, подвергавшиеся уголовному наказанию (группа «АП»); II группа (118 человек) — испытуемые, имеющие алкогольную зависимость II стадии (фаза ремиссии), не подвергавшиеся когда-либо уголовному наказанию (группа «А»); III группа (104 человека) — испытуемые, не являющиеся больными хроническим алкоголизмом и находящиеся в местах лишения свободы за совершения уголовно наказуемых деяний (группа «П»).

Обследование проводилось с помощью проективной методики М. Люшера [8]. Статистическая обработка показателей осуществлялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа [7].

Результаты. Достоверные различия между группами отмечались по четырем шкалам: «нестабильность выбора», «фактор тревожности», «фактор активности», «фактор работоспособности».

В частности, по фактору «нестабильность выбора» у алкогользависимых и неалкогользависимых осужденных ($p > 0,05$) диагностировались относительно низкие показатели, свидетельствующие о более высоком уровне эмоциональной устойчивости в сравнении с больными алкоголизмом не подвергавшимся уголовному наказанию («АП»=23,92%; «П»=21,81%; «А»=31,73%). При этом, данные, полученные в ходе наблюдений, опросов и литературных исследований [1, 4], а также при сопоставлении с показателями других шкал, говорят не столько об эмоциональной стабильности осужденных, сколько о проявлении с их стороны настороженности, стремления контролировать ситуацию и свои ответы, избегая «ошибок» и противоречий, в то время как алкогользависимые группы «А» психологически чувствовали себя более свободно и защищено. Так, показатели по шкале «тревожность»

(«АП»=36,22 %; «П»=34,37 %; «А»=28,70 %) обозначили достоверно более высокий уровень подозрительности, настороженности, фрустрированности актуальных потребностей, проявлении компенсаторного поведения среди респондентов «АП» и «П».

Характерно, что высокий уровень тревожности сочетался у алкогользависимых преступников со сравнительно низкими показателями активности и работоспособности. Так, по фактору «активность» у больных алкоголизмом в обеих группах («АП»=45,70 %; «А»=46,25 %; $p>0,05$) диагностируется менее высокий уровень по отношению к осужденным третьей группы («П»=50,32 %; $p<0,05$), что, на наш взгляд может свидетельствовать об алкогольном генезе явления. А по шкале «работоспособность» у алкогользависимых, подвергшихся уголовному наказанию диагностировались более низкие показатели ($p<0,01$) сравнительно с респондентами двух других групп («АП»=57,31 %; «П»=66,72 %; «А»=64,33 %). Вероятно, данные показатели свидетельствуют не только о наличии у «АП» повышенной утомляемости, низкой работоспособности, длительном периоде восстановления сил, о волевых и мотивационных нарушениях, характеризующихся снижением упорства, более равнодушным отношением к процессу работы, но и о том, что алкогользависимым преступникам гораздо сложнее включиться в конструктивную трудовую деятельность в сложных условиях изоляции [3, 4, 5, 9].

Показатели по фактору «отклонения от аутогенной нормы» («АП»=53,75 %; «П»=50,63 %; «А»=53,20 %; $p>0,05$), свидетельствовали о широкой распространенности среди респондентов, непродуктивной нервно-психической напряженности, наличии выраженных актуальных внутриличностных проблем, склонности к быстрой физической и психической истощаемости, невысокому коэффициенту полезного действия в целом. Вероятны эмоционально-волевые нарушения в виде аффективной нестабильности, высокой тревожности, заостренности внимания на личностных переживаниях, склонности к проявлению импульсивных иррациональных реакций в стрессогенных условиях, низкой самомотивации и поверхностной установки на конструктивную деятельность. Преобладание у трети всех испытуемых ($p>0,05$) тропного тонуса (шкала «показатель вегетативного тонуса»), сопутствующего доминированию парасимпатического отдела нервной системы, также свидетельствует об общей психоэмоциональной нестабиль-

ности респондентов — низком энергетическом потенциале организма, склонности к психическому перевозбуждению и быстрому утомлению, активизации потребности в покое и самосохранении.

Таким образом, у значительной части испытуемых отмечается наличие психофизиологических и эмоционально-волевых нарушений, вероятно, сопутствующих психоорганическим дисфункциям различного генеза [2, 3, 8]. При этом, у алкогользависимых преступников диагностируется более быстрая психоэмоциональная истощаемость, сниженная работоспособность, более выраженные симптомы мотивационных и волевых нарушений. Среди осужденных, как имеющих, так и не имеющих алкогольную зависимость выявляются сравнительно высокая тревожность, подозрительность, стремление контролировать ситуацию. В их среде отмечается высокий уровень фрустрированности, наличие компенсаторного поведения, способствующего временной психоэмоциональной разрядке, которая не приводит к удовлетворению ущемленных актуальных потребностей, провоцируя формирование невротических поведенческих реакций.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при разработке и реализации психокоррекционных программ для больных алкоголизмом, подвергавшихся и не подвергавшихся уголовному наказанию, а также при проведении профилактических антиалкогольных мероприятий с населением из группы риска.

Литература:

1. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология. – Донецк: Сталкер, 1998. – 427 с.
2. Братусь Б. С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 96 с.
3. Лисицын Ю. П., Сидоров П. И. Алкоголизм: медико-социальные аспекты. Руководство для врачей. – М.: Медицина, 1990. – 527 с.
4. Обросов И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальный аспекты): Дис. ... к.м.н. – М., 2004. – 356 с.
5. Петрашова О.И. Алкоголизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2004. – 208 с.
6. Пятницкая И.Н. Общая и частная наркология: Руководство для врачей. – М.: Медицина, 2008. – 640 с.
7. Сергиенко В.И., Бондарева И.Б. Математическая статистика в клинических исследованиях. – М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 2000. – 256 с.
8. Тимофеев В.И. Филимоненко Ю.И. Краткое руководство по использованию теста М. Люшера. – СПб.: ИМАТОН, 1995. – 29 с.
9. Энтин Г. М., Гофман А. Г., Музыченко А. П., Крылов Е. Н. Алкогольная и наркотическая зависимость (Практическое руководство для врачей). – М.: Медпрактика-М, 2002. – 328 с.

**ВОЗДЕЙСТВИЕ КОМПЬЮТЕРА НА НРАВСТВЕННОСТЬ,
КУЛЬТУРУ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ЭТИКУ
В «КАРЕЛЬСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ» ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА
НЕВСКОГО РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ Г. ПЕТРОЗАВОДСК**

Маурина Н.Б., Пилипенко В.И.

*МОУ СОШ №9, «Карельский кадетский корпус» им. Александра Невского,
г. Петрозаводск*

Нравственность — совокупность норм, определяющих поведение человека. Нравственная культура личности есть продукт развития человеческих отношений, которая обусловлена социальным прогрессом. Ученые ведут дискуссии о нравственном прогрессе. Как в наше время нравственный прогресс влияет на мир культуры человеческих отношений ценности материальной и духовной культуры, применяемой в жизни человека. Нравственный прогресс человечества это экономический, научно–технический и другие виды прогресса имеющие свои собственные критерии. Критерием нравственного прогресса является индивид - носитель культуры. Может ли человек воздействовать нравственно на возможности развития личности в структуре «человек – компьютер», «человек – интернет».

Рассмотрим, что же такое интернет – аддикция. Интернет – аддикция – феномен психологической зависимости от сети Интернет, проявляющийся в своеобразном уходе от реальности, при котором процесс навигации по сети затягивает субъекта настолько, что он оказывается не в состоянии полноценно функционировать в реальном мире, при этом изменяется психическое состояние.

В основном исследовании, проведенном в «Карельском кадетском корпусе» имени Александра Невского Республика Карелия г. Петрозаводске в январе – феврале 2011 года, приняли участие 56 человек — юноши. Возраст респондентов по всей выборке преимущественно от 14 до 18 лет.

По результатам исследования респондентов, кадеты выявили следующие направления вариантов влияния компьютера на человека. В процессе формирования аддикции в системе «человек-компьютер» происходят различные изменения. В числе вопросов заданных респондентам доминирующим был вопрос: «Как интернет – аддикция мо-

жет влиять на человека, на его нравственность, профессиональную этику?» Кадеты–школьники выявили следующие направления аддикции: 1. подростки и взрослые для получения информации и для общения с желанием выходят в интернет; 2. подростки и взрослые много времени проводят в интернете; 3. у подростков и взрослых болит голова; 4. у подростков и взрослых болит спина; 5. у людей пользующихся компьютером немеет рука; 6. подростки и взрослые недосыпают; 7. появляются проблемы в семье у подростков и взрослых; 8. появляются проблемы в учебном учреждении у подростков и взрослых; 9. появляются проблемы с друзьями у подростков и взрослых; 10. появляются проблемы с родителями у подростков и взрослых; 11. появляются проблемы со здоровьем у подростков и взрослых; 12. подростки и взрослые играют в игры в интернете; 13. подростки и взрослые играют в игры группами в интернете; 14. начинают пренебрегать профессиональными обязанностями — опаздывать, становятся необязательными; 15. нарушается коммуникативное общение между подростками и взрослыми; 16. формируется депрессия у подростков и взрослых; 17. появляются проблемы с учебой у подростков и взрослых; 18. начинают болеть глаза у подростков и взрослых; 19. питание становится нерегулярным у подростков и взрослых; 20. начинают пренебрегать личной гигиеной подростки и взрослые; 21. формируется нарушение схемы сна у подростков и взрослых; 22. изменяется режим сна у подростков и взрослых; 23. утрачиваются интересы, кроме как к компьютеру у подростков и взрослых; 24. могут формироваться психические заболевания у подростков и взрослых; 25. происходит эмоциональное уплощение по отношению друг к другу у подростков и взрослых; 26. нередко происходит раздвоение психики у подростков и взрослых; 27. люди иногда в интернете раздваиваются, расстраиваются как подростки, так и взрослые; 28. нарушается социальное общение у детей и взрослых; 29. не формируется нормальное чувство любви у детей и взрослых; 30. процессы формирования нравственности нарушены у детей и взрослых; 31. у некоторых подростков и взрослых происходит разрушение нравственности; 32. на фоне формирования нарушения психики, происходят и физиологические нарушения; 33. агрессивность повышается у детей и взрослых; 34. суицидальная настроенность, что нередко заканчивается законченными суицидами; 35. пропадают интересы к чте-

нию книг; 36. компьютер постепенно заменяет друзей и семью; 37. на фоне отгороженности от реального мира усиливается чувство одиночества; 38. происходит подчинение подростка и взрослого компьютеру; 39. на фоне отсутствия увлечений, исчезают любимые увлечения; 40. неправильно формируется понятие идеала; 41. любовь к реальной природе отсутствует; 42. пропадает интерес к посещению театров, кинотеатров; 43. кулинарные пристрастия упрощаются и нивелируются.

В России необходимо увеличить финансовую составляющую на развитие нравственности, культурного поведения и профессиональную этику.

Марк Гриффитс, психолог делит Интернет-зависимых на две группы, выделяя аддиктов первого и второго порядка. Аддикты 1-го порядка — любят играть в игры группами, при этом получая позитивное подкрепление во время игры в сети. Аддикты 2-го порядка — используют компьютер, как уход от своей личной жизни к компьютеру — машине.

Культурное поведение — это поведение человека, которое выработано и которого придерживается данное общество. Оно включает определенные манеры, общепринятые способы общения, обращения с окружающими. Культурное поведение — красивое и правильное поведение за столом, вежливое и предупредительное отношение к старшим, женщинам, умение держать себя в обществе, соблюдение норм профессиональной этики.

Профессиональная этика в «Карельском кадетском корпусе» имени Александра Невского Республике Карелия г. Петрозаводске — кодекс поведения, предписывающие определенный тип нравственных взаимоотношений между людьми. Для кадетского корпуса характерна четкость, даже жесткость отношений, более однозначное следование уставным требованиям и распоряжениям начальства, нежели для других типов коллективов. В «Карельском кадетском корпусе» имени Александра Невского Республике Карелия г. Петрозаводске более высокая степень нравственности, взаимопомощи, взаимовыручки и профессиональной этики. Все это продиктовано характером деятельности в процессе обучения и повседневной жизни.

Как же человек может взаимодействовать в системе «человек – компьютер», «человек – интернет» не нанося человечеству вред, не

разрушая нравственность, культуру поведения человека и профессиональную этику.

Рассмотрим модели взаимодействия в системе «человек – компьютер», «человек – интернет» на примере в «Карельском кадетском корпусе» имени Александра Невского Республике Карелия г. Петрозаводске. В числе вопросов заданных школьникам – кадетам доминирующим был: «Может ли человек воздействовать нравственно на возможности развития личности «человек – компьютер», «человек – интернет»?» По результатам исследования респондентов, выявились следующие направления вариантов влияния компьютера на человека. В целях правильного взаимодействия в системе «человек – компьютер», «человек – интернет» необходимо: 1. подросткам и взрослым компьютер нужен; 2. соблюдать режим дня; 3. необходимость заниматься спортом; 4. правильное чтение книг; 5. необходимость наличия хобби; 6. взаимодействие между подростками должны происходить на фоне заботы друг о друге; 7. должна быть правильно сформирована и проявляться любовь к близким людям; 8. необходимость постоянно учиться; 9. необходимо любить свою Родину, страну, город, дом, семью, родителей; 10. у подростка должно быть сформировано правильное понятие идеала; 11. необходимость следить за своим здоровьем и заниматься профилактикой его нарушения; 12. в системе «человек – компьютер», «человек – интернет» руководящим звеном должен быть человек; 13. необходимо наличие кулинарных привязанностей и любимых блюд; 14. любовь к реальной природе должна быть не абстрактной и отвлеченной, а конкретной и приземленной; 15. необходимость требований личной гигиены; 16. питание должно быть правильным; 17. необходимость потребности посещения театров, кинотеатров; 18. необходимость любимой профессии.

Компьютеризация человечеству необходима и обоснована, так как прогресс остановить невозможно. Но взаимодействие системы «человек – компьютер», «человек – интернет» должно быть правильным, грамотным без элементов формирования аддикции.

Государство должно держать под постоянным контролем процесс компьютеризации в стране с использованием новейших достижений этой науки в мире. Все это должно происходить на фоне достаточного финансирования со стороны Государства и под постоянным и строгим контролем со стороны Государства.

ВЗГЛЯД КОНСУЛЬТАНТА НА ПУТИ ВЫХОДА ИЗ СЕМЕЙНЫХ КРИЗИСОВ

Межеричкая Л.Д., Кунин Е.Е.

*Филиал Московского педагогического государственного университета,
г.Новосибирск*

Уже более ста лет назад справедливо отмечалось, что «основа здоровой нравственной жизни общества и его живучести есть семья. Если внутри этой общественной единицы искажены основные начала жизни, если испорчено это зерно общественного развития и порядка, то, сколько бы ни творили мы искусственных форм, они не приведут с собой здоровой жизни для общества» [1]. Какие же формы предлагаются сейчас в оздоровлении отношений?

В популярных статьях, посвящённых решению семейных кризисов, можно найти разнообразные рекомендации. Например, отмечается, что бездействие и надежда на то, что всё решится как-нибудь само собой — это не выход, а позиция, ведущая к усугублению трудностей. Рекомендуется выбирать способ, подходящий обоим супругам. В качестве возможных вариантов предлагаются: письменное выражение претензий, с последующим подведением итогов; решение о временном разъезде, принятое в спокойной обстановке, где оговаривается и выдерживается срок отдельного проживания; приоритет собственным чувствам и желаниям; тактика «дать больше свободы» партнёру; поиск интересного занятия, которое сблизит супругов; в случае обмана или измены «дать человеку второй шанс»; обращение за помощью к психологу, работающему с семьями [2]. Рассмотренные психологические рекомендации исходят из презумпции взрослости субъекта, из допущения, что рассматривающие сегодня вопросы супружества, отцовства и материнства чиновники и специалисты (учёные, педагоги, психологи) являются психологически взрослыми людьми.

Возникает вопрос: можно ли назвать такие формы «преобразующей» деятельности супругов действительным выходом из кризиса семьи? На консультацию приходят обеспокоенные поведением своих близких супруги и родители, как правило, исходящие из заключения: «мы не знаем ЧТО делать». Кроме того, когда реальность кризисных отношений с членом семьи «врывается» в жизнь, то частой реакцией

становится отрицание, детское нежелание признавать неприятную реальность, отказаться от неё, «отменить».

В беседе с психологом клиенты постепенно осознают, что воевать, кричать, шантажировать, торговаться или махнуть рукой, жить «параллельно», не вмешиваться — способы поведения, которые их не устраивают. Хочется, чтобы психолог предложил что-нибудь новое, чего они не знают. Но обеспокоенные клиенты не только не знают, что делать, но и не могут ничего делать, так как не являются субъектами, подготовленными для преобразующей деятельности. И поэтому на вопрос «Как мне поступать с супругом/супругой/ребёнком, когда они делают то-то и то-то?» подходящий и точный ответ психолога: «Никак». Опыт консультирования показывает, что поначалу никакого эффективного антикризисного поведения ни клиент, ни другие знакомые ему взрослые люди осуществлять не могут и не осуществляют. Признать, что ничего не можешь сделать — это тяжело. Клиенты испытывают тревогу и растерянность, когда слышат: «Ничего не делать, у вас нет подготовки».

Когда клиенты приносят на консультацию свои ожидания готового «рецепта», требования, эмоциональные оценки поведения других членов семьи, полное или частичное оправдание и рационализацию собственного поведения, можно говорить о небольшой мере взрослости, «предвзрослости» в поведении взрослых по возрасту людей. «Предвзрослость» описывается как масштабное демографическое явление. Маркетинг и культура способствуют распространению «предвзрослости» как стиля жизни [3]. Консультативная практика показывает, что взрослые по возрасту, но не повзрослевшие люди с трудом находят свою взрослую роль и не знают, что в ней им действительно нужно делать. Они изображают взрослых матерей и отцов, взрослых мужчин и женщин. Мужчины, например, часто не являются носителями отцовства, как одного из качеств проявления мужчины. Поверхностность мужчин во взрослой роли — следствие современной культурной неопределённости их роли в семье.

Важно отметить, что когда клиенты хотят получить от психолога советы, рекомендации, техники, т.е. психологические инструменты в воспитании своих супругов и/или детей, они упускают из виду, не осознают собственную неподготовленность, необученность роли взрослого супруга/взрослого родителя. Если психолог «даст» клиенту

без его предварительной подготовки и обучения психологические инструменты воздействия на другого члена семьи, то они будут не освоены, а дискредитированы и не принесут взаимной пользы.

Представляется, что первым шагом в преодолении кризиса супружеских/родительских отношений становится узнавание и признание своей «немощи», т.е. беспомощности, слабости в этом вопросе. Если член семьи не готов узнать, встретить свою слабость, не готов «перед нею предстать», то он откажется и признать её, «закроет глаза» или «посмотрит сквозь пальцы».

Если клиент сделает первый шаг — осознает и признает свою немоту в сложных вопросах взаимоотношений, то становится возможен следующий – начать уделять внимание. Кому? Ни супругу, ни ребёнку, а себе. Не продолжать спрашивать «Что я сделаю с супругом/ребёнком?», а искать ответы на вопросы: «Что в ситуации может быть возможным для меня?», «Что я подготовлю как свою возможность?», «Что такое мужественность/женственность?», «Как устроено отцовство/материнство?», «Как формируется моя семейная реальность?», «Из каких ресурсов и как она управляется?», «Что я про это знаю внутри, своим опытом, а что начинаю узнавать из практики обучения?». Терпеливый поиск ответов даёт надежду на результат. Пример. Юноша спрашивает мастера спорта по штанге: «А я могу стать мастером спорта по штанге?» Мастер смотрит на него и говорит: «Три раза в неделю, пять лет. Каждый может стать, если будет тренироваться в этом режиме». Тот, кто прошёл путь, знает условия достижения мастерства и может его указать. Психолог также может указать путь, если сам занимается развитием своей взрослой роли. У супругов/родителей есть возможность повзрослеть и найти зрелые пути выхода из семейного кризиса, если они будут регулярно уделять время и внимание обучению, тренировке состояний супружества, состояний родительства. Узнавать их в себе, изучать течение процессов, тренироваться во взрослых родительских проявлениях. Именно в такой практике будут рождаться индивидуальные ответы на вопрос «что делать?»

В настоящее время психологам, работающим с семейными кризисами, не требуется предъявление «сертификата взросления», в котором указываются часы личной практики. Часы обучения дисциплине приравниваются к часам личного опыта и обучения. Тратятся время и

ресурсы, но существенных изменений в сфере помощи семье не происходит, так как нет действенной силы, отсутствует практика обучения зрелой взрослости. Э.Берн описывает эго-состояние Взрослого как свободу выбора действий и эмоциональных состояний, принятие ответственности за последствия выбора, умение рассчитывать варианты действий для решения жизненных задач. Добавим к этому отказ от самообвинений и обвинений других, гибкие стратегии поведения в социуме, развитые способы саморегуляции. Это, в большей мере, внешние критерии состояния взрослости. Но пока у человека нет внутренних критериев, он сверяется со внешними характеристиками.

Другим путём выхода из семейных кризисов может стать обучение практике служения — деятельности на высоком уровне осознанности и ответственности, дающей ощущение полноты и удовлетворения жизнью.

Итак, для выхода из семейных кризисов, помимо признания слабости в решении проблем, необходимо признать свою малую меру взрослости и необходимость решать задачи взросления; начать формировать под руководством взрослого психолога осознанное отношение к супружеству, отцовству/материнству, обучаться и постоянно практиковать свою роль зрелого взрослого. Все действия осознанного супружества, отцовства/материнства могут осуществляться лишь силой зрелой взрослости.

Литература

1. «Христианские начала семейной жизни». Изд. К. П. Победоносцева. Москва. 1899. От Издателя. С. 4. /<http://www.zavet.ru/rapsbio3.htm>
2. Хаймовиц К. Женщины в отчаянии мужчины никак не могут повзрослеть / <http://www.bfm.ru/article>
3. Семейные кризисы-пути выхода / http://www.ameno.ru/private_life/persones/43834

МОНИТОРИНГ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Михайлов Я.

Международная Высшая Школа Практической Психологии (Рига, Латвия)
janis_m@sppa.lv

В системе образования (как и во многих других областях жизни) наблюдаются «тектонические» движения. Говорится о необходимости

введения «инноваций», о «модернизации» образования, об «академической мобильности», о студенческих «производственных структурах», о необходимости в образовании учитывать «требования жизни», т.е. рынка, бизнеса, сферы занятости, квалификаций.

Другими словами, когда говорят о необходимости модернизации в образовании, то, как правило, имеют в виду принятие нового закона о системе среднего и высшего образования, о связи образования с бизнесом, о новых технологических разработках в стенах ВУЗов, об уровне компетентности выпускников.

Безусловно, все это может существенно повысить качество подготовки специалистов. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно.

В связи с гуманизацией общественных процессов на первый план выходят вопросы развития самого субъекта учебной и профессиональной деятельности. Вопросы о том, в какой мере во время обучения или включения в профессиональную деятельность человек становится интересным для себя и для других, как он оценивает развитие своих познавательных способностей, своего места среди других людей, как меняется чувство уверенности (или, наоборот, растерянности) при выполнении учебных, профессиональных, социальных задач.

«Объектно-ориентированное» образование в настоящее время предполагает и «субъектно-ориентированные» аспекты работы, развитие студента как личности. Вне учёта этого фактора невозможно говорить о качестве обучения и профессиональной подготовке.

При такой постановке вопроса возникают новые противоречия. Кроме противоречия между академической и профессиональной подготовкой, которое становится все более очевидным при усилении связей, контактов, взаимодействия между образованием и бизнесом, рынком (в широком смысле этого слова), становится все более определённым противоречие между самоопределением студента (что он выбирает, какие формы работы кажутся ему наиболее адекватными,...) и профессионализацией как некоторым объективно задаваемым вектором движения.

Качество образовательного процесса зависит от того, в какой мере гармонируются противоречия между требованиями к студентам, которые идут «извне», и его внутренней активностью, связанной с постановкой своих собственных целей, выработкой своих собственных

смыслов, представлений, отношений.

Мониторинг реализации целей профессиональной программы, которая включает в себя и развитие личности студента, проводится на трёх уровнях. Он включает в себя работу в средней школе, ВУЗе и с выпускниками, приступившими к реализации своих профессиональных намерений.

В средней школе работу проводят студенты во время профессиональной практики, в ВУЗе — «Психологическая служба», после Школы — Ассоциация выпускников, в содружестве с другими профессиональными ассоциациями.

Со школьниками («целевая аудитория») проводится работа по активизации профессионального самоопределения и психологическое просвещенное, ориентированное на исследование собственного интеллектуального и эмоционального потенциала.

В ВУЗе организована «Школа профессионального выбора» для ознакомления старшеклассников со спецификой обучения в Высшей Школе и с концепцией Школы.

Во время поступления рефлектанты (абитуриенты) проходят психологическое обследование, диагностику, которая ориентирована на 10 параметров (см. рис.) и проводится в течение трёх дней. После психологического обследования рефлектанты получают «на руки» так называемый «психологический портрет», в котором описаны их особенности и даются рекомендации по коррекции или развитию тех или других сторон личности. При обследовании используются как психологические тесты, так и анализ продуктов деятельности (эссе на заданную тему, ответы на проблемные вопросы).

По результатам обследования составляются таблицы, которые используются как исходный материал для дальнейшего анализа развития. Все рефлектанты, в зависимости от результатов обследования, делятся на три группы: «высокий» – «средний» – «низкий» уровень развития. Для наглядности и быстрой ориентировки каждая группа окрашивается в свой цвет: зелёный (высокий уровень) — красный (низкий уровень развития).

Второй уровень работы — это мониторинг развития личности студента в самой Школе. Эту работу обеспечивает «Психологическая служба» ВУЗа, которая была создана решением Сената Школы в 1995

году и которая включает в себя «центр психологических консультаций». Свои проблемные вопросы, связанные с развитием личности, студенты имеют возможность обсудить на домашней странице Психологической службы (www.balt-unia.lv).

Параметры диагностики готовности школьника к обучению в ВУЗе

По вертикали – параметры, которые преимущественно лежат в фокусе внимания Психологической службы.

По горизонтали – параметры, которые преимущественно лежат в сфере ответственности и контроля самого студента.

Психологическая служба — внутренняя структура Высшей Школы для организации психологической поддержки студентов и преподавателей во время учебной (педагогической) работы.

Целью создания психологической службы является мониторинг развития студентов в когнитивной, эмоциональной, практической, этической, коммуникативной и социальной сферах.

Первоочередные задачи:

- Исследовать ожидания студентов ко времени поступления в Высшую Школу.

- Определить уровень педагогической, социальной, психологической готовности и уровень развития рефлектантов к обучению в вузе.
- Исследовать динамику развития студентов при освоении учебных предметов, учебных (профессиональных) практик и в процессе общения.
- Исследовать связанные с обучением эмоциональные проблемы студентов и уровень их выраженности.
- Организовать психологические консультации для студентов и преподавателей, а также готовить информационные материалы в помощь студентам (афиши, проспекты) для лучшей ориентировки в возможностях психологической поддержки.

Психологическая служба обеспечивает:

- Психологическое сопровождение развития студентов в учебной деятельности.
- Изучение эффективности развития профессиональной позиции, готовности к профессиональной деятельности, оценки своих знаний и профессиональных умений.
- Исследование личностного роста и развития студентов (мотивация, эмоциональный тонус и эмоциональная стабильность, самооценка, коммуникативные способности, индивидуальный стиль).

Психологической службой руководит Директор, который приглашается на эту должность деканом психологического факультета и учредителем организации. Для осуществления своих функций Директор сотрудничает с преподавателями и студентами психологического факультета, которые привлекаются для проведения намеченных работ. Работа планируется еженедельно и раз в месяц составляется отчёт.

- Материалы обследования в электронном формате хранятся в базе данных.
- Эти материалы носят конфиденциальный характер.
- По материалам обследований составляются обобщенные данные и даются рекомендации по психологическим аспектам работы (самочувствие, отношения, самоорганизация).
- Для эффективного выполнения работы Директор службы тесно сотрудничает с администрацией всех факультетов Высшей Школы

и администрация, в свою очередь, всячески помогает проведению запланированной работы.

- По материалам обследований студенты (преподаватели) получают обратную связь и необходимую психологическую помощь.
- Психологическая служба вуза строит свою работу в тесном сотрудничестве с Ассоциацией психологов-консультантов Балтии.

Итак, мониторинг развития студентов предполагает фиксацию «внешних» показателей (т.е. полученных методом тестов, экспертных оценок, анализа протоколов выполнения работы,...) и «внутренних» параметров (ощущений, ожиданий, оценок, рефлексии).

Сопоставляются параметры:

- развития мотивационно-ценностной сферы, которые рассматриваются как баланс между ориентацией на «потребление», «приобретение» и на «дело», «креативность», творчество;
- развития познавательных процессов и восприятие этого развития студентом;
- развитие коммуникативной сферы, и в связи с этим – характера (терпения, толерантности, самоорганизации);
- развитие культуры исследовательской деятельности
- развитие проектно-конструктивного мышления в процессе выполнения творческих заданий;
- развитие культуры публичных выступлений и налаживания деловых связей с потенциальными партнёрами.

Работа в этом направлении преследует цель устанавливать партнёрские и конструктивные отношения между студентами, преподавателями, администрацией и потенциальными работодателями.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО ПРОФИЛЯ И САМОСОЗНАНИЯ ЛЮДЕЙ, РАБОТАЮЩИХ С ФАКТОРАМИ РИСКА

(НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ МЧС)

Михайлова С.Н., Митрошина М.А.

АлтГУ, г. Барнаул

За последнее время в современных социально-политических условиях все более широкое распространение получают чрезвычайные

ситуации. Среди специалистов в настоящее время растет обеспокоенность последствиями психосоциального и душевного здоровья.

В данный момент в спасательных отрядах работают люди, которые не проходили профессиональный отбор, но занимались экстремальными видами спорта, физически подготовленные и готовые к риску. Но успешность деятельности спасателей зависит не только от состояния здоровья и уровня специальной и общей подготовки, но и от значимых психологических и психофизических качеств. Оценка этих качеств должна стать одной из задач системы профессионального отбора и обучения спасателей.

Выбирая данный вид профессии, спасатель выбирает, в свою очередь, определенный стиль жизни. Стиль жизни анализируется как феномен индивидуальности, то есть личности, обладающей собственным внутренним миром, самосознанием и саморегуляцией поведения, складывающимися и действующими как организатор поведения – «я», и являющийся относительно «замкнутой саморегулирующей системой». Нас заинтересовало два вопроса: 1) постоянное взаимодействие со стрессовыми ситуациями может повлечь за собой характерные изменения в структуре самосознания и формирование особенностей личностного профиля, 2) какие же факторы влияют на самосознание людей, выбравших экстремальный вид профессий.

Для достижения поставленной цели нами были выдвинуты следующие задачи:

1. Проанализировать теоретико-методологические основы данной проблемы
2. Получить стандартизированную информацию о биографии, о ситуации окружающей среды и актуальном психическом состоянии спасателей МЧС
3. Изучить иерархическую структуру самосознания спасателей МЧС
4. Определить корреляционные связи социальных факторов с компонентами самосознания спасателей МЧС
5. Определить взаимосвязь жизненных потрясений на выбор профессии

Исследования проводились на личном составе поисково-спасательных отрядов МЧС г. Барнаула, Рубцовска, Бийска, Томска, Читы, Красноярска и некоторых районов Горного Алтая (55 человек). Об-

следование проводилось в течение 2-х лет.

Нами были использованы: биографический опросник (BIV)(Bottscher, Jager, Lischer, 1976), тест Люшера, тест опросник самоотношения (В.В. Столин), методика «Оценивание пятилетних интервалов» (Е. Головаха, 1985), а также метод наблюдения и беседы с испытуемыми, работа с историями болезней.

По результатам исследования проведена статистическая обработка данных по Т-критерию Стьюдента, корреляционный и факторный анализы.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Жизненные потрясения предшествуют выбору экстремальной профессии, как факторы, помогающие найти нереализованный в прошлом выход из жизненных потрясений. Успешная жизнь в обществе (адаптация к окружающей социальной среде) не всегда способствует самореализации, — различают две жизненные программы; внешняя программа — социально-психологическая адаптация к социуму и внутренняя программа — самореализация. Спасатели выбирают внешнюю программу. Жизненный путь подлежит периодизации не только возрастной (детство, юность, зрелость, старость), но и личностной, которая начиная с юности уже перестает совпадать с возрастной. Спасатели — это люди с заниженным психологическим возрастом, которые видят в жизни еще очень длинный путь.
2. Важным условием успешного выполнения спасателями своей работы является их уверенность в собственных возможностях — высокая самооценка, самоприятие, аутосимпатия, самоуверенность.
3. Специфика профессиональной деятельности спасателей связана с неблагоприятным воздействием на них вредных условий (физических, психологических и др.), которые приводят к стрессу.
4. Молодые спасатели, те, кто недавно пришел в спасательный отряд, имеют низкий уровень реализованности, большие жизненные ожидания и перспективы. Прошлое они рассматривают менее насыщенным, чем свое дальнейшее будущее, надеясь реализовать себя.

5. У спасателей среднего возраста отмечено негативное воспитательное поведение родителей, неврогенный тип воспитания, отрицательный характер взаимодействия между родителями. У них низкая реализованность в жизни, напряжение в личных и социальных контактах. Они верят в свои силы, самостоятельны, эмоционально уравновешены.
6. Спасатели старшего возраста (после 38 лет) с выраженной силой «я», самоуверенные, способные добиваться своего, но отмечается склонность к психосоматическим заболеваниям, низкая устойчивость к стрессовым нагрузкам, эмоциональная лабильность, общая психическая неустойчивость. Часто усталость и пониженное настроение. Стремятся к эмоциональному покою и гармонии. Этой группе людей рекомендована психокоррекция.

**ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛЮДЕЙ
ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА
ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ МЧС**

Михайлова С.Н., Останина О.Ю.

АлтГУ, г. Барнаул

Психология экстремальных ситуаций составляет к настоящему времени один из важнейших разделов прикладной психологии, который включает в себя как диагностику психических состояний человека, переживающего или пережившего чрезвычайные обстоятельства, так и направления, методы, техники, приемы психологической помощи.

Владение навыками психологической само- и взаимопомощи в условиях кризисных и экстремальных ситуаций имеет большое значение для специалистов службы экстренной психологической помощи не только для снижения психической травматизации, но и для повышения устойчивости к стрессовым воздействиям и готовности быстро реагировать в чрезвычайных ситуациях.

Последние годы отличается рост синдрома психотравматических стрессовых расстройств в связи с увеличением количества техногенных катастроф и терактов в России.

Работа спасателей сопряжена с большой информационной на-

грузкой и протекает на фоне значительного нервно-эмоционального напряжения, поэтому так необходима комплексная оценка психоэмоционального статуса этой группы людей.

Для достижения поставленной цели нами были выдвинуты следующие задачи:

1. Определить степень неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности спасателей
2. Выявить тип эмоциональных реакций на воздействие стимулов окружающей среды среди участников аварийно-спасательных работ.
3. Определить уровень эмоционального выгорания личного состава поисково-спасательных отрядов МЧС.
4. Выявить эмоционально-характериологический базис личности и ее актуальное состояние

Основная гипотеза нашего исследования звучит следующим образом: особенности эмоциональной сферы спасателей зависят от социальных аспектов (возраст, семейное положение, стаж работы, и т.д.)

Испытуемыми выступил личный состав поисково-спасательных отрядов МЧС г. Барнаула, Рубцовска, Бийска, Томска, Читы, Красноярска и некоторых районов Горного Алтая. Обследовано 57 спасателей. Обследование проводилось в течение 2-х лет.

Для исследования были использованы следующие методики: методика диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды В.В. Бойко, методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, тест Люшера.

По результатам исследования проведена статистическая обработка данных по т-критерию Стьюдента, проведен корреляционный и факторный анализ.

В результате проведенных исследований было отмечено, что особенности эмоциональной среды видоизменяются в зависимости от социальных аспектов. Так выявлено, что на особенности эмоционального статуса влияет возраст спасателей:

У спасателей моложе 27 лет центральным звеном выступает один из симптомов эмоционального выгорания — эмоциональный дефицит — ощущение невозможности эмоционально помочь субъектам

своей деятельности. Они не пытаются сузить сферу своих профессиональных обязанностей, которые требуют эмоциональных затрат, но психотравмирующий негатив их работы остается в виде переживаний неприятного осадка, размышлений, грусти.

Эмпатия молодых спасателей осуществляется через интуитивный канал, они чувствуют партнеров на подсознательном уровне, но энергетически не присоединяются к ним. Это люди, которые понимают, чувствуют все, что происходит вокруг, но не входят со средой во взаимокорректирующий контакт.

Спасатели среднего возраста (28-37 лет) имеют широкий спектр симптомов эмоционального выгорания: недовольство собой, эмоциональная избирательность и отстраненность. Они страдают от психосоматических нарушений, т.к. сдерживают свои чувства и реакции путем рефрактерной активности внутрь. Это люди очень практичные, способные энергетически присоединиться к партнерам по общению, легко могут представить себя на их месте и настроить доверительные отношения, но при этом другие люди для них — объекты манипуляции.

Спасатели старше 37 лет. Эмоциональное выгорание развивается у них в виде тревоги, неадекватном избирательном реагировании и нарастающем ощущении, что они уже не могут эмоционально помогать. При этом, их энергетика очень открыта к взаимодействию через эмпатию. У них плохо развита интуиция, наличествуют установки, мешающие эмпатии. Симптомы эмоционального выгорания ухудшают взаимодействие с родными и близкими через дисфорические реакции. Как же влияет семейное положение?

У женатых сотрудников МЧС на первый план выходят симптомы психосоматики и редукции профессиональных обязанностей. На стимулы окружающей среды они реагируют рефракцией. Эмоциональная защита самостоятельно уже не справляется с нагрузкой и энергия эмоций перераспределяется между другими подсистемами индивида.

Работа с людьми становится для женатых неинтересной, они пытаются сузить общение, требующее эмоциональных затрат.

Холостые спасатели удовлетворены собой и своей профессиональной деятельностью, не имеют психосоматических нарушений. Реагируя преимущественно рефрактерной активностью внутрь, они не могут открыто посочувствовать другим людям, не могут представить

себя на месте другого человека. Слабое развитие интуиции приводит к ошибкам в понимании того, что происходит в действительности.

Как влияет длительность работы с МЧС?

Те, кто работают в МЧС менее 2-х лет — не имеют синдрома эмоционального выгорания. Они комфортно чувствуют себя в этой профессии: нет психосоматических нарушений, дисфории. Эмпатия у них интуитивная и не сопровождается эмоционально-энергетическим присоединением. Доброжелательны и сдержанны с партнерами.

Те, кто работает от 2-х до 7 лет в МЧС, чувствуют себя загнанными в клетку, стресс усиливается, запускается эмоциональное выгорание. Психологическая защита имеет вид эмоциональной отстраненности, работа идет автоматически. Из-за неспособности повлиять на психотравмирующие обстоятельства эти люди ощущают недовольство собой, своей профессией, должностью, обязанностями. Они стараются сузить сферу своих профессиональных обязанностей и отстраняются лично.

При стаже работы в МЧС более 8 лет — более всего страдают семейные отношения, так как проблемы на работе переносятся в дом, в семью. У одной группы возрастает количество отрицательных эмоций: раздражение, горечь, разочарование и невозможность эмпатии к партнерам. Они дисфорически реагируют на стимулы среды. Вторая группа — способна к сопереживанию, развит канал эмпатии, открыты, реагируют эйфорически, понимают сущность другого человека, умеют установить доверительный контакт.

В завершении важно отметить, что группа спасателей старше 38 лет и группа со стажем более 2-х лет нуждаются в особом внимании психологов МЧС.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПСИХОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Мокринская Н.В.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
г. Нижний Новгород*

В психолого-педагогической литературе всегда остается открытым вопрос о личностных характеристиках учителя, педагога. Однако, о личности преподавателя психологии в высшей школе пишут мало

[1, 2]. Прежде чем рассуждать о личности преподавателя психологии, необходимо разъяснить вопрос о возможности выделения личностных особенностей преподавателя психологии в отдельную группу по отношению к оним же, но у преподавателей других дисциплин. Преподаватель психологии обладает особыми знаниями, позволяющими понять объект, на который направлена его профессиональная деятельность — студентов, это ставит его далеко в стороне от преподавателей других дисциплин. Преподавателю психологии в большей мере, чем другим преподавателям дана возможность наиболее эффективной работы, ведь понимание объекта открывает возможность оптимального использования его положительных сторон для достижения общей цели — развития личности студента. У преподавателя психологии имеется гораздо больший арсенал словесно-логических аргументов, способов воздействия для помощи студентам в осознании и достижении главной цели образовательного процесса — развитию личности. Таким образом, особенности личности преподавателя психологии имеют особую значимость и обоснованно их рассмотрение не в русле общих качеств успешного преподавателя, а в частном порядке.

Особенности теоретического и практического знания, преподносимого преподавателем психологии, вызывают некоторые трудности, требующие особых приемов и усилий. Важным этическим моментом в работе преподавателя, выполнение которого сказывается на принятии знаний студентами, является соответствие преподавателя истинам, которые он преподает. Этот вопрос на первый взгляд может показаться спорным, однако рассмотрение частного случая поможет лучше осветить этот спорный момент. К примеру, для персонологов является неоспоримым факт, что каждый человек должен на протяжении всей своей жизни стремиться к развитию своей личности, самосовершенствованию, самореализации, следовательно, преподаватель психологии личности должен соответствовать этому правилу. Иначе, какова ценность преподносимых им знаний? Однако, совсем иного подхода требует информация, несущая в себе противоречивость оценок, что в психологии встречается, возможно, чаще, чем в иных науках. Что касается информации подобного рода, то этично было бы предоставить право выбора и оценки самим студентам, не навязывать им своего мировоззрения в качестве правильного. Однако, в силу авторитета преподава-

теля, наличия у него большего количества знаний и опыта, в конце концов, его преподавательского статуса справиться с этой задачей преподавателю весьма трудно.

Другим трудным моментом этического характера в деятельности преподавателя психологии является вопрос, касающийся изложения материала о глубинных, «интимных» вопросах человеческого существования — смысл жизни, любовь, нравственные и морально-этические нормы. В обсуждении этих вопросов необходимо отвергнуть стереотипы, найти ту форму информации, которая будет наиболее удобной и комфортной для слушателей. Одним из трудных моментов в обсуждении этих вопросов является баланс между философской и биологической точками зрения на подобные явления. И здесь уместным было бы затронуть вопрос о вербальных способностях преподавателя психологии. Владение преподавателем грамотной, логичной, структурированной манерой изложения мыслей, широкий словарный запас являются важным инструментом в преподавательской деятельности, и в особенности в деятельности преподавателя психологии. Наиболее уязвимым местом, в котором проблемы вербализации могут стать существенным барьером в обсуждении, как раз и являются вопросы экзистенциального характера.

Спорность преподносимого материала в психологии также является одной из трудностей в преподавании этой дисциплины. Психология — особая наука, ее предмет трудно поддается однозначной интерпретации. Многие факты, результаты экспериментов, примеры из жизни можно трактовать с разных позиций и приходит к различным выводам. Подобные неоднозначные ситуации вполне вероятно могут порождать разного рода вопросы, замечания и возражения со стороны студентов. Для того, чтобы быть готовым к дебатам, преподавателю необходимо в полной мере ориентироваться в предмете. Кроме того, преподавателю желательно не подвергать однозначной критике возражения студентов, уметь посмотреть на вопрос с нескольких сторон, быть предельно тактичным и в то же время не давать мыслям студентов уйти от конкретных фактов, пуститься в пространные размышления, приводить к неправильным логическим выводам. Необходимо дать понять студентам, что спорность многих вопросов в психологии отражает ее отличие и своеобразие от других наук, что причина этого

идет из многогранности человеческой личности, интерпретация характеристик которой может носить в большинстве случаев лишь вероятностный характер.

У преподавателя психологии могут также возникать трудности оценки знаний учащихся по психологическим дисциплинам. В силу наличия личного жизненного опыта у всех студентов, есть тенденция к подмене научных знаний собственными наблюдениями и умозаключениями из них. Многие вопросы, рассматриваемые различными отраслями психологии, имеют, либо имели место в жизни студентов и при наличии достаточно высокого уровня интеллекта они могут связно и грамотно излагать свои мысли, не прочитав при этом достаточного количества научной литературы. Это может привести преподавателя в затруднительное положение, из которого ему необходимо найти выход, иначе познания студента по окончании курса дисциплины мало будут отличаться от познаний среднестатистического обывателя.

Важным моментом в преподавании психологии является ярко выраженный прикладной характер данной науки: многие утверждения, общие выводы требуют доказательств, в качестве которых используются примеры из опыта преподавателя. Знание большого количества подобных примеров, уместное их использование — неотъемлемая часть работы преподавателя психологии. Таким образом, становится ясно, что обязательным элементом преподавательской деятельности является параллельная практическая и научная работа, в ином случае эта деятельность не может считаться достаточно эффективной. А когда преподаватель разъясняет студентам явления, с которыми сам знаком исключительно в связи с чтением литературы превосходит ли он, как источник информации простое чтение книги?

Итак, чтобы быть действительно эффективным и профессиональным в своей деятельности, преподаватель психологии должен обладать богатым перечнем характеристик, таких как: способность и даже потребность в рефлексии относительно своей преподавательской деятельности, практической и научной работы, а также своей личной жизни; гибкость мышления; постоянное стремление к самосовершенствованию; четкое следование морально-этическим и культурным нормам общества; направленность на людей, эмпатичность, признание и уважение другого человека, как уникальной личности.

Литература:

1. Стоюхина Н.Ю. Методика преподавания психологии: история, теория, практика. Учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2009. – 184 с.
2. Стоюхина Н.Ю. Размышления психолога о преподавании // Психология в ВУЗе. 2007. № 2. С. 111-120.
3. Терская О.Ю., Валовик В.И., Бушуева Е.В. и др. Методика преподавания психологии: конспект лекций. – М.: Высшее образование, 2007. – 267 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ФОРМОПОРОЖДЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

Никольская А.В.

Москва, факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Традиционные психологические подходы дают возможность изучения психических феноменов, но оставляют за рамками рассмотрения изучение генезиса психического [2,3]. Основатель трансцендентальной психологии А.И. Миракян называет предлагает новую методологию исследований.

Его методологический принцип заключается в том, чтобы сначала вскрыть общезначимые предпосылки разумной деятельности, затем установить, какая из этих предпосылок определяется специфически человеческими эмпирическими условиями, тогда полученный остаток будет содержать всеобщую сверхэмпирическую необходимость самого разума. Именно этот остаток становится нормой для познающего и действующего субъекта, получает видовую спецификацию, которая затем проходит последовательные ступени индивидуализации.

Применительно к экопсихологии этот подход развивает в своих работах В.И. Панов [4,5], который уделяет особое внимание понятию «формопорождение».

В онтологическом смысле речь идет о единстве индивида и среды. Мир включает в себя субъекта и одновременно противостоит ему. Без анализа мира невозможно охарактеризовать субъекта и формы его активности [1].

Рассматривая систему «индивид-среда», мы можем утверждать, что субъектом становления психической реальности в ней выступает сама же эта система в целом [5].

В экопсихологическом подходе к развитию психики формопорождение рассматривается как общеметодологический принцип, а психика рассматривается как особая форма бытия, проявляющаяся в виде психических процессов и состояний во взаимодействии системы «индивид-среда». Познание сущности развития предполагает выявление причины превращения одного состояния в другое, а этой причиной является *взаимодействие*.

Продукт становления психической реальности при таком подходе — «приобретение» психологических свойств каждым из компонентов системы «индивид-среда», где индивид приобретает психику в форме ставшей реальности, а среда — психику в опредмеченной форме психической реальности [5].

Нашей задачей является установление закономерностей взаимодействия познающего субъекта с познаваемой средой (живой природой), учитывая, что компоненты нашей системы являются друг для друга одновременно и познающими и познаваемыми.

Такое взаимодействие может быть субъект-порождающим, когда изменение психического состояния происходит как изменение состояния системы посредством ее превращения в субъекта совместного действия или развития. Тогда каждый компонент системы становится условием для развития другого и одновременно результатом этого развития. Каждый компонент системы конструирует мир не индивидуально, а совместно, в процессе взаимодействия.

Опираясь на положения трансцендентальной психологии, выделим такие категории нашей системы как продукт и процесс. Продукт системы в нашем случае — это правила, установленные в системе и ее «язык». Процессы, происходящие в системе — это динамические, временные характеристики взаимодействия. При этом нельзя не учитывать, что каждый компонент нашей системы одновременно является компонентом других систем: человек — представителем своего биологического вида, своей культурно-исторической эпохи, животное — представителем своего биологического вида, что оказывает влияние на процесс и продукт взаимодействия.

В зависимости от свойств, присущим компонентам системы, и условий проявления этих свойств в ходе взаимодействия, складывается способ взаимодействия. Но и свойства компонентов начинают менять-

ся в зависимости от способа взаимодействия.

Каждый биологический вид использует свои способы взаимодействия и функционально оснащен этими видовыми способами. В случае межвидового взаимодействия и у человека, и у животного постепенно образовывается некоторый набор элементов взаимодействия, который преобразуется в качественно иную структуру, более соответствующую межвидовому взаимодействию. Этот усвоенный каждым компонентом системы набор элементов, преобразованный в изначально несвойственную виду структуру, становится условием адекватного взаимодействия и открывает перспективы новому этапу развития. Происходит качественный скачок в развитии системы, возникают некие надвидовые надстройки. Появившаяся высшая (межвидовая) форма взаимодействия начинает оказывать обратное влияние на низшие формы, в результате чего можно говорить о том, что ряд продуктов низшей формы можно рассматривать как следствие взаимодействия в высшей форме (животное, усвоившее правила межвидового поведения, соблюдает их даже в отсутствие владельца; человек, освоивший межвидовое психологическое взаимодействие, иначе воспринимает не только свое животное, но всех животных того вида, к которому принадлежит его питомец). Т.е., высшая форма взаимодействия, вырастая из низшей, подчиняет себе предшествующий уровень, оказывает на него организующее влияние. При этом, функционирование высших форм взаимодействия оказывается невозможным, если на каком-то этапе возникают проблемы взаимодействия компонентов. Следовательно, зависимость высшего и низшего оказывается взаимобратной.

Литература

1. Барабанщиков В.А. Методы психологического познания: системный взгляд //Труды ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии. 2005. С. 14-23.
2. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: изд-во ИП РАН. 2004. 383 с.
3. Миракян А.И. Миракян А.И. и современная психология восприятия (сб.статей под ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой). М.: УРАО «Психологический институт». 2010. С.11-33. 580 с.
4. Панов В.И. Экологическая психология. Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004, 184 с.
5. Панов В.И. Введение в экологическую психологию. М.: Школьные технологии, 2006. 184 с.

УРОВНЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ В ФИЛОГЕНЕЗЕ ПСИХИКИ

Никольская А.В.

Москва, факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Поскольку психика живого организма устроена системно и иерархически, и работа более поздних эволюционных центров не отменяет, а дополняет работу эволюционно более ранних, то можно предположить, что аналогичные уровневые отношения присущи и механизму сознания [2].

К признакам сознания наиболее часто относят субъективное выделение себя из мира — «Я» и «не Я».

Наиболее известная концепция, рассматривающая становление «Я» в филогенезе психики — модель психического (Theory of Mind). Эволюционное уровневое развитие этой модели описано П. Гарденфорсом [6]. Согласно Гарденфорсу, животные достигают уровня развития «я» между пониманием причинности и пониманием, что Другой имеет убеждения, желания, отличные от собственных, но не обладают самосознанием.

Вероятно, первичным признаком появления «Я» в эволюции является выделение своих границ и своего положения в пространстве, которое, по идее, должно присутствовать у всех живых организмов, способных к целенаправленному движению, т.е. уже на донервном уровне развития.

Другой критерий — восприятие времени и выделение себя во времени, под которым мы имеем в виду сохранение тождества субъекта («Я»=«Я») в процессе накопления индивидуального опыта.

Мы полагаем, что на донервном уровне развития у живых организмов присутствует отражение своего положения в пространстве и внутреннее время, выраженные, по всей видимости, в форме диффузной целостности - единой пространственно-временной форме.

Можно утверждать, что с появлением в эволюции нервной системы живые организмы обладают врожденным чувством восприятия времени, что было продемонстрировано многочисленными работами по условным рефлексам [1]. Но восприятие времени на данном уровне развития психики не означает и восприятие себя во времени.

Скорее всего, животные воспринимают постоянство, последовательность и одновременное существование.

Так, в окружающем живое существо мире существуют некие постоянные объекты. То есть, постоянное выражает время как некий коррелят существования явлений, их смены и одновременного существования.

Животные воспринимают явления, следующие друг за другом, следовательно, связывают восприятия во времени. Воспринимаемые явления всегда связываются таким образом, что одно явление предшествует другому (именно на этом строится условный рефлекс). Сам опыт как эмпирическое знание о явлениях, возможен только благодаря тому, что последовательность явлений подчиняется закону причинности.

На определенном (мозговом) уровне развития можно говорить о том, что животные обладают пониманием того, что их собственные действия и действия других являются причиной неких следствий и отличают действия живых объектов от взаимодействия неживых объектов [9]. Но если собственные действия являются основанием смены явлений, то должно быть и ощущение собственной тождественности, в противном случае невозможно было бы определить смену явлений. Следовательно, помимо восприятия постоянных объектов в пространстве, животные должны воспринимать собственное постоянство в пространстве и во времени.

Зачатки субъективного выделения себя во времени и пространстве, некое первичное «Я», воспринимаемое относительно физического окружения, в модели психического (Theory of Mind) называется Экологическим Я [7], которое включает способность специфизировать окружение благодаря механизмам прямого восприятия, избирательности, антиципирующей схеме, позволяет выделять себя, свою активность из окружения.

Усложнение и дифференциация «Я», вероятно, происходит в процессе внутривидовой коммуникации высокоразвитых животных, поскольку животное должно, с одной стороны, идентифицировать себя с сородичами, а с другой стороны дифференцировать себя от них.

Исследования мозга показали, что млекопитающие способны определять намерения других индивидов [8] и им доступны сведения о собственном поведении [4]. Можно предположить, что на этом этапе появляется интерперсональное «Я», когда к системе представлений «Я – физический мир» добавляется система представлений «Я – социальный мир» [3].

Дальнейшее усложнение и дифференциация модели психического становятся возможны у групповых высших позвоночных, где действия различны по форме, а индивиды должны выучить свою роль (в иерархической структуре группы, во время совместной охоты), поэтому необходима развитая коммуникативная система. Потребность понять себе подобных, определить, как воспринимается со стороны собственное поведение, осуществить сложно скоординированные совместные действия приводит к многократному усложнению смысловой регуляции поведения и необходимо включает понимание себя как агента собственных действий.

Предложена возможная трактовка появления и развития «Я» в филогенезе психики: «Я-экологическое», «Я-интерперсональное», «Я - агент собственных действий».

Литература

1. Аршавский И.А. Учение А.А. Ухтомского о хронотопе // Успехи физиол.наук. 1991. № 3. С. 3-23.
2. Петренко В.Ф. В поиске новой психологической парадигмы заглянем в физику // Вестник интегративной психологии. Часть 1, Вып. 8, 2010. С. 22-28.
3. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд, М.: ИП РАН, 2006
4. Beninger, R.J., Kendall, S.B., Vanderwolf, C.H. The ability of rats to discriminate their own behaviors. Can J Psychol 28, 1974. P.79-91
5. de Waal F. Good-natured. The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge (Mass.), L.: Harvard University Press. 1996.
6. Gardenfors P. Slicing the Theory of Mind // [www.lucs.lu.se /people/ Peter.Gardenfors/articles/slicing TOM.html](http://www.lucs.lu.se/people/Peter.Gardenfors/articles/slicingTOM.html).2003
7. Neisser U. Five kind of self-knowledge // philosophical psychology, 1988. V.1. N 1. P. 35-59
8. Rizzolatti G., Fogassi A., Gallese V. Motor and cognitive functions of ventral premotor cortex // Current Opinion in Neurobiology, 2002. V.12. P. 149-161
9. Spelke E.S., Kinzler K.D. Core knowledge //Develop. Science, 2007. V.10 N 1. P.3-28

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ ПРИ РАБОТЕ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Новикова И.А., Ксенофонтов А.М.

*Северный государственный медицинский университет, Управление
внутренних дел по Архангельской области, г. Архангельск*

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ и
Администрации Архангельской области по проекту № 10-06-48612 а/С*

Правоохранительные профессии в России относятся к категории опасных и напряженных, что обусловлено высокой вероятностью при-

чинения вреда психическому и физическому здоровью сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей.

Деятельность сотрудников милиции характеризуется такими ситуациями, которые отличаются наличием в них экстремальных факторов. В последние годы наблюдается тенденция повышения экстремальности деятельности органов внутренних дел (ОВД), связанная с задержанием преступников, освобождением заложников, применением оружия, обеспечением правопорядка в период массовых мероприятий, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций.

Результаты комплексных исследований психологов МВД России показали, что такие факторы, как ненормированный рабочий день, постоянный контакт с асоциальными элементами, необходимость полной отдачи психических и физических сил при пресечении преступлений снижают функциональные резервы организма, вплоть до их полного истощения. Это определяет высокие требования к психической сфере личности сотрудников милиции, их стрессоустойчивости и психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях.

В ряду специальных мер обеспечения эффективного и качественного выполнения оперативно-служебных задач сотрудниками ОВД важное значение имеет психологическое обеспечение [2,3].

Психологическое обеспечение деятельности ОВД – это принятие психологически обоснованных правовых, организационных мер, управленческих и кадровых решений, направленных на совершенствование системы работы с личным составом, улучшение качественного состава и уровня подготовленности кадров, повышение эффективности оперативно-служебной деятельности в обычных и экстремальных условиях на основе мобилизации психологического потенциала личности, коллектива, организационной структуры и системы управления ОВД [4].

Психологическое сопровождение сотрудников — это комплекс психологических мероприятий, направленных на оценку, прогнозирование динамики и коррекцию психического состояния сотрудников, социально- психологических процессов и боеспособности подразделений в различные периоды профессиональной деятельности [1].

При разработке основных направлений психологического сопровождения сотрудников милиции при работе в экстремальных условиях

были использованы данные психологического обследования 167 сотрудников в период их участия в боевых действиях в Северо-Кавказском регионе. Средний возраст составил $29,0 \pm 1,22$ года. Все являлись сотрудниками милиции Архангельской области. Использовались методики: Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», опросник «Мини-мульти», «Опросник травматического стресса», тест «Шкала самооценки», Цветовой тест Люшера, тест Шульте, 16-ти факторный личностный опросник Р.Кеттела.

В результате были разработаны основные направления психологического сопровождения сотрудников ОВД в Северо-Кавказском регионе. Мероприятия по психологическому сопровождению должны включать: мониторинг психического состояния сотрудников; выявление лиц, находящихся в состоянии эмоционального стресса, с дезадаптивными нервно-психическими состояниями; психологический анализ причин неадекватного поведения сотрудников (высокого уровня тревожности, страха, снижения мотивации) и предупреждения их развития; проведение мероприятий по коррекции психического состояния, профилактику посттравматических стрессовых расстройств; изучение социально-психологического климата и межличностных отношений в коллективе, разработку рекомендаций по оптимизации межличностных отношений; психологическую подготовку сотрудников к выполнению наиболее сложных профессиональных задач.

При подготовке сотрудников в Северо-Кавказский регион необходимо формировать: уверенность в законности выполняемой работы; убежденность в необходимости предпринимаемых мер по локализации и устранению конфликта; чувство правовой и социальной защищенности сотрудника и его семьи; готовность к несению службы в различных погодных и сложных бытовых условиях; эмоциональную устойчивость при деятельности в ситуации социальной изоляции или даже враждебного отношения гражданского населения к сотрудникам; готовность к физическому и огневому противостоянию.

Среди мероприятий по предотвращению последствий травматического стресса необходимы: проведение адекватной психологической помощи в период подготовки, непосредственного участия в боевых действиях, а также осуществление комплекса медицинской, психологической и социальной реабилитации в посткомандировочный

период; систематические выступления в средствах массовой информации о роли участия сотрудников милиции в безопасности населения России для формирования положительного общественного мнения о сотрудниках по долгу службы, исполняющих служебно-боевые задачи; практиковать создание областных и региональных комиссий, объединяющих ведущие организации медицинского, психологического и социального обеспечения населения для выработки комплексного решения вопросов медико-психологического и социального обеспечения участников боевых действий, поддержание и сохранение их здоровья, работоспособности, социально-психологического статуса.

Среди основных психокоррекционных мероприятий наиболее эффективны могут быть: психологическое консультирование; адаптированные методики нейролингвистического программирования (техника интеграции якорей, техника тройной диссоциации, модифицированный шестишаговый рефрейминг); дебрифинг критических ситуаций; рациональная психотерапия и другие методы регуляции психологического состояния.

Список литературы

1. Организация психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях: Метод. пособие / Под ред. В.М.Бурыкина. – М.: ГУК МВД России, 2004. – 240 с.
2. Организация психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел: Метод. пособие / Под ред. М.И.Марьина. – М.: ГУК МВД России, 2002 – 270 с.
3. Пушкарев А.Л. Посттравматическое стрессовое расстройство, диагностика и лечение, психофармакотерапия, психотерапия / А.Л. Пушкарев, В.А. Доморацкий, Е.Г. Гордеева. – М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2000. – 128 с.
4. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН К КЛИМАКТЕРИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ

Овсяник О.А.

Ульяновский государственный университет, Ульяновск

Во всем мире быстрыми темпами растет процент женщин, находящихся в переходном периоде от репродуктивного к нерепродуктивному возрасту и охватывающего возрастной период 45-59 лет [1,7,9,12].

По данным ряда исследований они составляют 30% от всего женского населения в мире [8]. Однако, на сегодняшний день не достаточно изучены процессы адаптации выделенной нами группы женщин к своим возрастным изменениям.

В период 40-60 лет у женщины наступают серьезные гормональные изменения, названные климактерический период. Однако, это физиологическое явление, тем не менее, у 75-80 % женщин выражается в патологических отклонениях, составляющих так называемый климактерический синдром [9]. Именно климактерический синдром является важной причиной беспокойства женщин выделенной нами группы. А если учесть что он может продолжаться до 10 лет, то можно увидеть как данный процесс негативно влияет не только на жизнедеятельность женщин но и на все общество в целом. С точки зрения С.Бем женщин можно разделить на 4 категории: маскулинный, феминный, андрогенный и недеференцированный. В итоге можно выделить 4 полоролевых типа [10]. В связи с этим мы решили проследить как разные гендерные категории адаптируются к возрастным изменениям у выделенной нами возрастной группы.

Известно, что в зрелом возрасте наблюдается уменьшение гендерных различий. По мнению Ильина Е.П. причиной этого являются, с одной стороны, изменения гормональной насыщенности, а с другой — требования, предъявляемые ролями, которые играют женщины в семье [5].

По данным Д. Гутманна женщина с возрастом начинает проявлять больше «мужских» черт: властность, агрессивность и практичность [12]. Однако, маскулинность женщин приводит к фрустрированности, поскольку при этом у женщин отмечается противоположно направленные тенденции «зависимость-независимость» и не вполне адекватная самооценка [3].

Так же отмечается что высокая феминность у женщин вовсе не является гарантией психического благополучия женщины нашей возрастной группы. Она очень часто совпадает с пониженным уважением и повышенной тревожностью женщины [13]. По данным И.Н. Димура феминные женщины обладают низким самоконтролем и высокой тревожностью, консервативностью, адекватной самооценкой, комфортностью, чувствительностью, общительностью и высокой социальной сме-

лостью [3]. Однако они хуже справляются, не совпадающей с традиционными половыми ролями [2]. Считается что когда обстановка требует проявления качеств, присущих противоположному полу у людей, придерживающихся традиционных гендерных ролей может возникнуть гендерно-ролевой стресс или конфликт. О'Нил и коллеги выделяет 6 признаков этого конфликта:

1. ограничение эмоциональности – трудности в выражении своих эмоций или отрицание права других их выражать;
2. гомофобия;
3. потребность контролировать людей и ситуации, проявлять власть;
4. ограничение сексуального поведения и демонстрация привязанности;
5. навязчивое стремление к соревновательности и успеху;
6. проблемы с физическим здоровьем, возникающие из-за неправильного образа жизни [14].

Следовательно, именно гендерно-ролевой конфликт может быть социальной причиной возникновения климактерического синдрома. Именно потому, что общество все чаще стало требовать «мужского» поведения и качеств у женщин.

Н.В.Жарновецкая выяснила, что маскулинность положительно, а феминность отрицательно связана с самооценкой различных характеристик агрессивности у женщин нашей возрастной группы. Феминные женщины более вспыльчивы, обидчивы и конфликтны, чем маскулинные женщины. Она так же указала на связь маскулинности с такими качествами как подозрительность, наступательность, неуступчивость, безкомпромистность, мстительность и нетерпимость [4].

По данным Е.В.Козыревой аутоагрессия несколько более выражена у женщин с ярко выраженной феминностью, а гетероагрессия больше выражена у маскулинных женщин [6]. Следовательно, соматические изменения связанные с климаксом могут быть проявлением климактерического синдрома аутоагрессии феминных женщин на себя за потерю «женского» в себе.

Для определения влияния гендерных различий на адаптацию женщин нашей возрастной группы нами было опрошено 68 женщин в возрасте 40-60 лет, имеющих диагноз климактерический синдром и 67

женщин, не имеющих климактерического синдрома, но находящихся так же в климактерическом периоде. В результате наших исследований было выяснено что среди женщин, не имеющих климактерического синдрома 88 % мускулиных женщин, 10,5 % андрогенных и лишь феминных 1,5 %. Среди женщин имеющих климактерический синдром 55,9 % феминные и 45,1 % андрогенные, мускулиных женщин в данной группе не обнаружено.

Нами так же определялась влияние гендерных различий на степень адаптивности женщин. Для определения адаптивности нами использовалась методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. В группе женщин, имеющих климактерический синдром лишь 16,4 % женщин имели среднюю адаптивность и 44,8 % женщин имели высокие показатели по шкале дезадаптация. Оставшиеся 48,8 % женщин имели примерно равные показатели по шкалам адаптивность и дезадаптация. Среди женщин, не имеющих климактерического синдрома лишь 11,8 % женщин имели средне выраженные показатели по шкале дезадаптации и низкие баллы по шкале адаптации. 44,1 % женщин имели высокие показатели по шкале адаптация и незначительные показатели по шкале дезадаптация, оставшиеся 44,1 % женщин имели одинаково выраженные показатели адаптивности и дезадаптации.

Таким образом мы можем себе позволить констатировать тенденцию влияния гендера на адаптивность женщин к физиологическим изменениям климактерического периода, а так же отметить низкую адаптацию у феминных женщин и высокую адаптивность у маскулиных женщин выделенной нами возрастной группы.

Литература:

1. Балан В.Е., Елисеева Н.А. Эпидемиология климактерических расстройств у женщин Москвы. /Акушерство и гинекология, 1995, №3, 49-50
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб. – М., 2001
3. Димура И.Н. Психологическая коррекция проблем идентичности у женщин// Ананьевские чтения – 2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005, с.183-185
4. Жарновецкая Н.Ю. Возрастно-половые особенности восприятия агрессивности: Автореф.дис. ... канд.наук. СПб., 2007
5. Ильин Е.П. Пол и гендер. – СПб.: Питер, 2010 – 688с.
6. Козырева Е.В. Влияние маскулинности- феминности на проявление ауто- и гетероагрессии: Психология XXI века: Тезисы научно-практической конференции СПб., 2000, с.184-186

7. Сметник В.П, Кулаков В.И. Руководство по климактерию. М., 2001.
8. Смирнова Н.П. Медико-социальные аспекты организации помощи женщинам с менопаузальным синдромом. Автореф. дисс. ...канд. мед. наук. М., 1999.-24с.
9. Avis N.E., Brambilla D., McKiwlay S.M., Vass K.A., Longitudinal analysis of the association between menopause and depression. Results from the Massachusetts Womens Health Study. Ann-Epidemiol., 1994, May; 4(3)
10. Bem S.L.Theory and measurement of psychological androgyny: A reply – to.. critiques// Journal of Personal and Social Psychology. 1979 V.37. p.1047-1054
11. Christianson C. First in a series of woman health after menopause. Madrid, 1992
- Gutmann D.L. Parenthood: A key to the comparative study of the life cycle// N.Datan, 12. L.H.Gindberg (eds.) life-span developmental psychology: Normal life crises. N-Y.: Academic Press, 1975
13. Maccoby B., Jacklin C. Psychology of sex differences. V.1-2. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1974
14. O'Neyl J.M., Cood G.E., Holmes S. Fifteen years of theory and research of men's gender role conflict: New paradigms for emplical research// R.Levant, W.Pollack (eds.) Foundation for a new psychology of men. N.-Y.: Basic Book, 1995

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА ПОСЛЕ РАЗВОДА У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Овчарова Е.В.

*ГОУ ВПО Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета, г. Волжский*

Проблема разводов является достаточно острой в современном обществе. Важной задачей перед бывшими супругами становится поиск личностного смысла и новой роли в системе общественных взаимоотношений. Неразрешенность данной проблемы порождает другую проблему — проблему одиночества. Состояние одиночества, зачастую возникающее после развода, может усилить депрессивные, невротические тенденции, негативно повлиять на личность. Поэтому после-разводный период у супругов является зоной риска развития чувства одиночества. Таким образом, актуальной проблемой является поиск факторов, способствующих снижению остроты переживания одиночества и включения разведенных мужчин и женщин в продуктивные социальные отношения, изучение личностных особенностей, способствующих позитивному изменению переживания одиночества.

На сегодняшний день в рамках научной литературы существует достаточное многообразие понимания одиночества и особенностей

его проживания в различные возрастные и жизненные периоды. Но до сих пор нет единого, целостного представления об этом феномене. К тому же остаётся мало исследованной та область, основой которой является гендерный проблемный анализ, в частности особенности бывших супругов. Также достаточно мало исследована и проблема развода как фактора, влияющего на переживание одиночества.

И.М. Слободчиков [3] выделяет четыре периода в изучении феномена одиночества. Автор отмечает, что интерес психологов к данной проблеме проявился в конце 30-х – середине 80-х гг. XX века. Д. Перлман и Л.Э. Пепло [1] выделяют восемь моделей одиночества, предложенных в этот период, отмечая, что подавляющее их число не представляет собой полного и систематического истолкования на уровне настоящей теории: психодинамические, феноменологические, экзистенциальный подход, социологические и интеракционистские, когнитивные, интимные и теоретико-системные. Анализируя перечисленные подходы, можно сделать вывод, что, несмотря на разную трактовку феномена одиночества, его причин и особенностей, большинство исследователей придерживаются мнения о том, что не только внутриличностные факторы (черты характера, внутриспсихические конфликты) приводят к состоянию одиночества, но также на это непосредственным образом влияет внешняя среда и ситуация. С этой точки зрения развод, являясь негативным внешним фактором, может способствовать усилению переживания одиночества у бывших супругов.

На сегодняшний день (с конца 80-х г. XX в.) в зарубежных исследованиях во взглядах на данную проблему больших изменений не произошло. В отечественных разработках большинство современных авторов сходятся на том, что одиночество связано с переживанием человеком его оторванности от сообщества людей, истории, семьи, природы, культуры (Г.Н. Колесникова, Н.Е. Покровский, В.И. Пузько, А.У. Хараш и др.).

Резюмируя вышеизложенное, И.П. Слободчиков [3] отмечает, что в свете современных представлений об одиночестве могут быть выделены две тенденции в его изучении: 1) трактовка одиночества как психического состояния или субъективного переживания; 2) представление об одиночестве как преимущественно негативном состоянии и переживании. Сторонники первого подхода одиночество понимают не

только как исключительно негативное явление, но и обращают внимание на его положительные стороны. Так, А.О. Прохоров [2] говорит о переживаниях не только отрицательной, но и положительной модальности. Автор считает, что неравновесными являются фрустрационные и дезадаптивные состояния, поскольку их причинами могут быть тяжелая болезнь или смерть близких, измена, развод и другие чрезвычайные жизненные обстоятельства. В переживании выражается отношение человека к явлениям и событиям окружающего мира, к людям, к самому себе. Объективные причины преломляются через личность и приобретают субъективный характер. Таким образом, на характер переживания одиночества оказывают влияние не только личностные характеристики, но и ценности личности.

Для выявления различий в переживании одиночества между мужчинами и женщинами после развода мы провели эмпирическое исследование. В исследовании принимало участие 64 человека в возрасте 25-47 лет, из которых 34 человека находятся в разводе, и 30 человек — в браке. В исследовании были использованы следующие методики: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона; методика «Какова ваша устойчивость к стрессу?» (Д.Я. Райгородский); тест смысложизненных ориентаций (Дж. Крамбо в адаптации Д.А.Леонтьева); методика изучения самооценки (Т. Дембо - С. Л. Рубинштейна).

В результате исследования было выявлено, что разведенные люди в большей степени испытывают одиночество, хотя такое состояние встречается и у тех, кто состоит в брачных отношениях. У разведенных мужчин и женщин высокий уровень одиночества существует у 56,25 %, средний – у 37,25 %, низкий – у 6,25 %. У респондентов, состоящих в браке, высокий уровень одиночества выявлен у 18,75 %, средний – 50 %, низкий – 31,25 %. Степень одиночества мужчин и женщин имеет свои отличия, мужчины после развода ощущают себя более одинокими, чем женщины.

Показатели стрессоустойчивости между разведенными и женатыми/замужними почти не различаются. После развода у 25 % мужчин уровень стрессоустойчивости высокий, что не характерно для разведенных женщин, а у 37 % наоборот снижен, что больше низкого уровня у женщин в разводе (25 %). Таким образом, женщины показывают более

высокий уровень стрессоустойчивости по сравнению с мужчинами.

Состояние развода характеризуется снижением общей степени осмысленности жизни, т.е. теряется временная перспектива, снижаются смысловые показатели, удовлетворенность самореализацией (прошрое), а также понижается общее мировоззренческое убеждение в том, что контроль над внешним и внутренним миром возможен. У мужчин после развода высокий уровень ценностей и смыслов жизни выражен в меньшей степени, чем у женщин. Таким образом, ситуация развода способствует потере смысла жизни, человек перестает верить в свои силы.

Ситуация развода также оказывает негативное действие на самооценку испытуемых. Причем, у мужчины это выражено в большей степени — у них низкий уровень самооценки (50 %). Для женщины в основном характерен средний уровень самооценки, низкий уровень выражен только у 25 %.

Корреляционный анализ результатов исследования показал, что разведенные люди (как мужчины, так и женщины) в меньшей степени удовлетворены процессом жизни ($r=-0,47$), в большей степени подвержены стрессу ($r=-0,69$) и, как правило, имеют низкую самооценку ($r=0,53$). Расчет критерия Манна-Уитни для оценки различий между двумя выборками показал, что по рассматриваемым показателям (самооценка, стрессоустойчивость, смысложизненные ориентиры, субъективное ощущение одиночества) разведенные женщины и мужчины не имеют ярко выраженных различий. Между тем выявлена существенная разница между показателями тех, кто разведен и теми, кто состоит в браке.

Таким образом, можно сделать вывод, что более значимую роль в переживании одиночества мужчинами и женщинами играют личностные особенности и ценности бывших супругов, чем межполовое различие.

Литература:

1. Перлман Д. и Пепло Л.Э. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. /Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989.
2. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. // Москва, ИП РАН, 1998.-182 с..
3. Слободчиков И.М. Современные исследования переживания одиночества// Психологическая наука и образование. 2007. №3
4. Хараш А.У. Психология одиночества // Педология/новый век. № 4, 2000 г.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ЛОЯЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОТНИКОВ

Орлов А.В., Башук Е.Н.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

В настоящее время лояльность персонала рассматривается как значимый фактор организационных отношений. Актуальным является вопрос о социальных факторах лояльного поведения, о роли межличностных отношений в проявлении приверженности и лояльности работников своей организации. В настоящей работе делается попытка исследовать некоторые связи лояльности персонала с характеристиками межличностного сближения и терпимости продавцов магазинов непродовольственных товаров. В исследовании применялись методики: опросник «Приверженность и лояльность», методика измерения приверженности организации Р. Моуди, тест «Удовлетворенность работой» В. А. Розановой, методика «Субъективная шкала толерантности». Корреляционный анализ проводили по Ч. Спирмену.

Одной из задач нашего исследования было изучение связей между лояльностью и приверженностью работников с их отношением к коллегам и непосредственному руководителю тех организаций, где они работают. Под приверженностью понимается интегрированность работников в организацию, позитивное отношение к ней на основе внутренней убежденности работника. Лояльность — это характеристика терпимости работника к тем проблемам, которые у него существуют в организации. Стаж работы в организации практически не сказывается на лояльности и приверженности работников (достоверных корреляций не установлено). По всей видимости, отношение к организации устанавливается довольно быстро и в дальнейшем слабо поддается коррекции.

Готовность к межличностному сближению работников оказалась достоверно связана положительной корреляцией с проявлением ими лояльности и приверженности. Наиболее существенное влияние на проявление лояльности работниками, оказывает готовность к сближению с коллегами, причем главным образом это касается поведенческого сближения с коллегами. Поведенческое сближение характеризуется

готовностью работников к совместной деятельности с коллегами, к выполнению общей работы, к общению и взаимодействию для достижения общих целей которые существуют в группе.

Эмоциональное сближение сказывается на внешней лояльности, установлена положительная корреляция, на общую лояльность, установлена отрицательная корреляция. Это дает основания предполагать, что готовность коллег почувствовать переживания друг друга, посочувствовать, проявить эмоциональную поддержку, связано с внешней лояльностью. То есть отношение к организации зависит от мнения окружения и ситуации, в которой находится работник. Исходя из полученных данных, можно предположить, что наиболее подвержены действию ситуативных факторов и мнению коллег в отношении организации те работники, которые имеют более высокий уровень эмпатии, более высокую готовность проявлять сочувствие и эмоциональный резонанс.

Можно отметить, что эмоциональное и поведенческое сближение способствуют интегрированности работников в организацию. Сотрудники, которые проявляют максимальную готовность к межличностному сближению с коллегами, наиболее интегрированы в структуры организации и чувствуют себя в ней комфортно, рассматривая ее как значимую систему, в которой они чувствуют себя как часть единого целого.

В своей работе мы изучали также связь лояльности работников организации и преданности ей с проявлением ими терпимости в отношении коллег, клиентов, непосредственного руководителя и руководителя организации. Установлены достоверные связи реактивной терпимости работников с проявлениями у них приверженности и лояльности. Под реактивной терпимостью понимается сдержанность индивида, его осторожность, неимпульсивность, умение действовать обдуманно в отношении предполагаемого или реального обидчика. Под перспективной терпимостью понимается незаикленность человека, его необидчивость, готовность сохранять отношения с тем или иным человеком, не смотря на нанесенную обиду, желание стабильности отношений. Перспективная терпимость не имеет связей с проявлением лояльности и приверженности, достоверных корреляций не обнаружено. Это может означать, что обидчивость (или необидчивость) работников не влияет на их мнение о своей организации.

С другой стороны, реактивная терпимость сказывается, на проявлении некоторых сторон приверженности и лояльности работников организации (коэффициенты корреляции достоверные – $p < 0,05$). Отношение к коллегам, выраженное в реактивной терпимости с внутренней приверженностью организации связано отрицательной корреляционной связью. Это может говорить о том, что наиболее терпимые работники, неимпульсивные и сдержанные, тем не менее, демонстрируют и минимальную приверженность.

Люди импульсивные, открытые, которые не стремятся к сокрытию своих каких-то мыслей намерений и мотивов, наоборот, проявляют максимальную приверженность, т.е. связь с организацией, у них более стойкие позитивные убеждения в отношении собственной организации, они больше ей преданны и в большей степени, чем люди осторожные чувствуют себя ее частью.

Работники, которые демонстрируют максимальную реактивную терпимость в отношении коллег, то есть те, кто проявляет осторожность в отношениях с ними, так же имеют и более высокую алояльность. Под алояльностью понимается готовность к каким-то ненормативным в отношении организации действиям и поступкам, действиям, которые могут идти в разрез с организационными ценностями и внутренним распорядком. Об этом говорит достоверная положительная корреляционная связь ($r = 0,472$). В целом реактивная терпимость к коллегам сказывается на приверженности скорее отрицательно. Возможно, осторожность, проявляемая работниками в отношении коллег, может выражаться и в осторожном поведении в отношении собственной организации, не открытой, не явной демонстрации своего отношения к ней.

Аналогичная ситуация наблюдается по отношению терпимости в отношении клиентов у изучаемых работников. Мы наблюдаем достоверную отрицательную корреляционную связь внутренней приверженности и внутреннего профиля в отношении к организации с реактивной терпимостью клиента. Таким образом, чем больше осторожности демонстрирует в общении с ними работник, тем меньше его внутренняя приверженность. И наоборот, чем больше он открыт, импульсивен, не пытается скрывать свои мысли и чувства к клиенту, тем больше внутренняя приверженность.

Реактивная терпимость в отношении непосредственно руководителя так же отрицательно связана с преданностью к организации, внутренней приверженностью и положительно с общей лояльностью и неинтегрированностью. Об этом говорят соответствующие достоверные коэффициенты корреляции. Это указывает на то, что импульсивные работники более открытые, не сдержанные в своих проявлениях в отношении непосредственного руководителя, они же и более интегрированные в структуру организации, они в большей степени чувствуют себя частью ее, готовы поддержать данную организацию, готовы проявлять в отношении ее преданность и лояльность. Осторожные работники, скрытые в отношении своего непосредственного руководителя и руководителя организации демонстрируют больше лояльности ($r = 0,494$). Чем больше открытости, несдержанности, тем выше внутренняя приверженность, чем больше осторожности, сдержанности, тем меньше внутренняя приверженность и соответственно убеждение в позитивной роли организации для данного работника.

На основании полученных данных можно утверждать, что социально психологические характеристики работников и социальные условия их профессиональной деятельности являются существенными факторами формирования у них лояльного поведения, преданности организации и позитивных установок в отношении ее.

ОСОБЕННОСТИ КОСУЛЬТАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ПОСТБОЕВЫХ СТРЕССОВЫХ РАССТРОЙСТВАХ

Остапенко А.В., Колов С.А.

ГУЗ «Волгоградский областной клинический госпиталь ветеранов войн», г. Волгоград

Введение. Как отмечают многие специалисты консультационный психологии и психотерапии, истинно «трудный» клиент тот, который проявляет сопротивление не только в контексте определенной ситуации, но предрасположен к нему по складу характера [4]. У комбатантов в отдаленном периоде боевого стресса выявляется комплекс индивидуальных трансформаций в форме патохарактерологических рас-

стройств (эмоционально-лабильного импульсивного и пограничного типов, нарциссического, параноидного) [1], которые являются причиной их мощного сопротивления консультированию и терапии. При доминировании одного из видов личностных дисгармоний у ветеранов боевых действий определяются специфические паттерны консультативного (терапевтического) поведения, которые требуют тщательного изучения для разработки эффективных методов консультирования и психотерапии.

В связи с вышеизложенным целью настоящего исследования было клинико-психологический анализ поведения комбатантов в условиях психологического консультирования и психотерапии в зависимости от доминирования специфических характерологических изменений.

Результаты и их обсуждение. При выраженности импульсивного подтипа эмоционально-неустойчивого патохарактерологического расстройства ведущим симптомом являлся дисфункциональный гнев, одна из частых и сложных проблем, с которыми приходится сталкиваться консультанту или психотерапевту в работе комбатантами и который в наибольшей степени из всей психопатологической картины участников войн влияет на их социализацию и социальные отношения, в том числе на взаимодействие с медицинским персоналом. Амбивалентность гнева проявляется по отношению к лечению и психологической коррекции. С одной стороны дисфункциональная эмоция гнева как одна из их самых болезненных проблем, наиболее часто по сравнению с другими психическими проблемами мотивировала ветеранов локальных конфликтов искать специализированной помощи [2], т.е. проявлять, по крайней мере, в начале лечения сотрудничество, хотя и формальное. Одновременно гнев как состояние в наибольшей степени способствовал тому, что ветераны досрочно завершали лечение, т.к. он препятствовал их нормальной коммуникации с окружающими людьми и, в частности, с медицинским персоналом [5]. Модель консультативного поведения: в целом, при доминировании этой личностной дисгармонии участники локальных конфликтов начинали сотрудничать, но часто выходили из себя. Их эмоциональный взрыв было трудно предсказать, в большинстве случаев, они пытались сдерживать свой гнев, накапливая его, затем неожиданно для окружающих взрывались. Начавшиеся терапевтические отношения быстро прерывались самым

разрушительным образом, часто с потерей контроля над рекальностью.

При пограничном типе эмоционально-лабильного патохарактерологического расстройства характерным являлась полярность и неустойчивость в межличностных отношениях, которые являлись главной причиной сопротивления в консультировании. Модель консультативного поведения: такие пациенты быстро и слишком сильно сближали дистанцию, искали дополнительных контактов, пытались установить личные, непрофессиональные отношения, просили о контактах между сессиями, внеочередных встреч и т.п., при невозможности этого достигнуть они разрывали отношения. Консультант не выступал в качестве «потенциального помогающего» субъекта, а манипулятивным образом превращался в объект наказания, в «мальчика для битья» или в «мусорное ведро» [6]. Сопротивление обычно проявлялось непрямым образом, клиент опаздывал на сеансы, игнорировал важные для психологического изменения темы разговора и т.п. Часто манипулятивное поведение достигало крайних степеней проявления в форме самоповреждений, которое довольно эффективно помогало получать помощь со стороны окружения, которое в противном случае игнорировало усилия комбатантов по устранению сильной эмоциональной боли, но контроль реальности при этом у них часто терялся.

Сопротивление при личностных изменениях по типу деструктивного нарциссизма обычно проявлялось у ветеранов постоянным подчеркиванием своего превосходства над окружающими и требованием к себе особого отношения, как к очень важной персоне, необоснованными претензиями, а также сомнениями в компетентности психолога или психотерапевта, которые иногда выражались прямо, но чаще косвенным образом. Они пытались поднять свою самооценку, снижая ее у психолога-консультанта [7]. Необходимо отметить, что по мере развития и углубления психотерапевтического процесса (индивидуального или группового) эта причина сопротивления приобретала приоритетное значение, т.к. под воздействием обратной связи от медицинского персонала или других участников реабилитационного процесса, страдало чувство самоуважения комбатантов; или же им могло начинаться казаться, что их пропускают, не оценивают, отвергают или неправильно понимают, при этом часто страдали нарциссические представления

ветеранов о себе, что рождало мстительные чувства, с последующим сопротивлением и агрессией [8]. Модель консультативного поведения: в терапевтических отношениях они пытались стать лидерами, обесценить роль консультанта, обращаться с ним в крайних случаях как со своей прислугой, что приводит к конфликтам. Контроль реальности обычно сохранялся, за исключением случаев пренебрежительного к ним отношения. Комбатантам с доминированием таких личностных дисгармоний трудно было соблюдать рекомендации психотерапевтов и психологов, поскольку, по их мнению, потребность в психологической помощи делала их «слабыми», приводила к потере авторитета и контроля над ситуацией, а внутренняя потребность в превосходстве – к недостаточному использованию предоставляемых им ресурсов или поискам "настоящих экспертов" среди психологов и врачей.

В основе трудного консультативного контакта при параноидном патохарактерологическом расстройстве лежало недоверие и подозрительность к окружающим. Модель консультативного поведения: имея такую структуру индивидуальности, участники локальных конфликтов были склонны сопротивляться правилам и инструкциям, которые не соответствовали их планам, но при этом редко проявляли свою враждебность открыто, обычно они были очень чувствительны и готовы выследить и перехитрить своих «противников» [3]. Даже проявление к ним интереса со стороны консультанта, они объясняли тем, что это необходимо ему только в личных, корыстных интересах, например, чтобы написать научную работу и т.п. Участники войн с преобладанием параноидности стремились к изоляции и отвергали помощь, принимая ее только от ограниченного числа доверенных лиц. Они реагировали на любые вмешательства с недоверием, поиском виновных, сверхбдительностью. Любое проявление невнимания они воспринимали как пренебрежение, накапливая их и используя как доказательство несправедливости мира по отношению к ним.

Литература:

1. Колов С.А., Остапенко А.В. Личностный профиль у ветеранов боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством//Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях.2009. №5. – С.53–56.
2. Begic D., Jokic-Begic N. Aggressive behavior in combat veterans with post-traumatic stress disorder// Military Medicine. 2001. Vol.66, N8. – P.671 – 688.
3. Do post-traumatic stress disorder symptoms worsen during trauma focus group treatment?/ J.I. Ruzek [et al.]// Military Medicine . 2001. Vol.166, N10. – P. 898 – 902.

4. Koller P., Marmar C.R., Kanas N. Psychodynamic group treatment of posttraumatic stress disorder in Vietnam veterans// International Journal of Group Psychotherapy. 1992. Vol. 42, N 2. –P. 225–246.

5. Orth U., Wieland E. Anger, hostility, and posttraumatic stress disorder in trauma-exposed adults: A meta-analysis//Journal of Consulting & Clinical Psychology. 2006. Vol.74, N4. – P. 698 –706.

6. Perls F.S. The gestalt approach and eyewitness to therapy. London: Science and Behavior Books, 1973. – 121 p.

7. Shay J., Munroe J. Group and milieu therapy for veterans with complex posttraumatic stress disorder// In: Posttraumatic Stress Disorder: A comprehensive text/ Eds. P.A. Saigh & J.D. Brenner. Boston: Allyn & Bacon, 1999. – P. 391– 413.

8. Yalom I.D. The theory and practice of group psychotherapy. N.Y.: Basic Books, 1995. – 546 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Панюкова Ю.Г.

*Российский государственный аграрный университет - МСХА
им.К.А.Тимирязева (Москва)*

В современной психологии достаточно давно оформилось и существует самостоятельное направление — экологическая психология, предмет которой в самом общем виде определяется как взаимодействие субъекта и окружающей среды жизнедеятельности [1]. Одним из компонентов среды является предметно-пространственное окружение человека, в структуру которого входят особенности ландшафта, архитектурный мир, интерьерные характеристики пространств, в частности, размер, форма, структура, цветовые, световые, фактурные и текстурные решения внешних и внутренних архитектурных форм, в которых субъект действует и взаимодействует, и многие другие составляющие. Объективные характеристики предметно-пространственного окружения изучаются в архитектуре, градостроительстве, дизайне, эргономике и других областях знания. Субъективные свойства предметно-пространственной среды исследуются в психологии предметно-пространственной среды как самостоятельном разделе экологической психологии.

В отечественной психологии вообще и в современной отечественной психологии вряд ли можно найти внушительное число иссле-

дований, посвященных анализу того, как объективная предметно-пространственная среда обыденной жизни отражается в психике, в сознании субъекта. В зарубежной психологии среды (environmental psychology) таких исследований проводится достаточно много, а их тематика свидетельствует о серьезном внимании организаторов среды обыденной жизни человека к психологическим эффектам предметно-пространственного окружения.

В настоящей статье предпринята попытка определения направлений исследований, которые на сегодняшний день составляют содержание психологии предметно-пространственной среды. Если следовать принципу от общего — к частному, то можно выделить следующие моменты анализа проблемы.

Самостоятельная логика анализа психологических аспектов предметно-пространственной среды существует, прежде всего, в архитектуре, в дизайне и других областях теории и практики, непосредственно связанных с организацией объективной предметно-пространственной среды.

Внимание на психологические эффекты предметно-пространственной среды обращают педагоги в связи с необходимостью учета психологических закономерностей в организации образовательной среды.

В психологии в ряде отраслей (общая, социальная, возрастная, педагогическая, юридическая и др.) предметно-пространственный компонент часто становится предметом исследования в связи с учетом его роли как фактора, оказывающего влияние на специфику интеллектуальной, эмоциональной, потребностно-мотивационной сфер психики, на индивидуально-психологические, стилевые особенности личности.

В психологии среды (environmental psychology) предметно-пространственный компонент определяется в качестве детерминирующего развитие и статус пространственного сознания (environmental cognition), пространственного поведения (environmental behavior) и отношения к предметно-пространственной среде (месту) (place attachment).

Анализ современных исследований в области изучения взаимодействия человека и предметно-пространственной среды, как в отече-

ственной, так и в зарубежной психологии, позволяет предположить, что существует самостоятельное направление, главным гипотетическим предположением для которого является положение о существовании различий между объективными свойствами предметно-пространственной среды и субъективными характеристиками, которыми данная среда представлена в психике, в частности, в сознании субъекта, а последние, в свою очередь, определяют восприятие среды как комфортной-дискомфортной и влияют на психологическое благополучие личности.

Такое гипотетическое предположение определяет особенности теоретического фундамента и специфику прикладных исследований в изучаемой нами области.

Исторически сложилось, что методологические основания и проблематика прикладных исследований первоначально были оформлены в зарубежной психологии, а отечественная психологическая наука имеет сравнительно небольшой опыт осмысления проблемы взаимосвязи предметно-пространственной среды и психологического благополучия личности.

Теоретическим фундаментом исследований является операционализация конструкта «место» (place), которая представлена как классическими моделями: «привязанность к месту» (place attachment), «идентичность с местом» (place identity), «чувство места» (sense of place), так и достаточно новыми вариациями: «соединение с местом» (place bonding), «значение места» (place meaning), «возможности места» (place affordance) и др. История теоретического осмысления конструкта «место» имеет глубокие корни в психологии среды и в ряде смежных дисциплин, а содержание этого понятия интерпретируется достаточно широко и тесно связано с контекстом эмпирического исследования [2].

Фабула большинства эмпирических исследований связана, во-первых, с анализом особенностей восприятия места (place perception), а, во-вторых, с изучением предпочтений мест жизнедеятельности человека (place preferences).

Типичной моделью исследования является выявление и анализ взаимосвязи между тремя группами данных: во-первых, объективными характеристиками предметно-пространственной среды (размер, цвет, открытость-закрытость), во-вторых, субъективными свойствами, кото-

рыми субъект наделяет данные места (эти свойства систематизируются преимущественно с помощью процедур ранжирования и факторизации), в-третьих, индивидуально-психологическими (пол, возраст, индивидуальные особенности) и собственно психологическими переменными. В качестве психологических переменных выделяют эмоциональное состояние, отношение к месту, уровень агрессивности, субъективное благополучие и др.

Наиболее распространенные варианты методических процедур, используемых в исследованиях — ранжирование мест, семантический дифференциал для оценки свойств тех или иных мест, самоописания различных мест.

Главной целью большинства эмпирических исследований, посвященных изучению особенностей восприятия мест и их предпочтений, является определение тех свойств, черт, характеристик предметно-пространственной среды, которые связаны с психологическим благополучием субъекта и позитивно влияют на психологическое здоровье.

Одним из критериев, который дает возможность систематизировать многообразие эмпирических исследований в данной области и выделить основные направления, является тип среды. Согласно данному критерию, наиболее значимыми для психологического благополучия человека являются жилая среда (home environmental, housing), близкое к месту проживания окружение (neighborhood), среда профессиональной деятельности (workplace, office environment), среда обучения (study, classroom environment), среду отдыха (restorative environment), природная (native) и городская (urban) среда.

Даже краткий анализ теоретических и прикладных аспектов взаимосвязи предметно-пространственной среды быденной жизни и психологического благополучия личности позволяет сделать вывод о необходимости и возможности их осмысления в современной теоретической и прикладной психологии.

Литература:

1. Панов В.И. Введение в экологическую психологию. Учебное пособие. Ч.1. – М., 2001.
2. Morgan P. Towards a developmental theory of place attachment. – Journal of Environmental Psychology. V.28, I.3, 2008, pp.278-286.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ КОНТАКТНОЙ ГРУППЫ СТУДЕНТОВ КАК СУБЪЕКТА УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА

Петрушин С.В.

Казанский федеральный университет, г. Казань

spv2003@inbox.ru

Актуальность данной работы связана со следующими взаимосвязанными аспектами подготовки специалиста в вузе.

Во-первых, мир сегодня становится все более сложным и изменчивым, в частности, продолжается укрупнение человеческих групп и интенсификация межличностных контактов. Современный человек связан с другими людьми гораздо больше, чем раньше. Практически, любое производство — это большое количество взаимосвязей (межрегиональных, межгосударственных, транснациональных) между отдельными отраслями, организациями. На это накладывается увеличение скорости и мощности контактов, например, такое явление как Интернет. Все больше возрастает увеличение объема и скорости перемещения современного человека, в том числе процессов эмиграции и иммиграции.

В связи с этим, современная учебно-воспитательная работа в вузе должна включать в себя формирование личности с учетом нового социального контекста. Активная социальная позиция студента, толерантность к другим сообществам, противодействие отчужденности, аутизму и страху перед людьми, саморегуляция и гибкость реагирования в постоянно изменяющемся обществе рассматриваются как важные дополняющие в наборе компетенций современного специалиста, независимо от сферы его деятельности.

Во-вторых, существующее обучение в вузе является групповым и студенты обучаются в группах самой различной численности. Обучающая группа в этот период становится доминирующим жизненным пространством человека в период обучения. Степень развития группы, то есть насколько в студенческой группе существуют коллективистские тенденции, доброжелательная атмосфера, сплоченность и взаимопонимание является важным фактором, повышающим эффективность учебно-воспитательного процесса в вузе. Исследование возможностей

психолого-педагогического влияния на студенческие группы в плане их становления как целостности, создание психотехнологий, ориентированных на большую студенческую группу или курс, являются актуальным направлением педагогической психологии.

Все это затрагивает важную проблему образования — поиск адекватных психолого-педагогических средств содействия становлению человека, способного к самосозиданию и творческому преобразованию действительности. Одной из возможностей для решения этой важной проблемы в рамках учебно-воспитательной работы в вузе — подготовки студентов к общению в широком социальном контексте и помощи в становлении учебной группы как субъекта — является использование потенциала большой группы. Это не только расширяет представление о системе факторов, обеспечивающих в вузе процесс непрерывно идущего «человекообразования», но и выводит воспитательно-педагогический процесс в реальное пространство жизнеосуществления студентов. Делает его соразмерным той сложности, что присуща человеку и раскрывает возможности моделирования ценностно-значимых, ориентированных на будущее видов социальной коммуникации.

Использование большой группы в качестве условия и средства воздействия на личность присутствует давно. Исторически сложилось так, что наиболее исследованной в психологии оказалась именно манипулятивно-негативная сторона использования эффектов большой группы. Однако различные исследователи все чаще начинают говорить о том, что большую группу пора реабилитировать. Традиционная идея о негативном влиянии большой группы на личность, идущая от Г. Лебона, З. Фрейда и др., нуждается в своем пересмотре. В основе нового подхода лежит представление о том, что при определенных условиях в большой группе возможно продуктивное взаимодействие и заложен мощный конструктивный и позитивный потенциал.

Каковы же эти условия? В качестве особых признаков большой группы такого типа можно выделить следующие: минимальное количество участников группы — 30 человек; наличие контактов между всеми присутствующими; вся группа находится в одном помещении или пространстве; идет совместная работа над изменением группы как системы или над изменением взаимоотношений в ней; происходит опреде-

ленным образом моделированный управляемый процесс. Такую группу можно рассматривать как организованную совокупность взаимодействующих и включенных друг в друга (в соответствии с принципом «матрешки») индивидов, пар, малых и средних подгрупп. При этом каждый человек может свободно перемещаться в пространстве всей группы, включаться в другие подгруппы.

В зарубежной литературе термин для обозначения такого рода больших групп нередко используется не для прямого их обозначения, а как название целого блока методов быстрых изменений и становления профессиональной или учебной общности как целостности. За рубежом наиболее распространенное название психотехнологий с использованием больших групп — «Large group intervention» — т.е. «Преобразование большой группы». Методы работы с такими большими группами, практически, не исследованы в отечественной педагогической психологии, хотя за рубежом, начиная с 90-х годов прошлого века, возникло целое направление, которое уже насчитывает более 70 вариаций на тему «большая группа», и количество этих методов продолжает расти.

Мы предлагаем обозначить такую группу термином «большая контактная группа», выделяя его таким образом как отдельный объект исследования. Название связано с тем, что специфической особенностью большой контактной группы является управляемый процесс, главным условием которого является организация контактов (интеракций) между всеми присутствующими в направлении предложенной темы и общей цели.

Целью исследования является разработка теоретико-методологических основ психолого-педагогической концепции становления большой контактной группы студентов как субъекта учебно-воспитательного процесса и эмпирическая проверка психологической модели такого становления, созданной на основе разработанной концепции.

Важным фактором, обуславливающим становление большой контактной группы как субъекта, в отличие от малой, является ее стихийно-организованная природа. Стихийность рассматриваемая нами как проявление природности содержит в себе источник высокой степени упорядоченности, способности к самоорганизации всех природных

явлений, при этом не имеющих отчетливых признаков социальности. Стихийно-организованный характер есть условие существования любой неравновесной системы, способной к образованию порядка из хаоса (самоорганизации). Природа стихийности – это онтологический признак чувствительности системы к хаосу как специфической особенности жизни, социальной в том числе, признак, который обеспечивает системе гибкость, и, одновременно, устойчивость в потоке постоянно меняющегося мира.

Поэтому наличие стихийности рассматривается обязательным фактором существования большой контактной группы, что увеличивает вероятность саморазвития того потенциала, который заложен в самой группе. При этом группа будет находиться в неравновесном состоянии, «балансируя» между стихийностью и организованностью. Переход большой контактной группы с одного уровня своего развития на другой, от одного своего устойчивого состояния к другому как утрата устойчивости и преодоление неустойчивости происходит через колебания между проявлениями стихийности и организованности. Таким образом, большая контактная группа может рассматриваться как диссипативная система со всеми ее атрибутами. Специфическим механизмом становления и развития большой контактной группы мы считаем механизм самоорганизации.

Выявлено, что большая контактная группа проходит в своем становлении пять этапов.

На каждом из этих этапов большинство участников группы занимают вполне определенную коммуникативную позицию. Смена позиции связана с возрастанием активности участников группы. Позиции метафорически обозначены нами как «наблюдатель», «вовлеченный», «исполнитель», «экспериментатор», «участник» и связаны со степенью изменения поведения студентов от внешнего наблюдателя к активному участнику; от субъектно-объектной позиции, когда студенты являются объектами внешнего воздействия и управляемы извне, к субъектно-субъектной, когда они могут отреагировать на ситуацию, исходя из своей личной активности.

Первые два этапа являются специфическими для большой группы, в малой группе эти состояния крайне редкие.

На основании предложенных коммуникативных позиций, обоб-

щая многолетний опыт по групповой работе, можно построить картину становления большой контактной группы студентов как субъекта.

Начальное состояние участника, когда он впервые оказывается в большой группе, мы обозначили как «Наблюдатель». Установку человека в такой группе по отношению к остальным участникам можно охарактеризовать как «Я и Они». В связи с этим контактность на этом уровне носит формальный и крайне поверхностный характер.

Для изменения такой непродуктивной позиции ведущему необходимо создать атмосферу безопасности, что позволит участникам от привычной «маски» перейти к общению на уровне другой позиции, которую мы обозначили как «Вовлеченный». С помощью специальных процедур ведущий за короткий срок помогает участникам преодолеть трудности первоначального уровня, что создает сильный эмоциональный подъем настроения участников, быстро создает и усиливает их доброжелательное отношение друг к другу и ведет к созданию общего «Мы» участников.

Далее ведущий может способствовать переходу на следующую позицию — «Исполнитель». Для этого тренер от использования стихийных механизмов переходит к созданию более прочных коммуникативных сетей между участниками за счет структурирования большой группы. Это осуществляется путем разделения группы на подгруппы (8–10 человек). Такой уровень групповой контактности соответствует организованным большим группам, которые чаще всего представляют собой совокупность малых подгрупп.

Два следующих уровня в социально-психологической практике встречаются гораздо реже. Для дальнейшего углубления групповой контактности тренер может идти по пути снижения своей активности. На этом этапе ведущий вновь использует стихийные механизмы большой группы. Общее «Мы» становится диффузным, формируются новые подгруппы, но уже не на основе предложенных ведущим подгрупп, а самостоятельно. Студенты начинают пробовать новые формы взаимодействия друг с другом. Отсюда название новой позиции — «Экспериментатор». На четвертом этапе большинство студентов начинают экспериментировать и пробовать новые формы поведения, отходя от привычных стереотипов общения.

Высший уровень контактности в большой группе возникает, когда

между членами группы строятся контакты с позиций «Участников». Прохождение четвертого этапа приводит к необратимому изменению группового состояния и возникновению группового субъекта. Именно на пятом этапе, когда уравниваются стихийность и структурность, большая группа начинает приобретать черты, не свойственные традиционным данным в описаниях большой группы. Это групповое состояние за счет своих характеристик оказывает мощное трансформирующее воздействие на всех членов группы. Для этого уровня контактности характерны возрастание степени самораскрытия участников, снижение психологической дистанции, снижение центрации на ведущем и увеличение интереса друг к другу.

Важным аспектом работы в условиях большой контактной группы занимает лидерство. Модель лидерства меняется в соответствии с прохождением группы на следующие этапы своего развития.

Первоначальная структура лидерства выглядит как централизованная, то есть все коммуникации осуществляются через организатора, занимающего центральную позицию. В дальнейшем, с возникновением подгрупп, коммуникативная структура лидерства представляется «звездообразно»: в центре главный лидер (организатор), он связан с лидерами по подгруппам (двухуровневое лидерство). Соответственно, на каждого участника действует двойное лидерство – верховное (в группе) и непосредственное (в микрогруппе).

В процессе становления большой группы как субъекта после прохождения 4 этапа и усиления процессов самоорганизации обнаружен феномен «разделенного лидерства», когда оно распределяется между всеми студентами, но не как эксклюзивная собственность одного человека или небольшой группы людей. В такой момент внешний наблюдатель не сможет определить, кто в группе главный. Лидерство начинает переходить от одного участника к другому. Организатор переходит от лидерства как управления к резонансному лидерству, как наиболее оптимальному в условиях самоорганизации группы.

Эмпирически были выявлены следующие эффекты взаимодействия в большой контактной группе: сдвиг в сторону уменьшения пассивных и увеличения активных стратегий поведения участников; формирование активной социальной позиции; повышение толерантности, что проявляется как изменение в отношениях с другими людьми и воз-

никновение нового взгляда на себя и других людей; решение многих проблем общения; переоценка жизненных ценностей; за счет сильных переживаний происходит коррекция эмоционального опыта общения.

Спецификой разработанной методики в рамках психолого-педагогической работы является то, что преобразование большой группы студентов в групповой субъект строится на основе следующих принципов: импровизационно-диалогической стратегии психолого-педагогического воздействия, концентрации и синтезе форм общения, поэтапном снижении активности ведущего, периодической перегруппировке участников, волнообразном развитии групповой динамики. Дополнительным непсихологическим приемом является специальная организация пространства внутригруппового общения. Стратегическим путем становления большой контактной группы студентов как субъекта является чередование стихийной и организованной групповой активности.

Таким образом, нами были рассмотрены психологические основы становления большой контактной группы как субъекта учебно-воспитательного процесса в вузе, выявлены и проанализированы этапы ее становления, выделены основные механизмы и необходимые условия полноценного развития таких групп, определены критерии успешности развития. Была создана и отлажена оригинальная методика, использование которой ведет к становления большой контактной группы студентов как субъекта учебно-воспитательного процесса вуза.

Это дает возможность обосновать новый подход в исследованиях групповой психолого-педагогической работы со студентами в условиях большой группы, базирующийся на субъектно-субъектных принципах внутригруппового взаимодействия и позволяющий решать широкий круг задач, связанных с психологической подготовкой личности студента к профессиональной деятельности в современных условиях и с оказанием поддержки в повышении субъектности учебных групп в вузе. Общение в большой группе всегда имеет элемент стихийности и ролевого многообразия, что благотворно сказывается на психическом здоровье ее участников.

В перспективе возможно развитие целого направления учебно-воспитательной работы в вузе, где будет адекватным использование свойств большой контактной группы.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СКАЗКОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЯХ,
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ,
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ
В «КАРЕЛЬСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО**

Пилипенко В.И., Маурина Н.Б.

*«Карельский кадетский корпус» имени Александра Невского,
МОУ СОШ №9, г. Петрозаводск*

О влиянии процесса обучения на здоровье детей ведутся дискуссии в России на протяжении многих лет. В период модернизации российского образования все больше стали говорить об отрицательном воздействии системы школьного образования на здоровье детей. Многолетние исследования Института возрастной физиологии РАО позволили выявить школьные факторы, которые негативно сказываются на росте, развитии и здоровье детей. К числу школьных факторов риска относятся: 1. стрессовая педагогическая тактика; 2. интенсификация учебного процесса; 3. несоответствие методик и технологий обучения возрастным и функциональным возможностям школьников; 4. нерациональная организация учебной деятельности; 5. функциональная неграмотность педагога; 6. отсутствие системы работы по формированию здоровья и здорового образа жизни.

Сказка — повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях. Мы все любим наши русские народные сказки. Слово — единица речи, представляющая собою звуковое выражение отдельного предмета мысли. Талантливый педагог В.А.Сухомлинский писал: «Слово — тончайшее прикосновение к сердцу; оно может стать и нежным, благоуханным цветком, и живой водой, возвращающей веру в добро, и острым ножом, ковырнувшем нежную ткань души, и раскаленным железом, и комьями грязи... Мудрое и доброе слово доставляет радость, глупое и злое, необдуманное и бестактное — приносит беду, словом можно убить — и оживить, ранить — и излечить, посеять смятение и безнадежность — и одухотворить, рассеять сомнение — и повернуть в уныние, сотворить улыбку — и вызвать слезы, породить веру в человека — и зародить недоверие, вдох-

новить на труд — и привести в оцепенение силы души». В настоящее время в России отмечается возрастающая интеграция психотерапии, возникающей на стыках медицины, физиологии, психологии, педагогики, философии и других наук. Психотерапия от греческого *psyche* – душа и *therapeia* – лечение. В настоящее время не является однозначно понимаемой областью научных знаний и практических подходов, а представляет собой всего лишь их сочетание и частично взаимодействие и отличается различными психологическими, медицинскими, антропологическими, социоэкономическими, экологическими и философскими установками и чрезвычайно широким спектром применения. Впервые термин психотерапия введен в 19 веке Тьюком. В опубликованной им в 1872 году книге «Иллюстрации влияния разума на тело» одна из глав так и названа: «Психотерапия». Еще нельзя не упомянуть Фридриха Антона Месмера, австрийского врача, который родился в Швабии и создал учение о «животном магнетизме» («месмеризм»). В 1776 году пришел к заключению, что магнитотерапия благоприятно действуют на пациента, но не благодаря самому магниту, а в результате действия таинственной силы — флюида, исходящей от магнетизма. Эта сила, названная им «животным магнетизмом», может накапливаться и передаваться другим с целью устранения болезней. Так же, вклад в науку внес Брэд Джемс, (1795–1860) — английский врач прославился изучением гипнотизма («брэдизм»), опровергнувшего учения Месмера Ф.А. о «жидкостях», значительно развившего учение о внушении; сон вызывался им фиксированием внимания на какой-нибудь предмет. Так же, вклад в науку внес Дюбуа Поль (1848–1918)– швейцарский врач, основоположник рациональной психотерапии, профессор невропатологии в Берне. Занимался исследованием и терапией психоневрозов. Еще нельзя не упомянуть, что основоположником психоанализа является Зигмунд Фрейд (1856-1939)– австрийский психолог, невропатолог и психиатр. Представления Фрейда о бессознательном, о сублимации, о динамической психической структуре личности и мотивах человеческого поведения, значении детского эмоционального опыта в душевной жизни взрослого, постоянном психическом влечении к эросу и смерти нашли широкое распространение в современной культуре. Так же вклад в науку внес создатель учения о высшей нервной деятельности является Павлов Иван Петрович (1849–1936) — российский физио-

лог, основатель крупнейшей научной школы физиологии, открыватель условного рефлекса. Еще хотелось вспомнить о создателе концепции «оперантного бихевиоризма», основоположник теории программированного обучения является Скиннер Беррес Фредерик (1904–1990) — американский психолог. Психотерапия — оказание психологической помощи в решении субъектом своих жизненных проблем, самостоятельном преодолении трудностей и отрицательных переживаний. (Б.Д.Карвасарский). Сказкотерапия – использующие ресурсы сказок для решения задач в воспитании, образовании, развитии личности и коррекции поведения. Профессиональное самоопределение — процесс принятия личностью решения о выборе будущей трудовой деятельности — кем стать, к какой социальной группе принадлежать, где и с кем работать. В роли испытуемых выступили кадеты 9-10 классов школы–интерната «Карельского кадетского корпуса» имени Александра Невского города Петрозаводска Республика Карелия. Респонденты проходят обучение по обычной общеобразовательной программе. В качестве основного диагностического инструмента нами использовался прием «Сочини сказку» о своей будущей профессии. Целью нашего исследования является изучение влияния сказки на уровень профессиональных интересов и психического здоровья кадетов школы–интерната «Карельского кадетского корпуса» имени Александра Невского. Кадеты — существо духовное. Гармония личности кадета предполагает не только равномерное развитие интеллектуальной сферы организма, эмоциональной сферы, физическое развитие и духовно–нравственный потенциал кадета, но и любовь к красивому, к природе и к миру!

Сказки, написанные кадетами.

Спасатель

Однажды, в детстве, теплым летним днем ходил в лес за грибами. Вдруг я нашел профессию. Она называлась — спасатель. Я взял ее себе. Мне она очень понравилась. Я каждый день спасал людей и животных. Я наслаждался этим. Эта профессия очень интересная и увлекательная. Всегда нужно перебарывать свой страх. Мне казалось, что я не мог бы жить без этой профессии. Но наступило семь часов утра и меня разбудили. Мне очень понравился этот сон, я хотел бы, чтобы он исполнился.

Сказочник Александр, 9 класс

Упорство

Жил–был Вася, он был небольшого роста, худенький, почти ничего не умел делать в жизни и все над ним всегда насмехались. Он решил себя изменить, поработать над собой. Пришло время, и Васю забрали служить в армию. Все сначала не представляли, как он будет служить, но Вася этого хотел. Он каждый день занимался спортом, обучался еще и другим мастерствам. Прошло какое-то время, и Вася стал одним из лучших. Все не верили, что за такое короткое время можно привести себя в порядок. Он был примером для многих. В общем, из маленького, хилого парнишки, вырос отличный защитник Отечества. Если человек хочет чего-то добиться, он это сделает!

Сказочник Станислав, 10 класс

Таким образом, введение сказкотерапии в процесс работы психолога с кадетами позволяет активизировать развитие эмоциональной сферы кадетов и произвести коррекцию психологических проблем. В школе–интернате, помимо решения педагогических задач решаются задачи: 1. содействия охране и укрепления здоровья кадетов; 2. учебная нагрузка и методы преподавания соотносится с возрастными и индивидуальными особенностями кадетов; 3. проводится работа по предупреждению патологических нарушений, непосредственно связанных с образовательным процессом; 4. проводится работа по снижению учебных перегрузок кадетов, приводящих их к состоянию переутомления, к «школьным стрессам»; 5. правильная организация физической активности кадетов; 6. проводится работа по предупреждению распространения среди кадетов вредных привычек, зависимостей.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ И SELF-ПАРАДИГМА

Погодин И.А.

канд.психол.наук, доцент

Институт Гештальта, г. Минск

Self-парадигма. В качестве пролегоменов к исследованию и изучению self-динамики я бы хотел остановиться на введении дополнительного понятия, которое понадобится нам для анализа комплексного

процесса переживания. Речь пойдет о *self-парадигме*, под которой я буду понимать устойчивые паттерны функционирования *self*, характерные для определенного достаточно продолжительного периода времени. Если принять во внимание, что *self* – это процесс в поле организм/среда, реализуемый посредством трех его динамических функций – *id*, *ego*, *personality*, то, по всей видимости, имеет смысл говорить об *id*-, *ego*- и *personality-парадигмах* как составляющих *self-парадигмы*. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что введение этих понятий в некотором смысле ставит под угрозу ценность творческого приспособления. Однако справедливости ради стоит отметить, что творческое приспособление, проявляющееся в изменении динамики *self* по ходу изменения контекста поля, является некоторым идеальным теоретическим конструктом, описывающим здоровое психическое функционирование. В реальности же некоторая доля «невроза» жизненно необходима для человека — нам очень важны относительно стабильные образования, как в отношении *self*, так и поля в целом. Временное фиксирование контекстов поля и релевантных им *self*-паттернов делает мир относительно предсказуемым и принципиально поддающимся управлению, тревога, релевантная динамике *self*, остается при этом выносимой и выполняет свою мотивирующую творческую функцию⁵. Таким образом, каждый человек в течение некоторого более или менее продолжительного времени демонстрирует некоторые относительно стабильные паттерны функционирования *self*, проявляющиеся в типичных эмоциональных реакциях в схожих ситуациях поля, возникающих в них потребностях, а также в образах и представлениях о себе и мире, организующих, в свою очередь, контакт и совершаемые индивидом выборы. Повторю, именно эти организующие контакт со средой паттерны я и обозначаю как *self-парадигму* и ее составляющие. Смена же *self-парадигмы* представляет собой некоторый личностный кризис, который необходимо пережить в его естественном протекании и который может быть инициирован критической трансформацией любой из

⁵ Вспомним хотя бы известный из общей психологии закон Йорка-Додсона, согласно которому возрастание тревоги значительно влияет на эффективность деятельности, выступая источником ее мотивации, лишь до некоторого предела, после которого эта же эффективность значительно падает.

ее составляющих (id-, ego- и (или) personality-парадигмы)⁶. При этом скорость и объем изменений self-парадигмы определяет феноменологию кризиса. Например, значительная трансформация self в течение короткого времени имеет «революционный характер» и соответствует значительному психологическому кризису. Ригидность же self-парадигмы зачастую не позволяет произойти этой «революции» и формирует основания для возникновения психической травмы как следствия утраты способности человека к переживанию. Тем не менее, психическое развитие человека предполагает наличие в его жизни личностных кризисов и переживание их. Менее травматичными для человека являются изменения self-парадигмы, носящие «эволюционный» характер, при которых их объем и скорость не достигают критических индивидуальных значений⁷.

Кроме того, говоря о self-парадигме, следует обратить внимание также на то, что этот феномен носит не только психологический, но и культурный характер. Другими словами, некоторые относительно стабильные паттерны функционирования id, ego и personality могут характеризовать не только отдельного человека, но также и культуру в целом (в том числе национальные особенности). Типичные особенности эпохи, проявляющиеся в легализации или, наоборот, запретах на переживание и осознание определенных чувств, желаний, в формировании определенных представлений и убеждений, в специфических способах организации контакта с окружающими людьми и построения отношения к социальным и культурным феноменам, образуют характерный для текущего культурного этапа способ жизни и восприятия действительности. В этом, культуральном, смысле термин «self-парадигма» является неотъемлемой частью культурной феноменологии и инструментом культурно-исторического анализа. Смена же «self-парадигмы» знаменует смену культурных эпох с соответствующим им комплексом культурных феноменов.

⁶ В связи со сказанным следует отметить, что управляемая в терапии поддержка трансформации какой-либо из составляющих self-парадигмы поддерживает процесс переживания и трансформации self-парадигмы в целом.

⁷ Индивидуальный порог толерантности к изменениям, определяющий возникновение психологического кризиса, также является характерной чертой, присущей актуальной self-парадигме.

Психическая травма и травматическая Self-парадигма. Для описания феноменологии психической травмы и создания модели психотерапии мне представляется полезным и даже необходимым введение понятия «травматической self-парадигмы», дополняющего предыдущее. Существующая актуальная self-парадигма имеет определенный порог фрустрации, до пересечения которого self изменения происходят внутри процесса переживания и имеют более или менее выраженный кризисный характер. Другими словами, процесс текущей трансформации является выносимым для self, хотя часто и непростым. Однако после пересечения этого порога динамические self-процессы начинают приобретать разрушительный характер, поскольку составляющие их феномены не могут быть пережиты. Выглядит эта ситуация следующим образом. В результате чрезмерных требований поля, предъявляемых на границе контакта, появляется колоссальный объем энергии, высвобожденной за счет критической разницы между предыдущими self-паттернами и актуальными. Если новые, до этого момента зачастую отсутствующие в опыте, и возникающие в актуальном контексте поля чувства, образы, представления и т.д. не могут быть пережиты и ассимилированы, то такая ситуация предполагает возникновение недифференцированного возбуждения (точнее следует сказать, перестающего быть дифференцированным). Id-функция оказывается замороженной, феноменологически фиксируясь в виде психической боли, зачастую даже до уровня ее осознания. Аналогичные процессы происходят и в двух других функциях — появляющиеся травматические образы и представления человека о себе и окружающем мире и соответствующие им экстренные и часто аномальные поведенческие паттерны как бы застывают во времени, психическая же боль выступает гарантом этого «психического замораживания». Ведущим механизмом, опосредующим этот процесс, по всей видимости, выступает ретрофлексия. Другими словами, высвободившаяся энергия критических self-изменений, оборачивается против самой же себя, блокируясь в невозможности переживания.

Для простоты объяснения травматического процесса попробую использовать метафору. Представьте себе камень, брошенный в воду. Немедленно в точке входа камня в воду появляется волнение более или менее спокойной до этого момента среды. Причем сила волнения

прямо пропорциональна значительности воздействия на среду (силе, с которой камень сталкивается на границе контакта с водой, и которая, как известно, является производной от массы камня и скорости его движения в момент столкновения). Появившиеся волны выступают метафорическим аналогом процесса переживания, который в конечном итоге приводит среду в некоторое состояние баланса, более или менее отличного от предыдущего состояния (до вмешательства). Предположим, что описываемый процесс оказался остановленным во времени. Представьте себе значительную волну, зафиксированную, благодаря стоп-кадру или немедленной заморозке. Психическим аналогом такой полевой агрессии может послужить психическая боль с остановленными в ней сильными аффектами. Картинка, появившаяся перед вашим глазами, и есть метафора феноменологии психической травмы. Задачей же психотерапии является «разморозка» остановленного динамического процесса через восстановление чувствительности и переживание сильной психической боли.

ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЬ В ТРАВМАТИЧЕСКОМ ГЕНЕЗЕ

Погодин И.А.

канд.психол.наук, доцент

Институт Гештальта, г. Минск

В данной работе я более детально остановлюсь на важнейшем феномене, определяющем этиологию, формирующем феноменологию и опосредующем динамику психической травмы. Речь пойдет о психической боли. Стоит заранее отметить, что сказанное будет иметь отношение, как к феномену острой травмы, так и к посттравматическому стрессовому расстройству.

Психическая боль является реакцией на утрату какой-либо ценности и нарушение границ в поле организм/среда. Кроме того, на мой взгляд, боль выступает комплексным аффективным феноменом, имеющим под собой основание в виде подавленных чувств, желаний, фантазий и др. Причем модальность этих остановленных в переживании психических феноменов вторична по отношению к их силе. Другими словами, психическая боль может быть следствием не только остановленных в переживании печали, отчаяния, злости, гнева, ярости, но так-

же и заблокированных любви, нежности, радости и т.д. Еще более упростиw рассматриваемое определение, отмечу, что **психическая боль** — это эмоциональный эффект остановки или деформации процесса переживания. Естественно, что с другой стороны, **боль** — это неизбежный попутчик освобождения в терапии процесса переживания от власти заблокировавших его хронических способов организации контакта, в частности от симптомов. В самом общем виде я бы метафорически обозначил психическую боль как дверь в здание психической травмы или посттравматического стрессового расстройства (в самом общем смысле — в здание любого психологического нарушения или дисфункции). Именно поэтому в процессе терапии клиентам зачастую становится эмоционально труднее в тот момент, когда, казалось бы, главная задача – восстановление переживания в правах – выполнена. До этого момента от невыносимой душевной боли клиента предохраняли его симптомы⁸, после низвержения их власти человек оказывается один на один с океаном боли. Естественное стремление человека при этом заключается в желании восстановить статус-кво, что зачастую провоцирует негативную терапевтическую реакцию.

Порой боль сопровождает человека всю его жизнь, находясь вне зоны его осознания. Зачастую люди предпочитают испытывать жизненные сложности или страдать психосоматическими заболеваниями, на которые можно пожаловаться, чем столкнуться с неизбежностью переживания боли. В этом случае необходимостью является снижение чувствительности к границе своего контакта со средой вплоть до полной ее потери. Причем, сила и глубина психической боли прямо пропорциональны выраженности этой тенденции. Творческое приспособление в контакте со средой при этом заменяется хронифицированными паттернами его организации, психическое функционирование фиксируется до уровня его осознания.

Невыносимая психическая боль часто до предела анестезирует self. Именно поэтому люди, перенесшие психическую травму, часто не-

⁸ Лидируют в смысле эффективности блокирования боли психосоматические симптомы. Именно поэтому терапия психосоматических и соматоформных расстройств чревата значительным эмоциональным ухудшением состояния клиента по ходу терапии. Этот факт, по всей видимости, объясняет также длительность и нестабильность процесса терапии психосоматических заболеваний.

чувствительны к своим границам, не замечая факта их нарушения со стороны других людей. Чужие оскорбления, неправомерные требования, реакции отвержения, откровенные попытки эксплуатации (профессиональной, сексуальной и др.) и т.д. остаются незамеченными ими. Восстановление же чувствительности в контакте к такого рода реакциям и другим полевым феноменам чревато затоплением болью, которая «приграничная анестезия» удерживает вне осознания. Развитию этого механизма «боль — утрата чувствительности» может оказаться подвержена даже группа людей в целом.

Например, терапевтическая группа, на начальном этапе своей работы во время одной из сессий столкнулась с чрезвычайным ввиду своей силы и неожиданности событием — у одного из участников, Н., умер отец. Получив это сообщение, Н. пребывал в шоке, группа была в ужасе и отчаянии. На следующей сессии в группе не появился один из участников, однако, никто не обратил внимания на это. Н., переживающий горе, также не стал говорить о своих чувствах. Проигноированный таким образом факт боли утраты позволил еще глубже заблокировать процесс переживания. Терапевтический процесс продвигался крайне вяло и медленно, по его ходу все новые участники покидали группу до тех пор, пока она не сократилась до минимума. Но и эта вероятность приближающейся смерти группы находилась вне возможности ее переживать. Только после того, как групповые терапевты обратили внимание на эту динамическую особенность, для участников группы после некоторого сопротивления оказалось возможным восстановить процесс переживания своих чувств, относящихся к происходящим событиям. После нескольких групповых сессий, посвященных опыту переживания утраты близких людей, групповой процесс стабилизировался, чувствительность к групповым и индивидуальным границам была восстановлена.

Стоит отметить, что подобную ситуацию с утратой чувствительности к границам может провоцировать не только блокирование переживания такого экстраординарного события, как только что описанное. Потеря чувствительности к границам может быть вызвана, например, блокированием обсуждения и переживания других актуальных групповых феноменов. Например, при фигуре умолчания в виде кон-

курении, процесс может оказаться схожим. Думаю, что процесс блокирования групповой фигуры, так или иначе, связан с остановкой или деформацией переживания, к ней относящегося. Такого рода «групповая латентная травма» может и вызвать утрату чувствительности к границам. С другой стороны, даже экстраординарное событие при его легализации и поддержке процесса переживания участниками, может быть ассимилировано и преобразовано в новый опыт, интегрированный в self.

На одной из групповых терапевтических сессий О., женщина 38 лет, сообщила, что умирает от рака. Известие потрясло группу, которая некоторое время хранила молчание. Однако после этого одна из участниц, П., рассказала о своем собственном страхе умереть ввиду тяжелой болезни, который она переживала около двух лет назад. П. говорила о той боли и ужасе, которые ей пришлось пережить, о страхе за своих остающихся без опеки и заботы детей. После этого тихо плачущая все это время О. смогла рассказать о своих чувствах, которые она испытывает в данный момент сначала лично П., а потом и всей группе. Произошедшее позволило многим участникам группы поделиться своим опытом и чувствами в виде боли утраты, страха смерти, вины, что позволило сделать их выносимыми и возможными к переживанию.

Подводя итог вышесказанному, отмечу, что психическая боль выступает одним из наиболее важных критериев, маркирующих травматическое переживание. Кроме того, возможность переживания боли является эффективным прогностическим признаком успешной терапии психической травмы.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ЭТАЛОНОВ У ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Полина А.В.

*ГОУ ВПО Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета, г. Волжский*

Воспитание детей в учреждениях закрытого типа нарушает естественный процесс формирования личности и социализации ребенка.

Дети-сироты — это особая возрастная и социальная категория населения, характеризующаяся целым рядом проблем. Формирование личности ребенка сироты происходит в состоянии психической депривации, которая негативно воздействует на развитие эмоционально-личностной сферы, как следствие, нравственные переживания детей данной категории, приводят к изменениям нравственного самочувствия ребенка. Поэтому можно предположить, что нарушение развития эмоций неблагоприятно влияет на формирование нравственных эталонов депривированных детей.

Отсутствие или девиантная забота значимого взрослого снижает способность ребенка к интериоризации. Социальная «ситуация развития» превращается для ребенка в «ситуацию невозможности», способствует возникновению у него общей напряженности и развитию на этом фоне тяжелых аффективных состояний. Эмоциональное влияние окружающей ребенка среды оказывает решающее воздействие на его физическое, психическое и интеллектуальное развитие [3]. Положительный эмоциональный контакт способствует более быстрому и лучшему усвоению сложных моральных норм, принципов общественной жизни, правил.

Особый интерес в эмоциональной сфере и формировании нравственных эталонов представляют различия между детьми, воспитываемыми в детских садах и в детских домах. Развитие эмоциональной сферы влияет на формирование первых социально-нравственных эталонов, связанных с понятиями «хорошего», «плохого», «доброе» и «злого», дошкольники начинают постепенно на основе этих эталонов дифференцировать людей по данным критериям.

«Добро» и «Зло» являются этической характеристикой человеческой деятельности, разграничивающим нравственное и безнравственное. Поэтому все, что направлено на созидание, сохранение и укрепление блага, есть добро. Зло же есть уничтожение, разрушение того, что является благом [1]. Особо стоит вопрос «Добра» и «Зла» среди воспитанников детских домов, которые имеют искаженное представление о нравственных категориях «Добра» и «Зла».

С целью изучения деформаций социальных эмоций детей-сирот и их влияния на формирование эмоционально-нравственных эталонов было проведено исследование, в котором участвовало 60 дошкольни-

ков (30 — воспитанники детских домов и контрольная группа — 30 детей из детского сада).

На основе теоретического анализа литературы было выявлено, что у детей с деформацией социальных эмоций нарушается формирование социально-нравственных эталонов и дифференциация эмоций. Сформированность эмоционально-нравственных эталонов детей, воспитывающихся в разных условиях, мы изучали с помощью методик В.С. Мухиной «Самое доброе – самое злое», а так же авторской методики «Хорошо – плохо». На основании результатов можно судить о том, как дети относятся к людям с точки зрения категоризации «Добра» и «Зла».

При анализе проективных рисунков обращалось внимание на цветовую гамму, которая раскрывает эмоциональное отношение к содержанию рисунка, которое позволяет определить состояние сформированности социального эталона. Кроме того, сформированность эмоционально-нравственных эталонов определялась по адекватному отражению ребенком содержательной стороны социального эталона. Выявлялись повторяющиеся эталоны, которые были объединены в следующие группы: мама, близкие люди, сверстники, животные, природа, сказочные герои, неодушевленные предметы. При этом типичные эталоны «добра – зла» детей из семьи отличались от рисунков детей-сирот. Частотные характеристики использования эталонов для двух исследуемых групп детей также были весьма различны.

Для большинства детей из детского сада (57,5%) «самое доброе» связано с родными близкими людьми. Дети – сироты «Добро» изображают, отстранено, в основном это рисунки неодушевленных предметов (45 %) и природы. Таким образом, полученные данные ясно свидетельствуют о том, что, дети-сироты в основном не относят людей к категории «добра», воспитанники детского дома людей чаще ассоциируют со злом, это значит, что у них деформированы эмоционально-нравственные эталоны.

Детальный анализ эмпирических данных позволил выделить уровни выраженности социальных эмоций у детей обеих групп. Основными критериями при определении уровней является выбор определенного эталона, адекватное отражение ребенком содержательной стороны нравственного эталона и непосредственное отношение испы-

туемого к этому эталону.

К первой группе были отнесены дети с высоким уровнем выраженности социальных эмоций. У этих детей еще только формируются адекватные социально-нравственные эталоны. Им свойственно воспринимать все и всех как «хороших». Следует отметить, что в выборке оказались в основном дети, воспитывающиеся в семье.

Ко второй группе отнесены дошкольники со средним уровнем выраженности социальных эмоций. Данная группа детей уже умеет различать людей на «плохих» и «хороших», следовательно, нравственные эталоны являются более дифференцированными.

Третья группа (ниже среднего). В основном ее составляют воспитанники детского дома (38%). Чаще рисунки этих детей тождественны в обоих заданиях и по содержанию, и по цветовой гамме. Рисунки «доброе – злое» выполнены одним, часто мрачным цветом. Эти дети малообщительны, замкнуты, в то же время могут проявлять агрессию к сверстникам. Многие дети из этой группы не уверены в себе, тревожны, мнительны. У данной группы дошкольников не только деформированы эмоционально-нравственные эталоны, но и базовая установка на социальное доверие является негативной.

К четвертой группе относятся дети с низким уровнем развития социальных эмоций. В качестве эталонов «Доброе – злое» эти дети рисовали неодушевленные предметы. Также дети могли нарисовать один и тот же рисунок, относящийся и к «доброму», и к «злому». У этих дошкольников нет дифференциации эмоций, отсутствуют представления о социальных нормах. При этом данная группа детей является самой многочисленной для детей-сирот.

Таким образом, высокий и средний уровень сформированности адекватных эмоционально-нравственных эталонов «доброе – злое» принадлежит детям из детского сада. В основном у них формируется положительный социальный опыт, поэтому больше половины детей имеют сведения о социальных ценностях, нормах и требованиях, соответственно своему возрасту. На наш взгляд, эти данные свидетельствуют о том, что именно в дошкольном возрасте при нормальном социальном развитии у детей начинают формироваться социальные отношения с окружающими благодаря адекватному развитию эталонов «добра и зла».

Дети из детского дома плохо ориентируются в выборе адекватных эталонов. Это связано не только с условиями воспитания детей-сирот, но и с неадекватностью в формировании нравственных эталонов. У детей, воспитывающихся в условиях детского дома, в связи с отсутствием представлений о том, кто такие «близкие, родные люди», отсутствует дифференциация взрослых на «своих» и «чужих». Причиной отсутствия дифференциации в отношениях с людьми, является, деформации эмоционально-нравственных эталонов: «хорошо – плохо», «доброе – злое».

Литература:

1. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности.- М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 240с.
2. Полина А.В. Депривация доверия в детском возрасте: Монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – 188 с.
3. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Развитие личности в условиях психической депривации // Формирование личности в онтогенезе. М., 1991. С 99-104.

**ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ
ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО–ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ**

Прилуцкая О.А.

Государственный университет управления, город Москва

Организация относится к универсальным образованиям, определяющим социальное бытие человека. Справедливо сказать, что человек с момента своего рождения вступает в отношения с многочисленными организациями, обеспечивающими его жизнедеятельность. Более того перемещения его связанные с личной жизнью также организуют, и обеспечивают специальные организации. Организация, таким образом, инструмент, который обязателен для удовлетворения разнообразных потребностей как отдельного человека, групп людей и всего человечества. Можно сказать, что организация является признаком, определяющим принадлежность человека к ноосфере. А точнее она является сама производной от ноосферы.

Обращает внимание на себя с одной стороны универсальность, а с другой спецификация организаций как социального института. Уже

отмечалось, что по существу в течение своей жизни человек удовлетворяет свои потребности посредством различных организаций. Другого способа сделать это в полной мере, на необходимом современном уровне — у человека нет. Но следует отметить и специфичность организаций как социального института. Можно классифицировать их по различным потребностям, которые являются по своей сути содержанием жизнедеятельности человека. Выделяются организации, которые обеспечивают развитие человека, его активность как члена общества, его деятельность как субъекта труда, обеспечивающие его здоровье, быт и т.п. Во всяком случае, практически каждая потребность имеет соответствующую ее содержанию и способу удовлетворения организацию. Более того следует выделить и организации, которые обеспечивают не только функционирование отдельного человека, но человеческого сообщества. К таким организациям, в первую очередь, следует отнести государство в различных его проявлениях, которое прямо предназначено для удовлетворения различных социальных потребностей групп людей.

Организации в различных их аспектах оказывают определяющие влияние на формирование личности человека, на выработку отношений и поведения человека как социализированного индивида (термин принадлежит Ананьеву Б.Г.).

Объединенные в организации люди оказывают определяющее влияние на миссию, конструкции и функционирование организацией. Другими словами, человек приспособливает функционирование организаций под себя и для себя. Таким образом, почти каждая организация несет в себе влияние интересов и направленности людей, которые составляют персонал организации. При этом следует отметить, что эта сторона организации в определенных обстоятельствах является основой, которой руководствуется организация в своей деятельности. Подчинение организации личностному влиянию вообще является желанием каждого в ней состоящего человека. Люди различаются также настойчивостью и ресурсо-обеспеченностью этого желания. Но желание сделать организацию средством реализации своих личностных целей можно отнести к универсальным устремлениям человека. Не служить организации, а создавать условия, чтобы организация служила тебе (человеку) и чтобы она выступила твоим могучим средством — вот

глубинная и порою, потаенная потребность каждого, кто вступает в организацию.

Отношение с организациями бывают настолько плотными, что человек не может их разорвать даже в самых неблагоприятных для себя обстоятельствах. По существу организация начинает выступать не только как среда его деятельности, но как неперемное условие жизни человека. Столь плотное включение в организацию по существу ставит человека в полную зависимость от нее. Превращает по сути своей в субъекта лишённого способности к самостоятельной, не опирающейся на организацию активности. Такое положение ставит человека перед необходимостью постоянно бороться за пребывание в организации, перед необходимостью отстаивать свою принадлежность к организации соответствующей организационной деятельностью. И здесь порою совершается своеобразная подмена служения осуществлению целей организации на деятельность ориентированную на поддержание комфортных условий существования организации, и самого человека как ее члена. В этих обстоятельствах организационная среда во всех ее составляющих является объектом влияния человека в целях обеспечения реализации его желания быть членом организации.

Приходилось наблюдать в связи с этим не только отстаивание чести мундира организации. С этим явлением как мотивом поведения периодически сталкиваются довольно часто. Этот мотив ориентирован на обеспечение высокого и общественно значимого статуса организации. Организация в соответствии с этим мотивом выступает как непогрешимая, как абсолютно правильная в своих целях и поступках, социально-профессиональная система. Согласно этому мотиву организация нуждается в защите, в особенном отношении к ней как объекту созданному самим человеком и следовательно не избавленной от различного рода покушений на честь, достоинство и высокий статус организации. Борьба за честь мундира — это по существу борьба за организацию как собственное рабочее место. В связи с этим покушение на организацию и рассматривается после покушения на достигнутый успех в самоутверждении и самореализации человека как члена организации.

Наблюдается еще один интересный аспект отношений человека и организации. Он выражается в своеобразном слиянии человека как

личности и организации. Это подмечено в следующих обстоятельствах: человеку, как профессионалу, как специалисту делается замечание за личные профессиональные промахи или упущения опять же в его личной работе, которую только он исполняет и за которую несет личную ответственность.

Другими словами критика носит персональный характер, но осуществляется она не членами организации. В связи со сказанным интересна реакция критикуемого. Она сводится примерно к следующей позиции: «Вы в данном случае позволили обидеть не меня, вы позволили себе недопустимо отнестись к организации, в которой имею честь работать». Могут быть варианты таких ответов, но сущность их сводится к тому, что сотрудник организации по существу или неспособен или не желает рассматривать или относиться к своей работе как личность. Он представляет себя частью организации. В данном случае организация и ее сотрудник как единое целое противостоят источнику опасности со стороны внешней среды.

В такой позиции человек не просто утверждает представление о себе как субъекте деятельности, но он свои собственные промахи и организации, которая в его сознании является совершенной, социально значимой, а следовательно непогрешимой. В этих случаях человек поднимается в своих представлениях об организации на уровень представления о ней как надличностные образования основанного силами провидения. Именно это делает организацию в его сознании непогрешимой и всегда справедливой по отношению ко всему, с чем она соприкасается и взаимодействует.

Такое явление можно квалифицировать как своего рода организационный альтруизм. Человек упускает из мотивов личную выгоду такого поведения, во всяком случае, оно не является включенным в его сознание. Впоследствии может быть он и найдет это поведение совпадающим со своими интересами, но в момент защиты организации его поступки действительно альтруистичны, жертвенны и могут быть источником его личных трудностей.

Привязанность человека к организации объясняется многими причинами. В основном это причины, вытекающие из социальной сущности бытия человека.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОРГАНИЗАЦИИ

Прилуцкая О.А.

Государственный университет управления, город Москва

Действительно усвоение человеком опыта, выработка многочисленных паттернов поведения, обеспечивающих различные аспекты адаптации, осуществляется в организации и с помощью средств, которыми располагает только организация как накопитель и источник полезного социального опыта. По существу формирование личности человека осуществляется с обязательным переходом из организации в организацию и посредством включения их специфических средств и целей в развитие необходимых для социального бытия человеческих отношений.

В связи с этим можно сказать, что организации во всем их многообразии являются институтами, в которых осуществляется социализация человека. Социализация по сути своей сводится к овладению человеком общественными отношениями актуальными для той социально-экономической среды, в которой осуществляется разнообразная активность необходимая для жизнеобеспечения и самое главное для самореализации человека. Другими словами благодаря социализации человек из объекта общественных отношений становится их субъектом. В связи с этим можно утверждать, чем больше человек будет овладевать общественными отношениями, чем глубже он будет проникать в образуемые им конструкты общества, тем в большей мере он будет способен квалифицированно, компетентно определять и направлять, поступки своего поведения.

Здесь важно иметь в виду, что включение в организации не только обеспечивает развитие субъективности благодаря содержательной направленности организаций. Именно содержание деятельности организации как социального института становится инструментом усвоения и овладения общественными отношениями.

Но важно и другое, организация является той средой, которая обеспечивает своими средствами более продуктивное протекание когнитивных процессов и эмоциональных состояний, благодаря которым и происходит овладение общественными отношениями и субъек-

ектное в них включение. Эта сторона и эта роль организации не менее значима для человека, чем содержательная ее деятельность.

Следует отметить и еще одно из назначений организации. Поскольку важнейшим ее качеством является порядок как антипод энтропии, то человек в организации овладевает и еще одной необходимой сущностью. Он приобретает и развивает в себе качества способные противостоять различным по этимологии энтропийным явлениям, источником которых могут быть индивидуальные свойства человека или объективные сбои в организации его деятельности. В любом случае будут ли энтропийные явления субъективного или объективного происхождения организационный порядок способствует, или их устранению или снижению влияния на деятельности человека.

Обеспечение организационного порядка является важнейшей основой всех видов адаптации человека к организации и поведения в организации. Сколь бы разнообразными по содержанию деятельности и методикам ее осуществления не были бы современные организации, все равно они базируются на минимизации затрат используемых ресурсов и на общности миссии, которая в полезных организациях ориентирована на удовлетворение общественных потребностей.

Вступая в организацию, человек руководствуется этими двумя концептуальными основами построения в функционировании организации. По существу человек усваивает универсальный порядок собственной деятельности в каждой организации.

Организацию можно представить в виде комплекса рабочих мест, которые в совокупности образуют коллективное рабочее место групп различающихся профессионально–должностными позициями. Рабочее место по своему содержанию является не только местом соединения человеческого труда и объектов труда. Рабочее место это еще и реализация различного рода социальных отношений, социальных институтов и проявления индивидуальности и личности. Рабочее место это своего рода личное пространство человека. Пространство на обустройство, которого он может влиять, приспособлять его под свои способности в тех пределах, которые не будут препятствовать осуществлению технологических процессов и труду других сотрудников организации.

Можно сказать, что в организации личного пространства прояв-

ляются по существу все индивидуальные и личностные качества человека. Особенно такие как агрессивность, способность к сотрудничеству, альтруизм и т.п. Обычно, вновь пришедший в организацию работник вынуждается к ограничению своего рабочего пространства, а то и прямо к более низкому качеству рабочего места по сравнению с другими. Порой это проявляется в мелочах, но тем не менее за этими мелочами стоят не просто стремления повлиять на физические условия труда. Чаще всего за этими поступками стоят статусные причины. Вновь пришедший сотрудник обязательно будет подвергнут в той или иной форме испытанием статусом. Через какие-либо потери в качестве рабочего места работнику указывается на его более низкий статус по сравнению с другими.

Новый работник, первоначально представляется чужим — незначимым. От него может исходить опасность, и чтобы предупредить опасность, соседи по рабочему месту, с одной стороны, специально понижает его статус, чтобы снизить уровень его притязаний, а другой стороны, выступают как солидарная группа, объединенная общими интересами. И эти общие интересы ориентированы на защиту высокого статуса и привилегий группы по отношению к новому сотруднику. На первых же порах пребывания в организации работник вынужден или противостоять группе или стать своим, близким для нее.

Состояние, оснащенность, технологичность рабочего места указывают на его значимость для организации, его требование к квалификации работника, его уникальность или, напротив, массовость, его включенность в основные технологические и производственные процессы. Все это укладывается в понятие стоимости рабочего места.

Понятно, чем дороже стоит рабочее место, тем большие требования предъявляются к работнику, который будет занимать это место. Из этого факта вытекает ряд следствий, которые прямо влияют на склад внутренней среды организации.

Персонал организации разбивается на профессионально-квалификационные группы, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы по уровню квалификации. Работники высокой квалификации занимают и более значимый социальный статус. А если квалификация является уникальной, то статус, определяющийся содержанием отношений к работнику со стороны различных групп персонала, становится

уникальным. В этом случае статус полностью подменяется личностным авторитетом, когда по ролям и отношениям работник как бы выходит за границу всех групп персонала, становится над ними.

Но в любых обстоятельствах отношение к работнику, определяющее его значимость для организации зависит от характеристик занимаемого им рабочего места, определяющего содержание труда. Или, во всяком случае, в присвоении этому рабочему месту значимости, в соответствии с социальными стандартами. Например, рабочее место какого-то крупного руководителя стоит не дорого, если принять в качестве обеспечивающих его труд объектов: рабочий стол, стул, оргтехника и т.д. Однако социальный стандарт на это место позволяет довести его стоимость до уровня, который будет несопоставим ни с каким другим самым технически оснащенным рабочим местом. Конечно, не только социальный стандарт приводит к этому. Значимость рабочего места это первое обстоятельство, которое определяет и внутреннюю среду организации, и самое главное, отношение к работнику со стороны различных составляющих эту внешнюю среду.

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО ТРАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ*

Прохоров А.О.

Казанский федеральный университет, Казань

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 09-06-00084а*

Одной из часто встречающихся категорий ИСС являются трансовые состояния. Под понятием «*транс*» понимается состояние, характеризующееся той или иной степенью изоляции внимания обыденного сознания от восприятия внешних сигналов, в этом состоянии изменяется степень контроля сознания над обработкой информации.

Также трансом может называться состояние, характеризующееся переживанием отрешенности и экстаза, вызываемое произвольно или возникающее при «застревании» внимания на объектах интроспекции или на каких-то свойствах внешних предметов. При транс-изменения могут происходить в любой психической функции, но, прежде всего,

изменяется фокусировка внимания. Внимание концентрируется на внутренних психических процессах — мыслях, образах, воспоминаниях, представлениях, на тех способностях, которые игнорируются субъектом в обычном состоянии сознания. Внимание к внешним стимулам становится расфокусированным (рассеянным), либо селективным, выборочным.

Чаще всего трансовые состояния анализировались и описывались в контексте особых условий: в медицинской проблематике при терапии и лечении больных или при создании экспериментальных условий для решения специальных задач (например, при гипнозе). В то же время, транс это естественное состояние, переживаемое каждым в своей повседневной жизни, например, при глубокой погруженности в размышления; при выполнении привычных действий, при грезах и фантазиях и пр., а также в ситуациях, где человек более живо и ярко осознает внутренние ощущения, тогда как внешним стимулам придается меньшее значение.

Погружение в транс в течение дня – не что иное, как своеобразный период «отдыха» в силу того, что социальные условия не позволяют человеку подчиняться своим персональным ритмам и графику отдыха, конфликт между потребностью в отдыхе и социальной необходимостью продолжать быть активным и «провоцирует» возникновение трансового состояния.

Необходимо дифференцировать естественный транс, вызываемый обычными для человека условиями его повседневной жизни, и индуцированный транс, используемый для лечебных целей врачом, «индуктором». Повседневный транс это естественное, часто возникающее в будничной жизни каждого человека психическое состояние, характеризующееся изменением фокусировки внимания и концентрацией на внутренних психических процессах с ослаблением отчетливости восприятия «внешнего» мира. Степень глубины транса зависит и измеряется степенью концентрации внимания на восприятии или каком-либо виде деятельности»; транс дает возможность максимально сконцентрировать усилия на выполнении поставленной задачи, например, для повышения творческого потенциала, улучшения памяти, отработки двигательных навыков и пр.

Целью исследования являлось изучение феноменологии, а также

отношений между когнитивными процессами и свойствами личности, с одной стороны и повседневным трансом, с другой.

Методика

Изучение трансовых состояний в повседневной жизнедеятельности связано с рядом трудностей: сложностью прогнозирования их возникновения, проблемами актуальной регистрации и измерения транса «здесь и сейчас», «удержанием» транса (актуальная диагностика и измерение транса, как правило, выводит субъекта из трансового состояния), сложностью постановки и проведением научных экспериментов, адекватностью методик измерения и пр. В силу этих обстоятельств, в наших исследованиях, мы руководствовались нарративными и ретроспективными описаниями, оценками пережитого транса респондентами, актуальными измерениями, а также моделированием ситуаций, вызывающих повседневный транс в той или иной деятельности субъекта, с последующим его измерением.

В исследовании взаимоотношений психических процессов, свойств личности и трансового состояния приняли участие 739 человека, разного возраста, пола и вида деятельности. Трансовые состояния исследовались с помощью ретроспективного подхода, моделирования трансовых состояний, возникающих в ситуациях повседневной деятельности, их описаний и актуального транса.

Результаты

Выявлена феноменология трансового состояния, характерного для повседневной жизнедеятельности, зависящая от специфики деятельности субъекта, а также структура транса, состоящая из двух функциональных комплексов, интегрированных между собой: ментального и соматического, функциями которых являются синхронизированные изменения психического и соматического при погружении в транс, и обеспечение особой продуктивности. Выделены девятнадцать факторов, лежащие в основании повседневного транса. К ним относятся (по степени значимости): физиологические, когнитивные и интенциональные факторы.

В психологический механизм «особой» продуктивности транса входят доступная обращенность к своему опыту, сопровождаемое ин-

тенсивными переживаниями, снижение чувствительности по отношению к стимулам внешней среды, нервно-мышечная релаксация вкупе с мобилизацией энергетических ресурсов организма.

Влияние когнитивных процессов на интенсивность переживаний повседневного транса незначительно. Выявлена тенденция к менее интенсивным переживаниям транса у лиц с высоким уровнем продуктивности когнитивных процессов.

Установлено, что индивидуально-психологические и субъектно-личностные свойства оказывают специфическое влияние на состояние повседневного транса. Оно выражается в величине «вклада» разных по иерархической организации свойств в актуализацию транса, которые, в свою очередь, опосредуются деятельностью субъекта, линейностью-нелинейностью отношений, а также зависимостью интенсивности транса от уровневых характеристик свойств.

На интенсивность повседневного трансового состояния оказывает влияние взаимодействие факторов «эмоциональность в работе» и «эмоциональность в общении». Наибольшая интенсивность переживаний трансового состояния характерна для испытуемых со средними и высокими показателями эмоциональности в работе и общении. Интенсивность переживания транса различается у представителей интровертированных и экстравертированных типов. Лица, с выраженностью свойств экстраверсии, спонтанности, агрессивности, эмотивности отличаются более высокими показателями интенсивности проявлений транса.

Установлено, что влияние свойств личности на повседневный транс опосредуется спецификой деятельности субъекта. В тоже время, эмоциональная окрашенность и особенности общения, выражаемые в свойстве «сдержанность-экспрессивность» в большей степени влияют на актуализацию транса, независимо от форм и видов жизнедеятельности субъекта. Показано, что лица с разным когнитивным стилем («широкий» или «узкий» диапазон эквивалентности) характеризуются различной интенсивностью переживания транса.

Обнаружена связь состояния повседневного транса и рефлексии: интенсивность переживаний повседневного транса зависит от рефлексивности, самостоятельности и общительности субъекта. Наибольший «вклад» в интенсивность переживания транса вносит рефлексивность.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И ВОЗРАСТНЫЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ*

Прохоров А.О.

Казанский федеральный университет, Казань

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ,
проект № 10-06-00074а*

Изучение отношений между категориями психических явлений является важнейшей методологической проблемой психологии. В этом контексте установление зависимостей между «сознанием» и «состоянием» позволило бы, с одной стороны, показать «вклад сознания» в состояние и объяснить ментальные механизмы регулирования — возникновение состояний определенной модальности, знака, длительности, интенсивности, их динамику и устойчивость, а с другой, выявить особенности влияния психического состояния на составляющие сознания и его структуры, их содержание и изменения в процессе взаимоотношений.

В этом контексте фундаментальное значение приобретает изучение бытийного слоя сознания: «чувственной ткани» (по А.Н.Леонтьеву) — образа психического состояния. Вопрос в том, как отображается (отражается) психическое состояние в сознании субъекта? В чём специфика образа психического состояния в отличие от предметного образа? Каковы механизмы возникновения образа психического состояния, особенности его содержания, структуры, динамики и др.?

При изучении образа мы исходим из следующих представлений. Образ состояния, в отличие от предметного образа, может рассматриваться как структура, в которой слиты воедино знание, переживание и отношение, где знание раскрывается на основе консолидации внутренних ощущений и субъективного опыта, переживание связано с осознанностью и рефлексивностью, а отношение выражает зависимость образа состояния от ситуаций его возникновения, с одной стороны, и влияние образа состояния на регуляторные процессы жизнедеятельности субъекта, с другой.

На наш взгляд, образ психического состояния связан с сенсорно-перцептивными процессами (впечатлением, ощущением, восприяти-

ем), со структурами субъективного опыта вкупе с представлениями (вторичными образами) и памятью, а также с переживаниями и рефлексией. Именно в переживании, на основе ощущений и рефлексии, субъекту дается реальность его психического состояния. Переживание определяет и закрепляет психический образ состояния, интенсивность (яркость) его проявления, тогда как рефлексия устанавливает границы образа, его близость и соответствие актуально переживаемому состоянию.

В контексте данных представлений нами изучались феноменологические и возрастные особенности образа психического состояния.

Методика

Для изучения пространственных характеристик образа психических состояний испытуемые описывали предложенные состояния в различные временные интервалы, репрезентируя их образ. В обследовании участвовало 605 человек. Оценивались образы следующих неравновесных состояний — *радость, гнев* (состояния высокого уровня психической активности), *спокойствие* (состояние среднего уровня психической активности), *одиночество, утомление* (состояния низкого уровня психической активности) в диапазонах: минута, час, день, неделя, месяц, полгода, год. То есть, образ одного и того же психического состояния рассматривался во временном континууме от «минуты до года». Исследование проводилось с использованием опросника «Рельеф психического состояния», в котором выделялись 40 показателей состояния. В обследовании участвовало 605 человек.

В изучении влияния *возраста* на изменение пространственно-временных характеристик образов состояний приняло участие 697 человек. Были выделены возрастные группы: от 6-10 до 75-90 лет.

При обработке результатов подсчитывались средние значения, вариативность, вычислялись корреляционные отношения между показателями состояния в каждом временном диапазоне (анализировались 35 корреляционных матриц 40x40). Анализ структур образов состояний проводился по индексам, предложенным А.В.Карповым: организованность структуры (индекс ИОС) высчитывалась по следующей формуле: ИОС (индекс организованности структуры) = ИКС+ИДС, где ИКС – индекс когерентности структуры, который определялся суммированием

ем положительных корреляционных связей с учетом их значимости. Связям, значимым на уровне ($p \leq 0.05$), приписывался коэффициент 1 балл; связям, значимым на уровне ($p \leq 0.01$), приписывался коэффициент 2 балла; связям, значимым на уровне ($p \leq 0.001$), приписывался коэффициент 3 балла. ИДС — индекс дифференцированности структуры, который определялся аналогичным способом, но только путем подсчета суммы отрицательных корреляционных связей.

Структурообразующие показатели определялись путем подсчета структурного веса каждого элемента образа (количество значимых положительных и отрицательных корреляций умноженных на коэффициент значимости, расчет которого приведен выше).

Коэффициент устойчивости-неустойчивости связей образа состояния подсчитывался как отношение устойчивых связей к общему количеству значимых связей. Устойчивые связи — связи, в которых значимость корреляций равна $p \leq 0.001$, связи неустойчивые (гибкие) — при корреляции $p \leq 0.05$.

Результаты

Рассмотрены феноменологические особенности пространственно-временной организации образов психических состояний: специфика и интенсивность проявления, вариативность показателей, рельефы, изменения структурных характеристик во временных диапазонах, организованность и устойчивость связей внутри структур образов. Установлено, что образы психических состояний характеризуются тенденцией к изменению при увеличении временных диапазонов при сохранении субъективной идентификации состояния.

Выявлены возрастные особенности пространственно-временной организации образов психических состояний. Установлена специфика образов психических состояний разного уровня психической активности со стороны организованности, устойчивости, когерентности и дифференцированности пространственно-временных структур у представителей отдельных возрастных групп. Показано, что изменение пространственно-временных структур в возрастном плане характеризуется волновой динамикой.

СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Прохорова М.В.

*Нижегородский государственный университет им.Лобачевского,
г.Н.Новгород*

Люди являются важным ресурсом любой организации. Для своей эффективной работы организация нуждается в том персонале, который разделяет её цели и заинтересован в решении стоящих перед организацией задач. Разделение целей и задач организации должно найти отражение в мотивации работников. Ключевые мотивы трудовой деятельности работников должны соответствовать целям и задачам организации. Только в таком случае работники могут продолжительно и плодотворно трудиться на благо организации, получая удовлетворение от своей работы, вкладывая в неё оптимальные по величине психофизиологические ресурсы. В случае расхождения целей и задач организации с мотивацией работника, невозможно достичь максимальной удовлетворённости трудом, а психофизиологическая стоимость затрат работника будет достаточно высока. Как следствие организация встретит сопротивление на пути реализации своих целей. Период трудовой деятельности работника, мотивация которого не соответствует целям и задачи организации, будет не продолжителен. Отсюда следует, что необходимо изучать соответствие мотивации кандидатов на трудоустройство целям и задачам организации для эффективного отбора. Подобные исследования должны проводиться и для работающего персонала, чтобы послужить основой для разработки программ мотивации персонала и прогнозировать увольнение работников, которые не готовы и не заинтересованы в достижении целей и решении задач организации.

В свою очередь, цели и задачи организации зависят от этапа её развития. Каждая организация на протяжении своего развития может пройти четыре этапа: формирование, интенсивный рост, стабильность, упадок. Этапы организационного развития подобны основным периодам человеческой жизни: детству, юности, зрелости, старости. На первом этапе развития основной целью организации является становление бизнеса, привлечение капитала, выживание на рынке в условиях жёсткой конкуренции. Основными задачами бизнеса являются: поиск и определение своей ниши на рынке; выбор товаров и услуг, которые

будут востребованы потребителями; привлечение внимания к своему продукту; организация продаж и сервиса; привлечение клиентов; поиск и отработка эффективных бизнес-процессов, схем и методов работы; формирование рабочей команды. Название второго этапа полностью отражает основную цель развития организации — интенсивный рост, увеличение объёма продаж, повышение качества продукта. Данная цель достигается за счёт решения одной или совокупности следующих задач: внедрение новых направлений, создания новых подразделений, расширения ассортимента товаров и услуг, экспансии, повышение производительности труда. На третьем этапе организация стремится достичь максимальных количественных и качественных показателей своей деятельности. Основными задачами деятельности на третьем этапе является регламентация и нормирование труда, разработка и внедрение стандартов работы, технологических норм, финансового планирования. Основной целью четвёртого этапа для организации будет возрождение. Данная цель может быть реализована за счёт поиска новой ниши на рынке, новых направлений деятельности, новых каналов распределения. Достижение этой цели обеспечивает организации в последующем возврат на один из ранних этапов своего развития — формирование.

На каждом этапе своего развития организация не просто нуждается в тех работниках, мотивация которых будет конгруэнтна её целям, но и может обеспечить ограниченные условиями своего развития возможности для удовлетворения потребностей персонала. На этапе зарождения организация ограничена в своих ресурсах, содержание деятельности не описано регламентами, что обеспечивает большой простор для реализации карьерных и профессиональных планов работников, работу в условиях неопределённости и новизны. На этапе интенсивного роста работа предполагает достаточно высокий уровень новизны сохраняется и поддерживается, происходит быстрое и стремительное развитие персонала, который необходим на разных участках организации. От персонала требуется не просто высокая производительность труда, а ещё и быстрые темпы её прироста. На третьем этапе разработана и внедрена система регулярного менеджмента, деятельность организации упорядочена и последовательна. Организация обладает всеми необходимыми для своей жизнедеятельности ресурсами в полном объёме. На этапе упадка ресурсы организации ограничены.

Взаимоотношения внутри организации и внешние связи реализуются через разрешение большое количество конфликтных ситуаций. Отсюда возрастает важность и полезность определения структуры мотивации трудовой деятельности, соответствующей этапам организационного развития, что не нашло достаточного отражения в трудах психологов, и определило актуальность и цель нашего исследования.

Поставленная цель конкретизирована в решении следующих задач: определение структуры мотивов, которые обуславливают готовность или отказ работать в организации на заданной стадии её развития; определение зависимости мотивационных предпочтений организации на разных стадиях её развития от возраста работника.

Перед проведением исследования были разработаны две группы гипотез. Первая группа гипотез отражает структурные аспекты мотивации трудовой деятельности на разных стадиях организационного развития. Ключевыми мотивами выбора организации на первом этапе её развития являются потребность в самореализации, профессиональном развитии; на втором этапе — потребности в карьерном росте, потребность в профессиональном развитии; на третьем этапе — потребности в безопасности или стабильности, престиже и высокой заработной плате, широком круге общения; на четвёртом этапе — потребности в оказании помощи и поддержке, в карьерном росте, самореализации. Отказ от работы на первом этапе организации происходит в результате такой негативной мотивации, как боязнь потерять работу, нежелание получать низкую заработную плату. Отсутствие готовности работать на втором этапе обусловлено нежеланием интенсивной работы и работы в быстро меняющихся и неопределённых условиях. Отказ от работы на третьем этапе связан с неготовностью работы в жёстко регламентированных условиях, отсутствием возможностей для проявления инициативы и самореализации. И, наконец, нежелание работать на четвёртом этапе связано со страхом потерять работу, боязни конфликтных ситуаций, неготовностью получать низкую заработную плату. Вторая группа гипотез отражает влияние возраста работника на готовность работать в организации на разных стадиях её развития. А именно: существует положительная линейная зависимость между возрастом работника и его готовностью работать в организации, структурой мотивации трудовой деятельности.

Организация исследования была запланирована в несколько эта-

пов. На первом этапе исследования основной задачей является определение всех видов положительной мотивации, лежащей в основе готовности работать в организации на заданной стадии её развития, и отрицательной мотивации, обуславливающей отказ от работы в организации. Для решения этой задачи была разработана анкета с использованием метода критических ситуаций. В анкете даётся обобщённое описание четырёх этапов организационного развития. Задача испытуемого определить свою готовность или неготовность работать в организации, а также обосновать причины своего ответа. Исследование проводится на выборке 60 человек, которая равномерно (по 15 человек) распределена на 4 группы испытуемых, которые работают по найму в настоящий момент времени: от 18 до 30 лет, от 30 и до 40 лет, от 40 и до 50 лет, старше 50 лет. Собранные данные на стадии первичной обработке подверглись контент-анализу. На стадии вторичной обработки, которая проходит в настоящий момент времени, проводится факторный анализ данных.

На втором этапе планируется выделить 60 (по 15 человек для каждой стадии) наиболее эффективных работников в организациях, проходящих разные стадии развития. Для формирования новой выборки будет использоваться метод экспертной оценки. В роли экспертов крупного и среднего бизнеса будут выступать менеджеры по персоналу, а малого бизнеса — собственники организаций. Для сбора данных на вновь сформированной выборке будет использоваться метод ситуационного интервью. Полученные данные впоследствии пройдут качественный анализ. На основе полученных и обработанных данных на первом и втором этапах исследования будет проведена проверка гипотез и сделаны выводы относительно структуры мотивации трудовой деятельности на разных этапах организационного развития.

«МУЖСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ БОЛЬШИХ ГРУПП

Радина Н.К., Никитина А.А.

Нижегородский государственный педагогический университет

«Мужские исследования» в рамках гендерных как самостоятельное научное направление определилось в 80-е годы XX века (в Рос-

сии — Д.Воронцов, Д.Громов, Е.Здравомыслова, Е.Мещеркина, И.Тартаковская, А.Темкина и др.). В современных российских гендерных исследованиях в психологии преобладает etic-подход, в рамках которого проводятся сравнительные исследования «психологических особенностей» двух разных гендерных групп — мужской и женской. Однако также возможна практика и emic-подхода, если в фокусе научного анализа оказываются представители одной социокультурной группы (в случае данного исследования — мужской). Emic-подход позволяет получить уникальное знание, дающее более полное и глубокое понимание того, как современные противоречивые культурные дискурсы, определяющие содержание мужской социализации, воспроизводятся на личностном уровне в различных формах мужской идентичности.

До настоящего времени для изучения уникальности одной гендерной группы в «психодиагностическом багаже» российского психолога не было стандартизированных инструментов. Качественный подход, доминирующий в гендерных исследованиях, без сомнения, давал полную и существенную информацию, однако, например, результаты и фокус-групп, и интервью, требовали при обработке и интерпретации особой квалификации, создавали определенные трудности при анализе, поиске закономерностей и корреляций. Также правила социального конструктивизма, в русле которого методологически обосновались гендерные исследования, предполагали поиск «золотой середины» между пониманием и измерением, между творчески субъектным и воспроизводимым в процессе изучения гендерной социализации личности, что затрудняло создание стандартизированного опросного инструмента.

Опросник «Изучение Развития Мужской Идентичности (ИРМИ) “Я и другие мужчины”» (Радина Н.К., Никитина А.А.) является первым психодиагностическим инструментом на пространстве российских гендерных исследований, ориентированным на изучение особенностей мужской гендерной группы, а именно на изучение различных вариантов развития мужской идентичности современного мужчины. В данном опроснике мужская культура, на индивидуальном уровне определяющая мужскую идентичность, описывается посредством 7 шкал, 6 из которых представляют «нормы мужественности», описанные в культурологических, социологических и психологических исследованиях (нор-

ма статуса, нормы эмоциональной, физической и интеллектуальной твердости, норма антиженственности, рискованность), а седьмая шкала «измеряет» у опрашиваемого метросексуальные установки на себя.

По итогам использования опросника идентифицируются семь вариантов развития мужской идентичности. Три варианта — патриархатного типа (гегемонная, компенсаторная и «мягкая»), два — гибридного, два — альтернативного.

На основе данного нового психодиагностического инструмента были опрошены 341 мужчина от 16 до 60 лет и старше (109 старших подростков 16-18 лет; 154 молодых человека от 19 до 25 лет; 57 взрослых работающих мужчин от 26 до 60 лет и 21 мужчина — старше 60 лет) для идентификации основных вариантов развития мужской идентичности у представителей разных возрастов и последующего изучения личностных особенностей каждого из вариантов. Общей закономерностью для всех возрастов является преобладание патриархатных вариантов развития мужской идентичности над альтернативными. Следует отметить, что гегемонная мужественность — эталон на протяжении многих столетий — в настоящее время не является лидирующим вариантом развития мужской идентичности (не более 15 %).

Многие юноши и мужчины демонстрируют недоминантные варианты развития мужской идентичности: эгалитарный вариант развития мужской идентичности (от 19 % до 43 %) и «мягкий» патриархатный вариант (от 19 % до 33 %), что может свидетельствовать о происходящих в обществе трансформациях в области мужской социализации. Кроме того, с возрастом значительно увеличивается число представителей компенсаторного варианта развития мужской идентичности, что, на наш взгляд, обусловлено негативным опытом конкуренции в собственной гендерной группе.

Необходимо отметить, что у зрелых мужчин практически не встречаются представители гибридных вариантов развития мужской идентичности, в то время как каждый пятый молодой человек является носителем данного варианта. Гибридные формы наиболее вероятно маркирует тех юных мужчин, чьи поиски идентичности по-прежнему актуальны, поэтому к этапу средней взрослости гибридные варианты практически исчезают.

Метросексуальный вариант развития мужской идентичности яв-

ляется достаточно распространенным у молодых мужчин (особенно в подростковом возрасте и в период ранней зрелости), и совершенно не встречается у мужчин, старше 60 лет, что, на наш взгляд, обусловлено изменением ценностных ориентаций общества в рыночной экономике и особенно маркетинговыми политиками СМИ, которые наиболее активно транслирует данный новый стандарт «настоящего мужчины».

Опросник ИРМИ «Я и другие мужчины» расширяет возможности для проведения «мужских исследований», так как позволяет научным эмпирическим путем (а не «на глазок») выявить различные варианты развития мужской идентичности, циркулирующие в пространстве российского общества, изучить как общие закономерности развития мужской идентичности, так и частные «мужские» проблемы, ответить на многие актуальные вопросы, встающие перед исследователем мужской культуры и личности мужчины.

ИЗМЕНЕНИЕ МОТИВАЦИИ К УСПЕХУ И ИЗБЕГАНИЮ НЕУДАЧ У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Рамендик Д.М.

*Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова,
биологический факультет, Москва*

В настоящее время среди разных видов психологической помощи, как корпоративной, так и индивидуальной, существенное место занимают консультации и тренинги, направленные на то, чтобы поддержать у человека мотивацию к достижению успеха и помочь найти способы ее реализации. Потребность в такого рода помощи возникает потому, что руководители коллективов и сами люди чувствуют недостаток такой мотивации, которая должна была бы формироваться и укрепляться у молодых людей еще в процессе профессионального обучения.

В большинстве работ, посвященных профессиональной подготовке в высшей школе, особенно подготовке высококвалифицированных руководителей, отмечается важность мотивации к успеху для эффективного обучения и последующей профессиональной деятельности. (См. Например [1, 2, 4]). Однако реально процесс обучения может содействовать не увеличению, а снижению мотивации к успеху у учащихся.

В эмпирическом исследовании мы пытались выяснить связана ли мотивация к успеху с устойчивыми индивидуальными особенностями студентов или в большей степени зависит от внешних социальных условий и как она изменяется в процессе обучения в ВУЗе.

В исследовании участвовали 2 группы учащихся. Одну группу составляли 40 студентов естественных и гуманитарных специальностей. Они проходили обследование два раза: в конце 1 курса и в начале 4 курса. Во вторую группу входили 20 выпускников и стажеров Академии Физической Культуры, мастера спорта по пулевой стрельбе. Они были протестированы однократно.

Для исследования были использованы: 9 стандартных опросников свойств личности и мотивации (тесты-опросники свойств нервной системы и темпераментов по Стреляу, Айзенку и Русалову; тест-опросник тревожности по Спилбергеру-Ханину; 16-ти факторный тест Кэттелла; опросник «Уровень субъективного контроля»; тесты-опросники направленности личности по Бассу и социально-психологических установок личности по Потемкиной; опросник мотивации достижения успеха и избегания неудач по Мехрабиану), а также проективная методика «Рисунок несуществующего животного». [5]

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы STADIA.

Было выявлено, что все показатели индивидуальных особенностей так или иначе связаны между собой. С помощью корреляционного и кластерного анализа были выявлены 3 блока индивидуальных свойств, внутри которых имелись тесные связи (Коэффициенты корреляции по Спирмену не менее 0,6 при значимости $p < 0,003$; кластерные расстояния по методу «ближайшего соседа» не более 0,3). Эти блоки (кластеры) по общему содержанию были близки к факторам "большой пятерки" свойств личности: "энергетическому" "социальному" и фактору "самоконтроля". Конкретный состав кластеров мог несколько варьироваться, но каждое свойство входило в один из них [3]. Между студентами и спортсменами никакой значимой разницы выявлено не было.

Исключение составляли результаты опросника мотивации достижения успеха и избежания неудач по Мехрабиану. Они не коррелировали ни с одним другим показателем и не входили ни в один из кластеров, то есть не были связаны с другими индивидуальными особенностями людей.

У всех спортсменов числовое значение результата теста было положительным (в среднем 12,4 стандартное отклонение 4,867), то есть у них мотивация достижения успеха превалировала над мотивацией избегания неудач. У большинства студентов 1 курса результат был аналогичным (среднее значение 7,6 стандартное отклонение 4,113), то есть у них мотивация достижения успеха также была больше, чем мотивация избегания неудач, но было 4 студента с отрицательным результатом теста, у них была немного более выражена мотивация избегания неудач (индивидуальные значения составляли — 5 - -3).

Совершенно другая картина наблюдалась у тех же студентов на 4 курсе. Положительный результат теста Мехрабиана был получен только у 3 студентов из 40 (среднее значение — 19,4 стандартное отклонение 13,622)! То есть за 2 года обучения в ВУЗе произошло кардинальное изменение в мотивации — в ней стало отчетливо преобладать стремление к избеганию неудач.

По другим тестам-опросникам существенных перемен не наблюдалось, но были выявлены изменения в рисунке «Несуществующего животного». Как правило, общий стиль рисунка не изменялся, но были видны множественные изменения в деталях. В частности, почти на всех рисунках увеличилось количество признаков тревожности и потребности в защите: резкие штриховки с нажимом, дефекты контура, шипы, панцири и когти и т.п. При этом значимых изменений в ответах на тест тревожности по Спилбергеру-Ханину не произошло, т.е. повышение тревожности было в значительной степени бессознательным.

Можно предположить, что на 1 курсе студенты еще находились в приподнятом настроении от самого поступления в ВУЗ и были настроены и на успех. Но 2 года учебы существенно повлияли на их мотивацию и привели к преобладанию мотивации избегания неудач у большинства студентов, независимо от их индивидуально-психологических особенностей и академической успеваемости. Очевидно, что условия обучения в ВУЗе провоцировали повышение тревожности. Поведение, организованное в соответствие с мотивацией на избегание неудач, оказывается для студентов более комфортным и психологически безопасным, чем стремление к успехам.

У спортсменов таких изменений не произошло, поскольку их спортивное мастерство неуклонно росло все годы учебы.

Из полученных данных можно сделать вывод, что при организации учебно-воспитательной работы в ВУЗе следовало бы обращать внимание не только на академическую успеваемость и дисциплину, но и на психологическое состояние студентов, поддерживать в них стремление к успеху. Это может повысить эффективность обучения и будущей профессиональной деятельности.

Следует оговориться, что мы не считаем правильным превращение стремления к успеху в ведущую жизненную ценность и подчинение ей всех прочих мотиваций. Но ее подавление, замена на мотивацию избегания неудач не способствует гармонизации поведения и личности молодого человека и, более того, увеличивает в последующем потребность в психологическом консультировании и тренингах.

Литература:

1. Берулава Г.А. Методологические основы развития личности в системе высшего образования. // Вестник практической психологии образования №4(21) 2009

2. Збанацкая А. Б. Личностные характеристики студентов вуза как основа индивидуального стиля учебной деятельности. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук М. 2007

3. Рамендик Д.М. Когнитивные и личностные особенности взрослого человека как средства достижения целей // Материалы конференции памяти Л.С.Выготского РГГУ М 2009.

4. Серёгина Т.Н. Личностные особенности, детерминирующие профессиональную успешность деятельности руководителя // Научные материалы международного форума и школы молодых ученых ИП РАН Раздел 3. Актуальные проблемы современной российской психологии Сочи 2009.

5. www.azpsy.ru (Электронный ресурс)

СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКАЛИВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ К РАБОТЕ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Рожков М.И., Сапожникова Т.Н.

*ФГБОУ «Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского» (г. Ярославль)*

Одной из задач работы с современной молодежью является формирование у нее готовности к работе в экстремальных условиях, связанных с постоянным риском для жизни и здоровья.

По мнению специалистов, на человека, работающего в экстремальных условиях, особенно сильно воздействуют два фактора. Во-

первых, сами чрезвычайные ситуации поражают его ценностно-смысловую сферу, нанося удар по так называемым базовым иллюзиям неуязвимости, подконтрольности обстоятельств, благосклонности окружающей действительности, заставляя каждый раз перестраивать картину мира и представление о себе. Во-вторых, профессиональные ситуации связаны с грузом ожиданий общества от специалистов, призванных, рискуя собственной жизнью, спасти пострадавших [1].

Особую ценность для понимания этих факторов представляют результаты исследований Б. Беттельхейма, А. Коэна, В. Франкла, которые в годы Второй мировой войны были узниками концлагерей. Они были едины во мнении о том, что сохранить свою личность в экстремальных условиях помогает «духовная установка»: «Кто рассматривал лагерную жизнь не просто как тягостный эпизод своей жизни, а скорее как серьезное жизненное испытание, ... не испытывали регрессию, в моральном отношении, они испытывали прогрессию, — претерпевали эволюцию в моральном и религиозном отношении» [2].

Исходя из сказанного, средством психологической подготовки молодых людей к работе в экстремальных ситуациях может стать социальное закаливание — особым образом организованный педагогический процесс, предполагающий их включение в ситуации, которые требуют волевого усилия для преодоления негативного воздействия окружающей социальной среды, выработку социального иммунитета, устойчивости к стрессам и рефлексивной позиции.

Социальное закаливание ориентирует личность на освоение новых правил, ценностей, основных отношений в обществе. Потому мы вправе подчеркнуть, что данный процесс формирует у нее способность распределять и расходовать свои возможности в соответствии с силой, характером натиска внешних воздействий на сознание, опыт, эмоции, волю; ориентировать на успешное преодоление жизненных затруднений; формировать готовность к встрече с возможными неприятностями и их решением; расширять, углублять, обогащать, уточнять личностные жизненные ценности и ориентиры; помогать в разработке внутреннего плана действий.

Социальное закаливание — это своего рода социальная акупунктура, т.е. такая точечная технология прикосновения к резонансным зонам социального опыта молодого человека, которая позволяет про-

дуктивно реагировать на типичную ситуацию трудности во взаимоотношениях со средой. Оно ориентировано на включение юношей и девушек в обстоятельства, которые предвосхищают будущие жизненные ситуации, требуют волевого усилия для преодоления заключенных в них трудностей, противоречий, стимулируют выработку способов этого преодоления, адекватных реальной расстановке сил и индивидуальным способностям человека.

Социальное закаливание молодежи включает несколько направлений: социальное образование, воспитание социальной восприимчивости, стимулирование социальной активности и социальной ответственности. Оно может осуществляться при помощи различных средств, каждое из которых имеет свои психологические и педагогические ресурсы.

Имитационные средства позволяют диагностировать типичные социальные затруднения у молодых людей, оказывать им квалифицированную адресную помощь в решении проблем, включать в сам процесс закаливания.

Обогащение жизненного опыта юношей и девушек достигается за счет социального характера содержания сюжета имитации, инициирования атмосферы включенности личности в социальные отношения через заданные роли и условия, и стимулирование выполнения ряда действий (социальных проб). При этом под социальными пробами, понимается «совокупность последовательных действий, их набор, связанные с выполнением специально организованной социальной деятельности на основе последовательного выбора адекватного ситуации способа поведения.

Ситуации, составляющие содержание социальных проб, условно могут быть разделены по характеру требуемых действий на несколько групп:

- требующие действий, обеспечивающих включенность в социальные отношения;
- требующие ориентиров поведения в определенной микросреде; требующие коммуникативной компетентности при выстраивании взаимоотношений с сообществом;
- требующие опыта разрешения типичного противоречия при социальном взаимодействии.

В процессе социального закаливания молодежи используются различные психологические приемы:

- «балансировка», предполагающая чередование успешности и неуспешности в деятельности, вживание в ситуацию, освоении предлагаемых ролей;
- «перебрасывание мостов», ориентирующий на постоянную связь прошлого опыта с элементами новой ситуации, актуализацию внутренних возможностей отдельных частей используемой ситуации, потенциала, заложенных в ней ролей и позиций.
- «туннелирование», побуждающий наставника устранять внешние факторы, которые могут внести нежелательные помехи, выстроить дополнительные препятствия;
- «стягивание в точку», предполагающий сознательное концентрирование внимания молодых людей на наиболее важных моментах, стимулирование окончательного выбора и оформления (словесного или деятельного) будущих шагов.
- «игра масок», заключающийся в инсценировке отдельных элементов проблемы или делегировании наставником части своего опыта через воспоминание, совместное с воспитанником реконструирование известного события или анализ судьбы привлекательного для юношества представителя экстремальной профессии;
- «тренировка» — прием, стимулирующий проверку принятого решения, расширение его пространства, перенос освоенных элементов из одной ситуации в другую;
- рефлексия — закрепление складывающегося иммунитета, уточнение своего мнения.

Таким образом, социальное закаливание, затрагивая волевою, эмоционально-нравственную и интеллектуальную сферу личности, обеспечивает социально устойчивость к неблагоприятным воздействиям окружения, гибкости, высокий уровень самостоятельности, адекватность реагирования на изменения. Оно позволяет молодому человеку осознать смысл собственного существования, приобрести новообразования в различных сферах личности и в целом в «Я-концепции», жизненный опыт, навыки решения экзистенциальных проблем — условия личностной сохранности в экстремальных ситуациях.

Литература:

1. Пуховский Н.Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций. М.: Академический проект, 2000.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Рутка Л.Я.

Латвийский Университет, Рига

Введение

Европейская программа улучшения качества образования предполагает переход в педагогическом процессе от тенденции к накоплению знаний к стимулированию развития личности, уделяя особое внимание социализации молодого поколения. Главной задачей улучшения качества образования является способствовать получению школьниками и студентами новых знаний и навыков в сотрудничестве с педагогом, стимулировать самостоятельность, ответственность, самореализацию и социализацию, что соответствует следующим задачам образования XXI века, выделенными Международной комиссией UNESCO (UNESCO Task Force on Education for the Twenty-first Century, 1997, <http://www.unesco.org/delors/>): учиться, чтобы знать (learning to know), учиться делать (learning to do), учиться жить вместе (learning to live together), учиться жить (learning to be).

Научная основа современного педагогического процесса базируется на гуманистическом подходе к воспитанию, и его основная задача — развитие личности учащегося как целостной системы. Цель обучения направлена на реализацию личных надобностей учащегося и стимулирование его взаимодействия с социальной средой. В этом процессе особенное значение имеет благоприятная учебная среда и профессионализм педагога, особенно, его способность решать психологические педагогические проблемы (Lefrancois, 2000; Simkin, 2006). Таким образом, появилась необходимость развивать психологическую компетенцию в рамках профессиональной педагогической компетенции.

В мире идея психологической компетенции развивается уже с конца XIX века, но понятие «психологическая компетенция» известно примерно 20 лет и в Латвии еще не исследовано.

Понятие психологической компетенции в различных сферах профессиональной деятельности

Понятие психологической компетенции в мире известно достаточно давно, но в большей степени его начали использовать в 80-

е годы, особенно в сфере услуг, где психологическая компетенция для работы с клиентами и подчиненными необходима как обслуживающему, так и управляющему персоналу. В медицине это понятие появилось (Grisso, 1981) в связи с психологической компетенцией врача при взаимодействии с пациентом, а также в связи с психологической компетенцией самого пациента.

В. Циммерман (Zimmerman, 1988) пишет о психологической компетенции детей и юношей, подчеркивая необходимость ее развития в сотрудничестве со взрослыми. Это помогает детям и юношам решать различные проблемы взаимоотношений со сверстниками, родителями и педагогами. Позднее эта идея выразилась в создании служб психологической поддержки (Nastasi, Pluymert, Moore, 2002), способствующих стимулированию у детей и молодежи умения самим справляться с различного вида проблемами.

О важности психологической компетенции говорится также в связи с актерским мастерством и теологией. В 2008 году на Конгрессе образовательной конгрегации римско-католической церкви особое внимание уделялось развитию психологической компетенции священнослужителей.

А.Кочубей (Кочубей, 2001) рассматривает психологическую компетенцию сотрудников как основной элемент культуры организации, а также как главное средство для освещения темных мест во внутреннем мире человека в целях достижения психологического равновесия. Он формулирует следующие качества психологически компетентного работника:

- Способность найти общий язык с разными людьми.
- Являться положительным примером для окружающих.
- Способность преодолевать трудности и конструктивно действовать в стрессовых ситуациях.
- Внутренняя уравновешенность.

П.Блукерт (Bluckert, 2007) указал, что в современной профессиональной среде недостаток психологической компетенции порождает психологические проблемы, незаметно развивающиеся в течение долгого времени, которые можно выявить путем наблюдения и рефлексирования. Автор рассматривает психологическое мышление в качестве основного элемента психологической компетенции и выявляет сле-

дующие механизмы его развития (Bluckert, 2007): рефлексирование своих чувств и причин поведения, а также чувств и причин поведения других людей; поиск связи между последующими событиями и предыдущим опытом.

Обобщая понимание психологической компетенции в различных профессиональных сферах, можно сказать, что оно связано с эмпатией, эмоциональным самоконтролем, управлением стрессом и психологическим мышлением.

Психологическая компетенция педагога современности

В наши дни предъявляются высокие требования к профессиональной компетенции педагога (учителя или преподавателя высшего учебного заведения). Для того, чтобы понять их сущность, необходимо знать цель образовательного процесса и особенности педагогического процесса. Некоторые авторы (Lefrancois 2000; Зинченко, 2002; Simkin, 2006) все проблемы, связанные с педагогическим процессом, называют психологически-педагогическими и рассматривают обучение (Lefrancois, 2000) как:

1. Принятие решений и решение задач.
2. Развитие духовного потенциала школьника и студента.
3. Мыслительный процесс.
4. Мастерство и карьеру педагога.

Педагогу все время необходимо принимать решения. Решения, принятые до процесса обучения, связаны с планированием деятельности педагога и школьников или студентов. Решения, принятые в процессе обучения, относятся к коррекции деятельности, наблюдению за результатами, прогнозированию и модификации. Для того, чтобы педагог мог эффективно принимать решения, ему необходимо уметь прогнозировать и рассматривать психологические аспекты ситуации. Это возможно только в том случае, если педагог разбирается в особенностях когнитивной сферы школьника или студента, эмоциональных и поведенческих особенностях разных возрастов, понимает их выражение, чувствует себя уверенным в своей компетентности, умеет анализировать недостатки, достижения и переживания в своей жизни.

Педагогу важно понимать не только порядок организации и цель конкретного урока, лекции или семинара, но также цель образования в общем и механизмы обеспечения развития духовного потенциала

школьников и студентов. Здесь важно не только предложение различных возможностей, но также стимулирование и поддержка. В.Зинченко (Зинченко, 2002) наряду с термином „teaching” предлагает термин „mothering”, подчеркивая значение поддержки, заинтересованности, эмоциональности и заботы о достижениях школьника или студента.

Многие авторы (Damon, Lerner, Eisenberg, 2006) отмечают, что современный педагогический процесс происходит в мультикультурной среде, которая характеризуется многообразием взаимоотношений и взаимных влияний. В.Деймонд, Р.Лернер и Н.Айзенберг считают, что психологическую компетенцию определяет аффективное качество межличностных отношений (*affective quality*), которое характеризуется следующими показателями (Damon, Lerner, Eisenberg, 2006):

- 1) наблюдение за чертами лица партнера, его голосом и другими физическими проявлениями, а также их изменениями,
- 2) прогнозирование и понимание ожидания и поведения партнера,
- 3) представление о партнере как о личности (с субъективным менталитетом, с интернациональной точкой зрения), которое развивает качество межличностного общения.

Вышеупомянутые авторы добавляют, что качество взаимоотношений зависит от уровня развития личности, который характеризуется социальными навыками, социальными ожиданиями, управлением эмоциями, поведенческой саморегуляцией, доверием к другим людям, социальным и эмоциональным пониманием, развитием совести и эмоционального самочувствия.

В.Симкин (Симкин, 2006) понятие психологической компетенции рассматривает в контексте психологической культуры образовательного процесса и подчеркивает, что в современном образовательном процессе важно развивать социализацию молодого поколения. В этом случае «компетенция» становится ключевым словом не только в образовании, но и в общественной жизни. В.Симкин психологическую компетенцию называет социально-психологическим феноменом и подчеркивает, что основным элементом каждой компетенции является психологическая компетенция — определенная система психологических свойств, которая включает минимум социально-психологических

знаний и умение применять эти знания в процессе разнообразного взаимодействия с внешним миром, другими людьми и самим собой.

В соответствии с задачами образования нашего века, принимая во внимание то, что основной приоритет в образовательном процессе дается личностному развитию школьника и студента, для дальнейшего развития образования необходимо сближение и интеграция педагогической и психологической наук. Необходимо уделять больше внимания развитию психологической компетенции педагогов, одновременно развивая психологическую компетенцию школьников, студентов, родителей и вообще всех членов общества.

Опираясь на анализ научной литературы и научных источников, можно сказать, что психологическую компетенцию педагога образуют:

1. Психологические знания.
2. Психологическое мышление.
3. Важные профессиональные свойства личности.
4. Способность к самоанализу.
5. Эмпатия.
6. Умение принятия решений.
7. Умение оказывать психологическую поддержку.
8. Эмоциональная саморегуляция.
9. Умение управлять стрессом.

Возможно, данный список психологической компетенции педагога можно ещё дополнить. Для более полного понимания данного вопроса необходимы теоретические и практические исследования. Тем не менее, ясно, что психологическая компетенция способствует не только успешной профессиональной педагогической деятельности, но и повышению качества жизни каждого человека.

Рефлексия как механизм развития психологической компетенции

Многие авторы (Korthagen et al., 2001; McCormick Davis, 2005; Loughran, 2006; Sense, 2007; Korthagen, Verkuyl, 2007; Russel, 2007; Keralaite, 2008) указывают на то, что рефлексия является важным механизмом профессионального развития учителя. Рефлексия определяется как когнитивный стиль или мыслительный процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений с и к другим, своих задач, назначения, с одновремен-

ным поиском путей разрешения проблем (A Dictionary of Psychology (2001) By A.C.Colman. Oxford University Press, p.624.; Большой психологический словарь, 2005, с.469).

Можно сказать, что рефлексия — очень личный процесс, тесно связанный со всеми составными элементами личности: процессом познания, характером, темпераментом, эмоциями, отношениями, переживаниями, ценностями, поведением, социальным статусом и др. Это определяет уникальность и единственность любого педагогического взаимодействия. Обучение является как бы последовательностью поведения и различных поступков, возникающих в процессе взаимодействия, во время которого педагогу необходимо ответить на следующие вопросы: Как поступить? Что сказать? Как реагировать? Что делать после этого?

В современной педагогической деятельности рефлексия особенно важна как развитие процесса глубокого понимания. Всё чаще авторы (McCornik Davis 2005; Russel 2005; 2007, Loughran, 2006, Sense, 2007) переходят от термина «рефлексия в деятельности» к термину «рефлексивная деятельность», подчеркивая необходимость рефлексии в ежедневной деятельности учителя.

Развитие рефлексии педагога в процессе деятельности включает (Loughran, 2006; Sense, 2007, стр. 54 – 56):

- Умение увидеть проблемную ситуацию, возникшую в процессе деятельности, и ее рационализация.
- Развитие профессиональных знаний.
- Поиск альтернативных и инновативных способов решения проблем.
- Коллаборативные (collaborative) общие сессии.
- Балансирование между экспериментированием и экспертизой.
- Консультации с коллегами и администрацией.
- Наблюдение и исследование класса.
- Участие в конференциях и мастер-классах.
- Анализ достижений и обсуждение опыта с другими.

Анализируя сущность рефлексии, видно, что полноценное развитие психологической компетенции может происходить только в процессе рефлексивной деятельности, когда педагог обращается к

своему опыту, знаниям, эмоциям, переживаниям, суждениям, убеждениям, отношениям и анализирует эффективность их использования.

Выводы и обсуждение результатов

Опираясь на теоретическое исследование, можно сказать, что психологическую компетенцию педагога составляют психологические знания, психологическое мышление, профессионально значимые особенности личности, способность к самоанализу, эмпатия, способности к принятию решений, эмоциональная саморегуляция, умения оказывать психологическую поддержку, способности управлять стрессом.

Психологическую компетенцию педагога можно рассматривать как социально-психологический феномен, сопровождающий достижение личностных целей и процесс социализации в мультикультурной среде. Это означает, что психологическая компетенция определяет не только развитие личности, но и развитие общества в целом.

Отсутствие психологической компетенции тормозит внедрение новых инновативных идей в педагогическую практику и может вызвать не только трудности и конфликты в социальном взаимодействии, но также проблемы нравственного и физического здоровья.

Психологическая компетенция развивается в период рефлексивной деятельности, осуществляемой во время мыслительного процесса, направленного на познание, анализ и понимание своих поступков, поведения, языка, опыта, эмоций, возможностей, характера, отношений и убеждений в контексте взаимодействия с другими людьми, выполнения собственных задач и функций в условиях поиска решений различных проблем.

Содействовать рефлексивной деятельности можно с помощью накопления профессиональных знаний, поиска альтернатив, инновативных методов решения проблем, проводя педагогические исследования, участвуя в супервизиях, делясь опытом и анализируя профессиональные достижения. В результате практического исследования можно выяснить, каким образом педагоги Латвии развивают свою рефлексивную деятельность и какого вида поддержка или образовательные мероприятия им в этом необходимы.

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В БОЛЬШИХ ГРУППАХ (НА ПРИМЕРЕ АСПИРАНТОВ И ВРАЧЕЙ)

Рябова Т.В.

ГОУ ВПО КГМУ, г. Казань

В настоящее время существует большой цикл работ, посвященный разработке методологического системного подхода к изучению принятия решений (П.К.Анохин, Д. Канеман, Ю. Козелецкий, Т.В. Корнилова, О.И. Ларичев, Б.Ф. Ломов, О.К. Тихомиров).

Согласно представлениям ведущих специалистов в области изучения проблем принятия решения, большое влияние на процесс принятия решения оказывают личностные, в том числе коммуникативные свойства субъекта. Так, Т.В. Корнилова (2005) диагностировала «личностные факторы» принятия решений [2]. Н.М. Пейсахов (2001) раскрывает роль способностей к самоуправлению в процессе принятия решения [5]. С помощью теста жизнестойкости Мадди (в модификации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой) можно определить показатели вовлеченности, контроля, принятия риска и жизнестойкости в целом, которые оказывают влияние на принятие решения [4].

Коммуникационная составляющая, а также принятия решение в группе, коллективное принятие решений раскрывается в трудах С. Галлама, С. Московиси, И.Б. Бовина, А.И. Перова, Дж. Р. Шелла и др.

Проблеме коллегиального принятия решения врачами посвящены работы лишь зарубежных авторов: Дж. Группмана, Дж. Лерера, Л. Хита, Л. Николса, Д. Леверта, Р. Croskerry, G. Bordage, R.Hamm [1, 3, 7, 8, 9, 10].

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей принятия решения врачами и аспирантами медицинского университета, в том числе изучалось влияние мнения коллег на их решение, умение принимать решения в группе. Выборка составила 102 человека. В первой исследуемой группе принимали участие 52 врача медицинских учреждений г. Казани (возраст $36,8 \pm 10,6$, среднее значение стажа 14,8 лет). В качестве второй группы испытуемых, у которых процесс принятия решения находился в процессе формирования, выступали 60 аспирантов, обучающихся в аспирантуре ГОУ ВПО КГМУ (возраст $25,9 \pm 2,7$, средний стаж 2,63 года). Испытуемым было предложено ответить на

вопросы авторской шкалы оценки особенностей системного принятия решения (ШООСПР). Ранее ШООСПР был стандартизирован нами на выборке из 450 испытуемых (студенты ВУЗов, врачи и социальные работники). Получены данные об удовлетворительной валидности, ретестовой надежности и о высокой внутренней согласованности утверждений [6]. Шкала состоит из 5 факторов, в рамках данной работы остановимся на показателях коммуникационного фактора.

При ответе на вопрос коммуникативного блока ШООСПР аспиранты отметили, что они предпочитают следовать мнению опытных людей, коллег, наставников, «авторитетов» в данной области ($t = 3,5$ при $p < 0,05$). Отметим, что культура подчинения исследования догмам часто является своеобразной защитой от нерешительности, от неумения или нежелания самостоятельно размышлять, существующей в медицине традиции следовать авторитетам и т.д.

Врачи при принятии решений более склонны общаться с дружелюбными и доброжелательными людьми ($t = -2,67$ при $p < 0,05$), могут долго слушать объяснения других людей ($t = -3,18$ при $p < 0,05$). Это, по их мнению, относится как коллегам, так и к пациентам. Д. Группман (2005) пишет: «я всегда рассчитывал на то, традиционные источники помогут мне размышлять о пациентах — учебники и медицинские журналы, более опытные наставники и коллеги, студенты и ординаторы, которые формулировали мысли, связанные с решением трудных вопросов. Но также имеется партнер, который помогает улучшить мышление, и может, с помощью уместных и точно направленных вопросов защитить меня от каскада когнитивных ошибок, этот партнер – пациент» [1, 293]. Автор призывает раскрывать свои мысли пациенту, объяснять, что знает и чего не знает, что определено, а что требует выяснения. Он считает, для общения хирурга с пациентом перед операцией требуется редкая степень честности, редкая потому, что требует определенного снижения самооценки врача.

Врачи чаще, по сравнению с аспирантами отмечают, что «их успехи в какой-то мере зависят от моих коллег» ($t = -3,27$ при $p < 0,05$). Отметим, что в литературе имеются данные о применении CRM (Cockpit Resource Management) в медицинской сфере, то медиков обучают взаимодействию на примере членов летного экипажа. Было замечено, что множество ошибок, сделанных в кабине пилота, было хотя бы отчасти

результатом уверенности командира корабля, который не советовался с членами экипажа или не думал об альтернативах. В результате целью CRM стало создание такой обстановки, в которой люди могли бы свободно делиться разными точками зрения.

Лерер Дж. указывает, что многие больницы поняли, что та же методика принятия решений, которая не дает пилоту совершить ошибку, может предотвратить ненужные ошибки во время операции [3]. Автор приводит в качестве примера опыт Медицинского центра Небраски, который начал обучать свои хирургические бригады CRM в 2005 году. Лозунг программы CRM «Заметь, скажи, исправь», то есть всем членам хирургической бригады настоятельно рекомендуется свободно высказывать свои опасения проводящему операцию хирургу. Кроме того, члены команд собираются на последующие «разборы полетов», в ходе которых все участники операции должны делиться своими соображениями. Какие ошибки были допущены? И как в следующий раз их избежать?

Исследование, проведенное в 2007 году, показало, что после менее чем полугодия тренировок CRM доля тех сотрудников, которые «не стеснялись подвергать сомнению решения вышестоящих», выросла с 29 % до 86 %. Что еще важнее, выросшая готовность указывать на возможные недочеты и оплошности привела к значительному снижению врачебных ошибок. До проведения тренировок CRM лишь около 21 % всех операций на сердце и кардиокатетеризаций классифицировались как «случаи без особых происшествий». Однако после тренировок CRM число операций «без особых происшествий» выросло до 67 %. Причина такой эффективности CRM в том, что эта система заставляет экипаж корабля и операционные бригады думать совместно. Она отпугивает уверенность и поощряет споры. В этом смысле CRM создает идеальную атмосферу для принятия хороших решений, в которой все свободно делятся своими мнениями. На факты смотрят с различных точек зрения, любые версии рассматриваются. Такой процесс не только предупреждает ошибки, но и приводит к неожиданным догадкам.

Таким образом, в результате исследования показано влияние мнения большой группы (опытных врачей) на принятие профессионального решения другой большой группы (аспирантов). Данный вопрос требует дальнейшего углубленного изучения.

Литература:

1. Группман Дж. Как думают доктора? Почему врачи ошибаются, и как пациент может спасти себя, задавая им правильные вопросы. – М.: Эксмо, 2008. – 320 с.
2. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. – М.: Аспект – пресс, 2003. – 286 с.
3. Лерер Дж. Как мы принимаем решения. – М.: Астрель: CORPUS, 2010. – 350 с.
4. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости. – М.: – Смысл, 2006. – 63 с.
5. Основы психологии: Практикум / Л.Д.Столяренко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 704 с.
6. Рябова Т.В., Шевцов М.Н. Методика диагностики особенностей системного принятия решения [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.02.11).
7. Хит Л., Николс Л., Леверт Д.А. Как мыслит Хаус / в кн. Загадка доктора Хауса – человека и сериала. – СПб.: Питер, 2010. – 283 с.
8. Croskerry P. Achieving Quality in Clinical Decision Making: Cognitive Strategies and Detection of Bias // Academic Emergency Medicine. – 2002. – №9. – P. 1184 – 1204.
9. Bordage G. La prise de decision en medicine: quelques mechanism mentaux et de conceils pratiques // La revue de medicine interne. – 2005. – Vol. 26. – S. 14 -17.
10. Hamm R. Professional Judgment: A Reader in Clinical Decision Making . – J.Dowie, A.Elstein. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 78 –105.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ КОНФЛИКТНОСТИ ПЕДАГОГА С ВЫБОРОМ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Рясова Г.Л., Смирнов А.Г.

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

В психолого-педагогических исследованиях отношение к конфликтам в образовательных учреждениях особое, ибо они отличаются значительным разнообразием, более скрытым характером и труднопрогнозируемыми последствиями [3, 6, 7, 9, 10]. В работах ряда авторов неоднократно упоминалось, что слабая конфликтологическая подготовка педагогов и руководителей образовательных учреждений, неумение на практике управлять школьными конфликтами, находить оптимальные способы их упреждения и преодоления, как правило, негативно сказываются на организации учебно-воспитательного процесса в школе [1, 2, 5, 11]. Однако исследований конфликтности педагогов и характерного стиля их поведения в экстремальных ситуациях, на наш взгляд, не достаточно. Именно поэтому проведенное нами экспериментальное изучение направлено на выявление взаимосвязи между

уровнем конфликтности педагогов общеобразовательных школ и выбором стратегий поведения в конфликтной (экстремальной) ситуации. В исследовании приняли участие учителя общеобразовательных школ №7 и № 27 г. Йошкар-Олы республики Марий Эл. Общее количество испытуемых — 100 человек. Возрастной состав исследуемых от 24 до 58 лет.

Гипотезой послужило предположение о том, что существует взаимосвязь между уровнем конфликтности личности и выбором стратегии поведения в конфликтной ситуации: люди с высоким уровнем конфликтности чаще выбирают стратегию соперничества, а люди с низким уровнем конфликтности по преимуществу придерживаются стратегии избегания конфликта. Для проверки выдвинутой гипотезы мы использовали следующие методики: «Диагностика стратегий поведения в конфликте» К. Томаса (в адаптации Гришиной Н.В.) [4] и методику «диагностики самооценки степени конфликтности личности» (Ладанов И.Д.) [8]. Использованы были также методы беседы и включенного наблюдения при изучении поведения педагогов, которые оказались вовлеченными в конфликтные ситуации.

В ходе проведенного исследования по методике «Диагностика самооценки степени конфликтности личности» были получены следующие результаты. Высокий уровень конфликтности соответствует 4 % опрошенных (4 человека), выраженный уровень — 32 % респондентов (32 человека), средний уровень принадлежит 46 % опрошенных (46 человек), низкий уровень конфликтности — 18 % (18 человек). Неконфликтных личностей по самооценке в данном педагогическом коллективе не оказалось. Опираясь на полученные в эксперименте данные, распределим испытуемых на три группы: I группа — респонденты с высоким уровнем конфликтности личности (высокий и выраженный уровни конфликтности) — 36 человек, II группа — респонденты со средним уровнем конфликтности (46 человека) и III группа — респонденты низким уровнем конфликтности (18 человек) для дальнейшего изучения и описания стратегий поведения в конфликте, что позволит нам выявить характерный тип поведения для каждой из исследуемых групп.

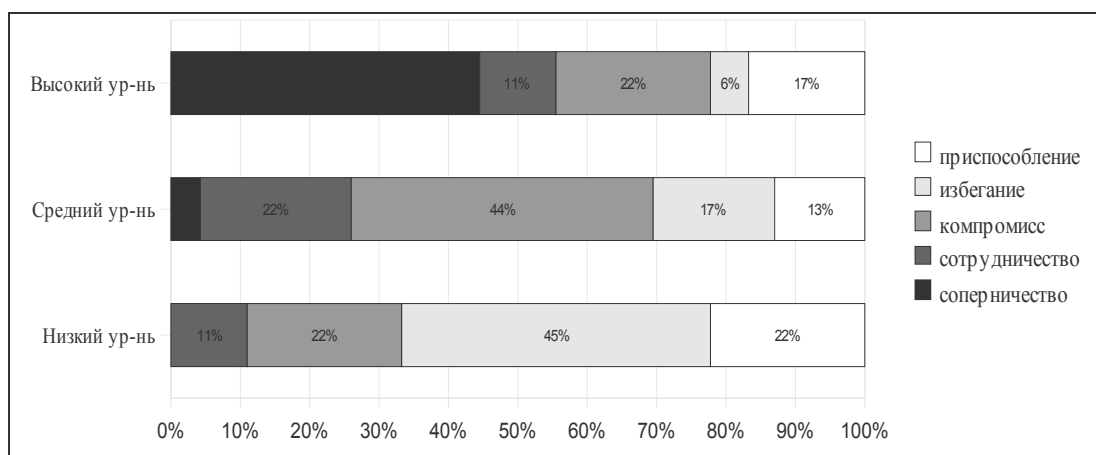

Рис.1: Используемые стратегии поведения в конфликте у педагогов с разным уровнем конфликтности личности

Исследование поведенческого компонента в условиях конфликта, проведенное с помощью методики «Диагностика стратегий поведения в конфликте» К. Томаса (Рис.1), позволило установить следующие способы реагирования испытуемых. Педагоги II группы, в отличие от педагогов I и III групп, склонны в конфликтных ситуациях преимущественно использовать стратегию компромисса, которая выражается в реалистичности суждений и поступков, умении продуктивно решать конфликтные ситуации. Педагоги I группы, в отличие от педагогов II и III групп, в ситуациях конфликта чаще прибегают к соперничеству, используют активные стратегии поведения, направленные на достижение собственных интересов; при этом они демонстрируют обидчивость и недоверчивость по отношению к оппоненту, отличаются недовольством и подозрительностью. Педагогов III группы характеризует склонность к стратегии избегания, что говорит о предпочтении уходить от сложных ситуаций, оставив их нерешенными.

Согласно корреляционному анализу полученных результатов мы выявили, что педагоги I группы, в отличие от педагогов II и III групп, в ситуациях конфликта чаще прибегают к соперничеству (среднее значение – 4,8 балла против 2,7 у педагогов II группы при $t = -3,87$; $p < 0,001$). Педагоги II группы, в отличие от педагогов I и III групп, склонны в конфликтных ситуациях в большей степени использовать стратегию компромисса (среднее значение – 7,9 баллов против 4,2 у педагогов I группы при $t = -2,6$; $p < 0,01$ и 4,5 балла у педагогов III группы при $t = 2,8$; $p < 0,01$). Педагоги III группы в конфликтной ситуации используют стратегию избегания чаще, чем респонденты I и II групп (среднее зна-

чение — 7,1 балл против 2,8 баллов у педагогов I группы при $t=-3,9$; $p<0,01$ и 2,9 баллов у педагогов II группы против $t=-4,1$; $p<0,01$).

Мы предполагаем, что причиной высокого уровня конфликтности педагогов на психологическом уровне является неосознаваемая потребность в соперничестве, которая выражается в скрытой мотивации удовлетворить свои интересы в ущерб интересам других сотрудников педагогического коллектива. И, наоборот, в группе педагогов с низким уровнем конфликтности, как показали данные, полученные посредством включенного наблюдения и беседы, неумение целенаправленно двигаться к своей цели, отсутствие стремления к кооперации может способствовать формированию стиля избегания в конфликтной ситуации, как наиболее «удобная» стратегия поведения.

Помимо этого было выявлено, что педагоги с выраженной конфликтностью (I группа), но с меньшими значениями по шкале рангов, выбирают стратегию компромисса ($p<0,05$). На деле это говорит о том, что с увеличением уровня конфликтности педагога возрастает его желание применить в сложной ситуации стратегию соперничества и связанную с ним борьбу за лидерство. Нами была также обнаружена положительная связь между низкой конфликтностью и стратегией сотрудничества ($p<0,05$) и приспособления ($p<0,05$). Это свидетельствует о том, что педагоги, относящие себя к наименее конфликтным личностям, отличаются стремлением кооперироваться со своими коллегами в разрешении возникающих конфликтов, при этом они предлагают свои приемы и способы выхода из неблагоприятной ситуации: тактика сотрудничества предполагает объединение усилий для решения конфликтной ситуации, а педагоги, придерживающиеся тактики приспособления, идут на поводу у своего оппонента и, как правило, не вносят в данную кооперацию большого стремления разрешить конфликт. Нами также была обнаружена положительная корреляция между средним уровнем конфликтности и стратегией сотрудничества ($p<0,05$), что свидетельствует о возможности выбора тактики сотрудничества в качестве возможной стратегии поведения в конфликте, но с несколько меньшей вероятностью, чем компромисс.

Таким образом, результаты корреляционного анализа фактического материала позволяют констатировать о наличии взаимосвязей между уровнями конфликтности личности и стратегиями поведения в

конфликтной ситуации. Более наглядно корреляционные связи отображены с помощью матрицы корреляции (Рис.2).

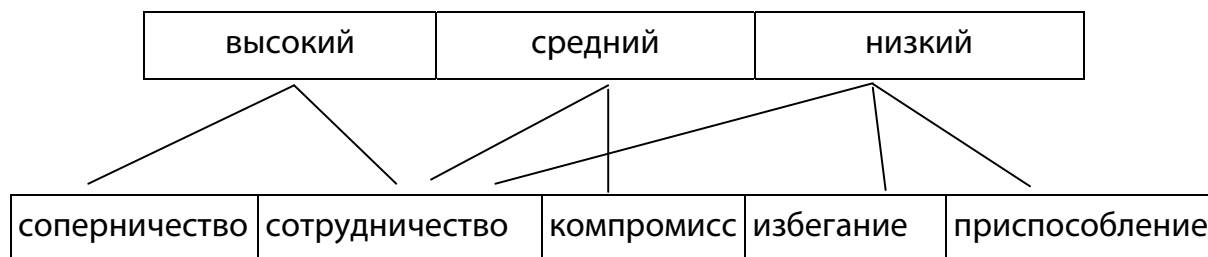

Рис.2. Взаимосвязь уровня конфликтности педагогов с выбираемой стратегией поведения в конфликте

Полученные в ходе исследования экспериментальные данные подтверждают нашу гипотезу о том, что более конфликтные личности в своем поведении руководствуются стратегией соперничества, а менее конфликтные личности придерживаются тактики избегания или ухода от конфликта.

Список использованной литературы:

1. Баныкина С.В., Степанов Е.И. Конфликты в современной школе: изучение и управление. М.: КомКнига, 2006. - 184 с.
2. Богданов Е.Н., Зызыкин В.Г. Психология личности в конфликте. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.-224 с.: ил.
3. Гусева А.С., Васильев А.А., Козлов В.В., Хомяков Б.В. Педагогический конфликт: теория и технология. М.: Владос, 1997.-240 с.
4. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005.-400 с.
5. Лукьянова М.И. Психолого-педагогическая компетентность учителя // Педагогика. 2001. № 10. С. 25–28.
6. Маркова А.К. Психология труда учителя: книга для учителя. М.: Просвещение, 1993.-192 с.
7. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал. М.: Владос, 1994. - 240 с.
8. Психологические тесты: в 2-х т. Т. 1 / под ред. А. А. Карелина. М.: ВЛАДОС, 2003. - 312 с.
9. Рогов Е.И. Личность учителя: теория и практика. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 512 с.
10. Рыбакова М.М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе / М.: Просвещение, 1991.-127с.
11. Шакуров Р.Х., Алишев Б.С. Причины конфликтов в педагогических коллективах и пути их преодоления // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 49–52.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сагова З.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва*

Вся жизнедеятельность человека пронизана многообразием желаемых целей. Разнонаправленность целей вынуждает человека предпринимать ряд усилий по их координации таким образом, чтобы одни цели вносили конкретный вклад в достижение других, не вступая в противоречие с ними. В связи с этим различают конечную цель и промежуточную. Достижение конечной цели означает удовлетворение той или иной потребности, а промежуточные цели, выстраиваясь в логическую иерархию, служат в качестве условий достижения конечной цели. Согласно А.Н. Леонтьеву, «...сколько-нибудь развернутая деятельность предполагает достижение ряда конкретных целей, из числа которых некоторые связаны между собой жесткой последовательностью. Иначе говоря, деятельность обычно осуществляется некоторой совокупностью действий, подчиняющихся частным целям, которые могут выделяться из общей цели» [2]. Леонтьев А.Н. выделил принципиально важные для понимания сущности категории «цель», следующие методологические положения:

- цели не изобретаются субъектом произвольно, они даны в объективных обстоятельствах;
- выделение и осознание целей представляет собой отнюдь не автоматически происходящий и не одномоментный акт, а относительно длительный процесс апробирования целей действием и их предметного наполнения;
- важной стороной процесса целеобразования является конкретизация цели и выделение условий ее достижения.

Автор констатирует, что субъективное выделение цели представляет собой мало изученный процесс, его трудно исследовать в лабораторных условиях, эксперименте, поскольку в этом случае экспериментатор обычно ставит «готовую» цель. Другое дело — в реальной жизни, где целеобразование выступает в качестве важнейшего момента движения той или иной деятельности субъекта. Психологические особенности целеобразования, обозначенные А.Н. Леонтьевым, М. Вудвок и Д. Фрэнсис [1] описали следующим образом:

- *Прояснение потребностей личности.* Установление личных целей требует анализа текущей ситуации и ответа на вопрос, чего человек хотел бы добиться.

- *Прояснение возможностей.* Необходимо прояснить как можно больше возможностей, как напряжением собственной мысли, так и путем изучения ситуации и привлечения окружающих.

- *Принятие решения о нужном.* Это связано с определением личных ценностей и позиций, с личными границами и пределами, и анализом последствий решений личности для окружающих ее людей.

- *Выбор.* После определения диапазона имеющихся возможностей и прояснения потребностей необходимо сделать выбор, означающий, что личность направит свои усилия на данное, а не иное направление.

- *Уточнение цели.* От выражения цели в общем виде необходимо перейти к ее конкретизации для того, чтобы общую задачу можно было превратить в программу действия с рядом конкретных задач.

- *Установление временных границ.* Цели, содержащие направление действий, должны также указывать скорость движения, для того, чтобы распределить свое время и другие ресурсы.

- *Контроль достижений.* Установление меры успеха, с которой можно соизмерять свои действия.

Предложенные семь шагов могут послужить весьма полезным психологическим инструментом при постановке цели. Применительно к спортивной деятельности в процессе целеобразования важное значение имеет учет особенностей среды, в которой происходит зарождение и реализация целей. Спорт — это сфера деятельности в условиях неопределенности и риска, что требует от спортсмена тщательного анализа своих внутренних резервов и внешней среды. Представляется важным в качестве маркеров анализа внутренних и внешних факторов, способных повлиять на достижение спортивных целей, использовать следующие компоненты.

- *Физическое здоровье.* Важно проанализировать, позволяет ли физическое состояние спортсмена справиться со стрессом, непредвиденными трудностями и утомлением, которые неизбежно сопровождают спортивную деятельность и движение к поставленной цели.

- *Квалификация.* Реальность достижения цели определяется ответом на вопрос: соответствует ли профессиональный уровень и квалификация спортсмена требованиям, необходимым для достижения цели или требуются дополнительные затраты (времени, сил, финансовых средств) в этом направлении.

- *Социальная поддержка.* Субъекту спортивной деятельности необходимо проанализировать, в какой степени он может рассчитывать на поддержку близких людей и социального окружения.

- *Личность человека.* Одни и те же профессиональные и жизненные события для одного спортсмена могут служить стимулом к новым достижениям и открытиям, тогда как для другого — обернуться разочарованием и крушением надежд. Спортсмену важно знать свои «сильные» и «слабые» стороны и уметь их использовать в стремлениях к успеху.

- *Прогнозирование жизненных событий и готовность к ним.* Умение анализировать и предвидеть, к каким последствиям может привести процесс достижения цели, позволит заранее подготовиться к предстоящим событиям.

Таких факторов в профессиональной деятельности спортсмена может быть множество и все они требуют анализа с учетом конкретной цели личности и особенностей среды, что делает процесс постановки цели нестандартным, сугубо индивидуальным, требующим непрерывного отслеживания и коррекции в зависимости от обстоятельств. И поскольку цель — это предполагаемый, планируемый и ожидаемый результат деятельности, то далеко не все цели достигаются личностью. В этом случае имеют место побочные последствия деятельности, отклонения от цели и их пересмотр.

Кевин Уильямс и коллеги [4] в исследовании проблем саморегуляции спортивной деятельности и целеполагания определяли особенности планируемых и достигаемых легкоатлетами целей. Они анализировали такой показатель успешности спортивной деятельности, как коэффициент различия поставленной цели и достигнутого результата (GPD). Авторы пишут, что спортсмены, обнаружившие высокий показатель GPD, т.е., не достигшие поставленных целей, склонны к пересмотру ранее поставленных целей в сторону их снижения, и к снижению притязаний. Кроме того, неудачи спортсменов в достижении цели вели к

уменьшению разрыва между целями ближайшей временной перспективы и отдаленной. В другом исследовании Д. Конрой с коллегами выявляли последствия неудач, переживаемых спортсменами на соревнованиях [3]. По мнению авторов, неудачи спортсменов, повторяющиеся в течение продолжительного времени, имеют следующие негативные последствия: снижение самооценки; неопределенность будущего; ощущения стыда и смущения; потеря интереса значимых других; огорчение и разочарование значимых других. Каждое из перечисленных последствий может привести к формированию стойкого страха неудач, что в спортивной деятельности часто играет решающую роль. Для снижения различия между желаемым и реальным результатами деятельности исследователи придают важное значение тщательному и поэтапному планированию своих действий.

Данные теоретических и эмпирических исследований проблемы целеобразования позволяют говорить о ней как о весьма сложном психологическом явлении, позволяющем прояснить различные аспекты успеха в любой сфере жизнедеятельности.

Литература:

1. Вудвок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер. - М.:«Дело», 1991. –320 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. – 352 с.
3. Conroy D.E., Poczwardowski A., Henschen K.P. Evaluative criteria and consequences associated with failure and success for elite athletes and performing artists // Journal of Applied Sport Psychology. – 2001. - №13, pp. 300-322.
4. Williams K.J., Donovan J.J., Dodge T.L. Self-regulation of performance: Goal establishment and goal revision processes in athletes // Human Performance. – 2000.- №13, pp.159-180.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ЛИЧНОСТИ В ОТКРЫТОМ РЕГУЛЯТОРНОМ КОНТУРЕ ЖИЗНИ

Салихова Н.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Основная специфика открытого регуляторного кольца, выступающего в качестве механизма субъектной регуляции жизнедеятельности [5], определяется, в первую очередь, особенностями блока, содержащего модель целевого состояния и выполняющего функцию программатора.

В отличие от целей действия жизненные цели представлены в сознании не столько в предметной чувственно-образной форме, сколько через свое обобщенное ценностное содержание. Следствием этого является инвариантность по отношению к определенному модальному воплощению и конкретным признакам достижения, либо вариативность, когда вместо одного образа существует ряд разнообразных вариантов возможного воплощения общего замысла. Но и в тех случаях, когда жизненные цели сформулированы очень конкретно, на глубинных уровнях личности они всегда означают нечто гораздо более того, что в них прямо обозначено: «в сложных формах активности человек действует не ради достижения самого по себе предмета потребности (или мотива, по А.Н. Леонтьеву), он действует ради целостного образа новой жизни, в которую будет включен этот предмет» [2, с. 10]. Это означает, что любая жизненная цель является лишь какой-то частью, возможно, самой существенной, но лишь частью целостного образа будущего.

При этом не все компоненты, создающие этот образ, обязательно напрямую связаны с тем, что обозначено в качестве вербально сформулированной и осознанной человеком цели, к достижению которой он прикладывает свои основные усилия. Они могут быть следствиями ее достижения, но чаще всего их появление не гарантировано и не происходит автоматически после достижения цели, а требует дополнительных усилий, иногда и отдельного направления их приложения. Этим, в частности, также можно объяснить описанный в психологии феномен испытываемого человеком разочарования и пустоты, которые наступают после достижения им особенно значительных целей, потребовавших больших затрат времени и усилий, который обычно связывается с отсутствием развернутой целевой структуры последующей активности. Это не единственное объяснение и оно может быть дополнено. Не менее важным и необходимым в интерпретации этого феномена является и указанный выше факт, что после достижения осознанной человеком цели не все те составляющие целостного образа будущего, которые побуждали к ее достижению, обязательно появляются в реальной жизни. Кроме того, к достижению цели приходит несколько другой, изменившийся человек, нежели тот, который ее планировал. В некоторых случаях это уменьшает разочарование, по-

сколькx направление изменений человека и трансформации целевого состояния шли «рука об руку», но в некоторых может и увеличивать его, например, в случае, если человек при движении к цели «перерос» уровень достигнутого им.

Наиболее точно передающим форму репрезентации ценностно-смысловых образований, составляющих целевой блок, представляется понятие *экзистенциальных ожиданий* [6], нежели понятие цели как «образа потребного будущего». Они кумулируют в себе наиболее общие жизненные ориентиры: запечатленные идеалы, интериоризованные жизненные сценарии, собственные побуждающие к реализации способности и т.п., а также их различные сочетания и синтезы, системообразующим ядром которых выступают личностные ценности субъекта.

Следствием данной формы репрезентации человеку его жизненных ориентиров становится специфика осуществления *обратной связи* в процессах регуляции. Она необходима для сличения полученных результатов с планируемыми, и оценивания степени отклонения первых от вторых, что позволяет субъекту определять соответствие хода жизнедеятельности и достигаемых в ней промежуточных результатов общему жизненному замыслу, и корректировать направление, средства и способы его осуществления. Однако тот целостный образ жизни, который человек представляет при постановке цели, столь же редко может быть полностью воплощен в реальности, сколь и «схвачен» в вербальном обозначении. Поэтому даже при точном соответствии достигнутого результата сформулированной цели весь целостный образ жизни, полученный в итоге, содержит в себе и то, что не планировалось, и не обязательно содержит все то, что предполагалось как следствие ее достижения. Обобщенность целевого состояния порождает трудности фиксации самого факта его достижения в силу расплывчатости и подвижности критериев.

В открытом контуре регуляции жизни роль цели оказывается противоречивой. Она абсолютно необходима и должна ставиться человеком с той или иной степенью осознанности и проработанности для инициации активности и выбора ее направления. Но, в итоге, человек обязательно обнаруживает отклонение полученного результата от ожидавшегося изначально, поскольку в ходе жизнедеятельности при реализации замысла с необходимостью возникают его различные

трансформации. Они производятся в соответствии с появляющимися в конкретных условиях жизни не всегда предсказуемыми, динамично изменяющимися переплетениями отношений, деятельностей, обстоятельств. Это позволяет учитывать как изменения, происходящие в человеке в ходе жизнедеятельности, так и условия постоянно и быстро изменяющегося мира, но приводит к гарантированному сдвигу достигнутого результата от первоначально ожидаемого. Вследствие этого возникает необходимость определения как диапазона конкретизации жизненной цели, в рамках которого она сохраняет еще свою сущность, так и той меры разрыва между изначально существовавшим целевым образом и реально достигнутым в жизни результатом, когда субъект еще опознает в нем те его ядерные ценностные характеристики, к которым стремился.

Проблема отклонения результата от запланированного целевого состояния не нова, даже в технике существует понятие допуска как диапазона, в рамках которого результат оценивается как соответствующий исходным требованиям. Вопросы возникновения отклонений от цели, чувствительности к ним находятся в фокусе внимания теории мотивационного контроля Д.Хайленда [см.: 4]. В отношении жизненных целей, представленных своим ценностным стержнем, задающим скорее направление, нежели четкие критерии достижения, эта проблема исследована мало. Прямой перенос данных от узких по масштабу регуляторных контуров на широкие не всегда оправдан, так как здесь могут действовать другие закономерности, связанные с иной степенью сложности процессов. Так, существенной особенностью функционирования жизненных целей является особый режим осознанности. Они часто не сохраняются в виде длящегося состояния сознания, а переходят из плана актуального субъективного переживания в план метанапряжения [1, 3], принимая форму малоосознаваемых образований (невербализованных чувств, предчувствий, зова самости, чувства пути и пр.). Это прямо задает и специфику механизмов осуществления обратной связи на уровне жизни в целом, и ее отдельных сфер.

Все вышесказанное является основанием для постановки проблемы специфики механизмов и закономерностей функционирования жизненных целей в регуляции жизнедеятельности человека, решение которой актуально не только для развития научных представлений о

субъектной регуляции жизнедеятельности, но и для практики психологического консультирования.

Литература:

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 512 с.
2. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3-19.
3. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: МГУ, 1990. – 288 с.
4. Дружинин В.Н. Психология. Учебник для гуманитарных вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.
5. Салихова Н.Р. Ценностно-смысловая регуляция жизнедеятельности субъекта: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 2011. – 47 с.
6. Сапогова Е.Е. Экзистенциальные ожидания как фактор развития во взрослости и старости // Психология социального развития: Человек в современном мире / под науч. ред. Ю.Н. Карандашева, В.Н. Шашок. – Минск: БГУ, 2007. – С. 99-111.

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Сафонова Н.М.

Институт Экономики Управления и Права г. Набережные Челны

Профессионализм рассматривается как характеристика, связанная с профессиональным самосознанием человека. Внешними признаками становления профессионализма являются достижение субъектом труда высокой эффективности, качества и надежности труда, а внутренними — психологическими признаками является сформированность концептуальной модели профессиональной деятельности, которая обеспечивает субъекту совокупность профессиональных умений достигать высоких трудовых результатов. Готовность к изменениям концептуальной модели профессиональной деятельности в соответствии с поступающей извне информацией будет являться необходимым условием профессионального развития. В тоже время «пока нет больших достижений при изучении психологических закономерностей освоения профессиональной деятельности» [3].

Актуальность востребованности взрослого человека, являющегося субъектом собственной деятельности, способного не только реализовать деятельность, но и осуществлять рефлексию ее оснований и средств, не вызывает сомнения. В наше стремительно изменяющееся

время каждое производство, каждое предприятие требует сотрудников, способных самостоятельно обучаться, способных теоретически относиться к окружающей среде, владеющих теоретическим анализом, планированием, умеющих определять границы собственного незнания и т.п., без освоения которых, в том числе, становится проблематичным и самоопределение.

С другой стороны, общеизвестно, что новообразования, связанные с ведущей деятельностью, не сформированные в определенном возрасте, в дальнейшем осваиваются сложнее или остаются несформированными. Перед исследователями, психологами встает вопрос: при каких условиях основные виды деятельности осваиваются вне рамок сензитивного периода?

В данном тексте мы обсуждаем учебную деятельность как необходимое условие для формирования субъекта профессиональной деятельности. По результатам многочисленных исследований различные элементы учебной деятельности осваиваются лишь у 30 % детей младшего школьного возраста — возраста, сензитивного для освоения учебной деятельности.

Этот факт создает массу проблем для обучения в вузах, для обучения на рабочем месте, для того самого непрерывного образования, необходимость которого декларативно звучит в различных программных документах, для становления субъекта профессиональной деятельности.

Особенно остро эти вопросы стоят в педагогических вузах, так как, скорее всего, можно считать риторическим вопрос: может ли учитель, не владеющий учебной деятельностью, сформировать ее у учеников?

Не вызывает сомнения факт, что у части подростков, юношей, взрослых те или иные элементы учебной деятельности формируются в любом возрасте после младшего школьного под влиянием различных факторов (т.е. стихийно). Возможно ли целенаправленно стимулировать данные изменения и управлять этим процессом после окончания учебных заведений?

Практика проведения интерактивных методов обучения и повышения квалификации среди сотрудников предприятий, участие в различных проектных работах, исследования, диагностика персонала различных организаций позволила выявить ряд условий личностного раз-

вития взрослых как субъектов деятельности, в том числе и учебной. В первую очередь, подобным условием будет вовлечение персонала в проектную групповую деятельность. Участники группы показывают развитие таких элементов учебной деятельности, как повышение познавательной мотивации, рефлексию, развитие способности к теоретическому анализу, моделированию. При этом можно высказать осторожную гипотезу, что осуществляется постепенный переход от совокупного субъекта учебной деятельности на примере проектных групп (как в младшем школьном возрасте) к полипозиционному субъекту (особенности подростковой учебной деятельности) и далее к индивидуальному субъекту учебной деятельности [4], когда сотрудники начинают строить индивидуальные проекты, т.е. становятся полноценными субъектами собственной деятельности.

«Логика процесса решения учебной задачи во всех перечисленных вариантах соответствует логике организации проекта в его современном понимании как завершенного мини-цикла продуктивной деятельности со всеми его фазами, стадиями и этапами. Так, в фазе проектирования есть и выявление проблемы, и моделирование (построение гипотез), и членение основной проблемы на подпроблемы (декомпозиция), и исследование условий и т.д.» [2].

Особую важность представляет то, что подобная интеллектуальная деятельность эмоционально окрашена, благодаря включенности в группу. Некоторые участники впервые испытывают чувство удовлетворения от работы с идеальными объектами, и это становится этапом возникновения новых мотивов и потребностей.

Необходимыми условиями для реализации подобных работ, направленных на становление субъектов деятельности, являются:

1. включенность в проектную группу профессионалов более высокого уровня, чем основной состав группы, профессионалов увлеченных, владеющих учебной и профессиональной деятельностью;
2. наличие задач определенного класса, включающих схемы работы группы, требующих теоретического анализа и моделирования, задающих теоретические требования к результатам работы;
3. выход за пределы каждодневной деятельности (отсутствие рабочего функционирования).

Для построения системы учебных задач для взрослых необходимы исследования:

- условий формирования необходимых учебных действий;
- изменение эмоционально-смысловой и мотивационной сфер;
- изучение того как становление субъекта деятельности расширяется из профессиональной в личностную сферу.

Таким образом, для построения системы повышения квалификации персонала с целью целенаправленного развития субъектов профессиональной деятельности, для полноценного выполнения которой необходима и сформированная учебная деятельность, сотрудников можно включать в определенные формы работы проектных групп. Кроме известных результатов интерактивной работы, таких, как повышение познавательной мотивации, рост активности, развитие сотрудничества и других, результатами такой работы будут являться формирующиеся элементы учебной деятельности, которые, развиваясь, могут привести к становлению субъекта профессиональной и индивидуальной деятельности.

Используемая литература:

1. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. - М.: ИНТОР, 1996.-544 с.
2. Новиков А.М. Методология учебной деятельности. – М.: Издательство «Эгвес», 2005. - 176 с.
3. Слободчиков В.И. Исаев Е.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. –М.: Школа-Пресс, 1995. -384 с.
4. Цукерман Г.А. Развитие учебного сообщества//Вопросы психологии. 2004. №1

ОСОБЕННОСТИ САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ВРАЧА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ АНТИЦИПАЦИОННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТИЯ МЕДИЦИНСКИХ РЕШЕНИЙ

Сахарова А.Е.

Казанский государственный медицинский университет г. Казань

Антиципационная состоятельность (АС) или прогностическая компетентность является одним из главных составляющих личности врача, его профессионально-важных качеств.[2] Вся ответственность принятия медицинского решения, будь то постановка диагноза или назначение терапии, лежит в руках одного человека. И умение хорошо

спрогнозировать будущий исход, с опорой на профессиональную компетентность и опыт, является залогом успешного лечения [1,4,5]. Соответственно низкая АС врача не будет способствовать постановке диагноза или назначению эффективной терапии, и возможно будет негативно влиять на успех принятия медицинских решений.

В нашем исследовании была поставлена цель изучить особенности способности самоуправления [3] врача и личностных факторов принятия решения, в зависимости от уровня развитости его антиципационной способности.

Объектом исследования является личность врача, в качестве предмета выступает способность самоуправления и личностные факторы принятия решения: рациональность и готовность к риску, в зависимости от уровня антиципационной состоятельности.

Методы исследования: теоретический анализ общей и специальной литературы по проблеме исследования, тестирование (тест антиципационной состоятельности Менделевич В.Д., методика «способность самоуправления» Пейсахов Н. М., «ЛФР-25» Корнилова Т.В.), математическая обработка экспериментальных данных (косые матрицы, t-критерий Стьюдента).

Выборку составили врачи различных специальностей (психиатры, неврологи, стоматологи, терапевты, хирурги, акушеры–гинекологи и др.) общей численностью 110 человек. В последствии, данная выборка была поделена на 2 равные группы по уровню общей антиципационной состоятельности: 1-я группа — выше нормы (выше 260 баллов — суммы нормы всей составляющих показателей общей антиципационной состоятельности (далее О.А.С.); 2-я группа — ниже нормы (ниже 240 баллов — антиципационная несостоятельность). Средний возраст испытуемых составил 36 лет, средний стаж трудовой деятельности 15 лет. Женщины – 77; мужчины – 33.

В результате исследования и обработки данных получены следующие результаты, достигшие уровня значимости:

В группе с высоким показателем О.А.С. достоверно выше шкалы: 1.анализ противоречий (4,4), 2.прогнозирование (4,6), 3.целеполагание (3,7), 4.планирование (4,5), 5.критерий оценки качества (4,1), 6.принятие решения(4,9), 7.самоконтроля(4,4), 8.коррекции(3,9) и общий балл самоуправления (34,6). Для сравнения приведем средние значения по

тем же параметрам в группе врачей с показателем антиципационной состоятельности ниже нормы: 1.-(3,8), 2. (3,4),3.-(3,2), 4.-(3,6), 5.-(3,2), 6.-(4,1), 7.-(3,1), 8.-(3,1), общая способность самоуправления (27,4). Все показатели по методике самоуправления достоверно выше в группе с высоким уровнем антиципационной состоятельности. Общий уровень Самоуправления достоверно выше в группе с высокой АС на уровне значимости $t(0,001)=3,8$ по t-критерию Стьюдента.

По методике «ЛФР-25» значимых различий выявлено не было: средние баллы по группам: рациональность 72 и 66,9; готовность к риску 49 и 54,3. Следовательно, приоритетов в сторону рациональной стратегии, продуманного подхода к принятию решения или готовности действовать в ситуации с ограниченной информацией в обеих группах не выделяется. Сам уровень развитости данных личностных качеств в обеих группах имеет средние показатели.

В рамках дивергентного анализа коэффициент интегрированности (количество связей интратестовые/интертестовые) показал, что в группе с высоким уровнем антиципационной состоятельности корреляционных связей в значительной степени больше (70/26), относительно группы с низкой антиципационной состоятельностью (52/11). Что в свою очередь свидетельствует о большей степени структурированности качеств самоуправления, рациональности и готовности к риску в зависимости от высокого уровня антиципации. Т.о. антиципационная состоятельность выступает как структурирующее звено психической деятельности в рамках готовности к принятию решения врачом. Несмотря на количество связей, в группе с высокой прогностической компетентностью сами связи внутри и между методиками имеют менее прочный характер, в основном на уровнях значимости $p(0,05)$ и $p(0,01)$, в отличие от группы с низким уровнем антиципации, где преобладающее количество связей достигает $p(0,01)$ и $p(0,001)$. Тем не менее, остается значимым тот факт, что уровень развития всего процесса самоуправления как целенаправленного изменения саморегуляции в лучшую сторону и постановки цели управления своими формами активности выше в антиципационно-состоятельной группе врачей. Соответственно врач с высокой антиципационной состоятельностью, осуществляя самоуправление на высоком уровне более гибок в принятии медицинских решений, он может варьировать включение звеньев системы самоуправления в зави-

симости от ситуации. В отличие от врача с низкой антиципацией, где система самоуправления прочно сковывает и, в определенной степени, стереотипизирует принимаемые решения.

Корреляционный анализ выявил, что высокий показатель общей антиципационной состоятельности напрямую связан с высоким показателем прогнозирования ($p(0,05)=0,24$). Соответственно антиципационная состоятельность включается на этапе прогнозирования в процессе самоуправления, при этом, чем лучше развита сама способность, тем лучше осуществляется данный этап. Высокая личностно-ситуативная А.С. прямо связана с планированием $p(0,05)=0,25$.

В частности личностно-ситуативная антиципационная состоятельность положительно коррелирует с общей способностью самоуправления $p(0,05)=0,22$. В данном случае, чем врач лучше строит систему лечебного взаимодействия с пациентом, чем лучше ориентируется в ситуации жалобы с которой поступил пациент, тем оптимальнее он будет оперировать своей личной системой самоуправления — целенаправленного изменения по средством себя проблемной нозологической ситуации пациента, с последующей постановкой диагноза и назначением терапии.

Стоит отметить, что группа с низкой личностно-ситуативной антиципационной состоятельностью хуже осуществляется этап коррекции в самоуправлении, например, замену менее эффективных способов лечения на более эффективны, если нет улучшений уже после назначения терапии $p(0,05)=0,42$

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что врачи с хорошо развитым личностным качеством как способность к прогнозированию гораздо лучше организуют пространство и деятельность вокруг себя. Способность самоуправления и антиципационная состоятельность взаимозависимы. Т.о. развивая и тем самым улучшая самоуправление как процесс целенаправленного изменения деятельности как формы активности субъекта, повышается прогностическая компетентность, и наоборот, высокая антиципационная состоятельность способствует лучшей организации процесса самоуправления, а соответственно и эффективности врачебной деятельности.

Литература:

1. Группман Дж. Как думают доктора? Почему врачи ошибаются, и как паци-

ент может спасти себя, задавая им правильные вопросы. М.: Эксмо, 2008. – 320 с.

2. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. – 286 с.

3. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология. Практическое руководство. – 4-е изд. М., 2002. – 592 с.

4. Пейсахов Н.М., Шевцов М.Н. Практическая психология (научные основы). Казань: Издательство Казанского Университета, 1991. – 119 с.

5. Основы психологии: Практикум /ред. - сост. Л.Д. Столяренко. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. - с.339 – 347

6. Ясько Б.А. Психология личности и труда врача: Курс лекций/ Б.А. Ясько. Ростов н/Д, 2005. – 304 с.

7. Professional Judgment: A Reader in Clinical Decision Making Cambridge, 1988.

РОЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ЗАКЛЮЧЕННОГО

Седунова А. С., Агаджанова Э.Р.

ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет, г.Ульяновск

Изучение жизненного пути личности — одна из центральных проблем современного социального знания, в которой сосредоточены фундаментальные интересы философии, социологии, психологии, антропологии и других наук.

Особое значение исследование теоретических и прикладных аспектов проблемы самосознания субъекта приобретает, когда речь идёт о факторах преодоления сложных жизненных ситуаций, то есть факторах, связанных с изменениями траектории жизненного пути. Занимаясь вопросами превентивной психологии, мы обратились к регулирующей функции самосознания и исследовали личностно-регуляционные характеристики заключенных, осужденных за преступления различной степени тяжести. Актуальность изучения представлений заключенных о собственной жизни, а также сравнительного анализа роли регуляционных параметров в структуре личности обусловлена особым значением проблемы личности, её адаптивных и реактивных возможностей, её роли как субъекта собственной жизнедеятельности.

Тема представлений о собственной жизни с применением биографического анализа обсуждается в отечественной психологии с первой четверти XX века, когда Н.А. Рыбников заинтересовался возможно-

стями изучения личностного потенциала в генетическом контексте. Наиболее полное освещение проблема получила во второй половине прошлого века благодаря трудам С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, Е.И. Головахи, Л.Ф.Бурлачука — и новым исследованиям на рубеже XX-XXI веков современного поколения учёных: А.А. Кроника, Е.Ю.Коржовой, Н.В.Логиновой и др. Жизненный путь личности понимается как развивающийся во времени и пространстве социальный процесс, заключающийся в непрерывном, индивидуальном порядке постоянно меняющихся типических событий, имеющих определенную ценность для индивида и являющихся результатом его взаимодействия с природной и социальной средой [1]. За рубежом опыт психологического биографирования представлен не только в рамках событийно-биографического направления, но и в рамках личностных теорий. Примером является биографический опросник «BIV» (Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltenstorungen), который является многомерным опросником и представляет собой методическое и содержательное развитие формы «А» MBI (Мангеймского биографического инструмента для клинических групп). В отечественном переводе методика представлена в адаптации В.А. Чикер (2003).

Взаимодействие указанных факторов по-разному отразится в каждой уникальной биографии, определяя структуру индивидуальных особенностей поведения и представлений о значимых ситуациях. Насколько «уловима» данная характеристика с помощью психобиографических описаний? Л.Ф.Бурлачук, Е.Ю.Коржова выделяют два подхода к содержательному анализу ситуаций: во-первых, описание моделей ситуаций и характеристика ситуаций в элементах модели; во-вторых, классификация всех возможных ситуаций. В целях классификации обычно используют статистические методы [1]. Е.Ю.Коржова, полагая, что об устойчивости внутреннего мира человека можно судить по стабильности или ситуационной специфичности его поведения, приводит данные Л.Росса, Р.Нисбетта о соответствии максимальной корреляционной взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями и поведением человека в новой ситуации коэффициенту 0,3, который показывает низкую степень предсказуемости поведения исходя из анализа личностных качеств [2]. В сравнительном исследовании жизненного пути личности в аспекте культурной, этнической при-

надлежности человек предстаёт как продукт социальных отношений, то есть проявляет в своих диспозициях значимые компоненты, которые интегрируются в системные качества индивидуальности. Какую роль в данном случае выполняют личностно-регуляционные характеристики? Относиться к жизни можно по-разному. Можно стремиться к совершенствованию, быть интересным окружающим, занять активную позицию в отношении к жизни. Можно жить, не задумываясь о проблемах не касающихся непосредственно нас. Именно такую пассивную позицию чаще всего занимают заключенные. Этим людям оказалось не просто пережить критические события в их жизни — житейские неурядицы, непонимание близких, отсутствие необходимых условий для самореализации. Нарушив закон и оказавшись в места лишения свободы, они предпочитают не брать на себя ответственность, а заняв пассивную позицию, проживать жизнь не пытаясь измениться.

В пилотажном диагностическом исследовании совместно с психологами УИН по Ульяновской области мы определили средний уровень выраженности признаков индивидуально-психологических особенностей осужденных за преступления различной степени тяжести, используя метод срезов и соответствующие методики для оценки регуляционно-личностных характеристик: EPQ Г.Ю.Айзенка, методику «Уровень субъективного контроля» в адаптации НИИ им.В.М.Бехтерева, методику ИПС («Индивидуально–психологические свойства»). Настоящий этап включает каузометрическую диагностику представлений о собственной жизни на основе технологии А.А.Кроника [3].

Оценка результатов позволила показать различия параметров регуляционно-личностной сферы для заключенных, осужденных за преступления различной степени тяжести. Описательная статистика показала, что наиболее выраженными экстравертами являются заключённые строгого режима, так же у данных лиц выражена нейротичность. Высокий уровень нейротизма говорит о чувствительности, впечатлительности, склонности к раздражительности. Нейротическая личность характеризуется неадекватно сильными реакциями по отношению к вызывающим их стимулам. У лиц с высокими показателями по шкале нейротизма в неблагоприятных стрессовых ситуациях может развиваться невроз. Таким образом, среди заключённых строгого режима распространён холеричный тип темперамента. При отсутствии ду-

ховной жизни холерический темперамент часто проявляется в раздражительности, эффективности, несдержанности, вспыльчивости, неспособности к самоконтролю при эмоциональных обстоятельствах. На среднем уровне по шкале экстравертированность – интровертированность, а также по шкале нейротизм находятся условно осужденные. Они менее эмоциональны и импульсивны, но иногда также могут не контролировать свои чувства и эмоции.

По шкале лжи мы можем сказать, что у всех групп осуждённых существовала некая демонстративность и стремление дать социально одобряемые ответы. Но всё-таки по шкале лжи мы можем определить ответы как норму.

Наиболее тревожными являются заключённые особого режима. Также у данных испытуемых наиболее выражены агрессия и фрустрация. Наименее выражены тревога и фрустрация у условно осужденных. Более ригидными оказались осужденные особого режима. Ригидность может выражаться в неготовности к отказу от уже сформированных потребностей и от привычных способов их удовлетворения, к принятию новых мотивов, новых ситуаций. Так как осужденные особого режима отбывают наказание не впервые и за особо тяжкие преступления высокий показатель по этой шкале показывает, что эти люди не хотят менять свой образ жизни. Для проверки гипотезы о том, что существуют различия в индивидуально-психологических особенностях осужденных за преступления различной степени тяжести, был выбран непараметрический критерий различий Манна-Уитни. Осужденные строгого режима также как и заключенные особого режима более тревожны ($U=368,5$, при $p < 0,01$) и агрессивны ($U=483,5$, при $p < 0,01$) чем условно осужденные.

Представители особого режима более фрустрированы, чем заключенные строгого режима. ($U=101,5$, при $p < 0,01$). При отсутствии результата, удовлетворяющего их потребности они более склонны к ряду эмоциональных процессов, таких как разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние.

К.А.Абульханова-Славская рассматривает определенность как наличие жизненных планов как конкретных программ реализации целей. Каждая более или менее значимая жизненная цель требует определенной последовательности действий, направленных на ее достижение, а

следовательно, необходим предварительный план этих действий.

Собственно, планы и помогают человеку оценить реальность целей. Самые возвышенные цели не будут иметь никакой ценности, если неопределенными останутся планы их реализации. Неопределенность жизненных планов приводит к снижению продуктивности деятельности и негативно сказывается на жизненной удовлетворенности людей. И наоборот, даже самая труднодостижимая, на первый взгляд, цель является реальной, если человек достаточно конкретно представляет, каким способом он собирается ее достигнуть, какие способности и качества необходимо развивать, чем можно пожертвовать во имя намеренной цели.

В качестве дальнейшей программы исследования мы планируем пересмотр данных и сравнительный анализ результатов на основе результатов каузометрического опроса. На наш взгляд, методология, ориентированная на сравнительный анализ и системный подход к исследованию личности, позволит провести как межиндивидуальные, так и внутрииндивидуальные сопоставления особенностей поведения и структуры представлений о значимых ситуациях.

Список используемой литературы

1. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.
2. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. - 384 с.
3. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. – М.: Смысл, 2008. – 294 с.
4. Логинова Н.А. Биографический метод в свете идей Б.Г.Ананьева. // Вопросы психологии, 1986, № 5, с. 104-112.
5. Соломин И.Л. Экспресс-диагностика персонала. – СПб.: Речь, 2008. – 280 с.

ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Семёнова И.А.

*Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации
(институт), г.Ульяновск*

Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт) (УВАУ ГА(И)) занимается подготовкой следующих авиационных специалистов: инженер-пилот, диспетчер воздушного движе-

ния, инженер по управлению качеством, менеджер на воздушном транспорте, инженер-спасатель, инженер службы авиационной безопасности (САБ). В структуре гражданской авиации разработана и функционирует система профессионального психологического отбора и подготовки специалистов [3, 4]. По результатам тестирования кандидаты для обучения распределяются по трем группам: I группа (рекомендован в первую очередь для обучения по специальности); II группа (рекомендован во вторую очередь для обучения по специальности); III группа (не рекомендован к обучению).

В УВАУ ГА психологический отбор (ПО) кандидатов является обязательным для обучения только по двум специальностям: пилот и диспетчер. Процедура проведения ПО регламентирована Федеральными авиационными правилами «Медицинское обеспечение гражданской авиации», и Руководством по психологическому обеспечению отбора и переподготовки кандидатов лётного и диспетчерского состава ГА [3]. Результаты этой процедуры учитываются при зачислении в училище наряду с данными других комиссий профессиональной направленности (врачебной лётно-экспертной и физической подготовки) и баллами единого государственного экзамена (ЕГЭ). Для подготовки специалистов направления инженер-спасатель и инженер САБ утверждённая процедура ПО не предусмотрена.

Однако квалифицированная деятельность спасателей и инженеров авиационной безопасности предъявляет высокие требования к профессиональной надёжности. Под профессиональной надёжностью понимается стабильность интеграции мотивационных, эмоциональных, интеллектуальных, психофизиологических и физических компонентов деятельности, направленных на эффективное обеспечение профессиональных функций [4].

Такой сложный и многомерный процесс как достижение и удержание профессиональной надёжности требует поиска новых форм, методов и видов профессиональной подготовки, адекватно отражающих специфику труда указанных групп специалистов ГА. На необходимость поиска средств, обеспечивающих более глубокую и эффективную профессионально-психологическую подготовку будущих сотрудников ГА указывает множество очевидных факторов.

Во-первых, специфика работы спасателя и инженера САБ предъявляет жесткие требования к их психофизиологическому статусу: со-

стоянию здоровья, общему физическому развитию и физической подготовленности к неблагоприятным факторам деятельности, а также нервно-эмоциональной устойчивости, способности к надежной работе в вынужденном темпе, устойчивости к утомлению.

Во-вторых, лица, получающие профессиональную подготовку в системе ГА, должны обладать высоким уровнем интеллектуального развития, отлично владеть техникой усвоения учебной информации, актуализировать задатки для прочного и быстрого формирования профессиональных навыков и умений [2, 4].

В-третьих, работая в особых и экстремальных условиях, связанных с повышенной угрозой для жизни и здоровья, они подвержены постоянному стрессу. Для выработки высокой стрессоустойчивости, способности противостоять стрессовым факторам, как минимум, необходимо знать, какими способами достигается оптимальное психофизиологическое состояние. Кроме того, высококлассному специалисту важно иметь опыт саморегуляции в экстремальных ситуациях, уметь конструктивно взаимодействовать с коллегами, оказывать квалифицированную помощь пострадавшим [1, 4].

В настоящее время профессиональную подготовку кадров в области авиационной безопасности осуществляют три высших и два средних учебных заведения: Академия гражданской авиации, Московский государственный технический университет гражданской авиации, Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации, Красноярский авиационный технический колледж и Санкт-Петербургское авиационное транспортное училище. В УВАУ ГА разработан алгоритм профессионально-психологической подготовки специалистов САБ [1]. Помимо ПО и мониторинга профессионально важных качеств личности специалиста ГА, психологическое сопровождение подготовки включает освоение курсантами таких дисциплин, как «Психологическая устойчивость при авиационных происшествиях», «Психология экстремальных ситуаций», «Профайлинг (психологические аспекты процедуры досмотра)» [2]. Последняя упомянутая дисциплина является относительно новой в области прикладной психологии и включает следующие темы: психологические особенности поведения пассажиров и сопровождающих их лиц, контрольный опрос пассажиров как мера обеспечения авиационной безопасности, особенности

психологии потенциально опасных пассажиров, психологические аспекты проверки документов, профессиональная подготовка специалистов-профайлеров.

Психологическое сопровождение учебного процесса является неотъемлемой частью подготовки специалистов ГА. Общение с коллегами, пассажирами, посетителями с учётом психологических закономерностей этого процесса повысит общую культуру обслуживания и позволит добиваться работникам поставленной задачи в максимально короткий срок. Таким образом, можно констатировать, что для повышения уровня профессиональной надёжности специалистов ГА, решающих проблему безопасности на воздушном транспорте, необходимо совершенствовать систему регулярных психологических мероприятий, направленных на формирование профессионального и личностного роста курсантов. Среди перспективных задач планирования психологического сопровождения подготовки авиационных специалистов в УВАУ ГА(И) выделим следующие:

1. Изучить опыт структур, где успешно применяется система психологического сопровождения, необходимая для обеспечения успешной учёбы и профессиональной надёжности специалистов ГА.

2. Разработать программу психологического сопровождения подготовки специалистов, обеспечивающих авиационную безопасность, а также способных профессионально и грамотно ликвидировать последствия аварий и катастроф на воздушном транспорте, включающую следующие направления:

- диагностика ПВК кандидатов для обучения по данным специальностям;
- индивидуальные собеседования по результатам диагностики;
- коррекция и развитие (индивидуальные и групповые программы) ПВК;
- мониторинг ПВК во время обучения в УВАУ ГА.

3. Рассмотреть возможность изучения курсантами таких дисциплин, как «Психология человека», «Теории личности», «Психология развития», «Социальная психология».

Литература:

1. Курчавов В., Вантяхов С., Люсов Е. Разработка алгоритма психологической подготовки специалистов служб авиационной безопасности //Ульяновский центр трансфера технологий: Сборник аннотаций проектов Молодёжного инновацион-

ного форума Приволжского федерального округа (УлГТУ, 12-14 мая 2010 г.). - Ульяновск: УлГТУ, 2010. С.35-37.

2. Правовой аспект применения профайлинга //Профайлинг. К проблеме выявления лиц с противоправными намерениями. - М.: НУЦ «АБИНТЕХ», 2009. С.35-39.

3. Руководство по психологическому обеспечению отбора, подготовки и профессиональной деятельности лётного и диспетчерского состава ГА РФ. - М.: «Воздушный транспорт», 2001. -259с.

4. Семёнова И.А., Брыляева Е.П. О необходимости психологического сопровождения подготовки спасателей ГА. //Социализация, образование, развитие. Сб. материалов международной, научно-практической конференции. - Ульяновск, 2009. С. 112-119.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ, СОВЕРШИВШИХ ДЕЛИКТЫ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Семёнова М.Л., Миннизянова З.Г., Хамитов Р.Р.

*Федеральное государственное учреждение «Казанская психиатрическая
больница специализированного типа с интенсивным наблюдением»*

Минздравсоцразвития РФ

Психические расстройства сами по себе являются не причиной преступного поведения, а выступают как его внутреннее условие. Это условие раскрывается в формировании личностных особенностей, играющих главную роль в мотивации противоправных действий, под влиянием расстройств психики в онтогенетическом плане, а также во взаимодействии психопатологических синдромов с ценностной сферой личности и ситуационными переменными при анализе актуального генеза преступной мотивации. Механизмы криминальной агрессии носят в целом внемозологический характер. Они зависят не от характера психической аномалии, а коррелируют с определенными типами взаимодействия личностных и социальных факторов [1]. Некоторые типы механизмов криминальной агрессии в большей степени определяются личностными особенностями и внутренними факторами.

Объектом данного исследования явились больные (мужчины и женщины), страдающие шизофренией, совершившие деликты против близких родственников и находящиеся на принудительном лечении в Казанской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением. Данные обследований относятся к перио-

ду с 2007 по 2009 г.г. Всего было обследовано 30 человек: 15 мужчин и 15 женщин. Возрастной диапазон женщин составлял от 25 до 50 лет, мужчин – от 19 до 35 лет. По образовательному уровню у женщин преобладало средне-специальное (8 человек), у 2 – незаконченное среднее и у 5 – среднее. Соотношение мужчин по образованию следующее: незаконченное среднее 6 человек; среднее – 5, средне-специальное – 4 человека.

По нозологической форме все больные страдают параноидной шизофренией. Соотношение общественно опасных действий, направленных против личности, распределилось следующим образом: все обследованные женщины совершили убийства близких родственников, в большинстве – детей (12 человек); в группе мужчин 3 человека совершили убийства близких родственников, 11 – убийства лиц, не состоявших с ними в кровнородственных отношениях, 2 – изнасилования.

По данным психологического обследования тестом СМИЛ (полный вариант с дополнительными шкалами) были выявлены усредненные профили личности [7]. У мужчин код по Уэлшу – 48'9207-1635 F-K/L выявляющий преобладание психопатических черт; у женщин код по Уэлшу – 8'4627-09513 F'KL, указывающий на преобладание шизоидных особенностей [8].

Преобладание показателей по 4,8,9 шкалам в группе мужчин, совершивших убийство, выявляет своеобразие мотивов поведения и высказываний, индивидуализм, субъективизм, плохой контроль над эмоциями, свободно выплескиваемую агрессию в конфликте, антисоциальную направленность поведения, импульсивность, повышенную раздражительность, некритичное отношение к своим поступкам. Преобладание профиля с ведущими пиками по 8,6,2 шкалам в группе женщин указывает на наличие в личностном паттерне таких качеств как: плохая социальная адаптация, отгороженность, низкая продуктивность, апатия, повышенная подозрительность, холодность эмоций, склонность к дисфории, тенденция к сверхценным идеям в сфере межличностных отношений, склонность обвинять окружающих в недоброжелательности, метафизическая интоксикация.

Сравнительный анализ данных по группам выявил также значительную разницу в показателях по следующим дополнительным шкалам теста СМИЛ: «невротическое ослабление контроля», «рецидивизм»,

«тревога», «преступность», «враждебность», «предубежденность», «социальная отчужденность», «эмоциональная отчужденность», «явная паранойя». Небольшая разница отмечается по шкалам «алкоголизм», «эскапизм», «подавление агрессии», «импульсивность».

Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что кроме психопатологических симптомов, повлиявших на совершение деликтов против близких родственников, у женщин преобладает параноидная настроенность, предубежденность, враждебность, социальная и эмоциональная отчужденность, в отличие от мужчин, у которых ведущими механизмами при совершении правонарушения является невротическое ослабление контроля, деликventность и рецидивизм.

Литература

1. Агрессия и психическое здоровье / Под ред. академика РАМН Т.Б. Дмитриевой и профессора Б.В. Шостаковича. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002.- 464 с.

2. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология.- М.: Наука, 1991.- 248 с.

3. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений). – Д.: Сталкер, 1998. – 432 с.

4. Клинико-психопатологические и психологические методы выявления и предупреждения агрессивного-насильственного поведения лиц с психическими расстройствами. Пособие для врачей. /Под ред. академика РАМН Т.Б. Дмитриевой. – М., 2001. – 56 с.

5. Руководство по социальной психиатрии /Под ред. академика РАМН Т.Б. Дмитриевой. – М.: Медицина, 2001.- 560 с.

6. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. - 300 с.

7. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. – М.: ИПП-ИСП, 2000.-512 с.

8. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. Методическое руководство. М.: 1990.-75 с.

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СИНДРОМА ПЕРЕГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Семенова Н.В.¹, Петрова Е.В.², Проказина Е.С.¹

*¹Санкт-Петербургский научно-исследовательский
психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, Россия*

*²Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

Современные исследования раскрывают множество причин развития синдрома перегорания [1,3,5,7], однако нельзя считать этот во-

прос полностью изученным ввиду отсутствия достаточного объема исследований для окончательного формирования представлений о причинах, механизмах развития, последствиях, методах профилактики и коррекции данного патологического состояния [4,6,8].

Цель: изучение основных параметров синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников психиатрических учреждений.

Методы исследования — «Системный индекс синдрома перегорания» на основе теста MBI (Maslach Burnout Inventory), где выделяются четыре основных параметра: «эмоциональное истощение», «деперсонализация», «редукция профессиональных достижений», «скука» [2]. Для статистической обработки применялось программное обеспечение SPSS 19.0. Использовался общепринятый уровень значимости различий 5%.

Результаты. Исследование проводилось в психиатрических стационарах (ПБ) и психоневрологических диспансерах (ПНД) Ленинградской области. В исследовании приняли участие 183 респондента – медицинских работника.

Респонденты были разделены на четыре группы, соответственно профессии. Группа 1: 13 врачей-психиатров ПНД (7,1%), средний возраст 43 ± 2 года, средний стаж работы 14 ± 2 лет. Группа 2: 62 медицинских сестры ПНД (33,9%), средний возраст 42 ± 2 года, средний стаж работы 14 ± 2 лет. Группа 3: 13 врачей-психиатров ПБ (7,1%), средний возраст 50 ± 3 лет, средний стаж работы 19 ± 4 лет. Группа 4: 95 медицинских сестер ПБ (51,9%), средний возраст 46 ± 1 лет, средний стаж работы 21 ± 1 год.

По результатам дисперсионного анализа медицинские сестры ПБ имеют достоверно больший стаж работы по специальности, чем медицинские сестры ПНД ($F = 3,5, p = 0,02$). Также значимые различия выявлены по параметру «часы работы с пациентами в неделю» ($F = 13,36, p < 0,01$): у врачей-психиатров ПБ этот показатель был ниже, чем у медицинских сестер ПБ, а у врачей-психиатров ПНД – ниже, чем у медицинских сестер ПНД.

Из общего количества медицинских работников 47,5 % отметили, что не испытывали разочарование в настоящей работе, 37,2 % — сомневались в ответе на этот вопрос, 13,7 % испытывали разочарование до известной степени, и только 1,6 % были очень разочарованы в своей настоящей работе. Врачи и медсестры ПБ были достоверно чаще

разочарованы работой по сравнению с врачами и медсестрами ПНД ($p = 0,03$, критерий Манна-Уитни).

Длительность пребывания среднего медицинского персонала ПБ на больничном листе была достоверно больше, чем у медицинского персонала ПНД ($p = 0,02$, точный критерий Фишера).

В таблице 1 представлены данные по основным параметрам синдрома перегорания в четырех исследовательских группах.

Таблица 1

Основные параметры синдрома перегорания у медицинских работников психиатрических учреждений

Параметры синдрома перегорания	Профессия	Средний балл \pm ошибка среднего
Эмоциональное истощение (норма – менее 17 баллов)	Врач-психиатр ПБ	17,75 \pm 3,89
	Врач-психиатр ПНД	11,23 \pm 1,82
	Медицинская сестра ПБ	15,71 \pm 0,75
	Медицинская сестра ПНД	14,00 \pm 0,85
	Всего	14,94 \pm 0,57
Деперсонализация (норма – менее 5 баллов)	Врач-психиатр ПБ	4,64 \pm 1,10
	Врач-психиатр ПНД	5,46 \pm 0,99
	Медицинская сестра ПБ	7,89 \pm 0,47
	Медицинская сестра ПНД	6,57 \pm 0,53
	Всего	7,07 \pm 0,33
Редукция профессиональных достижений (норма – более 33 баллов)	Врач-психиатр ПБ	27,36 \pm 3,14
	Врач-психиатр ПНД	31,92 \pm 1,31
	Медицинская сестра ПБ	30,88 \pm 0,79
	Медицинская сестра ПНД	32,12 \pm 0,99
	Всего	31,16 \pm 0,58
Системный индекс синдрома перегорания (возможные колебания значения индекса – от 0 (минимальное) до 1 (максимальное))	Врач-психиатр ПБ	0,58 \pm 0,08
	Врач-психиатр ПНД	0,45 \pm 0,04
	Медицинская сестра ПБ	0,56 \pm 0,02
	Медицинская сестра ПНД	0,50 \pm 0,02
	Всего	0,53 \pm 0,01
Скука (норма – менее 3 баллов)	Врач-психиатр ПБ	2,28 \pm 0,31
	Врач-психиатр ПНД	1,87 \pm 0,20
	Медицинская сестра ПБ	1,95 \pm 0,07
	Медицинская сестра ПНД	1,70 \pm 0,09
	Всего	1,89 \pm 0,05

По результатам дисперсионного анализа получены статистически значимые различия в группах по параметру «деперсонализация» ($F = 3,19$, $p = 0,03$). Проведены попарные сравнения по методу Манна-Уитни: у врачей-психиатров ПБ показатель деперсонализации ($4,64 \pm 1,1$) оказался достоверно ($p = 0,04$) ниже, чем у медицинских сестер ПБ ($7,89 \pm 0,47$). Значимые различия ($F = 2,71$, $p = 0,05$) были получены в группах и по параметру «системный индекс синдрома перегорания». Попарные сравнения по методу Манна-Уитни показали, что этот показатель у медицинского персонала ПБ ($0,56 \pm 0,02$) значимо выше ($p < 0,05$), чем у медицинских сестер ПНД ($0,50 \pm 0,02$).

По параметру «скука» по результатам дисперсионного анализа также получены статистически значимые различия ($F = 2,82$, $p = 0,04$) в группах сравнения. При попарных сравнениях по методу Манна-Уитни выявлено, что этот показатель достоверно ($p = 0,01$) выше у медицинских сестер ПБ ($1,95 \pm 0,07$), чем у медицинских сестер ПНД ($1,70 \pm 0,09$).

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что стаж работы медицинских сестер ПБ в среднем больше, чем медицинских сестер ПНД. Этим, возможно, объясняются различия по параметру «скука» и «системный индекс синдрома перегорания» в данных группах: медицинский персонал стационара более подвержен формированию синдрома перегорания, чем медицинский персонал ПНД, что может приводить к увеличению длительности нахождения на больничном листе медицинских сестер ПБ.

Медицинские работники психиатрических учреждений в большинстве случаев субъективно не ощущают разочарования в выбранной профессии, несмотря на то, что статистические данные указывают на высокий уровень неудовлетворенности профессиональными достижениями, а в общении с пациентами у них выражены такие проявления деперсонализации как безразличие, формальное выполнение профессиональных обязанностей, снижение способности к эмпатии. Однако установлено, что медицинские сестры и врачи ПБ достоверно чаще разочаровывались в своей работе, чем медицинские работники ПНД. Самый высокий уровень деперсонализации выявлен в группе медицинского персонала ПБ, а самый низкий – в группе врачей ПБ, что объясняется необходимостью медицинских сестер больше времени проводить в непосредственном общении с психически больными.

Литература:

1. Лозинская Е.И. Синдром перегорания и особенности его формирования у врачей-психиатров. Автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2007.
2. Лозинская Е.И., Лутова Н.Б., Вид В.Д. Системный индекс синдрома перегорания. СПб.: СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2007.-17с.
3. Jovanovic N. et al. Burnout among psychiatry residents: The International Psychiatry Resident/Trainee Burnout Syndrome Study (BoSS) // Die Psychiatrie, Schattauer GmbH., 2009. V. 6(2). P. 75-79.
4. Maslach C., Goldberg J. Prevention of burnout: New perspectives. // Applied and Preventive Psychology, 1998. №7, P. 63-74.
5. Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P. Job Burnout. // Annual Review of Psychology, 2001. V. 52. P. 397-422.
6. Much K. et al. Burnout Prevention for Professionals in Psychology. // Vistas: Compelling Perspectives on Counseling, 2005. P. 215-217.
7. Ogresta J. et al. Relation Between Burnout Syndrome and Job Satisfaction Among Mental Health Workers. // Croatian Medical Journal, 2008. V. 49. P. 364-374.
8. Pedrini L. et al. Burnout in Nonhospital Psychiatric Residential Facilities // Psychiatric Services, 2009. V. 60(11). P.1547-1551.

КОРРЕКЦИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ГРУППОВЫМ ТРЕНИНГОМ

Силаева Т.Н., Чукмарова Л.Ф.

ЧОУ НЧФ Института экономики управления и права (г.Казань)

*«До тех пор, пока мы воспринимаем нашу инвалидность,
как трагедию, нас будут жалеть.
До тех пор, пока к нам будут относиться с состраданием,
нами будут управлять.
До тех пор, пока мы будем стыдиться своей инвалидности,*

В настоящее время вся мировая общественность работает над гуманизацией мирового сообщества. Это благожелательно терпимое и взаимоуважительное отношение людей друг к другу, создание социальных условий, нормализующих тревожность.

По зарубежным данным, 9 % населения в мире страдает каким-либо тревожным расстройством [2]. В большей степени с тревожными расстройствами столкнулись люди с ограниченными возможностями (ОВ).

Актуальность проблем, связанных с оказанием реабилитационной помощи в Российской Федерации на современном этапе обусловлена многими причинами, среди которых и нормализация тревожно-

сти инвалидов групповым тренингом, что способствует улучшению качества СЖО (смысла жизненных ориентаций), развитию эмпатии и толерантности. Как следствие — успешную социальную адаптацию и интеграцию [1, 2]. При профессиональной интеграции в общество людей ОВ, необходимо учитывать их повышенную тревожность, эмпатию, толерантность и СЖО и рекомендовать им работу с детьми, пенсионерами и животными [3].

Цель исследования: оптимизировать уровень тревожности, эмпатии, толерантности и СЖО в результате коррекции методом группового социально-психологического тренинга.

Задачи: 1) Составить программу группового тренинга в реабилитационном центре; 2) Провести коррекционные занятия по оптимизации уровня тревожности, эмпатии, толерантности и СЖО людей ОВ; 3) Провести сравнительный анализ уровня тревожности, СЖО, эмпатии и толерантности.

Методики: 1) Тест Ч.Д. Спилбергера, адаптирован Ю.Л. Ханиным «Шкала оценки уровня реактивной тревожности», 2) Тест смысложизненных ориентаций «СЖО» Д.О. Леонтьева, 3) Тест «Исследование уровня эмпатийных тенденций» И.М. Юсупова, 4) «Коммуникативная толерантность» В.В. Бойко.

На основании первичной диагностики была проведена психокоррекция в рамках групповой терапии: социально-психологический тренинг (5-6 недель, по 3-4 дня в неделю).

Коррекционная программа в форме тренинга проходила в Государственном бюджетном учреждении центра реабилитации инвалидов Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ «Изгелек» в городском округе г.Набережные Челны (ГБУЦРУ) в два этапа: июнь 2010 г., февраль 2011 г. Объем выборки: 20 человек (с 28 до 50 лет).

Цель и задачи тренинга: адаптация и интеграция в общество, в том числе нормализация тревожности, эмпатии, толерантности и повышение смысложизненных ориентаций людей ОВ (СЖО понимается, как расширение спектра возможностей и поиск новых ориентиров в жизни).

Данный тренинг разработан на основе индивидуальной психологии Альфреда Адлера, ставящий своей целью развитие когнитивных и поведенческих стратегий получения удовольствия и достижения хо-

рошего самочувствия. Тренинг построен на основе занимательных практических заданий, работе в парах и группах, ролевых играх, направленных на отработку личностных навыков, памяти, внимания, раскрытие творческих и интеллектуальных ресурсов участников [1].

В результате доступности и простоты выполняемых заданий, индивидуального подхода к каждому участнику, проговаривании наиболее важных моментов тренинга, закрепляется нормализованный уровень тревожности, суммируются достижения реабилитанта, подкрепляется его уверенность в возможности реализовать намеченные планы, повысить стрессоустойчивость в сфере межличностных отношений. Закрытость группы позволяет решать ряд важных терапевтических задач: легче осуществляется когнитивная перестройка путем взаимного обогащения жизненным опытом, обменом различными способами адаптации, эмоционального включения индивида в группу, эмпатической помощи членов группы. Группа дает возможность оказывать помощь другим, ощущая при этом чувство компетентности и нужности, крайне ценное для адаптации реабилитанта к новым жизненным условиям.

Перед началом эмпирического исследования мы проверили показатели первичной психодиагностики на нормальность распределения признаков.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

В результате сравнительного анализа первичной и итоговой диагностики тревожности у людей ОВ, выявили положительную динамику состояния. До проведения коррекционной программы тревожность была представлена у 75 % исследуемых. После проведения занятий, направленных на нормализацию уровня тревожности, групповой показатель значительно изменился и составил 37,5 %. ($P \leq 0,05$).

При 1-ой диагностике СЖО отклонение от нормы составило 50 %. Через месяц, в результате группового тренинга, она была представлена всего у 12,5 % испытуемых ($P \leq 0,05$).

Результаты диагностики других исследуемых характеристик показали, что после проведения коррекционных занятий показатели высокой эмпатии зафиксированы у 50 % респондентов и 50 % на уровне «очень высокая». Толерантность также характерна большинству исследуемых: высокая у 65,5%, нормальная — у 37,5% участников группы ($P \leq 0,05$).

По итогам групповой работы уровень тревожности участников коррекционной программы оптимизировался до нормального, толерантность, эмпатия и СЖО повысились, что отразилось также в устных и письменных отзывах реабилитантов.

Таким образом, мы попытались обозначить проблему тревожности, эмпатии, толерантности и СЖО для того, чтобы люди ОВ не чувствовали себя отверженными, могли оказывать посильную пользу обществу в ответ на реальную помощь со стороны государства и толерантность здоровых людей.

Новизна нашего исследования состоит не только в формировании связей ИЭУиП с реабилитационным центром «Изгелек», не только в оказании волонтерской помощи, не только в использовании данной программы в разновозрастных группах в других реабилитационных центрах, но и в формировании глубокого уважения к людям с ограниченными возможностями, представители которых на параолимпийских играх в Пекине в 2010 г. завоевали «золото» для России.

Литература:

1. Евтихов О.В. Практика психологического тренинга. СПб.: Издательство «Речь», 2007. - 256 с.
2. Комплексная реабилитация инвалидов: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т.В. Зозуля, Е.В. Свистунова, В.В.Чешихина и др.; под ред. Т.В. Зозули. М.: Издадельский центр «Академия», 2005.- 304 с.
3. Психология состояний. Хрестоматия / Составители Т.Н. Васильева, Г.Ш. Габдреева, А.О.Прохоров / Под ред. проф. А.О.Прохорова. М.:ПЕРСЭ; СПб: Речь, 2004 - 608 с.
4. Юсупов И.М. Толерантность — что это такое? / Под редакцией И.М. Юсупова. Казань: Познание, 2008. - 128 с.
5. Юсупов И.М. Вчувствование. Проникновение. Понимание. Казань: Издательство Казанского университета, 1993. – 202 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ БЕРЕМЕННЫХ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Студеникина Л.А., Большакова А.С.

*ГОУВПО «Алтайская государственная академия образования
имени В.М. Шукшина» г. Бийск*

Появление ребенка в семье является долгожданным и значимым событием и, одновременно, кризисным этапом в динамике семьи (осо-

бенно при рождении первенца). В связи с этим, перспективным направлением семейного консультирования является профессиональная помощь в перинатальный период, направленная на оптимизацию психологического течения беременности, профилактику девиантных стилей родительства и амбивалентных чувств по отношению к ребенку.

Психологическая поддержка женщин на этапе вынашивания осуществляется студентами старших курсов факультета психологии ГОУВПО «АГАО имени В.М. Шукшина» в рамках проекта «Психологическое сопровождение беременных». Данный проект реализуется по запросу «Управления здравоохранения администрации г. Бийска» с сентября 2009 года и изначально был направлен на профилактику девиантного материнства.

В последние десятилетия в нашей стране предпринимаются усилия, направленные на решение такой социально значимой проблемы, как «скрытый инфантицид» — отказ матери от ребенка. Психологические исследования направлены на выявление специфических психологических особенностей личности, которые нарушают естественное формирование готовности к материнству, а также поиск оптимальных форм и направлений профессиональной помощи [3]. Исследователи указывают на полиморфизм факторов, предрасполагающих к девиантному материнству. Одним из малоизученных аспектов проблемы является обнаруженный еще в начале века феномен искаженного восприятия матерью своего нежеланного ребенка. В последующем это наблюдалось у женщин с послеродовой депрессией [2].

В любом случае, психологическая помощь может быть оказана, исходя из индивидуальных особенностей личности женщины с учетом всех социальных, психологических и физиологических факторов, оказывающих влияние на данную проблему.

Изначально проект планировался как часть комплексной работы с матерями–«отказницами» (включающей в себя помощь медицинских и социальных работников, священника) на базе родильных отделений города. Позднее было решено расширить проблематику, согласно пониманию термина «девиантное материнство». Участниками проекта разработана и реализована программа психологического сопровождения и просвещения беременных в родильных домах г. Бийска, в которой предусмотрено три выхода, каждый из которых был посвящен актуальной проблеме психологии беременных:

1. Информирование женщин о существующих психологических службах в городе, которые оказывают помощь семье; просмотр презентации, целью которой являлось снятия эмоционального напряжения, гармонизация смыслоощущения беременности. Проведение диагностических мероприятий: опросник «Шкала самоуважения» (М. Розенберга) использован для выявления глобального самоотношения; опросник «Шкала субъективного благополучия» направлен на измерение эмоционального компонента субъективного благополучия.
2. Информирование о специфике эмоционального состояния беременной женщины и его влиянии на психику плода, а также апробация упражнений для мышечной релаксации. Проведение диагностических мероприятий: методика «Шкала депрессии», направленная на изучение дифференциальной диагностики депрессивных состояний и состояний, близких к депрессии; методика «САН» предназначенная для выявления таких функциональных состояний, как самочувствие, активность, настроение.
3. Просвещение беременных по рискам послеродовой депрессии; просмотр фильма с рекомендациями по профилактике послеродовой депрессии. Проведение диагностических мероприятий: «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталовой); «Шкала субъективного счастья» (С. Любомирски).

С сентября 2010 года проблемное содержание проекта расширяется за счет новых тем: «Психологические факторы невынашивания беременности» и «Особенности организации психологического сопровождения беременных в условия акушерско-гинекологического стационара».

Последние исследования в области медицинской и перинатальной психологии указывают на взаимосвязи между психологическими процессами и физиологическими изменениями в организме беременной женщины. В период беременности закладывается не только физическое, но и психическое здоровье ребенка, становление образа младенца, осознание женщиной своей материнской роли. Тем не менее, психологические аспекты протекания беременности остаются малоизученными [1, 4].

Вместе с тем общее мнение перинатальных психологов заключается в том, что психологические исследования периода беременности имеют исключительную важность для разработки проблем психологии личности, социальной психологии, культурологии (культурные модели материнства и детства). И также отмечается, что психологический подход к проблеме угрозы прерывания беременности требует совершенствования в применении теоретических подходов и методов исследования [5].

Традиционно мероприятия по подготовке женщины к родам, обеспечению психогигиены беременности и т. д. представлены деятельностью учреждений системы здравоохранения. К сожалению, далеко не всегда женщина может получить от врача женской консультации столь необходимую ей психологическую помощь, что еще раз говорит о крайней необходимости квалифицированной психологической работы с беременной и ее семьей на протяжении всей беременности и в постродовый период.

В теоретические задачи нашего проекта входит изучение вопросов: особенности организации психологического сопровождения в условиях лечебного учреждения; психологические механизмы болезненного состояния и лечебного процесса; функции и содержание практической деятельности психолога в медицинских учреждениях; организация психологической работы при осложненном течении беременности. Практическая помощь беременным включает в себя психологическую профилактику неблагоприятных психоэмоциональных состояний, профилактику послеродовой депрессии, информирование женщин о существующих в городе учреждениях, оказывающих профессиональную помощь матерям и их семьям, обучение мышечной релаксации и медитации, с целью оказания положительного эффекта на психологическое состояние пациенток акушерско-гинекологического стационара.

По результатам данной деятельности были выполнены курсовые и дипломные работы. Проанализирована деятельность учреждений, оказывающих помощь семье в г. Бийске. Результаты были оформлены в буклет, который распространялся среди беременных женщин и был передан заинтересованным специалистам. Разработаны рекомендации по обеспечению перинатальной психологической помощи семье.

Созданные студентами фильм с рекомендациями по профилактике послеродовой депрессии и презентация для снятия эмоционального напряжения переданы в качестве пособий для работы «Школы для будущих родителей», действующей на базе АГС Центральной городской больницы.

Перспективы дальнейшей деятельности — индивидуальные консультации и групповая работа с беременными, как в условиях стационара, так и на занятиях в женских консультациях.

Список литературы:

1. Баз Л.Л. Исследование восприятия психологической поддержки беременными женщинами // Психологический журнал. Т. 15.1994. №> 1. С, 137-146.
2. Бертин А. Воспитание в утробе матери или рассказ об упущенных возможностях СПб.: МНПО «Жизнь», 1992.
3. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии, 2000, №5.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 240 с.
5. Хломов К.Д., Ениколопов С.Н. Исследование психоэмоциональных и индивидуально-характерологических особенностей беременных

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПСИХОЛОГА С ВИЧ-ПОЗИТИВНЫМИ ОСУЖДЕННЫМИ

Сулицкий В.В.

*Горловский региональный институт ВУЗ Открытый международный университет развития человека «Украина»
(г. Горловка, Донецкая область, Украина)*

В настоящее время, в колониях отбывают наказание, примерно, 8 % осужденных, от общего их числа, имеющих позитивный ВИЧ статус. При этом 53 % из них знали о своем ВИЧ статусе еще до прибытия в колонию, а 47 % — узнавали о нем непосредственно после добровольного диагностического обследования в медицинской части в колонии.

Несмотря на то, что информация об осужденных, которые являются ВИЧ инфицированными, строго конфиденциальна, многие из них обращаются к практическому психологу колонии за помощью. Это позволило из лиц, живущих с ВИЧ (далее ЛЖВ), находящихся в местах лишения свободы, выделить три основные группы:

1 группа – осужденные, имеющие ВИЧ позитивный статус и знающие об этом;

2 группа – осужденные, которые узнали о своем ВИЧ позитивном статусе только в колонии.

3 группа – осужденные, которые подозревали, но точно не знали о наличии позитивного ВИЧ статуса, т.к. отличались рискованным поведением на свободе (коллективное инъекционное употребление наркотиков, незащищенный секс и т.д.)

С осужденными первой группы организовываются и проводятся такие мероприятия:

- индивидуальная психологическая помощь и психокоррекционная работа;
- социально-психологические тренинги (преодоление наркотической зависимости, личностный рост, здоровый образ жизни, притча терапия, фильмотерапия и т.д.)
- физическая реабилитация (для осужденных с нарушениям опорно-двигательной системы вследствие употребления наркотиков – «балтушники»);
- привлечение к участию в работе волонтерских групп по принципу "равный – равному";
- лекции, акции, группы взаимопомощи, спортивные мероприятия и т.д.

В работе с осужденными второй и третьей групп важным моментом остается первичный период — время, когда они узнают о своем ВИЧ позитивном статусе до осознания того, что в жизни произошли коренные перемены и необходимо полностью перестраивать ритм жизнедеятельности. Он длится от суток до года.

Новость о наличие в организме ВИЧ-инфекции для многих обрушивается как «снег на голову», потому что они не готовы были ее услышать. Только 13% от числа тех, кто узнал о своей проблеме в местах лишения свободы, были готовы к этому (осужденные третьей группы), подозревали, что образ жизни, который они вели, может привести к подобному заболеванию.

Какие этапы проходит процесс осознания последствий заболевания осужденным, прежде, чем он воспринимает свою проблему и начинает учиться жить с ней? Чем же характеризуется психоэмоциональ-

ное состояние и поведение осужденных второй и третьей групп осужденных на эти этапах?

1. **Этап «узнавания».** Страх перед неизвестностью, торможение в восприятии действительности, безысходность. (Этого не может быть! Почему это случилось со мной? Кто виноват? Как жить дальше? Что делать? Кто поможет?). Осужденный замыкается в себе, постепенно удаляется от тех, кто его окружает. Плохо идет на контакт. Начинает «прислушиваться» к работе своего организма и искать признаки скорой смерти.
2. **Этап «понимания».** Состояние депрессии. (Самоуничужение: доигрался, виноваты все, жизнь потеряла смысл... Суицидальные мысли, высказывания). Осужденный ищет тот «спасательный круг», который поможет уберечься ему «на плаву жизни». Он пытается невербальными методами дать понять окружающим, что ему плохо, и он нуждается в понимании и поддержке.
3. **Этап «осознания».** Поиск выхода из ситуации. Мы выделяем четыре типа решений о стилях поведения, которые выбирают осужденные, и не только они, для себя:
 - «гулять, так гулять»;
 - «будь что будет»;
 - «я буду мстить»;
 - «я научусь жить с этим, и буду жить дальше».
4. **Этап «осознания».** Я буду жить дальше!!! Осужденный обращается за помощью к психологу, начинает посещать социально-психологические тренинги, принимать активное участие в волонтерском движении, следить за своим здоровьем. Для многих этот этап становится возможностью раскрыть потаенные резервы организма, обрести цель, полностью изменить не только взгляды на жизнь, но и саму жизнь.

Путь от «узнавания» до «осознания» осужденным своей проблемы, тернист и долог. Вот почему мы считаем, что главная задача пенициарного психолога заключается в том, чтобы научить осужденного жить с проблемой ВИЧ, а не бежать от нее, готовясь к скорой смерти.

Работа психолога колонии с ЛЖВ организовывается и проводится как индивидуально с каждым осужденным, так и по психотерапевтическим группам в зависимости от того, к какой именно группе принадле-

жит ВИЧ позитивный человек. В любом случае, главной задачей психолога остается «психологическое сопровождение процесса отбывания наказания ВИЧ позитивных осужденных». Для ее решения необходимо придерживаться определенных принципов и методов практической работы: выработка близких и далеких жизненных перспектив; разработка плана постепенной перестройки жизненного ритма (закон «40 шагов»); обучение приемам самопомощи и регулирования психоэмоционального состояния; использование опыта людей, которые успешно справляются с подобной проблемой; притча-терапия (ценный опыт прошлых веков) и т.д.

Следовательно, **первым** и наиболее приоритетным **направлением** деятельности пенитенциарного психолога — работа с ЛЖВ.

Второе направление — работа с сотрудниками исправительной колонии. Строгость и принципиальность не имеют ничего общего с хамством и самодурством. Вот почему необходимо обучать тех, кто работает в местах лишения свободы умению конструктивного общения, отличать правду ото лжи, визуально оценивать психоэмоциональное состояние осужденных, принимать объективные решения в минимальные сроки, распознавать симптомы аггравации, симуляции и десимуляции у осужденных и т.д. Но самым главным остается индивидуальный подход к каждому осужденному.

Третье направление — работа с родственниками ВИЧ позитивных осужденным. Когда дом и семья являются «надежным тылом» для осужденного, ему легче справиться со своим заболеванием. Поэтому, родственников осужденных приходится учить быть толерантными, понять и принять возникшую ситуацию как она есть, или изменить к ней свое отношение, не отворачиваться, а морально поддержать брата, сына, мужа.

Четвертое направление — работа с осужденными, которые не являются ВИЧ-инфицированными, но живут рядом и общаются с ними ежедневно. Важными моментами в этой деятельности являются:

- обучение соблюдению санитарных норм. Трудно представить, что в XXI веке можно встретить молодых людей, которые не знают о туалетной бумаге, зубной щетке и элементарных правилах мужской гигиены. Пусть это и единичные случаи, но они есть;
- профилактика гомосексуализма в местах лишения свободы.

Данная проблема спорная, и мы не собираемся вступать в полемику по данному вопросу. Мы рассматриваем это явление как источник передачи и распространения не только ВИЧ – инфекции, но и различных инфекционных и венерических заболеваний;

- профилактика наркомании.

Каким должен быть конечный результат работы пенитенциарного психолога? Его можно определить, процитировав слова одного осужденного: «Моя жизнь изменилась! Несмотря на болезнь, я живу и счастлив!»

ВОСПРИЯТИЕ ТЕРРОРИСТОВ ЖЕРТВАМИ ТЕРАКТА В БЕСЛАНЕ

Тащёва А.И.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В открытой психологической литературе сложно обнаружить образы террористов глазами их жертв, однако этот материал может быть полезен для подготовки специалистов, работающих с террористами и оказывающих профессиональную психологическую помощь жертвам терактов [1,4 и др.]. Автору данная проблема известна по факту участия в оказании профессиональной психологической помощи 52 жертвам теракта в Беслане в 2004 году (25 детей и 27 взрослых). Связи с клиентами есть и сейчас [3,4 и др.].

Просьба психолога описать террористов вызвала бурю эмоций: от прямого отказа говорить об этом («не могу об этом вспоминать!»), растерянности («кому это может быть нужно?»), выраженной вербальной и невербальной агрессии («Зачем об этих подонках говорить?») до смешанных чувств, вызванных пережитым кошмаром заточения, гибелью близких, друзей, знакомых и редкими примерами «человеческого» поведения бандитов.

В целом заложники описывали бандитов негативно: 98,3 % описаний были явно негативны, сопровождалась открытой ненавистью, часто сопровождалась нецензурной бранью. 1,7 % характеристик мучителей оказались более сдержанными. В содержательном плане приписываемые террористам характеристики нами разделены на физические;

социально-демографические; социально-экономические; психологические и социально-психологические [2].

Физических характеристик, описывающих внешность бандитов, было 40,3 %: «весь в черном», «в масках они сначала были, а потом некоторые сняли маски, другие не снимали не разу», «длиннорукий он был», «у этого бандита нога, стоявшая на кнопке взрывателя, подрагивала и я очень боялась, что из-за этого может произойти взрыв»... Примеры социально-демографических и социально-экономических характеристик (9,6 %): «ингуши, чеченцы были и один точно русский»; «он, похоже, не богатый был»... Психологические и социально-психологические характеристики (50,1%): «злющий такой», «жестокий», «тихий какой-то»... Примеров беспрецедентной жестокости бандитов было множество: на глазах у всех заложников, убили учителя физкультуры и тяжело ранили отца двоих ребят, оставив последнего истекать кровью в зале, только за то, что мужчины попытались заступиться за детей; «вопили, что все мы тут останемся»; «голодом людей морили, воды не давали»...

Единичны примеры, хотя бы условно позитивно характеризующие террористов: «сказал намочить белье под одеждой, а потом его сосать вместо воды», «бросил шоколадку детям». Один ребенок рассказывал, что террорист спас его во время штурма, приказав лечь за тела убитых и прикрыв его своей курткой; взрослый свидетельствует, что другой бандит спас его и ещё одного мужчину от неминуемого расстрела, позволив им после распоряжения командира бандитов «Этих в расход!» вернуться в спортивный зал...

И вот, на наш взгляд, уникальный случай. К концу вторых суток заложничества мальчик 5,5 лет, вопреки запретам вставать с мест, разговаривать между собой и с «воинами аллаха», с трудом поднявшись с пола, пошел, пошатываясь, к бандиту, который, перекусив на глазах у голодных людей, не торопясь пил воду. Будучи дежурным «надзирателем», он одновременно «поддерживал порядок в зале», реагируя усталыми окриками или короткими автоматными очередями над головами заложников, сидящих на полу вплотную друг к другу.

Ребенок, подойдя к террористу, довольно громко и вежливо произнес: «Дяденька, дайте мне, пожалуйста, водички!»

Зал замер в оцепенении: «сторож» мог убить несчастное дитя, мог

открыть стрельбу, ранив или убив еще кого-то в зале. Но и бандит оторопел, а затем, сорвавшись на фальцет, завопил, словно потерпевший: «Какой я тебе дяденька?! Я тебя убивать пришел! А ты, идиот, мне «Дяденька»!»

Заложники рассказывали, что они, ужасно испугавшись за мальчика, за себя, своих близких и за всех изнывавших от жажды, голода, страха, унижения «сидельцев», не сразу поняли, что у бандитов силы тоже на исходе, что никакие они не сверхлюди, если их может вывести из себя измученный, обезвоженный и воспитанный маленький человек.

Конечно же, согласно законам социального восприятия, в образах бандитов отражались общие проблемы заложников и характерологические черты каждого из них.

Рассмотрим, как образ террористов представлен, хотя в двух симптомах посттравматического стресса у жертв теракта в Беслане.

Признаки Стокгольмского синдрома как следствия насильственного удержания зафиксированы нами у 54,5 % взрослых заложников и 18,2 % детей. Эти люди, достаточно точно описывая кошмары 52-х часов заточения в школе и свои тяжкие переживания, говорили, что с ужасом ожидали от террористов ещё большей агрессии, чем та, которую они проявили. При этом 8 детей и 5 взрослых воспроизводили описанные выше примеры «человеческого» поведения террористов: «сказал намочить белье под одеждой, а потом его сосать вместо воды», «вывел на ночь пожилых женщин из спортзала в другое помещение, где можно было полежать на полу, впервые за двое суток вытянув ноги», «бросил шоколадку детям». Один ребенок рассказывал, что террорист спас его во время штурма, приказав лечь за тела убитых и прикрыв его своей курткой; взрослый свидетельствует, что другой бандит спас его и ещё одного мужчину от неминуемого расстрела, позволив им вернуться в спортзал после распоряжения командира бандитов «В расход!».

Психодиагностическая, консультативная и коррекционная работа позволили выявить, что 86,7 % жертв теракта в школе №1 Беслана, положительно рассказывавших об отдельных эпизодах в поведении кого-то из террористов, до и после событий в школе неоднократно подвергались различным видам домашнего и внедомашнего насилия: 6 чело-

век — физическому, 2 человека — сексуальному, 10 — психологическому и 4 человека — экономическому. Формы пережитого вне теракта насилия обычно сочетались.

Частично указанные виды насилия по отношению к женщинам и детям отражают национальные семейные (супружеские и родительско-детские) и поколенческие отношения в Северной Осетии, весьма распространенные в Республике до осени 2004 года и принимавшиеся практически всеми опрошенными как данность, как нормативное поведение близких, искренне заботившихся о будущем благополучии тех, по отношению к кому применялось насилие.

Очевидно, что и «чистым» насилием трудно назвать вековые национальные традиции физических наказаний в семье провинившихся детей и женщин, прежде воспринимавшиеся «воспитуемыми» как данность («Он строгий, но справедливый!»). Ведь о насилии принято говорить лишь в том случае, если сам человек воспринимает действия других людей в свой адрес как насильственные.

На наш взгляд, описанные нами в данной и прежних публикациях психологические факты могут быть использованы в процессе подготовки специалистов для работы с террористами, в процессе психологической реабилитации этих сотрудников и в целях профилактики у них ptsr-синдрома; а также для психологической диагностики и коррекции актуальных психологических проблем жертв насильственного удержания, представляющих одну из самых сложных категорий клиентов. Наконец, следует учитывать связь Стокгольмского синдрома с пережитым прежде опытом насилия жертвой: в противном случае у представителей органов дознания могут возникнуть трудности в атрибуции ответственности террористов за содеянное ими в ходе теракта.

Литература

1. Соловьев И.В. Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия. Оказание психологической помощи и психореабилитация [Текст]/ И.В. Соловьев/.- М.: ООО Август-БОРГ, 2000.- 237с.

2. Тащёва А.И. «АСО» - опросник для исследования межличностных взаимоотношений / Актуальные проблемы психологической диагностики. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРГИ, 2001, С. 252-278.

3. Тащёва А.И. Впечатления психологов о проблемах Беслана.//Российский психологический журнал, 2005, № 3, С.124-143.

4. Тащёва А.И. Подготовка субъекта для работы в экстремальных условиях: образ террористов /Материалы 5-ой Всероссийской научно-практической конференции «Личность и бытие: субъектный подход». – Краснодар: КубГУ, 2010, С.300-302.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ЭКСПРЕССИОНИСТСКОГО ТЕАТРА ДЛЯ ВЫРАБОТКИ УСПЕШНОЙ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тимофеева Т.

Психологический центр «Vitality», Рига, Латвия

timofeeva1501@gmail.com

Описывается опыт участия в исследовании возможностей применения методов экспрессионистского театра школ комедии дель-арте и гротесковых масок для продуктивной невербальной коммуникации в арт-терапевтической группе людей разного возраста, пола, культурной и социальной принадлежности, страны проживания, родного языка и языков общения. Исследование проводилось под руководством специалистов по актерскому мастерству в рамках Европейской программы непрерывного образования. Для автора наибольший интерес в этой работе представляло то, как методы подготовки актеров различных театральных школ коррелируют с задачами программ личностного роста: какие психологические процессы в этом задействованы, какие трансформации претерпевают участники и как эти методы можно использовать в работе практического психолога.

Каждый человек имеет свою систему отношений, обуславливающую его самосознание и взаимодействие с внешней средой: уклад семьи, духовные ценности, национальные и культурные традиции, социальный опыт, родной язык и другие языки общения. Очевидно, что речь — основной инструмент, который используют люди при коммуникации. Если же партнеры по общению говорят на разных языках, на авансцену выходит то, что объединяет людей на более первичном уровне — это тело. До Слова есть Тело. Так же, как метафора помогает глубже понять смысл письменной речи, наше тело визуализирует актуальное состояние внутреннего пространства человека. Овладевая сначала инстинктивно, а затем и сознательно специфическим языком тела, человек приобретает мощное средство для продуктивной стратегии и тактики контакта с другими людьми.

Любая театральная школа а priori неотделима от психологической работы. Актеры учатся понимать психологические процессы внутри себя и проявлять их в телесной и эмоциональной экспрессии. В свою

очередь, импровизация в пространстве сцены позволяет смоделировать подлинный контакт «здесь и теперь». И, наконец, в экспрессионистском театре психология и эмоции персонажа передаются именно телом, а не словами, что являлось критерием для выбора этого жанра в качестве основного метода по развитию навыков невербальной коммуникации.

Следует подчеркнуть, что чувствовать (проживать) эмоции и выражать их — суть различные понятия. Выражать эмоции — значит делать их доступными для понимания другими, то есть проявлять вовне процессы во внутреннем пространстве личности индивида. Однако, люди на протяжении всей своей жизни подвержены влиянию социума и следуют установкам, стереотипам, ограничениям в выражении своих подлинных эмоций и чувств. Проявление эмоций зачастую считается «слабостью» или демонстрацией низменных инстинктов и страстей. Актерский опыт помогает освоить навыки, помогающие искренне и адекватно общаться, не давая поводов для негативных реакций со стороны других людей. В результате снимаются страхи, зажимы, барьеры, препятствующие проявлению экспрессии.

Арт-мастерская состояла из следующих этапов: 1) открытие в себе животного начала; 2) переход от эмоций к движениям и взгляду; 3) маска — защита и опора внутреннего пространства личности; 4) переход от взгляда к встрече (контакту); 5) переход от встречи (контакта) к истории (случаю, ситуации).

Для снятия внутреннего контроля следует открывать в себе ребенка, что рекомендуют как различные психологические методики, так и духовные практики. Но прежде стоит «опуститься» еще на одну ступень ближе к природе — открыть в себе инстинктивное животное начало и через телесность «влезть в шкуру» своего «тотема». Возможно, так же на заре цивилизации примитивные народы интуитивно искали для себя образ животного, помогающего взаимодействовать с миром. Такой «тотем» может соотноситься и с архетипическим образом на уровне установления контакта с коллективным бессознательным. Открытие в себе животного — первый шаг к свободному самовыражению.

На втором этапе, проводилась работа с эмоциями, через их осознание на уровне движений тела, а также умение владеть взглядом. С помощью взгляда актеры со сцены входят в контакт с публикой. И так

же в житейском общении люди вступают в первый контакт именно взглядом.

На третьем этапе предлагался метод актерской работы с нейтральной маской. В этом случае нет возможности выразить эмоции лицом. Остается только тело и взгляд. Маска одновременно скрывает и освобождает, помогая открыть в себе новые ощущения и активизировать телесную экспрессию.

На четвертом этапе использовались возможности свободной импровизации в пространстве сцены: прожить и продемонстрировать базовые эмоции (радость, страх, гнев, грусть) так, чтобы зрители поверили в их подлинность. Затем моделировалась встреча персонажей, как и в реальной жизни, когда человек не знает, в какую ситуацию попадет в следующий момент, как он будет реагировать и действовать. В импровизации между партнерами устанавливается психологический контакт; происходит поиск критериев для сравнения; распределяются роли; с вхождением на сцену каждого персонажа действие может трансформироваться; или каждый персонаж останется в своей «истории» и т.д.

На пятом этапе в гротесковой манере моделировались и проживались на сцене ситуации повседневной жизни. Этот метод позволяет посредством преувеличения характерных черт персонажа добиться большей убедительности в его поведении.

В целом, можно сказать, что методы и приемы экспрессионистского театра — это мощное средство для визуализации эмоций и чувств человека через телесность.

Успешная коммуникация должна состоять из следующих этапов:

1) понять себя (идентифицировать свои эмоции и чувства и их телесное соответствие), 2) выразить себя и соответственно этому передать сообщение; 3) понять другого — идентифицировать его эмоции и чувства через внешние проявления; 4) принять его сообщение.

Выводы: Целью арт-терапевтической работы являлось исследование того, как можно использовать методы экспрессионистского театра для успешной коммуникации между людьми, говорящими на разных языках, и в силу этого не вступающих в вербальный контакт. Но автор, имея опыт работы с группами личностного роста, считает, что предложенные методы можно применять и в других психологических целях. В ходе программы участники претерпевали глубинные транс-

формации с личностным самораскрытием: раскрепощение, принятие себя и других, сплочение, раскрытие творческого потенциала, проявление скрытых возможностей, освобождение от эмоциональных конфликтов реальной жизни, развитие навыков владения своими эмоциями и чувствами через телесные проявления.

САМООЦЕНКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ

Тищенко Ю.В.

Брянский государственный университет им. И.Г.Петровского

С начала становления психологии и вплоть до 60–70–х годов прошлого столетия наибольшим, господствующим влиянием пользовались два направления в подходе к исследованию и пониманию развития человека. Западно-европейское и американское, основанное на вековых традициях протестантизма, признавало воздействие социального как очевидного, но отвергало его как чуждое и искажающее природу человека. Напротив, психология советская, рассматривала личность как направленный результат исключительно социальных усилий. В противопоставлении двух теоретических и исследовательских парадигм индивидуальные ценности терялись в индивидуализме только личных успехов и неудач или растворялось в автоматизме социальных норм и установок. Иные подходы к присвоению, «вращиванию» социального, сложнейшие механизмы осознания личностью общественных идеалов, воплощений этих идеалов в деяниях и произведениях великих людей, мотивов поступков (так определяет формы существования ценностей Д.А.Леонтьев) оригинально и плодотворно разрабатывались в трудах К.Г.Юнга, Л.С.Выготского и Дж.Г.Мида (20–30-е гг. прошлого века). На протяжении полувека кросскультурные исследования, гуманистическая психология, культурно-историческая психология вносили свой вклад в исследование проблемы взаимоотношений индивидуального и социального. А.Г.Асмолов, выражая изменение пансоциальной парадигмы конца XX века, пишет, что культура и общество суть не просто внешние условия, но материал индивидуального развития, которое заключается в их присвоении, превращении в собственное достояние, в элементы внутренней организации личности.

А.Бергсон, рассуждая о происхождении морали, говорит о ее рождении из дисбаланса индивидуальной, эгоистической направленности ума и общественного интереса. Бергсон видит мудрость природы в создании общественной морали, воплотившейся в формах обычая и религии, которая требует от человека подчиняться общественным требованиям и тем самым, путем приспособления к социальному окружению, преуспевать в нем. Если А.Бергсон отвечает на вопрос «Зачем нужна мораль?», то похожий ответ на вопрос «Зачем существуют ценности?» дает наиболее известный современный исследователь этой проблемы К.Клакхот: «Потому что без них жизнь общества была бы невозможна; функционирование социальной системы не могло бы сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не могли бы получить от других то, что им нужно в плане личных и эмоциональных отношений; они бы также не чувствовали в себе необходимую меру порядка и общности целей» [1].

Ценности — опорные установки для принятия решений и регуляции поведения; понятие, которое обозначает общественные идеалы и выступающие благодаря этому как эталон должного [2] — являются принадлежностью конкретной культуры. Общественные идеалы адаптируют принявшего их человека к конкретной ситуации жизнеустройства, обозначая нормы должного и устанавливая границы, за которыми поведение становится отклоняющимся от общественных норм, ценностей общества, то есть становится девиантным. В психологии, так же как и в социологии, политологии, причины многочисленных конфронтаций связывают с противоречивостью ценностей субкультур, существующих внутри определенной культуры.

Каждое общество в конкретный момент своей истории, через систему ценностей, задает моральный образец для каждого из своих членов. Широкой известностью в психологии пользуется модель развития морального сознания, принадлежащая Лоренсу Колбергу. Система ценностей развивается, выстраивается в иерархию по мере развития человека первоначально от подчинения Я внешнему давлению или авторитету до поступков, определяющихся собственным достоинством личности, своей совестью: «на том стою и не могу иначе».

По мере взросления самосознание ребенка наполняется разнообразными, новыми ценностями. Любовь и совесть – первые мораль-

ные чувства, благодаря которым ценности становятся личным достоянием человека. Несмотря на то, что почти сто лет назад, наиболее авторитетный психоаналитик, основатель этого направления З.Фрейд, писал о «нравственной ненадежности» человека, связывая ее с исчезновением совести как составляющей нравственного самосознания, именно совесть и в современной психологии признается стержнем к образованию «Я».

Путь освоения ценностей не является гладким и простым и противоречия между декларируемой и личной системой ценностей демонстрирует, ярко высвечивает этот сложный активный процесс освоения, который и является темой нашего исследования.

В нашем исследовании приняли участие студенты в возрасте 18-19 лет в количестве 60 человек. Была поставлена цель рассмотреть представления молодых людей о ценностях, которые, по их мнению, являются наиболее важными, полезными и значимыми в обществе (декларируемые ценности) и систему ценностей, которая является принадлежностью самой личности (ценности самосознания). Для изучения структуры ценностных ориентаций была выбрана методика ранжирования ценностных ориентаций, разработанная Н.М.Лебедевой. Нами была изменена инструкция. Первоначально респондентов просили проранжировать ценности, которые являются наиболее полезными, значимыми в обществе, а затем проранжировать ценности по степени важности для себя. Затем из полученных результатов ранжирования подсчитывались средние значения ценностей в группе и им присваивался ранг, отражающий положение ценности в ценностной системе представлений личности об обществе, а потом и в собственном самосознании.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Молодые люди, получающие высшее образование, придают большое значение ценности «знание, образование» как на декларируемом уровне, так и для себя лично (1-е ранговые позиции в обеих системах ценностей), несмотря на то, что ее реализация представляется им менее важным как общественным, так и личным делом (соответственно 6-я и 5-я позиции), нежели создание крепкой семьи (3-я позиция в обеих системах ценностей).

2. Ценность «богатство», несмотря на широкую рекламу ее в обществе, не афишируется открыто (5-я позиция в декларируемой системе ценностей), а в структуре собственного самосознания она и вовсе вытесняется (9-я позиция).

3. Ценность «уважение близких» занимает 8-ю позицию в декларируемой системе ценностей, что может свидетельствовать о безразличии к общественному мнению и 4-ю позицию в собственной структуре самосознания, что говорит о приверженности собственной семье и высокой значимости ее для себя.

4. Ценность «совесть» заняла соответственно 6-е и 7-е ранговые позиции, что свидетельствует о безразличии к нравственности как основе для регуляции собственного поведения; по-видимому, эту роль взял на себя внешний фактор — «семья», ценность которой занимает высокие ранговые позиции в обеих системах ценностей.

Результаты исследования показали — общественно значимые, декларируемые ценности собственного жизнеустройства и поддержки близких наиболее важны для молодых людей, в то время как противоречия в системе ценностей скорее всего отражают динамические особенности личности, стремящейся войти в общество взрослых на равных правах.

Литература:

1. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности//Вестник Московского университета, 1996. №4. С.35-45.

2. Психологический словарь/Под ред. М.Н.Смирновой. – Ростов-на-дону: Феникс, 2004. С.584.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ И ОСНОВА НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕДАГОГА

Фадеева Т.Ю.

Педагогический институт СГУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Сегодня толерантность является основой современного образования, ориентированного на гуманизацию, критический диалог и выступает составляющей нравственной культуры личности, обуславливающей отношение человека к миру и его поведение во взаимодействии с другими.

Сфера образования как социальный институт, закладывает мировоззренческие основы будущей толерантной личности ребенка. Педа-

гог в процессе профессионального взаимодействия не только осуществляет передачу знаний, формирование умений и навыков, но и оказывает психологическое воздействие на развитие обучаемых. Особую роль играет личность педагога, его индивидуально-психологические особенности, которые способствуют созданию атмосферы понимания и принятия участников образовательного процесса, то есть толерантность является важной характеристикой личности педагога, составляющей его нравственной и профессиональной культуры.

Следует отметить, что данная характеристика, с одной стороны, представляет собой многокомпонентное образование, в котором объединяются различные профессионально важные свойства личности, но, с другой стороны, она является интегративным, целостным качеством личности, в котором отдельные свойства личности взаимосвязаны и выступают как единое целое. Именно эта взаимосвязь и согласованность профессионально важных свойств личности педагога и позволяет вводить понятие «педагогическая толерантность».

Педагогическую толерантность мы рассматриваем как интегративную характеристику личности, в основе которой лежит система ценностных отношений, наличие внутренней установки на принятие всех участников образовательного процесса во всем разнообразии их индивидуальных различий. В качестве компонентов толерантности выступают социальная и психологическая толерантности, которые предполагают положительное отношение к отличиям «Другого» по социальным и личностным признакам на основе признания, понимания и принятия этих отличий.

Сущность педагогической толерантности выражается в построении социальных отношений с участниками образовательного процесса на диалогической основе и на основе понимания, признания и принятия их отличительных особенностей.

Помимо социальных отношений в структуру личности входят особенности проявления чувств и эмоций. Педагогическая деятельность насыщена разного рода стрессовыми ситуациями, связанными с эмоциональным напряжением, которое может возникать в ситуациях взаимодействия с учащимися, коллегами по работе, родителями учеников и пр. Эмоциональная устойчивость как особенность организации индивидуального поведения педагога в сложных или неблагоприятных условиях профессиональной деятельности достигается за счет

выработки специальных способов самоорганизации и самоуправления психическим состоянием.

Значимыми для человека становятся те отношения и способы деятельности, которые приобретают личностный смысл. В связи с этим у педагога должны быть личностно значимые установки на толерантное взаимодействие в образовательном процессе, на принятие другого человека таким, каков он есть, на взаимопонимание и взаимопомощь.

Содержание педагогической толерантности во многом определяется спецификой педагогической деятельности. А одним из условий эффективности любой деятельности является наличие соответствующих способностей к этой деятельности. Отсюда следует, что уровень и динамика развития педагогической толерантности, зависит от развития способностей к педагогической деятельности, от динамики овладения необходимой для педагогической деятельности системы знаний, умений и навыков.

Педагогическая толерантность предполагает высокий уровень развития нравственных качеств и имеет много точек соприкосновения с одной из главных составляющих профессионально-педагогической этики, а именно педагогическим тактом, что проявляется в уважение достоинства личности человека, отношение к его личности как к ценности, учет индивидуальных особенностей учеников для реализации воспитательных воздействий.

Толерантному педагогу свойственна развитая ценностно-смысловая сфера, которая влияет как на характер толерантного поведения педагога, так и на его результат, а главное, они являются источником формирования ценностных ориентаций школьников.

Нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение представлений студентов о ценностях жизни необходимых толерантному педагогу. В исследовании участвовало 132 студента факультета педагогики, психологии и начального образования Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Для выявления ценностных ориентаций была использована методика М. Рокича.

Результаты исследования показали, что с точки зрения студентов высокую значимость в системе терминальных ценностей толерантного преподавателя имеют: «уверенность в себе» (5,3), «жизненная мудрость» (5,1), «познание» (5,3), «развитие» (5,6). (В скобках указано место, которое занимает та или иная ценность в общей системе ценностей по

степени ее значимости). Низкую значимость имеют следующие ценности: «развлечения» (16,2), «материальное обеспечение» (12,3), «любовь» (11,5). Толерантный педагог, по мнению студентов, должен быть ориентирован на профессиональную самореализацию, а не на личную жизнь.

В системе инструментальных ценностей у толерантного преподавателя, по мнению студентов, должны преобладать: «терпимость» (3,9), «образованность» (5,3), «воспитанность» (5,8), чуть ниже по значимости стоят: «широта взглядов» (6), «самоконтроль» (6,6). Самую низкую значимость имеют: «непримиримость к недостаткам» (16), «высокие запросы» (12,2), «независимость» (10).

Следует отметить, что в результате проведенного нами исследования не выявлено существенных различий в представлениях о ценностных ориентациях толерантного педагога у студентов разных курсов. В представлениях студентов педагог с высоким уровнем педагогической толерантности должен строить свое поведение с ориентацией на благо всех участников образовательного процесса. Профессиональная деятельность педагога должна быть высоко нравственной, предполагающей понимание и принятие внутреннего мира другого человека, а не ориентированной на развлечения и материальное обеспечение.

Можно сказать, что высокий уровень развития педагогической толерантности, являясь основой нравственного профессионального поведения педагога, представляет собой особое профессионально важное свойство его личности. Проявляясь в профессиональной деятельности педагога, педагогическая толерантность, как особое свойство личности, способствует созданию оптимальных условий для развития личности и учащихся, и других участников образовательного процесса, в том числе самого педагога.

СОВМЕСТНАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНОСТНО-РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ДИСФУНКЦИЙ

Флоровский С.Ю.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Поиск надежных индикаторов тренда организационного развития принадлежит к числу «вечно актуальных» проблем прикладной психологии.

В этой связи целесообразно обратить внимание на механизмы личностной регуляции интеракционных процессов, протекающих на ведущих уровнях управления организациями. Онтологической формой интеграции этих процессов выступает совместная управленческая деятельность (СоУД) руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов. Операционально регулирующее влияние личностных свойств руководителей на СоУД может быть раскрыто в результате выявления и анализа значимых связей параметров личностной организации руководителей с такими интегральными характеристиками СоУД как продуктивность-непродуктивность, легкость-затрудненность, общая эффективность-неэффективность управленческих интеракций [1].

Как правило, личностно-обусловленные причины принятия-отвержения тех или иных конкретных руководителей в качестве партнеров по СоУД находятся вне зоны рефлексивного осмысления со стороны менеджерского сообщества организации. В то же время, эти личностные механизмы регуляции управленческого взаимодействия репрезентируют не только стабилизировавшиеся и «устоявшиеся» характеристики организационной культуры, но и тенденции организационно-культурного тренда, находящиеся в стадии формирования [2].

В данном сообщении представлены некоторые примеры латентно-регрессивных закономерностей регуляции СоУД руководителей производственных, торговых и финансово-кредитных организаций южно-российского региона, выявленные нами в период 2002–2008 гг., оказавшийся относительно благополучным практически для всех вошедших в выборку предприятий. В последующие годы можно было видеть, как сложившиеся ранее квазиоптимальные личностно-регуляторные паттерны СоУД обусловили низкую эффективность реагирования менеджмента организаций на «кризисные вызовы», – прежде всего из-за невозможности адекватной оперативной перестройки системы повседневных управленческих интеракций.

Ориентация руководителей как субъектов управленческого взаимодействия на дисбалансный вариант «решетки менеджмента». Совместная деятельность руководителей по управлению организациями устойчиво ориентирована на вариант модели «решетки менеджмента» с акцентированной направленностью на отношения и ре-

дуцированным стремлением к решению содержательных задач. Стабильно предпочитаемыми партнерами по взаимодействию оказываются руководители, ориентированные на отношения. Управленцы, сколь-либо явно придерживающиеся «задачной» ориентации, имеют репутацию «трудных и непродуктивных» в совместной работе и обычно «вытесняются» на периферию организационных процессов.

«Приватизация» ценностных ориентаций руководителей как фактор их успешной интеграции в управленческое сообщество организации. На протяжении последних двух десятилетий происходит существенное усиление роли «приватных» ценностей (материальное благополучие, семья, счастье близких людей и др.) с точки зрения обеспечения общего уровня функционально-ролевой приемлемости руководителями друг друга в качестве субъектов СоУД. Данная категория ценностей всё более отчетливо выполняет маркерную функцию, позволяющую руководителям дифференцировать партнеров по принципу «свой/чужой» с точки зрения легитимности и закономерности их принадлежности к «управленческой элите» организации. Таким образом, способность «позаботиться о себе» оказывается неотъемлемой частью прототипического образа «правильного руководителя», сложившегося в современном российском менеджерском сознании. Как следствие, наблюдается активное «вымывание» с ведущих уровней организационно-управленческой иерархии руководителей с просоциально-ориентированными «нестяжательскими» ценностями.

Выраженность карьерных ориентаций как фактор дестабилизации отношений в системе «руководитель-руководитель». Выбор «управленческого вектора» профессионализации объективно ориентирует личность на «вертикальную» карьеру, поскольку именно должностной рост является интегральным показателем состоятельности человека в качестве субъекта управленческой деятельности. В то же время, большинство корреляций между интегральными характеристиками управленческого взаимодействия и карьерными ориентациями руководителей носит отрицательный характер. Это свидетельствует о латентной напряженности и недоброжелательной настороженности по отношению к менеджерам более или менее явно ориентированным на «делание карьеры» — вне зависимости от того, во имя и ради чего они стремятся к статусному продвижению.

Примитивизация критериев формирования руководителями высшего ранга своего окружения. В концепции «вертикального диадического обмена в организационном лидерстве», предложенной известным американским социальным психологом Д. Греном [3], были выявлены критерии дифференциации руководителями высшего ранга подчиненных им управленцев среднего и первичного звена на «своих» и «не своих» людей (ин-группу и аут-группу, соответственно). Это оказались следующие параметры субъективной категоризации менеджеров: 1) компетентность и квалификация подчиненных; 2) допустимая степень доверия к ним; 3) готовность принимать на себя ответственность. В наших исследованиях вырисовывается существенно иной «психологический портрет» руководителя среднего звена, имеющего наибольшие шансы на вхождение в ин-группу менеджеров более высокого ранга. Он включает в себя следующие черты: снижение уровня субъективного контроля над значимыми событиями в области производственных отношений; выраженность мотивационной тенденции избегания неудач; низкую личностную значимость ценностей самостоятельности, независимости, повышения уровня образования и общей культуры; дефицитарность эмоционального самоконтроля, слабость «Я», тревожность, неуверенность в межличностных отношениях; ограниченность лидерских притязаний, предпочтение субдоминантной, зависимой позиции в интерперсональном взаимодействии; недостаток социальной опытности, проницательности и т.д. Иначе говоря, руководители высшего управленческого ранга российских организаций отдают предпочтение в качестве партнеров по повседневному деловому общению не активным, инициативным, предприимчивым, стремящимся к повышению уровня профессиональной компетентности и личностного роста, а более «удобным» и «управляемым» с точки зрения ситуационного взаимодействия менеджерам среднего звена.

Подводя итоги, можно констатировать, что одним из самых серьезных вызовов управленческому сообществу организации выступает вызов со стороны латентной «регулятивной энтропии», выражающийся в формировании личностно-регуляторных паттернов, обуславливающих появление и консолидацию деструктивных сценариев совместной управленческой деятельности. Перспективным направлением психологической поддержки управленческих групп и команд выступает по-

мощь в построении системы стабилизирующей детерминации повседневных управленческих интеракций, способной противостоять действию этих энтропийных тенденций.

Список литературы

1. Флоровский С.Ю. Социально-психологическая оценка и мониторинг управленческого взаимодействия руководителей в организационном консультировании // Методология, теория и практика профессиональной деятельности психолога-консультанта: Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. С.В. Петрушина. Казань: Отечество, 2009. С.467-472.

2. Флоровский С.Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей как предиктор организационного развития // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. С.В. Петрушина. Казань: Отечество, 2009. С.41-44.

3. Graen G.B., Uhl-Bien M. Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective // Leadership Quarterly. 1995. №6. P.219-247.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АНТИЦИПАЦИОННОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ, НА ПРИМЕРЕ БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ

Фролова А.В.

*Зав.каф. общей и практической психологии, доцент, к.пс.н.,
Татарский Государственный Гуманитарно–Педагогический Университет г. Казань.*

В настоящее время в научном пространстве активно обсуждается проблема исследования антиципации и вероятностного прогнозирования. В психологии существует точка зрения, что любое поведение, в том числе и речевое поведение, невозможно без вероятностного прогнозирования.

В психологии существует точка зрения, что поведение человека, и в том числе речевое поведение, в определенной степени опирается на вероятностное прогнозирование. В психологии антиципация речевой деятельности неоднократно рассматривалась в работах И.Зимней, Д.Фрая, 1958, П.Динза, 1958, Р.Фрумкиной и др. Термином «субъективный прогноз» применительно к речевой деятельности обозначается способность человека использовать свой прошлый опыт для прогноза

предстоящей ситуации и преднастройки соответствующих речевых механизмов к действию, то есть к порождению и восприятию речи. В этой связи необходимо отметить, что в речи происходит произвольная опора индивида на его предшествующий опыт при восприятии нового и при взгляде на ранее известное. Фундаментальный постулат теории Дж.Келли изложен следующим образом: деятельность человека психологически канализируется в соответствии с тем, как он антиципирует события», построение «потребного будущего» (термин Н.Берштейна), по утверждению В.Ф.Петренко., О.В.Митиной, возможно только по тем конструктам, которые представлены в индивидуальном сознании. Келли вводит понятие смыслов, подчеркивая, что смыслы как и конструкты, не извлекаются из действительности; они конструируются нами и накладываются на нее. Смысл обусловлен средствами, с помощью которых антиципируются события, можно утверждать, что через посредство вербальных и воображаемых символов люди преобразуют и сохраняют опыт в репрезентативной форме, что является руководством для будущих действий.

Однако действительные механизмы вероятностного прогнозирования в речевой деятельности при психопатологии до сих пор остаются невыясненными. Между тем, способность к прогнозированию является одним из компонентов психологически здоровой, устойчивой к жизненным невзгодам, умеющей преодолевать жизненные трудности личности. Нарушение способности к вероятностному прогнозированию и антиципации детерминирует социальную дезадаптацию. Можно предполагать, что одним из важных механизмов формирования девиантных форм поведения становится механизм, основанный на антиципационной (прогностической) несостоятельности человека. Речевая деятельность, по мнению М.Хайдеггера, как опыт мира — не только среда, в которой человек вырастает, но и средство его связи с миром и отношения к миру, следовательно, исследуя антиципационную состоятельность в речи, можно диагностировать способности к предвосхищению событий, умение прогнозировать развитие ситуаций. Логично предположить, что антиципационная несостоятельность детерминирует высокий уровень тревожности. Высказанное предположение о тесной взаимосвязи антиципационной несостоятельности и эмоциональной неустойчивости было подвергнуто эмпирической проверке. В

качестве методов диагностики использовались: шкал Готтшалка – Глезера, тест фрустрационной толерантности Розенцвейга (модификации В.Д.Менделевича), методика Эббингауза. Контент-шкалы Готтшалка – Глезера позволяют оценить выраженность в речи таких состояний как тревога, агрессия, депрессия, поскольку назначение данного метода – оценка отражения в речи эмоциональных состояний, методика Эббингауза или методика пропущенного пробела, исследует не только скорость мыслительных процессов, продуктивность мышления, критичность, но и адекватность выбора лексических единиц, особенности вероятностного прогнозирования. В исследовании были использованы специально разработанные анкеты, в их основу положен принцип свободных формулировок. В исследовании принимали участие 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет, больных наркоманией, находившиеся на стационарном лечении в психиатрической больнице г.Казани. Наряду с количественным анализом эмпирических данных осуществлялся качественный анализ экспериментальных результатов. Лексико-семантический анализ толкований качеств личности с помощью шкал Готтшалка – Глезера показывает что рассматриваемые испытуемые достоверно ($P \leq 0,001$) отличаются по типу актуализируемой в толкованиях тревоги, агрессии и депрессии. Также испытуемые отличались по типам вероятностного прогнозирования. В целом у обследованных лиц были выделены три типа вероятностного прогнозирования: моновариантный, не более 1 ответа на одно задание, нормовариантный, от 2 до 3, «поливариантным» (более 3). У респондентов распределение по типам вероятностного прогнозирования было следующим: моновариантный прогноз выявлялся в 35,0 %, поливариантный 43,4 %, нормовариантный в 21,0 %. Анализ определений в группе испытуемых показал, что чаще встречаются высказывания связанные с тревогой физического неблагополучия (боязнь умереть от болезни, передозировки, получить увечье. Больные наркоманией с тревогой физического неблагополучия отмечали, что они анализировали возможный исход событий собственной жизни и всегда в качестве привилегированного рассматривали наихудший. 23,0 % испытуемых первой группы демонстрируют употребление высказываний, связанных с тревогой разобщения (высказывания об оставлении заброшенности, утрате поддержки). Выявленные показатели тревоги разобщения и тревоги физического неблагополучия

гополучия тесно ($P \leq 0,001$) коррелируют с «моновариантным» (не более 1 ответа на одно задание) типом прогнозирования. У испытуемых этой группы было выявлено нарушение смысловых связей, а также меньшее число смысловых гипотез. Респонденты настаивали на том, что в подобной ситуации возможен один вариант ответа, у испытуемых выявлена антиципационная несостоятельность на уровне смысла, на уровне предугадывания развития хода мысли говорящего, развития смысловых связей. Высказывания об осуждении, моральном неодобрении, о чувстве вины, о насмешках, неполноценности, стыде смущении, унижении, чрезмерное выделение недостатков личного характера», а также «плохое предчувствие», «ожидание беды» встречается достоверно чаще в определениях испытуемых с «поливариантным» прогнозом. Проявление в толкованиях тревоги социального неодобрения наблюдается у 41,0 % респондентов первой группы значимо коррелируют ($P \leq 0,001$) с «поливариантным» (более 3) прогнозом. В этом случае испытуемые давали множество разнообразных ответов (эта особенность касалась рисуночной ситуации и методики пробела). Характеристикой этой подгруппы стало наиболее большее количество «разветвленных» ответов, когда испытуемый в отношении каждой детали дает по несколько разнообразных вариантов, испытуемые с поливариантным типом прогнозирования ситуации использовали подменяющий вариант ответа, то есть вместо фраз собственного сочинения испытуемых воспроизводили ассоциативно связанное с текстом содержание книги, фильма и т.д. У данных испытуемых появлялись множество вариантов предположительных ответов, при этом адекватные варианты прогноза растворялись во множестве маловероятных прогнозов. Отрицание «внутренней реальности», неспособность управлять своими аффектами, аддиктивный паттерн поведения — «всё зависит от того, что происходит во внешнем мире», вероятно, приводят к тому, что 16,1 % больных наркоманией высказываются о том, что «другие люди» разочаровывают, обманывают, проявляют жестокость. Отметим, что испытуемые данной группы определяют окружающую среду как «злую, бездушную» и т.д. Для этих испытуемых был характерен моновариантный вариант прогноза («только так и не как по-другому»). Выяснилось, что у респондентов с актуализацией высказываний по шкале депрессии достоверно ($P \leq 0,001$) чаще встречались речевые неясности, логи-

ческая несвязанность частей рассказа, являющаяся признаком утраты смысла понятий. Для испытуемых этой группы были характерны использование в речи штампов, неоконченных фраз, возрастание нерелевантных повторов.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что испытуемые использовали ряд особенностей в построении прогностического процесса, которые проявлялись в трудностях с выбором вариантов предположительного ответа, извлечения из семантической памяти слов, сложностью подбора правильных лексических единиц. Можно утверждать, что особое аффективное «отношение» к вербальным характеристикам речи близко к собственному эмоциональному состоянию испытуемых. Установлено, что средством структурирования опыта, смысла и объективизации его в симптоме является речевая деятельность. Таким образом, изучение вероятностного прогноза в речевой деятельности позволяет получать неочевидную информацию о нарушениях «целостной деятельности», несогласованности внутреннего опыта, и может быть определена как лингвистическая терапия или, по Л. Витгенштейну — терапия тщательным анализом речи.

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ДИССОНАНСА

Халитов Р.Г., Юсупов И.М.

*Институт педагогики и психологии профессионального образования
РАО (г. Казань), Институт экономики, управления и права (г. Казань)*

Изменения в окружающем социальном мире сегодня происходят быстрее изменений в представлениях человека о нем. Адаптация к социальной среде — это адаптация к нормам социальной группы, нормам большинства; нормы социальной среды определяют, какими психологическими характеристиками должен обладать человек, какое поведение он должен выстраивать, какими должны быть его взгляды и представления. Соблюдение норм социальных групп создает устойчивое комфортное состояние человека в них, нарушение этих норм приводит к психосоциальному диссонансу. Одной из распространенных концепций когнитивной психологии является теория когнитивного

диссонанса американского психолога Леона Фестингера (L. Festinger, 1957), согласно которой когнитивная структура человека характеризуется столкновением противоречивых знаний об объекте; такое состояние переживается человеком как дискомфорт, от которого он пытается избавиться путем трансформации одного из компонентов диссонирующих знаний [9]. В.П. Трусов, проведя критический анализ теории когнитивного диссонанса, указал лишь на одну детерминанту условий возникновения когнитивного диссонанса — на недостаточное оправдание своего поведения (В.П. Трусов, 1980) [5]. Экспериментальные исследования социальных установок не позволяют предсказывать поведение человека по причине недооценки «социальных сил» любой ситуации и переоценки контролирующего влияния внутренних, личностных ресурсов индивида. Под социальными силами понимаются групповые нормы и групповое давление: стремление к единодушию, стремление быть привлекательным, быть принятым в группе, влияние последствий поступка и т.п. Все эти силы действуют только в реальной ситуации, значительно изменяя поведение, что подтверждают многочисленные эксперименты (например, исследования конформного поведения (S.E. Asch, 1951), подчинения авторитету (S. Milgram, 1968), когнитивного диссонанса (L. Festinger, 1957), роли анонимности в поведении (P.G. Zimbardo, 1969)) [5]. Учитывая различные побудительные причины того или иного поведения индивида в группе, социальные силы, а также характерные для ситуаций взаимодействия индивида и группы противоречия, мы вводим понятие психосоциального диссонанса. Психосоциальный диссонанс — это несоответствие представлений субъекта взаимодействия нормам социальной группы (общества), которое может привести к психическому напряжению, стрессу, психосоматическим заболеваниям, девиациям, или же к развитию человека — выходу на новую ступень, созданию новых психосоциальных конструктов. Любые требования социальных групп, общностей, общества способствуют возникновению состояний напряженности, что связано с социальным сравнением, оценкой, соблюдением норм той или иной социальной группы. При совпадении нормативных характеристик личности и группы происходит идентификация с группой, в противном случае, при несовпадении представлений о нормах (формальных и неформальных) возникает психосоциальный диссонанс. Актуальной ста-

новится теоретическая разработка различных аспектов феномена психосоциального диссонанса и его роли в развитии субъекта взаимодействия, его диагностика в больших и малых социальных группах, а также количественное измерение и построение структурных и численных моделей психосоциального диссонанса, что в дальнейшем позволит возникающую в данном случае психическую напряженность перенаправить от психосоматических психических нарушений на творчество, развитие субъектов взаимодействия. В этом и заключается смысл психотерапии: в осознании и изменении представлений клиента.

Психофизиологические обоснования психосоциального диссонанса заключаются в следующем. Известны области мозга, где сконцентрированы детекторы ошибок, именно они активизируются при ответе, который сам отвечающий считает неправильным. Это механизм, который следит, чтобы ваши действия были «правильными», соответствовали стереотипам. Детекторы ошибок были открыты Н.П.Бехтеревой и В.Б.Гречиным в 1968 году, о которых в последнее время было много публикаций [2]. С другой стороны, с точки зрения положений НЛП люди не просто входят в транс и выходят из него. Они плавно переходят из одного транса в другой. У них есть рабочий транс, семейный транс, транс вождения, транс родительства и целая коллекция проблемных трансов. Основная характеристика транса — его стандартность. Это повторяющееся или привычное состояние, способ, которым мы учимся. После рождения человеческий мозг очень быстро учится делать поведение автоматическим. Мы учимся путем повторения. Если мы что-либо сделали достаточное количество раз, в нашем мозгу сформировались соответствующие нейронные связи. Каждый нейрон учится связываться и взаимодействовать со следующим. Таким образом, поведение «устанавливается» [с. 24, 1]. Психотерапия НЛП основано на изменениях представлений клиентов, о чем свидетельствуют приведенные ниже цитаты. «Мы как человеческие существа не можем непосредственно воздействовать на мир. Каждый из нас создает представление о мире, в котором мы живем. Мы создаем карту или модель, на основании которой формируем свое поведение. Наше представление о мире в значительной степени определяет то, каким будет восприятие мира, как мы будем существовать в нем, какой выбор увидим перед собой в процессе жизни в этом мире ... изменили способ

восприятия мира, свои убеждения ... в некоторых случаях благодаря внушению меняется не только клиентивный опыт, но и физиология человека» [с. 24, 1]. «... у моих пациентов произошли психофизиологические, химические и ментальные изменения, которые могли сохраниться на всю оставшуюся жизнь, просто потому, что они научились иначе использовать собственный мозг. Реальные, долгосрочные перемены осуществляются на нейрохимическом уровне» [с. 164, 1]. «Проблемы кроются внутри «скрытой» системы представлений. Мы должны понимать, что, помогая людям расширить осознание системы представления, мы также открываем для них ресурсы, которые ранее ускользали от их сознания. ... человек сместивший сознание с одной системы представления на другую, глубоко изменил свое сознание» [с. 180, 1]. «Исследование мозга позволило нам узнать, что в состоянии гипнотического транса в мозгу человека происходят реальные изменения. Техника воздействия на электрическую активность мозга с помощью различных устройств, для которых я создал целый ряд программ, также помогает индуцировать конкретные изменения состояния с помощью света и звука» [с. 192, 1].

Предлагаемая нами вероятностная модель психосоциального диссонанса опирается на концепцию В.В.Налимова о возможности вероятностного описания психических явлений (Налимов, 1981) [4]. Рассмотрена возможность построения модели, описывающей возникновение представлений субъектов групп как распределение вероятности (частоты) их проявления, например, представлений о самом себе. В частности, этими представлениями могут быть характеристики психики личности, определенные через тестирование, т.е. через высказывание тестируемого о своих представлениях. Статистическое распределение большинства социальных явлений имеет нормальный закон. В случае другого закона распределения логика и алгоритм получения формул для определения диссонанса остается той же. Предложена и описана математическая модель психосоциального диссонанса в случае нормального распределения. Коэффициент психосоциального диссонанса для каждой i шкалы задается математическим выражением $K_i = (X_i - X_{i\text{cp}}) / \sigma_i$, который количественно определяет отношение к статистической норме (норме большинства). Если $-1 \leq K_i \leq +1$, то представление X_i находится в границах нормы, в иных случаях интерпретируется как выход за границы

нормы. Таким образом, коэффициент психосоциального диссонанса описывает диссонанс между личностью и группой. Модель может быть построена для разных социальных групп: от малой группы (например, семьи) до общества в целом (популяции). В данном случае средние величины наших переменных могут быть определены посредством измерения значения переменной для каждого субъекта по статистическим показателям репрезентативной выборки в социальной группе. Групповой психосоциальный диссонанс есть сумма всех вероятностей в диссонансной области — это интегральная вероятность, характеризует группу в целом и является групповой, интегральной психосоциальной характеристикой. Получены математические формулы для определения межгруппового диссонанса. Были проведены эмпирические исследования, показавшие состоятельность математической модели [3, 6 - 8]. Из самой модели следуют три принципа: относительности, инертности, вероятности, а также четырехуровневая модель структуры психических явлений, на которых базируется теория психосоциального диссонанса.

Введение понятия психосоциальный диссонанс и создание математической его модели позволяют расширить возможности психологических исследований в разных областях гуманитарных наук и психологической практике. Например, в семейно-психотерапевтической практике диагностика психосоциального диссонанса позволяет установить рассогласование членов семьи в их представлениях о семейных ориентирах (целях, ценностях и т.п.).

Литература:

1. Бендлер Р. ТРАНСформация: Как использовать гипноз для изменения жизни к лучшему / Ричард Бендлер. – М.: Эксмо, 2010. – 384 с.
2. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н.П.Бехтерева. – доп.изд. – М.: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Сова, 2010. – 383 с.
3. В.В.Васина В.В., Халитов, Р.Г. Нелинейная модель психосоциального диссонанса как характеристика взаимодействия личности, социальных групп, общества / В.В.Васина, Р.Г.Халитов // Городское здравоохранение – 2009.-№ 2. – С.23-25.
4. Налимов В. В. О возможности метафорического использования математических представлений в психологии // Психологический журнал. Том 2, № 3, 1981.
5. Трусов В.П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов: По материалам зарубежных экспериментальных работ / В.П.Трусов // Под ред. В.А.Ядова, Н.В.Кузьминой. – Л., Изд-во Ленингр. Ун-та, 1980. - 144 с.
6. Халитов, Р.Г. Модель психосоциального диссонанса в половозрастных социальных группах (на примере коммуникативно-волевых компонентов психики) / Р.Г.Халитов // Экспериментальная психология, 2010. - № 3. - с. 135 – 146.
7. Халитов Р.Г., Юсупов И.М. Нелинейная модель психосоциального диссонанса / Р.Г.Халитов, И.М.Юсупов // Вестник ЛГУ. – 2009. - № 3. – с. 140 – 148.

8. Халитов Р.Г., Юсупов И.М. Психосоциальный диссонанс: понятие и модель / Р.Г. Халитов, И.М. Юсупов // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А.Барабанщикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 888 с. (Интеграция академической и университетской психологии) – с. 743 – 747.
9. Festinger L. A theory of cognitive dissonance / L.Festinger - Stanford, 1957. – 396 P.

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

Хинканина А.Л.

Марийский государственный технический (г.Йошкар-Ола)

В большом многоэтажном здании науки психологии, пожалуй, именно психотерапия представляет собой тот камень, который, как метафорически заметил Л.С.Выготский, призревают строители. Удивительно, но именно психотерапия и, соответственно, психология открыли новое представление о человеке через слово, понятие, категорию знания – личность. Кажется, все согласны, что личность — это способ жизни и действия в этом мире, проявляющийся в свободном и творческом определении своего места в сообществе, в самостоятельных поступках, в принятии ответственности за последствия своих социальных деяний. Собственно, именно совместная жизнь с другими людьми приводит к появлению личности как интегральной характеристики человека. Кроме того личность — это всегда определенная позиция, принимаемая или формируемая человеком в процессе свободы выбора.

В современном гуманитарном знании тема личности является зоной повышенного интереса к внутренним, психическим и духовным возможностям человека в условиях меняющегося и ожесточающегося мира. Можно заметить, что большее количество печатных изданий по теме личности и ее развития представляет собой не научное, а в лучшем случае практико-ориентированное знание, цель которого приспособить современного человека к повышенным требованиям сегодняшнего дня.

Еще выше запросы к личности психолога и психотерапевта. Как наработать профессиональный уровень, названный Э. Уильямсом «клиническая мудрость»? Как стать единичным и, в то же время, иметь достаточный для профессионального существования и развития уровень безопасности? Конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности представляет собой мощную мотивационную силу в жизни психолога. Дихотомия «свобода-безопасность» - этот уни-

версальный и неизбежный факт бытия человека - обусловлена экзистенциальными потребностями личности. Идеальный способ ее связи с миром осуществляется благодаря «продуктивной любви», помогающей людям трудиться вместе и в то же время сохранять свою индивидуальность. Если потребность в установлении связей не удовлетворена, большая вероятность для личности стать нарциссичной: отстаивать только свои (эгоистические) интересы и не доверяться другим.

Профессиональная среда психологов является достаточно закрытой системой и, кроме того, даже высокий уровень внутренней рефлексии не дает возможности проводить широкие экспериментальные исследования изменений личности психолога в процессе его деятельности. Приятно считать, что такие изменения происходят, как в позитивном русле, так и в негативном варианте, например, в синдроме профессионального выгорания (СПВ). Для того, чтобы сохранить устойчивость в профессии необходима стабильная и постоянная опора для объяснения сложности мира и система ориентации. «Наиболее практичная вещь — это хорошая теория, потому что она позволяет вам сориентироваться в своих дальнейших действиях», - считал К. Левин.

Когда еще не было теорий, и они только создавались, психологи себя таковыми еще не именовали и не знали, что такое «синдром профессионального выгорания», существовали проверенные способы обретения точек опоры в новой для культуры и цивилизации деятельности – помощи людям в обретении душевного комфорта и здоровья. Отец-основатель психоанализа всегда опирался на свою семью и на таких же принципах старался строить психоаналитическое сообщество. Несмотря на то, что самые любимые и перспективные для развития психоанализа ученики покинули, предали своего наставника, остались те, кто, не хватая звезд с неба, просто поддерживали своего любимого учителя присутствием на лекциях, посещением «средовых» собраний и, конечно, материально, насколько это было возможно в послевоенной Австрии.

В.Франкл для объяснения способности личности к самотрансценденции и к самоотстранению в условиях, когда свобода ограничена и реализуется благодаря личностным ценностям, ввел категорию «сверхсмысл». Сверхсмысл поддерживает человека в ситуациях выживания вопреки складывающимся неблагоприятным и безнадежным ситуациям. Цель свободы человека в этих условиях состоит в свободном

принятии ответственности за решения, определяющие его судьбу. Если не видно своей цели и своего смысла, следует найти его рядом с собой, в нуждающихся в помощи людях. Эта идея отражала представление В.Франкла о том, что глубинная психология есть психология высших смыслов и называл ее «вершинной».

Интересно, но именно такое название психологии давал Л.С.Выготский. Высшее как ключ к познанию и преобразованию низшего – главный императив его жизни. Этот подход стал главным методологическим инструментом ученого в исследовании развития феноменов психики человека и культуры. Он изучал феномены психики, сначала анализируя «высшее» — психологию искусства, как развитую форму человеческой деятельности - творчество через обращение личности к чувствами и эмоциональному общению людей в пространстве культуры и истории. Затем распространял его на область исследования «психологической обыденности» — простейших психических явлений. Ученый считал, что воздействие искусства является средством преобразования личности, которое вызывает у нее «огромные и подавленные и стесненные силы». Катарсис, как эффект преобразования и просветления чувств, представлялся им как не только изживание подавленных аффективных влечений, освобождение через искусство от «скверны». Это, скорее, как решение некоторой личностной задачи, открытие более высокой, более человеческой правды жизненных явлений, ситуаций. Л.С.Выготский не был психотерапевтом, но вся его жизнь свидетельствует об оказании душевной поддержки людям, окружавшим его.

**ТРАНСМОДАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД К ОПТИМИЗАЦИИ
БАЗОВЫХ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ)
СХЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Хохлова Л.П.

институт психологии и педагогики г. Москва

Базисная проблема современной социальной практики — стремительно ускоряющаяся изменчивость среды жизнедеятельности людей и связанное с этим возрастание сложности формирования и под-

держания в обществе порядка, обеспечивающего условия безопасности и благополучия человека на его жизненном пути. Главная проблема нашего времени — несостоятельность традиционных подходов и технологий социального управления. Государственная машина уже не может обеспечивать надежную защиту прав граждан, обуздать разрушительную силу таких социальных патологий как организованная преступность, терроризм, коррупция, нелегальная экономика, алкоголизм, наркомания и др. Наблюдаемый психологический феномен внешней и внутренней хаотизации происходит вследствие обострения скрытых процессов структурного дрейфа различных онтологий мышления, которые имеют свое историческое происхождение. Наезд друг на друга античной, средневековой и современной парадигм онтологического мышления привел к несостоятельности «рыночных» регуляторов социальных отношений, дискредитации принципа социальной солидарности, обвала субкультуры, нравственной разнузданности, культа насилия. В субъектном мире человека возникли диспозиции, как разрывы привычного хода событий и на глубинном психическом уровне возникли противоречия между потребностью следовать традициям и необходимостью быть контекстуально адаптированным и проявлять свою индивидуальность.

Так уж устроено мышление человека, что оно стремится стать онтологическим, соразмерным бытию, ухватывающим закон или порядок его существования[1]. Схватывание мышлением бытия происходит через выделение в нем сущего, главного (Arhe). При этом необходимы условия для создания онтологии — своего рода имплицитной теории субъекта, которая выступает в качестве смыслообразующего центра, ядра или мейнстрима протекающих в мире процессов. Управление целостной динамикой образования смыслового ядра (Arhe) и образованием переходов от одного Arhe к другому ныне является необходимой потребностью каждого субъекта. М.Хайдеггер построил путь от онтологического мышления к бытию через вопрошание о смысле последнего. Само выпрашивание обращалось к “присутствию” данного бытия в лице “присутствия”. Эти способности человека выступать в качестве субъекта “собирающего” мир и тем самым, восстанавливающего его целостность, являются инновационными в условиях обострения противоречий между различными онтологиями. Производство своего

присутствия в наше время столкнулось с появлением объективных и субъективных точек и областей разрыва между устоявшимися и возникающими инновационными видами деятельности и коммуникациями. При наличии потребности создавать и внедрять инновационные идеи, проекты происходит столкновение всевозможных форм онтологического мышления, обратной стороной которого являются конфликты и терроризм. Столкновения этих форм происходят как внутри сознания человека, так и групп людей и это неизбежно. Но что можно сделать в этом движении, как оптимизировать процесс нового формообразования? Мышление современности стало проектирующим, конструктивным, развивающим и, осознав свои способности, позволило превратить в предмет собственного проектирования все, включая *Arhe*. Развернутое онтологическое мышление предполагает теперь способность строить всеобщие идеальные порядки, втягивать в них новые объекты и события, задавать их интерпретации и имена, связывать с категориями и трансценденциями. В идеале — это стремление ухватить мир как целое, полное, нечто связанное и системное предполагает навыки смыслообразования и смыслостроительства. Мышление в своей тенденции должно стать настолько мощным и трансмодальным, способным удерживать в себе предельность и беспредельность, способным найти место и оценить значение любой предметности. Но таковым его надо сформировать, а пока оно содержит как контурно-размытую неупорядоченную когнитивность, аморфную в своих соположениях, влекущую рецидивы варварского сознания, плохо сочетаемую с логически твердой, и порой ригидной упорядоченностью, неспособной к диалогу с различными внутрисубъектными структурами.

Онтологическое мышление и онтологически фундированные практики открыты к взаимодействию и могут как взаимообогащаться, так и конфликтовать между собой. Это варианты устранения чужой онтологии (терроризм), либо варианты поглощения чужого мышления и чужой практики, либо альтернатива создания более сильного центра смыслообразования. Следовательно, построение инновационных проектов и внедрение создаваемых продуктов требует специализированного психологического сопровождения и поддержки субъектов в условиях коммуникативного кризиса онтологий мышления и внутрисубъектных структур. Социогуманитарное сопровождение инноваци-

онного развития в трансмодальной субъектной психологии предполагает осуществление психодиагностических измерений, сочетающих номотетические и идеографические подходы, так и развивающие онтологическое мышление способы, позволяющие построить предельно широкую и мощную онтологию, обеспечивающую втягивание и переинтерпретацию всех возможных объектов мышления и деятельности. В качестве основной парадигмы осуществления такой работы выступает введение нами параметров гомогенности–гетерогенности структур сознания как основополагающей конструкции многомерности инновационных процессов. В этой связи мы используем понятие трансуровневого субъекта, который обеспечивает производство присутствия в условиях неопределенности и осуществляет трансуровневый петлеобразный детерминизм в коммуникации с деструктивными недискурсивными интуитивно-целостными объектами, находящимися как вовне субъекта, так и внутри него самого. Такие деструктивные объекты обычно сцеплены с имплицитной агрессией и тревогой и несут тенденции разрушения, но если выстроить с ними целостно-динамические диалоги, нацеленные на приращение, то появляется возможность получить доступ к имплицитным логикам разнообразных структур, которые выступают как континуум потенциалов. (Метод трансуровневого резонанса изоморфных когнитивных схем). В результате разупорядочивания появляется возможность получить доступ к набору альтернатив, пригодных к реализации на последующем витке системообразования. Иначе говоря, в этом процессе деструктивный результат на стороне гетерогенного объекта становится конструктивным на стороне трансуровневого субъекта. Трансуровневый субъект, находясь в гетерогенном (неопределенном) разноуровневом состоянии, используя гетерогенные (неопределенные) средства коммуникации возбуждает петли обратной связи в коммуникации с деструктивным объектом и получает инновационный результат (Тр.S-----Гтср---- Деструктивный ГтО).

Переход от устаревшей онтологической реальности (проблемной) к новой онтологической реальности (результативно-целевой) всегда сопровождается кризисом перестройки когнитивной конфигурации гомогенных и гетерогенных структур. Кризис связан с перепроизводством гомогенных субъектных конфигураций (прежняя онтологи-

ческая реальность исчерпывается — все накатано) и субъективной невозможностью переработки гетерогенных, содержащих потенциал развития и адреналин структур. В этом случае необходимы: 1. Психологические исследования дрейфующих внутренних субъектных структур, 2. Моделирование структурного дрейфа гетерогенных структур в процессе групповых занятий. В этом случае, агрессия и сопряженные с нею события начинают работать на сборку целесообразного инновационного события.

Литература:

1. Хайдеггер М. Бытие и время. - М.-Ad.Marginem, 1997. С.11.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРИХОКОРРЕКЦИИ У СОЗАВИСИМЫХ ЛИЦ**

Царегородцева С.А.

*АНО ВПО «Межрегиональный открытый социальный институт»,
Республиканский клинический госпиталь ветеранов войн,
г. Йошкар-Ола, РМЭ*

Общественные перемены всегда сопровождаются социальной дезорганизацией, всплеском девиантного поведения [4], нарушающими правовые нормы и правила. В последнее время увеличилось употребление психоактивных веществ. Психоактивные вещества приносят ощутимый вред не только тем, кто их употребляет, но и их близким, окружению, обществу в целом [3, 5]. Поэтому невозможно изолированное существование химически зависимого человека в среде — рано или поздно вокруг него формируется группа, вовлекаемая в сферу потребления психоактивных веществ. Это явление и определяет понятие созависимости. Созависимость — это специфическое состояние, которое характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью, а так же крайней зависимостью (эмоциональной, социальной, а иногда и физической) от человека или предмета [6].

Цель исследования: оценить эффективность психокоррекции у созависимых подростков по критериям психологического исследования [1, 2].

Объект исследования: синдром созависимости у подростков.

Базой исследования явились Республиканский наркологический диспансер г. Йошкар-Олы и ГУ РМЭ «Республиканский клинический госпиталь ветеранов войн». В качестве экспериментальной группы были выбраны 12 лиц с синдромом созависимости, с которыми проведена психокоррекционная работа, в качестве контрольной группы были выбраны 12 лиц так же с синдромом созависимости, но не прошедших психокоррекционную программу. Испытуемыми являются лица мужского пола, без явной патологии и психических заболеваний, в возрасте 16–17 лет. С обеими группами была проведена диагностическая программа, которая включала следующие методики: тест Уайлонда «Уровень созависимости»; тест «Самооценка личности»; тест «Состояние агрессии» А. Басс и А. Дарки; тест Люшера; анкета на выявление отношения к психически активным веществам. После данного среза с экспериментальной группой была проведена психокоррекционная работа, направленная на осознание своих чувств по поводу психоактивных веществ и выработку своего отношения к ним. Это необходимо для того, чтобы в ситуациях, связанных с их употреблением, вести себя в соответствии со своими индивидуальными ценностями. 10 занятий по этой программе проводились 2 раза в неделю по 90 минут занятие. В ходе работы участники выполняли домашние задания и ежедневно вели дневник чувств.

Результаты исследования. По тесту Уайлонда «Уровень созависимости» — уровень «чудовищно созависимых» в первом срезе составил — 16 %, после эксперимента — 0% (Рис.1), в контрольной группе созависимые составили 100 % и данные показатели во втором срезе не изменились.

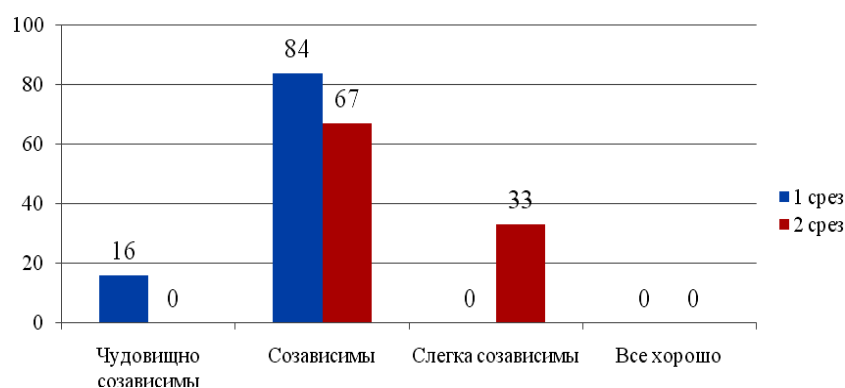

Рис. 1. Показатели уровня созависимости в экспериментальной группе (% случаев)

По тесту «Самооценка» — уровень самооценки при первом срезе у большинства респондентов «неадекватно высокий» – 67%, после эксперимента значительно снизился – 25 % (Рис. 2), а вот в контрольной группе уровень самооценки при первом срезе у большинства респондентов «неадекватно высокий» – 75 %, при втором срезе составило незначительную разницу – 67 % (Рис. 3).

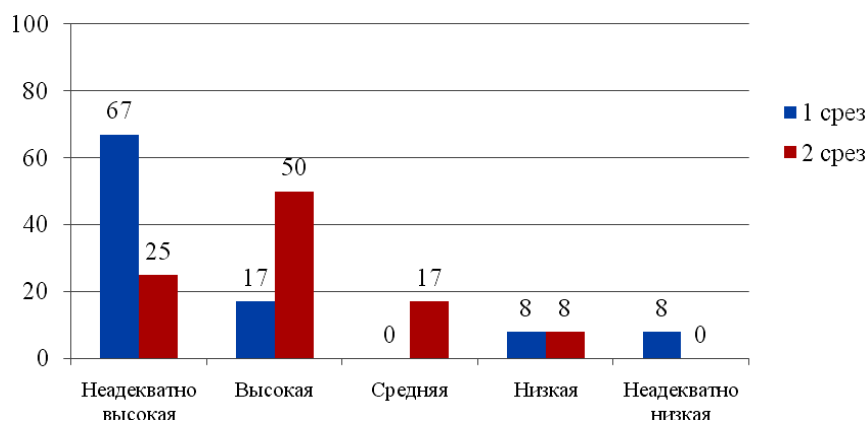

Рис. 2. Показатели уровня самооценки в экспериментальной группе (% случаев)

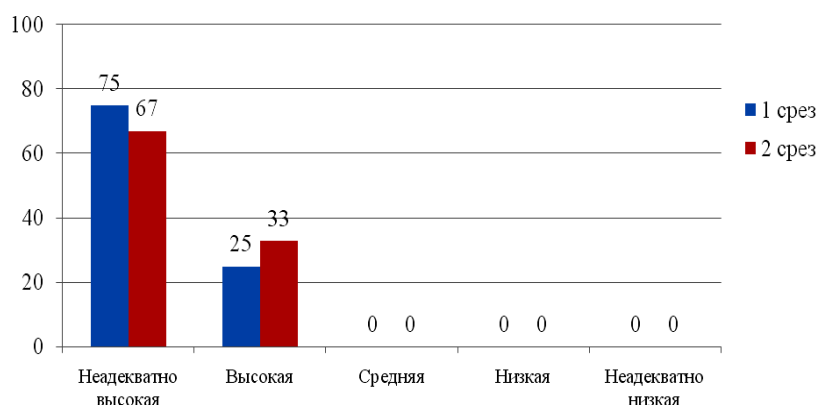

Рис. 3. Показатели уровня самооценки в контрольной группе (% случаев)

По анкете «Отношение к ПАВ» — в экспериментальной группе уровень позитивного отношения к ПАВ у респондентов высокий – 42 %, во втором срезе уровень позитивного отношения к ПАВ исчез, появилось негативное отношение к ПАВ – 58 % и неопределенное – 42 % (Рис. 4). У контрольной группы уровень позитивного отношения к ПАВ составляет – 67 %, при этом он во втором срезе не меняется.

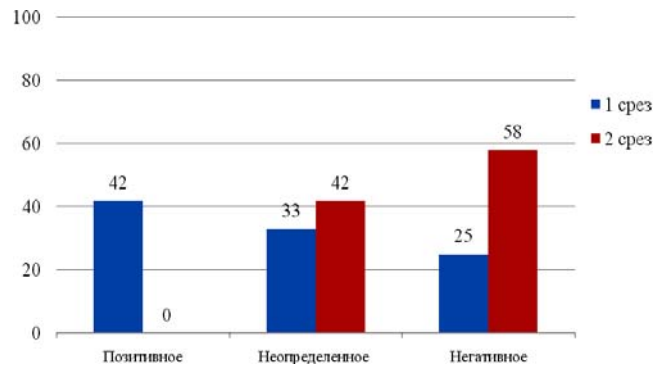

Рис.4. Показатели уровня отношения к ПАВ в экспериментальной группе (% случаев)

По тесту Басса-Дарки в экспериментальной группе высокий уровень агрессии после эксперимента значительно снизился на 25%, вырос средний уровень агрессии — на 25 % (Рис. 5). В контрольной группе высокий уровень агрессии при первом срезе составил 42%, при втором срезе не изменился.

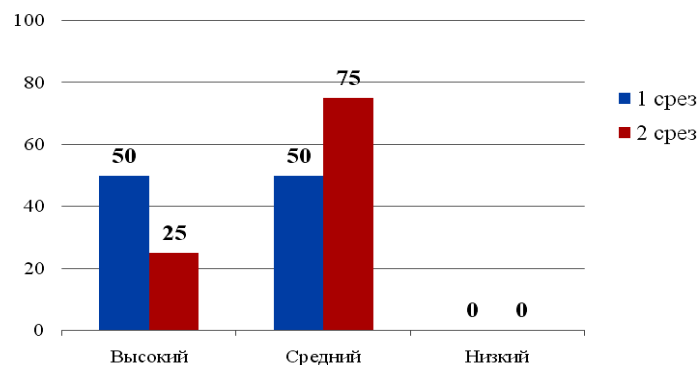

Рис.5. Показатели уровня агрессии в экспериментальной группе (% случаев)

По тесту Люшера в экспериментальной группе в процессе формирующей работы произошли позитивные эмоциональные изменения у участников тренинга. Например, негативное настроение сменилось на неопределенное; со стремления сопротивляться всему на стремление к самоутверждению; с чувства безнадежности на положительные чувства; беспокойство на чувство целостности; возбуждение и увлеченность на повышенное деловое возбуждение и т.д. У контрольной группы данные изменения не значительны.

Методы психологического воздействия на созависимого помогают закрепить отрицательное отношение к психоактивным веществам, сформировать адекватную самооценку. После психокоррекционной работы у созависимых формируется мировоззренческая установка, что

они могут жить и справляться с возникающими проблемами и трудностями без "помощи" психоактивных веществ, другими методами и способами.

Литература:

1. Бубеев Ю.А., Козлов В.В., Никифоров И.А. Интегративные психотехнологии в профилактике и коррекции зависимого поведения. – М.: Фирма «Слово», 2006. – 428 с.
2. Бурно А.М. Когнитивный элемент вины, которым несправедливо пренебрегают // Психотерапия. — 2009. — №4. — С. 22—35.
3. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью: Методическое пособие. — М.: Институт психотерапии, 2007. 333 с.
4. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: Учебн. пособ. — М.: МЕДпресс, 2001. 432 с.
5. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 336 с.
6. Москаленко В.Д. Созависимость при алкоголизме и наркомании (пособие для врачей, психологов и родственников больных). — М.: Анахарсис, 2004. — 112 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗЛИЧНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ РЕФЛЕКСИИ У СТУДЕНТОВ

Чернов А.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Проблема рефлексии на сегодняшний день остается одной из наиболее важных и дискуссионных в современной психологии. Вопрос о строении, механизмах и функционировании рефлексии остается открытым и это порождает все новые и новые теории, ставящие целью ответить на поставленные задачи. На наш взгляд, наиболее близко к ответу на поставленные вопросы подошел А.В.Карпов, рассматривающий рефлексию в качестве процесса, состояния и свойства: «рефлексия — это одновременно и свойство, уникально присущее лишь человеку, и процесс репрезентации психике своего собственного содержания, и состояние осознания чего-либо» [3,С.86]. Как интегральное психическое свойство рефлексия имеет и свою индивидуальную меру выраженности, а значит, может быть адекватно измерена с помощью соответствующей методики.

Данные полученные А.В. Карповым и его учениками свидетельствуют о том, что «рефлексия как макропроцесс внутренне гетерогенна и полипроцессуальна по содержанию [1,С.22]». А это значит, что выра-

женность ее определяется не суммарным вкладом каждого отдельного рефлексивного процесса, а ее общей структурой. В итоге, рефлексия, как психический процесс, включает в себя метапроцессы различных свойств и функций. Таким образом, не исключая существования интегрального фактора рефлексивности, необходимо учитывать также и наличие специальных метапроцессов, выполняющих свои специфические функции. Помимо собственно когнитивного А.В.Карповым были выявлены также регулятивное и коммуникативное измерения рефлексии [1,С.20].

Целью нашего исследования было изучение взаимодействия различных компонентов рефлексии и их связи с интегральным показателем общей меры развития рефлексивных процессов. Можно было предположить, что различные измерения рефлексии не имеют общих оснований и слабо коррелируют между собой.

Для измерения уровня рефлексивности нами были использованы методики, как метакогнитивного, метарегулятивного, так и метакоммуникативного плана. Были использованы следующие методики:

1.Методика Карпова А.В и Пономаревой В.В. для диагностики общей меры развития рефлексии, включающая в себя диагностику рефлексии ретроспективной, актуальной и перспективной деятельности, а также определение уровня коммуникативной рефлексии.[2]

2. Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, включающая шкалы социорефлексии и ауторефлексии.[4]

3. Методика диагностики метакогнитивной включенности в деятельность (МАИ).[4]

4 Методика диагностики особенностей активизации рефлексии М. К. Тутушкиной. [7].

5. Методика Г.С. Никифорова, позволяющая диагностировать индивидуальную меру развития процессов самоконтроля [6].

6. Методика диагностики стилевых параметров обучения А. Саломона и Р. Фелдера.[4]

8. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, включающий, помимо других, интересующие нас шкалы планирования и оценки результатов [5].

Исследуемую выборку составили студенты 2-го курса факультета психологии КФУ в возрасте 18-19 лет в количестве 32 человек.

В результате исследования были получены данные, свидетельствующие о достаточно высокой взаимосвязанности большинства рефлексивных процессов. В особенности это касается показателя общей способности к рефлексии, как интегрального параметра. Показатели рефлексии деятельности имеют высокую интеркорреляционную связь, что говорит о взаимосвязанности рефлексии деятельности в различные временные периоды. То есть лица, обладающие высоким показателем ретроспективной рефлексии, вероятно, имеют также схожие результаты по актуальному и проспективному измерению. Рефлексия деятельности имеет положительную связь на высоком уровне значимости с ауторефлексией, что вероятно, является показателем того, что осознание деятельности происходит на основе понимания своих собственных переживаний и чувств. Обнаружена также связь рефлексии обучения и рефлексии деятельности, что объясняется, тем, что обучение, является одним из видов деятельности.

Обращает на себя внимание тот факт, что рефлексия будущей деятельности имеет наименее тесные связи с другими измерениями рефлексии. По-видимому, этот аспект рефлексии, характеризуясь направленностью на будущее, обособлен и не включен во взаимодействие с остальными, которые направлены на осознание текущего или прошедшего процессов. Особо стоит выделить социорефлексию, которая имеет связи лишь с коммуникативным и регулятивным измерениями рефлексии. Таким образом, можно выделить этот аспект рефлексии в отдельный класс, как достаточно самостоятельный. Самоконтроль поведения не является рефлексивным процессом по своей природе, что находит свое отражение в слабых связях ее с другими шкалами. Достоверная связь обнаружена лишь на уровне актуальной и проспективной рефлексии деятельности.

Рефлексия обучения имеет множественные положительные связи со всеми измерениями рефлексии, кроме его коммуникативного аспекта. Это значит, что высокий уровень рефлексии обучения зависит как от когнитивного, так и от регулятивного аспектов процесса рефлексии. Регулятивное измерение рефлексии затрагивает практически все остальные аспекты рефлексии, за исключением социорефлексии и рефлексии будущей деятельности. Шкалы планирования и оценки результатов опросника стиля саморегуляции показали достоверные свя-

зи лишь со шкалой ауторефлексии. Таким образом, по итогам проведенного исследования можно выделить два крупных блока измерения рефлексии: социально-коммуникативный ее аспект, а также когнитивно-регулятивный.

Вычисление индекса когерентности структуры (ИКС), определяемый как функция положительно значимых связей в структуре и их значимости, позволило получить следующие результаты (см. таблица 1).

Таблица 1

**Индекс когерентности структур (ИКС)
различных измерений рефлексии**

Рефлексивный процесс	ИКС	Рефлексивный процесс	ИКС
Ретроспективная рефлексия	20	Регулятивная рефлексия (МАИ)	16
Актуальная рефлексия	22	Рефлексия обучения	8
Перспективная рефлексия	15	Самоконтроль поведения	5
Коммуникативная рефлексия	16	Планирование	4
Ауторефлексия	23	Оценка результатов	9
Социорефлексия	7	Общий уровень рефлексии	20
Активизация рефлексии	12	Сумма ИКС	177

Полученные данные свидетельствуют о том, что базовыми, то есть имеющими наибольший структурный вес, элементами в общей структурограмме рефлексивных процессов являются измерения ауторефлексии и рефлексии текущей деятельности. Именно они оказывают наибольшее влияние на формирование структуры рефлексии, являясь ее интегратором. Итак, в работе было выделено 2 относительно независимых блока рефлексивных процессов: когнитивно-регулятивный и социально-коммуникативный, а также были обнаружены базовые компоненты структурограммы.

Литература

1. Карпов А.В. Закономерности структурной организации рефлексивных процессов // Психологический журнал. 2006. т. 27. № 6 С. 18-28
2. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления М.: Институт психологии РАН, 2000. 283 с.
3. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. 450 с.
4. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН, 2005 , 352 с
5. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 4. С. 26-35.

6. Никифоров Г.С. Самоконтроль человека. Л.: ЛГУ, 1988. 157 с.
7. Практическая психология. Под ред. Тутушкиной М.К. 4-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Дидактика Плюс, 2001 - 368 с.

О ПОДГОТОВКЕ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР ДЛЯ РАБОТЫ В ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

Чулкова В.А., Еремина И.В., Оленникова М.Е., Комяков И.П.

Санкт-Петербургский государственный университет, ФГУ «НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова Минздравсоцразвития России»

Онкологическая клиника в настоящее время является одной из самых сложных и трудоемких областей современной медицины, как в плане лечения заболевания, так и в работе с пациентами и их родственниками. Для лучшего понимания ситуации, в которой оказывается человек, заболевший раком, необходимо отметить следующую особенность. Онкологическое заболевание вызывает и обуславливает экстремальное и кризисное состояние заболевшего человека, разрушает привычное существование его и его семьи и актуализирует экзистенциальные проблемы как больного человека, так и окружающих его людей. Сверхсильные и мучительные переживания разрушают представление человека о безопасном существовании и являются психологической травмой для него [1]. В результате этого, диагностирование и лечение онкологического заболевания всегда сопровождаются тяжелыми и мучительными душевными переживаниями пациента, и нередко в этот процесс вовлекаются лечащие врачи и медицинские сестры.

Медицинские сестры занимают особое место, так как большая часть их рабочего времени связана с выполнением лечебных мероприятий и процедур, требующих непосредственного взаимодействия с больными, по роду своей деятельности они должны обладать высокими профессиональными качествами, включающими в себя также и умение общаться с тяжелобольными людьми. Согласно закону РФ «О сохранении здоровья населения», медсестры не имеют права информировать пациента о диагнозе болезни и прогнозах лечения, но нередко сам больной или его родственники, пытаясь разобраться в заболевании, провоцируют медсестер на разглашение медицинской ин-

формации, что создает дополнительное психологическое напряжение. Работа в онкологической клинике и общение с пациентами, с угрожающими их жизни заболеваниями, актуализируют собственные экзистенциальные переживания медсестер. Вследствие вышеперечисленного, повышается риск эмоционального и профессионального выгорания медсестер, работающих в онкологической клинике.

С целью выявления особенностей синдрома эмоционального выгорания у медицинских сестер было обследовано 48 медсестер, работающих в ФГУ «НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова Минздравсоцразвития России». В исследование использовалось нестандартизированное интервью, методика «Измерение эмоционального выгорания» В.В. Бойко, шкала базовых убеждений (ШБУ), метод мотивационной индукции Ж. Нюттена.

По данным нестандартизированного интервью было выявлено, что если медицинская сестра не понимает и не осознает личностных трудностей, связанных с постоянным общением с онкологическими больными, которые находятся в состоянии неопределенности и страха смерти, то риск возникновения выгорания у нее больше. У медицинских сестер это может быть связано с недостаточным уровнем осознанности своей жизни и анализом собственного состояния в целом, которое способствует развитию эмоционального выгорания.

Также на возникновение и выраженность эмоционального выгорания влияет базовый мотив профессионального выбора — медицина — и конкретно — онкологическая клиника. Медицинские сестры, которые не собирались заниматься медициной, но в силу обстоятельств были вынуждены работать в онкологической клинике, больше подвержены риску выгорания. Соответственно, если медсестра так и не смогла адаптироваться в профессии, и ее не удовлетворяет собственная работа, то степень выгорания становится еще выше.

По данным методики «Измерение эмоционального выгорания» В.В. Бойко, было установлено, что синдром эмоционального выгорания у медицинских сестер, работающих в онкологической клинике, наиболее часто проявляется на фазе резистенции. У 48 % опрошиваемых фаза сформирована, а у 15 % — находится в стадии формирования. Фаза «резистенция» заключается в появлении сопротивления и отрицания симптомов выгорания, а также в «экономии» эмоций, ограничении

эмоциональной отдачи, которая может возникать не только на работе, но и дома [2].

Были получены статистически значимые взаимосвязи возраста медсестры с эмоциональным выгоранием. Это может служить показателем того, что эмоциональное выгорание у медицинских сестер старшего возраста проявляется больше.

Исследовались показатели ценности собственного Я (ШБУ). Показатель ценности собственного «Я» складывается из 3-х аспектов: "Я хороший человек" (самоценность), "Я правильно веду себя" (контроль) и оценка собственной удачливости. Обнаружены значимые взаимосвязи между показателем ценности собственного «Я» медицинской сестры и фазами резистенции и истощения. Такие результаты могут быть объяснены тем, что в условиях низкого уровня собственной ценности медицинская сестра ищет социальные контакты, старается через помощь другим людям повысить собственную ценность и значимость. В результате подобное поведение не только не приносит помощь другим людям, оно наносит вред самой медицинской сестре, так как приводит к истощению ее эмоциональных ресурсов. Это влечет за собой возникновение «логичной» в данном случае ситуации экономии эмоций, эмоциональной отстраненности, которая является защитным механизмом в ситуации эмоционального истощения и выражается в фазе резистенции [2].

Что касается специфики выгорания на разных отделениях, то по результатам исследования можно сделать вывод о преобладании на хирургических отделениях либо малой выраженности выгорания (отсутствие симптомов или фаза напряжения), либо фазы истощения, тогда как на терапевтических отделениях в большей степени преобладает фаза резистенции. На хирургических отделениях, медсестры больше стремятся к душевному спокойствию, психическому самосохранению (метод мотивационной индукции Ж. Нюттена). Это показывает, что работа и уход за послеоперационными больными требует не только больших физических сил, но и сопряжен с дополнительной психической нагрузкой и напряжением, что способствует появлению симптомов эмоционального выгорания.

Таким образом, следует отметить, что совершенно избежать синдрома выгорания в процессе работы медсестры сложно, но нельзя не

обращать на этот феномен внимания и не стремиться к его предотвращению. Необходимо периодически проводить исследования выгорания эмоционального выгорания у медицинских сестер на разных отделениях и проводить с ними профилактическую работу, обязательно включающую в себя обучение способам снижения психоэмоционального напряжения.

Постоянное профессиональное совершенствование (в том числе обучение) может служить одним из важных аспектов стратегии профилактики и снижения эмоционального выгорания, возникающего в процессе выполнения профессиональной деятельности медицинской сестрой онкологической клиники [2]. Базовая подготовка медицинских сестер должна носить не только сугубо медицинский характер, но и психологическую подготовку, включающую в себя знания о человеческой психике и поведении человека в кризисных и экстремальных ситуациях, сопряженных с возможной витальной угрозой. Необходимым компонентом такой подготовки является также обучение медицинских сестер практическим умениям и навыкам взаимодействия с тяжелобольными людьми.

Литература:

1. Бочаров В.В., Карпова Э.Б., Чулкова В.А., Ялов А.М. Экстремальные и кризисные ситуации с позиции клинической психологии // Вестник СПбГУ, Серия 12, 2010, вып. 1, стр. 9-16.

2. Чулкова В.А., Еремина И.В., Оленникова М.Е., Комяков И.П. Особенности синдрома эмоционального выгорания у медицинских сестер // Матер. X научно-практич. конференции «Актуальные проблемы психосоматики в общемедицинской практике»// СПб: СПб МАПО, 2010, с.177-180.

О СЕМЬЕ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО БОЛЬНОГО

Чулкова В.А., Пестерева Е.В.

*ФГУ «НИИ онкологии им. Н.Н.Петрова» Минздравсоцразвития России,
ФГУ «Российский научный центр рентгенологии и хирургических технологий»
Минздравсоцразвития России, ГОУ ДПО СПб МАПО Росздрава,
Санкт-Петербург*

Адаптация больного к онкологическому заболеванию состоит в возможности жить в условиях болезни. Онкологический больной реагирует на ситуацию заболевания как экстремальную или кризисную.

Адекватным разрешением экстремальной и кризисной ситуаций является постепенное восстановление психического баланса. При этом человек не только восстанавливает душевный баланс, но и, интегрируя новый опыт, имеет шанс расширения идентичности и роста личности. Кроме того, при адекватном разрешении кризиса происходит переоценка и переосмысление жизненных ценностей, приоритетов, жизненного смысла [7, 8]. Невозможность адекватного выхода из этих ситуаций приводит к самым различным формам психической дезадаптации.

Особое значение в жизни человека имеет его семья и семейные взаимоотношения, которые могут стать одним из главных ресурсов в адаптации к заболеванию. При изучении 138 больных злокачественными лимфомами выяснилось, что в 51,5% случаях ведущим мотивом выздоровления, по мнению больного, является его необходимость семье. Проблемы семьи способны прорываться сквозь неопределенность, связанную с заболеванием, подчеркивая важность и нужность больного и не давая ему «замкнуться» на болезни. В данной группе у больных с более высоким уровнем интернальности в семейной сфере [1] менее выражена депрессивная ($p \leq 0,01$), астеническая ($p \leq 0,05$), ананкастическая ($p \leq 0,01$), соматовегетативная ($p \leq 0,02$) симптоматика, нарушение социальных контактов ($p \leq 0,02$) [9], они более позитивно оценивают настоящее ($p \leq 0,02$), прошлое им кажется более структурированным и понятным ($p \leq 0,04$), а будущее представляется более оптимистичным ($p \leq 0,04$) [3]. Больные, не чувствующие в семье опоры, чаще используют неконструктивные когнитивные копинг-стратегии «игнорирование», «смирение» ($p \leq 0,02$) [4].

Анализ клинико-психологических бесед с онкологическими больными различных локализаций на разных этапах течения заболевания и их родственниками показал, что довольно часто близкие люди не знают как себя вести с человеком больным раком. Они не менее напуганы болезнью и связанными с ней сложностями. В состоянии растерянности члены семьи больного сохраняют прежний семейный уклад, который дает некоторую стабильность. При этом нередко поддерживаются неконструктивные копинг-стратегии и защиты больного, которые, закрепившись, ведут к дезадаптации. Так, обычно люди пытаются справиться с напряжением путем проговаривания (вновь и вновь возвращаются к

переживаемому событию), что родственниками может восприниматься негативно: «Не думай о болезни, отвлекись. Все будет хорошо». Избавляя таким образом больного от «тяжести» переживаний, близкие оставляют его один на один с ними. В свою очередь, сам больной испытывает чувство вины, состоящее в том, что болезнь ставит его в центр внимания родственников. Болезнь создает угрозу потери работы, социального статуса, вследствие чего у больного возникает чувство вины перед членами семьи за возможные материальные трудности. Забота близких с подчеркиванием слабости, несостоятельности и беспомощности больного порождает у него противоречивые чувства.

Таким образом, члены семьи могут поддержать больного в его стремлении поправиться, а могут и, наоборот, усугубить тяжесть его психологического, а вследствие этого и физического состояния.

Нередко близкие строят отношения с онкологическим пациентом (особенно молодого возраста) на основе гиперопеки, которая лишает его ответственности за свою жизнь и порождает ссоры. Семейные отношения могут складываться так, что больной в них выступает в роли «жертвы», а семья его «спасает». Данные взаимоотношения не являются продуктивными, не способствуют снятию внутрисемейного напряжения, так как «спасатели» часто сами оказываются в роли «жертвы». Иногда в семье формируются эмоционально-созависимые отношения, сглаженные в обычной жизни и ярко проявляемые во время болезни. У семьи появляется возможность разрешить эти отношения независимо от того, сколько времени придется жить больному. Таким образом, онкологическое заболевание обостряет внутрисемейные конфликты, в том числе проблемы сепарации и автономии.

Нередко при ремиссии больного родственники ведут себя так, как будто бы болезни и связанных с ней, переживаний не было, не учитывая значимость болезни как важнейшего события в жизни больного. В частности, при онкогинекологическом раке и раке молочной железы нередко мужья, пытаясь показать больной, что ее заболевание и операция никак не повлияли на их взаимоотношения, ведут себя по сложившемуся в их семье до заболевания стереотипу поведения. Такой стиль поведения нельзя считать адекватным, так как здесь имеет место не разрешение проблемы, а уход от нее. Женщины часто в этом усматривают непонимание их мужьями. Основные вопросы, которые хотели

бы обсуждать женщины и старались избегать их мужа, связаны с чувством страха, печали, грусти, тревоги и беспокойства по поводу возможной смерти [2.6].

Диагноз «рак» является психотравмирующим событием как для больного, так для его семьи [5]. Жизнь рядом со страдающим человеком вызывает разные, иногда противоречивые чувства — надежда и желание спасти сменяются чувством беспомощности и безысходности, за которым могут следовать чувство вины, отчаяние, и даже злость. Часто эти чувства остаются за рамками внимания человека, полностью сосредоточенного на проблеме своего близкого. При этом за невниманием к собственным психологическим проблемам стоит страх утраты, страх собственной смерти. Обесценивая свои собственные чувства, родственники также не позволяют страдать и выражать сильные чувства больному. Если члены семьи взаимно замалчивают свой страх и опасения, то данные попытки «оберегать» друг друга лишь усиливают напряжение в семье. В результате контакт близких с больным разрушается, каждый остается один на один со своими переживаниями, которые при этом усиливаются.

Таким образом, при онкологическом заболевании является недостаточным традиционного изучения и исследования клиническими психологами самого больного. Необходимо уделять внимание также членам его семьи, которые сталкиваются с большим количеством психологических проблем и то, как они осознают и решают их, влияет на эффективность лечения и качество жизни больного.

Литература:

1. Бажин Е.Ф., Голыкина Е.А., Эткинд А.М. - Опросник уровня субъективного контроля личности (УСК)// М. -1993. -Психодиагностическая серия. - Вып.6, 23с.
2. Блинов Н.Н., Демин Е.В., Чулкова В.А. О качестве жизни онкологических больных после радикального лечения// Вопр. онкол. 1989.№6. с.643-648.
3. Вассерман Л.И., Кузнецов О.Н., Ташлыков В.А., Тайверлаур М. и др. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах. (Пособие для врачей)// СПб.: СПб ПНИИ им. В.М. Бехтерева. 2005. 24с.
4. Карвасарский Б.Д., Абабков В.А., Васильева А.В., Исурина Г.Л.и др. Копинг-поведение у больных невротами и его динамика под влиянием психотерапии. (Пособие для врачей)// СПб.: СПб ПНИИ им. В.М. Бехтерева. 1999. 22с.
5. Чулкова В.А., Моисеенко В.М. Психоонкология. (Пособие для врачей)// СПб. 2007. 38с.
6. Hilton B.A. Issues, problems and challenges for families coping with breast cancer// Semin. Oncol. Nurs. 1993. vol.9. №2. p.107-111.

7. Чулкова В.А., Моисеенко В.М. Психологические проблемы в онкологии. //Практическая онкология, 2009, Т.10,№3, с.149-157.

8. Чулкова В.А., Пестерева Е.В. Клинико-психологические аспекты в онкологии// Вестник СПбГУ, сер.12, 2010, вып.1, с.91-100.

9. Вассерман Л.И., Карвасарский Б.Д., Абабков В.А., Иовлев Б.В. и др. Психодиагностическая методика для определения невротических и невротоподобных нарушений (Пособие для врачей и психологов)// СПб.: СПб ПНИИ им. В.М. Бехтерева, 1998, с.38.

ВОЗМОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАНИМАЮЩЕЙСЯ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛЕЙ

Шафиева А.Р., Радина Н.К.

Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

В 90-х годах прошлого столетия Россия начала новый путь - движение в сторону рыночной экономики, что привело к созданию «малых» предприятий, состоящих от десятка до сотен человек. Люди, которые создавали эти организации, часто не были компетентны ни в экономических, ни в социальных, ни в психологических вопросах построения организаций. Спустя двадцать лет предприниматели, как правило, обладают необходимым образованием, однако, используя на практике экономические знания, социально-психологические аспекты развития организации не оценивают в полной мере.

Представленное исследование было проведено в организации, осуществляющей оптовую торговлю и состоящей из 5 подразделений, работающих в офисах и на складах. Цель исследования — проанализировать «проблемные зоны» социального развития организации для выработки рекомендаций по обеспечению ее психологического сопровождения.

Основная гипотеза исследования заключалась в предположении, что существующие различия в условиях труда подразделений офиса и складов оказывают менее значимое влияние на уровень удовлетворенности работой и коллективом (производственную установку), чем особенности мотивации и потребностей сотрудников (доминирование социально-психологического фактора в структуре «объективных факторов» развития трудового коллектива).

В исследовании были использованы следующие методики: Опросник, позволяющий определить уровень развития группы (Морозов А.В.); Диагностический опросник социально-психологического климата (О.С. Михалюк и А.Ю.Шалыто); Методика самооценки руководителем своего стиля была применена для оценки стиля руководства (Батаршев А.В.); Тест «Предрасположены ли вы к конфликтам?» (Вишнякова Н.Ф.); Тест на выявление преобладающих потребностей (Волкогонов О.Д., Зуб А.Т.); Тест на выявление преобладающих мотивов (Волкогонова О.Д., Зуб А.Т.).

Общая численность в организации 32 человека, в исследовании приняло участие 27 человек.

Проведенное исследование с достоверностью $p=0.004$ подтвердило выдвинутую нами гипотезу о существенном влиянии на производственную установку особенностей мотивации и потребностей сотрудников (доминирование «социально-психологического фактора в структуре «объективных факторов» развития трудового коллектива). Кроме того было выявлено, что социально-психологический климат в организации в целом положительный, однако в системе мотивирования персонала присутствуют существенные недочеты, ведущие у большинства сотрудников к неудовлетворенности работой и уровнем жизни (зарплатой) и влияющие на производственную установку; в отдельных подразделениях организации присутствует высокий уровень конфликтности, что требует самостоятельного анализа; уровни социально-психологического развития подразделений различны, однако наиболее высокие показатели были обнаружены у одного из подразделений (бухгалтерия).

Данное исследование весьма локально представляет возможные социально-психологические проблемы организаций, состоящих из нескольких подразделений, ориентированных на решение разных производственных задач. На наш взгляд, решение данных проблем заключается в скоординированных, но различных действиях со стороны психологов, ответственных за развитие персонала, в отношении разных подразделений организации, учет специфики их работы, а также особенностей формирования трудовых коллективов подразделений и ориентации сотрудников на выполнение профессиональных задач.

ПСИХОТЕРАПИЯ И ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА В ЛЕЧЕНИИ НЕПСИХОТИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Шевцов С.А., Божко С.А., Смекалкина Л.В., Мельников А.И.

*Лаборатория по разработке и внедрению новых нелекарственных
терапевтических методов при кафедре нелекарственных
методов лечения и клинической физиологии ФДПОП
ГОУ ВПО ПМГМУ им. И.М. Сеченова Росздрава*

Методы нелекарственной и комплексной терапии депрессивных расстройств непсихотического уровня, в том числе в детском и подростковом возрасте, в последние годы изучаются очень активно в нашей стране и во всем мире [1, 4, 5, 8, 9].

Используемые для психофармакотерапии так называемых «непсихотических (невротических) депрессий» (minor depressive disorder) высокоэффективные синтетические антидепрессивные средства зачастую приходится отменять или заменять из-за побочных эффектов, которые, в свою очередь, также требуют лечения. Особенно остро эта проблема касается больных с аффективной патологией моложе 18 лет [1, 2, 3, 9]. Именно поэтому комплементарные нелекарственные методы лечения, вследствие их особенностей [3, 5, 6, 7, 8] и, в частности, интегративная психотерапия и применение лечебной физкультуры при депрессивных расстройствах в детско-подростковом возрасте привлекает внимание все большего числа как врачей, общей и семейной практики, педиатров, неврологов, так и психотерапевтов, психологов и психиатров.

Целью нашей работы было изучение эффективности лечебной физкультуры и интегративной психотерапии при депрессивных расстройствах непсихотического уровня у детей и подростков.

Краткосрочная интегративная психотерапия при непсихотической депрессии у детей и подростков нами проводилась в формате методов аутогенной тренировки по Лобзину В.С., Решетникову М.М. (1986) и когнитивно-поведенческой психотерапии по Шевченко Ю.С. (2003). Лечебная физкультура применялась в виде интегративной гимнастики по Левченко К.П. (1998, 2007) и Бутейко К.П. (2010) [4, 5, 6, 8].

Нами проводилось также клиническое обследование с оценкой психического статуса на момент первичного осмотра и в динамике с

использованием стандартизованных оценочных шкал: шкалы общего клинического впечатления (Clinical global inventory, CGI), шкалы оценки депрессии Гамильтона (HAM-D-17).

В исследования были включены 65 пациентов с диагнозами по МКБ–10: реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации F 43, расстройство адаптации, смешанная тревожная и депрессивная реакция F 43.22 и легкий депрессивный эпизод, без соматических симптомов F 32.00, с соматическими симптомами F 32.01.

Все исследуемые больные дети и подростки были в возрасте от 6 до 15 лет, средний возраст – $11, 2 \pm 1,9$, из них лиц мужского пола – 39 (60%), женского – 26 (40%). Пациенты и основной (34 человека, 52,3%) и контрольной (31 исследуемый, 47,7%) группы все завершили полный курс лечения в течение 28 дней.

В нашей работе были получены следующие данные, отраженные в таблицах 1-3.

Таблица 1

Динамика депрессивных симптомов по шкале оценки депрессии Гамильтона в процессе лечения

Группы	В начале лечения (баллы, HAM-D-21)	14 день терапии (баллы, HAM-D-21)	28 день терапии (баллы, HAM-D-21)
Основная	13,5	10,4	4,8*
Контрольная	13,5	11,9	7,2*

*- достоверные различия ($p < 0,01$)

Были получены также результаты сравнения двух групп ко второй и четвертой неделе по относительному (процентному) соотношению той или иной степени улучшения, отраженные в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Результаты лечения к 14 –му дню, по шкале Clinical Global Inventory (CGI)

Группы	Выраженное улучшение (01, 02 по CGI) к 14 дню лечения (количество пациентов, %)	Умеренное улучшение (05,06 по CGI)	Незначительное улучшение (09,10 по CGI)
Основная	2 (3,1%)	14 (41,2%)	18 (52,9%)
Контрольная	0 (0%)	11 (35,5%)	20 (64,5%)

Ко второй неделе терапии достоверных различий между основной и контрольной группами не было выявлено.

Таблица 3

Результаты лечения к 28 –му дню,
по шкале Clinical Global Inventory (CGI)

Группы	Выраженное улучшение (01, 02 по CGI) к 28 дню лечения (количество пациентов, %)	Умеренное улучшение (05, 06 по CGI)	Незначительное улучшение (09, 10 по CGI)
Основная	25 (73,5%)*	9 (26,5%)	0 (0%)*
Контрольная	8 (25,8%)*	12 (38,7%)	11 (35,5%)*

*- достоверные различия ($p < 0,001$)

К четвертой неделе терапии были выявлены достоверные различия в эффективности лечения между основной и контрольной группами, кроме показателя «умеренного улучшения» депрессивной симптоматики. «Выраженное улучшение» наблюдалось у 73,5 % пациентов в основной и только в 25,8 % случаев в контрольной группе.

Полученные в данном исследовании результаты исследования свидетельствуют о достоверно большей эффективности стандартной лечебной гимнастики в сочетании с краткосрочной интегративной психотерапией в основной группе по сравнению с контрольной группой (только лечебная гимнастика) при лечении депрессивных расстройств легкой степени (непсихотического уровня) у детей и подростков.

Список литературы

1. Антропов Ю.Ф. Невротическая депрессия у детей и подростков. М.: Мед-практика, 2001.-152 с.
2. Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. Лечение детей с психосоматическими расстройствами. М.: Речь, 2002.-556 с.
3. Зилов В.Г. Современные представления о лечебных механизмах методов восстановительной медицины // Вестник восстановительной медицины, 2009. №1. С. 12-16.
4. Лечебная физическая культура: Учебник / Под редакцией С.Н. Попова. М.: Академия, 2008.-416 с.
5. Макарова Г.А. Спортивная медицина: Учебник. – М.: Советский спорт, 2006.-480 с.
6. Разумов А.Н., Ромашин О.В. Оздоровительная физкультура в восстановительной медицине. М.: ВУЗ и школа, 2002.-168 с.

7. Смулевич А.Б. Депрессии в общемедицинской практике. М.: МИА, 2003.- 432 с.

8. Циркин С.Ю. (общая редакция). Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. СПб.: Питер, 2004.-896 с.

9. Elmquist J.M., Melton T.K., Croarkin P., McClintock S.M. A systematic overview of measurement-based care in the treatment of childhood and adolescent depression. Journal of psychiatric practice, 2010, Jul; 16(4): 217-34.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МАКИАВЕЛЛИСТСКОЙ УСТАНОВКИ У ДЕТЕЙ

Шейнов В.П.

Республиканский институт высшей школы (г. Минск, Беларусь)

Макиавеллизм индивида означает его склонность к манипулированию. В докладе изучаются две гипотезы о формировании макиавеллизма: 1) под влиянием родителей; 2) под воздействием внесемейных факторов.

В исследовании J. Touhey [1] сильные макиавеллисты ниже, чем слабые оценили испытанные ими в детстве родительскую любовь ($p \leq 0,05$) и заботу ($p \leq 0,05$), желали быть меньше похожими на мать ($p \leq 0,01$) и на отца ($p \leq 0,05$), меньше делиться проблемами ($p \leq 0,05$), но больше хранить секреты ($p \leq 0,05$), предпочитали бы иметь других родителей ($p \leq 0,01$), испытывать меньшее влияние родителей ($p \leq 0,01$) и сохранять с ними большую дистанцию ($p \leq 0,05$). Сильные макиавеллисты чаще, чем слабые сообщали, что их родители предпочитали скрывать свои чувства и эмоции при контакте с незнакомцами или случайными знакомыми ($p \leq 0,05$).

J. Touhey сделал вывод, что «перечисленные результаты не служат доказательством гипотезы, что макиавеллистское поведение строится по образцу их родителей, что более подходящие предпосылки могут быть найдены при изучении других (внесемейных) факторов» [1].

Однако, экспериментальные данные, полученные в данном исследовании, напротив, свидетельствуют о том, что описанное поведение родителей, дети которых стали сильными макиавеллистами, как раз и формирует макиавеллистские установки у их детей. J. Touhey не обратил внимания на то, что и у родителей сильных макиавеллистов

обнаружились основные характерные признаки сильных макиавеллистов — их эмоциональная холодность, сокрытие своих чувств и эмоций, меньшее чувство вины за проступки, меньшая податливость внешним воздействиям, более правдоподобная ложь и т.д. То есть налицо научение детей макиавеллизму, привитие отвечающему ему стилю жизни.

В исследовании Р. Краут и Дж. Прайс [2] выявлена значительная положительная корреляция: 1) показателей макиавеллизма отца и матери между собой ($r=0,45$, $p<0,05$) и 2) между макиавеллизмом родителей и их детей: у матерей $r = 0,34$, $p < 0,05$; у отцов $r = 0,37$, $p < 0,05$. То есть, у родителей с макиавеллевскими взглядами дети могут лучше манипулировать и у их детей больше макиавеллевских взглядов.

Как установлено в недавнем исследовании Оjһа (2007), отрицательные модели поведения родителей (ограничение и отторжение) стимулируют макиавеллистскую ориентацию, а положительные модели поведения родителей (разрешающее и любовь), препятствуют развитию макиавеллистской ориентации среди детей [3].

В [1] показано, что сильные макиавеллисты подвергались значительно большему влиянию источников за пределами семьи ($p \leq 0,01$), в то время как слабые макиавеллисты больше подвергались влиянию своей семьи ($p \leq 0,01$).

Таким образом, *приведенные исследования показали, что и семья, и внесемейные факторы формируют макиавеллизм в детях, т.е. получено подтверждение обеих первоначальных гипотез. Они не конкурируют (как изначально предполагалось), а дополняют друг друга.*

Эти исследования не дают, однако, ответа на вопрос о механизме передачи манипулятивных умений детям ни от родителей, ни от иных лиц за пределами семьи. Модель психологического влияния [4, с. 17-18] помогает понять, как это происходит.

Главное мотивационное звено в модели любого психологического воздействия, в том числе и манипуляции — блок «Мишени воздействия». Именно мишени манипулятивного воздействия на окружающих — в том числе и на самих себя, подсказывают собственными манипуляциями родители своим детям, а учителя — учащимся. При этом учат детей даже и словесному оформлению их будущих манипуляций. Покажем это на примере наиболее распространенных манипуляций

родителями своими детьми [5, с. 469-480] и учителей — учениками [5, с. 496-507].

В родительской манипуляции «Я не буду любить тебя, если ты не ...» *мишенью воздействия* на ребенка является его *потребность в любви*. Через несколько лет ответной манипуляцией «Вы меня не любите» подросток заставляет родителей оправдываться и доказывать свою любовь послаблениями или подарками, что и является целью юного манипулятора.

Чувство страха (ребенка), эксплуатируемое родителями в манипуляциях, например, «Расскажу отцу, если ты не справишься», используется подростками также в качестве *мишени* воздействия на своих родителей в манипуляциях «Мнимый больной», «Угроза» («Убегу из дома, если не купите мне...»).

Полная зависимость ребенка от родителей является *мишенью воздействия* в манипуляциях «Родитель-властелин», «Торговля благами» и др. Но как только сами родители в чем-то попадают в зависимость от детей, те используют данную мишень. К примеру, родители, желающие дать образование своим детям, нередко встречаются с манипуляцией «Брошу школу, если вы...», или «Платите за обучение в вузе, раз хотите, чтобы я учился» или «Договаривайтесь с преподавателем – я не могу сдать его предмет» и т.д.

Чувство вины, создаваемое у ребенка, например, в манипуляциях «Несчастливая женщина», «Злоупотребление запретами» и др. используется впоследствии детьми в манипуляциях, когда в качестве *мишени воздействия* на родителей предъявляется их «вина» за низкий материальный достаток семьи, невозможность одеваться «не хуже других», иметь карманные деньги и т.д., а также за их невысокий социальный статус, не позволяющий «пристроить ребенка» в вуз или на «теплое» местечко.

Школьников учат манипулированию многие манипуляции учителей. Так манипуляция «Хозяин – барин» демонстрирует ученикам всевластность учителя. *Мишенью воздействия* на учеников в этой манипуляции является их *беззащитность*. Потом чьей-либо беззащитностью (физически слабого ученика, учителя перед хамством отпрысков «сильных мира» и т.д.) юные макиавеллисты не преминут воспользоваться в неблагоприятных целях.

Манипуляция «Отвечать пойдет...» (многоточие в заголовке означает паузу, которую любят делать многие учителя перед тем, как назвать фамилию) вызывает у многих учеников страх, что вызовут именно его. Школьники же *чувство страха* учителя используют в качестве мишени воздействия в манипуляциях «Мнимый больной» (страх за здоровье ребенка), «Мышь!» (страх перед мышами) и в случае прямых угроз в адрес учителя.

В манипуляциях «Оставляю после уроков весь класс», «Снижение оценки», «Насмешки над учениками», «Любимчики», «А кто родители?» ученики ощущают свою *беспомощность*. В ответ они используют ожидаемую беспомощность учителя в собственных манипуляциях: «Птица в классе», «Вызывающее поведение», «Довести учителя», «Толстокожий», «Столкнуть лбами взрослых».

Таким образом, манипулируя детьми, родители и учителя действительно формируют макиавеллизм у детей.

Литература:

1. Touhey John C. Child-Rearing Antecedents and the Emergence of Machiavellianism Source: Sociometry, Vol. 36, No. 2 (Jun., 1973), pp. 194-206.
2. Kraut R.E., Price J.D. Machiavellianism in parents and their children Journal of Personality and Social Psychology, 1976, 33, pp. 782-789.
3. Ojha Hardeo. Parent-Child Interaction and Machiavellian Orientation T.M. Bhagalpur University, Bhagalpur, 2007, pp. 285- 290.
4. Шейнов В.П. Психологическое влияние. / В.П. Шейнов - 2-е изд. - Минск: Харвест, 2007. - 800 с.
5. Шейнов В.П. Психология манипулирования / В.П. Шейнов. - Мн.: Харвест, 2009. - 704с.

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Шейнов В.П.

Республиканский институт высшей школы (г. Минск, Беларусь)

Значение разработки проблематики психологического воздействия связано с тем, что данная предметная область напрямую выводит на раскрытие конкретных механизмов, способов и методов управления психическим и социальным явлениями.

Практическая значимость проблемы психологического воздействия очевидна, прежде всего, для специалистов, работающих с людьми:

психотерапевтов, практических психологов, преподавателей, воспитателей, врачей, руководителей и других специалистов системы «человек-человек».

Однако к настоящему времени проблема психологического воздействия остается недостаточно разработанной. В частности, отсутствует единая модель, описывающая и сам процесс воздействия, и состояние его инициатора, и состояние адресата воздействия.

«Воздействие психологическое, когда оно имеет внешнее по отношению к адресату (реципиенту) происхождение и, будучи отраженным им, приводит к изменению психологических регуляторов конкретной активности человека» [1, с. 23].

Ранее автором была предложена, теоретически обоснована и верифицирована применительно ко всем известным видам психологического воздействия следующая четырехкомпонентная **модель**:

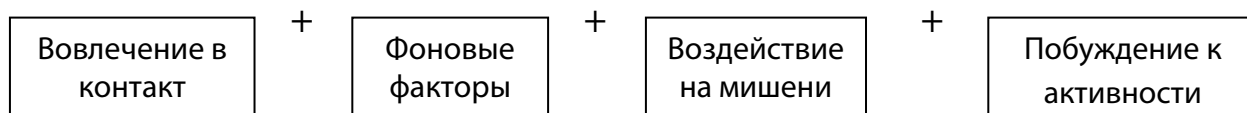

Рис. 1. Модель процесса психологического воздействия [2].

Поясним содержание каждого из блоков модели.

Вовлечение в контакт — предъявление адресату информации определенной направленности, отвечающей цели оказываемого воздействия.

Фоновые факторы — использование состояния сознания и функционального состояния адресата и присущих ему автоматизмов, привычных сценариев поведения; создание благоприятного внешнего фона (доверие к инициатору, его высокий статус, аттракция к нему и т.п.)

Мишени воздействия — это источники мотивации адресата: его актуальные потребности и их проявления — интересы, склонности, желания, влечения, убеждения, идеалы, чувства, эмоции и т.п.

Побуждение к активности — все то, что стимулирует, подталкивает адресата к активности в заданном инициатором направлении (принятие решения, совершения действия). Побуждение может явиться суммарным результатом вовлечения + фоновых факторов + воздействия на мишени или стимулироваться специальными приемами – подталкиванием к включению нужного психологического механизма у ад-

ресата (внутреннее побуждение), а также прямой актуализацией требуемого мотива, подходящим распределением ролей (позиций в общении), включением адресата в соответствующую деятельность или референтную для него группу, подпороговым воздействием и т.п.

Сопоставим данную модель с моделями психологического воздействия, предложенными другими авторами. Нам известны две группы соответствующих работ. В первой из них наиболее востребованной оказалась **модель Френча—Рейвена [3], описывающая состояния инициатора воздействия**. Вначале модель была разработана авторами для ситуаций воздействия руководителей на подчиненных, затем она нашла применение и в других сферах психологического воздействия.

Типологии элементов воздействия с точки зрения инициатора в модели Френча—Рейвена представлены на рисунке 2. Приводим их в оригинальном виде, сохраняя терминологию ее авторов: агент влияния (инициатор), объект влияния (адресат), доступные основания власти (потенциал влияния).

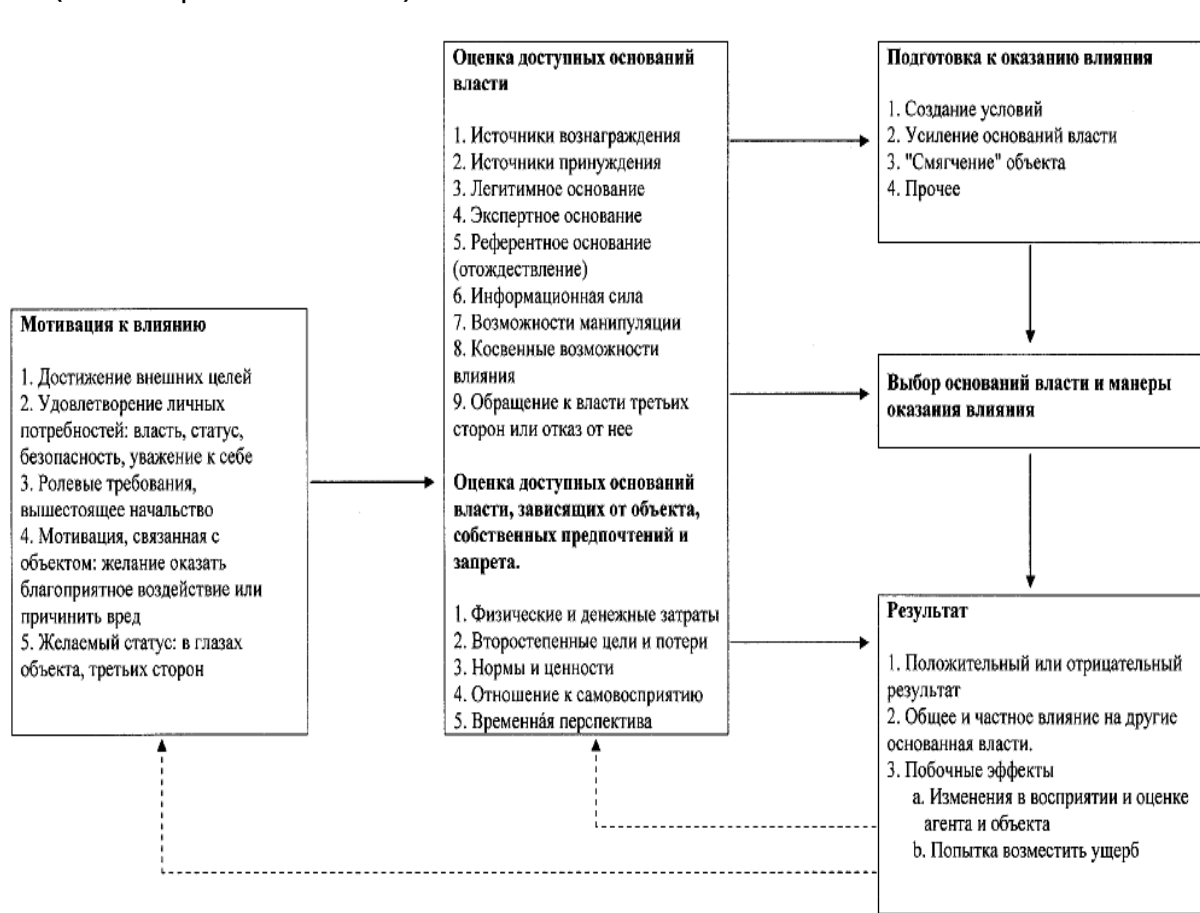

Рис. 2. Модель состояния инициатора воздействия [3]

Ряд работ посвящен изучению типов реакции адресата на различные социально-психологические воздействия и последующему построению **описательных моделей состояния и поведения адресатов воздействия**. Такие модели предложили P. Neil (1986); P. Neil и M. Van Leenwen (1993); D. Levy, B. Collins и P. Neil (1998); P. Neil, G. MacDonald и D. Levy[4].

Наибольшее продвижение в данном направлении достигнуто в последней работе [4]. Ее авторы выделили 16 типов реакций адресатов на воздействия в зависимости от сочетаний следующих дихотомий: позиции адресата до влияния и после него; его согласие или несогласие с инициатором; публичное поведение и лично принимаемая им позиция. Упомянутые выше четыре измерения этой модели: публичное поведение адресата по отношению к инициатору до воздействия и после него; личное отношение адресата к позиции инициатора до воздействия и после него. (Привести здесь графическое изображение модели Нейла-Макдональда–Леви не представляется возможным из-за ограниченности объема настоящей публикации)

Соединить все предложенные модели позволяет **общая схема психологического воздействия**, представляющая собой следующую триаду:

Рис. 3. Триада психологического воздействия

Суммируя сказанное выше, видим, что модель, предложенная автором статьи (с одной стороны) и модели Френча–Рейвена и Нейла – Макдональда – Леви (с другой) взаимно дополняют друг друга, относясь к разным звеньям триады воздействия. Модели зарубежных коллег описывают *состояние инициатора и адресата воздействия*, а модель автора статьи — именно сам *процесс* психологического воздействия.

Таким образом, можно объединить эти модели различных блоков триады воздействия в одну модель (рис. 4):

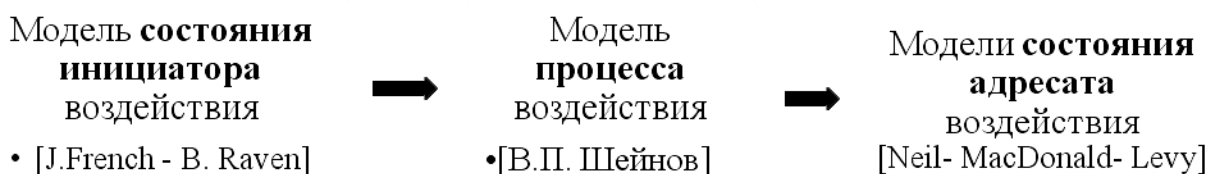

Рис. 4. Интегративная модель психологического воздействия

Эту модель естественно назвать **интегративной**, поскольку *интегративный* означает «*составляющий единое целое, объединяющий*». Полученная интегративная модель действительно описывает механизмы реализации психологического воздействия на всех его этапах.

Литература:

1. Кабаченко, Т.С. Методы психологического воздействия. / Т.С. Кабаченко – М.: Пед. о-во России, 2000 – 539с.
2. Шейнов, В.П. Психологическое влияние / В.П. Шейнов. 2-е изд. – Минск: Харвест, 2007. – 800 с.
3. Raven, B.H. A power interaction model of interpersonal influence: French and Raven thirty years later // Journal of Social Behavior and Personality, 1992, Vol. 7, No. 2, с. 217-244.
4. Nail, P.R. Proposal of a four-dimensional model of social response – / P.R. Nail, G. MacDonald, D. Levy // Psychological Bulletin, 2000. Vol. 126, No 3, с. 454-470.

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ, ЖЕЛАЮЩИХ ОБМАНУТЬ СВОЕГО СОБЕСЕДНИКА

Шекетера А.А.

Томский государственный университет, факультет психологии

В нашей жизни мы можем наблюдать такое явление как ложь. Существуют обстоятельства, которые толкают каждого из нас исказить факты, но все-таки, большинство из нас лгут в крайних случаях, - в ситуациях, угрожающих нашему физическому или психическому благополучию. Не все обладают способностью лгать правдоподобно, то есть, таким образом, чтобы не обнаружить собственным поведением факта лжи, однако даже людям, способным ко лжи, не удастся обмануть всех. Если мы знаем о сигналах, которые говорят, что человек лжет, следовательно, мы можем эту ложь распознать и постараться выяснить правду.

Целью нашего исследования было выявление особенностей невербальной коммуникации респондентов, желающих обмануть собеседника.

Задачи:

- Сравнение невербальных мимических, пантомимических признаков и признаков, обусловленных вегетативной нервной системой в ситуациях, когда человек лжет и когда он говорит правду;
- Систематизация полученных данных, для практического применения в определении лжи в невербальных проявлениях человеческого общения.

Мы решили проверить эмпирически, что когда человек говорит неправду, его мимика, пантомимика и проявления вегетативной нервной системы (ВНС) могут помочь собеседнику понять, что данное сообщение является ложью. Данные практические исследования существуют в Америке, однако не все результаты можно переносить на Россию. Несмотря на то, что многие «сигналы» проявлений лжи являются одинаковыми для большинства людей, крайне важно учитывать личные, национальные и территориальные особенности проявлений мимики, пантомимики и ВНС у каждого отдельно взятого человека.

Нами было проведено пилотажное исследование методом наблюдения, с целью выявить типичные признаки лжи в невербальных проявлениях. В исследовании приняли участие 6 человек: 3 девушки и 3 юноши, студенты Томского государственного университета.

При встрече с каждым из испытуемых, ему давалась следующая инструкция: рассказать о своей семье историю, которая не являлась бы правдивой, в течение полутора минут, рассказы респондентов были сняты на видеокамеру. Участникам эксперимента давалось время, чтобы придумать общую суть рассказа, перед ними не ставилась задача скрывать невербальные проявления своей лжи. Затем, спустя две недели эти же респонденты рассказывали правдивую историю. Это были либо общие истории о семье, либо рассказ конкретного случая из жизни. Испытуемые сами выбирали, о чем им рассказывать.

После эксперимента проводилась обработка данных в ситуации лжи/правды, выявлялась яркость проявлений, их частота.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

- Неправдивые рассказы испытуемых сопровождалась более активной иллюстративной жестикуляцией. Это в некоторой степени опровергает данные, полученные в исследованиях Пола Экмана, который утверждал, что во время лжи количество иллюстраций уменьшается.[2]
- Девушки более активно используют жестикуляцию в своей речи, чем юноши.
- Вне зависимости от истинности / ложности рассказа, перед началом люди демонстрировали более закрытые позы. Нам кажется, что это связано, скорее с волнением и необходимостью на ходу составлять рассказ, нежели чем это определяет, лжет человек или нет.

- Мимика и движения головой во время того, когда человек говорит правду, были более расслаблены, свободны и движений было больше, чем во время того, когда он лгал.
- Движение бровями тоже было и во время того, когда испытуемые лгали и когда они говорили правду, но если в первом случае это было практически постоянное движение, то во втором движения бровями сопровождали эмоциональные высказывания.
- Довольно частым проявлением было учащение сглатывания и дыхания, это происходило от того, что у людей пересыхало в горле во время того, как они говорили не правду.
- Во время того, как человек говорит неправду, глаза более подвижны, тогда как при рассказе правды, испытуемый чаще смотрит в камеру. Чаще всего, когда испытуемые говорили неправду, они смотрели вправо и вниз, либо только вниз.

Существуют определенные «сигналы», которые в совокупности помогают определить, лжет ли человек или говорит правду. Но ключевым словом здесь является «совокупность». Если мы будем брать сигналы по отдельности, то не сможем правильно определить достоверность.

Довольно необычным было то, что наши результаты не совпали с мнением Пола Экмана о том, что иллюстрации во время лжи должны сокращаться. Это может быть связано с тем, что Экман проводил свои исследования среди американцев, возможно среди русских существует обратная зависимость. Но это лишь предположение, которое в дальнейшем мы планируем проверить, увеличив количество респондентов.

Литература:

1. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9-16.
2. Экман Пол. Психология лжи / Пол Экман. – СПб., 2001. – 270 с.

ТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Шмырева О.И.

*ГОУ ВПО Воронежская государственная технологическая академия,
г. Воронеж*

Индивидуальное развитие усложняется и, возможно, ускоряется в связи с кризисом филогенеза в эпоху цивилизационного слома, соот-

ветственно, возникает необходимость в активизации ресурсов психики и неиспользуемого в должной мере потенциала эмоциональности. Известно, что эмоции оказывают наиболее широкое и глубокое влияние на развитие индивида, чем когнитивная сфера [4]. Однако система образования и воспитания продолжает строиться без учета определяющей роли эмоционального фактора, несмотря на повышенное внимание к эмоциям в психотерапии. Эмоции локализованы на всех уровнях индивидуальной психики: собственно бессознательного, подсознания, сознания и надсознательного. Например: «эго-контролируемые» чувства счастья и несчастья, неконтролируемые эмоции удовольствия/неудовольствия, неконтролируемые аффекты [7]. Вторая и третья группы эмоциональных явлений локализируются в бессознательных структурах.

Эмоции являются индикатором восприятия значимости происходящего, возникают в условиях дефицита информации и выполняют ряд функций: мобилизации психической энергии, регуляции активности субъекта, изменения дистанции между объектами, интуитивного прозрения (эвристическую функцию), кристаллизации желаний, реструктурирования реальности, перевода информации с одного уровня психики на другой, способствуют ясности мышления либо сужению сознания (при аффекте, страхе), сигнализируют о прекращении либо возобновлении поисковой активности. Эмоциональные переживания, в частности стрессы, согласно единой концепции сознания и эмоций [1] стимулируют когнитивное развитие, участвуют в динамике деятельности и сознания. Глубина переживаний уменьшается при недостатке времени (стрессе).

Эмоции могут играть в жизни человека разрушительную роль при дезорганизации функционирования организма и деятельности человека вследствие деструктивной модальности и силы возбуждения. Полярность эмоциональных реакций способствует саморазрушению собственной жизни [6]. Подавление эмоций ведет к ухудшению здоровья (психосоматическим заболеваниям), депрессиям, снижению жизнеспособности человека вплоть до прекращения им борьбы за существование.

Потенциал эмоциональности далеко не в полной мере используется человеком, т.к. в различных культурах выработаны способы по-

давления нежелательных или не соответствующих моральным и социальным нормам эмоциональных явлений — чувства любви в Китае, гнева – в Непале и пр. [2].

Развитие эмоциональной сферы доказывает убедительную роль социализации и взаимоотношений ребенка с непосредственным окружением на основе общих биологических механизмов, индивидуального генотипа. Знаменательна роль первого года жизни вследствие формирования типа привязанности ребенка к взрослому, это оказывает влияние на эмоциональные переживания и поведение в последующей жизни. Ключевые характеристики культуры создают желаемый общностью фон для восприятия и оценки эмоций, при этом данный фон может оказаться неблагоприятным для представителей чужих культур [2].

Существует изначально присущая классическому психоанализу идея о взаимосвязи эмоций и творческого компонента — эмоции трансформируются путем механизма сублимации в творческую деятельность. Творческий процесс протекает в сознании и надсознательном, характеризуясь эмоциональной активацией: состоянием вдохновения, радости, пиковых переживаний (творческого экстаза, озарения). Творчество по своей сути полиморфно, многоаспектно.

В соответствии с всеобщим универсальным дифференциационно-интеграционным законом развития на каждом новом витке фило- и онтогенеза происходит усложнение творческой деятельности – по мере взросления человека эмоции переходят в интеллектуальную творческую деятельность.

Мы опирались на концепцию понимания творчества как формы развития, как механизма движения (Я.А. Пономарев). Структура творческой деятельности и уровни организации творческого процесса представлены в трудах Я.А. Пономарева [3], которым детально описана природа творчества, сформулирован общий закон преобразования этапов развития в структурные уровни его организации и ступени дальнейших развивающих взаимодействий, а также построена принципиальная схема этого закона. В понимании природы творчества он обозначил две традиции: первая связывает творчество с деятельностью человека, направленной на самовыражение, самоактуализацию личности, поскольку потребность в самореализации является базовым

конструктом развивающейся личности; вторая традиция исследует творчество как решение задач.

Творческая активность связана с изменением состояния сознания. Как показано О.К. Тихомировым, эмоции выполняют в творчестве регулирующую и эвристическую функции, находя приблизительную область решения задач путем «сканирования» общего пространства возможных решений с тем, чтобы после обнаружить перспективные области. Эмоциональные переживания в данном случае либо сигнализируют о прекращении поиска, либо вновь организуют его. Условием активации надсознательных структур психики, обуславливающих творческий процесс, служат измененные состояния сознания. Нам близка идея Е.Т. Соколовой [5] о положительной роли моделирования нестандартных (в том числе стрессовых) ситуаций в жизнедеятельности, которые способны активировать творческий потенциал Эго. Нестандартные ситуации эффективны в случаях недостаточной мотивации на саморазвитие.

Следовательно, одной из форм индивидуального развития и его движущей силой является творческий подъем, а механизмом развития — эмоции, которые выполняют преобразующую функцию в онтогенезе. Институты социализации «закладывают» желаемую эмоциональную нагрузку в культурный фон общества, далее особенности национальной психики служат структурообразующим фактором индивидуального развития.

Динамика развития и саморазвития человека как открытой системы есть процесс приобретения им качественно новых, «эмерджентных» свойств (англ. emergence — возникновение, появление нового), роста самосознания и разнообразия форм активности (для психической активности — усложнение и дифференциация эмоциональных явлений, развитие когнитивной и волевой сфер личности). Эмоциональная активность проявляется двунаправлено: вовне и вовнутрь, участвуя в саморазвитии, социальном и духовном развитии. Следовательно, эмоциональное развитие есть свойство общего развития или механизм, его обеспечивающий.

Таким образом, эмоциональное развитие личности выполняет творческую функцию: способствует развитию самости как системообразующего фактора, дифференцирует и интегрирует свойства челове-

ка как индивида, личности и субъекта в его индивидуальность; координирует деятельностные проявления во всех сферах личности; проектирует перспективу, или выполняет «опережающее отражение».

Список литературы:

1. Александров Ю.И. От эмоций к сознанию / Ю.И. Александров / Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «ИП РАН», 2006. – С. 304 – 322.

2. Бреслав Г.М. Психология эмоций / Г.М. Бреслав. 2-е изд., стер. М.: Смысл: Изд. Центр «Академия», 2006. – 544 с.

3. Пономарев Я.А. Психология творения / Я.А. Пономарев. М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 480 с.

4. Симонов П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов; АН СССР. Ин-т высшей нервной деятельности и нейрофизиологии. М.: Наука, 1981. – 215 с.

5. Соколова Е.Т. Аффективно-когнитивная дифференцированность / интегрированность как диспозиционный фактор личностных и поведенческих расстройств / Теория развития: дифференционно-интеграционная парадигма / Сост. Н.И. Чуприкова. М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 151 – 166.

6. Улыбина Е.В. Эмоциональная поглощенность как смерть объекта: депрессивное обаяние Катерины / Е.В. Улыбина // Мир психологии. М. – Воронеж, 2002. № 4 (32). – С. 135 – 152.

7. Harms E. (1967). A differential concept of feelings and emotions. In: M.L. Reymert (ed.), Feelings and emotions. The Moosehart symposium. (pp. 147 – 157). New York: Hafner Publishing Company.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИГРОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ
С ОСОБЕННОСТЯМИ АНТИЦИПАЦИОННОЙ
И ВОЛЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ
И ЛИЦ С ДЕВИАНТНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ**

Щевлягина М.Б.

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань

Актуальность изучения аддиктивных (зависимых) расстройств обусловлена широкой распространенностью и влиянием на деструктивное поведение [1]. Компьютерные Интернет-зависимости являются новыми клиническими формами аддиктивного поведения. Особый интерес представляет изучение дезадаптивной и компенсаторной функций игровой компьютерной аддикции у психически больных — с шизофренией, эпилепсией, расстройствами личности, алкоголизмом и наркоманией. Это связано с тем, что в структуру данных заболеваний

входят облигатно значимые психопатологические феномены, которые могут играть существенную роль в развитии т.н. расстройств привычек и влечений [2].

В силу одностороннего подхода к изучению проблемы зависимого поведения как негативного феномена, возникло несоответствие между теоретическими представлениями о патологической личности и эффективностью практических программ профилактики и коррекции игровой компьютерной зависимости у лиц, обращающихся за психологической помощью [2].

Для разработки программ помощи таким пациентам необходимо исследовать индивидуально-психологические особенности, взаимосвязанные с формированием игровой зависимости. А именно особенности антиципационной и волевой деятельности, поскольку они являются важной составляющей формирования адаптивного и дезадаптивного паттернов и могут быть включены в пато- и саногенез этих нарушений.

Таким образом, существующие неразрешённые противоречия, недостаточная научная разработанность и в то же время актуальность выделенного вопроса позволяют сформулировать научную проблему данного исследования, состоящую в определении наличия и характера взаимосвязи игровой компьютерной зависимости с особенностями антиципационной и волевой деятельности у психически больных и лиц с девиантными формами поведения. Решение данной проблемы актуально для медицинской психологии, поскольку предполагает получение научно значимого результата, пополняющего базу знаний как о самом феномене игровой компьютерной зависимости, так и об особенностях больных, страдающих психическими расстройствами и лиц с девиантными формами поведения.

Целью исследования является изучение взаимосвязи зависимости от компьютерных игр с особенностями антиципационной и волевой деятельности у психически больных и лиц с девиантными формами поведения.

В рамках обозначенной в ходе теоретического анализа проблемы и в соответствии с целью исследования, были выдвинуты гипотезы:

- Патологическая игровая компьютерная деятельность имеет специфические психологические особенности и проявления при

разных психических расстройствах и девиантных формах поведения.

- Патологическая игровая компьютерная деятельность связана с нарушением антиципационной способности личности психически больных и лиц с девиантными формами поведения.
- Патологическая игровая компьютерная деятельность связана с нарушением волевой деятельности личности психически больных и лиц с девиантными формами поведения.

В реализованном исследовании приняли участие лица мужского пола 20-30 лет, проходившие лечение в РКПБ им. В.М. Бехтерева г. Казани и в Казанском городском наркодиспансере. Вся выборка была разделена на 5 экспериментальных групп: больные шизофренией (27); эпилепсией (18); расстройствами личности (15); алкоголизмом (17); наркоманией (15). Контрольную выборку составили здоровые испытуемые (не состоящие на учёте у психиатра и нарколога) того же возраста (28).

Каждой из групп был предложен следующий блок психодиагностических методик: 1. Тест «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича, 2. Разработанная анкета на изучение склонности к игровой компьютерной зависимости, 3. Нормированная шкала диагностики волевых расстройств Л.О. Пережогина, 4. Тест «Антиципационной состоятельности» В.Д. Менделевича. Перед началом обследования с каждым пациентом проводилась индивидуальная беседа. Все полученные данные впоследствии подверглись статистическому анализу.

В результате изучения специфики антиципационной состоятельности и волевой деятельности у лиц с психическими заболеваниями (шизофренией, эпилепсией и расстройствами личности) и девиантными формами поведения (алкоголизмом и наркоманией) удалось пролить свет на особенности возникновения изучаемой поведенческой зависимости у данных больных. Было обнаружено, что в каждой группе испытуемых игровая компьютерная аддикция взаимосвязана с комплексом различных особенностей антиципационной и волевой деятельности. Таким образом, была подтверждена гипотеза №1 о том, что патологическая игровая компьютерная деятельность имеет специфические психологические особенности и проявления при разных психических расстройствах и девиантных формах поведения. Однако в ходе

исследования было выявлено, что нарушения волевой деятельности и антиципационной состоятельности имеют место лишь у больных эпилепсией, наркоманией и расстройствами личности. Поэтому в этих группах пациентов игровая компьютерная зависимость представляет наибольшую угрозу для психологического благополучия и развития личности. У больных шизофренией, алкоголизмом и у контрольной группы – здоровых испытуемых данных расстройств обнаружено не было. Наоборот, было обнаружено улучшение показателей. Соответственно гипотеза №2 о том, что патологическая игровая компьютерная деятельность связана с нарушением антиципационной состоятельности личности и гипотеза №3 о том, что патологическая игровая компьютерная деятельность связана с нарушением волевой способности личности подтвердились частично (не для всех групп больных). В связи с этим можно предположить, что игровая компьютерная активность влияет на снижение переживания уровня болезни в данных группах. Однако, принимая во внимание природу возникновения склонности к зависимому поведению в отношении компьютерных игр у больных шизофренией, не стоит строить благоприятного прогноза. Не исключено, что с развитием черт зависимой личности появятся и нарушения волевой и антиципационной сферы. Да и в случае с больными алкоголизмом можно считать сомнительным выбранный ими способ компенсации, поскольку возникновение новой зависимости может привести много новых проблем в жизнь аддикта.

На основе полученных результатов и с учётом положительного влияния компьютерных игр на некоторые психические заболевания предполагается разработать новейшие эффективные программы помощи пациентам, страдающим шизофренией, эпилепсией, расстройствами личности, алкоголизмом и наркоманией.

Литература:

- 1) Руководство по аддиктологии / Под ред. Проф. В. Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. – 768с.
- 2) Хафизова Г.Д. Специфика взаимосвязи прогностической и волевой деятельности с клинико-психологическими особенностями пациентов с расстройствами личности и патологическим гемблингом: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01, 19.00.04 / Г.Д. Хафизова ; КГМУ. – Казань, 2009. – 23с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Эксакусто Т.В.

*Технологический институт Южного федерального университета
в г. Таганроге*

На сегодняшний день в ряду возможных психических и психологических состояний человека выделяют и состояние психологической безопасности (А.В. Непомнящий, 2006; Н.А. Лызь, 2005), что подчеркивает, с одной стороны, динамичность изменений, происходящих с человеком, связанных с наличием опасности – безопасности, с другой – целостность и относительную стабильность системы (как совокупность личностных и субъектных качеств). Теоретический анализ психологической безопасности показал, что можно выделить основные сферы ее локализации: информационно-психологическую, профессиональную или учебную, сферу межличностных отношений (Т.В. Эксакусто, Н.А. Лызь, 2010). Психологическая безопасность «локализованная» в сфере межличностных отношений позволяет говорить о социально-психологической безопасности (СПБ). Соответственно, являясь частным случаем психологической безопасности, СПБ может определяться как состояние динамического баланса (соответствия) внутреннего потенциала субъекта и угрожающих условий различного генеза, проявляющееся в наличии гармоничных, приносящих удовлетворение взаимоотношений, характеризующихся защищенностью (отсутствием деформаций, нарушений и трудностей, а также толерантностью в отношениях). Структура социально-психологической безопасности определяется эмоционально-мотивационным, когнитивным и поведенческим компонентами, критериями которых выступают удовлетворенность отношениями, их гармоничность и защищенность. Устойчивой личностной основой такого состояния является потенциал субъекта, включающий совокупность ценностно-смысловых ориентаций и личностных качеств, определяющий как сами характеристики психологической безопасности, так и достижение взаимосответствия между ними.

Как и любое состояние, СПБ является целостной характеристикой отношений человека к окружающему пространству в некоторый период времени относительно степени соответствия его потенциала, воз-

можностей и статуса в данный момент как уровню его же притязаний, ожиданий, планов и надежд, так и реальным условиям социума. Изменение, динамика социально-психологической безопасности естественным образом обусловлена возможностью преодоления трудностей, угроз, опасностей: в случае их успешного преодоления появляется возможность развития, самосовершенствования субъекта и наоборот, невозможность преодоления трудностей, угроз, опасностей различного генеза может приводить к деструктивным изменениям личности субъекта, регрессивным тенденциям в его развитии (это положение соотносится с исследованиями К.А. Абульхановой, 1999; Б.К. Айгуновой, 2007; С.Л. Братченко, 1997; Д.А. Леонтьева, 2002, 2007; Г.А. Ковалева 1987, 1989 и др.). Можно предположить, что характер динамики СПБ напрямую связан с потенциалом безопасности субъекта, его способностью к саморазвитию, самосовершенствованию, что возможно и необходимо развивать в специально созданных условиях психологического сопровождения и психологической поддержки.

Актуальность создания программ психологической поддержки, направленных на развитие социально-психологической безопасности субъектов обусловлена целым рядом причин, как правило, социально-психологического характера: снижение эффективности межличностных взаимодействий, рост межличностной дистанции, увеличение доли опосредованного общения (снижение непосредственных межличностных контактов), рост негативных эмоциональных переживаний связанных со страхом угроз, манипуляций, оскорблений и т.п. Как было показано выше, основными показателями социально-психологической безопасности являются: гармоничный характер взаимодействий и взаимоотношений; удовлетворенность межличностными отношениями; чувство защищенности от негативных психологических воздействий (унижений, оскорблений, угроз, принуждений, игнорирования, манипулирования и т.п.) со стороны партнеров по взаимодействию; отсутствие напряженности, трудностей, нарушений в отношениях (в том числе в общении). С другой стороны возможность личностного развития, роста самосознания, жизнестойкости, рефлексии «позитивных» базовых убеждений — являются показателями потенциала СПБ. Именно посредством диагностики, профилактики и коррекции этих особенностей возможно формирование и развитие как социально-

психологической безопасности в целом, так и потенциала СПБ в частности. Таким образом, развитие СПБ ведется по двум направлениям: с учетом «макроуровня» (имеется в виду система межличностных отношений) и с учетом «микроуровня» — потенциальных способностей, возможностей человека.

В соответствии с данными особенностями была разработана программа тренинга социально-психологической безопасности субъектов отношений. Основными его задачами стали: создание условий для формирования стремления к самопознанию, развития способности понимать свои переживания, выражать и контролировать их в процессе взаимодействия с окружающими; формирования гармоничности в межличностных отношениях, развития способности открыто выражать свои чувства; создание условий для развития защищенности в межличностных отношениях: снижения барьеров в общении, развития толерантности, для развития потенциала СПБ субъектов: жизнестойкости, осознания целей, ценностей, смысложизненных ориентаций.

В тренинговую группу вошли молодые люди в возрасте 19 - 25 лет (студенты вуза), юноши и девушки, имеющие низкие и средние показатели социально-психологической безопасности, в том числе по критериям удовлетворенности, гармоничности, защищенности в межличностных отношениях. Отбор в группу проводился как на основе результатов диагностики, так и на основе принципа добровольности. Ориентация на групповую форму проведения занятий обусловлена тем, что группа рассматривается как модель реальной жизни, как микросоциум, где каждый участник имеет возможность проявить себя, осознать собственные установки, проявляющиеся в межличностных отношениях, что способствует росту социально-психологической безопасности.

На сегодняшний день результаты работы группы анализируются и оформляются, однако можно говорить о первых полученных данных, собранных в виде обратной связи. Приведем в качестве примера ответы на вопросы, предлагаемые на заключительном занятии тренинговой группы. Так при ответе на вопрос: «Какие изменения произошли с Вами в процессе работы группы?», участники отмечают, что для них наиболее ценным было узнать себя и других с новой стороны. Молодые люди были рады приобретению нового опыта в области самопознания и развития более позитивного, конгруэнтного отношения к се-

бе и другим. Несмотря на то, что ответы отличались разнообразием, можно условно выделить наиболее часто встречающиеся: возможность получения нового опыта в общении с другими (когнитивный компонент СПБ); более глубокое познание себя и других; стали более терпимы к другим людям и к себе (когнитивный, поведенческий компонент СПБ); стали увереннее, перестали бояться выражать свои чувства и эмоции (эмоционально-мотивационный компонент СПБ). При ответе на вопрос о том, что было наиболее привлекательным в работе группы, студенты отвечали следующее: возможность получить ответы на интересующие вопросы; возможность свободного, открытого, безопасного общения с различными людьми; обстановка доверия, сложившаяся в группе и чувство удовлетворения от этого; возможность получения обратной связи от группы (возможность «посмотреть на себя со стороны»).

Таким образом, полученная обратная связь позволяет говорить о развитии стремления к самопознанию, рефлексии молодых людей, что делает перспективной тренинговую работу с социально-психологической безопасностью как особым состоянием субъекта.

О ВАЛИДНОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ КОГНИТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ*

Юсупов М.Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11 – 16 – 16014а/В*

В последнее время для измерения когнитивной составляющей психических состояний широко используются субъективные методы. Это связано с тем, что семантические шкалы самооценки продуктивности когнитивных процессов отличаются простотой и позволяют значительно сократить время на сбор эмпирических данных. В то же время, существует проблема соотнесения результатов измерений когнитивных процессов по субъективным и объективным методикам. Во-первых, характеристики интеллектуальных процессов, полученные по шкалам самоотчета, показывают слабые корреляции (менее 0,3) с ре-

альными когнитивными способностями [9]. Во-вторых, самооценка продуктивности когнитивных процессов зависит от уровня адекватности «Я–концепции» испытуемых. И наконец, данные, полученные при помощи субъективной оценки когнитивных характеристик, являются недостаточно надежными в силу декларативности результатов опроса [1].

Вследствие этого возникает вопрос, что же именно измеряют шкалы самооценки когнитивных процессов? С целью прояснения этого вопроса нами было проведено корреляционное исследование, заключающееся в сравнении результатов измерений трех когнитивных процессов, выполненных по объективным и субъективным методикам. В качестве субъективной методики рассматривался набор субшкал из опросника «Рельеф психического состояния личности», предназначенный для самооценки параметров восприятия, внимания и памяти [6]. Для измерения объективных характеристик этих же когнитивных процессов использовались известные стандартизированные методики диагностики восприятия, кратковременной памяти и внимания [4, 5].

Основным показателем продуктивности когнитивных процессов выступала *успешность* выполнения заданий, являющаяся индикатором эффективности переработки информации в заданных условиях [8]. Соответственно, при рассмотрении полученных результатов использовалась когнитивная трактовка познавательных процессов, в соответствии с которой различные процессы рассматриваются в качестве составляющих единого механизма переработки информации.

В исследовании участвовали 144 студента естественнонаучных и гуманитарных специальностей (из них 47 юношей), средний возраст 19 лет. Измерения показателей когнитивных процессов проходили в условиях учебной деятельности студентов (семинарские занятия).

Результаты эмпирического исследования показали, что наибольшее количество связей с объективными методиками имеет шкала самооценки восприятия. Были получены корреляции этой шкалы с избирательностью внимания ($r = 0,197$; $p \leq 0,018$), устойчивостью внимания ($r = 0,179$; $p \leq 0,031$), опосредованным запоминанием ($r = 0,177$; $p \leq 0,034$), восприятием времени ($r = 0,199$; $p \leq 0,017$). Вместе с тем, корреляция самооценки восприятия с результатами по методике измерения «восприятия пространственных признаков» оказалась стати-

стически недостоверной ($r = 0,052$; $p \leq 0,539$). На основании представленных взаимосвязей можно полагать, что шкала самооценки восприятия, входящая в состав методики измерения психических состояний, измеряет не столько продуктивность собственно процессов восприятия, сколько активность системы переработки информации в целом. Действительно, об этом свидетельствуют корреляционные связи с качественно различными когнитивными процессами: восприятием времени, свойствами внимания, опосредованным запоминанием (а, следовательно, с воображением и мышлением, поскольку опосредованное запоминание тесно связано с этими познавательными процессами) [2, с.241].

Менее информативными являются результаты измерения по шкале самооценки памяти, поскольку корреляционный анализ не выявил взаимосвязей между субъективными и реальными показателями, полученными при помощи методик измерения процессов запоминания и воспроизведения (вербального и числового материала). Были вычислены следующие корреляции: с методикой «запоминания 10 слов» ($r = 0,041$; $p \leq 0,627$), с методикой «запоминания 10 чисел» ($r = 0,050$; $p \leq 0,551$), с показателями оперативной памяти ($r = 0,083$; $p \leq 0,322$), с опосредованным запоминанием ($r = 0,113$; $p \leq 0,178$). В то же время, статистически значимыми оказались взаимосвязи субъективных оценок памяти с избирательностью внимания ($r = 0,167$; $p \leq 0,046$) и восприятием времени ($r = 0,264$; $p \leq 0,001$).

Что касается результатов субъективной оценки процесса внимания, то они коррелируют лишь с избирательностью внимания ($r = 0,224$; $p \leq 0,007$) и восприятием времени ($r = 0,173$; $p \leq 0,038$). Остальные корреляции не являются статистически значимыми: с объемом внимания ($r = 0,118$; $p \leq 0,160$), с концентрацией внимания ($r = 0,005$; $p \leq 0,950$), с распределением внимания ($r = 0,021$; $p \leq 0,800$), с переключением внимания ($r = 0,120$; $p \leq 0,153$) и с устойчивостью внимания ($r = 0,110$; $p \leq 0,190$).

Сравнительный анализ обнаруженных взаимосвязей показывает следующую особенность — результаты, полученные по субъективным шкалам восприятия, внимания и памяти непременно коррелируют с данными, измеренными по методикам восприятия времени и избирательности внимания. В этой связи необходимо отметить, что избира-

тельность выступает существенной характеристикой внимания и выражает отношение к предмету деятельности. Эта характеристика связана с потребностями, мотивами и направленностью личности [7]. Поэтому можно предположить, что шкалы самооценки когнитивных проявлений состояний несут некоторую личностную «нагрузку». Об этом свидетельствует и взаимосвязь субъективных шкал с показателями методики восприятия времени. Действительно, время связано не только с особенностями актуального психического состояния человека (например, в состоянии подавленности время течет медленнее), но и с личностным смыслом выполняемой деятельности, что проявляется в феноменах субъективной переоценки или недооценки скорости течения времени [3].

Подводя итог проделанной работе, можно констатировать, что взаимосвязи показателей самооценки когнитивных проявлений психических состояний и результатов, полученных по объективным методикам измерения когнитивных процессов, являются незначительными (величины линейных корреляций по Пирсону менее 0,27), либо фактически близки к нулю. Субъективные оценки когнитивных проявлений психических состояний, по-видимому, являются отражением личностных особенностей испытуемых и позволяют получить лишь обобщенную информацию о «работе» системы переработки информации.

Кроме того, можно предположить, что при измерении когнитивного компонента психических состояний, широкий набор субъективных шкал, включающий оценку всех аналитически выделяемых когнитивных процессов, является избыточным. Например, как показывают рассмотренные выше эмпирические данные, для субъективной оценки продуктивности когнитивных процессов достаточно использовать шкалу самооценки восприятия, поскольку она коррелирует с результатами тех же объективных методик, с которыми взаимосвязаны шкалы самооценки памяти и внимания.

Литература:

1. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2003. – 320с.
2. Зинченко Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб.: Питер, 2002. – 320с.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. – 511с.
4. Марищук В.А. и др. Методики психодиагностики в спорте. М.: Просвещение, 1990. – 305с.

5. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. СПб.: Питер, 2006. – 560с.
6. Прохоров, А.О. Психология неравновесных состояний. М.: Ин-т психологии РАН. 1998. – 152с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. – 720с.
8. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. – 272с.
9. Paulhus D.L., Lysy D.C., Yik M.S. Self-report measures of intelligence: Are they useful as proxy IQ tests? // Journal of Personality. 1988. Vol.66. P.525-554.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, СОЦИАЛЬНАЯ И МИКРОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ БОЛЬНЫХ ЭПИЛЕПСИЕЙ

Якунина О.Н.

Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, г. Санкт-Петербург

При анализе психологической литературы можно встретить исследования, в которых ставится вопрос о связи социальной, микросоциальной и трудовой адаптации с особенностями личности больных эпилепсией. Некоторые исследователи полагают, что основными чертами личности, которые делают больных нетрудоспособными, являются раздражительность, эксплозивность, агрессивность, эгоцентризм, ригидность, ипохондричность. Получение образования, трудоустройство, создание семьи и общение являются социально-значимыми и уязвимыми сферами жизни больных эпилепсией. Болезнь может вызвать нарушения в этих сферах социального функционирования. В то же время напряжённость, неудовлетворённость в этих областях жизнедеятельности вызывает клиническую декомпенсацию пациентов. Характеристики больного эпилепсией как субъекта трудовой деятельности тесно связаны с его свойствами как субъекта познания и общения. Наиболее тесные и неформальные контакты между людьми устанавливаются в сфере семейных отношений. В семье ярче всего проявляются особенности личности каждого из ее членов. Благоприятные внутрисемейные отношения являются фактором положительных спонтанных психокорректирующих воздействий. Изучение микроклимата в семье, ценностных ориентаций ее членов, направлений личностного роста имеет большое значение для повышения уровня социальной адаптации пациентов. Клинико-психологическим аспектам семейных

отношений в детской эпилептологии уделяется достаточно большое внимание, но исследований внутрисемейных отношений у взрослых пациентов мало. Обследовано 30 семейных больных эпилепсией с различными клиническими проявлениями заболевания. В качестве диагностического средства использована Шкала семейного окружения (ШСО) в адаптации С.Ю.Куприянова (1985). Эта методика под названием Family Environmental Scale (FES) была предложена R.H.Moos (1974) и предназначена для оценки социального климата в семье и ценностных ориентаций ее членов, направления личностного роста. Исследование внутрисемейных отношений у больных эпилепсией позволило обнаружить такие особенности как высокий уровень конфликтности, высокую степень открытого выражения гнева и агрессии, низкий уровень сплочённости. В семьях больных эпилепсией более высок уровень социального контроля, реже выявляется ориентация на интеллектуально-культурные и эстетические ценности, а также на активный отдых. Эти особенности формируются под влиянием болезни, которая вносит ограничения в образ жизни пациентов. Наличие припадков у кого-либо из членов семьи держит в постоянном напряжении и волнении всю семью. Гиперстенические черты затрудняют, а гипостенические способствуют сохранению отношений в семье. Микросоциальная компенсация больных в значительной степени зависит от особенностей личности здоровых супругов. К частым конфликтам между супругами и вследствие этого к ухудшению клинического состояния больного приводят гиперстенические и психопатоподобные проявления, низкий уровень самоконтроля и стремление к доминированию у здоровых супругов, а также неправильное отношение к патологическим реакциям больных. Перечисленные особенности больных и здоровых выступают как факторы компенсации или декомпенсации не только внутрисемейных отношений, но и в любой ситуации общения.

Знание психологического микроклимата в семье имеет большое значение для организации психокоррекционной работы с больным и его окружением. В диагностике особенностей личности и межличностных отношений больных эпилепсией существенная роль отводится экспериментально психологическим методам. Полученные результаты используются в психокоррекционной работе и способствуют решению социально-значимых проблем больных эпилепсией.

Проведённое исследование позволило обнаружить такие особенности внутрисемейных отношений у больных эпилепсией как высокий уровень конфликтности, высокая степень открытого выражения гнева и агрессии, низкий уровень сплочённости. Атмосфера в семьях больных эпилепсией порой недостаточно проникнута чувством заботы и взаимопомощи, выражением чувства доверия и любви. Возможно, этому препятствуют такие качества больных как повышенная вспыльчивость, раздражительность, обидчивость, сенситивность, эгоцентризм и др. В семьях больных эпилепсией реже выявляется ориентация на интеллектуально-культурные (ИКО) и эстетические ценности, а также на активный отдых (ОАО). Безусловно, эти особенности формируются под влиянием болезни, которая вносит ограничения в образ жизни семьи. Многие больные имеют ослабление когнитивных функций, что не позволяет достигнуть высокого уровня образования и высокой квалификации профессиональной деятельности. Снижение уровня социально-трудовой адаптации побуждает пациентов к установлению группы инвалидности. Наличие приступов мешает в занятии спортом, некоторыми видами творческой деятельности. В семье больного более высок уровень контроля, возможна гиперопека. Наличие припадков у кого-либо из членов семьи держит в постоянном напряжении и волнении всю семью. Сами больные не склонны к расторжению брака, даже при наличии определённых трудностей. Они стремятся к сохранению семьи, понимая, что в случае её потери они могут остаться одинокими.

Таким образом, полученные результаты раскрывают особенности микроклимата в семье больных эпилепсией и имеют значение для организации психокоррекционной работы с больным и его окружением.

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ. ВЛИЯНИЕ МЕЖПОКОЛЕННЫХ СВЯЗЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Малькова И.Н.

*Ярославский государственный университет имени К.Д. Ушинского,
г. Ярославль*

История семьи – сложный и мало изученный в науке феномен. Во многом это обусловлено отсутствием научных теоретических концеп-

ций и надежного инструментария. Возрастающий же сегодня интерес людей к изучению истории своей семьи, влиянию прошлого и становящееся все более популярным использование трансгенерационного метода в рамках практической психологии и психотерапии обуславливает актуальность психологических исследований трансляции семейной истории и семейного опыта.

В нашей работе мы обратились к проблеме влияния межпоколенных связей и семейного опыта на формирование материнского отношения в период беременности. Беременность является критическим переходным периодом в жизни женщины, а также ее семьи. Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют о том, что материнское отношение не формируется одномоментно, а проходит определенный путь становления, и период беременности является важнейшим этапом его формирования [2].

Основной концепцией, на которую мы опирались в нашем исследовании, является предложенная М. Боуэном концепция наследования внутрисемейных паттернов отношений [1]. Согласно этой концепции определенные базисные способы отношений между матерью, отцом и ребенком воспроизводят историю отношений прошлых поколений и будут воспроизведены в последующих. В качестве одного из таких паттернов мы выделили материнское отношение.

Гипотезой нашего исследования являлось предположение о том, что семейный опыт оказывает влияние на формирование материнского отношения.

Объектом нашего исследования являлись женщины в период беременности (27 – 41 неделя – третий триместр беременности).

В ходе исследования семейной истории и материнского отношения мы использовали следующие методы: геносоцграмма, полуструктурированное интервью, рисунок своей семьи, незаконченные предложения, цветовой тест отношений, тест отношений беременной.

Математическая обработка результатов включала в себя корреляционный анализ Спирмена, факторный анализ, сравнительный анализ по критерию Хи-квадрат Пирсона и U-критерию Манна-Уитни.

Основным результатом исследования стало доказательство того, что факторы, относящиеся к поколению прародителей и родителей, оказывают значимое влияние на формирование материнского отно-

шения - что является свидетельством трансляции семейного опыта. Такие параметры как *разводы, физическое насилие, алкоголизм, аборты и выкидыши в поколении прародителей и родителей*, а так же *нарушенные отношения с матерью и между матерью и бабушкой* устойчиво влияют на формирование отклоняющегося от адекватного отношения к беременности, к себе как к матери, отклоняющегося от адекватного материнского отношения.

С целью выделения более глубоких латентных факторов нами была проведена факторизация всех данных исследования. В результате было выделено три латентных фактора. Первый фактор – трансляции нарушенных эмоциональных отношений в роду; второй – потенциальной материнской девиации; третий – незрелого материнства. Как показывает анализ этих факторов, причины отклоняющегося от адекватного материнского отношения скрываются в глубинах семейной истории и семейного опыта. Неспособность к установлению глубоких психологических связей и принятию на себя ответственности за другого, транслируется женщине через поколения. Паттерны психологического отказа от ребенка (аборты/ выкидыши) в поколении прародителей, как показал факторный и корреляционный анализ, связаны с предпосылками формирования отклоняющегося от адекватного материнского отношения и входят в показатели фактора потенциальной материнской девиации. Нарушенные эмоциональные отношения в роду, транслирующиеся из поколения в поколение, являются фактором формирования тревожного материнского отношения, проявляющегося в нарушении связи с ребенком, не способности устанавливать глубокие эмоциональные отношения, передаче ребенку отрицательно эмоционально окрашенного состояния.

«Жизнь каждого из нас является романом... все мы опутаны невидимой паутиной, одним из создателей которой являемся мы сами. Если бы мы научились... схватывать, лучше понимать, слышать, видеть эти повторения и совпадения, существование каждого из нас стало бы более ясным», - пишет автор метода трансгенерационной психогенеалогической концептуальной терапии А.А. Шутценбергер [3].

Период беременности можно назвать одной из важнейших глав жизни женщины. Этот критический период наиболее синзитивен к восприятию женщиной опыта прошлых поколений. От того, будут ли, и

насколько, осознаны межпоколенные связи и повторения, зависит свобода формирования отношения к будущему ребенку, сможет ли женщина прожить свое материнство, а не повторить свою мать или бабушку.

Выделенные в результате нашего исследования латентные факторы формирования материнского отношения могут являться основой для дальнейшего изучения причин формирования отклоняющегося материнского отношения. А также основой выстраивания стратегии психологической и психотерапевтической помощи женщине в период беременности и после родов.

Литература:

1. Бейкер К. Теория семейных систем М. Боуэна // Вопросы психологии, 1991. №6. С. 155 – 165.
2. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учебное пособие. М.: Изд – во института психотерапии, 2002. – 240 с.
3. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Психотерапия, 2007. – 256 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдрахманова З.Р. ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ — НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	3
Аблизина Н.В. «ГРАЖДАНСКИЙ» БРАК В РОССИИ	6
Аверьянова Е.В. КРИЗИСНОЕ ОБЩЕСТВО: ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ	10
Акопов Г.В. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ И ДОМИНИРУЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СУБЪЕКТА	14
Анкина Е.Д. ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕБЕ У КЛИЕНТА В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	17
Арова И.Н. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ГРУППОВОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ПСИХОТЕРАПИЯ. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЕЙНОГО КРИЗИСА И ПУТИ ВЫХОДА	21
Арон И.С. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОДАРЁННОГО РЕБЁНКА	27
Афанасьев П.Н. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	30
Ахмадуллина Э.А., Петрушин С.В. МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В ТРЕНИНГ-ЦЕНТРЕ ИНСТИТУТА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА	33
Ахметзянова Н.В. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРУЖБЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	36
Барова Р.А. РАБОТА В ТРЕНИНГОВОЙ ГРУППЕ «РАДУГА»	41
Башлай Э.Х. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРУППОВОЙ ФОРМЫ РАБОТЫ В ПРАКТИКЕ ШКОЛЬНОГО ПСИХОЛОГА	44
Бейнарович К.К. ОБРАЗ БУДУЩЕГО У СЛАБОВИДЯЩИХ ПОДРОСТКОВ	47
Белан Е.А. ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ НОВОГО ВРЕМЕНИ	52
Белова С.В. ТЕКСТУАЛЬНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПЕДАГОГА	55

Берне Н.	59
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ СРЕДИ ПСИХОЛОГОВ И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА	
Бескова Т.В.	63
ОРИЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ НА ДОБРО И ЗЛО И ЕЕ СКЛОННОСТЬ К ЗАВИСТИ	
Биктина Н.Н.	67
ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ГРУППОВОГО РЕШЕНИЯ	
Билецкая М.П., Бурлакова М.И.	70
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ КРИЗИСА «ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ» В СЕМЬЯХ ДЕТЕЙ С БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ	
Борисова С.Н., Боданова О.С.	74
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОПАСНОСТИ И ОПАСНОЙ СИТУАЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ	
Бочаров В.В., Шишкова А.М.	77
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СЕМЬЕ БОЛЬНОГО ОПИАТНОЙ НАРКОМАНИЕЙ И ПОМОЩЬ В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ	
Брюхова Н.Г.	81
ВЛИЯНИЕ ЭТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ПРОЦЕССА	
Бузыкина Ю.С.	85
ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ОТНОШЕНИЯ К ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	
Васина В.В.	89
ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА, ОСНОВАННАЯ НА ТЕОРИИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ДИССОНАНСА	
Вербина Г.Г., Вербина О.Ю.	93
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ	
Вербина Г.Г., Капанова А.Ш.	96
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ	
Вербина Г.Г.	100
СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ	
Вишневская В.П.	104
ИЗ ОПЫТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	
Воробьева И.В.	107
ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СТРЕССА В УСЛОВИЯХ БОЛЬШОГО ГОРОДА	
Воронкова Д.В.	111
ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ	
Габдреева Г.Ш.	114
ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШЕГО И СТАРШЕГО КУРСОВ	

Габдулина Л.И., Зотова С.В.	117
ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ	
Герасимова В.В.	121
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ АУТОАГРЕССИИ У СТУДЕНТОВ	
Голуб С.Н., Ульянов И.Г.	125
МЕНТАЛИТЕТ ЖЕНЩИН ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР РИСКА В ПРОБЛЕМЕ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ	
Гольцова А.А.	127
ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	
Губина С.Т.	130
ПОТРЕБНОСТЬ К САМОПОЗНАНИЮ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ: ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С УЧИТЕЛЯМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЗЫКИ	
Делеви В.С.	134
ПРОБЛЕМЫ СТРЕСС-ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В РАБОТЕ ДИСПЕТЧЕРОВ УПРАВЛЕНИЯ ВОЗДУШНЫМ ДВИЖЕНИЕМ	
Дерябо Л., Лицов Д.	139
ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ГРУППА ПОДДЕРЖКИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ	
Донцов Д.А., Донцова М.В.	143
ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПТСР И К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ ПТСР	
Дробышева Т.В., Беликова А.В.	147
СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ О ВИЧ-ИНФИЦИРОВАНИИ И СПИДЕ	
Жданова Л.Г.	150
ЭМПАТИЯ КАК НРАВСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ	
Журавлев А.Л., Нестик Т.А.	153
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИИ	
Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А.	158
ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	
Завиткевич И.М.	163
МЕТОДЫ АУТО- ГЕТЕРОСУГГЕСТИИ В ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ	
Заикин В.А.	166
ИССЛЕДОВАНИЕ МОРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Захарова Л.Н., Леонова И.С., Строева Н.В.	170
ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУР РАЗНОГО ТИПА	

Зябрева В.С. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ–ПСИХОЛОГОВ	174
Илюк Р.Д., Громыко Д.И., Берно-Беллекур И.В., Крупицкий Е.М. ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИИ И ГНЕВА ПРИ ЗАВИСИМОСТЯХ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ	176
Исмагилова Р.Р., Попов Л.М. ДИАГНОСТИКА НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПО ФУНКЦИЯМ ДОБРА И ЗЛА У ПОДРОСТКОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ И УСЛОВИЯ ИХ РАЗВИТИЯ	179
Калимуллина Р.Н. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ	183
Калинина К.И. ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ЛИДЕРОВ И АКТИВИСТОВ МОЛОДЕЖНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	186
Калиновская М.А. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ	189
Капина О.А. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ НА ЭТАПЕ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ	192
Каримова А.Р. ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ	194
Клюева Н.В., Головчанова Н.С. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА	198
Козлов В.В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ	209
Корниенко А.Ф. ПРОБЛЕМЫ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ СУЩНОСТИ СОЗНАНИЯ	214
Коробейникова Е.В. ОБНОВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	218
Королёва А.А. ТРАНСЛЯЦИЯ СЕМЕЙНОГО ОПЫТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	221
Кортаева А.И. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	225

Кружкова О.В. ДИСПОЗИЦИИ ЗАЩИТНОГО И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА	229
Крюкова Т.Л., Смирнова-Аристова Н.А. ИЗМЕНА РОМАНТИЧЕСКОГО ПАРТНЕРА КАК ТРУДНАЯ ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ И СПОСОБЫ СОВЛАДАНИЯ С НЕЙ	233
Кунин Е.Е., Левицкая Е.В., Совитова Э.Т. ЭРОТИКА И СЕКСУАЛЬНОСТЬ В СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ОСМЫСЛЕНИИ ПСИХОЛОГИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	237
Куприянова Е. Н. МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ	239
Курбанова А.Т. ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПСИХОЛОГА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСЦИПЛИН	242
Лапкина Е.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ВЗРОСЛОЙ ЛИЧНОСТИ	247
Лебедева В.А. ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИСУБЪЕКТА	250
Лежнева С.Г. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ	253
Лицов Д. РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ	255
Львов Д.Е. ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ СТРУКТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЛИЯНИЯ	259
Мавлявиева Л.И. ТАНЦЕВАЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ПРАКТИКИ, ПСИХОТЕРАПИИ И ТАНЦЕВАЛЬНОГО ИСКУССТВА	261
Максименко В.Ю., Йолтуву П. ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИИ ЮНОШЕСТВА В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ	265
Максумова А.О. ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ	269
Малахов А.В. КАТАТИМНО – ИММАГИНАТИВНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ (СИМВОЛДРАМА) В ЛЕЧЕНИИ ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА	271
Марселин А.Д., Нуруллаев Р.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АЛКОГОЛЬЗАВИСИМЫХ, СОВЕРШАВШИХ И НЕ СОВЕРШАВШИХ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫЕ ДЕЯНИЯ	274

Маурина Н.Б., Пилипенко В.И.	278
ВОЗДЕЙСТВИЕ КОМПЬЮТЕРА НА НРАВСТВЕННОСТЬ, КУЛЬТУРУ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ЭТИКУ В «КАРЕЛЬСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ» ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ Г. ПЕТРОЗАВОДСК	
Межеричская Л.Д., Кунин Е.Е.	282
ВЗГЛЯД КОНСУЛЬТАНТА НА ПУТИ ВЫХОДА ИЗ СЕМЕЙНЫХ КРИЗИСОВ	
Михайлов Я.	285
МОНИТОРИНГ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ	
Михайлова С.Н., Митрошина М.А.	290
ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО ПРОФИЛЯ И САМОСОЗНАНИЯ ЛЮДЕЙ, РАБОТАЮЩИХ С ФАКТОРАМИ РИСКА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ МЧС)	
Михайлова С.Н., Останина О.Ю.	293
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛЮДЕЙ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ МЧС	
Мокринская Н.В.	296
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПСИХОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	
Никольская А.В.	300
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ФОРМОПОРОЖДЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ	
Никольская А.В.	303
УРОВНЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ В ФИЛОГЕНЕЗЕ ПСИХИКИ	
Новикова И.А., Ксенофонтов А.М.	305
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ ПРИ РАБОТЕ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ	
Овсяник О.А.	308
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН К КЛИМАКТЕРИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ	
Овчарова Е.В.	312
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА ПОСЛЕ РАЗВОДА У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	
Орлов А.В., Башук Е.Н.	316
МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ЛОЯЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОТНИКОВ	
Остапенко А.В., Колов С.А.	319
ОСОБЕННОСТИ КОСУЛЬТАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ПОСТБОЕВЫХ СТРЕССОВЫХ РАССТРОЙСТВАХ	
Панюкова Ю.Г.	323
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ	

Петрушин С.В.	327
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ КОНТАКТНОЙ ГРУППЫ СТУДЕНТОВ КАК СУБЪЕКТА УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА	
Пилипенко В.И., Маурина Н.Б.	334
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СКАЗКОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЯХ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ, В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ В «КАРЕЛЬСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ» ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО	
Погодин И.А.	337
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ И SELF-ПАРАДИГМА	
Погодин И.А.	341
ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЬ В ТРАВМАТИЧЕСКОМ ГЕНЕЗЕ	
Полина А.В.	344
ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ЭТАЛОНОВ У ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ	
Прилуцкая О.А.	348
ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО– ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ	
Прилуцкая О.А.	352
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОРГАНИЗАЦИИ	
Прохоров А.О.	355
КОГНИТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО ТРАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ	
Прохоров А.О.	359
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И ВОЗРАСТНЫЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ	
Прохорова М.В.	362
СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	
Радина Н.К., Никитина А.А.	365
«МУЖСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ БОЛЬШИХ ГРУПП	
Рамендик Д.М.	368
ИЗМЕНЕНИЕ МОТИВАЦИИ К УСПЕХУ И ИЗБЕГАНИЮ НЕУДАЧ У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ	
Рожков М.И., Сапожникова Т.Н.	371
СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКАЛИВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ К РАБОТЕ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ	
Рутка Л. Я.	375
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	
Рябова Т.В.	382
ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В БОЛЬШИХ ГРУППАХ (НА ПРИМЕРЕ АСПИРАНТОВ И ВРАЧЕЙ)	

Рясова Г.Л., Смирнов А.Г. ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ КОНФЛИКТНОСТИ ПЕДАГОГА С ВЫБОРОМ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	385
Сагова З.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	390
Салихова Н.Р. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ЛИЧНОСТИ В ОТКРЫТОМ РЕГУЛЯТОРНОМ КОНТУРЕ ЖИЗНИ	393
Сафонова Н.М. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИИ	397
Сахарова А.Е. ОСОБЕННОСТИ САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ВРАЧА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ АНТИЦИПАЦИОННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТИЯ МЕДИЦИНСКИХ РЕШЕНИЙ	400
Седунова А. С., Агаджанова Э.Р. РОЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ЗАКЛЮЧЕННОГО	404
Семёнова И.А. ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ	408
Семёнова М.Л., Миннзянова З.Г., Хамитов Р.Р. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ, СОВЕРШИВШИХ ДЕЛИКТЫ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ	412
Семенова Н.В., Петрова Е.В., Проказина Е.С. ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СИНДРОМА ПЕРЕГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ	414
Силаева Т.Н., Чукмарова Л.Ф. КОРРЕКЦИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ГРУППОВЫМ ТРЕНИНГОМ	418
Студеникина Л.А., Большакова А.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ БЕРЕМЕННЫХ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА	421
Сулицкий В.В. ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПСИХОЛОГА С ВИЧ-ПОЗИТИВНЫМИ ОСУЖДЕННЫМИ	425
Ташёва А.И. ВОСПРИЯТИЕ ТЕРРОРИСТОВ ЖЕРТВАМИ ТЕРАКТА В БЕСЛАНЕ	429
Тимофеева Т. МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ЭКСПРЕССИОНИСТСКОГО ТЕАТРА ДЛЯ ВЫРАБОТКИ УСПЕШНОЙ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	433

Тищенко Ю.В. САМООЦЕНКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ	436
Фадеева Т.Ю. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ И ОСНОВА НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕДАГОГА	439
Флоровский С.Ю. СОВМЕСТНАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНОСТНО-РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ДИСФУНКЦИЙ	442
Фролова А.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ АНТИЦИПАЦИОННОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ, НА ПРИМЕРЕ БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ	446
Халитов Р.Г., Юсупов И.М. ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ДИССОНАНСА	450
Хинканина А.Л. О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ	455
Хохлова Л.П. ТРАНСМОДАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД К ОПТИМИЗАЦИИ БАЗОВЫХ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ) СХЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	457
Царегородцева С.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИХОКОРРЕКЦИИ У СОЗАВИСИМЫХ ЛИЦ	461
Чернов А.В. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗЛИЧНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ РЕФЛЕКСИИ У СТУДЕНТОВ	465
Чулкова В.А., Еремина И.В., Оленникова М.Е., Комяков И.П. О ПОДГОТОВКЕ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР ДЛЯ РАБОТЫ В ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ	469
Чулкова В.А., Пестерева Е.В. О СЕМЬЕ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО БОЛЬНОГО	472
Шафиева А.Р., Радина Н.К. ВОЗМОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАНИМАЮЩЕЙСЯ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛЕЙ	476
Шевцов С.А., Божко С.А., Смекалкина Л.В., Мельников А.И. ПСИХОТЕРАПИЯ И ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА В ЛЕЧЕНИИ НЕПСИХОТИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	478
Шейнов В.П. ФАКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МАКИАВЕЛЛИСТСКОЙ УСТАНОВКИ У ДЕТЕЙ	481

Шейнов В.П.	484
ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	
Шекетера А. А.	488
ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ, ЖЕЛАЮЩИХ ОБМАНУТЬ СВОЕГО СОБЕСЕДНИКА	
Шмырева О.И.	490
ТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	
Щевлягина М.Б.	494
ВЗАИМОСВЯЗЬ ИГРОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ С ОСОБЕННОСТЯМИ АНТИЦИПАЦИОННОЙ И ВОЛЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ И ЛИЦ С ДЕВИАНТНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ	
Эксакусто Т.В.	498
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Юсупов М.Г.	501
О ВАЛИДНОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ КОГНИТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ	
Якунина О.Н.	505
ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, СОЦИАЛЬНАЯ И МИКРОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ БОЛЬНЫХ ЭПИЛЕПСИЕЙ	
Малькова И.Н.	507
СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ. ВЛИЯНИЕ МЕЖПОКОЛЕННЫХ СВЯЗЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ	

**ВЫЗОВЫ ЭПОХИ В АСПЕКТЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
НАУКИ И ПРАКТИКИ**

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
15-16 АПРЕЛЯ 2011 ГОДА**

Корректурa авторов

Издательство «Отечество»
420107, Казань, ул. Петербургская, 12.

Подписано в печать 09.04.2011. Бумага офсетная.
Гарнитура «Myriad Pro». Формат 60×84_{1/16}. Усл. печ. л. 32,5.
Печать ризографическая. Тираж 100 экз. Заказ 04/142.

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом участке издательства «ИГМА-пресс»
ИП Маликовой И.Г. ОГРН 308169031500136
Казань, ул. Московская, д.31, офис 215. Тел. 526-03-69.